

к 25-летию
аспирантуры ЧГИК

XVII международный
научно-творческий форум
(научная конференция)

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ. МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

материалы международного
научно-творческого форума

Челябинск
1–2 ноября 2018

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ЧЕЛЯБИНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
КУЛЬТУРЫ»**

**FEDERAL STATE BUDGET-FUNDED
EDUCATIONAL ESTABLISHMENT OF
HIGHER EDUCATION «THE
CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF
CULTURE»**

*25-летию аспирантуры ЧГИК
посвящается*

*25th anniversary of postgraduate studies of
Chelyabinsk State Institute of Culture is
devoted*

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

SCIENTIFIC SCHOOLS

**МОЛОДЕЖЬ
В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ
XXI ВЕКА**

**YOUTH
IN SCIENCE AND CULTURE
OF THE XXIst CENTURY**

**Материалы международного
научно-творческого форума
(научной конференции)**

**Proceedings of the International
Scientific and Creative Forum
(Scientific Conference)**

1–2 ноября 2018 г.

1–2nd of November, 2018

**Челябинск
2018**

**Chelyabinsk
2018**

УДК 378
ББК 72+71=74.58
НЗ4

Научные школы. Молодёжь в науке и культуре XXI века : материалы Междунар. науч.-творч. форума (науч. конф.). (1–2 нояб. 2018 г., Челябинск) / редкол: С. Б. Синецкий (предс.), Ю. В. Гушул (сост., науч. ред.) и др. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – 314 с.

ISBN 978-5-94839-678-1

В сборник вошли статьи участников международного форума (научной конференции), большинство идей из которых были озвучены во время его мероприятий.

Редколлегия:

Синецкий Сергей Борисович, доктор культурологии, кандидат педагогических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской и инновационной работе Челябинского государственного института культуры (**председатель**);

Баштанар Ирина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая аспирантурой и докторантурой Челябинского государственного института культуры;

Гушул Юлия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры (**составитель, научный редактор**);

Сукиасян Гагик Арамович, доктор педагогических наук, профессор, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, г. Ереван, Армения;

Полагутина Людмила Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Санкт-Петербургского государственного института культуры;

Тухтасинов Илхомжон Мадаминович, кандидат филологических наук, доцент, ректор Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Узбекистан;

Терехов Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, руководитель НСО Челябинского государственного института культуры

Научное издание

Составитель

Юлия Владимировна *Гушул*

Научные школы

МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Материалы международного научно-творческого форума (научной конференции)
1–2 ноября 2018 г.

В редакции авторов статей

Дизайн обложки В. А. Помелова

Выпускающий редактор В. А. Макарычева

Сдано 23.10.2018. Подписано в печать 26.10.2018. Формат 60х84 1/8.

Объем 36,4 п. л. Тираж 200 экз. Заказ № 1726

Отпечатано в Челябинском государственном институте культуры. Ризограф
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а

© Челябинский государственный
институт культуры, 2018

© Авторы статей, 2018

ISBN 978-5-94839-678-1

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛОДЁЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА: 25 ЛЕТ РАБОТЫ АСПИРАНТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

Ю. В. Гушул, С. Б. Синецкий.....13

ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Зубанова Л. Б.

ПОРОЖДЕНИЕ И ДЕШИФРОВКА СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ:
СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ АУДИТОРИЕЙ 15

Склярова В. С.

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗРЕЛИЩНОЙ КУЛЬТУРЫ XXI В.
НА ПРИМЕРЕ ЭКРАННЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА 18

Панова С. В.

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МОНТАЖА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ ЗРИТЕЛЯ 21

Коробцова А. Ю.

ПОНЯТИЕ «ЭКО»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ..... 27

Пашкова Л. В.

ТРАНСГУМАНИЗМ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ 31

Рявкин И. Е.

КРАТКИЙ ОБЗОР МЕТОДОВ, ИСПОЛЪЗУЕМЫХ
ДЛЯ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ 34

Манжуева О. М.

КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ..... 37

Сулейманова Н. М.

О ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СОЗНАНИИ..... 39

Крысанков Т. Г.

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ 42

Перерва О. Ю.

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА..... 45

Кривоспицкая Я. В., Шутова Д. С.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ВИРТУАЛЬНОСТЬ И
ИММЕРСИВНОСТЬ..... 49

Сачкова Н. А.

ПУТИ ИНКУЛЬТУРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ 53

Шуб М. Л.

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ КАК ОБЪЕКТ КОММЕМОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ г. ЧЕЛЯБИНСКА) 56

Ткаченко С. О.

К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ ОТКРЫТКИ В СССР 59

Моисеенко Т. Н.

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОГНЯ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ МИРА
В ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 62

Блинова С. А.

СОЖЖЕНИЕ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ФЕСТИВАЛЯ BURNING MAN 66

Тараторин Е. В.

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФОРМА ЗАКРЕПЛЕНИЯ
КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ 69

Юсупова М. К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «СЦЕНАРИЙ /СКРИПТ» В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ.....	74
ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Толстиков В. С. О ВОЗДЕЙСТВИИ РАДИАЦИОННОЙ АВАРИИ 1957 ГОДА НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА	78
Чеботарёв А. М., Лешуков А. Г. ГУБЕРНСКИЕ ВЫСТАВКИ ДЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА: ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ	82
Шаронова Е. В. ДВИЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В РОССИИ: ГЛУБОКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА	86
Тищенко В. Г. ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЕЙ СЛУЖАЩИХ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	98
Гушул Ю. В. ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙНОГО ПОЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БИБЛИОГРАФА.....	102
Мордасов А. А. БАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ОБЪЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ	111
Леготина А. В. АНСАМБЛЬ ХЛЕБНОЙ ПЛОЩАДИ ОРЕНБУРГА И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ СТИЛЯ МОДЕРН НА ЮЖНОМ УРАЛЕ	114
Лаврова К. Б. ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗЕМСКИХ БЕСПЛАТНЫХ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК-ЧИТАЛЕН В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1890–1910-е гг.)	117
ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Вишнякова И. Н., Кушакова Е. С. ОСОБЕННОСТИ НАРОДНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА.....	122
Сафонова Н. А. ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ	125
Тарасова Ю. Б., Метлёва Ю. М. ВОСКОВОЙ ВЕНОК КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО СВАДЕБНОГО КОСТЮМА НЕВЕСТЫ НА УРАЛЕ	128
Кузнецова Е. В. ФЕНОМЕН РУССКОГО КОСТЮМА: ОБЗОР НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ.....	131
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	
Мишунин И. ЗАВИСИМОСТЬ КАК ОСНОВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОТРЕБНОСТИ В УСПЕХЕ	136
Крюков С. Н. СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И СОБОЙ.....	140

Ибрагимов К. Т. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ.....	143
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ	
Пяхина Е. Е. БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ XIX в.: К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА И РАЗНООБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ	147
Лю Ян ТВОРЧЕСТВО КИТАЙСКОЙ «ШКОЛЫ ХАЙШАН» И РОССИЙСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНИКОВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ XIX ВЕКА	150
Морозова И. Н. О ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ И. Э. ГРАБАРЕ «ИСКУССТВО В ПЛЕНУ»).....	154
Юрнаева А. С. ИЗОБРАЖЕНИЕ ТРУДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ XIX в.: ОБ ИСТОКАХ ЖАНРА	156
Попков Д. М. ПЕЙЗАЖ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ ЖАНРА.....	160
Левченко М. А. МУЗЫКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, МНЕНИЯ, ПОДХОДЫ	164
Калужских Е. В., Халитова К. Т. ПОСТДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР	167
СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ	
Буцык С. В. «ЦИФРОВОЕ» ПОКОЛЕНИЕ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ	170
Каченя Г. М. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБОСНОВАНИИ СУЩНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	175
Фокина Н. Н., Котельникова М. К. СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ.....	179
Утегенова Б. М. О РАЗВИТИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	182
Катричева Т. Ю., Терехов А. Н. ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧЕЛЯБИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ)	186
Аббасов П. Р. СИСТЕМНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ	193
Михайлова А. В. РАБОТА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ	197
Ашуров Ш. С., Атауллаева Д. А. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	200

Скоробренко И. А. РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ К СОВРЕМЕННОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ	205
Сувонова Н. Н., Пулатова Н. А. НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА – ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО ДИДАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА.....	209
Горбунова Ю. В. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	213
Власова И. А., Кравчук В. И. ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА И ОСВОЕНИЕ ЕГО СТУДЕНТАМИ ВУЗА КУЛЬТУРЫ	216
Кравчук В. И. ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ВУЗЕ.....	219
Подкорытова Ю. В. ДЕТСКИЙ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ.....	222
Махмудова М., Бегматова Д. ФАКТОРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СЕМЬЕ	224
Криницына Е. В. АКТУАЛЬНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ	227
Дылькова С. В. МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНИКОВ: ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДОЙ	230
Коченда М. В. ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ХОРОВОМ ОБУЧЕНИИ	236
Сидорович В. Б. ПАРИТЕТНО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ПЕДАГОГОВ И ОФИЦЕРОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА	238
Баштанар И. М., Конышева Я. С. ЗНАЧЕНИЕ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ	241
Савочкин М. П., Гребенюк М. В. БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКИСТАНА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	244
ЧТЕНИЕ И ЕГО ПРАКТИКИ: ИЗМЕНИВШАЯСЯ РЕАЛЬНОСТЬ	
Аскарлова В. Я., Кирьянова К. В. ЧТЕНИЕ: РАСШИРЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА	248
Матыцин К. С. КВАДРАТ SATOR КАК АКРОСТИХ: ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ И ЛУБОК	253
Каршибаева У. Д. ПОЭТИКА РОМАНА «АТАЛА» Ф. Р. ШАТОБРИАНА	256
Смагина А. А. ЛЕГЕНДА О «СТОЯНИИ ЗОИ» В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	260

Худякова О. Д. РОЛЬ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ В РАЗВИТИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ И АКТИВИЗАЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА С. А. СОЛОВЬЕВА «СТО ДНЕЙ ПОСЛЕ ДЕТСТВА», 1975)	263
Селютина Е. А., Шаршина Ю. Н., Лихватских Т. С. КАРТИНА МИРА СЕРИАЛА «МИР ДИКОГО ЗАПАДА»: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД	268
Сукиасян Г. А. МИХАИЛ МЕСРОПОВИЧ МИАНСАРЯНЦ – ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, БИБЛИОГРАФ, ВСЕМИРНЫЙ ГРАЖДАНИН	272
Вихрева Г. М. БИБЛИОТЕКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ.....	275
РАКУРСЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА ТАНЦА И ЛИТЕРАТУРЫ	
Предеина Т. Б. К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В БАЛЕТНОМ ТЕАТРЕ.....	280
Данилов К. С. СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ В КУЛЬТУРНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССАХ.....	282
Панферов В. И. ЗНАЧЕНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СОЗДАНИИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.....	284
Дубских Т. М. ТЕХНИКА НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОГО ТАНЦА – ОСНОВА ОСВОЕНИЯ САМОБЫТНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ	288
Бриске И. Э. ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНИКИ НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОГО ТАНЦА В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА ХОРЕОГРАФА»	291
Ивлева Л. Д. РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТЕХНИКИ В ОСВОЕНИИ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ КОМПОЗИЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА.....	295
Герне Л. А. УПРАЖНЕНИЯ НА КООРДИНАЦИЮ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ СКОРОСТИ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛА	297
Кособуцкая Н. Ю. ПРОГНОЗЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И МОТИВАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ О ПРОБЛЕМЕ.....	300
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ	
Холин Е. И. РАЗВИТИЕ GR-ТЕХНОЛОГИЙ МОЛОДЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	304
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	307
УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В ИЗДАНИИ НАУЧНЫХ ШКОЛ	313

CONTENT

YOUTH IN SCIENCE AND CULTURE OF THE XXIST CENTURY: 25 YEARS OF POSTGRADUATE STUDIES IN THE CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF CULTURE WORK. <i>S. Sinetskij, Iu. Gushul</i>	13
DISCURSIVE QUESTIONS IN PHILOSOPHY AND CULTURAL SCIENCES OF THE XXIST CENTURY	
Zubanova L. GENERATION AND DECODING OF MEANINGS IN MODERN MEDIA CULTURE: STRATEGY OF PERCEPTION BY AUDIENCE	15
Skliarova V. TRANSFORMATION OF PERFORMANCE CULTURE IN XXI CENTURY (ON EXAMPLE OF SCREEN ARTS)	18
Panova S. THE EPISTEMOLOGICAL NATURE OF EDDITING AND ITS IMPACT ON CONSCIOUSNESS OF THE VIEWER	22
Korobtsova A. ECO CONCEPT: SOME ASPECTS OF PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL INTERPRETATION	28
Pashkova L. TRANSHUMANISM IN THE SPHERE OF CULTURAL POLICY	31
Ryavkin I. A BRIEF OVERVIEW OF FUTURES RESEARCH METHODOLOGY	34
Manzhueva O. CULTURE OF BEHAVIOR ON THE INTERNET	37
Suleymanova N. THE FORMATION OF A STRUCTURAL SCHEME IN THE HUMAN MIND	40
Krysankov T. THE CONTENT AND FORM OF THE WORK OF ART: PROBLEMATIC PHILOSOPHICAL ISSUES	42
Pererva O. THE SPECIFICITY OF MUSICAL CREATIVITY	45
Krivospitskaya Ya., Shutova D. MODERN THEATRE TRENDS OF DEVELOPMENT: VIRTUALITY AND IMMERSION	49
Sachkova N. WAYS OF INCULTURATION IN THE MODERN WORLD	53
Shub M. MEMORIAL PLAQUES AS OBJECT OF COMMEMORATIVE POLICY (ON THE EXAMPLE OF CHELYABINSK)	56
Tkachenko S. ON THE ISSUE OF HETEROGENEITY OF SOCIO-CULTURAL PRACTICE OF USING GREETING CARDS IN THE USSR	59
Moiseenko T. THOUGHT OF FIRE AS A METAPHYSICAL BASIS OF THE WORLD IN THE PHILOSOPHY OF ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES	63
Blinova S. BURNING AS THE CENTRAL IMAGE OF THE BURNING MAN FESTIVAL	66
Taratorin E. CORPORATE HOLIDAYS AS A FORM OF CONSOLIDATION OF CORPORATE VALUES	69

Yusupova M.	
TO THE PROBLEM OF THE TERM CONTENT "SCENARIO / SCRIPT"	
IN COGNITIVE LINGUISTICS	74
HISTORY IN THE SYSTEM OF THE MODERN SCIENTIFIC RESEARCHES	
Tolstikov V.	
ON THE EFFECTS OF THE RADIATION ACCIDENT IN 1957 ON THE HEALTH	
OF THE POPULATION OF THE URALS	78
Chebotarev A., Leshukov A.	
PROVINCIAL EXHIBITIONS FOR TSAREVICH: EDUCATION AND COGNITION	83
Sharonova E.	
HISTORY REENACTMENT IN RUSSIA: AN EXTREME PERIODIZATION OF THE PHENOMENON	86
Tishchenko V.	
CHARACTERISTICS OF THE GENERAL CULTURAL AND EDUCATIONAL LEVELS	
OF EMPLOYEES OF THE DISTRICT POLICE OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX –	
EARLY TWENTIETH CENTURY	98
Gushul Ui.	
HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE EVENT FIELD OF THE BIBLIOGRAPHER'S	
PROFESSIONAL CULTURE SPACE	102
Mordasov A.	
RUSSIAN DANCE CULTURE AS AN OBJECT OF RECONSTRUCTION	111
Legotina A.	
ENSEMBLE OF HLEBNAYA SQUARE OF ORENBURG AND ITS ROLE IN FORMATION OF	
MODERN STYLE IN SOUTH URAL	114
Lavrova K.	
PROBLEMS OF PLACEMENT OF THE PEOPLE FREE LIBRARIES WERE	
DURING 1890–1910 YEARS	117
TRADITIONAL FOLK CULTURE IN THE MODERN SCIENTIFIC RESEARCHES	
Vishnyakova I., Kushakova E.	
PECULIARITIES OF NATIONAL CALENDARIAN HOLIDAYS OF ETHNIC RUSSIANS	
OF THE SOUTH URAL	122
Safonova N.	
TRADITIONAL RITUAL CULTURE: THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF THE STUDY	125
Tarasova Y.B., Metlyova Y.M.	
A WAX WREATH AS AN ELEMENT OF RUSSIAN TRADITIONAL WEDDING COSTUME BRIDE	
IN THE URALS	128
Kuznetsova E.	
PHENOMENON OF RUSSIAN COSTUME: ORIGINS, ASPECTS OF STUDY	131
PSYCHOLOGICAL STATE MORALE OF A PERSON IN THE MODERN SOCIETY	
Mishunin I.	
DEPENDANCE AS GROUNDS OF MUNIPULATING UNDER CONDITIONS	
OF DEMAND IN SUCCESS	136
Kryukov S.	
STRESS-RESILIENCE AS A FACTOR OF LIFE SATISFACTION AND COMPLACENCY	140
Ibragimov K. T.	
ENSURING PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN ADDITIONAL	
EDUCATION	144

ACTUAL SCIENTIFIC PROBLEMS IN THE MODERN ART

Pyahina E.	
THE BIBLICAL TOPICS IN THE NATIONAL ARTISTS' CREATIVITY IN THE XIXTH CENTURY: TO THE PROBLEM OF THE UNITY AND THE VARIETY OF THE ART TRADITION	147
Liu Yang	
CREATIVITY OF THE CHINESE «HAISHAN SCHOOL» AND THE RUSSIAN «ASSOCIATION OF THE WANDERERS» AS ARTISTIC TEXTS OF SOCIAL AND CULTURAL PROBLEMS OF THE XIX CENTURY	151
Morozova I.	
ON THE SPIRITUAL TRADITIONS IN RUSSIAN ARTS' STUDIES (ON MATERIALS OF THE BOOK «THE ART INTO CAPTIVITY» BY I. GRABAR)	154
Yurnaeva A.	
THE IMAGE OF WORK IN RUSSIAN PAINTING OF XIX TH CENTURY: ON THE GENRE'S ORIGINS	157
Popkov D.	
THE LANDSCAPE IN RUSSIAN PAINTING: ON CONTEMPORARY ART'S ANALYTIC	160
Levchenko M.	
MUSIC AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON: INTERPRETATION, OPINIONS, APPROACHES	164
Kaluzhskikh E., Khalitova K.	
POSTDRAMATIC THEATRE	167

ACTUAL PEDAGOGICAL PROBLEMS

Butsyk S.	
“DIGITAL” GENERATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES: PRESENT AND FUTURE	170
Kachenya G.	
TECHNOLOGICAL APPROACH IN PEDAGOGICAL ACTIVITY ESSENCE SUBSTANTIATION	175
Fokina N., Kotelnikova M.	
SOCIAL AND HUMANITARIAN TECHNOLOGIES AS A WAY OF YOUNG PEOPLE TEACHING AND UPBRINGING	179
Utegenova B.	
DEVELOPMENT OF VALUE ORIENTATIONS AND SPIRITUALLY-MORAL QUALITIES OF THE PEDAGOGICAL UNEVERSTY STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL PROGRAMMES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN	182
Katrichева T., Terekhov A.	
RESEARCH CULTURE OF STUDENTS: FORMATION OPPORTUNITIES (ON THE MATERIAL OF SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES IN CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF CULTURE)	187
Abbasov P.	
SYSTEMIC-AXIOLOGICAL APPROACH TO DEVELOPING ECOLOGICAL AND LEGAL CULTURE OF THE STUDENTS	193
Mikhaylova A.	
WORK OF YOUNG SPECIALISTS WITH GIFTED CHILDREN AND YOUTH (BASED ON AUTHOR'S RESEARCH MATERIALS	197
Ashurov Sh., Ataullaeva D.	
INTERNATIONALIZATION OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING SYSTEM IN UZBEKISTAN: STAGES OF EVOLUTION AND PERSPECTIVES	200
Skorobrenko I.	
COMMUNICATIVE APPROACH IMPLEMENTATION IN THE FOREIGN LANGUAGE LESSONS IN THE CONTEXT OF THE REQUIREMENTS FOR MODERN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION	205
Suvonova N., Pulatova N.	
NEW PERSPECTIVE - PERSONAL PERFORMANCE APPROACH AND ITS DIDACTIC PART	210

Gorbunova U.I.	
PROFESSIONAL ICT COMPETENCE OF THE LEADER OF THE AMATEUR COLLECTIVE AS A PEDAGOGICAL PROBLEM	213
Vlasova I., Kravchuk V.	
VALUE POTENTIAL OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AND ITS DEVELOPMENT BY STUDENTS OF THE UNIVERSITY OF CULTURE	216
Kravchuk V.	
HEALTH POTENTIAL OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AT UNIVERSITY	219
Podkorytova I.U.	
CHILDREN'S HEALTH CAMP AS A MEDIUM FOR THE SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL	222
Makhmudova M., Begmatova D.	
FACTORS ENSURING THE CONTINUITY OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN THE FAMILY	225
Krinitzyna E.	
THE RELEVANCE OF THE REFERENCE TO THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF YOUTH ASSOCIATIONS	227
Dylkova S.	
MUSIC CULTURE OF SCHOOLCHILDREN AND ITS INTERACTION WITH A SOCIOCULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT	230
Kochenda M.	
INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN CHORAL EDUCATION	236
Sidorovich V.	
PARITAL-ROLE APPROACH TO THE PROFESSIONAL PEDAGOGICAL INTERACTION OF TEACHERS AND OFFICERS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTION	239
Bashtanar I., Konisheva Ya.	
THE IMPORTANCE OF LAUGHTER CULTURE IN THE ASPECT OF MORAL PERSONALITY	241
Savochkin M., Grebenyuk M.	
LIBRARY EDUCATION IN UZBEKISTAN: PAST AND PRESENT	245
ACTUAL CHANGES IN THE MODERN READING	
Askarova V., Kiryanova K.	
READING: EXPANSION OF PUBLIC SPACE	248
Matytsin K.	
SATOR SQUARE AS THE ACROSTIC: OLD RUSSIAN LITERATURE AND LUBOK	253
Karshibaeva W. D.	
POETICS OF ROMAN «ATALA» BY F. R. CHATOBRIAN	256
Smagina A.	
LEGEND OF «STANDING ZOYA» IN MASS MEDIA	260
Khudyakova O.	
THE ROLE OF THE CINEMATOGRAPHIC PICTURE IN THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' INTERPRETATIVE ABILITIES AND ENHANCE THE READER'S INTEREST (ON THE MATERIAL OF THE FILM S. A. SOLOVYOV "ONE HUNDRED DAYS AFTER CHILDHOOD", 1975)	264
Selyutina E., Sharshina Iu., Lihvatskih T.	
PICTURE OF THE WORLD OF THE «WESTWORLD» SERIES: A SEMIOTIC APPROACH	268
Sukiasyan G.	
MICHAEL MESROPOVICH MIANSARJANC – STATESMAN, BIBLIOGRAPHER, WORLD CITIZEN	272
Vikhreva G.	
LIBRARY IN THE EPOCH OF POST-MODERNISM: SENSES AND VALUES	275

MODERN DANCE CULTURE: EXPERIENCE, PROBLEMS AND SYNTHESIS OF DANCE AND LITERATURE

Predeina T.	
PRESERVING THE CLASSICAL HERITAGE OF BALLET THEATRE	280
Danilov K.	
CONTEMPORARY GENRES OF CHOREOGRAPHY AND THEIR INTEGRATION INFO EDUCATION	282
Panferov V.	
THE VALUE OF DANCE TECHNOLOGY IN CREATING CHOREOGRAPHIC WORKS	284
Dubskikh T.	
THE TECHNIQUE OF FOLK-STAGE DANCE AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF IDENTITY OF THE NATIONAL CHOREOGRAPHY	288
Briske I.	
THE FORMATION TECHNIQUE CHARACTER DANCE IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF «PERFORMING CULTURE CHOREOGRAPHER»	291
Ivleva L.	
THE ROLE OF PERFORMANCE TECHNIQUES IN THE DEVELOPMENT OF METHODS AND CLASSICAL DANCE COMPOSITION TECHNIQUES	296
Gerne L.	
EXERCISES FOR COORDINATION AS A WAY TO DEVELOP MOTOR AND OPERATIONAL MEMORY TO INCREASE THE SPEED OF MASTERING THE MATERIAL	297
Kosobutskaya N.	
FORECASTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH AND MOTIVATION FOR REFLECTION ON THE TOPIC	300
STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION	
Kholin E.	
DEVELOPMENT OF GR TECHNOLOGIES BY YOUNG SPECIALISTS IN THE PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION	304
AUTHORS	307
INDEX OF SCIENTIFIC AND RESEARCH SCHOOLS PRESENTED IN THE COLLECTION	313

МОЛОДЁЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА: 25 ЛЕТ РАБОТЫ АСПИРАНТУРЫ ЧЕЛЯБИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА КУЛЬТУРЫ

**Ю. В. Гушул,
С. Б. Синецкий**

2018 год ознаменован двумя удивительно совпавшими датами одновременно и торжества, и подведения первых серьезных итогов: 50-летия института и 25-летия его главного научного подразделения – аспирантуры. Почему главного? Ответ очевиден – именно научный потенциал молодых, мудро направляемый и формируемый наставниками в рамках формального или неформального исследовательского объединения единомышленников, его уровень, содержание и точки роста свидетельствует о возможностях образовательного учреждения, подтверждает включенность его выпускников в преобразовательные цивилизационные процессы. Научное мышление и готовность к содержательно-му переосмыслению и применению полученных знаний, адаптации полученного образования к постоянно меняющейся практике, возможность самостоятельной поддержки своего образовательного контента – есть требование XXI века. Аспирантура как центр научной коммуникации всех поколений учёных призвана формировать эти главные компетенции будущего.

Аспирантура Челябинского института культуры была открыта в 1993 г. на основании активной работы всего коллектива при инициативе Татьяны Михайловны Синецкой, на тот момент – проректора по научной работе вуза. Научный потенциал, целенаправленно формируемый и развиваемый на протяжении всех лет со дня открытия института, нашёл своё закономерное институциональное оформление, выведя вуз на новый уровень. Первым руководителем аспирантуры, с 1993 по 2003 г., стала Татьяна Александровна Зыкова. Именно при ней были заложены главные принципы работы, актуальные и в XXI веке (внимание к наставникам, открытость миру, активное содействие научному росту молодых учёных и др.), требования к аспирантам и главное, были апробированы формы работы и организации научной коммуникации. Заложенные первыми руководителями традиции в дальнейшем были поддержаны проректором по научной работе института Ниной Георгиевной Апухтиной и заведующей аспирантурой Еленой Викторовной Швачко (возглавляла аспирантуру с 2003 по 2018 гг.). Они (Нина Георгиевна – в лице не только проректора, но и руководителя Регионального института философских и культурологических исследований ЧГИК) создавали условия для междисциплинарности, ориентации на практику, проектной деятельности, визуализации результатов научной работы. Происходила дальнейшая институционализация НИР – формирование научных школ, определение научных коллективов. Неоценимую поддержку в аспирантура нашла в лице ректора Владимира Яковлевича Рушанина, который, с большим уважением относясь к состоявшимся учёным, сохраняет традиции, принципы научного познания, основанные передаче исследовательского опыта. Результат – формирование научных школ ведущими учёными института: В. С. Цукерманом, В. С. Невелевой, Н. Г. Апухтиной, Т. Ф. Берестовой, В. Я. Аскаровой, Л. Б. Зубановой. Проводимая ректором большая работа по поддержке учёных института, студенческой науки (локальные гранты, именные стипендии, научные командировки, конференции и семинары на базе института, научные издания, наполнение научного ваковского журнала и др.) находит своё закономерное воплощение в защитах диссертаций преподавателями института. За 25 лет защищены 31 докторская и 215 кандидатских диссертаций, из них сотрудниками института 114 кандидатских и 18 докторских. Опыт не только подвижнической научной работы, но и организаторской активности В. Я. Рушанина, Е. В. Швачко, всего научного коллектива института нашёл своё органичное выражение в открытии в 2017 г. докторантуры ЧГИК, что вновь вывело институт, как когда-то в 2003 г., на новый уровень представленности в российском научно-образовательном сообществе. С сентября 2018 г. руководителем отдела аспирантуры и докторантуры вуза стала кандидат педагогических наук, доцент – Ири-

на Михайловна Баштанар. Перед новым руководителем стоят серьезные задачи расширения ареала влияния аспирантуры, предоставления в диссертационный совет вуза качественных и перспективно ориентированных диссертационных исследований.

Данный сборник материалов научно-творческого форума (научной конференции) иллюстрирует сказанное выше. С 2017 года он носит название «Научные школы. Молодёжь в науке и культуре XXI века», что уникально для научного мира России. В отличие от предыдущего первого, в этом году почти каждый автор статей идентифицирует себя с какой-либо научной школой. Научное подразделение института одно из первых в России взяло курс на фиксацию в научных трудах факта работы научной школы, что может позиционироваться по-разному, в нашем случае – в виде вспомогательного указателя «Научные школы, представленные в сборнике». Надеемся, этот указатель с каждым годом будет увеличиваться количеством статей, относимых к конкретной научной школе (а значит, и числом последователей и учеников), а также неспешным увеличением количества представляемых на его страницах научных школ. Качество сборника и нашей конференции таково, что принимать участие в инициативах Челябинского государственного института культуры весомо и почётно. Уверены, что отдел аспирантуры и докторантуры ЧГИК будет и дальше интенсивно развиваться, имея в своём активе серьёзные научные школы, руководимые ведущими учёными и вбирающими в свои ряды новые поколения искренне увлечённых молодых исследователей.

ДИСКУРСЫ XXI ВЕКА В ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

УДК 008

Зубанова Л. Б.

*доктор культурологии, кандидат
социологических наук, профессор
Челябинского государственного
института культуры и искусств, директор
Уральского института культурной
политики и проектного менеджмента*

ПОРОЖДЕНИЕ И ДЕШИФРОВКА СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАКУЛЬТУРЕ: СТРАТЕГИИ ВОСПРИЯТИЯ АУДИТОРИЕЙ*

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье поднимается проблема восприятия текстов современной аудиторией в дискурсе медиапространства. Восприятие текста, по мысли Ю. М. Лотмана, следует рассматривать как диалогичный процесс, порождающий новые и дешифрующий традиционные смыслы. В настоящей статье дается анализ восприятия творчества Ю. М. Лотмана с точки зрения реакции на него современной интернет-аудитории. В качестве базы анализа рассматривались комментарии интернет-пользователей в отношении цикла видео-лекций «Беседы о русской культуре», размещенных на видеохостинге YouTube.

Ключевые слова: медиакультура, коммуникация, диалог, Лотман, аудитория, текст, медиа

Zubanova L.

GENERATION AND DECODING OF MEANINGS IN MODERN MEDIA CULTURE: STRATEGY OF PERCEPTION BY AUDIENCE

In the article the problem of perception of texts by modern audience in a media space discourse rises. Perception of the text, according to Yu. M. Lotman, should be considered as the diillogical process generating new and deshifruyushchy traditional meanings. In the present article the analysis of perception of creativity of Yu.M. Lotman from the point of view of reaction to it of modern Internet audience is given. As base of the analysis comments of Internet users concerning a cycle of the video lectures «Conversations about the Russian Culture» placed on a video hosting of YouTube were considered.

Keywords: media culture, communication, dialogue, Lotman, audience, text, media

В актуальной информационной культуре XXI в. понимание четких границ взаимодействия между коммуникатором, текстом и аудиторией, равно как и идея адресно-ориентированного контакта (и контента) – носит весьма условный характер. Устойчивое обозначение «информационный поток» в буквальном смысле отражает стремительное и разнонаправленное движение информации, размывающей и стирающей маркеры «свое – чужое», «публичное – приватное», «специализированное – общедоступное». В этом лавинообразном накоплении текстов становится всё сложнее разграничить роли участников коммуникативного процесса: все больше количество тех, кто посылает информацию и все меньше тех, кто её воспринимает (что, безусловно, усиливает

* Статья подготовлена в рамках программы грантов Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

эффект информационного «шума»). Привычная пирамидальная конструкция коммуникативного процесса, на вершине которой находилось сравнительно небольшое количество авторов, а у основания – масса воспринимающих читателей, сегодня предстает в перевернутом виде. Тем не менее, и в современных условиях проблема адекватности восприятия текста сохраняет свою актуальность. Идеи дешифровки и декодирования информации массовой аудиторией анализируются через формы «доминирующего» (полное совпадение кодов), «переговорного» (частичное совпадение кодов) и «оппозиционного» (полное несовпадение) прочтений [3]. Т. З. Адамьянц акцентирует внимание на делении аудитории не только по критериям социально-демографических и социально-психологических характеристик, но и по уровню развития коммуникативных навыков – социоментальным особенностям, отражающим качество понимания смысловых доминант текста [1, с.117]: группа адекватного восприятия (высокий уровень коммуникативных навыков); группа частично адекватного восприятия (средний уровень); группа неадекватного восприятия (низкий уровень).

В настоящей статье мы обратимся к анализу восприятия творчества Ю. М. Лотмана с точки зрения реакции современной интернет-аудитории. В качестве базы анализа рассматривались комментарии интернет-пользователей в отношении цикла видео-лекций «Беседы о русской культуре», размещенных на видеохостинге YouTube (предоставляющем аудитории услуги хранения и показа видео).

Постановка проблемы восприятия текстов Лотмана в полной мере отвечает концепции данного ученого, рассматривающего текст как изначально и принципиально диалогичное и коммуникативное образование, формирующее различные смысловые конструкции: адресант – адресат; аудитория – культурная традиция; читатель – читатель (диалог с самим собой); читатель – текст; текст – культурный контекст. Причем, этот диалог и коммуникация существуют не просто в формате пассивного или активного реагирования аудитории на информационное послание (бихевеиристская традиция: «стимул – реакция»), но речь идет, скорее, о «настроенности» текста на определенную аудиторию, о реализации конструирующей функции, при которой текст, буквально, по мысли ученого, «отбирает себе аудиторию» [2].

В ходе работы были проанализированы **182** комментария пользователей, зафиксированных под 11 видео-лекциями Ю. М. Лотмана. В таблице представлен рейтинг популярности лекций¹ – на основе обращения к ним интернет-аудитории (количество просмотров), совмещенный с количественными показателями комментариев под каждой лекцией.

Распределение лекций по количеству просмотров

Ранг	Наименование лекции	Кол-во просмотров	Кол-во комментариев
1	Люди и чины	70 370	14
2	Женский мир	58 314	18
3	Интеллигентность	41 233	16
4	Пушкин и его окружение	38 815	31
5	Формы общения	37 298	10
6	Декабристы	35 657	33
7	Искусство – это мы	35 603	14
8	Терпимость	27 628	14
9	Балы	22 158	13
10	Путешествия	20 392	10
11	Женское образование	19 723	9

Осуществив качественную оценку комментариев (принятие/положительное отношение; отвержение/критика, отрицательное отношение; нейтральный контекст), мы можем выделить несколько ключевых стратегий восприятия текста аудиторией.

¹ Количественные характеристики действительны для даты обращения: август 2018 года.

Первая – может быть обозначена как **стратегия принятия**: доминирование положительных отзывов, большинство из которых сводятся к восторженной оценке конкретной просмотренной лекции: *«Это просто кладезь для тех, кто интересуется историей и литературой России. Спасибо огромное за видео!»*; *«Как легко и доступно говорит Лотман, как глубока и прекрасна его мысль... никакой суеты...»*; *«Бесценные лекции! Преподаватель от Бога!»*; *«Как же интересно слушать этого умнейшего, образованнейшего человека!»*; *«Гениально! Каждое слово врезается в душу!»*.

– либо в обобщенном виде (когда материал лекции выступает, скорее, информационным поводом) направлены на оценку личности ученого: *«Лотман человек удивительный – такой широкий круг знаний и образованности»*; *«Замечательный, возрожденческий – шире, чем национальное достояние. Он всемирное достояние!»*; *«Юрий Лотман – редкий, интереснейший, умный и интеллигентный собеседник!»*.

В целом, обобщая представленные комментарии, мы можем заметить явное преобладание положительных оценок, свидетельствующих о лояльности данной аудитории: положительные комментарии – 119; отрицательные – 22; нейтральный контекст – 41. Вероятно, это связано с тем, что перед нами, очевидно, предстает «отобранная», а не массовая аудитория: имеющая изначальную установку на восприятие подобного контента (нуждающаяся в нем), осуществляющая контакт через специализированный и адресный запрос, а потому и, зачастую, лояльно настроенная как на личность ученого, так и на содержание подобного информационно-культурного дискурса. Все эти показатели становятся своего рода «фильтром», препятствующим попаданию «профанного зрителя».

Нередко в процессе восприятия материала лекций, некоторые комментирующие пытаются осуществить своеобразный процесс «присвоения» лектора (реализуя **стратегию слияния**, идентификации с объектом оценки), на основе соединения ролей «коммуникатор – аудитория». Так, во многих комментариях наблюдается стремление аудитории связать Ю. М. Лотмана с различными проявлениями «русскости»: *«Ю.М. Лотман – Бог русского слова!»*; *«Юрий Лотман трижды русский Человек с большой буквы! И сумеем ли мы русские... понять это? И когда появятся равные ему?»*; *«Если бы Европа была культурна, она бы не приписывала себе Лотмана РУССКОГО! он, кстати, на русском говорит!»*; *«Настоящий русский интеллигент!»*.

Редкие проявления **стратегии отторжения/дистанции** отдельных пользователей, вызывают ответную реакцию лояльной аудитории и, тем самым, порождают активную коммуникацию аудитории:

– (критикующий комментатор): *Полчаса разговоров ни о чём, на уровне «Вокруг света»!*

– (ответ): *Господи, сколько же убогих комментариев, только диву даешься. А впрочем, это и неудивительно в наше время, когда всплыла пена амбициозных троечников, не имеющих никакого понятия о высокой культуре и духовности. К этому уже начинаешь привыкать, но поражает их безапелляционность, с которой они судят о таком уникальном явлении, как Лотман.*

– (критикующий комментатор): *Потрясающее пустословие. Полчаса старческой болтовни ни о чём. А несчастные советские люди принимают её за откровение.*

– (ответ): *Я удивляюсь, как ты вообще посмотрел это видео! Может хоть что-то в твоей голове останется путного...*

Концентрация внимания на событийном содержании лекций и описываемых в них персоналий, нередко уводит аудиторию в пространство новых смыслов, простирающихся за границы оцениваемого объекта: *«А сам Руссо, лицемер, отдавал собственных детей в приюты!»*; *«Из-за декабристов-идиотов и предателей все беды, никакие они не мученики, а бунтари и мерзавцы! Все декабристы состояли в масонских ложах и орденах иллюминатов, которыми руководили англичане, французы, немцы... Мог бы этот оратор ответить на вопрос: Зачем декабристы хотели уничтожить русскую армию?!»*

Подобное контекстное прочтение материала, актуализирует внутри интернет-аудитории активные диалоги в отношении современного этапа развития России в формате «живой истории»: *«Лотман говорит как пророк. Ну, точно про наши времена и РАН, и про уже уставший русский*

народ»; «... всё так и осталось: отсталость от Европы на 100 лет, задушенное общественное мнение, двойная мораль и все воруют...»; «...как правильно он сказал, что внешние запреты должны подкрепляться внутренней культурой. Ни это ли произошло в 90-х годах с нашим обществом и пошло хамство изнутри, которое мы сегодня наблюдаем...».

Согласно Ю. М. Лотману, «отбирая» себе аудиторию, текст, тем самым, обеспечивает двойное увеличение объема информации за счет своеобразного пробуждения смысла. Транслируемые коды выполняют функцию катализатора, способствующего возрастанию объема информации внутри сознания реципиента (порождение смысла за счет пробуждения). Такая форма медиа-дискурса обеспечивает актуализацию ценностей воспринимающей аудиторией и заключается в усилении качественно-нарративной составляющей, концентрации на содержащейся иерархии ценностей, отображающей мировоззренческие позиции интернет-пользователей.

Литература:

1. Адамьянц, Т. З. Социоменингальные группы в социальном познании / Т. З. Адамьянц // Социологические исследования. – 2015. – № 7. – С. 117–128.
2. Лотман, Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. / Ю. М. Лотман. – Таллин : Александра, 1992. – Т. 1. – 382 с.
3. Назаров, М. М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования / М. М. Назаров. – Москва : Либроком, 2014. – 354 с.

УДК 79

Склярова В. С.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Культурология. История и
теория культуры*

*Науч. рук.: Соколов С. С., кандидат
культурологии, доцент, Челябинский
государственный институт культуры*

АНАЛИЗ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗРЕЛИЩНОЙ КУЛЬТУРЫ XXI В. НА ПРИМЕРЕ ЭКРАННЫХ ВИДОВ ИСКУССТВА

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье дан анализ экранного искусства как самостоятельного сегмента зрелищной культуры. Выделены три фактора, которые кардинальным образом меняют современное зрелище, показаны причины и последствия кардинальных изменений в зрелищной культуре при ориентации на экран
Ключевые слова: традиционная культура, зрелищная культура, зрелищные формы, визуальная культура, экранные искусства, живое зрелище, зрелищный язык, средство коммуникации

Skliarova V.

TRANSFORMATION OF PERFORMANCE CULTURE IN XXI CENTURY (ON EXAMPLE OF SCREEN ARTS)

The article provides an analysis of screen art as an independent segment of entertainment culture. Three factors that radically change the modern art are identified. The causes and consequences of fundamental changes in the performance culture during XXI century are shown.

Keywords: traditional culture, performance culture, performance forms, visual culture, screen arts, live performance, performance language, communication media

Культура в начале XXI в. является квинтэссенцией по отношению ко всей предшествующей истории. Зрелищным практикам в традиционных культурах всегда отводились четко определенное место и время. Профессиональными зрелищами считались театральные постановки и спортивные состязания, ритуальные поединки, церемонии; они конституировали приобретение, лишение или передачу власти, религиозные мистерии, церемонии и т. д. Издревле известны бродячие музыканты, скорморохи, миннезингеры. Лишь в конце XIX в. появилась профессия «режиссер». В XX в. родилась индустрия кино и появились новые профессии. Но все же именно в XXI в. зрелища начали производиться регулярно и профессионально. Современная культура оказалась насквозь пронизанной зрелищами. Эта ситуация породила определенный парадокс – зрелище, созданное даже из личного события, например, детского дня рождения, одновременно 1) профессионализируется, т.е. разрабатывается и воплощается профессионалами зрелищной сферы; 2) транслируется через интернет, т.е. делается достоянием публичного пространства; 3) максимизируется по уровню «зрелищности». Личное становится публичным, спонтанное – профессиональным.

В конце XX в. появился феномен экранных искусств, с тех пор последние активно внедряются и в праздники, и в повседневность, стремясь заменить собой живое зрелище. Фотография, кинематограф (и связанные с ним феномены – мультипликация или анимация, театрализованные представления, ориентированные на кинозапись и видеотрансляцию, 3Dмеппинг) и видеоигры, даже более традиционные зрелища, такие как музыкальные концерты, театральные постановки, *дигитализируются* через активное использование гибридных форм и цифровых технологий в живом процессе представления. «Большой кинематограф» задает стандарты масштаба и глубины эмоционального воздействия зрелищ, игровая индустрия выступает технологическим локомотивом разработки и внедрения зрелищных инструментов (цифровых спецэффектов).

В этой статье мы проанализируем экранные искусства как самостоятельный сегмент зрелищной культуры, который отражает процессы, явления, а также проблемы, возникающие в результате трансформации зрелищной культуры в XXI в.

Проблемы современных зрелищ тесно обусловлены в первую очередь глубинными процессами, происходящими в культуре. Многие из них так или иначе связаны с тем, что изменился сам характер бытования зрелища в культуре – от сакрального, ритуального в сторону того, что **зрелище начинает играть все более и более единственно развлекательную роль**. Как отмечает Ю. В. Шерпилова, «„шоу” – вот ключевое слово в современной жизни. Отчасти это связано с техническим прогрессом, который семимильными шагами идет вперед и несет с собой новые технологические возможности» [8, с. 231]. Что значимо, для современного зрелища в подавляющей массе характерно наличие коммерческой выгоды, и качество шоу оценивается, исходя из его непосредственной прибыли.

Современное зрелище характеризуется также **изменением традиционных ролей участников зрелища**. Речь идет не только и не столько о превращении зрителя в со-участника, которое с кросс-культурными и метадисциплинарными аллюзиями описывает Вяч. Иванов [2, с. 97–107]. Более важно, что в современных экранных искусствах зритель превращается в создателя, или в со-творца зрелища. Пролонгированность сюжетов, возникающая за счет возвращения принципа сериальности в визуальные и зрелищные искусства (литература изначально предполагала множество жанров, произведения в которых не могли быть освоены читателем за один раз), создает временной лаг, в который вклинивается зритель, – эту возможность ему предоставляет глобальная сеть. Так называемые «фанатские теории» о предыстории, источниках мотивации, будущем персонажей начинают влиять на работу сценаристов, аналогично активно используется фан-арт и т. д. Стоит отметить, что в живом зрелище вариативность и способы соучастия зрителя в самом действе гораздо шире, чем в любом экранном.

Изменяется принципиальным образом и зрелищный язык. Вся история зрелищ в любом их проявлении представляла собой борьбу двух начал – условного и реалистического. Стремление создателя зрелища подчеркнуть внесиюминутную природу его содержания или, наоборот, конкретные традиции развития языка зрелищных искусств в определенный период, или многие другие факторы могут порождать специальную условность. И наоборот, мы помним, что в опре-

деленные периоды культура стремилась к большему реализму. Ряд исследователей видит в этом процессе тенденции к совершенствованию языков культуры (переход от прямого подобия образов к условным символам) и ее архаизации (возвращение к фигуративному искусству, реализм, доходящий до натурализма, смена иконического начала пиктографическим [см. 3; 4; 5; 6; 9]). Нам представляется, что это значительное упрощение картины. Речь не идет просто о борьбе прогрессивного и архаического начал. Визуально-реалистическое вполне может выступать более прогрессивной формой в сравнении с условно-символической. Кроме этого, довольно легко поддающимся анализу и осмыслению всегда остается фактор «живого и развивающегося» искусства и его «омертвевших форм». Классицизм в живописи настолько глубоко и подробно разработал собственный визуальный язык, что прямым завершением его развития стал академизм – при совершенстве изобразительной техники уже полный условностей, символов, *иконических* значений, многочисленных игр авторов с культурным контекстом. Однако современные экранные искусства действительно сильно тяготеют к архаическому изобразительному натурализму, возвращая нас к парадоксу палео- и неолитического искусства.

Также чрезвычайно важна и особенно хорошо заметна в пространстве экранной культуры **проблема изменения масштаба зрелища и контекста его вписанности в культуру**. Как справедливо указывает Е.А. Гущина, традиционное зрелище не просто экспрессивно представляет в социальном пространстве образ определенной культуры, оно также конституирует вневременность самой культуры и её ценностей за счет повторяемости элементов, регулярности проведения события, сохраняет культурно-историческую память и поддерживает связь с предшествующими поколениями [1]. Близкой позиции придерживается крупнейший современный российский исследователь зрелищ и визуальной культуры Н. А. Хренов. По мнению исследователя, «традиционные зрелища всегда функционировали как самое массовое средство коммуникации и, следовательно, оказывались тесным образом связанными с массовым сознанием прошлых эпох» [7, с. 6]. Однако именно в отношении современных зрелищ, воплощенных экранными искусствами, возникает разрыв между представленными выше точками зрения. Кинематограф, видеоигры и пр. по-прежнему тесно связаны с массовым сознанием, однако они уже не столько конституируют культуру в ее ретроисторическом измерении, сколько конструируют ее в футурологическом измерении. Связь экранного зрелища и локальной культуры довольно слаба, хотя, когда она проявляется, это вызывает высокий *инокультурный* зрительский интерес, недаром глобальным культурным феноменом стала японская анимация. Эти мультфильмы выражали конкретно-национальные и исторические мотивы, конституировали тесную связь с национальными культурными традициями – дальневосточной или западно-европейской культур. Однако они являются, скорее, исключением, нежели правилом. Зрелище теперь вписано не столько в национальную культурную традицию, сколько в глобальную культурную индустрию, что определяет требования к его содержанию и масштабам, – оно должно быть *коммерчески* успешным.

Таким образом, мы обнаруживаем следующие проблемы современной зрелищной культуры, которые явно и ярко проявляются в произведениях экранных искусств: **зрелище играет все более и более только развлекательную роль в культуре, изменяются традиционные роли участников зрелища, изменяется принципиальным образом зрелищный язык, изменяется масштаб зрелища и контекст его вписанности в культуру, связь с историческим измерением конкретной национальной культуры**. Эти и другие проблемы приходится встречать при рассмотрении и зрелищ живых, непосредственных. Однако необходимо признать, что в современном мире не обойтись без экранных эффектов и в контексте живого зрелища, что говорит о том, что традиции и новации неразделимы. Стоит также подчеркнуть, что не все из перечисленных проблем несут однозначно негативные последствия; изменение зрелищного языка, например, это амбивалентный феномен, который вызван общими позитивными и негативными сдвигами в культуре XXI в. Указанные аспекты проблематики развития зрелища в новом тысячелетии свидетельствуют о том, что зрелищная культура в современном мире переживает определенный кризис (и это несмотря на очевидную интенцию к увеличению зрелищности фактически всех аспектов культуры в целом).

Литература:

1. Гущина, Е. А. Зрелищность в современной культуре китайского города [Электронный ресурс] / Е. А. Гущина // Современные исследования социальных проблем : электрон. науч. журн. – 2012. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/zrelischnost-v-sovremennoy-kulture-kitayskogo-goroda>. – Проверено: 20.10.2018.
2. Иванов, Вяч. Вс. Современная наука и театр [Текст] / В. В. Иванов // Театр. – 1977. – № 8. – С. 97–107.
3. Недугова, И. А. Архаизация в культуре: рассмотрение феномена [Текст] / И. А. Недугова // Credo new. – 2012. – № 1. – С. 15–21.
4. Тузовский, И. Д. Спецификации культуры Цифровой Эпохи [Текст] / И. Д. Тузовский // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. 31 окт. – 3 нояб. 2017 г. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – С. 55–60.
5. Тузовский, И. Д. Архаические тенденции в пространстве современных высокотехнологичных культурных форм [Текст] / И. Д. Тузовский // Высшее образование для XXI века : материалы VII Междунар. науч. конф. (18–20 нояб. 2010 г.). – Москва : Москов. гуманитар. ун-т, 2010. – С. 143–155.
6. Федотова, В. Г. Архаизация в современном мире [Текст] / В. Г. Федотова // Философские науки. – 2012. – № 5. – С. 26–36.
7. Хренов, Н. А. Зрелища в эпоху восстания масс [Текст] / Н. А. Хренов. – Москва : Наука, 2006. – 646 с.
8. Шерпилова, В. Ю. Проблемы модернизации циркового зрелища в контексте современной праздничной культуры [Текст] / В. Ю. Шерпилова // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. В 2 ч. / под ред. С. В. Соловьевой, В. И. Ионесова, Л. М. Артамоновой. – Самара : Самар. гос. ин-т культуры, 2015. – С. 229–233.
9. Штомпель Л. А. Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? [Текст] / Л. А. Штомпель, О. М. Штомпель // Ценности и смыслы. – 2010. – № 1. – С. 34–42.

УДК 791.43

Панова С. В.

*доцент кафедры режиссуры кино и
телевидения, аспирант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Философия, этика
и религиоведение, г. Озёрск*

*Науч. рук.: Невелева В. С., доктор
философских наук, профессор, Челябинский
государственный институт культуры*

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА МОНТАЖА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА СОЗНАНИЕ ЗРИТЕЛЯ

***Научно-педагогическая школа «Философия человека в контексте культуры»
кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры***

В статье предложена философская интерпретация соединения дистанционного монтажа и лейтмотивной конструкции с символом. На примере двух работ – фильмов Александра Сокурова «Соната для Гитлера» и Лени Рифеншталь «Триумф воли» – рассматривается накопление энергии в символе руки путем выбранного режиссером метода монтажного решения фильма и воздействие этой энергии на сознание человека посредством эстетики киноязыка. Описываются отличия между лейтмотивом и дистанционным монтажом, методы их организации, анализируется их взаимодействие с символом руки для создания бесконечных смысловых перспектив, раскрывая латентный смысл документальной кинохроники.

Ключевые слова: Л. Рифеншталь, А. Сокуров, символ, дистанционный монтаж, лейтмотив, сознание

THE EPISTEMOLOGICAL NATURE OF EDITING AND ITS IMPACT ON CONSCIOUSNESS OF THE VIEWER

In the article a philosophical interpretation of the connection of remote editing and leitmotiv design with a symbol is proposed. The energy in the symbol of a hand accumulated by the film director's choice of editing method and the impact that this energy has on human consciousness through the aesthetics of the film language are examined on the example of two works: Sokurov's «Sonata for Hitler» and Leni Riefenstahl's «The Triumph of the Will». It describes the differences between the leitmotiv and remote editing, methods of their organization, and analyzes their interaction with the symbol of a hand for creating an infinite amount of semantic perspectives, which reveals the latent meaning of documentary newsreels.

Keywords: L. Riefenstahl, A. Sokurov, symbol, remote editing, leitmotiv, consciousness

Несмотря на то, что философия кино – сравнительно молодая философская дисциплина, Ж.-Л. Бодри, Р. Ж. Деррида, В. Беньямин, Ж. Делёз и другие исследователи заявили о необходимости философского осмысления кинематографа. Философия кино исследуется сегодня совместно с философией техники, онтологией, теорией медиа. В данной работе проводится философский (гносеологический) анализ такого художественного средства киноискусства, как монтаж и его влияние на зрителя. Предметом исследования является накопление энергии в символе за счет монтажного решения фильма в ходе авторского и творческого изучения мира. Под воздействием режиссерского исследования мира выбранный вид монтажа меняет форму, характер экранного зрелища, по-новому определяет кинематографическое решение.

Одной из проблем, стоящих перед представителями кинопроизводства, киноведения, является исследование монтажных приемов, методов их организации и их влияние на сознание зрителя. В нашем исследовании представляется необходимым раскрыть концепцию «накопление энергии в символе в сцеплении с различными видами монтажа и его воздействие на зрителя», изучить способы сцепления символа руки с дистанционным видом монтажа и лейтмотивной монтажной конструкцией, а также провести сравнительный гносеологический анализ типов монтажных приемов.

Актуальность исследования связана с недооцененной важностью фактора сцепления кинематографических видов монтажа с символами и исследовательским интересом к вопросам о накоплении энергии в символе, разрушающей или созидающей, в зависимости от его соединения с различными видами монтажа.

Проблеме философского исследования монтажных приемов посвящены работы деятелей отечественного кинематографа: С. М. Эйзенштейна (важнейшим вкладом в культуру мирового кино которого явились уникальные практики монтажа, изучение природы символов в кино, обозначение исследовательской проблемы воздействия искусства на человека как одной из наиболее важных); Л. В. Кулешова (определившего значение монтажа для восприятия экранного изображения); А. А. Тарковского (который в своих статьях о монтаже делится особым (довольно провокационным) мнением о процессе монтирования фильмов); А. Г. Соколова (рассматривающего монтаж как метод человеческого мышления); Н. И. Утиловой (в книге «Монтаж» не только обращающейся к теории и истории развития монтажа, но и раскрывающей его возможности психологически воздействовать на зрителя); А. А. Пелешяна (для которого механика дистанционного монтажа определялась одной задачей: донести до зрителя свою философскую позицию); А. С. Каминского (определившего понятие монтажного принципа как метод организации материала, служащего для построения ассоциативных связей в сознании (смысловой) и подсознании (эмоционально-чувственный ряд) зрителя).

Обратимся к термину энергия. «Ἐνέργεια» (энергия) происходит от слова «ἐργάζομαι» (ἐργάζομαι) – делать, изготавливать [9]. «Энергия у Аристотеля, в частности в "Метафизике", означает действие (акт), переход от возможности к действительности», – пишет профессор Л. Н. Никитин в своей работе «Генезис понятия "энергия"» [11]. Таким образом, под энергией понимается про-

цесс, элемент движения. Лев Кулешов видел в монтаже средство динамической и лексической организации повествования, возможности воссоздания модели события [19, с. 49], в котором заложена деятельность, процесс (процессы) активного взаимодействия субъекта (живого существа) с объектом (окружающей действительностью).

Энергия как процесс и движение в кино начинаются от регистрирования камерой действий актера, от его взаимодействий с людьми и предметами, от динамики природных явлений вокруг и от самой камеры как инструментария, обладающего в совокупности оптическими и механическими свойствами. Камера отображает происходящее в виде обозначения и записи длины световой волны, изменения яркости света, фокусируя это с помощью линзы, запечатлевая на пленке. Механическая основа камеры дает возможность фиксировать разноплановые кадры с разной скоростью, камера способна менять расположение, перемещаться. Функция организации движения является одним из аспектов возможностей кинематографического процесса. Для фиксации движения кинооператору нужно сместиться, для контроля траектории камеры – проследовать по ней. Невидимая часть технической базы и участие оператора в создании визуальной картинке наделяют движение в кадре дополнительным действием (актом) – энергией.

В данной статье энергия символа руки рассматривается с точки зрения движения руки в кадре в дистанционном монтаже А. Сокурова и лейтмотивном у Л. Рифеншталь. В своих работах эти режиссеры по-разному зафиксировали движения руки А. Гитлера. Л. Рифеншталь расставила тридцать камер по Нюрнбергу, снимая в разных ракурсах и планах фюрера на VI съезде национал-социалистической партии Германии. А. Сокуров, создавая десятиминутный фильм «Соната для Гитлера», использовал документальные кадры (большая часть которых принадлежит к комплексу «Обыкновенного фашизма»), но организовал их в процессе монтажа в ином контексте.

В основе отображения Гитлера в кадре у обоих режиссеров заложен символ руки как символ власти, действия, силы. В древнеегипетском искусстве, например, человеческими ладонями заканчиваются солнечные лучи как знак приносимого богом блага [15]. Жест Гитлера, его рука, возведенная в зиге – есть живой символ. Согласно нацистским идеологам, поднятие руки и восклицание «Heil!» было принято у древних германцев при избрании королей; жест трактовался как приветствие поднятым копьём [3].

Люди бессознательно верят символу. Н. Бердяев отмечал, что человек имеет потребность в священном не только на небе, но и на земле: «Вся жизнь государства носит символический характер. Власть всегда носит на себе символы и знаки и требует к себе символического отношения, ничего общего не имеющего с отношением реальным. Война организуется через символы и знаки» [1]. Символ дает возможность режиссеру повернуть идейный замысел в эмоционально-смысловой концепции фильма нужной стороной. «Хорошо обладать пушками и штыками, но гораздо важнее обладать сердцами нации» [21], – так говорит Пауль Йозеф Геббельс в фильме «Триумф воли» режиссера Лени Рифеншталь.

Укорененный в коллективной психике символический жест, подкрепленный историческим смыслом и образом, фиксируется на подсознательном уровне. Согласно концепции Юнга, «жизненный символ формулирует некий существенный, бессознательный фрагмент, и чем более распространен этот фрагмент, тем шире и воздействие символа, ибо он затрагивает в каждом родственную струну» [17]. Таким образом, социум, имея общие традиции, символы, идеи, вызывающие сходные реакции каждого индивидуума, объединяется, обеспечивая солидарность его членам.

«Символы – рудименты», – говорит Липперт. И символы – энергии. Исследуемые в своих исторических судьбах, они доселе неотразимы и действенны сосредоточенным в них обаянием древнейшего богочувствования» [4, с. 1]. Священность символа ориентировала древнего человека к регламентации мира, уравновешивая в нем отрицательные и положительные стороны, сдерживая его от анархии и хаоса. «<...> сколько бы ни существовало параллельных миров, они соединяются в символе, как пересекаются параллельные в геометрии Лобачевского» [18, с. 43]. Принимая в себе дихотомичность бытия, символ сжимается до точки и упрощается до момента взаимодействия с его толкователем – творцом. Далее, в силу своей синергетичности, символ аккумулирует энергию режиссера-интерпретатора, усиливая свое информационное поле, наполняя его

энергией, уже «превышающей информационно-фактологическую настолько, что факт-информация лишь обозначена, а эмоция полностью доминирует» [2, с. 38].

Наполненный символ «вплывает» в сознание зрителя и прочно в нем закрепляется, вновь создавая в своем поле параллельные прямые. При этом сакральная энергия символа придает этим прямым разнонаправленные векторы энергоинформационного воздействия в пространстве, ведущие и к созиданию, и к разрушению – в зависимости от задачи, поставленной режиссером. В данной статье нас интересует следующее: осмысление качественного перехода накопленных эмоций в дистанционном монтаже и в лейтмотивном приеме монтажа в соединении с символом. Энергия символов у Л. Рифеншталь сосредоточена в лейтмотиве – зиге, у Сокурова – в дистанционном монтаже рук.

Следует провести отличия между лейтмотивом и дистанционным монтажом. В музыкальном произведении лейтмотив – это основная мелодия, которая обыгрывается в композиции. Большинство композиций представляют собой взятую за основу мелодию, которой даются разные вариации [14]. В литературоведении лейтмотивом может обозначаться преобладающее настроение, главная тема, основной идейный и эмоциональный тон художественного произведения, настойчиво повторяемый конкретный образ или оборот художественной речи в качестве постоянной характеристики героя, переживания или ситуации [6]. «В книге “Структура и мотив “Поминок по Финнегану” Клива Харта даётся интерпретация лейтмотива как повторяющейся и динамичной вербальной конструкции, наделённой значением <...>» [20, с. 8]. В монтаже фильма лейтмотив являет собой многократный повтор и развитие элемента системы средств выражения киноязыка, отличающегося смысловой значимостью. Развитие может выражаться в повторе выразительной детали, жеста, цвета, образа в разных вариациях, то есть с изменением ракурса, крупности плана, мизансценирования, света, ландшафта и т. д.

Дистанционный монтаж в своей основе содержит повторение специально отобранных режиссером одних и тех же опорных кадров, несущих важную смысловую нагрузку, как правило, без особых изменений в композиционном плане. Выбор опорного плана зависит от замысла режиссера, его философской позиции. Автор дистанционного монтажа А. Пелешян отмечает, что главный акцент монтажной работы состоит не в склеивании кадров, а в их расклеивании, не в их «стыковке», а в их «расстыковке»: «Взяв два опорных кадра, несущих важную смысловую нагрузку, я стремлюсь их не сблизить, не столкнуть, а создать между ними дистанцию. Идейный смысл, который я хочу выразить, достигается лучше всего не в стыке двух кадров, а в их взаимодействии через множество звеньев» [13, с. 129]. В связи с этим режиссер, монтажер А. Каминский видит в дистанционном монтаже прием рефрена, который «<...> дает возможность не интеграции, а наоборот, расщепления смыслов одного кадра на постепенно предъявляемую зрителю множественность» [5].

В фильме А. Сокурова ведущую партию ведет фюрер, и его соло звучит в размноженном опорном кадре-рефрене, в котором показан Гитлер, потирающий руки. Этот специально отобранный режиссером кадр, повторяясь несколько раз неизменно в одной и той же крупности через определенные тематические блоки, усиленный символическим смыслом звучания темы гитлеровских рук, в итоге выдает конденсированное воплощение главной темы фильма, раскрывая новые диалектические глубинные слои заданного режиссером смысла. Кадр проходит через всю картину и, повторяясь, вынимает из подсознания новые осмысляемые образы: кто из классических персонажей потирал и отмывал руки? Кровожадная Леди Макбет, терзаемая безумием и воспоминаниями о совершенных убийствах, ходила во сне, пытаясь освободиться от крови на руках. На свой манер Пилат постарался исполнить обряд очищения: «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших» [12, с. 25].

В фильме Л. Рифеншталь руки Гитлера в жесте приветствия немецкому народу проходят через всю ленту, с укрупнением и бесконечными повторениями жеста зиги на фоне нацистских знаков. «Защитники Рифеншталь сравнивают нашу героиню с Эйзенштейном – <...> и тот и дру-

гой прославляли своим искусством кровавые режимы. Но дело в том, что фильмы Лени никакого отношения к искусству не имеют, в них нет и намёка на мысль, на мучительные идеи – в них есть идеал, понятный, точный, не допускающий возражений» [16, с. 179]. Итак, Гитлер в постоянном лейтмотиве зиги предстает монологичным. Доктор философских наук Н. А. Хренов в статье о фильме Л. Рифеншталь писал, что такая однозначность культурного героя спровоцировала ощущение утраты какого-то важного знания и опасности [22, с. 7]. «Триумф» заставил идти за фашистами не один десяток тысяч человек [23]. Для построения нацистского рейха понадобились всего лишь три года, чтобы, как выражался Гитлер, «вчера» построить «коричневую империю» [8, с. 18]. В фильме Л. Рифеншталь можно увидеть, как все начиналось: кинолента демонстрирует взгляд современницы на шествие национал-социализма по Германии до того, как он показал себя фашизмом, «Триумф» Л. Рифеншталь считается ценным источником для изучения становления идеологии нацизма в Германии 1930-х гг. и его способов воздействия на людей.

Согласно американскому философу Дж. Г. Миду, значимые символы способны вызывать вполне предсказуемую реакцию у тех, кому они адресованы, благодаря чему возникает и человеческая коммуникация: «Индивид откликается на свой собственный стимул точно так же, как откликаются другие люди. Когда это имеет место, тогда символ становится значимым, тогда начинают высказывать нечто» [10, с. 216]. В особенностях толпы есть свойства самоорганизации и моментального увеличения, если в нее запущен эмоциональный манок. В контексте фильма одним из эмоциональных манков явился символ зиги, лейтмотивно размноженный в структуре фильма. Зига, подкрепленная речью и актерским пафосом Гитлера, неоднократно повторяясь в монтаже фильма, увеличивает и накапливает свою энергию. «Фильм Л. Рифеншталь стал демонстрацией творения новой формы сакрального, связанного не столько с религией, сколько с политикой», – отмечает в своих исследованиях Н. А. Хренов [22].

В фильме А. Сокурова между опорными кадрами с Гитлером, потирающим руки, вставлены звенья-блоки, которые каждый раз задают новую расшифровку смыслового значения кадра-рефрена. Примечательно, что и здесь мы наблюдаем тему рук. В блоках А. Сокуров в монтажной переключке показывает диалог между жестами фюрера и руками народа. Вот Гитлер в предвкушении потирает руки, а затем в блоках-звеньях мы видим руки инвалидов Первой мировой войны, тяжеловато повисшие руки безработных. Руки Гитлера заклинаят – толпа женщин устремляется к фюреру, кто-то на бегу теряет туфлю. Лес рук вздымается в салютной зиге, и даже парализованный инвалид, внимая речи фюрера, пытается поднять негнущуюся руку по направлению к своему вождю. Далее в очередной раз следует опорный кадр, где Гитлер вновь потирает руки, а затем с вытянутой вперед рукой летит над уплотнившейся массой в своем долгом знаменитом проезде. Толпа ликует.

Правая рука обычно является «рукой мощи», соответствует активному началу, воле. Это символ управления, руководства; олицетворение безопасности и правильного пути; атрибут аллегорического изображения Фортуны. Сокуров, чередуя в монтаже жест Гитлера и действия толпы, использует принцип монтажа, нацеленный на установление новых ассоциативных связей в сознании зрителя путем динамических, конфликтных противопоставлений разнородных элементов, сходящихся в иной, обновленный синтез. Вот руки солдат вертят винтовку, ощупывают женщин на оккупированных территориях. А рука Гитлера протягивает девочке конфету. И короткий кадр – мертвая женщина. Вождь потирает руки.

Но вот уже Берлин в разрухе и там, где раньше шли дамы, держа в руках изящные сумочки, теперь бродит старуха. Худым пальцем она выбирает из разбитой бочки остатки масла. По улицам везут гроб. Немецкие политики закрывают руками причинное место. Идея, реализовавшись, похоронила под собой ее создателей, и мертвая рука в коротком кадре «салютует из грязи», приветствует через расстояние войны своего вдохновителя. В ответ на это приветствие Гитлер снова потирает руки, и так несколько раз. Технически размноженный опорный кадр, основанный на глубинном символе руки и дистанционном монтаже, трансформирует хронику, создает «бесконечную смысловую перспективу» [7, с. 24]. Многие историки кино отмечают, что кадры под рукой А. Сокурова обнаруживают способность обзаводиться переносным, иносказательным смыслом.

Обращенная к подсознанию тема рук в драматическом столкновении кадров дистанционного монтажа рождает новое послание, раскрывая латентный смысл документальной кинохроники. Сконструировав режиссер иначе видеоряд старой киноплёнки – и появилась бы из тех же символов иная напряженная зона сознания. На том и строится фильм, цель которого – духовная работа режиссера и зрителя: если меняешь код, последовательность закодированных символов в монтажных приемах, то изменяется и смысл исследуемого бытия в кинематографическом решении.

В завершение можно сделать следующие выводы. В кинематографе существуют разные виды монтажа, в которых лейтмотивные, дистанционные (рефреновые) сцепления создают новые эмоциональные и смысловые прочтения. Эти уровни монтажной организации материала, объединенные с символом, находят эмоциональный отклик у зрителя. Использование казуальной логики в монтаже и лейтмотивного развития символа у Л. Рифеншталь привело к монологичности и конденсированию односторонней энергии в символе, которая выплеснулась наружу, воодушевив массы. Использование опорного символического кадра в дистанционном монтаже-рефрене у А. Сокурова ведет к направленности энергии вовнутрь и вызывает размышление, создавая словесную перспективу.

Литература:

1. Бердяев, Н. Дух и реальность. [Электронный ресурс] / Н. Бердяев // Электронная библиотека Одиноцкого благочиния : [сайт]. – URL: http://www.odinblago.ru/filosofiya/berdyayev/duh_i_realnost/3/. – Проверено: 12.10.2018.
2. Веллер, М. И. Человек в системе [Электронный ресурс] / М. И. Веллер // KNIZHNIK.ORG. Книжные новинки и не только : [сайт]. – URL: <http://knizhnik.org/mihail-veller/chelovek-v-sisteme/38>. – Проверено: 12.10.2018.
3. Зига [Электронный ресурс] // Академик. Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/928741>. – Проверено: 12.10.2018.
4. Иванов, В. Собрание сочинений. Том 1. Поэт и чернь [Электронный ресурс] / В. Иванов // Электронная библиотека RoyalLib.com : [сайт]. – URL: https://royallib.com/read/ivanov_vyacheslav/poet_i_chern.html#0. – Проверено: 12.10.2018.
5. Каминский, А. Приемы монтажа [Электронный ресурс] / А. Каминский // Библиотека электронной литературы в формате fb2 : [сайт]. – URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9A/kaminskij-a/montazhniy-yazik/4>. – Проверено: 12.10.2018.
6. Лейтмотив [Электронный ресурс] // Словарь литературных терминов : [сайт]. – URL: <http://litterterms.ru/l/130/> – Проверено: 12.10.2018.
7. Лосев, А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство [Текст] / А. Ф. Лосев. – Москва : Искусство, 1995. – 320 с.
8. Мельников, Д. Е. Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер [Электронный ресурс] / Д. Е. Мельникова, Л. Б. Черная. – Москва : Новости, 1981. – 432 с. // StudFiles. Файловый архив студентов : [сайт]. – URL: <https://studfiles.net/preview/1603461/page:18/>. – Проверено: 12.10.2018.
9. Мельников, С. «Метафизика». Учение об «актуально» и «потенциально сущем»: форма и материя, энергия и энтелехия [Электронный ресурс] / С. Мельников // Magisteria : [сайт]. – URL: <https://magisteria.ru/aristotle-intro/dvizhenie-energiya-entelehiya/>. – Проверено: 13.10.2018.
10. Мид, Дж. От жеста к символу. [Текст] / Дж. Мид // Американская социологическая мысль. Тексты [хрестоматия] / под ред. В. И. Добренькова. – Москва : МГУ, 1994. – С.
11. Никитин, Л. Н. Генезис понятия «энергия» [Электронный ресурс] / Л. Н. Никитин, А. В. Сакун // Publishing house education and science S.R.O. Архив научных публикаций : [сайт]. – URL: http://www.rusnauka.com/18_DNI_2011/Philosophia/6_89953.doc.htm. – Проверено: 13.10.2018.
12. От Матфея святое благовествование. Глава 27. (Мф. 27:24–25) [Электронный ресурс] // Новый завет. Ветхий завет [Рус. синодал. перевод Нового и Ветхого заветов] : [сайт]. – URL: <http://rusbible.ru/sinodal/mf.27.24.html>. – Проверено: 13.10.2018.
13. Пелешян, А. Дистанционный монтаж или теория дистанции [Текст] / А. Пелешян // Мое кино / А. Пелешян. – Ереван : Советакан грох, 1988. – 256 с.
14. Разумова, М. Лейтмотивы – это мысли автора через призму читательского восприятия [Электронный ресурс] [публ. 5 июня 2014 г.] / М. Разумова // FB.ru : [сайт]. – URL: <http://fb.ru/article/142351/leytmotivyi-eto-mysli-avtora-cherez-prizmu-chitatelskogo-vospriyatiya>. – Проверено: 13.10.2018.

15. Рука [Электронный ресурс] // Краткая энциклопедия символов. Peter Greif's. SYMBOLARIUM : [сайт]. – URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/%D0%A0%D1%83%D0%BA%D0%B0>. – Проверено: 13.10.2018.
16. Семашко, И. Лени Рифеншталь [Электронный ресурс] / И. Семашко // 100 великих женщин / И. Семашко // Bookscafe.net. Электронная библиотека : [сайт]. – URL: http://bookscafe.net/read/semashko_irina-100_velikih_zhenschin-8723.html#p178. – Проверено: 13.10.2018.
17. Символ (Юнг) [Электронный ресурс] // Понятия и категории. Вспомогательный проект портала Хронос : [сайт]. – URL: <http://ponjatija.ru/node/7604>. – Проверено: 13.10.2018.
18. Сычева, С. Г. Проблема символа в философии [Текст] / С. Г. Сычева. – Томск : изд-во Том. ун-та, 2000. – 197 с.
19. Утилова, Н. И. Монтаж [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Н. И. Утилова. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 171 с.
20. Федоткин, С. В. Лейтмотивный анализ фильма : автореф. дис. ...канд искусствоведения : 17.00.03 [Текст] / Степан Вячеславович Федоткин ; [Место защиты: Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова]. – Москва, 2017. – 26 с.
21. [Фильм] Триумф воли. Полный фильм [реж. Лени Рифеншталь] [Электронный ресурс] // YouTube : [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Pfxzgw5KWr8&feature=youtu.be>. – Проверено: 15.10.2018.
22. Хренов, Н. А. Миф и культура в XX веке: кинопроизводство мифологем (окончание) [Электронный ресурс] / Н. А. Хренов. – Культура культуры. – 2015. – № 2 (6) // CYBERLENINKA. Научная электронная библиотека «Киберленинка» : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-i-kultura-v-hh-veke-kinoproizvodstvo-mifologem-okonchanie>. – Проверено: 13.10.2018.
23. Чередниченко, А. Лени Рифеншталь. Эстетика нацизма [Электронный ресурс] / А. Чередниченко ; [журнал «Культ Личностей», март/апрель 2000] // МИРТЕСЕН : [сайт]. – URL: <https://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43731848902/Leni-Rifenshtal.-Estetika-natsizma>. – Проверено: 13.10.2018.

УДК 13

Коробцова А. Ю.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Философия, этика,
религиоведение, Приднестровье.*

*Науч. рук.: Невелева В. С., доктор
философских наук, профессор, Челябинский
государственный институт культуры*

ПОНЯТИЕ «ЭКО»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

***Научно-педагогическая школа «Философия человека в контексте культуры»
кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры***

В статье рассматривается термин «Эко» с точки зрения философской антропологии и философии культур. Раскрывается связь между стремлением современного человека к естественному, настоящему, подлинному, и активным употреблением в человеческой речи понятия «эко».

Ключевые слова: эко, экологичность, экокultura, экогуманистика, забота о себе, жизнь в стиле эко

ECO CONCEPT: SOME ASPECTS OF PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL INTERPRETATION

The article discusses the term "Eco" from the point of view of philosophical anthropology and philosophy of cultures. The connection between the striving of modern man to the natural, real, authentic, and the active use of the notion of "eco" in human speech is revealed.

Keywords: eco, environmental friendliness, eco-culture, eco-humanism, self-care, eco-style life

Термин «эко» все чаще употребляют не только в научной литературе, он активно используется в повседневной жизни. Сегодня это одно из самых «расхожих» понятий, а также первая составная часть сложных слов, указывающая на существенный признак (экологическую характеристику) того, что его приобретает: экосистема, экоресурсы, экокультура, экосознание и т.д. Если понимать, что язык достаточно оперативно и, главное, с необходимостью фиксирует особенности социокультурного опыта людей, то становится очевидным, что такая терминология не случайна, в ней в том числе отражены одновременно забота и надежда современного человека, который буквально ищет личной защиты и спасения от того, что в окружающем его мире порождает опасение и ощущение чуждости.

Дословно с греческого языка «эко» (οἶκος) толкуется как дом, жилище, обиталище. Впервые термин экология был предложен в 1866 г. немецким биологом Эрнстом Геккелем, и с этого момента появилась экологическая наука, изучающая взаимодействие живых организмов и их сообществ между собой и окружающей средой. В настоящее время экология понимается гораздо шире, ее связывают уже не только с вопросами такого взаимодействия и охраны окружающей среды, но уже достаточно давно признак «экологический» относят к тому, что касается человека и его особого мира – социокультурной реальности. Появились такие разделы экологии как экология человека, экология культуры, экология сознания, экология мышления. Экология человека, например, изучает антропосистемы различного уровня (от глобального до локального и микролокального), уделяя особое внимание изучению условий жизни человека и их влияния на человеческий организм. В рамках экологии человека выделяются такие направления, как экология города, техническая экология, экологическая этика, медицинская экология, психологическая экология. Буквально недавно появилось понятие «экология духа», относящееся к сфере морали. Экология души исходит из того, что сохранение и восстановление экологии Земли нужно начинать с сохранения и восстановления экологии человеческой души через приобщение к народной культуре и формирование экоцентрического стиля мышления, развитие сострадания, доброты, мужества, отзывчивости (если поступки и мысли будут чистыми, чистой будет и окружающая среда). Можно с уверенностью утверждать, что как область научного знания экология переросла в комплекс наук; уже не только в области биологического и естественнонаучного знания, но и в социально-гуманитарных науках активно используют понятие «эко».

В последней трети XX в. к социальной экологии тесно примкнули исследования экологической культуры. Проблемное поле последней начало активно разрабатываться в научной литературе, появились различные определения ее с акцентом на те или иные особенности, выявленные авторами. Одним из первых экологическую культуру определил академик Д. С. Лихачев, впервые выделив в экологии два раздела – биологический и культурологический, обосновав такое деление следующим образом: «Человек живет не только в природной среде, но и в среде, созданной культурой его предков и им самим. Сохранение культурной среды – задача не менее важная, чем сохранение окружающей природы. Если природа необходима человеку для его биологической жизни, то культурная среда не менее необходима для его духовной, нравственной жизни, для его духовной оседлости, для его привязанности к родным местам, следования заветам предков, для его нравственной самодисциплины и социальности» [3].

Изначально экологическая культура рассматривалась как часть единого феномена культуры общества, отражающая отношения между обществом и природой. Такое понимание экологической

культуры смещает акцент на природоохранный аспект. Так, в работах Б. Риордана ведущим выступает биологический компонент, а отношение к человеку второстепенно по отношению к природе. Интересной в его концепции является мысль о том, что экологическая культура выступает средством духовной перестройки человека, т.к. она опережает в своем развитии общество. Но при этом экологическая культура отождествляется у Б. Риордана с природоведческой культурой.

Другой подход к определению экологической культуры связан с обобщенной характеристикой человека. Здесь экологическая культура мыслится как органическое единство экологически развитых сознания, эмоционально-психических состояний и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности (Л. Н. Коган, Е. С. Пекер, Ю. Р. Вишневский и Н. В. Шкарбан, А. А. Мелькунов, Г. Хефлинг). Такое понимание экологической культуры позволяет выявить ее объективный характер, зависящий не от воли отдельной личности, а определяющийся соотношением свойств природной среды, общества, физиологических и общественных особенностей человека.

Третий подход рассматривает экологическую культуру как образующую основание культуры и являющийся ее стержнем. Согласно данной точке зрения, культура как взаимоотношение человека и природы с момента своего возникновения носила экологические черты и имеет экологическую сущность (А. Г. Маслеев, А. Храменко).

Существует и ряд других подходов к определению экологической культуры. В качестве примера можно привести ее определение, связанное не только с уровнем экологических знаний и экологическим поведением, но и со сформированностью определенных личностных качеств [1, с. 36] (С. С. Кашлев, Л. П. Симонов и М. В. Машарина). В. Н. Осокина и В. П. Кезин рассматривают экологическую культуру как обобщенную характеристику качеств личности, в основе которых лежит эко-центрическая система общих взглядов на мир, стремление к непрагматическому взаимодействию с природой. В контексте проблемы экологической культуры человека важной является отмеченная идея Н. В. Осокиной о том, что отношение к природе есть отношение к себе, к своей внутренней природе, нравственное отношение к другим людям [5; 7]. Нововведением в определение экологической культуры является также внесение нравственного начала в ее содержание, носителем которого является личность [4] (Р. В. Опарин и М. А. Андросов).

В настоящее время понимание экологической культуры связывают с культурой отношения к природе, социуму, самому себе (О. М. Дорошко). При этом понимается, что субъект экологической культуры несет ответственность за состояние окружающей среды, что возможно индивидуальное видение особенностей взаимодействия общества и природы и что это связано с общей культурой личности. Сформированная культура взаимодействия человека в социуме на основе самоопределения трансформируется и на окружающую действительность, в том числе и на природу. В системе «экологическая культура» ведущим компонентом выступает личность со своими убеждениями, взглядами, конкретными поступками [2].

Существующее сегодня многообразие определений экологической культуры свидетельствует о незавершенности как становления экологической культуры как системы, так и процесса формирования научного и философского ее понимания. Начавшее сегодня складываться под влиянием экологических кризисов экологическое сознание общества выражается в настроениях неблагополучия в обществе, попытках переосмыслить принципы цивилизации или общественного устройства, чтобы жить больше «по природе» [8, с. 12]. Экологическая культура является высшей стадией экологизации сознания, под которой понимается весь комплекс навыков бытия в контакте с окружающей природной средой. Центральная идея экологической культуры заключается в совместном гармоническом развитии природы и человека и отношении к природе не только как материальной, но и как духовной ценности [6].

В недавно опубликованном «Проективном словаре гуманитарных наук» М. Эпштейн вводит термин «экогуманистика», под которым подразумевает исследование тех форм и признаков человеческого, которые в связи с развитием техносреды уходят в прошлое [10]. Он обращает внимание на огромный интерес в современном обществе к естественному, природному в человеке, к тому, что под напором быстро развивающихся технологий уходит, но что еще встречается, что можно отыскать в человеке: его естественность, искренность, смущение, робость, душевный

разговор, любовь, вера. «Современный человек будет передвигаться в область экологического внимания и заботы, поскольку «современность» будет все более осознаваться как техносреда, из которой человеческая телесность и индивидуальность выпадают «в осадок», как рудимент давней стадии развития разума – «полудикой», промежуточной между природой и культурой, полуестественной-полуискусственной» [9, с. 127]. В контексте обозначенной проблемы для нас важна мысль М. Эпштейна о том, что сегодня возникает новое мироощущение, в котором человеческая индивидуальность и духовность не важны, что они только мешают дальнейшей эволюции, уже идущей по пути технизации организма и очеловечивания машины. Человеческое преподносится как нечто редкое, удивительное, вот тут и возникает образ экологического человека. Уставшая от технического прогресса окружающая среда уже диктует тенденции жизни в стиле эко.

Сегодня человек, проявляя «заботу о себе», пытается найти или создать для себя такую среду, которая соответствовала бы характеристике экологического: чистое, уютное, безопасное, вызывающее доверие и создающее уверенность в надежной защите. Человек ищет свой «дом», соответствующий его мироощущению, где он мог бы проявить себя настоящего, естественного, искреннего, любящего. На наш взгляд, такая интерпретация «эко» позволяет обозначить предметное поле философско-антропологического его осмысления. Для этого есть социокультурные основания, связанные с тем, что все более очевидно входит в жизнь человека постиндустриальной эпохи, массовой культуры, информационного общества: набирают популярность экостиль не только в питании, кулинарии, строительстве, дизайне и одежде, но и в целом в образе жизни. Появилось понятие «жизнь в стиле эко», подразумевающее разумный подход к выбору всего, что окружает человека, искреннюю заботу о себе и своих близких.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что философская антропология, обращающая исследователя к осмыслению мира человека и человека в мире в их взаимосвязи, может выступить общим методологическим основанием исследования всех экологических современных тенденций.

Литература:

1. Глазачев, С. Н. Экологическая культура: сущность, содержание, технологии формирования [Текст] / С. Н. Глазачев, С. С. Кашлев // Народная асвета. – 2005. – № 2. – С. 33–37.
2. Дорошко, О. М. Современные подходы к определению понятия «экологическая культура» [Электронный ресурс] / О. М. Дорошко // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2012. – № 9 (17). – // КиберЛенинка : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-podhody-k-opredeleniyu-ponyatiya-ekologicheskaya-kultura>. – Проверено: 05.10.2018.
3. Лихачев, Д. С. Экология культур [Электронный ресурс] / Д. С. Лихачев // Библиотека SVITK.ru : [сайт]. – URL: http://svitk.ru/004_book_book/16b/3564_lihahev-ekologiya_kulturi.php. – Проверено: 05.10.2018.
4. Опарин, Р. В. Экологическое образование как структурный компонент подготовки будущего специалиста в вузе [Электронный ресурс] / Р. В. Опарин, М. А. Андросов // ВМУ [Вестник молодых ученых] : [сайт]. – URL: <http://e-lib.gasu.ru/vmu/arhive/2006/01/15.shtml>. – Проверено: 05.10.2018.
5. Осокина, В. Н. Формирование экологической культуры студентов педагогического колледжа в процессе обучения [Электронный ресурс] автореф. дис. ...кан. пед. наук : 13.00.01 / Валентина Николаевна Осокина // dslib.net. Библиотека диссертаций : [сайт]. – URL: <http://www.dslib.net/obw-pedagogika/formirovanie-jekologicheskoy-kultury-studentov-pedagogicheskogo-kolledzha-v-processe.html>. – Проверено: 05.10.2018.
6. Петрова, Е. И. Экологизация сознания в информатизирующемся обществе [Текст] / Е. И. Петрова // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2016. – № 1. – С. 159–165.
7. Реймерс, Н. Ф. Начало экологических знаний [Текст] / Н. Ф. Реймерс. – Москва : МНЭПУ, 1993. – 243 с.
8. Ромашов, В. А. Становление нового экологического сознания: философский анализ [Текст] / В. А. Ромашов. – Москва, 1989. – 184 с.
9. Эпштейн, М. Н. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир [Текст] / М. Н. Эпштейн. – Москва; Санкт-Петербург : Центр гуманитар. инициатив, 2016. – 480 с.
10. Эпштейн, М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн // My Book : [сайт]. – URL: <https://mybook.ru/author/mihail-epshtejn/proektivnyj-slovar-gumanitarnyh-nauk/>. – Проверено: 05.10.2018.

ТРАНСГУМАНИЗМ В ЗЕРКАЛЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье позиционируется актуальность проблематики рационального мировоззрения, основанного на представлении, что эволюция человека не завершена и может быть продолжена в будущем в контексте современной культуры как рационально контролируемый (управляемый) процесс. Подчеркивается идея об использовании общественного интеллекта как ресурса управления.

Ключевые слова: трансгуманизм, культурная политика, эволюционное развитие человечества

Pashkova L.

TRANSHUMANISM IN THE SPHERE OF CULTURAL POLICY

The article presents the relevance of the problems of rational worldview, based on the idea, that human evolution is not complete and can be continued in the future in the context of modern culture as a rationally controlled (controlled) process. The idea of using public intelligence as a management resource is emphasized.

Keywords: transhumanism, cultural policy, evolutionary development of mankind

...Конкретное настоящее есть результат прошедшего и беременно будущим. Истинное настоящее есть тем самым вечность.

Г.-Ф. Гегель

Идеи трансгуманизма [2, с. 28–33], обосновывающие и, в известной степени, обеспечивающие радикальное изменение вектора цивилизационного развития, занимают в современном научном дискурсе все более существенное место. Ученые, прямо или косвенно разделяющие данные идеи, не только констатируют (описывают) проблематику будущего, создают футурологические прогнозы [3, с. 26–40], но и готовят предложения в области культурной политики [8]. Глобальная проблематика рационального мировоззрения, основанного на представлении, что эволюция человека не завершена и может быть контролируемо продолжена в будущем, слишком сложна и сегодня существенным образом обостряется, приобретая новую актуальность. Необходимо попытаться выявить эффективные концептуальные подходы, предложить методы управления (развития) в ситуации объективного конфликта феноменов прошлого, традиционно выступающего базисом государственной идеологии и будущего как важнейшего ориентира культурной политики [9, с. 4].

Одним из ключевых положений трансгуманистического взгляда на мир (методологии) является постулат о возможности практического бессмертия человека. Однако, будущее как результат этического противостояния жизни и смерти нашло широкое отражение в трудах еще античных мыслителей – Сократа, Лукреция, Платона, Эпикура, подтверждающих актуальность темы «проникновения в будущее». Эта тема близка классикам западноевропейской философии – Ф. Ницше, Э. Шопенгауэру, Л. Фейербаху, М. Хайдеггеру, в России – Н. А. Бердяеву, Иоанну Дамаскину, М. М. Щербатову. В контексте возможности победы над фатальностью смерти будущее рассматривалось российскими мыслителями К. Э. Циолковским, П. И. Бахметьевым, В. И. Вер-

надским, современными американскими учеными Р. Курцвейлом, Э. Купером, а также нашими соотечественниками И. В. Вишевым, А. Б. Демидовым.

Проблема неопределенности смысла существования человечества во Вселенной и трансгуманистические задачи (воскрешение предков и спасение природы) [11, с. 296] вышли на первый план в исследованиях русских философов-космистов Н. Федорова, Э. Ильенкова, с его «космологией духа».

В 1960-е гг. вводится сам термин «трансгуманизм» (Д. Хаксли), популяризируются идеи крионики – технологии замораживания людей и животных при сверхнизких температурах (Э. Купер, Р. Эттингер). Публичные выступления и работы ученых, разрабатывавших основы компьютерной техники – Э. Тоффлера, А. Тьюринга, Дж. фон Неймана оказали большое влияние на возникновение трансгуманизма. Психофизическую проблему с позиций еще более радикального натурализма отражает в своей работе пионер трансгуманизма Ник Бостром, говоря о гипотетической технологии загрузки, переносе человеческой души в компьютер [13].

В целом в XXI в. интерес исследователей к футурологической проблематике повышается. Важно отметить труды экспертов «Римского клуба», представляющих описание разнообразных последствий развития техногенной цивилизации для природы планеты Земля и формирующих корпус идей, лежащих в основе представлений о вероятных образах будущего. Ученые выполняют конкретные прогнозы, касающиеся продолжительности жизни. В целом среди авторов, представляющих различные области знания, продуктивно пишут на эту тему Р. Эттингер, Р. Курцвейл, Р. Фрайтаса, Й. Рейх, Обри ди Грей. Тема увеличения средней продолжительности жизни человека с нынешних 70-ти лет до 90–100, а в более отдаленной перспективе и до 100–120-ти лет поднимается в работах российских ученых, специалистов по теории прогнозирования И. В. Бестужева-Лады и В. В. Кузина.

В то же время, нам почти не встретилось крупных работ, посвященных футурологической проблематике, выполненных в России в рамках культурологии и социологии. Среди авторов, пишущих на тему предвосхищения будущего, следует отметить лишь И. В. Бестужева-Ладу [1], С. Б. Синецкого [8], И. Д. Тузовского [10], А. Я Флиера [12], анализирующих перспективы социокультурных изменений общества, а также А. Назаретяна, демонстрирующего роль культуры в преодолении современной цивилизацией кризиса и представляющего выводы о «промежуточности» человеческого рода, о возможной гибели традиционной Земной цивилизации [4].

Развитие современных технологий, их влияние на ускорение эволюции жизни разумной вне рамок ее сложившихся человеческих форм и ограничений, анализируют и общественные организации футуристической направленности, в совокупности представляющих один из мейнстримов современной культуры, известное как движение трансгуманизма [7].

Представители движения трансгуманизма (все активнее претендующего на роль субъекта культурной политики), поддерживающие технологии «земного бессмертия» [6, с. 107–116] и признающие неотъемлемое право совершенствовать человеческие возможности (физиологические, интеллектуальные), как мы видим, выступают в роли интеллектуальной организации, основанной на общественном интеллекте, который, в специально организованных формах, воздействует на социально-культурные и политические процессы. В связи с этим общественный интеллект должен использоваться при подготовке решений в сфере социально-культурного регулирования и таким образом способствовать гармонизации культурного самочувствия российского общества XXI в.

В этом контексте возникает принципиально важный для определения приоритетов культурной политики государства вопрос о застойных явлениях в эволюционном развитии человечества. Большой интерес поэтому представляет предложение использования **общественного интеллекта** [подробнее см. 8, с. 149–156] как ресурса управления, с помощью которого будет возможно корректировать образцы мышления и деятельности, эталонизируемые, в том числе и в ценностно-нормативных (культурных) моделях трансгуманистов; сохранить культурную самобытность; понять роль любого субъекта культурной политики в общекультурных процессах. Вместе с тем, обращаясь к общественному интеллекту, мы увидим, как выкристаллизовывается меха-

низм делегирования органами государственной и муниципальной власти определенных полномочий в принятии решений (законов) общественным организациям (также субъектам культурной политики), опирающимся на социокультурные проекты. С помощью данного механизма будет возможно влиять на вектор социокультурного развития России и «вживить» Стратегию [5] в институциональную ткань общества.

Таким образом, Россия вступает в новый этап взаимодействия органов государственной и муниципальной власти с одной стороны и структур гражданского общества (общественные организации) с другой, в котором главную роль будут играть такие механизмы взаимодействия как сочетание элитаристского и общественного интеллектов, основанные на проектном подходе.

ВЫВОД. Проблематика эволюционного развития человечества в ее культурологическом аспекте, на наш взгляд, ни в российской, ни в зарубежной литературе не получила достаточного освещения. Вероятно, наступает время консолидированных усилий ученых разных стран и направлений гуманитарного знания, направленных на согласование представлений (возможно в рамках специального документа: «Концепции...», «Декларации...») о будущем человечества как единого представителя планеты. Этот процесс приобретает особую актуальность в преддверии экспансии человечества в космические миры.

Литература:

1. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование [Текст] : курс лекций / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Наместникова. – Москва : Пед. о-во России, 2002. – 392 с.
2. Кайгородов, П. В. Трансгуманизм: дискуссионные аспекты концепции [Текст] / П. В. Кайгородов // Идеи и идеалы. – 2014. – № 4 (22). – Т. 2. – С. 28–33.
3. Колин, К. К. Глобальная безопасность: новые приоритеты комплексной проблемы развития цивилизации в XXI веке [Текст] / К. К. Колин // Цивилизация знаний: российские реалии : труды XVIII Междунар. науч. конф. (Москва, 21–22 апр. 2017 г.). В 2 ч. – Москва : РосНОУ, 2017. – Ч. 2. – С. 26–40.
4. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (синергетика – психология – прогнозирование) [Электронный ресурс] : пособие для вузов / А. П. Назаретян. – изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва, 2004 // ЛИТМИР. Электронная библиотека : [сайт]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=135030&p=1>. – Проверено: 09.10.2018.
5. О стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. Распоряжение Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р [Электронный ресурс] // Правительство России : [официал. сайт]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9IxP7f2xm.pdf>. – Проверено: 09.10.2018.
6. Роганов, С. В. Рецепции смерти в современной культуре [Текст] / С. В. Роганов // Человек. – 2007. – № 3. – С. 107–116.
7. Российское Трансгуманистическое Движение : [сайт] / РТД. – [Б.м., б.и.], сор. 2006–2018. – URL: <http://www.transhuman.ru/transgumanizm-bessmertie>. – Проверено: 09.10.2018.
8. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: от прецедента Истории к проекту Будущего [Текст] : монография / С. Б. Синецкий. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 288 с.
9. Синецкий, С. Б. Культурная политика XXI века: теоретико-методологические основания и условия осуществления : автореф. дис. ...док. культурологии : 24.00.01 / Сергей Борисович Синецкий ; [Место защиты Челябинск, гос. акад. культуры и искусств]. – Челябинск, 2012. – 50 с.
10. Тузовский, И. Д. Светлое завтра? Антиутопия футурологии и футурология антиутопий [Текст] / И. Д. Тузовский ; ЧГАКИ. – Челябинск, 2009. – 312 с.
11. Федоров, Н. Ф. Собрание сочинений. В 4 т. [Текст] / Н. Ф. Федоров. – Москва : Прогресс, 1995. – Т. I. – 296 с.
12. Флиер, А. Я. Некультурные функции культуры. Очерки [Электронный ресурс] / А. Я. Флиер. – Москва : МГУКИ, 2008. – 272 с. // Т : [сайт]. – URL: <https://www.twirpx.com/file/519774/>. – Проверено: 09.10.2018.
13. Nick, Bostrom. A History of Transhumanist Thought / Nick, Bostrom. – Journal of Evolution and Technology. vol.14, April 2005. – P. 9–17.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Культурология, теория и
история культуры.*

*Науч. рук.: С. Б. Синецкий, доктор
культурологии, кандидат педагогических
наук, доцент, Челябинский
государственный институт культуры*

КРАТКИЙ ОБЗОР МЕТОДОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ДЛЯ ФУТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье ставится проблема необходимости введения дополнительного критерия для классификации методов прогнозирования.

Ключевые слова: прогнозирование, методология, футурологический прогноз

Ryavkin I.

A BRIEF OVERVIEW OF FUTURES RESEARCH METHODOLOGY

A brief overview of futures research methodology is presented in the article, a need for additional classification criteria is pointed out.

Keywords: futures research, methodology, futurological forecast

Объектом нашего культурологического исследования выступает футурологический прогноз – представление о будущем как новом концепте социокультурного устройства. Ключевым в этом определении является новизна концепта, то есть критическое отличие как минимум одного из системообразующих оснований картины будущего мира от аналогичных оснований картины мира настоящего, будь то новый доминирующий способ производства, новое политическое устройство, изменившаяся характеристика человека, новый способ коммуникации, новые внешние условия.

Очевидно, что далеко не каждый прогноз строится на основании некоторого нового концепта в силу различности задач прогнозирования, его объекта и временного горизонта. Подавляющее большинство прогнозов осуществляется для решения текущих и перспективных задач маркетинга и управления, для обеспечения процесса планирования и выбора средне- и долгосрочных стратегий развития. При этом следует помнить, что в управлении (в том числе государственном) долгосрочной перспективой выступает срок от 15 до 30 лет [3, с. 371]. Разумеется, в реалиях XXI века, когда скорость социокультурных изменений продолжает расти, даже такого срока теоретически достаточно для радикальных изменений. На практике же и управление, и социокультурная система в целом сопротивляются изменениям. Например, в области информационных технологий, наиболее быстро изменяющейся по сравнению с такими областями, как медицина, образование или политика, срок от разработки новой технологии до ее внедрения составляет в среднем около 5 лет. Если же брать период от разработки технологии до ее повсеместного распространения, срок увеличивается до 7–10 лет.

Поэтому большинство прогнозов ориентируются на предположение, что существующие акторы / драйверы будут действовать по схеме «business as usual» («как действуют сейчас», «как есть»), и изменения в будущем будут продиктованы существующими на момент создания прогноза тенденциями, трендами и/или планами. Обычный горизонт прогнозирования при таком подходе – от 1 года

до 5 лет, в случае стратегического планирования – до 15 лет. Такой подход позволяет увеличить точность прогнозов, но, на наш взгляд, не увеличивает их футурологическую ценность в том смысле, что такие прогнозы очень редко допускают возможность крупных системных изменений.

Футурологический прогноз предполагает изменение как минимум одного из оснований социокультурной системы. Соответственно, методология построения футурологического прогноза должна допускать возможность масштабных изменений, учитывать, что вследствие определенных событий поведение драйверов социокультурного развития может измениться. Методология, используемая для футурологического прогнозирования, должна, по нашему мнению, способствовать построению *системной* картины возможного будущего. На основе анализа литературы был выявлен ряд методов долгосрочного прогнозирования [1; 2; 5]. Перечислим наиболее значимые из них.

Для того чтобы собрать и обработать экспертные мнения, используются методы Дельфи, колесо будущих возможностей, индивидуальные и групповые интервью (мозговой штурм и другие техники).

Для анализа и прогнозирования временных рядов (и других количественных статистических данных) используются методы эконометрии и статистического моделирования, анализ влияния событий на тренды, регрессионный и структурный анализ.

Чтобы обнаружить и понять связи между событиями, трендами и действиями, можно использовать большую группу методов: уже упомянутые методы анализа влияния событий на тренды и колесо будущих возможностей, а также агентное моделирование, анализ динамики систем, анализ перекрестных воздействий, метод снижения напряжения поля, методы множественных перспектив и «дерева решений», имитационное моделирование и многоуровневый причинный анализ.

Для разработки курса действий в условиях неопределенности и ограниченности информации используются методы анализа решений, дорожной карты, анализа технологических последовательностей и экспертных мнений.

Чтобы описать альтернативные возможные варианты будущего, используются сценарные методы, колесо будущих возможностей, игровое моделирование и агентное моделирование.

Для того, чтобы определить динамику изменения будущего (улучшается ли прогнозируемая ситуация вследствие принимаемых решений и производимых действий, и насколько быстро) используется индекс состояния будущего.

Мониторинг внешней среды и интеллектуальный анализ текстов (майнинг текстов) используются для выявления происходящих изменений, а также для выявления предположений и предрассудков, которые повлияли на прогнозирование и принятие решений.

Наконец, для определения стабильности исследуемой системы используются нелинейные технологии, позволяющие, опираясь на примеры поведения хаотической (в понимании математической теории хаоса, как не-случайной, но сложно детерминированной) системы в прошлом, с определенной вероятностью прогнозировать ее поведение в краткосрочном периоде.

На наш взгляд, в качестве основания методологии футурологического прогноза можно рассматривать простейшую классификацию методов прогнозирования Т. Гордона (Theodor J. Gordon) и Дж. Гленна (Jerome C. Glenn) [4]. В последнем, третьем издании их работы «Методология исследования будущего» они выделяют 24 различные методологии прогнозирования, не учитывая внутренние разновидности (к примеру, метод Делфи можно разделить на классический, политический, реального времени) (Табл.).

Простейшая классификация методов прогнозирования Гленна и Гордона

Название метода		Характеристика результата			
		Количественный	Качественный	Нормативный	Эксплораторный (поисковый)
1	Агентное моделирование		X		X
2	Библиометрия	X			X
3	Многоуровневый причинный анализ		X		X
4	Анализ перекрестных воздействий	X			X

Название метода		Характеристика результата			
		Количественный	Качественный	Нормативный	Эксплораторный (поисковый)
5	Моделирование решений	X			X
6	Метод Дельфи		X	X	
7	Эконометрии и статистическое моделирование	X			X
8	Мониторинг окружающей (внешней) среды		X		X
9	Метод снижения напряжения поля		X		X
10	Колесо будущих возможностей		X	X	X
11	Экспертное прогнозирование, интуиция и видение		X	X	X
12	Интерактивные сценарии		X	X	X
13	Множественные перспективы		X	X	X
14	Методы включения (участия)		X	X	
15	Деревья релевантности и морфологический анализ		X	X	
16	Научно-технологическая дорожная карта		X	X	X
17	Сценарная методология	X	X	X	X
18	Игровая симуляция		X		X
19	Индекс состояния будущего	X	X	X	X
20	Структурный анализ	X	X		X
21	Системное моделирование	X			X
22	Анализ технологических последовательностей		X	X	
23	Интеллектуальный анализ текстов		X	X	X
24	Анализ влияния событий на тренды	X			X

В таблице приведены методы, изобретенные и использующиеся *только* для прогнозирования. Методология исследований будущего опирается на это ядро специфических прогностических методов, но, разумеется, не ограничивается ими. Исходные данные для прогнозирования могут собираться и обрабатываться как общенаучными методами, так и специфическими конкретных наук и областей исследования.

Дж. Гленн и Т. Гордон классифицируют методы прогнозирования по возможности их использования для построения поисковых и/или нормативных прогнозов, а также по характеру предоставляемой ими информации – количественной и/или качественной. По нашему мнению, для полного представления о возможностях и ограничениях различных методов прогнозирования следует ввести еще одно основание классификации – эвристическую погрешность. В ходе дальнейшего исследования мы более подробно обратимся к этому параметру, его важности для оценки возможностей методов прогнозирования и, соответственно, получаемых с их помощью прогнозов, пока же скажем, что под эвристической погрешностью мы понимаем вероятность неточности прогноза, происходящую от неотъемлемой части большинства методов прогнозирования – эвристической оценки.

Литература:

1. Дрейпер, Н. Прикладной регрессионный анализ [Текст] / Н. Дрейпер, Г. Смит. – Москва : Издат. дом «Вильямс», 2007. – 912 с.

2. Константиновская, Л. В. Методы и приемы прогнозирования [Электронный ресурс] / Л. В. Константиновская // Константиновская Л. В. : [сайт]. – URL: <http://www.astronom2000.info/прогнозирование/mipp/>. – Проверено: 01.30.2018.
3. Шляпентох, В. Э. Проблемы качества социологической информации: достоверность, репрезентативность, прогностический потенциал [Текст] / В. Э. Шляпентох. – Москва : ЦСП, 2006. – 490 с.
4. Glenn, Jerome and Gordon, Theodor. Futures Research Methodology, Version 3.0 [Текст]. – Washington D.C : The Millennium Project, 2009. – 1300 p.
5. Helmer-Hirschberg, Olaf. Analysis of the Future: The Delphi Method [Digital source]. – Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1967. // Rand corporation. Objective analysis. Effective solutions : [site]. – URL: <https://www.rand.org/pubs/papers/P3558.html>. – 01.10.2018.

УДК 395

Манжуева О. М.

*доктор философских наук, доцент,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры, г. Улан-Удэ*

КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ В ИНТЕРНЕТЕ

Культурологическая научная школа «Социально-культурная среда Восточной Сибири: современное состояние и перспективы развития» Татаровой Светланы Петровны, доктора социологических наук, доцента, Восточно-Сибирский государственный институт культуры

В статье рассматриваются проблемы области культуры человеческого поведения в сети Интернет. Поставлен вопрос о терминосистеме в сфере социального регулирования применения информационных технологий в Интернете. Раскрывается понятие «киберэтика», заложенное в основание становления культуры поведения в сети Интернет.

Ключевые слова: информационная культура, Интернет, киберпространство, киберэтика, проблемы поведения в сети

Manzhueva O.

CULTURE OF BEHAVIOR ON THE INTERNET

The article examines the problems of the field of culture of human behavior in the Internet environment. The question is raised about the terminology system in the sphere of social regulation of the use of information technologies in the Internet. The notion of "cyberethics", laid down in the basis of the formation of a culture of behavior in the Internet, is disclosed.

Key words: information culture, Internet, cyberspace, cybernetics, behavioral problems in the network

Сегодня термин компьютерная этика употребляют в профессиональной этике компьютерных профессионалов, руководствующихся этическими кодексами внутри своей профессии. Компьютерная этика рассматривает влияние компьютерной и информационной технологии на ценности человека, используя концепции из философии, социологии, права, психологии и т. д. Специалисты-практики компьютерной этики нынешнего дня – будь они философами, программистами, социологами и другими учеными – имеют одну цель: интегрировать компьютерную технологию и ценности человека так, чтобы технология продвигала и оберегала последние, а не наносила им ущерб.

Что касается раздела этических и социальных проблем в киберпространстве или глобальной сети, важно отметить, что, начиная с момента возникновения и решения указанных вопросов, сформировались следующие направления, занимающиеся этическими исследованиями в области регулирования человеческого поведения в среде Интернет: интернет-этика, сетевая этика, киберэтика, нетикет, виртуальная этика. В результате чего специалисты стали говорить о ряде проблем

терминосистемы и кодифицирования в сфере этического регулирования применения информационных технологий, которые нуждаются в значительной степени уточнениях [7]. На наш взгляд, существует необходимость внести некоторую ясность в сложившуюся ситуацию.

Сетевую этику связывают с принципами становления культуры поведения сети Интернет. По аналогии с традиционной профессиональной этикой здесь выделены основные слагаемые сетевой этики: кодекс сетевой этики (регулятор отношений в Сети) и сетевой этикет (регулятор поведения в Сети) [8].

Термин «нетикет» (или «сетикет») возник в результате слияния слов «сеть» (англ. net) и «этикет». Значения слов, составляющих термин, предполагают, что данное понятие характеризует правила поведения в сети Интернет, которых придерживается большинство интернет-сообществ [11]. Данный термин впервые встречается в 80-х гг. XX в. в международной любительской компьютерной сети FIDO, положившей начало развитию социальных форумов.

Виртуальная этика связана с осмыслением проблем интернет-коммуникаций. Рассматривая глобальную сеть Интернет в качестве социального электронного пространства, специалисты выделяют ее многофункциональность. В первую очередь, это масштабное коммуникационное поле, состоящее из собственной реальности: развлечения, деловая среда, виртуальные сообщества, интернет-мифы и интернет-конфликты, а также вытекающие отсюда социальные, креативные и асоциальные последствия виртуальных игр [9].

Киберэтика призвана регулировать поведение человека в информационном мире. Она «имеет дело с будущими компьютерными технологиями, с качеством жизни, с этическими и социальными проблемами, связанными с киберпространством и обществом всемирной компьютерной сети (networked society)» [5]. Впервые термин «киберпространство» был введен У. Гибсоном в фантастическом романе «Нейромант» [6], под термином подразумевалось виртуальное пространство, состоящее из ресурсов, доступных через компьютерные сети.

Киберэтику также называют интернет-этикой, то есть областью прикладной этики, изучающей этические вопросы и моральные дилеммы, связанные с появлением цифровых технологий и глобальной виртуальной среды, в частности: проблемы конфиденциальности, точности и доступности информации, защиты интеллектуальной собственности, безопасности данных и цифрового неравенства [10, Р. 124].

Все перечисленные выше понятия, то есть сетевую этику, нетикет (сетикет), виртуальную этику, киберэтику и интернет-этику, некоторые специалисты видят в качестве фрагментов единой теории [9], что, на наш взгляд, весьма верно. Исследуемые направления изучают проблемы социального, этического характера, возникающие в процессе взаимодействия в компьютерной сети. Указанное направление научного исследования будем называть «киберэтикой», иначе – этикой, изучающей проблемы информационного взаимодействия в компьютерной сети или в киберпространстве.

Под киберэтикой, как правило, понимаются правила нравственного (т. е. правильного, честного, справедливого) поведения в глобальной среде. Она простирается далеко за пределы «сетевого этикета» – правил, выработанных в ранний период использования Интернета. Киберэтика распространяется на коммуникативные (чаты, форумы, блоги и др.) и некоммуникативные сервисы: совместную работу, онлайн-игры, покупки или приобретение/продажу биржевых акций» [4]. Кроме того, данное этическое поле – предмет пристального изучения. Так, А. Ю. Алексеевой [1] рассмотрены вопросы становления этики Интернета, С. В. Бондаренко [2] выделены социологические аспекты, И. Л. Галинской и А. И. Панченко [5] – юридические вопросы, психологические проблемы – А. Е. Войскунским [3] и др.

В свою очередь, Дж. Мур конкретизирует содержание понятия «киберэтика», отмечая следующее: киберэтика формулирует и обосновывает политику в области этического использования компьютеров, точнее, решает вопросы компьютерной этики в киберпространстве. Р. Бэрд, Р. Рэмсвер и С. Розенбаум, говоря об общем характере проблем компьютерной этики и киберэтики, замечают, что, в отличие от компьютерной этики, киберэтика решает вопросы цензуры и фильтрации информационного трафика, свободы и благопристойности информации, а также интернет-зависимости и игромании [10].

Со своей стороны, относительно сфер деятельности киберэтики подведем итог: изучаемые вопросы киберэтики и компьютерной этики во многом схожи, точнее, киберэтика исследует проблемы компьютерной этики, отражающиеся в глобальной Сети или киберпространстве. При этом сеть Интернет, благодаря своим уникальным характеристикам, порождает новые специфические этические вопросы, которые ищут своего разрешения в рамках киберэтики.

Литература:

1. Алексеева, И. Ю. Этика Интернет. Internet Ethics [Текст] / И. Ю. Алексеева. – Houndmills : Macmillan press, 2000. – 281 p.
2. Бондаренко, С. В. Киберэтика и сетевые сообщества (молодежный аспект проблемы с точки зрения американских социологов и психологов) [Текст] / С. В. Бондаренко // Социальные и психологические последствия применения информационных технологий : материалы междунар. интернет-конф., проходившей на образоват. портале www.AUDITORIUM.ru / под общ. ред. А. Е. Войскунского. – Москва, 2001. – С. 243–252.
3. Войскунский, А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты [Текст] / А. Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. – 2010. – № 1 (3). – С. 48–53.
4. Войскунский, А. Е. Актуальные психологические проблемы киберэтики [Текст] / А. Е. Войскунский, А. И. Нафтульев // Гуманитарная информатика. – 2007. – Вып. 3. – С. 31–39.
5. Галинская, И. Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика [Текст] / И. Л. Галинская, А. И. Панченко // Новые инфокоммуникационные технологии в социально-гуманитарных науках и образовании: современное состояние, проблемы, перспективы развития : материалы междунар. интернет-конф. (Москва, 15 янв. – 29 марта 2002 г.) / под общ. ред. А. Н. Кулика. – Москва : Логос, 2003. – С. 112–132.
6. Гибсон, У. Нейромант [Текст] / У. Гибсон. – Москва : Аст; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2000. – 218 с.
7. Езова, С. А. Информационные технологии и этика [Текст] / С. А. Езова // Информационные технологии и вычислительные системы : материалы семинара молодых ученых с междунар. участием, г. Улан-Удэ – озеро Байкал, 22–26 июня 2011 г. – Улан-Удэ, 2011. – С. 73–75.
8. Езова, С. А. Слагаемые библиотечной этики [Текст] / С. А. Езова // Библиосфера. – 2010. – № 2. – С. 48–50.
9. Скворцов, А. А. Мораль и современные информационные технологии : программа дисциплины [Электронный ресурс] / А. А. Скворцов // Институт философии Российской академии наук : [сайт]. – URL: <https://iphras.ru/uplfile/ethics/RC/prog/applied/IP.html>. – Проверено: 01.10.2018.
10. Baird, R. Cyberethics: Social & Moral Issues in the Computer Age [Текст] / R. Baird, R. Ramsower, S. Rosenbaum. – Amherst, New York: Prometheus Books, 2000. – 142 p.
11. Shea, V. Netiquette [Текст] / V. Shea. – San Francisco : Albion Books, 1994. – 162 p.

УДК 1

Сулейманова Н. М.

*старший преподаватель кафедры
лексикологии и стилистики английского
языка Самаркандского государственного
института иностранных языков,
Узбекистан*

*Науч. рук.: Негмат Каюмович Турниязов,
доктор филологических наук, профессор,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков,
Узбекистан*

О ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРНОЙ СХЕМЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ СОЗНАНИИ

В статье рассмотрен процесс речепроизводства, как явление сложного характера. Выявлены пересекающиеся проблемы, связанные с отношениями языка и речи.

Ключевые слова: синтаксическая структура, синтагматика, речь, структурная схема, локутивный акт, перлокутивный акт, иллокутивный акт

THE FORMATION OF A STRUCTURAL SCHEME IN THE HUMAN MIND

Speech production and the process of speech are phenomena of a very complex nature, and here all the problems associated with the relation of language and speech are revealed and intersected.

Keywords: syntactic structure, syntagmatic, speech, structural scheme, locative act, perlocutive act, illocutive act

В лингвистической литературе не тождественны суждения и высказывания о лексическом материале, употребляемом при выражении определенного сообщения, а также о выборе соответствующей синтаксической структуры, который некоторые ученые считают первичным. Другие же признают, что выбор лексического материала имеет иной статус. По мнению известного чешского лингвиста Ежи Куриловича, в речевой реализации выражения любого сообщения выбор синтаксической структуры обретает первичный статус, после выбора которой появляется потребность в лексическом материале с целью заполнить первое [5, с. 179].

Мы считаем, что при выражении сообщения в процессе речи (если подходить к описанию вопроса с точки зрения внутренней и внешней речи), при переносе продукта мышления в речь прежде всего рождается потребность в слове, в лексическом материале, и уже потом выбирается синтаксическая структура. Но, если мы рассмотрим суть проблемы только с точки зрения внешней речи, выбор синтаксической структуры приобретает первичное значение. При этом используются существовавшие в человеческом сознании в готовом виде схемы предложений. Исходя из этого, можно подчеркнуть одинаковое отношение речеобразования и к выбору лексического материала, и к выбору синтаксической структуры. Как пишет Н. Д. Арутюнова, «в реальном процессе речеобразования оба выбора взаимообусловлены: выбор слова невозможен безотносительно к конструкции, задающей его синтаксические характеристики (принадлежность к той или другой части речи), но и выбор конструкции неосуществим без предварительной фиксации лексических элементов...» [2, с. 290].

Действительно, насколько речеобразование взаимосвязано с лексическим материалом, настолько оно нуждается в синтаксических структурах (в моделях предложений). Без участия лексического материала синтаксические структуры превратятся в бессмысленные формы и, в свою очередь, не смогут взаимосвязывать слова вне рамок синтаксической структуры. Согласно Е. М. Лагуткиной, синтаксическими структурами являются средства, сигнализирующие об операциях, предусматривающих смысловые критерии [6, с. 61].

Думаем, что следует обратить внимание еще на одно явление. В рамках большинства исследований, проводимых в современном языкознании, большое внимание уделяется вопросам синтаксических структур, в том числе и структурной схеме предложения. В некоторых работах его интерпретируют в качестве языковой единицы. С нашей точки зрения, определение предложения в качестве языковой единицы требует разъяснения, так как структурная схема не существует внутри единиц языковой системы. Структурная схема формируется в человеческом сознании и является продуктом многолетнего опыта, а также навыков, приобретенных на протяжении многих лет. Доказательство нашей мысли можно увидеть в следующем замечании М. А. Абдуракова: «Миновать деятельность человеческого сознания и его формы нельзя» [1, с. 17]. Такое суждение приводилось и известным ученым-лингвистом Г. А. Золотовой. Она подчеркивала возможность суждения о представлении и в языке, и в речи структурной схемы, наполненной лексическими средствами [4, с. 83]. Г. А. Золотова отрицает структурную схему, и не только она одна пишет об отказе от понятия частей речи [4, с. 89].

Очевидно подтверждение данной мысли в приведенном ниже высказывании Л. А. Беловольской со ссылкой на существующие в русской лингвистике исследования: «Каждое простое предложение формируется на основе определенного формального образца. Данный образец можно назвать предикативной основой или структурной схемой предложения. Такие схемы, по сути, бывают абстрактно выраженными. Они предполагают абстрактные модели конкретных предло-

жений, которые могут бесконечно формироваться. Сравните: *Ребенок веселится. Поезд идет. Мальчик читает.* Данные предложения образуются на основе нижеприводимых образцов: существительное + спрягаемый глагол. При этом через глагол указывается на процессуальный знак и его носитель. *Работы прибавляется. Вода убывает:* форма существительного в родительном падеже + глагол третьего лица, в единственном числе. Здесь указывается на процессуальное положение и его носитель. *Зима. Ночь.* Здесь существительное в именительном падеже означает определенную действительность» [3, с. 94].

Можно полностью согласиться с данными суждениями. Мысль академика В. В. Виноградова о структурной схеме подразумевает именно это, то есть грамматическую основу предложения (основу предикативности). При этом следует отметить, что, если структурная схема будет выражаться абстрактно, в ней наблюдается знак виртуальности, а предложение, в каком бы оно ни было виде, всегда находится в актуальном положении. Превращение структурной схемы в предложение, конечно, нуждается в помощи говорящего. Через структурную схему мы не можем получить информацию ни об одном из локутивных, иллокутивных и перлокутивных актов, которые должны отражаться в речи говорящего, то есть в его деятельности по построению высказываний.

Под локутивом мы понимаем произношение высказывания. Данный акт включает в себя фонетические, фатические и ретические акты. Фонетический акт предусматривает произнесение звуков, фатический произношение слов и предложений, на основе определенных фонологических и синтаксических правил, а ретический акт предполагает формирование семантической структуры, связанной с выражением значения высказывания.

Иллокутивный акт, имея определенную силу, означает коммуникативную цель. А перлокутивный акт выражает отношение говорящего к слушателю, другими словами, означает воздействие на адресат выражения сообщения, передаваемого говорящим. Данную информацию, опираясь на произведение английского философа Джона Остина «How to things with words» (Oxford, 1962), разъясняет О. В. Пугачева [7]. В изучении предложения и, в общем, содержательного аспекта дискурса значение этих понятий весомо в современном языкознании.

Следует отметить, что всегда существует потребность в исследованиях системно-структурного направления в изучении структурной схемы предложения. Основная причина этого кроется в том, что, когда в таких работах речь идет о непосредственных участниках предложения, о трансформационных методах, общие абстрактные правила устанавливаются на основе определенных схем. И, по нашему мнению, использование структурной схемы при изучении коммуникативной функции предложения может не дать ожидаемого результата, потому что можно наблюдать, как употребление определенного предложения в процессе речи выражает разные коммуникативные функции. Другими словами, при этом тема-рематические отношения компонентов предложения по желанию говорящего могут быть различными. Поэтому в этом случае одно и то же предложение, исходя из коммуникативных функций, может соответствовать стереотипам разнообразных структурных схем. Вот это и показывает, что при выражении функционально-коммуникативных моделей предложения трудно опираться на готовые структурные схемы. Форма структурной схемы предложения определяется говорящим не заранее, а в процессе речи в целом. Коммуникативная функция предложения устанавливается по желанию говорящего и по требованиям речевой среды, а выбор модели в этом процессе происходит механически.

Независимо от того, в какой модели находится синтаксическое образование предложения, оно предполагает взаимоотношение единиц языка и речи в рамках синтагматической цепочки. А синтагматическая цепочка возникает на основе приобретения языковыми элементами функциональной ценности на базе следующих двух планов: 1) коммуникативный план, 2) номинативный план. Здесь номинативный план служит для выражения ситуации, которая реализуется в связи с действительностью, а коммуникативный план – для представления ядра выражения передаваемого сообщения и его предмета. В этом случае под ядром понимается один из актуальных членов предложения – *рема*, а под предметом подразумевается *тема* – второй актуальный член [1, с. 302].

Согласно Ж. В. Олер, изучение языковых явлений отдельно от их коммуникативных функций никогда не может дать положительного результата [8, с. 23]. Действительно, нельзя изучать

структурное строение языка, опираясь только на его внутренние правила. При этом приходится обращаться и к коммуникативным процессам. Весомый статус и значение данного процесса особенно явно чувствуются при взаимосвязях принципов внутреннего и внешнего языкознания. Это можно наблюдать при изучении номинативной функции языка, что будет продолжением нашего исследования.

Литература:

1. Абдуразаков, М. А. Семантические типы субъектов [Текст] / М. А. Абдуразаков. – Ташкент, 1991. – 62 с.
2. Арутюнова, Н. Д. Синтаксис [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Общее языкознание. Внутренняя структура языка : сб. ст. – Москва, 1972. – 290 с.
3. Беловольская, Л. А. Синтаксис словосочетания и простого предложения [Текст] / Л. А. Беловольская. – Таганрог, 2001. – 94 с.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – Москва, 1982 – 83 с.
5. Курилович, Е. Проблема классификации падежей [Текст] / Е. Курилович // Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – Москва, 1962. – 179 с.
6. Лизуткина, Е. М. Актуальные вопросы синтаксической нормы [Текст] / Е. М. Лизуткина // Филологические науки. – 2008. – № 3. – С. 61–67.
7. Пугачёва, О. В. Речевой акт как трехуровневое единство: проблема перлокутивного эффекта [Электронный ресурс] / О. В. Пугачёва // Исследовано в России : [электрон. науч. журнал]. – 2007. – URL: <http://zhurnal.apelarn.ru/articles/2007/112.pdf>. – Проверено: 13.10.1994.
8. Oller, J.W. Coding information in natural languages [Text] / J.W. Oller. – The Hague – Paris, 1971. – P. 23–27.

УДК 821.0

Крысанков Т. Г.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Философия, этика,
религиоведение.*

*Науч. рук.: Невелева В. С., доктор
философских наук, профессор, Челябинский
государственный институт культуры*

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ВОПРОСЫ

*Научно-педагогическая школа «Философия человека в контексте культуры»
кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры*

В статье рассматриваются особенности философских категорий «форма – содержание», «форма – материя», их функционирование в произведении искусства. Уделено внимание специфике художественной формы, художественного образа.

Ключевые слова: содержание, форма, произведение искусства, художественный образ

Krysankov T.

THE CONTENT AND FORM OF THE WORK OF ART: PROBLEMATIC PHILOSOPHICAL ISSUES

The article discusses the features of the philosophical categories "form – content", "form – matter", their functioning in the work of art. Attention is also paid to the specifics of the artistic form, artistic image.

Keywords: content, form, work of art, artistic image

Из всего многообразия философских категорий, применяемых исследователями с целью анализа произведений искусства, пожалуй, именно категории «содержание» и «форма» в их диалектической взаимосвязи являются наиболее популярными. Действительно, нелегко устоять перед соблазном «разобрать» любой продукт художественного творчества человека на эти две составляющие. Так или иначе, произведения искусства всегда кем-то создаются, а значит являются выражением субъективной воли, личного желания, «взгляда художника» на предмет будущего произведения, что выражается в понятии «содержание». И, конечно, создаваясь для воспринимающего «другого» – зрителя, читателя, слушателя – произведение искусства обязательно «вписано в мир», представлено адресату в законченном виде, обладает субстратными признаками, что выражается в понятии формы.

Неудивительно, что при таком понимании содержанию в произведении искусства отводится главное и решающее значение, «привилегированное положение», в то время как форма является всегда и во всём «подчинённой» содержанию, обслуживает его. Содержание во многом переключается с сознанием художника, с его миропониманием, переживанием, идеями, и именно ради содержания, желая его оформить (организовать, определить, структурировать), творец и создаёт своё произведение.

Но, конечно, форма в произведении искусства отнюдь не заслуживает подобного положения «на вторых ролях» и её роль не ограничивается только «коммуникативной функцией» (хотя именно она выделяется в качестве первой, основной). Форма имеет и «относительно самостоятельную собственно-эстетическую ценность: она являет собой мастерство художника, его искусное владение материалом» [2, с. 363]. К тому же, в искусстве форма проявляет необыкновенную активность и оказывает на содержание решающее обратное воздействие, поэтому «соответствие формы содержанию», их единство (гармония) обычно рассматриваются как критерий художественности» [8, с. 672]. Подобные замечания в адрес самостоятельности формы являются верными, но всё-таки недостаточно полно характеризующими её независимость. Форма проявляет гораздо большее сопротивление господству содержания, чем кажется на первый взгляд.

Самостоятельность формы в произведении искусства проявляется ещё и в том, что она слишком независима от своей основной коммуникативной функции. «Вечная проблема художника – невозможность окончательно реализовать свой замысел и смирение с тем, что в готовой и окончательной форме произведения зачастую слишком мало остается от первоначального замысла» [3, с. 205]. К тому же нельзя быть до конца уверенным, что содержание (даже воплощенное в самой совершенной и соответствующей ему форме) будет воспринято так, как мыслил его автор. Герменевтика, справедливо указавшая на неотъемлемость диалога между автором и воспринимающим/исследователем, показала, что смысла в любом произведении всегда гораздо больше, чем закладывается автором. Иными словами, форма выступает в качестве «не очень хорошего» материального носителя содержания и не очень «честно» выражает то, что первоначально было заложено в неё автором. А если мы и имеем какие-то более-менее сносные образцы соответствия формы и содержания, то это, скорее, необходимо списать на волю случая или на волю формы (что не одно и то же).

Таким образом, даже при самом беглом взгляде на проблему соотношения формы и содержания в произведении искусства становится понятно, что дело здесь обстоит не столь просто. Мы сталкиваемся не с обычной бинарной оппозицией (не с различием в его чистом виде) и не с обычной парой категорий в их диалектическом взаимодействии и развитии. Хотя бы потому, что эти две составляющие произведения искусства находятся в весьма сомнительном единстве: форма и содержание, как стороны произведения искусства не достигают абсолютного соответствия. Если и есть форма, с которой состоит в единстве изначальное содержание – то это некая мысленная, потенциальная форма, оформляющая содержание в сознании художника. А если и есть какое-то содержание, соответствующее готовой, материализованной форме – то это не изначальное, а некое актуальное, идущее из формы (или от воспринимающего субъекта) содержание. Можно предположить, что в произведении искусства присутствуют всегда две формы и два содержания. По-

добное разделение формы и содержания приводит к тому, что уже невозможно представить эти две категории в их диалектическом развитии, взаимопревращении. Потенциальное содержание в своей потенциальной форме, безусловно, связано с актуальной формой и её актуальным содержанием, но весьма опосредованно, неявно, свободно.

Для некоторого прояснения проблемы лучше всего обратиться к тому, что понимается под «формой» как онтологической категорией в философии. «Форма – прежде всего внешнее очертание, наружный вид предмета, внешнее выражение какого-либо содержания, а также и внутреннее строение, структура, определенный и определяющий порядок предмета или порядок протекания процесса в отличие от его "аморфного" материала (материи), содержания или содержимого» [6, с. 357]. В данном определении хорошо видно, что за понятием формы закреплено два значения – как внешнее очертание предмета и как его внутреннее строение. Связано это, вероятно, с тем, что в истории философии понятие «форма» как парная категория рассматривалось по-разному: с одной стороны, в контексте соотношения понятий «форма – материя», с другой, «содержание – форма». Несоответствия обнаруживают себя так же и при сравнении значений этих понятий в искусстве и в философии.

Главным критерием различения понятий форма и содержание в искусстве является «духовный характер содержания и материальный характер формы» [8, с. 708]. А в истории философии категория формы «долгое время сопрягалась с понятием материи как неким универсальным вещественным субстратом, одинаковым для всего мира природных предметов и процессов и потому лишенных какой-либо определенности» [7, с. 551].

В истории философии встречаются разные взгляды на соотношение и взаимодействие двух оснований бытия. Так, для древневосточных культур характерен, например, космический синтетизм (Инь и Ян), энергетическое взаимопроникновение оплодотворяющей мужской силы и женской силы (Тантризм). Но в европейской традиции, идущей от античной философии, укоренилась традиция очевидного примата формы с точки зрения ее креативного потенциала. Так, например, у Платона, «в чувственных вещах, возникших из взаимодействия формы и материи, форме принадлежит определяющая, активная роль» [8, с. 703]. Или у Аристотеля – «всякая конкретная вещь состоит из материи и формы, причем форма является как активным фактором, благодаря которому вещь становится действительной (*causa formalis*), так и целью процесса становления (*causa finalis*)» [6, с. 530]. В отличие от философии, где активным началом выступает форма, в произведении искусства, наоборот, ведущая роль принадлежит содержанию. «В единстве содержания и формы определяющее значение принадлежит содержанию» [1, с. 252].

В искусстве содержание и форма взаимосвязаны, одно без другого не существует. Подобных взглядов придерживаются как формалисты, так и защитники содержания. «О содержании можно узнать только через форму; всё, что не воплощено в форме, остаётся лишь замыслом, но не действительным содержанием спектакля. И наоборот, форма только тогда художественна, когда она одухотворена, наполнена содержанием» [там же]. «Литературное произведение есть чистая форма... Содержание (душа сюда же) литературного произведения равно сумме его стилистических приемов» [4, с. 347]. В целом, философская традиция придерживается такого же взгляда. Однако у ряда философов постулируется самостоятельность форм, как, например, абсолютность идей у Платона. Нечто похожее встречается и в схоластике Фомы Аквинского: «сущность и существование вещей возникают из формы, душа есть форма тела, чистые духовные субстанции суть отделенные от материи формы, а Бог – чистая форма (*actus purus*)» [5, с. 472]. Говоря о мире в целом, Аристотель допускал существование неоформленной материи и нематериальной формы, обладающей независимым от «материи» существованием и восходящей к «форме форм».

Как самостоятельная философская категория «содержание» впервые появляется в философской системе И. Канта, который выдвинул тезис, согласно которому форма есть принцип упорядочивания и синтеза «материи», понимаемой как чувственно данное многообразие. Но в наиболее развитой и отчетливой форме категория «содержание» фигурирует у Гегеля. Суть различия между материей и содержанием Гегель усматривал в том, что «содержание — это более богатое и конкретное понятие; оно включает материю и форму как снятые моменты: содержанием

какой-либо вещи является не материя вообще, а качественно-определенная, для каждого типа вещей и процессов особая, т.е. оформленная материя» [7, с. 355].

Таким образом, несмотря на многообразие работ, посвященных анализу произведений искусства в категориях «форма» и «содержание», приходится отметить один факт, а именно: произведение искусства является совершенно особым объектом, к которому данные философские категории плохо применимы. Ситуация осложняется ещё и тем, что понятие формы как парная категория в истории философии рассматривалась в контексте соотношения понятий «форма-материя» и «форма-содержание». Можно также заметить некоторые несоответствия в понимании «формы и содержания» как понятий в искусстве и как понятий в истории философии.

В целом, от бесспорного и отчетливого разрешения данной проблемы мы еще далеки; как на основную причину этого, можно указать на то, что данный вопрос неотделим от целого ряда сложных философских проблем.

Литература:

1. Балет : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Григорович. – Москва : Совет. энцикл., 1981. – 623 с.
2. Карцева, Г. А. Содержание и форма в онтологии искусства / Г. А. Карцева // Социально-экономические явления и процессы : сб. ст. / Тамбов, 2011, – С. 363–368.
3. Карцева, Г. А. Содержание и форма произведения искусства / Г. А. Карцева // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия, Гуманитарные науки. – 2013. – № 1 (117). – С. 205–209.
4. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова / Минск, 1999. – 617 с.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. ред: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов. – Москва : Совет. энцикл., 1983. – 836 с.
6. Философская энциклопедия. В 5 т. / под ред. В. Ф. Константинова. – Москва : Совет. энцикл., 1970. – 740 с.
7. Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. – Москва : Канон + : РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
8. Большая советская энциклопедия. В 51 т. – Москва, 1950–1958.

УДК 78.01

Перерва О. Ю.

*доцент Челябинского государственного
института культуры*

СПЕЦИФИКА МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА

*Научная школа Виктора Никитевича Худякова,
доктора педагогических наук, профессора*

В статье показана специфика музыкального творчества, отражена сущность композиторского творчества. Дана классификация музыкального творчества по способу звукоизвлечения, определено понятие «вдохновение». Выделены три вида музыкального искусства.

Ключевые слова: музыкальное творчество, музыкальное искусство, композиторское творчество, специфика музыкального творчества

Pererva O.

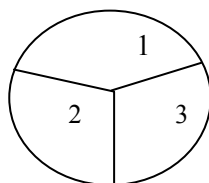
THE SPECIFICITY OF MUSICAL CREATIVITY

This article deals with the specifics of musical creativity, reveals the essence of composer's creativity. The article gives the classification of musical creativity according to the method of sound production, the definition of the concept of "inspiration", defines three types of musical art.

Keywords: musical creativity, musical art, composer creativity, specifics of musical creativity

Древние мыслители расчленили художественную деятельность человека на «мусические» и «технические» искусства. Это исходное раздвоение определялось в одном случае реализацией сово-

купности материалов, присущих самому человеку, а другом – в материалах окружающей его природы. К тому же произведения «мусического» искусства имели пространственно-временной характер, а произведения «технического» искусства – чисто пространственное бытие [2, с. 7]. В дальнейшем была вычленена группа чисто *временного* (словесно-музыкального) искусства (рис. 1).

1. Пространственно-временные искусства
2. Пространственные искусства
3. Временные искусства

Рис. 1. Группы временного искусства

Но деление искусств может быть осуществлено не только с *онтологической* точки зрения. Есть деление по семиотическим параметрам художественной формы. В XVIII в. это было деление на «естественные» и «искусственные», «произвольные» и «непроизвольные» виды, в XIX в. – на «объективные» и «субъективные», «изобразительные» и «неизобразительные» [7, с. 10]. В результате онтологического и семиотического делений возникает девять семейств искусства (см. рис. 2; составлен на основе анализа [1; 8]).

АКТЁРСКОЕ ТВОРЧЕСТВО	СЛОВЕСНОЕ ТВОРЧЕСТВО	ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО
⇕ Синтез актёрского и хореографического	⇕ Синтез словесного и музыкального	⇕ Синтез архитектонического и изобразительного
⇕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО	⇕ МУЗЫКАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО	⇕ АРХИТЕКТОНИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

Рис. 2. Классификация искусств

В сфере музыкального творчества мы сталкиваемся с обилием средств материализации, которое намного превосходит возможности словесного и изобразительного искусств. Музыка имеет дело не только с материалом, непосредственно данным самому человеку (со звучанием его голоса), но и с разнообразными тембрами, извлекаемые искусственно при помощи определённых операций с природными веществами и техническими приспособлениями. В музыкальном творчестве каждый инструмент (труба, скрипка и др.), каждая группа инструментов (духовые, струнные и др.), каждый способ звукоизвлечения (ручной, губной, электрический и т.п.), каждый способ использования звука (сольный, ансамблевый, оркестровый) образуют более или менее широкую и относительно самостоятельную отрасль или разновидность музыки как искусства. На этой основе обычно и решаются классификационные задачи; *выделяют вокальную и инструментальную музыку*, а инструментальную подразделяют по способу звукоизвлечения (на музыку клавишных, духовых, струнных инструментов и т.п.).

Хотя музыка есть искусство звука, её художественное бытие бывает не только звучащим, но и безмолвным, т.е. графически обозначенным. Всякая нотная запись предназначена для звукового исполнения, но взятая сама по себе, она есть фиксация произведения музыкального искусства, которое можно оценить вне его исполнения, до исполнения и независимо от качества исполнения. С другой стороны, музыка может быть импровизационной или полуимпровизационной. Таким образом, существуют *три вида музыкального искусства*:

- композиторское творчество;
- музыкально-импровизационное исполнительство;
- музыкальное исполнительство.

Композиторское творчество становится как бы «*первичным*», а исполнительское – «*вторично*», оно лишь интерпретирует избранный для воспроизведения оригинал, озвучивая его. Музыкальное исполнительство, явившись «продуктом распада исходного «мусического» творчества, именно постольку, поскольку оно стало *отличаться от «материнского творчества*»:

- специфической природой одарённости музыканта и особым типом глубоко специализированного мастерства (певца, дирижёра, пианиста и др.);

– двухслойной своей структурой, проистекающей из того, что исполнение, сочинённое композитором, является той или иной его интерпретацией и тем самым обогащает творение композитора новым «слоем» содержания, рождающемся в акте *исполнительского сотворчества*.

Определённые типы звучания – в пении, в игре на духовых, струнных, ударных инструментах – обладают специфическими акустическими и эстетическими свойствами, а значит и особой структурой художественно-образной ткани. Это позволяет выделять их в качестве *самостоятельных разновидностей музыкального исполнительства*. Для композиторского же творчества все эти различия не имеют принципиального значения, так как в процессе сочинения записываемой музыки, и при воспроизведении в воображаемой читаемой нотной записи все типы звучания в принципе равны. Отсюда следует, что «письменная музыка» не имеет внутренних подразделений, связанных многообразием музыкальных звучаний, а музыкальное исполнительство и отчасти музыка устной традиции членятся именно в этой плоскости.

Как можно классифицировать музыкальное творчество по способу звукоизвлечения, видно из нижеследующей таблицы.

Таблица

Классификация музыкального творчества по способу звукоизвлечения

Музыкальное исполнительство							Музыкально-импровизиционное творчество		Композиторское творчество		Объединение музыки с движущим светом (цветом)бюльб
На ударных инструментах	На струнно-щипковых инструментах	На струнно-смычковых инструментах	На клавишно-струнных инструментах	На клавишно-духовых инструментах	На духовых инструментах	Музыкальная просодия	Пение с инструментальным сопровождением	Инструментальная импровизация	Письменная музыка	Электромusика	
Искусство дирижёра											

Пока рано выделять в отдельную группу с сопровождением света или цвета, но сочетание звуковой ткани с игрой света принципиально возможно. Такие попытки были ещё в начале XX в. – аппарат С. Скрябина «АНС», используемый в «Прометее», «цветной клавишин» – Кастеля.

Уникальной в своём роде разновидностью исполнительского творчества является искусство дирижёра. Оно основано на специфической одарённости и на специфической технике и возникает только *в ансамблевом или оркестровом исполнении*. Дирижёр как посредник между композитором и исполнителем должен быть координатором творчества последних. Творчество дирижёра напоминает режиссёрское искусство, но связывает разные области художественного творчества – литературу и актёрство, живопись, музыку и т.д., а дирижёр творит в одной и той же области искусства – музыкальной. Другое отличие в том, что работа режиссёра предшествует непосредственному исполнению создаваемого произведения, а дирижёр выходит за рамки репетиционного процесса и в своём завершённом виде развёртывается на глазах публики вместе с творчеством исполнителей.

Как же происходит сочинение музыки? Композитор прежде всего слышит музыку, она звучит в его воображении или реально (если он проигрывает на инструменте то, что слышит внутреннем слухом). Эта звучащая музыка лишь потом, в системе нотной записи и теоретического анализа, раскладывается на составляющие: мелодичный рисунок, ритм, метр, музыкальную форму, тембр голоса или инструмента, нюансы, темпы, штрихи, динамические и агогические оттенки. Реальный процесс сочинения включает не только музыкальные звуки, ведь композитор живёт не только в мире музыки. Нужно схватить жизнь музыки над социальной средой, за ней и вокруг неё. Историки музыки совершенно справедливо указывали на то, что ораторские интонации, которыми была насыщена публичная речь в эпоху Великой французской буржуазной революции, повлияли на мелодический стиль героической музыки Бетховена. Но кто откроет те правила, пользуясь которыми Бетховен вслушивался в звуки окружающей жизни и черпал из них новые музыкально-гармонические и интонационные формы и образы?

Значит, композитор сочиняет музыку не *только на основе формальной схемы или формы, а на основе богатого слухового опыта*: его память содержит обычно целую антологию музыки многих времён и народов –реально звучащей в его сознании музыки.

Специфика музыкального творчества в том, что:

1. Музыка – вид искусства, рассчитанный на *слуховое восприятие* и отличающийся *прямым и особо активным* действием на чувство людей. Л. Н. Толстой говорил, что музыкальное творчество «по своему свойству имеет непосредственно физиологическое воздействие на нервы»;

2. Главным выразительным средством здесь является *звук*;

3. В отличие от всех видов изобразительного и словесного искусств, *музыка не воспроизводит видимых картин мира и лишена смысловой конкретности*;

4. Музыку можно считать подлинно *общечеловеческим, универсальным* языком. Вот как писал И. Гёте: «Величие искусства, пожалуй, ярче всего проявляется в музыке, ибо она не имеет содержание, с которым нужно считаться. Она – все формы и наполнения. Она делает возвышенным и благородным всё, что берётся выразить»;

5. По сравнению с произведениями всех видов пространственных искусств, музыкальные творения практически *неуничтожимы*, ибо если не считать их далеко необязательной записи, они существуют не в *материальной (предметной)*, а в *идеальной форме*. Их нельзя пощупать, подделывать, как это случается с картинами и скульптурами, хотя можно украсть, дав своё авторство чужому произведению [3, с. 13];

6. По существу, у музыкального произведения не один как в живописи, а *несколько авторов*, если не считать композитора, исполнителя, а также используемых инструментов [6, с. 5]. В музыкальном творчестве, если иметь в виду его исполнительскую сторону, больше, чем в других видах первоначальных искусств, присутствует *коллективность*;

7. Особый аспект специфики музыкального искусства – *соотношение его временной природы* (любое музыкальное произведение существует как необратимая последовательность интонаций и интонационных комплексов) и *художественно-смысловой целостности*;

8. **Искусство интонации.** Академик Асафьев утверждал, что музыка начинается с «мысленного интонирования». Он говорил: «В музыке ничего не существует вне реального звучания и ничего не существует вне слухового опыта. Поэтому ни одно определение не может возникать из «немых», из абстрактных, вне материала музыки лежащих предпосылок, а только из конкретного восприятия того, что звучит...» [9, с. 11]. Отсюда неизбежно возникает понятие как актуального начала, как реализации звучания;

9. Музыкальное творчество великих музыкантов-композиторов или исполнителей – имеет **историческую и общечеловеческую значимость**.

Современное музыкальное творчество развивается в следующих направлениях:

– поиски композиторами *новых музыкальных интонаций*, усложнение *музыкального языка*;

– ещё более чёткое разделение *композиторского и исполнительского творчества*, дальнейшее повышение мастерства и виртуозности исполнителей;

– поиски *новых музыкально-выразительных средств* – создание новых музыкальных инструментов (в основном электромузыкальных, музыкальных компьютеров) наряду с использованием традиционных музыкальных инструментов.

Литература:

1. Апресян, З. Г. Свобода художественного творчества / З. Г. Апресян // Москва : Искусство, 1985. – 284 с.
2. Биглер, В. С. Мышление как творчество / В. С. Биглер. – Москва, 1975. – 174 с.
3. Гольденштрихт, С. С. О природе эстетического творчества / С. С. Гольденштрихт. – Москва : изд-во Москов. ун-та, 1977. – 384 с.
4. Громов, В. С. Художественное творчество / В. С. Громов. – Москва : Политиздат, 1970. – 493 с.
5. Громов, В. С. Природа художественного творчества/ В. С. Громов. – Москва : Просвещение, 1981. – 294 с.
6. Гуляева, Л. М. Эстетическое воспитание и творческая активность личности / Л. М. Гуляева // Эстетика. – Москва : Знание, 1983. – Вып. 12. – 49 с.
7. Лойфман, И. Я. Творчество – сущностная сила человека и корень культуры / И. Я. Лойфман // 12 лекций по философии : сборник. – Екатеринбург, 1996. – С. 24–34.

8. Найман, Э. Искусство и время / Э. Найман // Юнг К. Психоанализ и искусство / К. Юнг, Э. Найман. – Москва, 1996. – С. 35–49.
9. Пономарев, Я. А. Психология творчества / Я. А. Пономарев // Психологический журнал. – 1994. – № 6. – С. 37–54.

УДК 792

Кривоспицкая Я. В.

*кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

Шутова Д. С.

*студентка Челябинского государственного
института культуры*

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА: ВИРТУАЛЬНОСТЬ И ИММЕРСИВНОСТЬ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье представлены актуальные тенденции зарубежного и российского театрального искусства: виртуальность и иммерсивность. Приведены наиболее знаковые и яркие примеры постановок. Рассмотрена актуальная терминология.

Ключевые слова: театр, виртуальность, иммерсия, пространство, восприятие

**Krivospitskaya Ya.,
Shutova D.**

MODERN THEATRE TRENDS OF DEVELOPMENT: VIRTUALITY AND IMMERSION

Actual trends of foreign and Russian theatre are considered in this article such as virtuality and immersion. Terminology is considered. The most significant and vivid examples of plays are analyzed.

Keywords: theater, virtuality, immersion, reality, space, perception

Анализируя и постигая новейшие тенденции современной театральной действительности, мы видим успешность развития иммерсивного метода в театре. Взаимодействие зрителя и актера в условиях современного технически оснащенного сценического пространства расставляет совершенно иные акценты не только в успешности этого взаимодействия, но и в процессах влияния театрального искусства на человека. «Сценическая реальность театра – самый яркий и парадоксальный пример того, как физически наличная реальность происходящего не является действительностью. Зачастую неподготовленный или, наоборот, искушенный зритель, глубоко погружаясь в театральное действо, не замечает или забывает о рамках сценической условности и принимает конституированную постановочную реальность за действительность. Частым примером для более глубокого погружения зрителей в конструируемую реальность театрального действия служит жанр хеппенингов, флеш-мобов, постановок, вынесенных за стены театра, и других, в которых происходит смешивание реальностей» [8, с. 5].

Виртуальный (англ. virtual), означает реально не существующий или воспринимаемый иначе, чем реализованный [3, с. 269]. В словаре Коллинза Кобилда слово «виртуальный» опреде-

лено следующим образом: «виртуальный» используется тогда, когда хотят сказать, что нечто имеет все характеристики конкретной вещи, хотя формально оно не может быть названо этой вещью» [7, с. 536]. В этом объяснении заложена смысловая широта термина: он может применяться к объектам любой субстанции и к зрительскому восприятию любых видов искусств. Театральная действительность также оказывается одной из реальностей и при свойственном плюрализму восприятия реальностей может быть «первой среди равных». О разных видах реальности говорят, когда задаются вопросами: существует или нет некий мир (виртуальный, художественный, религиозный, эзотерический), каковы особенности этого мира и чем он отличается от других миров. Реальности многообразны и допускают любые формы и альтернативы существования. Виртуальный характер носят не только формы теоретического, но и обыденного мышления; виртуален мир объективного знания: идеи, гипотезы, теории, научные парадигмы.

Виртуальность как совокупность различных видов, форм, элементов реальностей и специфической среды и атмосферы, созданная с применением компьютерной графики, видеопроекций и звуковых эффектов доказывает, что обоснование виртуальности театрального искусства предполагает новую концепцию понимания культуры. В. Л. Силаева, исследователь виртуалистики, акцентируя внимание на одной из характеристик виртуальной реальности – ее вторичности, производности от объективной реальности говорит, что: «Важно понимать, что виртуализации подвергаются прежде всего те области человеческой деятельности, которые априори феноменологически имеют виртуальную природу» [10, с. 46]. Таково и театральное искусство, которое «погружает» человека в другую среду – творческую, вымышленную, в мир возвышенный, идеальный, но способный быть соотносительным с жизненно верным, правдивым настолько, насколько может вообразить это себе человек. Именно поэтому можно рассматривать театр как иммерсионную технологию, посредством сценического действия создающую «виртуальную реальность».

Иммерсия (лат. *immersio*) – 1) погружение; 2) введение между объективом микроскопа и рассматриваемым в нем предметом жидкости для усиления яркости и расширения пределов увеличения изображения [6]. Постигание нового явления актуально и однозначно для современной культурной ситуации, перенасыщенной «техногенными» реальностями, которые провоцируют на создание новых специфических театральных форм, трансформирующих прежнюю систему образов. В этом случае становится необходимым глубокое погружение в происходящее и увеличение воздействия на зрителя для усиления эмоционального восприятия и изменения сознания. «Иммерсивные постановки сейчас стали главным мировым театральным трендом. Каждый из нас хоть раз мечтал оказаться внутри фильма, спектакля или книги, пережить все события вместе с персонажами. Иммерсивный театр дает зрителю уникальную возможность вовлечься в действие не только эмоционально, но и физически: чувствовать запахи и прикосновения, исследовать пространство на ощупь, взаимодействовать с актерами и прожить собственную сюжетную линию» [4].

«Иммерсивный спектакль создает эффект полного погружения зрителя в сюжет постановки, это театр вовлечения, где зритель – полноправный участник происходящего. В иммерсивном театре нет зрительного зала в традиционном смысле этого слова, а значит, нет и так называемой "четвертой стены", отделяющей актеров от зрителей» [5]. Действие разворачивается где угодно; начало его может быть у станции метро, на которой находится театральная либо творческая площадка, в подвале или на чердаке. Режиссеры, в свою очередь, предлагают публике новые поведенческие сценарии, давая ей более активную роль: зрители спектаклей-бродилок могут сами выбирать свой маршрут – ту или иную линию сюжета – и переходить от одной локации к другой, а где-то даже влиять на происходящее. Такой спектакль складывается из разных сюжетов подобно тому, как кусочки складываются в мозаику [там же].

Каноны иммерсивного театра в 2000-х гг. задала английская театральная труппа Punchdrunk. Они знамениты за счет погружения зрителя в пространство, схожее с атмосферой в картинах легендарных кинорежиссеров Дэвида Линча, Альфреда Хичкока, а также Стенли Кубрика. Один из самых известных спектаклей жанра иммерсивного театра – знаменитая постановка *SleepNoMore*, которая вот уже не один год захватывает воображение зрителей Нью-Йорка. В основе шоу лежит пьеса Уильяма Шекспира. Спектакль идет в огромном заброшенном пятиэтажном

отеле McKittrick, который порой напоминает бесконечный лабиринт из вдруг материализовавшихся ночных кошмаров. При входе всех пришедших просят надеть белую венецианскую маску, которую те обязуются не снимать в течение всей постановки. Зрители оказываются предоставлены сами себе в обстановке психиатрического отделения, кладбища и отеля 30-х гг., где перформанс и инсталляция встречаются с site-specific-хореографией [5].

Подобные постановки являют собой прекрасный пример синтеза всех современных направлений искусства. Москву захлестнула волна променад-спектаклей, в которых зрителям предлагается покинуть места в привычном зрительном зале и отправиться в путешествие по лабиринту комнат, коридоров, лестниц, а иногда улиц. Как только не называют это популярное направление: променад-театр, спектакль-квест, site-specific театр. Такие спектакли нередко именуют «бродилками», по аналогии с соответствующим жанром компьютерных игр. В них и правда много похожего: зритель как участник существует в рамках определенного художественного мира с заданным сюжетом, но обладает свободой действий и перемещений. Сохраняется только граница между внешним, привычным миром и игровым художественным пространством. Переступив ее, он оказывается погружен в иную реальность, где его захватывает продуманная до мелочей атмосфера, время движется циклично, и невозможно предугадать, что ждет за поворотом [9].

«Иммерсивные спектакли в Москве сейчас на пике популярности, это уже целая индустрия. И она будет только набирать обороты, считают эксперты. Такой ажиотаж, как они объясняют, связан даже не с тем, что зрители в обычном театре заскучали, а с голодом. Эмоциональным, тактильным. Общение становится всё больше виртуальным. А хочется иногда вот так говорить, играть и жить – глаза в глаза» [1]. К примеру, зритель в Гоголь-центре наряду с персонажами спектакля «Сон в летнюю ночь» бродит по театру, который являет собой лес, полный опасностей.

Проект американских режиссеров Мии Занетти и Виктора Карина по Ибсеновским «Привидениям» носит название «Вернувшиеся» и определяется авторами как «Мистическое шоу». Зрители здесь предоставлены сами себе и имеют право самим выбирать свой путь, перемещаясь по помещениям в любом удобном для них порядке. Зритель выбирает: остаться ли в одном месте и наблюдать действие только в этой локации, или же отправится за главными героями и увидеть происходящее их глазами.

Актуальный иммерсивный театр нельзя представить без постановок креативной продюсерской команды ThirdRailProjects, известной своими экспериментальными спектаклями в необычных локациях с соединением элементов театра, танца, звуковых и арт-инсталляций и необычной хореографии. Один из наиболее амбициозных спектаклей этой команды – ThenSheFell, действие которого происходит в заброшенной психиатрической больнице в Бруклине в Нью-Йорке. В отличие от SleepNoMore, где около 300 обезличенных зрителей оказываются предоставлены сами себе, в ThenSheFell обстановка гораздо более интимная и камерная. В этом спектакле, поставленном по произведению Льюиса Кэрролла, задействовано 8 актеров и всего 15 зрителей, которые разделены на маленькие группы, чьи маршруты продуманы и выверены режиссерами. Взаимодействие со зрителем здесь самое что ни на есть буквальное: зрители спектакля могут легко оказаться один на один с актером, скажем, причисывая актрису, играющую Алису [5].

«В качестве репрезентативного примера виртуализации театрального действия можно назвать многие современные постановки разных театров мира, которые мы видели на различных международных и российских фестивалях. Моноспектакль Э. Лакаскада «К Пентиселее» по пьесе Г. фон Клейста (Комедии де Канн, Франция) строится на контрасте возвышенной стихотворной декламации, выдержанной в классицистской манере, и ультрасовременных визуальных решений. Кажущееся гуттаперчевым тело актрисы, подвешенное на тонких шпагатах, перекручивается, коржится в невероятных позах. В кульминационный момент спектакля полуобнаженное тело становится монитором – на него проецируются цветные и черно-белые абстрактные картины, причудливо меняющиеся, переструктурирующие живую плоть. Пентиселея действительно «выходит из себя» – то в любовном экстазе, то в приступе безумия, ведущего к убийству возлюбленного. Не говоря уже о том, что ее мимика укрупняется на реальном гигантском экране, заменившем театральный задник кулис (в простых визуальных решениях зачастую используются экраны вместо

задников), а шепот разрастается, становясь громоподобным, благодаря многоканальным звуковым технологиям» [2, с. 53].

С 1970 г. и до конца XX в. нарастало использование медиапроекций в театре, хореографии и искусстве перформанса, с использованием мониторов и проекционных экранов, к этим технологиям привлечены оказались очень многие художники и театральные деятели. Конкретная идея реально называть театр виртуальным возникла у режиссеров Марии де Нари и Эндрю Кохуни, они совместили театр, живопись и интернет в театре MercatdelFlors (Барселона) в 2001 г., затем создали совместный проект с Montebillard (Франция) в 2003 г., назвав его «Лаборатория виртуального театра».

Виртуальность и иммерсивность в театре становятся фактором масштабных перемен и выразителем современных культурных тенденций, служат инструментом актуального рассмотрения состояния искусства и культуры в целом. Применяя к театру позиции виртуальности и иммерсивности, мы заменяем его классическую определенность на морфинг, постепенно превращающий и трансформирующий одни объекты в другие. При этом меняется не только форма, но и эстетическое восприятие; зритель становится участником, сотворцом действия, рождается новый тип эстетического сознания. Виртуальность театрального искусства создается, следуя принципу наибольшего воздействия, глубокого влияния на психику и подсознание, оказывает терапевтический эффект, не разрушая человеческое бытие, но открывая необъятные горизонты для восприятия.

Литература:

1. Богоманшина, Ю. В Москве набирает популярность новый театральный жанр [Электронный ресурс] [публ. 26 марта 2017 г.] / Ю. Богоманшина, М. Глебова, Д. Панов, В. Черных // ТВЦ : [сайт]. – URL: <http://www.tvc.ru/news/show/id/112764>. – Проверено: 22.10.2018.
2. Бычков, В. В. Виртуальная реальность в пространстве эстетического опыта [Текст] / В. В. Бычков, Н. Б. Маньковская // Вопросы философии. – 2006. – № 11. – С. 47–59.
3. Виртуальная реальность [Текст] // Большая энциклопедия. В 62 т. – Москва : Терра, 2006. – Т. 9. – 590 с.
4. Иммерсивность [Электронный ресурс] // Вернувшиеся : [сайт иммерсив. шоу]. – URL: <https://dashkov5.ru/immersive/>. – Проверено: 22.10.2018.
5. Иммерсивный театр: что это такое и на что сходить в Москве [Электронный ресурс] // Блог Единое поле : [сайт]. – URL: <http://blog.edinoepole.ru/иммерсивный-театр-что-это-такое-и-на-что/>. – Проверено: 22.10.2018.
6. Иммерсия [Текст] // Большой словарь иностранных слов. – Москва : изд-во «ИДДК», 2007. – 834 с.
7. Коллинз, К. Толковый словарь английского языка [Текст] / Кобилд Коллинз. – Лондон, 1992. – 1703 с.
8. Кривоспицкая, Я. В. Виртуализация театра [Текст] : монография / Я. В. Кривоспицкая ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 181 с.
9. Лялинская, М. Что такое иммерсивный спектакль? [Электронный ресурс] [публ. 13 дек. 2016 г.) // TIME OUT. Москва. – URL: http://www.timeout.ru/msk/feature/465269_ – Проверено: 22.10.2018.
10. Силаева, В. Л. Подмена реальности как социокультурный механизм виртуализации общества [Текст] : дис. ...канд. филос. наук : 09.00.11 / Виктория Леонидовна Силаева ; Москов. гос. техн. ун-т им. Н. Э. Баумана. – Москва, 2004. – 115 с.

*преподаватель режиссуры и
исполнительского мастерства
Оренбургского областного колледжа
культуры и искусств, аспирант
Челябинского государственного
института культуры по направлению
Теория и история культуры, г. Оренбург*
*Науч. рук.: Людмила Борисовна Зубанова,
доктор культурологии, кандидат
социологических наук, профессор,
Челябинский государственный институт
культуры*

ПУТИ ИНКУЛЬТУРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В статье рассматривается вопрос о структуре современной культуры и соответствующих ей путях инкультурации, которые сформировались в конце XX – начале XXI в. или сохраняются с более раннего времени. Автор приходит к выводу, что наряду с практиками активной инкультурации появляются новые практики пассивной инкультурации, а также формируются инновационные пути реализации традиционных инкультурационных практик.

Ключевые слова: инкультурация, социализация, современная культура, традиционная культура, глобальная культура, народная культура

Sachkova N.

WAYS OF INCULTURATION IN THE MODERN WORLD

The article considers the question of the structure of modern culture and the corresponding ways of inculturation, which formed in the late XXth – early XXIst century or were saved from an earlier time. The author comes to the conclusion that along with practices of active inculturation, in modern world new practices of passive inculturation and innovative ways of implementing traditional inculturation practices are emerging.

Keywords: inculturation, socialization, modern culture, traditional culture, global culture, folk culture

Понятие «инкультурация» было предложено антропологом М. Херсковицем в 1948 г., поскольку термин «социализация» не охватывал всех проблем приобщения личности к социуму. М. Херсковиц разделял понятия «социализации» и «инкультурации» [6, с. 20]:

Социализация – это интеграция индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей.

Инкультурация – это освоение индивидом присущего культуре миропонимания и поведения, в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур.

Конечным результатом процесса социализации выступает человек, компетентный в социально-гражданских отношениях, а инкультурации – человек, компетентный в культуре (в языке, ритуалах, ценностях и т.п.).

Инкультурация может быть и частичной. И если частичная социализация означает, что у индивида возникают серьезные проблемы в социальных взаимодействиях, то частичная инкультурация в культуры, которые не стремятся к своей полной закрытости, не имеет негативных последствий.

Культура всегда имела сложную структуру, приобщиться к какой-то единственной культуре практически невозможно. Например, в Средневековом европейском обществе человек был инкорпорируется в одну конкретную социальную корпорацию, детерминированную его сословным положением, но одновременно и в несколько вариантов культуры: национальную, религиозную (христианскую), сословную. А могли быть и еще более сложные варианты, когда люди инкультурировались последовательно в несколько вариантов народной культуры. Например, Ж. Легофф в работе «Цивилизация Средневекового Запада» [4] описывает, что наши типичные представления о географической статичности низших сословий средневекового общества далеки от истины; миграции крестьян из одних европейских регионов в другие, а затем и в третьи были довольно распространенным делом. Так, польский крестьянин за свою жизнь вполне мог оказаться во Фландрии, в Испании, спустя годы – в Италии, а оттуда уже вернуться в Польшу. Степень инкультурированности его в местные национальные культуры мы объективно оценить сегодня не можем, но предположение о том, что инкультурация вообще происходила, будет справедливым благодаря нашим знаниям о механизмах функционирования социальных корпораций в Средневековье.

Современная культура значительно более сложна и многогранна, чем средневековая. Когда говорится, что культура развивается, более точным будет употребление понятия «**эволюционирует**», ввиду того, что локальные культуры не просто превращаются, развиваясь, в более совершенные формы, но они могут и исчезать бесследно, и сохраняться в неизменной форме в зависимости от условий функционирования. Можно сказать, что поступательный процесс движения культуры заключается в историческом накоплении новых возникающих форм, которые не обязательно вытесняют прежние.

Даже проживая свою жизнь в одном регионе, человек, как правило, нуждается в усвоении, воспроизведении и эффективном использовании культурных ценностей и норм различных вариантов культуры. Это определяют многие факторы. Во-первых, формирование общемировой культуры. Уже давно наметились основные контуры **глобальной культуры**. Мы считаем, что глобальная культура еще не является общемировой, но, если можно так выразиться, только ее зародышем. И человек в современном мире (если он не живет специально уединенно или не проживает в изолированных регионах, таких как Амазония, Экваториальная Африка или Заполярье) все равно взаимодействует с глобальной культурой и инкультурируется в нее.

Во-вторых, это религиозные культуры, которые тоже имеют сложную региональную и национальную структуры. И совершенно точно в современном мире существует несколько глобальных религиозных культур: католическое христианство, суннитский ислам, махаянистский буддизм, кришнаитский и вишнуитский варианты буддизма (они получили наибольшее интернациональное распространение).

В-третьих, это культура государства, в котором проживает человек. Она может быть относительно однородна (Чехия, Япония), может представлять собой сложную структуру общегосударственной и национальных культур (Россия, Бразилия или США), может представлять собой структуру из нескольких вариантов региональных культур (Восточная и Западная Германия, где культурные различия не стерлись полностью за 30 лет, прошедших с реинтеграции). В общей культуре сложных по территориальному устройству федеративных государств также могут существовать региональные варианты, например, сибирская, северорусская или, наоборот, южнорусская культуры в России. Изучению региональных культур посвятили свои работы многие специалисты-культурологи, в частности Г. М. Казакова [5], М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова [3], Е. В. Морозова [7], И. И. Горлова [1; 2], И. Я. Мурзина [8] и мн. др.

Итак, мы принимаем следующий вариант структурирования современной культуры: 1. глобальная светская, 2. глобальная религиозная, 3. государственная, 4. региональная, 5. национальная (этническая), 6. субэтническая (этот вариант как самостоятельной культурной идентичности описывается, например, Л. Н. Гумилевым).

На основании предложенной структуры можно предложить и основные пути социализации:

1. Регулярный / культурный туризм в открытом глобальном обществе, вне всякого сомнения, является одним из путей частичной инкультурации. Конкретные туристические практики

могут сильно отличаться друг от друга, но большое распространение получил и «подготовленный туризм», когда турист заранее готовится к посещению другой страны – изучает ее язык, культуру, правовые нормы.

2. Активная информационная инкультурация в глобальную культуру связана с формированием и распространением Интернета, особенно с феноменом интернациональных социальных сетей – LiveJournal, Facebook, Twitter, Instagram, LinkedIn и иных. Особое значение в этом получили социальные сети, ориентированные на организацию виртуального лингвистического и культурного обмена – InterPal и Tandem.

3. Пассивная информационная инкультурация в глобальную культуру вызывает в русском обществе обоснованную тревогу. Западному обществу удалось в 1960–1990-е гг. создать систему норм и ценностей и обеспечивающих их успешное распространение культурных производств. Благодаря этому значительная доля музыкальной продукции, кинопродукции, журнальной публицистики, нон-фикш и бульварной литературы, которые потребляются в мире, производится в западных странах. Такая продукция не может не оставлять своего следа в сознании и культурных предпочтениях молодежи.

4. Традиционные практики инкультурации мигрантов и/или репатриантов связаны с деятельностью государственных социальных служб.

5. Экспериментальные практики использования традиционных средств инкультурации предлагаются и в ряде случаев успешно развиваются: например, государственная поддержка культурных центров, которые заняты сохранением традиционного этнического культурного наследия (например, народных промыслов), культурно-просветительской работой в формате организации культурных событий, фестивалей народной культуры и т.д.

6. Традиционные практики инкультурации продолжают быть актуальными: семейная, школьная (через преподавания основ национальной культуры, национального языка) и т.д.

Подводя итоги рассмотрению путей инкультурации, сложившихся в современном мире, мы приходим к выводу о том, что инкультурация – сложный и многогранный процесс, который не ограничивается усвоением культурных норм и ценностей какой-то одной культуры, но тесно связана с усвоением различных аспектов сложной по своей структуре мировой культуры: глобальной, религиозной, национальной и иных. Наряду с привычными путями в современном мире сформировались инновационные пути частичной инкультурации, в том числе затрагивающие и изменяющие традиционные практики инкультурации, что является предметом нашего дальнейшего изучения.

Литература:

1. Горлова, И. И. Культурная политика в современной России: региональный аспект : учеб. пособие / И. И. Горлова. – Москва : Рос. гос. б-ка, 2008. – 320 с.
2. Горлова, И. И. Культурная политика, культурологическое образование: региональный аспект / И. И. Горлова. – Краснодар : Рос. науч.-исслед. ин-т культур. и природ. наследия им. Д. С. Лихачева, 1997. – 180 с.
3. Горшков, М. К. Социокультурные факторы консолидации российского общества / М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 001–054.
4. Гофф, ле Ж. Цивилизация Средневекового Запада / пер. с фр. ; общ. ред. Ю. Л. Бессмертного ; послесл. А. Я. Гуревича. – Москва : Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.
5. Казакова, Г. М. Культура Южного Урала: локальный вариант регионального измерения : монография / Г. М. Казакова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Санкт-Петербург : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2007. – 253 с.
6. Комарова, Г. Инкультурация личности в социокультурном пространстве / Г. Комарова // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2005. – № 3. – С. 19–24.
7. Морозова, Е. В. Региональная политическая культура / Е. В. Морозова. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 1998. – 378 с.
8. Мурзина, И. Я. Методологические аспекты изучения региональной культуры / И. Я. Мурзина // Социологические исследования. – 2004. – № 2 (238). – С. 60–64.

кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры

МЕМОРИАЛЬНЫЕ ДОСКИ КАК ОБЪЕКТ КОММЕМОРАТИВНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ЧЕЛЯБИНСКА)¹

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Статья посвящена осмыслению специфики одной из коммеморативных практик – открытию мемориальных досок. В качестве эмпирической базы исследования взяты мемориальные доски, открытые в г. Челябинске в период с 1990 по 2016 г. Анализ данной коммеморативной практики осуществлялся по двум критериям – содержание коммеморативного ядра (личность и событие как повод коммеморативного акта) и содержание коммеморативного символа («ценностный ореол» коммеморативного ядра).

Ключевые слова: прошлое, культурная память, коммеморация, мемориальные доски

Shub M.

MEMORIAL PLAQUES AS OBJECT OF COMMEMORATIVE POLICY (ON THE EXAMPLE OF CHELYABINSK)

Article is devoted to judgment of specifics of one of commemorative practitioner – to opening of memorial plaques. As empirical base of a research the plaques unveiled in Chelyabinsk during the period from 1990th to 2016th are taken. The analysis of this commemorative practice was carried out by two criteria – the maintenance of a commemorative kernel (the personality and an event as an occasion of the commemorative act) and the maintenance of a commemorative symbol ("a valuable aura" of a commemorative kernel).

Keywords: past, cultural memory, commemoration, memorial plaques

Согласно Закону г. Санкт-Петербурга «О мемориальных досках в Санкт-Петербурге» от 13 апреля 2016 г. (возьмем его просто в качестве примера), мемориальная доска является государственным памятным знаком, устанавливаемым на фасаде здания либо в помещении в целях увековечивания памяти о выдающейся личности, либо выдающемся историческом событии (факте) [2].

В этом же законе обозначены два типа мемориальных досок:

- содержащих только текст;
- содержащих помимо текста портретные изображения и декоративные элементы.

Особенностями данного направления коммеморации (в сравнении, скажем, с мемориальными монументальными памятниками) являются [1, с. 49];

– демократичность: «Они могут располагаться как на фасадах домов, так и в самом здании или на территории какого-либо мемориального комплекса»;

– контекстность: «Их легче поместить в окружающий архитектурный ландшафт. Становясь составным элементом городской среды, мемориальные доски, как правило, более «деликатно» вписываются в социокультурное пространство, не требуют специальной, дополнительной его организации, как в случае с архитектурно-скульптурными мемориальными сооружениями»;

– экономичность: «Их создание представляется более экономичным, выгодным для городского бюджета».

¹ Ключевые положения исследования осуществлены в рамках программы грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего»

Среди наиболее важных *функций*, выполняемых мемориальными досками, можно отметить следующие:

- историко-мемориальная (фиксация, визуализация, трансляция памяти);
- художественно-эстетическая: «Мемориальные доски, являясь самой массовой на сегодняшний день формой монументального искусства в городе, имеют свои законы прочтения, выразительности, эмоционального воздействия на зрителя» [1, с. 49–50].

В данной статье представлены результаты культурологического исследования, направленного на изучение специфики воплощения содержания культурной памяти в коммеморативных практиках. В качестве эмпирической базы исследования были взяты мемориальные доски, открытые в г. Челябинске в период с 1990 по 2016 гг. (всего, по доступным данным, их было открыто 220 единиц). В качестве базового метода исследования выступил метод контент-анализа.

Мемориальные доски изучались в два этапа: сначала коммеморативное ядро (личность или событие, выступающие поводом для коммеморативного акта) каждой из них, а затем – коммеморативные символы, с ними связанные («ценностный ареол» коммеморативных ядер).

Коммеморативные ядра были проанализированы по нескольким основаниям:

- территориальная (региональная, общероссийская или мировая) и хронологическая (постсоветский период, XX столетие, период до 1917 г.) локализация;
- тип (личность, событие, место);
- тематика (презентация отдельных сфер).

Что касается территориальной локализации коммеморативных ядер мемориальных досок, то она представлена, главным образом, региональным уровнем – подавляющее большинство досок (92,3%) было открыто в честь события или личности, связанных с историей Челябинской области.

Хронологическая локализация позволяет зафиксировать тенденцию мемориализации советского прошлого – 153 мемориальные доски (67,7%) были открыты в честь персоналии или события, связанных именно с советским периодом.

Почти треть всех мемориальных досок (31%), открытых в Челябинске за анализируемый период, связана с совсем недавним, «актуальным» прошлым, что свидетельствует о значительном интересе к современникам, современным событиям и их роли в развитии региона. Он несколько ниже интереса к советскому этапу российской истории по вполне понятным причинам – меньшая хронологическая протяженность «актуального прошлого», невысокая героико-событийная наполненность, отсутствие временной дистанции и пр.

Полное отсутствие мемориальных досок, связанных с далеким прошлым нашей страны, можно объяснить скорее объективными, процедурными аспектами, нежели идеологическими. Как правило, мемориальные доски устанавливаются (если говорить о персональной мемориализации) через относительно небольшой промежуток времени после ухода человека из жизни. Исключения составляют юбилейные даты, к которым приурочиваются открытия досок, или наименования улиц – тогда временная дистанция не играет особой роли. Кроме того, облик Челябинска как «опорного края державы», крупного промышленного центра в большей степени формировался именно в советский период, чем и обусловлено его высокое коммеморативное значение.

Далее мы разделили коммеморативные ядра в зависимости от содержания на три типа: «личность», «место (учреждение)» и «событие (процесс)». На третьем, самом последнем по популярности месте, находится топографический тип – 6,2%. Второе место занимает событийно-процессуальный тип – 10,6%. Можно говорить о подавляющем доминировании персонализированного типа коммеморативного ядра – 83,1% всех мемориальных досок посвящено выдающимся личностям.

Проанализировав содержательное наполнение персонализированного типа коммеморативного ядра (сферы деятельности субъектов мемориализации), мы пришли к следующим выводам. Самой востребованной оказалась «охранительная сфера» (сотрудники МВД, военные, ветераны Великой Отечественной войны), 31,4%, почти треть всех мемориальных досок, была открыта в честь военных и сотрудников МВД, среди которых подавляющее большинство – в честь погибших в Чеченских войнах, Даге-

стане и прочих горячих точках. Они контекстно вписывались в ход исторических событий, происходивших в нашей стране в 1990-х – начале 2000-х гг. Следующей по популярности стала социально-культурная сфера (наука, культура, здравоохранение, педагогика и спорт) – 29,6% мемориальных досок. Производственная (14,6%) и общественно-политическая (7,5%) сферы заняли, соответственно, третье и четвертое места.

В рамках второго этапа анализа мы выделили два наиболее общих коммеморативных символа – «Героической жизни» и «Героической смерти».

Символ «Героическая жизнь» связан с мемориализацией образа мирного служения, героя-созидателя, героя-преобразователя, чьи трудовые успехи способствовали совершенствованию жизни общества как на глобальном, так и на локальном уровнях. Для более объемного понимания сущности данного символа в нем были выделены своего рода «сферы» служения: гуманистическая (деятельность в области культуры, здравоохранения, науки, педагогики, спорта и общественно-политическая деятельность); трудовая (деятельности в области производства, энергетики, градостроительства и пр.); военная, связанная с достижениями в военной области, пожарной и милицейской (полицейской) службы. Наиболее широко представленной оказалась сфера гуманистического служения (35,6%), что может объясняться как ее широкими содержательными границами, высокой активностью ее представителей по инициированию коммеморативных поводов или же сознательной и целенаправленной политикой властных структур.

Коммеморативный символ «Героическая смерть» оказался менее востребованным (всего 23,9% против 76,1%), однако объем коммеморативных ядер в данном случае оказался достаточно большим и позволил выделить данный символ как самостоятельный (напомним, что почти треть всех мемориальных досок была открыта именно в честь героической смерти челябинцев). Его символическая составляющая сводится к героизации не столько прижизненного трудового подвига, сколько подвига, сопряженного со смертью, точнее, смерти как подвига. В данном случае акцент делается не на конкретном совершенном деянии (за редким исключением), а на акте служения Родине, ценой которого является человеческая жизнь.

Таким образом, обобщая результаты изучения мемориальных досок как одного из направлений коммеморативной деятельности, можно отметить следующее.

На основании анализа сделаем некоторые выводы.

Во-первых, мемориальные доски имеют преимущественно региональную локализацию, т. е. отражают интерес общественности и властей к местной истории и настоящему, к выдающимся землякам и их достижениям.

В-вторых, они фиксируют неравномерную хронологическую локализацию с явным доминированием советского периода (большинство героев мемориальных досок или событий, в честь которых они были открыты, относятся к советскому периоду истории нашей страны). Актуальное прошлое (постсоветский период) занимает второе место по популярности (70 досок из 226). При этом тематически этот период представлен главным образом мемориальными досками погибшим в локальных войнах и конфликтах (Чеченские войны, война в Дагестане, Ингушетии и др.) – 41 из 70 досок. Если же говорить о периоде советской локализации, то его героями в достаточно равномерных пропорциях стали ученые, деятели культуры, здравоохранения, сферы промышленного производства и др.

В-третьих, доминирующим типом коммеморативных ядер мемориальных досок является персонализированный тип (выделенные топографический и событийно-процессуальный типы, которые получили в совокупности менее 17%). Наибольшее число досок было открыто в честь погибших при исполнении служебных обязанностей, производственников, военных и сотрудников МВД, а также деятелей культуры. В целом можно сказать, что преобладающими сферами оказались социально-культурная и военно-милицейская (полицейская).

В-четвертых, на основании изучения коммеморативных ядер мемориальных досок выделено два наиболее ярких коммеморативных символа – «Героической жизни» и «Героической смерти». Объединяет их коммеморативный повод – выдающаяся личность, герой в своей сфере и мотив служения Родине. Только в первом случае в основе символа лежит идея героический (сози-

дательной, преобразовательно-трудовой) жизни, а во втором – героической смерти. Первый меморативный символ коррелируется, главным образом, с советским периодом, а второй – с периодом Новейшей истории России.

Литература:

1. Беседина, Е. А. «В этом здании жил и работал...»: Мемориальные доски как образ исторической памяти [Текст] / Е. А. Беседина, Т. В. Буркова // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. – 2013. – № 16. – С. 45–67.
2. Закон Санкт-Петербурга «О мемориальных досках в Санкт-Петербурге» (с изменениями на 13 апреля 2016 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга : [сайт]. – URL: <https://gov.spb.ru/law?print&nd=891859636>. – Проверено: 12.10.2018.

УДК 769.5

Ткаченко С. О.

*директор Челябинского государственного
музея изобразительных искусств, аспирант
Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Теория и история культуры.*

*Науч. рук: Сергей Степанович Соколов,
кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

**К ВОПРОСУ О НЕОДНОРОДНОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЗДРАВИТЕЛЬНОЙ ОТКРЫТКИ В СССР**

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье рассматривается поздравительная открытка как социокультурная практика в системе официальных праздников советского времени. Проведена типологизация праздников по интенсивности использования открытки. По результатам исследования, указываются факторы, определившие неоднородность явления.

Ключевые слова: поздравительная открытка, официальный праздник, праздничная атрибутика, аксиологические позиции

Tkachenko S.

**ON THE ISSUE OF HETEROGENEITY OF SOCIO-CULTURAL PRACTICE OF USING
GREETING CARDS IN THE USSR**

The article considers a greeting card as a sociocultural practice in the system of official holidays of the Soviet time. The typology of holidays on intensity of use of a postcard is carried out. According to the results of the study, the factors that determined the heterogeneity of the phenomenon are indicated.

Keywords: greeting card, official holiday, holiday attributes, axiological positions

Институт новых праздников начал создаваться уже в первые годы существования советского государства. Официальный праздничный календарь (включавший в 1920-м г., согласно «Кодексу законов о труде», лишь пять дат, «посвященных воспоминаниям об исторических и общественных событиях») был сформирован к началу 1970-х гг. Его последний вариант представлен тридцатью двумя официальными праздниками, обладавшими обширным репертуаром культурных практик, к атрибу-

там которых относились массовые мероприятия (парады, собрания, митинги, концерты и т. п.), публикации музыкальных/художественных/литературных произведений, предметные полисемантические комплексы (знамена, транспаранты, плакаты, декоративные композиции). Такое масштабное театрализованно-художественное сопровождение праздника обеспечивало «тотальный захват человеческих чувств», активное участие граждан СССР в процессе праздничного ритуала [4, с. 106]. Наряду со средствами массовой информации, исполнявшими основную роль в трансляции праздничной культуры, важное место в ритуале занимала поздравительная открытка. Период с середины 1950-х до конца 1980-х гг. можно назвать «золотым веком» советской открытки: только за один 1965 год «издательства СССР выпустили 1 миллиард 150 миллионов открыток, в-среднем по 5 открыток на человека» [6, с. 124]. Однако являлось ли открыточное «сопровождение» праздников однородным явлением? Каким праздникам отдавалось предпочтение при известной избирательности культурной практики использования открытки? Какие факторы определяли выбор повода для выпуска открыток?

Для решения названных задач были проведены анализ литературных источников, скрининг коллекции поздравительных открыток, анкетирование посетителей Музея почтовой связи и опрос сотрудников почтовых отделений советского времени.

В литературе советского времени приводятся достаточно общие сведения об институте поздравительной открытки. Так, Э. Б. Файнштейн сообщает о расширении сети издательств, специализирующихся на «агитационно-массовой» открытке, в частности, о создании издательства ЦК КПСС «Плакат» [7, с. 103]. Наиболее значимыми исследованиями последних лет являются монографии О. В. Шабуровой «Советский мир в открытке» и М. Я. Чапкиной «Привет из Москвы!». Наряду с ценными историческими данными, в них представлен культурологический анализ феномена поздравительной открытки советского времени. Источники со сводными данными по тиражам и ассортименту поздравительных открыток, издававшихся в СССР, не удалось выявить.

Анализ 150-ти анкет, заполненных лицами в возрастной группе старше 50-ти лет, показал, что 146 информантов на вопрос «Как вы использовали открытки?» сообщили: «Для поздравлений». Как пишет информант Г. Х., руководитель почтового отделения в 1970-е гг., «в предпраздничные и праздничные дни: Новый год, 8 марта, 1 мая, 9 мая, 7 ноября – мешков с письмами, открытками было в два раза больше».

Коллекция поздравительных открыток (7500 экземпляров) была сегментирована нами на тематические разделы в соответствии с классификацией Д. М. Генкина, выделявшего «всеобщие, локальные, личностные» праздники [2, с. 56–58]. В данной работе остановимся на открыточной практике, связанной со всеобщими и локальными праздниками, статус которых определялся законодательно, что позволяет отнести их к официальным праздникам.

В группе всеобщих праздников отмечается неоднородность по «участию» открытки в праздничном ритуале. Наиболее объемно, разнообразно и непрерывно с середины 1950-х до начала 1990-х гг. в открытых письмах были представлены праздники:

1. Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции.
2. День международной солидарности трудящихся.
3. Международный женский день.
4. День Советской Армии и Военно-морского флота.
5. День Победы.
6. Новый год.
7. День знаний.

Другие события «государственной важности» были отмечены эпизодическим выпуском иллюстрированных открыток; например, открытки ко Дню космонавтики выходили лишь с 1961-го до середины 1966-го гг. Также можно обратить внимание на зависимость выпуска карточек от юбилейной даты: в 1970 г. выпускались открытки к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, в 1967 г. – к 50-тилетию образования СССР, в 1958 и 1968 гг. – к 40-летию и 50-тилетию ВЛКСМ. К праздникам с низкой «открыточной» интенсивностью можно отнести следующие:

1. Годовщина образования СССР.
2. День космонавтики.

3. День Конституции.
4. День рождения В. И. Ленина.
5. Годовщина ВЛКСМ.

Вторая группа – открытки к локальным праздникам – занимает незначительный объем в массиве поздравительных открыток. Они появились только в начале 1970-х гг. и выпускались нерегулярно. Профессионально-праздничные открытки и сейчас редко встречаются на антикварно-букинистическом рынке. Так, на одном из наиболее значительных по объему материала (38993 предложений) букинистических сайтов, в разделе «Открытки после 1946 года», отсутствуют предложения по карточкам данной тематики [1]. Удалось выявить открытки к следующим праздникам (заметим, что вероятно, существуют и другие, посвященные иным профессиональным праздникам):

1. День железнодорожника.
2. День шахтера.
3. День строителя.
4. День учителя.
5. День медицинского работника.
6. День советской милиции.
7. День энергетика.
8. День физкультурника.
9. День танкиста.
10. День авиации.
11. День ракетных войск и артиллерии.
12. День работников сельского хозяйства.

Особой разновидностью поздравительных открыток являются «универсальные» карточки, содержащие надписи «С праздником!», «Поздравляем!», «Поздравляю!». Сюжеты одних позволяют отнести их к конкретным праздникам; другие не поддаются однозначному прочтению. Но сюжетно-эмблематический ряд (демонстрации, фейерверки, Красная площадь, Герб и флаг СССР, Серп и Молот) является традиционным для большинства поздравительных открыток.

Таким образом, в поздравительной открытке «лидируют» семь праздников. Очевидно, что перечень наиболее «открыточных» праздников соответствует иерархии праздничной системы. Можно утверждать, что выбор праздников для репрезентации в открытке базировался на основных аксиологических позициях советского государства. Визуальному воплощению в открыточных композициях подлежали системообразующие идеологемы: рождение советского государства (7 ноября), международная солидарность трудящихся (1 мая), безопасность государства (23 февраля), главная победа советского народа как «второе рождение» государства (9 мая), гендерное равноправие (8 марта), всеобщее образование (1 сентября). Возможность полноценного участия граждан СССР в «главных» праздниках страны обеспечивалась сформировавшимися культурными практиками и предоставлением дополнительных выходных дней [3]. В процессе инкультурации праздничного ритуала открытка являлась своего рода памяткой, инструкцией для участника мероприятия. В частности, один из наиболее распространенных открыточных сюжетов – праздничная демонстрация – есть визуальный норматив, демонстрирующий психоэмоциональный стандарт поведения участников парада (улыбки, радость, веселье), правила соблюдения внешнего вида (нарядная, выходная одежда или рабочая форма), набор обязательной атрибутики (знамена, транспаранты, флажки), гендерно-возрастное и социальное разнообразие участников массового шествия (дети с родителями, представители различных профессий и возрастов). Открытка отражала и одновременно формировала такие основания советского праздника как «настроение масс, их морально-нравственные нормы, уровень культуры, идейно-политической зрелости» [5, с. 74]. Следует отметить, что в практиках подготовки к праздникам открытка являлась наиболее устойчивым элементом, неизменным атрибутом «предпраздничного» сценария. Для его успешной реализации «открытки с поздравительными сюжетами поступали на прилавки не ранее чем за месяц до соответствующего праздника» [8, с. 14]. Открытка, приобретенная заранее, либо полученная накануне праздника, «напоминала» и «готовила» к предстоящему событию. Отметим, что подоб-

но тому как «институционализация праздников в календаре и их повторяемость позволяли закрепить эмоциональные переживания населения на уровне подсознания», так и использование открытки превратилось в традиционную практику [9, с. 31]. Что касается локальных (профессиональных) праздников, открытки репрезентировали наиболее значимые для экономики и социальной сферы отрасли. При этом нерегулярность их выпуска показывает низкий уровень потребности официальных структур в коммуникативном и идеологическом ресурсе такой открытки.

В заключение отметим, что поздравительная открытка как социокультурная практика носила неоднородный характер. Существовали три категории официальных праздников: высокой, средней и низкой интенсивности практики использования поздравительной открытки. Очевидно, что основными факторами, определявшими состав группы «избранных» праздников, являлся уровень общественно-политической значимости праздника, его место в праздничной иерархии советского времени.

Литература:

1. Alib.ru [виртуальный букинистический магазин] : [сайт] / Ведущий и К°. – [Б.м., б.и.], сор. 1999–2018. – URL: <http://www.alib.ru/totkr.phtml>. – Дата обращения: 03.10.2018.
2. Генкин, Д. М. Массовые праздники [Текст] / Д. М. Генкин. – Москва : Просвещение, 1975. – 140 с.
3. Закон Об утверждении Кодекса законов о труде РСФСР. Утв. 9 декабря 1971 года [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических республик : [сайт]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7723.htm. – Дата обращения: 28.09.2018.
4. Зеверт, Д. Современные подходы к пониманию праздничной культуры в Советском Союзе / Д. Зеверт // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия, Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. – 2015. – № 2. – С. 103–113.
5. Коллектив. Личность. Общение. Словарь социально-психологических понятий // под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. – Ленинград : Ленииздат, 1987. – 144 с.
6. Печать СССР за 59 лет. Статистические очерки / сост. П. А. Чувилов. – Москва : Книга, 1967. – 200 с.
7. Файнштейн, Э. Б. В мире открытки / Э. Б. Файнштейн. – Москва : Планета, 1976. – 123 с.
8. Чапкина, М. Я. Привет из Столицы. Советская поздравительная открытка 1917–1991 годов / М. Я. Чапкина. – Москва : Контакт-культура, 2013. – 256 с.
9. Шаповалов, С. Н. Советские праздники и политическая социализация молодежи / С. Н. Шаповалов // Общество: политика, экономика, право. – 2013. – № 3. – С. 30–32.

Моисеев Т. Н.

УДК 1"652"+"653"

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Философия, этика и
религиоведение. Философская антропология,
философия культуры.*

*Науч. рук.: Невелева В. С., доктор
философских наук, профессор, Челябинский
государственный институт культуры*

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОГНЯ КАК МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ОСНОВАНИЯ МИРА В ФИЛОСОФИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Научно-педагогическая школа
«Философия человека в контексте культуры»
кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры*

Автор анализирует идеи античных и средневековых философов об огне в контексте фундаментальных проблем метафизики. Показано, что осмысление огня в истории философии осуществлялось с точки зрения различных мировоззренческих парадигм – космоцентризма и теоцентризма.

THOUGHT OF FIRE AS A METAPHYSICAL BASIS OF THE WORLD IN THE PHILOSOPHY OF ANTIQUITY AND THE MIDDLE AGES

In the article the author considers the phenomenon of fire as a possible single metaphysical beginning of Antiquity and the middle Ages.

Keywords: fire, metaphysics, idea, initial

К ряду важнейших мировоззренческих вопросов – о мире, о месте и роли человека в мире – относится и вопрос о первоначале мира. Пытаясь выявить истоки мироздания, логику его становления и развития, уже самые первые мыслители подошли к фундаментальным метафизическим основаниям философствования. Возможно ли определить, что является первооснованием и первопричиной всего существующего? Было ли у мира начало, и можно ли представить его в качестве одномоментно действовавшей первопричины или это первоначало есть нечто постоянное, абсолютное? Возможно ли и на каком основании свести все бесконечное разнообразие сущего к единству? Таков круг основных проблем, к которым обращена метафизика, и именно эти вопросы изначально обозначили уникальность предметной области философии как «Ничьей Земли» (термин Б. Рассела), поскольку порождаемое в ней знание не сводимо к тому, чем вооружает человека наука или религия. «Вопрос об истоке истоков является метанаучным – наука может его поставить и не может ответить», – так писал Рой Абрахам Варгиз [8, с. 11].

Ответ на метафизические вопросы предполагает необходимость встать в позицию наблюдателя со стороны, вернее – мысленный выход за границы сущего (физического) в поисках ответа на вопрос о первооснове и первопричине всего как в историческом, так и в актуальном смысле. Метафизические первоосновы мира – мысленные, рациональные конструкции, подсказанные творческой интуицией мыслителей и их ценностными установками, убеждениями, верованиями. Возведение ума к первопричине бытия совершается при этом не за счет выхода за пределы рационального мышления, в результате, например, превращения понятий в символы трансцендентной реальности, но путем использования логических средств, присущих самому рациональному мышлению [5].

Современные исследователи нередко указывают на генетическую связь метафизической мысли с более ранними культурными артефактами, в частности, с фрагментами теокосмогонических мифов древних цивилизаций (поэмы Гомера «Илиада», «Одиссея» (8 в. до н. э.); поэма Гесиода «Теогония» (8–7 вв. до н. э.) [7]. Именно там осуществляется переход от типичного для первобытного мифа анимистического плюрализма к монистическим взглядам на мир, в основе которых – представления о его едином начале.

Одними из самых первых метафизических представлений являются представления ранних античных философов о первовеществе. Среди всего, в том, что было обозначено как «вещественная» первооснова мира, особое место занимает огонь. Метафизическая картина мира представляет огонь в ином смысле, чем научная картина мира. Всеохватность данного понятия, говоря языком Башляра, заключается в его разностороннем понимании, восприятии и интерпретации. Превостихия – первома́терия, единое начало, *material prima* (от лат. *Substratum* – основа, фундамент) – в широком смысле основа всего существующего, отождествляющаяся с материей и субстанцией. «Огонь» – это понятие, с помощью которого фиксируется своеобразное тождество мира и человека [1].

Уже в мифах обнаруживаются первые подходы к осмыслению феномена огня как метафизического основания бытия. Мифология была первой попыткой абстрактного объяснения, ответа на вопрос: почему, в силу каких причин, под влиянием чего или из чего возникло все существующее? В древнегреческих мифологических или полумифологических текстах постепенно накапливались сведения объективного характера и предпринимались первоначальные попытки объяснения мира. Мифология фактически поставила интереснейшие вопросы перед сознанием челове-

ка: из чего все рождается и во что все разрешается? Где первооснова всего? Философия же, в определенном смысле позаимствовав сами вопросы у мифологии, религии, сформулировала их в более «чистой» форме. Она стала отвечать на вопросы с помощью учения о первоначале. А первоначало мыслилось как нечто в принципе единое с природой [3].

Сформировавшаяся в Античности философия осуществила качественный сдвиг в познавательном процессе, при котором происходит замена сверхприродных оснований событий (мифология) на основания природные и естественные. В философском мышлении начинает формироваться теоретический интерес к миру: что он собой представляет и как устроен. Понятием «природа» в Античности охватывалось все существующее: что существует и происходит, что было, есть и будет, все возникающее, рождающееся, погибающее. Но должна же быть и первопричина (первооснова) существующего. Ответить на вопрос о первоначале философы пытались, выделив какую-то часть, элемент природы и превратив его в «чистое» начало (освободив от единичных эмпирических характеристик), создав абстракцию, смысло-образ, в котором закреплены только существенно значимые признаки того, что в качестве первоначала избрано. Таким образом, исходно являясь результатом мысленного конструирования, это первоначало мира оказывается «над» миром, оно не есть вещь среди вещей, это *метафизическая* основа *физического* мира.

Античная метафизика с ее поиском сверхчувственных высших принципов или начал бытия (архе) являлась образцом метафизики вообще. В качестве этих сверхчувственных принципов античные философы выбирали материальное начало: Фалес – воду, Анаксимен – воздух, Гераклит – огонь и т.д. Анаксимандр сделал дерзкий шаг к понятию неопределенно-безкачественного материального. По своему содержательному философскому смыслу его апейрон как раз и являлся таковым. Философ показал, что первоначало не есть некоторая материальная реальность, а специфическая мысль о материальном мире. Первоначало должно было объяснить рождение и гибель всего, что есть, было и будет в мире. Значит, должно быть нечто, из чего все возникает и во что все разрешается. Иными словами, первопричина, первооснова рождения, гибели, жизни, смерти сама должна быть неуничтожима, то есть бесконечна (и во времени в том числе). В отличие от тел, состояний, людей, отдельных миров первоначало не погибает, как погибают те или иные вещи и миры [4].

В связи с этим обратимся к первоначалу, представленному Гераклитом Эфесским. Что может наиболее полно соответствовать указанным характеристикам первоначала как не гераклитовский огонь – «мерами затухающий и мерами возгорающийся» (но никогда не исчезающий). Выбор огня в качестве «вещественной» первоосновы неслучаен. Феномен огня играл определяющую роль в жизни и культуре человечества. При этом огонь как первовещество своей «огненной» природой не противостоит истинной природе человека, но – тождественен ей.

Огонь у Гераклита в еще большей мере символ, чем Фалесова вода. Огонь есть символ стихии всеобщего значения, даже стихийности. Как показано в историко-философской литературе, Гераклит избирает именно огонь, потому что благодаря данному символу возникает образ более живого, динамического первоначала. Для Гераклита важно, что избранное им первоначало позволяло выйти к космической целостности мира. Динамичное «огненное» первоначало помогало объяснить и происхождение Вселенной, и постоянное взаимодействие стихий, элементов, и содержание человеческой жизни.

Образ огня-первоначала у Гераклита, как оказалось, был по-своему перспективным. Но особенно важной была решимость древнего мыслителя истолковать «огненное» начало как космогоническое, космопроизводящее. В умозрительной догадке древних относительно огня было нечто, сохранившееся в последующей космогонии, в которой нередко воспроизводилась идея о планетах как остывших, а некогда раскаленных, огненных телах.

В истории философской мысли постоянно сохранялась метафизическая линия, поскольку философия всегда оставалась «погоней за единым» (Х. Ортега-и-Гассет), ей свойственны размышления о мире вообще, в целом, о его всеобщих первооснованиях, о бытии как единстве всего сущего и т. д. Поиски единого метафизического начала бытия были продолжены в Средневековье.

Мышление Средних веков по существу своему теоцентрично. Это означает, что бытием, определяющим все сущее, для него является уже не природа, а единый Бог, который является

единственным первоначалом (первоосновой) мира. Сквозным символом христианской культуры является символ огня (символ божественного), выводящий вещи из тождества себе и в котором все претерпевает обновление и духовное преображение.

Учение Дионисия Ареопагита отражает физические представления древних ученых об огне как первоэлементе материи. Важным аргументом в пользу того, что огонь есть во всем, было то, что его можно добыть. Он как бы извлекался из вещества, в котором очевидно уже содержался. Учитывая это, возможно говорить об извлечении огня в физическом (физико-химическом) смысле, поскольку он возникает в процессе трения и высекания. Однако человеческий опыт связан и с тем, что касается самого человека, его души, экзистенциальных состояний: «огненная» кровь, горящая в сердцах храбрых воинов; «огненная» страсть, возгорающаяся между влюбленными; гнев, сжигающий человека. Реальный огонь мыслился как зримое проявление одушевленного всепроникающего внутреннего огня, который невидимо пребывал во всех веществах и придавал материи динамику, развитие, жизнь. Поэтому «огонь» и стал образом всеобщего жизненного начала [2]. Есть еще и метафизический план: огонь карающий, очищающий и т.д., всегда связанный с миром идеалов, высших ценностей.

В средневековой философии, огонь неразрывно связан с Богом и это позволяет говорить о сверхприродности огня. Именно сверхчувственная трансцендентная природа огня, идея божественного огня (божественного воплощения, орудия, искры божьей и т.д.) позволяет рассматривать его в контексте единого метафизического первоосновы существующего (реального) мира.

При этом важно еще раз заметить, что первопричина находится за пределами физического (познаваемого) мира и ее постижение должно происходить в области умопостигаемого. Человек, в конечном счете, достигает знания божественных идей, извлекая умопостигаемый образ объекта из данных чувственного восприятия. Однако лишь раскрывая границы своего ума, перейдя на уровень трансцендентного, абстрагируясь от всего единичного, конечного, материального, человек сможет получить через откровение поистине божественный дар, искру божественного знания – озарение. Средневековые трактует отношение, связывающее творящее первоначало и мир сотворенных вещей, как отношение уподобления: вещь уподобляется и своему образцу (божественной идее), обретая соответствующую форму, и всей сфере божественного бытия. И здесь логично предположить, что, если человек есть творение божие, созданное по его образу и подобию, в каждом заложена божественная искра (от общего божественного огня), дающая полноценную человеческую жизнь. Божий огонь горит в каждом из людей. Везде огонь: все из огня, от огня, из-за него [6]. Стоит только оговориться, что в данном случае имеется в виду метафизическая идея огня.

Иммануил Кант считал, что естествознание может лишь объяснить возникновение отдельных физических объектов из других. И такое объяснение не вполне совершенное, так как осуществляется по схеме «регресса в бесконечность», а человеческий дух требует от познания восхождения к абсолютному первоначалу, и это его желание может удовлетворить лишь некая метафизическая сущность. Отсюда проистекает неистребимая потребность человеческого духа в метафизике. И не трудно понять, что человеческий разум не может отказаться от познавательной задачи восхождения от множественности и разнообразия сущего к единому, собирающему первоначалу. При этом максимальным объяснительным эффектом будет обладать лишь та философская система, которая выводит множественность физического бытия из единого метафизического начала.

Литература:

1. Башляр, Г. Психоанализ огня / Г. Башляр. – Москва, 1993. – 176 с.
2. Моисеенко, Т. Н. Концептуализация огня в христианской (Средневековой) философии / Т. Н. Моисеенко // Журнал научных и прикладных исследований. – 2017. – № 7. – С. 24–32.
3. Мотрошилова, Н. В. Мифология и пред-философия / Н. В. Мотрошилова // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья : сборник. – Москва : Греко-латин. кабинет, 1995. – С. 31–34.
4. Мотрошилова, Н. В. «Беспредельное» в философии Анаксимандра / Н. В. Мотрошилова // Там же. – С. 45–49.
5. Столяров, А. А. Рационализм схоластической философии. Концепция знания в средневековом платонизме и аристотелизме // Там же. – С. 309–311.

6. Столяров, А. А. Теологические предпосылки схоластического рационализма. Концепция знания в средневековом платонизме и аристотелизме // Там же. – С. 312–315.
7. Эллинические поэты VIII–III века до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М. Л. Гаспаров. – Москва : Ладомир, 1999. – 515 с. – (Античная классика).
8. Varghese, R. A. Cosmos, Bios, Theos / R. A. Varghese ; ed. H. Margenau. – La Salle (IL) : Open Court, 1992. – 113 p.

УДК 793.2

Блинова С. А.

*методист Центра противопожарной
пропаганды и общественных связей МЧС
России по Челябинской области аспирант
Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Теория и история культуры.*

*Науч. рук.: Шуб М. Л., кандидат
культурологии, доцент, Челябинский
государственный институт культуры*

СОЖЖЕНИЕ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ФЕСТИВАЛЯ BURNING MAN

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора
Челябинского государственного института культуры*

Целью данной статьи является рассмотрение образа огня и ритуала сожжения в пространстве современной культуры. Осознанные действия, направленные на осмысление и освоение огненной стихии помогли человеку не только дистанцироваться от животного мира, получив эволюционное преимущество, но и достигнуть высокого уровня развития. Значимость и полифункциональность огня как ресурса нашли свое отражение во множестве ритуалов характерных для большинства культур. Утратив свою первоначальную актуальность, огненные культы сохранились и преобразовались. Одной из форм их существования стал ежегодный фестиваль Burning Man.

Ключевые слова: сожжение, огненный культ, культура, обряд

Blinova S.

BURNING AS THE CENTRAL IMAGE OF THE BURNING MAN FESTIVAL

The purpose of this article to consider the role of fire and the ritual of burning. The development of the fire element will allow a person to distance himself from the animal world, receiving an evolutionary advantage, but also to achieve a high level of development. The significance and multifunctionality of fire as a resource are reflected in a variety of similar fire cults preserved and transformed. One of the forms of their existence was the annual festival Burning Man.

Keywords: burning, fire cult, culture, ceremony

Первые возгорания начались на нашей планете в те времена, когда еще не появилось существо, достаточно разумное для того, чтобы осмыслить происходящее или дать ему имя. Постоянные пожары как часть естественного цикла были привычной картиной для населявших планету представителей флоры и фауны, которые исчезали или видоизменялись под их воздействием.

Еще до окончания процесса антропогенеза предки современного человека столкнулись с пожарами. Мы можем лишь предполагать, какое воздействие оказывала на них неуправляемая

стихия. Животные, взаимодействующие с огнем, встречаются крайне редко и являются скорее исключением. В противовес им люди, вне зависимости от этнических и культурных различий, сделали огонь одним из важнейших ресурсов. Огонь выполнял в жизни человека как строго утилитарные, практические функции (приготовление пищи, расчистка территорий под жилье или сельскохозяйственные нужды, охота, изготовление орудий и т.д.), так и формировал сакральную сферу, отражаясь в мифах и культах. Но стоит отметить, что первоисточником «прирученного» огня для человека стал именно природный огонь, в той форме, которую сейчас мы идентифицируем как пожар. Но явление, которое в современном мире вызывает у нас ассоциации с катастрофой, трагедией и разрушением, в мировоззрение наших предков могло играть иную роль.

Одной из значимых антонимических пар являлось построение «свое – чужое», где «свое» относилось к миру человеческого, прирученного, а «чужое» – к миру стихийному, природному, божественному [3, с. 156]. Такое противопоставление вынуждало человека, существующего в пространстве обоих миров, поддерживать равновесие посредством обмена или диалога с природой. Нарушение баланса, угрожающее установленному миропорядку, формировало ритуалы, табу, особые формы жертвоприношений, а также выделяло внутри племени группу жрецов, шаманов, которые были способны за природными явлениями и катаклизмами увидеть и, главное, расшифровать волю богов.

Важно отметить, что, по мнению А. К. Байбурина, «чужое», характерное для природной составляющей, воспринималось как изначальное, возникшее до появления «своего» и осмыслялось не только как деструктивная сила, но и как сила, послужившая толчком к рождению человеческого мира, снабжающая его ресурсами [3, с. 167]. Возможно, именно так человек видел стихийные проявления огня – пожары. Подобное бинарное восприятие позволяло примириться с постоянным страхом перед вероятностью возникновения пожара при каждодневном взаимодействии с огнем.

Можно предположить, что пожары, уничтожающие поселения, запасы и приводящие к гибели людей, органично вписывались в картину мира наших предков. Подобные явления воспринимались как гнев богов за нарушение установленных правил или как своеобразная форма жертвоприношения, после которого утраченный баланс между стихией и человеком мог быть восстановлен. Это предположение может быть подтверждено выводами ряда исследователей, усматривающих связь между происхождением таких слов как «жрец – жертва – жрети – гореть» [6, с. 321; 4]. Таким образом, огонь мыслился живой стихией, которая не только позволяла человеку пользоваться частицей своей силы, но и требовала в обмен пищу для поддержания своего существования. Самостоятельно, в ходе ритуалов, или через посредство жрецов (шаманов), люди передавали огню различные виды подношений (пища, древесина, благовония и т.д.) – «кормили» огонь. Стоит отметить, что и сейчас существуют и воспроизводятся ритуалы «кормления огня», например, в республике Саха (Якутия). Можно предположить, что на протяжении долгого времени пожары не рассматривались как антропогенные. Человек, обладающий первобытным синкретичным мышлением, еще не умел разделять стихию на составляющие, выделяя природный или антропогенный факторы возникновения пожара. Выгоревшее поселение в таком контексте становилось скорее символом нарушенного ритуала или божественного гнева, чем символом неосторожного обращения с огнем, характерным для нашего времени.

Более того, человек существовал в окружении непроходимых, потенциально опасных лесов, которые в большинстве случаев не были пригодны для проживания и сельскохозяйственных работ. По утверждению ряда антропологов, человек не смог бы расчистить такое количество территорий, которое ему было необходимо для развития, без использования огня и огневодосечного земледелия [1]. Но этот способ, вероятно, не возник сам по себе, а был перенесен из природной среды, когда человек становился не только свидетелем самого природного пожара, но и наблюдал его последствия для экосистемы. На выжженных территориях, удобренных золой, появлялся новый тип растительности, исчезали высокие и густые насаждения, размножались травоядные животные, пригодные для охоты. Так пожар становился для наших предков не катастрофой, а уничтожением отжившего, предвестником перемен и новым витком развития. А. А. Печенкин указывает в своей работе на взаимосвязь в происхождение таких выражений как «выжженное

место» и «священный участок без деревьев» [5, с. 135]. Можно предположить, что первоосновой огненных культов был не культ огня «укрошенного», пылающего в огороженном очаге святилища, а культ «дикого» огня пожаров, которые возникали повсеместно; человек адаптировался к этим условиям, научившись сосуществовать и взаимодействовать с ними. Преодолев животный страх перед огнем, наш далекий предок увидел в пожарах объективный процесс, аналогичный смене времен года, циклам рождения и смерти.

Не имея реальной возможности повлиять на биологические процессы, человек формировал и использовал ритуал как форму перехода «природного» в сферу «культурного». Упорядочение в отношениях между «своим» и «чужим» являлось одним из основополагающих аспектов, позволивших установить диалог, дать ощущение контроля [5, с. 168]. «Небо и Земля не милосердны – люди для них – лишь соломенные псы» – это изречение, связанное с традицией сжигать в ходе ритуалов изображения животных, сделанных из соломы, приписывают древнекитайскому философу Лао Цзы. Само словосочетание «соломенный пес» стало устойчивым выражением и является эвфемизмом чего-либо ненужного, неценного и созданного лишь для уничтожения. Необъяснимым, на первый взгляд, кажется возрождение подобных ритуалов и их интерпретации в современном мире.

Ежегодно уже не одно десятилетие в конце лета в штате Невада в пустыне Блэк-Рок десятки тысяч человек проводят фестиваль, огненные ритуалы которого удивительным образом созвучны с тем, как взаимодействовали с огнем наши предки. В ходе фестиваля художники и архитекторы из разных стран создают арт-объекты, подлежащие сожжению, «обязательными» из года в год стали гигантская фигура человека и Храм. «Горящий человек», являющийся символом фестиваля, был создан и впервые сожжен в 1986 г. Ларри Харви, что заложило основу будущего фестиваля Burning Man («Горящий человек») [2].

В последние годы мероприятие привлекает порядка 70-ти тыс человек из разных стран, которые становятся со-создателями временного мира, подлежащего уничтожению по окончании отведенной для фестиваля недели, что, вероятно, является метафорой творения мира в христианской традиции. Известны случаи, когда участники пытались приблизиться к одной из сжигаемых конструкций и забрать из неё «сувенир» вопреки серьезной опасности. Для авторов и участников Burning Man горящие конструкции являются символами перерождения, зачастую принимающего радикальные формы. На данный момент зафиксированы не только ожоги и травмы, полученные в ходе мероприятия, но и один летальный случай. Стоит отметить, что, трагическое событие практически не повлияло на ход фестиваля, что подтверждает особое значение совокупности установленных ритуалов для участников. Он не был запрещен, более того, не были отменены запланированные акции по сожжению остальных конструкций. По словам одного из основателей фестиваля, произошедшее стало «огромным испытанием для нашего духа. Но мы должны завершить наш ритуал» [2].

Таким образом, мы видим, как возникла и утвердилась новая форма огненного ритуала. Несомненно, она основана на традициях, но это их не продолжение, но, скорее, переосмысление, доведенное до гротеска, в котором ценность личности нивелирована. Попытки справиться с чрезмерным давлением социума, усложнение и технологизация мира, кризисы в культуре подталкивают человека к реконструкции магического мышления, возвращению к архаичным формам взаимодействия друг с другом и окружающей действительностью.

Литература:

1. Parker C. H. The Pyrophilic Primate Hypothesis [Текст] / C. H. Parker, E. F. Keefe, N. M. Herzog [etc.] // *Evolutionary Anthropology: Issues, News, and Reviews*. – 2016. – № 25 (2). – P. 54–63.
2. Елкина, В. Популярность фестиваля Burning Man показывает, что общество устало от капитализма [Электронный ресурс] [опубл. 4 сент. 2017 г.] / В. Елкина // *Rusbase* : [сайт]. – URL: <https://rb.ru/story/burning-capitalism/>. – Проверено: 04.10.2018.
3. Байбурин, А. К. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов [Текст] / А. К. Байбурин. – Санкт-Петербург : Наука, 1993. – 240 с.
4. Надь, Г. Греческая мифология и поэтика [Текст] / Г. Надь. – Москва : Прогресс. – Традиция, 2002. – 433 с.

5. [Печенкин, А. А.] История науки в философском контексте [Текст] / под ред. А. А. Печенкина. – Санкт-Петербург : Рос. акад. наук, Ин-т истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, 2007. – 588 с.
6. Сергеевич, В. И. Древности русского права. В 4 т. [Текст] / В. И. Сергеевич. – Москва : Юрайт, 2017. – Т. 1. – 533 с.

УДК 316.7+793.2

Тараторин Е. В.

*кандидат педагогических наук, доцент
кафедры социально-культурной
деятельности, начальник творческо-
исполнительского центра Орловского
государственного института культуры*

КОРПОРАТИВНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ФОРМА ЗАКРЕПЛЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

*Научно-педагогическая школа Николая Александровича Паришкова
«Системный подход к организации социально-культурной деятельности»,
доктора педагогических наук, профессора,
Орловский государственный институт культуры*

В статье рассматриваются пути повышения уровня корпоративной культуры организации. Решение сложившейся актуальной социально-культурной проблемы автор статьи видит в обеспечении грамотного процесса организации и проведения корпоративного праздника. В статье приводится авторское определение понятия «корпоративный праздник», его виды и функциональное назначение в современном обществе, а также обозначаются основные задачи организатора современных корпоративных праздников.

Ключевые слова: корпорация, корпоративная культура, корпоративные ценности, корпоративная программа, корпоративный праздник.

Taratorin E.

CORPORATE HOLIDAYS AS A FORM OF CONSOLIDATION OF CORPORATE VALUES

This article discusses ways to improve the level of corporate culture of the organization. The author sees the solution of the current social and cultural problem in providing a competent process of organization and holding of a corporate holiday. The article presents the author's definition of the concept of "corporate holiday", its types and functional purpose in modern society, as well as the main tasks of the organizer of modern corporate events.

Keywords: corporation, corporate culture, corporate values, corporate program, corporate holiday.

Залогом стабильной работы и процветания любой компании является высокий уровень корпоративной культуры и сплоченность коллектива. По мнению исследователя празднично-игровых технологий формирования культуры корпоративного досуга В. В. Медведенко, формой закрепления корпоративных ценностей являются корпоративные праздники, которые при определенных условиях способствуют рекреации сотрудников, интеграции персонала, что является одним из условий его успешной деятельности в конкурентной рыночной среде [3, с. 4]. Следует отметить, что проведение корпоративных праздников на сегодняшний день стало общепринятой практикой. Корпоративный отдых, являясь важным и необходимым элементом корпоративной культуры, положительно влияет на создание здоровой атмосферы в коллективе и повышение ра-

ботоспособности сотрудников. Корпоративные программы представляют своего рода философию корпоративных отношений, непрямую рекламу стабильности, уверенности и надежности компании, являются инструментом создания и воспитания рабочего коллектива. При этом правильный и грамотный подход к организации неформального общения станет не только мотиватором, сплачивающим коллектив, но и будет способствовать превращению сотрудничества коллег в настоящую командную работу.

В большинстве случаев корпоративные мероприятия проводятся по инициативе руководства и финансируются предприятием. В одном месте собираются не только сотрудники компании, но и партнеры, клиенты с целью дальнейшего **поддержания** организационной культуры и достижения определенных коммерческих целей. Являясь инструментом PR, проводником базовых ценностей, носителем элементов фирменного стиля, корпоративный праздник входит в комплекс корпоративных традиций.

В настоящее время в научной литературе нет четкого определения понятия «корпоративный праздник», что ведет к широкому диапазону трактовок этого понятия. Данный факт вызывает неоднозначное отношение к этому явлению как исследователей, так и организаторов. Одно очевидно: со временем феномен корпоративных праздников проникает в деятельность практически всех организаций и крупных компаний, становясь частью корпоративной культуры.

В журнале «Деловой Петербург» в статье «Система внутрикорпоративных мероприятий как инструмент укрепления сущности бренда в сознании персонала компании-брендовладельца» корпоративный праздник определяется как один из самых эффективных способов налаживания системы внутрифирменных коммуникаций [6]. Он должен быть организован на профессиональном уровне, чтобы каждый сотрудник организации ощущал себя участником этого события, чтобы ни у кого не создалось впечатления, что его заставляют что-то делать. Именно праздник заряжает всех сотрудников позитивной энергией, помогает преодолеть недопонимание между собой и забыть о рабочих конфликтах.

Корпоративный праздник – это специальный творческий проект, проводимый по инициативе конкретной организации, финансируемый и организованный для персонала, партнеров, клиентов и другой целевой аудитории. Данное культурное явление в большинстве случаев посвящено конкретному событию или поводу, как в жизни компании, так и в жизни общества. Являясь эффективным средством поддержки корпоративной культуры, достижения коммерческих целей компании, корпоративный праздник составляет неотъемлемую часть организационной культуры организации, рассматривается как проводник базовых корпоративных ценностей и установок, специальное мероприятие, которое требует грамотной и тщательной подготовки, анализа результатов по окончании проведения [7, с. 47–48].

К примеру, в Советском Союзе корпоративный праздник имел значительную политическую окраску, часто находился на грани превращения в митинг с обильным застольем, с употреблением большого количества алкогольных напитков. К 1960-м гг. политическая окраска советских корпоративных праздников ослабевает, они приобретают более «человеческое лицо». Составляющими советского корпоративного праздника в разных комбинациях были:

- неперенная официальная часть (с трибуной и графином на ней);
- номера художественной самодеятельности, которые иногда имели политическую направленность (сатира на капиталистов, прославление советского мироустройства), критическую направленность (об отдельных недостатках на предприятии, бракоделах и т.п.), нейтральную направленность (творческие номера театрального, эстрадного, танцевального и музыкального жанров);
- выступления профессиональных артистов («шефских» концертных бригад);
- обильное застолье.

С распадом Советского Союза традиция корпоративных праздников практически ушла, чтобы возродиться в середине 1990-х гг. уже в новом амплуа.

В наши дни невозможно встретить организацию, которая бы не проводила корпоративных мероприятий для своего персонала и клиентов. Так называемые special events прочно зарекомен-

довали себя в корпоративной культуре и стали фактически обязательным атрибутом в современном бизнесе. Нередки случаи, когда корпоративные праздники организуются именно по принципу «надо – сделаем», что не способствует решению тех задач, которые обычно ставятся в рамках корпоративного мероприятия; отсюда – низкий или практически нулевой эффект, так как от правильного определения целей мероприятия зависит конечный результат.

По мнению исследователя элементов успеха внутреннего PR Ю. Пасса, корпоративный праздник – это не просто развлечение. В его основе должна лежать конкретная идея, отвечающая целям компании, объединяющая и вдохновляющая ее сотрудников, – это может быть, например, внедрение новой стратегии, преодоление разногласий между новыми и старыми сотрудниками, объединение главного и регионального офисов в единую команду [5]. Вместе с тем В. Новиков отмечает: «Все руководители хотят, чтобы их подчиненные не только гордились самим фактом работы в своей организации, но и были готовы самоотверженно трудиться ради ее процветания. Однако далеко не всегда эту задачу решают высокие зарплаты и премии. Корпоративные праздники вызывают у человека чувство принадлежности к организации, чувство единого целого» [4].

«Форма проведения корпоративного праздника ограничена только фантазией устроителей, – пишет В. В. Иванов, – наиболее распространенная практика – отдых в ресторане или клубе, когда накрыты столы и предусмотрена развлекательная программа. В ближайшее время увеличится спрос на нетрадиционные сценарии. Причина – снижение интереса к посещению стандартных посиделок «с водкой и цыганами». Спланировать и провести корпоративный вечер под силу и одному человеку, даже никогда ранее ничего подобного не делавшему. Только качество при этом не гарантировано. Профессиональные “затейники” считают корпоративным праздником мероприятие, на которое приглашены не менее 50 человек. Чаще всего торжество устраивается на 150–200 человек. Его стоимость может составлять от 2 тысяч до 20 тысяч долларов (50–100 долларов на человека, плюс музыкальное сопровождение» [8, с. 224].

Задача профессионального организатора современных корпоративных праздников не проста. Ему необходимо проявить неординарный творческий подход, чтобы заполнить в программу мероприятия номера художественной самодеятельности сотрудников организации или другие номера с их непосредственным участием. Главным условием номеров сотрудников является наличие таких актуальных тем в шутках, которые касались бы исключительно персонала компании и были допустимы в конкретной ситуации. Организатору необходимо не допустить возникновения неловких пауз по ходу проведения праздника, ошибок в работе обслуживающего банкетного и творческого персонала.

В процессе подготовки корпоративного праздника организатор, по мнению исследователя Т. Гончаровой, преследует следующие цели: ближе познакомить сотрудников компании между собой с тем, чтобы наладить эффективные внутренние коммуникации в компании; сформировать положительный имидж руководства у сотрудников; поощрить наиболее «выдающихся» работников компании, в рамках общей системы мотивации; создать эффективную команду из сотрудников компании, воспитать в сотрудниках корпоративный дух; воспитать в сотрудниках лояльность к собственной компании; дать сотрудникам возможность проявить себя с новой, неожиданной стороны и этим привлечь внимание руководства к себе как талантливому сотруднику. Вместе с тем автор предлагает достаточно простую классификацию форм корпоративных праздников. Т. Гончарова определяет, что все корпоративные мероприятия условно делятся на деловые (собрания коллектива, встречи, митинги); популярные (благотворительные и рекламные акции); развивающие (тренинги, семинары, конференции); командообразующие (курсы, испытания, туристические походы); спортивные (соревнования, турниры, забеги); развлекательные (праздники и вечеринки, внутрифирменные лотереи и розыгрыши, тусовки, шоу, концерты, клубы по интересам, выезды на природу, пикники); торжественные (юбилеи, вручение наград и т.д.) [2].

Психологи и эксперты по HR утверждают, что корпоративное мероприятие, организованное непосредственно на рабочем месте, является неудачным моментом. Это связано с тем, что ответственные и трудолюбивые сотрудники не могут оставить свои рабочие обязанности и все время стремятся выполнять всевозможные дела на рабочем месте, украдкой доделывая «дневную

норму». Также возникает риск наделить рабочее место неформальными ассоциациями – воспоминаниями о событиях на празднике, вследствие чего они будут мешать серьезно относиться к официальному рабочему пространству.

Являясь частью ритуала, инструментом фиксации успеха и выражения сопричастности общей идее, полем для продвижения корпоративных легенд, мифов, слухов, корпоративный праздник способен установить контакт и передать ценности и правила поведения в организации. Если офисы и отделы одной организации находятся в разных частях города или даже страны, несомненным успехом сближения коллектива с руководством, знакомством с новшествами компании станет именно корпоративное мероприятие, которое станет отличным стимулом интереса к работе, сформирует необходимое настроение. На вечере в праздничной атмосфере и приподнятом душевном состоянии руководитель вправе поставить перед сотрудниками определенные задачи и сформировать соответствующее настроение для их выполнения. В то же время в основе корпоративного праздника изначально лежит фактор мотивации сотрудников, когда они нацелены на пропаганду семейных ценностей, что позволит эффективнее мотивировать персонал.

Любой корпоративный праздник – это индикатор состояния корпоративной культуры внутри компании. Когда во время проведения праздника сотрудники оказываются вместе на протяжении значительного времени, при этом используются внешние атрибуты компании, внутренние формальные и неформальные правила общения, происходит обособление от внешней среды и сопоставление личных целей сотрудников с целями организации.

Корпоративный праздник предоставляет все возможности для того, чтобы сотрудники компании как можно лучше узнали друг друга, а руководитель мог понаблюдать за поведением своих подчиненных. Современная практика выработала несколько видов корпоративных праздников, к которым относятся частные, клубные и тематические. Клубные праздники рассчитаны в основном на молодых сотрудников компании, которые стремятся наладить контакты посредством общения со своими коллегами в неформальной клубной атмосфере. В большинстве случаев такие праздники организуются с целью знакомства сотрудников друг с другом, завязывания определенных отношений, а также для интересного и увлекательного времяпрепровождения. На частных корпоративных праздниках всегда присутствуют знакомые друг другу люди. Данные мероприятия организуются по поводу значимого события в жизни конкретного человека (руководителя, компании, начальника структурного подразделения, главного бухгалтера и др.). Тематические корпоративные праздники посвящены определенному культурному событию в жизни общества (государственный праздник), либо событию организации, объединенной одинаковыми целями и задачами работы (профессиональный праздник, день рождения фирмы, назначение на должность и др.).

Корпоративные праздники предоставляют возможность смены обыденной, монотонной атмосферы рабочего места в офисе, избавления усталости и «замысленности» отношений между сотрудниками. При этом данные праздники все-таки не должны быть слишком частыми, чтобы не стать нормой жизни сотрудников. В компаниях с малым количеством персонала подразумеваются частые встречи в рамках празднования какого-либо события в коллективе (день рождения, повышение по службе и пр.). В организациях с большим штатом сотрудников регулярные встречи не приветствуются. Как показывает практика, одной-двух встреч в году для такой компании более чем достаточно.

По мнению автора статьи «Кому и зачем нужны корпоративные праздники» в журнале «Кадровик. Кадровый менеджмент», на сегодняшний день выделяется несколько типов корпоративных праздников для сотрудников организации в зависимости от поставленных задач:

- праздник-традиция – дань укоренившейся традиции проведения праздников, подтверждение стабильности и неизменности принципов в отношении к персоналу;
- праздник-благодарность – средство выражения внимания, заботы о персонале со стороны руководства;
- праздник-подарок – своеобразная премия или специальные призы за профессиональные достижения сотрудников;

- праздник-разрядка – снятие накопившихся в процессе работы межличностных конфликтов, улучшение психологического климата в коллективе;
- праздник-инновация – способ привить мысль о новшествах в компании, обосновать необходимость изменений, изменить отношение к структурам и рабочим процедурам, откорректировать корпоративные ценности;
- праздник-мотивация – усиление интереса к работе, формирование желаемого коллективного настроения (team-spirit);
- праздник-сплочение – развитие горизонтальных и вертикальных неформальных связей, навыков командной работы (team-building);
- праздник-тренинг – создание и укрепление необходимых стереотипов и алгоритмов поведения, установок на совместное достижение результатов, атмосферы взаимопонимания и взаимного доверия (team-training) [1, с. 36–37].

Сегодня виды корпоративного отдыха разделяются на две группы:

- мероприятия, направленные «внутри» компаний (цель – сплочивание коллектива) – различные тренинги и интенсивы, направленные на поддержание и развитие корпоративной культуры компании (конференции, проводимые компанией; совместное празднование календарных праздников; разного рода тимбилдинги);
- мероприятия, направленные «наружу» (цель – привлечения клиентов и потенциальных партнеров) – различного рода акции, розыгрыши туристических поездок, конкурсы, тематические выставки и презентации новых продуктов.

По цели проведения корпоративные мероприятия разделяются на:

- обучающие – конференции, семинары, тренинги;
- информационно-развлекательные – презентация новой модели товара, розыгрыш подарков среди первых покупателей, празднование юбилея организации;
- досугово-развлекательные – концерты, фестивали, турниры, спортивные соревнования.

По частоте проведения корпоративные мероприятия разделяются на:

- регулярные – повышение квалификации сотрудников, тимбилдинги;
- эпизодические: благотворительные акции, посвящение в сотрудники компании.

В зависимости от продолжительности корпоративные мероприятия бывают:

- краткосрочными – различные виды корпоративного отдыха в кафе, ресторанах и на природе;
- среднесрочными – корпоративные выезды за пределы города, проводимые на территории туристических баз или санаториев.

В зависимости от контингента корпоративные мероприятия делятся на:

- закрытые – принимать участие могут только сотрудники, посторонним вход запрещен;
- открытые – предполагают участие не только сотрудников, но и партнеров, контрагентов, представителей власти, журналистов;
- массовые – возможность принять участие есть у любого заинтересованного человека.

Таким образом, корпоративный праздник представляет собой культурное событие, которое позволяет руководству и рабочему штату продемонстрировать свои возможности, подвести промежуточные итоги, лишний раз напомнить о себе партнерам. Праздник сочетает в себе торжественно-официальную часть, когда выступают руководители организации, когда награждают достойных, с непринужденным весельем, когда сотрудник принимают участие в конкурсном-развлекательной программе. Сотрудники заряжаются позитивной энергией на корпоративном вечере, стараются укрепить отношения с коллегами, что в дальнейшем скажется на повышении эффективности работы всей организации. Корпоративные праздники повышают качество и интенсивность труда, при этом формируют традиции организации; разъясняют сотрудникам основную концепцию и цели работы компании; сплочивают коллектив; укрепляют связи между сотрудниками и руководством; демонстрируют заботу руководящего состава о рабочем коллективе; расширяют дружеские и деловые связи между сотрудниками; мотивируют персонал к лучшей и качественной работе; налаживают партнерские и бизнес-контакты с подрядчиками.

Литература:

1. Кому и зачем нужны корпоративные праздники [Текст] // Кадровик. Кадровый менеджмент. – 2011. – № 12. – С. 37–43.
2. Корпоративный праздник как бизнес-проект [Электронный ресурс] [публ. 30 нояб. 2010 г.] / [Т. Гончарова] // PROпроект. Блог для истинных ценителей управления проектами : [авт. блог]. – URL: http://proproject.blogspot.com/2010/11/blog-post_30.html. – Проверено: 05.10.2018.
3. Медведенко, В. В. Празднично-игровые технологии формирования культуры корпоративного досуга [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.05 / Вера Васильевна Медведенко ; [место защиты Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина]. – Тамбов, 2008. – 182 с.
4. Новиков, В. Прибавка к премии. Праздники для сотрудников стали неотъемлемым элементом корпоративной культуры [Текст] / В. Новиков // Эксперт Северо-Запад. – 2001. – № 26 (55). – С. 34–38.
5. Пасс, Ю. Внутренний PR: элементы успеха [Электронный ресурс] / Ю. Пасс // Клерк : [сайт]. – URL: <https://www.klerk.ru/boss/articles/2738/>. – Проверено: 05.10.2018.
6. Система внутрикорпоративных мероприятий как инструмент укрепления сущности бренда в сознании персонала компании-брендовладельца [Текст] // Деловой Петербург. – 1999. – № 133. – С. 3.
7. Тараторин, Е. В. Технология корпоративного досуга [Текст] : учеб. пособие / Е. В. Тараторин. – Орёл : Орлов. гос. ин-т культуры, 2018. – 217 с.
8. Этикет. Путешествия, бизнес, праздники, быт [Текст] : [сборник]. – Москва : Дом : Объедин. ред. МВД России, 2001. – 221 с.

Юсупова М.

УДК 81

*соискатель Самаркандского
государственного института иностранных
языков по направлению подготовки
Когнитивная лингвистика, г. Самарканд,
Республика Узбекистан*
*Науч. рук.: Сувонова Н. Н., кандидат
филологических наук, доцент
Самаркандского государственного
института иностранных языков, г.
Самарканд, Республика Узбекистан*

К ПРОБЛЕМЕ СОДЕРЖАНИЯ ТЕРМИНА «СЦЕНАРИЙ /СКРИПТ» В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

*Научная школа Салохиддина Исмаиловича Исмаилова,
кандидата филологических наук, доцента
Самаркандского государственного института иностранных языков*

Статья посвящена различным толкованиям термина сценарий / скрипт в когнитивной лингвистике и его реализации в художественных текстах.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивная наука, скрипт, сценарий, фрейм, концепт, сценарный фрейм, фрейм-сценарий, стереотипный эпизод, последовательность действий

Yusupova M.

TO THE PROBLEM OF THE TERM CONTENT "SCENARIO / SCRIPT" IN COGNITIVE LINGUISTICS

To the problem of the content of the term «script / scenario» in the cognitive linguistics. The article is devoted to various interpretations of the term «script / scenario» in the cognitive linguistics and its implementation in artistic texts.

Keywords: cognitive linguistics, cognitive science, script, script, frame, concept, script frame, frame script, stereotypical episode, sequence of actions

Когнитивная лингвистика – активно развивающееся лингвистическое направление, во многом определяющее лицо современной мировой лингвистической науки. Вместе с тем это направление сравнительно новое, молодое, в нем много дискуссионных моментов как в теоретических вопросах, так и в исследовательской практике, в методах исследования. Когнитивная лингвистика прочно заняла свое место в парадигме концепций современного мирового языкознания. Именно ее возникновение и бурное развитие являются характерной чертой языкознания рубежа последних веков. По определению В. З. Демьянкова и Е. С. Кубряковой, «когнитивная лингвистика изучает язык как когнитивный механизм, играющий роль в кодировании и трансформировании информации» [4, с. 53–55]. В когнитивной лингвистике виден новый этап изучения сложных отношений языка и мышления, она – одно из направлений междисциплинарной когнитивной науки.

Когнитивная лингвистика исследует ментальные процессы, происходящие при восприятии и осмыслении действительности, а также виды и формы их ментальных репрезентаций. Когнитивная лингвистика как самостоятельная область современной лингвистической науки, выделилась из когнитивной науки. Конечной задачей когнитивной лингвистики, как и когнитивной науки в целом, является «получение данных о деятельности разума» [3, с. 13]. При этом исследование сознания составляет общий предмет когнитивной науки и когнитивной лингвистики [3, с. 10].

Обоснованным будет утверждение, что ключевыми терминами, относящихся к когнитивизму, являются *фрейм* и *сценарий*. Фрейм (или концепт) – это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия (Когнитивные исследования). Фрейм конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Особенно важно это по отношению к определенным эпизодам социального взаимодействия – поход в кино, поездка на поезде – и вообще по отношению к рутинным эпизодам. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение (скажем, когда мы платим за дорогу или покупаем билет привычным для нас образом). Фрейм при таком подходе – структура данных для представления стереотипной ситуации (типа: нахождение в комнате, ритуал детского дня рождения). Фрейм повествования – скелетные формы типичных рассказов, объяснений и доказательств, позволяющие слушающему сконструировать полный тематический фрейм. Такой фрейм содержит конвенции о том, как может меняться фокус внимания, о главных действующих лицах, о формах сюжета, о развитии действия и т.п. С каждым фреймом связано несколько видов информации: об его использовании и о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтвердятся.

Термин «сценарий» (или скрипт) близок к термину «фрейм». Сценарий – это разновидность структуры сознания (репрезентации), которая вырабатывается в результате интерпретации текста, когда ключевые слова и идеи текста создают тематические («сценарные») структуры, извлекаемые из памяти на основе стандартных, стереотипных значений (Когнитивные исследования). Существует множество взглядов на трактовку термина «сценарий». Обратимся к его наиболее существенным параметрам. Сценарий или, по-другому, *сценарный фрейм* содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой рекуррентной ситуацией [2, с. 28]. Сценарии не всегда обусловлены непосредственной целесообразностью: нередко они описывают последовательности сцен, событий или действий, имеющие полностью или частично ритуализованную природу, например, светские, религиозные и военные церемонии [Там же, с. 63]. Сценарии организуют поведение и его интерпретацию. Для сценариев характерны ситуативная привязанность и конвенциональность.

Сценарный фрейм представляет типовую структуру некоторого события / ситуации, объединяющую характерные признаки этого события / ситуации, или структуру данных относительно некоторой темы; он непосредственно связан с ситуацией. Действия, предусмотренные сценарием, выполняются в зависимости от обстоятельств. Сценарный фрейм обычно допускает два хода:

обычная последовательность действий или ее нарушение, в результате чего возможен выход из сцены / ситуации.

Каждый сценарий имеет начало, продолжение и конец. Фактически это фреймы, разворачиваемые во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов, этапов, элементов: посещение кино, поездка в другой город, посещение ресторана, поликлиники, драка, игра, экскурсия. Например, стадион – это фрейм, а посещение стадиона, выступление на стадионе, реконструкция стадиона и т. д. – сценарии. Представление знаний о мире с помощью фреймов оказывается весьма плодотворным при объяснении механизмов понимания человеком естественного языка, рассуждении, повествовании, наблюдаемых действий другого лица и т. д.

В работе М. Минского предлагается строить знания о мире в виде фреймов-сценариев. Фрейм-сценарий по М. Минскому представляет собой типовую структуру для некоторого действия, понятия события и т. п., включающую характерные элементы этого действия понятия, события [1. с. 1-25].

Для объяснения быстрого понимания человеком ситуации, представляемой сценарием, в работе Р. Шенка, Р. Абельсона [1] предлагается отождествлять терминалы фрейма-сценария с наиболее характерными вопросами, обычно связанными с этой ситуацией. Ответы на эти вопросы полезно получить для понимания данной ситуации. По существу, фрейм-сценарий в этом случае является собранием вопросов, которые необходимо задать относительно некоторой гипотетической ситуации, и способов ответа на них. Для фрейма-сценария дня рождения ребенка в число таких вопросов войдут следующие: Что должны надеть гости? Выбран ли подарок для ребенка? Понравится ли ему подарок? Где купить подарок? Где достать денег? и т. д.

Для того чтобы понять действие, о котором рассказывается или которое наблюдается, человек часто вынужден задавать такие вопросы: Кто осуществляет действие (агент)? Какова цель действия (намерение)? Каковы последствия (эффект)? На кого это действие влияет (получатель)? Каким образом оно произведено (инструмент)?

В интерпретации Р. Шенка, Р. Абельсона *сценарий* представляет собой последовательность действий, которые описывают часто встречающиеся ситуации. В этой последовательности действий используется принцип каузальной связи, т. е. результатом каждого действия являются условия, при которых может произойти следующее действие.

Количество сценариев, отражающих возможные ситуации, встречающиеся в реальной жизни, огромно. Сюда относятся и упомянутый выше день рождения ребенка и игра в футбол, занятия в школе и т. д. Ниже приводится сценарий посещения ресторана с точки зрения посетителя.

Сценарий: ресторан

Роли: посетитель, официантка, шеф, кассир

Цель: получить пищу, чтобы утолить голод

Сцена I. Вход

Войти в ресторан

Глаза направить туда, где есть пустые столы

Выбрать, где сесть

Направиться к столу

Сесть

Сцена II. Заказ

Получить меню

Прочитать меню

Решить, что хочешь заказать

Сделать заказ официантке

Сцена III. Еда

Получить пищу

Съесть пищу

Сцена IV. Уход.

Попросить счет

Получить чек
Направиться к кассиру
Заплатить деньги
Выйти из ресторана...

В каждом сценарии средства выполнения действий могут варьироваться по обстоятельствам. Например, в сцене II заказ можно сделать письменно, устно и даже (в другой стране при незнании языка) жестами. В сцене IV выплата денег может быть осуществлена кассиру, официанту или словами «Включите в мой счет».

Возможно также, что обычная последовательность действий может нарушаться. Имеется, по крайней мере, три характерных случая такого нарушения. Первый – это отклонение, которое представляет собой прерывание последовательности действий сценария другим сценарием. Другие два случая называются *препятствием* и *ошибкой*. Препятствие имеет место тогда, когда кто-то или что-то мешает обычному действию или отсутствует какое-то условие, необходимое для выполнения действия. Ошибка появляется тогда, когда действие завершается не так, как требуется.

Таким образом, сценарий – не просто цепь событий, а скорее связанная цепочка действий, которая может разветвляться на множество возможных путей, которые сходятся в особо характерных для сценария точках – элементарных действиях. Понимание некоторой новой ситуации или высказывания сводится прежде всего к попытке найти в памяти знакомую ситуацию, наиболее сходную с новой. Сценарий / сценарный фрейм содержит стандартную последовательность событий, обусловленную некой интересной ситуацией.

Литература:

1. Minsky M. 1981 A framework for representing knowledge [Текст] // D. Metzger ed. Frame concepts and text understanding. – В.
2. Schank 1972 R. Schank, "Conceptual Dependency: A Theory of Natural Language Understanding," [Текст] Cognitive Psychology, 1972, pp 552–631.
3. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики [Текст] / Е. С. Кубрякова / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
4. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / [Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков [и др.]. – Москва, 1996. – 381 с.
5. Концепция образовательной программы «Когнитивные исследования» [Электронный ресурс] // Русская антропологическая школа. Институт Российского государственного гуманитарного университета : [сайт]. – URL: <http://kogni.narod.ru/concept.htm>. – Проверено: 23.10.2018.

УДК 908(470+571)

Толстиков В. С.

*доктор исторических наук, профессор,
Челябинский государственный институт
культуры*

О ВОЗДЕЙСТВИИ РАДИАЦИОННОЙ АВАРИИ 1957 ГОДА НА ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

*Научная школа Виталия Семёновича Толстикова,
доктора исторических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Статья посвящена медицинским последствиям радиационной аварии 1957 г. на Урале и мерам по радиационной защите населения.

Ключевые слова: радиоактивность, доза облучения, радиационная защита населения, продолжительность жизни

Tolstikov V.

ON THE EFFECTS OF THE RADIATION ACCIDENT IN 1957 ON THE HEALTH OF THE POPULATION OF THE URALS

The article is devoted to the medical consequences of the radiation accident in 1957 in the Urals and measures for radiation protection of the population.

Keywords: radioactivity, radiation dose, radiation protection of the population, life expectancy

На химкомбинате «Маяк», который известен сегодня во всем мире, 29 сентября 1957 г. произошла крупнейшая в истории атомной энергетики радиационная авария, принесшая горе и страдания многим людям. Территория, которая подверглась радиоактивному загрязнению в результате аварии, позднее получила название Восточно-Уральский радиоактивный след (ВУРС). В зону загрязнения попало более 200-т населенных пунктов Челябинской, Свердловской и Тюменской областей, в которых проживало 270 тыс. человек. Из них около 10 тыс оказались на территории с высокой плотностью радиоактивного заражения (свыше 2 кюри на квадратный км), т.е. эта территория была опасной для дальнейшего проживания [2]. В атмосферу было выброшено и рассеяно полосой 2 млн кюри долгоживущих радиоактивных веществ, среди которых наиболее опасным был стронций-90 (период полураспада 28 лет).

Известно, что все сведения об этой аварии долгое время держались в строгом секрете, что способствовало в дальнейшем распространению различных слухов и домыслов, искажающих причины, масштабы и последствия этой ядерной катастрофы. Как в зарубежных, так и в отечественных средствах массовой информации, научных публикациях не раз сообщалось о гибели большого числа людей во время взрыва емкости с жидкими радиоактивными отходами на «Маяке». Радиационная авария, произошедшая на Урале, в 1987 г. была занесена в «Книгу рекордов Гиннеса» [7]. В разделе «Наиболее тяжелые в мире аварии и катастрофы» об уральской трагедии говорится: «Авария с ядерными отходами: выброс плутониевых отходов. Кыштым, СССР, приблизительно декабрь 1957 года. Число погибших: много, но не раскрыто» [3, с. 126]. Бывший советский биолог Жорес Медведев, автор нашумевшей на Западе книги «Ядерная катастрофа на Урале» (1979 г.), неоднократно заявлял, что, по его расчетам, должны быть сотни погибших. Он и

другие авторы при этом ссылались на свидетелей, которые якобы рассказывали, что видели больницы, заполненные «очень тяжелыми» пациентами, у которых сходила кожа.

Среди местного населения до сих пор распространено мнение о большом количестве людей, погибших во время аварии, переоблучившихся. Последующие после аварии смерти переселенцев из загрязненной зоны многие записывают также на счет радиации. С другой стороны, официальные органы, начиная с июня 1989 г. (когда был раскрыт секрет радиационной аварии), утверждают, что во время аварии и спустя более 60 лет после неё не было ни одного смертельного случая. Несмотря на все эти утверждения, недоверие к официальным данным сохраняется. Средства массовой информации по-прежнему распространяют различные мифы и домыслы об аварии: «Самый глобальный ужас случился в 1957 году, когда рядом с Кыштымом рванул секретный завод по производству атомного оружия, погубив народу более, чем Чернобыль» [1]. Здесь много неправды. Взорвался не секретный завод, а хранилище радиоактивных отходов. Что касается гибели людей, то во время взрыва никто не погиб.

Вопреки установленным истинам и сделанным научным выводам, нагнетание страстей и эмоций вокруг аварии продолжается. Так, в статье «Бешеный "Маяк"», посвященной трагедии 1957 г., собственный корреспондент газеты «Труд» Владимир Писанов сообщил сенсационную версию о том, что «29 сентября 1957 года в Челябинской области начался загадочный эксперимент на живых людях». Ссылаясь на жителей села Муслюмово, пострадавших от загрязнения реки Течи в 1949–1952 гг., но к радиационной аварии 1957 г. никакого отношения не имеющих, В. Писанов продолжает: «Авария была "плановой", задуманной, с неё чуть ли не начался эксперимент по изучению воздействия радиации на живых людей в естественной среде обитания». Все это, конечно, чудовищная ложь, ничего общего не имеющая с теми трагическими событиями, которые произошли 60 лет назад.

Радиационная авария 1957 г. потребовала, естественно, огромных усилий со стороны многих организаций и ведомств и, прежде всего, коллектива химкомбината по ликвидации её последствий, охране здоровья населения.

Сейчас, когда прошло несколько десятилетий после этой катастрофы, можно с большой долей уверенности констатировать, что несмотря на отсутствие должного опыта, работники «Маяка», руководители атомного ведомства принимали в целом правильные меры по реабилитации загрязненной территории, работе с пострадавшим от радиации населением, приобретая уникальный опыт, который пригодился при ликвидации последствий аварии в Чернобыле.

Послеаварийные работы в Челябинске-40 (г. Озерск) и на загрязненных территориях начались сразу же после взрыва, без всякого промедления и без всякой паники. Во многом этому способствовала почти армейская дисциплина на ядерных объектах, их закрытость, самоотверженность и подлинный героизм его работников. Уже через несколько дней руководители ведомства имели данные о масштабах аварии и уровнях загрязнения территории.

Требовались исключительные меры по радиационной защите населения, которые включали предотвращение облучения как в начальный, так и в последующий периоды. Все эти меры подразделялись на экстренные, осуществленные непосредственно после образования ВУРСа, и плановые, направленные на снижение доз облучения населения при длительном проживании на загрязненной радионуклидами территории.

Первое решение по экстренной эвакуации населения, проживающего в 23-х км от места взрыва с высокой плотностью радиоактивного загрязнения (более 2 кюри на квадратный км по стронцию-90), было принято сразу после получения данных дозиметрического контроля. Население деревень Бердяниш, Сатлыково, Галикаево и Кирпичики, оказавшееся в опасной зоне, эвакуировали на 7–10 день после аварии. Жители общей численностью 1383 человека прошли полную санитарную обработку, были вывезены на незагрязненную территорию и размещены в приспособленных помещениях. Всё личное имущество пострадавших, а также вся собственность существовавших на этой территории колхозов, были ликвидированы с полным возмещением государством всех убытков. Экстренная эвакуация населения явилась крайней мерой, её необходимость диктовалась невозможностью дезактивации обширных территорий, домов, одежды, скота,

запасов продовольствия и фуража. Всего на протяжении начального (экстренного) и промежуточного (планового) периода было эвакуировано 12763 человека из 24-х населенных пунктов, в том числе из 20-ти населенных пунктов, расположенных на территории Челябинской области. Согласно выводам специалистов, экстренная эвакуация обеспечивала снижение потенциальной дозы внешнего облучения за 30 лет более чем в 17 раз, дозу облучения кости и красного костного мозга – в 14 раз, суммарную дозу за эти годы – в 16 раз. Последующие же отселения (плановые), которые проводились через 6–7 месяцев после аварии, сокращали потенциальную дозу по внешнему облучению всего лишь на 6–24%, а дозу облучения кости и красного костного мозга на 34–40%.

Кроме эвакуации населения, в начальный период после аварии осуществлялись мероприятия по бракеражу продовольствия, т.е. изъятию сельскохозяйственной продукции и фуража у населения и колхозов, загрязненных радиоактивными веществами выше установленных нормативов. В первую очередь, выбраковка проводилась в наиболее загрязненных населенных пунктах. Радиологический контроль выявил значительное количество «грязных» продуктов, которые могли бы использоваться населением, что, естественно, самым негативным образом отразилось бы на состоянии его здоровья.

Одной из важных мер радиационной защиты стало введение режима ограничения на доступ населения и ведение хозяйственной деятельности на части территории ВУРСа, признанной небезопасной для проживания. В 1958 г., после установления границ загрязненной радиоактивными веществами территории, были выведены из хозяйственного использования в Челябинской области – 59 тыс. га земли, в Свердловской – 47 тыс. га, из которых 55% составляли земли сельскохозяйственного назначения. Для того, чтобы не допустить поступления стронция-90 в организм людей и животных, на этих территориях запрещалось сенокошение и выпас скота, сбор грибов и ягод, ловля рыбы, использование древесины на топливо и для гражданского строительства. Чтобы предотвратить свободный доступ неэвакуированного населения на загрязненную территорию, была организована санитарно-охранная зона (СОЗ). В эту зону вошла территория площадью около 700 квадратных км с плотностью загрязнения 4 кюри на квадратный км по стронцию-90. Кроме СОЗ на расстоянии 5 км от неё была образована еще одна зона наблюдения.

Изучение документальных материалов, многочисленные беседы с ликвидаторами последствий аварии, ветеранами химкомбината «Маяк» подтверждают тот факт, что действительно во время аварии не было смертельных случаев. Никто не погиб и в момент взрыва, и во время прохождения радиоактивного облака над территорией Челябинской и Свердловской областей. Сегодня в большей мере людей волнует вопрос: «А каковы же были последствия аварии для здоровья населения, подвергшегося облучению вследствие аварии 1957 года?». Первые медицинские осмотры отселенных жителей наиболее пострадавших деревень Бердяниш, Сатлыково, Галикаево и Кирпичики проводилось врачами медсанчасти № 71 г. Челябинск-40 (Озерск). Это были хорошо подготовленные специалисты, основательно разбирающиеся в вопросах радиационной медицины, так как до аварии они следили за состоянием здоровья работников химкомбината «Маяк». Жителей этих населенных пунктов осматривали терапевты и невропатологи, а детей – педиатры. Обследование населения включало обязательный полный анализ крови.

Что же показали тогда результаты медицинского обследования? Самым важным заключением явилось то, что ни один человек из облучившихся не заболел лучевой болезнью. По многократным расчетам средняя доза облучения жителей этих деревень, находившихся до их переселения на территории радиоактивного следа в течение 7–10 суток, составляла по эффективной дозе максимум 45–120 бэр, а у жителей других населенных пунктов она оказалась ещё меньше. Таким образом, дозиметрические показатели подтверждали выводы врачей об отсутствии случаев лучевой болезни. Вместе с тем у людей, подвергшихся радиоактивному воздействию, обнаружили иные заболевания: у взрослых (чаще всего) – атеросклероз мозговых и сердечных сосудов, ишемическую болезнь сердца, гипертонию, бронхит, эмфизему легких; у детей – острую респираторную инфекцию. Эти заболевания были зарегистрированы примерно у 47% обследованного взрослого населения [4].

Следует отметить, что частота выявленных болезней на территории ВУРС оказалась не выше, чем у остального населения. Об этом свидетельствуют результаты регулярных диспансерных осмотров разных категорий сельского населения. Заболевания у облучившихся людей ни по тяжести, ни по течению не отличались от подобных заболеваний у остального населения. Только в крови у некоторых жителей из деревень, близко расположенных к месту взрыва, находили отклонения в количестве лейкоцитов и тромбоцитов.

В течение 1959–1963 гг. были обследованы 2767 человек. Ни у одного из них не были выявлены клинические признаки лучевых заболеваний. Для выявления возможных поражений дыхательных путей выпавшими на землю радиоактивными осадками проанализировали также заболеваемость органов дыхания у 7799 человек. Выявить увеличение заболеваемости не удалось, следовательно, максимальные лучевые нагрузки на легкие у обследуемых были незначительными. Исключение составила лишь бронхиальная астма. Уровень заболевания ею взрослого населения через 12 лет после аварии оказался значительно выше среди облучившихся.

Последние исследования ученых-медиков показали, что сам страх населения перед радиацией – радиophobia – может стать источником заболеваний. У населения, подвергшегося вредному воздействию в результате чернобыльской аварии, тоже пока не выявлено какого-либо возрастания лейкозов и других форм рака. Исключение составляет 5–10-тикратный рост рака щитовидной железы у детей, который некоторые исследователи приписывают действию йода-131. Таким образом, как на территории ВУРСа, так и на территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению после Чернобыля, не отмечено заметного увеличения онкологических заболеваний.

Сейчас многие исследователи склоняются к тому, что рост смертности заболеваемости в регионах, пострадавших в результате чернобыльской аварии, обусловлен, по крайней мере частично, психологическим стрессом. Первоначальная причина, конечно, само событие – радиационная авария. Стресс «запускает» механизм, который вызывает вредные для здоровья эффекты и усиливает уже имеющееся заболевание. В дополнение к этому плохие экономические и социальные условия могут увеличивать стресс, а также оказывать прямое воздействие на здоровье людей. Однако после радиационной аварии на химкомбинате «Маяк» у населения, подвергшегося радиационному воздействию, не наблюдалось массовых стрессовых ситуаций. Растерянность, подавленность, непонимание того, что происходило – все это было, но люди чувствовали себя относительно спокойно. В этом определенную роль сыграло отсутствие какой-либо информации об опасности радиации. После чернобыльской катастрофы, наоборот, средства массовой информации немало способствовали раздуванию страхов, нагнетанию различных слухов. В конечном итоге это неблагоприятным образом отражалось на здоровье населения.

Одним из чувствительных критериев поражения при действии радиации являются ранняя детская смертность и внутриутробные аномалии развития. Очень любопытные данные получены при анализе ранней детской смертности в первые годы после аварии. Хотя тогда детская смертность была высокой, принципиальных отличий по сравнению с контрольными цифрами не было обнаружено. За первые 35 лет после радиационного взрыва у потомства населения, живущего на территории ВУРСа, зарегистрировано 35 случаев смерти от врожденных аномалий. В первой группе (10200 человек), проживающей на территории с плотностью загрязнения от 1 до 2 кюри на квадратный км, отмечено 10 случаев смерти; во второй (23230 человек), проживающей на загрязненной территории от 0,1 до 1 кюри на квадратный км – 25. В контрольной группе, состоящей из 21537 человек (0,1 кюри на квадратный км) – 39 случаев [5, с. 261, 263.]. Как считают специалисты, неодинаковая детская смертность в этих зонах, видимо, связана не с радиационным воздействием, а вызвана неодинаковым медицинским обслуживанием новорожденных. После радиационной аварии была проанализирована смертность детей до одного года (самый ранимый возраст): и в зоне ВУРСа, и вне его она была одинаковой.

Интересны в этой связи показатели детской смертности в самом атомграде, в Озерске. Здесь динамика уровня детской смертности в 1950–1954 гг. составляла 51,8%, а по стране в это время – 75,2%. В 1985–1988 гг. она соответственно была 15,7% и 25,6%. Значительно ниже было и число умерших детей на 1000 родившихся. Динамика частоты мертворождаемости была 5,7, в

Челябинске – 11,0, а в Российской Федерации – 9,4. Онкологическая смертность в Магнитогорске и Челябинске, в Сосновском, Увельском районах была выше, чем в Кыштыме, Кунашакском и Каслинском районах, хотя последние находятся ближе всего к химкомбинату "Маяк", часть их территории входит даже в зону ВУРСа. Средняя продолжительность жизни была следующей: в 1958–1959 гг. в Озерске она составляла 72 года, по стране – 68,6; в 1979–1980 гг. 72,2 и 67,9 года соответственно [6].

Следует отметить, что, если бы не были предприняты своевременно комплексные и эффективные меры по ликвидации радиационной аварии 1957 г., её последствия могли бы оказаться губительными, в том числе и для здоровья населения Урала. В результате ликвидации этой аварии был накоплен значительный объем новых знаний о воздействии радиации на природу и организм человека, разработаны эффективные методики лечения людей, пострадавших от переоблучения; дальнейшее развитие получили такие научные направления как радиология и радиационная медицина.

Источники и литература:

1. Комсомольская правда. – 1997. – 8 июля.
2. Никипелов, Б. В. Взрыв на Южном Урале / Б. В. Накипелов, Е. Г. Дрожко // Природа. – 1990. – № 5. – С. 48.
3. Новоселов, В. Н. Атомный след на Урале / В. Н. Новоселов, В. С. Толстиков. – Челябинск : Рифей, 1997. – 318 с.
4. Писанов, В. // Труд. – 1997. – 3 окт.
5. Романов, Г. Н. Кыштымская авария крупным планом / Г. Н. Романов, Л. А. Булдаков, В. Л. Шведов // Природа. – 1990. – № 5. – С. 65.
6. Толстиков, В. С. Социально-экологические последствия развития атомной промышленности на Урале (1945–1998 гг.) / В. С. Толстиков. – Челябинск : ЧГИИК: ЧИПКРО, 1998. – 379 с.
7. Guinness Book of World Records. – London : Bantan Books Ed., 1987. – 937 с.

Чеботарёв А. М.

УДК 94(47)

*доктор исторических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

Лешуков А. Г.

*кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ГУБЕРНСКИЕ ВЫСТАВКИ ДЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА: ПРОСВЕЩЕНИЕ И ПОЗНАНИЕ

Рассмотрена история проведения губернских просветительско-познавательных сельскохозяйственных и промышленно-художественных выставок, которые были организованы специально для ознакомления наследников престола с экономикой страны, ее отдельных губерний. Эти выставки имели также важное имиджевое значение.

Ключевые слова: губернские выставки XIX в., путешествие наследника престола, имидж государства

PROVINCIAL EXHIBITIONS FOR TSAREVICH: EDUCATION AND COGNITION

The history of the provincial educational and informative agricultural and industrial and art exhibitions, which were organized specifically to education and cognition the heirs to the throne with the economy of the country and its individual provinces, is considered. These exhibitions also had important image significance.

Keywords: provincial exhibitions of the XIX century, the journey of the heir to the throne, state image

В настоящее время реклама занимает в жизни людей значительное место. Чаще она воспринимается как нечто назойливое и малопривлекательное. Однако существуют формы рекламы, обладающие многими ценными качествами, обеспечивающими не только рекламу товара или услуги, но и способствующими формированию представлений о культурном пространстве отдельных регионов и страны в целом. К таким синтетическим формам маркетинговых коммуникаций относятся разнообразные выставки.

Выставки как форма коммуникации возникли в Европе в конце XVIII в. В Российской империи первые выставки были организованы и проведены по инициативе правительства в первой четверти XIX в. Особенно привлекательны современникам были выставки, организуемые либо на основании полученных от путешествий впечатлений, либо представляемые путешественникам в пути с целью позиционирования места, которое они проезжают. Действительно, культурное пространство России всегда вызывало живой интерес и провоцировало стремление познакомиться с его традициями и современными реалиями ближе. В XVIII в. путешествия по России приобрели познавательный, просветительский характер. Ярким примером обязательного путешествия в качестве ознакомления с отчеством было путешествие А. Г. Бобринского, который после окончания кадетского корпуса был отправлен в путешествие по России с несколькими товарищами. Сопровождали их в поездке профессор Н. Я. Озерецковский и полковник А. М. Бушуев [2, с. 136]. Путешественники объехали множество городов России до Уфы на востоке, Херсона на юге, отбыв затем в западные губернии и далее за границу. О целесообразности и полезности путешествий говорила Екатерина II; по ее представлению, молодому человеку «следует сначала узнать свой край, а уже потом смотреть чужие» [2, с. 134]. Именно в годы ее правления сложилась традиция совершать ознакомительные путешествия по России наследникам престола, прежде чем путешествовать за границу.

Император Николай I много позже высказал мнение, что его старший сын Александр должен «узнать Россию, сколько сие возможно, и дать себя видеть будущим подданным» [12, с. 212]. Он, готовя цесаревича к путешествию, лично подробно определил цели поездки и поведение в пути цесаревича, а также подробно разработал маршрут движения. В специально подготовленном «наставлении» говорилось: «Первая обязанность твоя будет все видеть с тою непременною целью, чтобы подробно ознакомиться с государством, над которым рано или поздно тебе определено царствовать. Потому внимание твое должно равно обращаться на все... дабы получить понятие о настоящем положении вещей» [12, с. 215]. Важной особенностью этого путешествия Александра Николаевича стало то, что для более глубокого и полного познания страны был издан указ (1837 г.) об организации выставок в губернских городах, в которые прибудет высокий гость. На выставках должно было быть «соединено все, что только находится любопытнейшего в целой губернии из произведений природы и народной промышленности. Взгляд на эту общность местного достояния, на этот итог сил естественных и искусственных, приводил мгновенно августейшего путешественника к самым ясным и обширным заключениям» [4, с. 15].

Первой выставкой, которую осматривал наследник, была «Выставка мануфактурных изделий и особенных произведений костромской природы» в Костроме 14 мая 1837 г. [11, с. 145].

24 мая того же года Александр Николаевич был уже в Перми и осматривал специально приготовленную для него выставку изделий заводской, мануфактурной и домашней промышленности. Она была устроена в двух флигелях Александровской больницы. В экспозиции была представлена инте-

ресная минералогическая коллекция, которая привлекла внимание цесаревича. На улице были размещены пожарные машины Невьянского завода и лошади заводов Всеволожского [5].

11 июля наследник прибыл в Калугу, где посетил выставку мануфактурных и естественных товаров [8].

Выставка в следующем городе – Смоленске – отличалась тем, что она уже была действующей с января 1834 г., но к приезду Александра Николаевича экспозицию значительно расширили и переоборудовали. Всего для нее было собрано 169 образцов промышленных изделий. Это была первая губернская выставка в России, она стала примером для издания императором указа об организации выставок в каждом губернском городе.

Выставка была организована местным мануфактурным комитетом под председательством смоленского губернатора Н. И. Хмельницкого. В первом отделении выставки располагались «произведения природы самородные, собственно губернии принадлежащие», были представлены «лучшие, средние и худшие почвы в каждом уезде, а также составные их части», полезные ископаемые, образцы орудий и машин. Во втором разделе экспонировались «произрастания», доставленные из имений, где велось рациональное хозяйство (различные сорта ржи, пшеницы, овса, других культур). В третьем – «предметы искусства и ремесла»: кузнечные изделия, изделия из стекла и кожи, свечи, мыло, кирпич, образцы различных тканей, бумаги. После экскурсии цесаревича 187 предметов оставили на долгое хранение для будущего «губернского музеума» [6].

В августе наследник осматривал выставку во Владимире – «первую выставку произведений промышленности и сельского хозяйства, быта и культуры Владимирской губернии» [1, с. 22]. Все экспонаты были подробно описаны в специально изданном каталоге «Описание выставки произведений Владимирской губернии, 1837 года» [9].

19 августа 1837 г. открылась выставка в Орле, приуроченная к приезду императорской семьи. Выставка имела два отдела: естественный и искусственный, каждый из которых делился на подразделы и классы, а классы – на отделения. Особое внимание привлекали «точеные табакерки и солонки, курительные трубки, ломберные столы, счеты, детское бюро красного дерева, два фортепьяно и орган <...> риза на икону Спасителя из фольги, икона Казанской Богоматери, шитая золотом, и салфетка, низанная из бисера, часы столовые недельные, глобусы земной и небесный, подсвечники и стаканы, вязанные из бисера, скатертное и салфеточное полотно, батистовые платки, шитые тюлевые оборки, кружева, беленое и небеленое ткацкое полотно» и многое, многое другое» [13].

В Ярославле наследник престола посетил «Выставку изделий и произведений, существующих в Ярославской губернии» в доме купца Горяинова. Была представлена продукция фабричной, заводской, ремесленной, кустарной промышленности, сельского хозяйства [7].

Известно, что губернская выставка была организована и в Пензе в 1837 г.

Выставка в Тамбове, которую посетил цесаревич, была устроена рядом с усадьбой губернатора на берегу реки Цны. Выставка имела 5 разделов: «1) Царства растительного, 2) Царства животного, 3) Произведений промышленности, 4) Царства ископаемого, 5) Отделения художественного» [3].

Затем наследник посетил Полтаву, в которой также была организована выставка для его посещения. Распорядителями ее были избранный дворянством Петр Маркович Полторацкий, а помощником его – купеческий сын В. С. Прокофьев [14, с. 93].

В начале 1860-х гг. другой наследник престола – цесаревич Николай Александрович – также совершил путешествие по России из Санкт-Петербурга в Крым. Выставки явились и для него важным средством познания. Во время его поездки были организованы выставки, отличавшиеся разнообразием экспонатов и способами подачи материала. Сама же поездка, по словам цесаревича, была предпринята с целью «изучать любезное и дорогое наше отечество» [10, с. 107]. Для того, чтобы ознакомить цесаревича с промышленностью и национальными богатствами России, по маршруту были организованы четыре выставки: «Выставка произведений промышленно-сти Ярославской губернии», «Выставка произведений села Иваново», «Выставка изделий села Павлова», «Выставка произведений Самарской губернии».

Первую цесаревич посетил 27 июня 1863 г. Экспонатами были изделия заводской, фабричной и крестьянской промышленности Ярославской губернии. «Она была не очень богата и,

устроенная наскоро, не могла представлять настоящей полноты, но многие предметы были в высшей степени интересны. Первое место принадлежало здесь полотнам, из которых многие были замечательного достоинства, и производительницы их удостоены были наградами на Лондонской выставке. Все это по большей части продукты русской крестьянской работы» [10, с. 105]. Цесаревичу были поднесено множество подарков от местных товаропроизводителей. Важное место на выставке занимали железные изделия Даниловского уезда, изделия химического завода господина Понизовкина, а также сукна, кожи и льняные изделия.

Вторую выставку – произведений села Иваново – цесаревич осмотрел в июле. На ней были представлены в основном хлопчатобумажные ткани – ситцы самой разнообразной расцветки, многие из которых шли на экспорт в Среднюю Азию. Кроме того, были представлены изделия из отходов текстильного и кожевенного производств [10, с. 193–194].

На третьей выставке в селе Павлово кроме стальных изделий (знаменитых замков и замочков) были выставлены произведения Павловских мыловаренных и кожевенных заводов.

Четвертой была выставка сельскохозяйственного производства, торговли и фабричной промышленности всех уездов Самарской губернии. Она была устроена дворянством для ознакомления наследника с успехами промышленности и аграрного сектора губернии [10, с. 286]. Недалеко от Самары, около деревни Смышляевки, был выстроен павильон для размещения выставки, а на всей прилегающей территории предполагалась демонстрация успехов агротехники. Эта выставка превзошла предыдущие по количеству экспонатов, разнообразию разделов и уровню организации.

Все эти выставки позволили наследнику за короткое время ознакомиться с большим количеством производимых в России товаров и продуктов тех губерний, по которым он проезжал.

Таким образом, в первой половине XIX в. сформировалась традиция широкого показа успехов и достижений промышленного и сельскохозяйственного производств посредством выставок. В дальнейшем проведение выставок стало частым и повсеместным, демонстрировались достижения производства, науки и культуры. Именно в России выставочное движение стало таким многообразным и всеобъемлющим. Губернские выставки для цесаревича выполняли не только демонстрационную функцию, но и решали задачи познания и просвещения, стали эффективным средством имиджевой рекламы.

Литература:

1. Белов, Ю. В. Высочайшие посещения Владимирской губернии императором Александром II [Текст] / Ю. В. Белов // Да будет Время с нами вечно! : сб. краевед. работ по итогам V Булыгин. лит.-краевед. чтений. – Гороховец : МУК «Межпоселенческая библиотека». 2009. – Вып. 4. – 48 с.
2. Бобринский, А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границу [Извлечение] [Текст] / А. Г. Бобринский // Русский архив. – 1877. – Кн. 3. – Вып. 10. – С. 116–165.
3. Ермаков, В. Тамбовское сельскохозяйственное общество [Электронный ресурс] / В. Ермаков // Краевед.ру. Наше краеведение : [сайт]. – URL: <http://www.kraeved.ru/tambovskoe-selskokhozyaistvennoe-obshchestvo>. – Проверено: 17.10.2018.
4. Жуковский, В. А. Путешествие по России Е. И. В. государя наследника цесаревича [Текст] / В. А. Жуковский // Современник [Санкт-Петербург. Типография А. Воейкова. 1838]. – Т. 9. – С.15–27.
5. Замечательные лица, бывшие в Перми [Электронный ресурс] // [автор. сайт]. – [Б.м., б.и.]. – URL: <http://vladweb.narod.ru/travel/ural/perm/book/gr-people.html>. – Проверено: 17.10.2018.
6. Иванов, М. В. Смоленский край: история музейной деятельности на материалах частных собраний, выставок и музеев (конец XVIII – первая треть XX вв.) [Текст] / М. В. Иванов. – Смоленск : Смолен. город. тип., 2005. – 444 с.
7. Кузнецова, О. В. Имена и даты. К 220-летию со дня рождения А. М. Пастухова [Электронный ресурс] / О. В. Кузнецова ; Гос. архив Ярослав. обл. // Государственный архив Ярославской области : [сайт]. – URL: <http://www.yararchive.ru/publications/details/130/>. – Проверено: 17.10.2018.
8. Мосин, О. В. Калуга и калужане [Текст] / О. В. Мосин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 411 с.
9. Описание выставки произведений Владимирской губернии, 1837 года [Текст] : [каталог]. – Москва : Тип. Августа Семена при Император. медико-хирург. акад., 1837. – 33 с.
10. Победоносцев, К. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма [Текст] / К. Победоносцев, И. Бабст. – Москва : тип. Грачева и комп., 1864. – 320 с.

11. Пребывание государя наследника, ныне благополучно царствующего государя императора Александра Николаевича, в Костромской стороне, в 1837 году [Текст] // Костромские губернские ведомости. – 1855. – 2. IV. – № 20. – неоф. ч. – С. 145–146.
12. Сидорова, М. В. Высочайшие путешествия. Остановка в Муроме [Текст] / М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова // Уваровские чтения – V : материалы науч. конф., посвящ. 1140-летию Мурома. 19–21 апр. 2017 г. – Муром. 2017. – С. 212–214.
13. Титова, В. В. В 2012 году Орловскому краеведческому музею исполняется 175 лет [Электронный ресурс] / В. В. Титова // Ассоциация музейных работников : [сайт]. – URL: <http://www.amr-museum.ru/russ/exhibit/news2012/news2419.htm>. Проверено: 17.10.2018.
14. Труды Полтавской ученой архивной комиссии. В. 4 т. / изд. под ред. И. Фр. Павловского [и др.]. – Полтава : Электр. тип. Г. И. Маркевича, 1907. – Т. 4. – 235 с.

УДК 930

Шаронова Е. В.

*независимый исследователь,
г. Воронеж*

ДВИЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ В РОССИИ: ГЛУБОКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА

*Научная школа Светланы Николаевны Иконниковой,
доктора философских наук, профессора,
Санкт-Петербургский государственный институт культуры*

Статья предлагает авторский взгляд на возможную периодизацию отечественного движения любителей исторической реконструкции на основе выявления этапов различных форм и видов элементных практик, выражающих общественный интерес к истории и прошлым культурам. Отличительной чертой исследования стало рассмотрение явления на основе принципа дополнения без замещения, согласно которому ране возникшие и более простые практики могут бесконфликтно сосуществовать в культурном пространстве, как развиваясь в более сложные, так и подвергаясь качественным изменениям.

Ключевые слова: Движение любителей исторической реконструкции, периодизация, элементные практики, общественный любительский интерес к истории, реконструкция культур, общественные организации

Sharonova E.

HISTORY REENACTMENT IN RUSSIA: AN EXTREME PERIODIZATION OF THE PHENOMENON

Abstract: An article offers an author's view on the periodization of national historical reenactment, which is based on stages of various forms and types of elemental practices of public interest in history and past cultures. A distinctive feature of the article is a basis about a principle of supplementation without substitution, according to which wounded and simpler practices can coexist without conflict in the cultural space, develop into complexes and change in its character.

Keywords: historical reenactment, periodization, elemental practices, public amateur interest in history, reenactment of cultures, public organizations

Век наш – по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собою все сферы современного сознания... всю современную действительность – даже самый быт наш. Чувство общности теперь везде сильнее, чем когда-либо прежде было.

В. Г. Белинский [4]

Объектом исследования в настоящей статье выступает историческая реконструкция как социокультурный феномен. Деятельность любителей исторической реконструкции с каждым годом привлекает к себе все большее внимание культурологов, социологов, психологов, педагогов, экономистов и специалистов других теоретических дисциплин. Сразу оговоримся, что под понятием «движение любителей исторической реконструкции» (ЛИР) в настоящей статье понимается явление массовой любительской деятельности групп и ассоциаций, направленных на аутентичное воссоздание быта, традиций, обрядов, ремесел, других видов деятельности, отдельных предметов и фрагментов событий истории и прошлой (исчезнувшей) культуры. Проекты энтузиастов исторической реконструкции (ИР) нашли свое постоянное место в календаре событий не только крупных городов, но даже совсем небольших поселений, внимание к ним отразилось в документах федерального и региональных правительств. Стоит отметить необходимость рассмотрения феномена ЛИР как многообразия автономных социально-педагогических систем. Важность государственного подхода к ним убедительно показана С. Б. Синецким в его теоретических работах, посвященных государственной культурной политике. Причем на последнее обстоятельство он указывал задолго до того, как произошло официальное признание значимости ЛИР [39; 40, с. 145–149; 41, с. 104–107].

Массовость, многообразие видов и форм выражения этой активности, временная устойчивость и пр. дают основания расценивать ее в качестве сложного социально-культурного феномена, предполагать в ней выражение глубоких сдвигов в мировоззрении современного человека, в его отношении к прошлому, настоящему и будущему, в его самоопределении личной идентичности. Не случайно этот возросший интерес к культурам прошлого сопровождают дискуссии о признаках мировоззренческого кризиса и т. п. [50; 31 и др.].

Парадоксальность ситуации, сложившаяся с работами, посвященными ЛИР, заключается в том, что при большом их (работ) количестве легко обнаруживаются самые разные версии о времени появления этого феномена и широкая палитра предлагаемых периодизаций. Эта пестрота объясняется тем, что поначалу ЛИР не привлекли к себе внимания исследователей, упущенное восполнялось спустя годы, опираясь на публикации в массовой прессе. Возникла ситуация, когда движение любителей исторической реконструкции само подвергалось «историографической реконструкции». Но ее основой стали преимущественно не документы, а интервью с инициаторами первых локальных проектов – основателями и участниками групп, клубов и сообществ [6; 10 и др.]. Эти воспоминания, вместе с капризами личной памяти, субъективными оценками и пр. мотивами легко находили себе место в массовой печати, не требовательной к высокой точности фактов и дат. Но затем перенесенные прямо в научные публикации, они скрыто обретали статус надежных, объективных сведений, чтобы далее в этом качестве воспроизводиться во вторичных цитатах и сносках. Это до сих пор существенно осложняет анализ культурного явления, в т. ч. сказывается на проблеме выделения его этапов его развития.

В свою очередь отсутствие обоснованной периодизации движения ЛИР создает риски тенденциозности и упущений, подталкивает к произвольному истолкованию культурных смыслов (в т. ч. производных) и т. д. Очевидно, что для решения комплекса этих проблем необходимо свести долю субъективности к минимуму и выйти за рамки личного взгляда участников. Нам представляется, что для решения целого узла возникших затруднений в первую очередь необходимо выявить специфику объекта нашего исследования. Мы исходили из того, что изучаемое нами явление представляет собой:

- особый вид отечественных общественных объединений;
- деятельность в сфере свободного времени;
- способ совместного выражения устойчивого любительского, а не профессионального интереса к прошлому, исчезнувшим культурам или произошедшим событиям на основе свободно и избирательно освоенных знаний о них;
- индивидуальное и групповое творчество по воссозданию различных свободно избранных участниками элементов и предметов прошлых культур, либо их уменьшенных копий и значимых событий истории;

– практику, ориентированную на публичное экспонирование результатов личного труда и продукта личной и групповой кооперации.

Не менее важно определить базовые подходы и принципы к такому сложному культурному явлению, как деятельность ЛИР. Имея свою собственную судьбу, вызревая в качестве элементов, оно причудливо взаимодействует с другими «молекулами», входящими в ткань культуры, находится с ними в разных отношениях. Торжествовавший ранее взгляд на общество и культуру в духе гегелевской диалектики, закона единства и борьбы противоположностей по отношению к симфоническому характеру культурного пространства вряд ли уместен. В конце концов, Бетховен не спорит своей музыкой с Бахом, произведения Моцарта – с творениями Бетховена, Моне находит вдохновение и сюжеты в рисунках Рафаэля и сам открывает большую галерею имен импрессионизма. Для продуктивного раскрытия возникновения и развития культурных феноменов мы считаем важным следовать принципу **дополнения без замещения**, подсказанному нам петербургским философом К. К. Ивановым [52, с. 152] (в свою очередь, К. К. Иванов заимствовал этот принцип и из «теологии после Освенцима» – направления гуманитарной мысли, направленной на осмысление итогов Второй мировой войны.). Решение взять его в качестве руководящего постулата продиктовано также и нашим личным многолетним участием в движении ЛИР, давшим множество примеров, как, развиваясь в более сложные виды и формы, практики ИР свободно, без противоречий, сосуществовали вместе с теми, что возникли ранее и избежали трансформации. Например, нет никакого конфликта между энтузиастами, воссоздающими полноформатные копии военных костюмов и кропотливой работой миниатюристов – авторов небольших точных скульптурных копий исторических армий. Список таких примеров можно легко продолжать т.д. (оговорим, что признание принципа дополнения без замещения мы распространяем на само культурное явление, но вполне допускаем конфликты по экономическим и другим мотивам лично между участниками движения ЛИР).

Движение ЛИР можно расценивать как сочетания множественных простейших практик выражения интереса к истории и прошлым культурам. Поскольку эти практики входят в общий феномен в качестве элементов, далее мы предлагаем именовать их под этим именем как «элементные». Они могут как развиваться из простых форм в сложные, так и сосуществовать в своем первоначальном виде и без каких-либо конфликтов. Личностные траектории выражения интереса к истории и прошлым культурам могут пересекаться, становиться фактами группового сознания, импульсами для кооперации, устойчивой совместной деятельности, базой рождения новых идей и проектов.

Подход элементных практик позволяет существенно расширить границы научного анализа многокомпонентного явления ЛИР и обещает содействовать более полному раскрытию социально-культурной динамики его функционального значения и содержательного наполнения.

Еще одним методологически важным вопросом является проблема выделения главных признаков для той или иной периодизации. Они могут быть взяты из разных областей знания – из экономики, политологии, социологии групп, отдельных теорий классового или стратификационного анализа и пр. Но, учитывая то, что многокомпонентный феномен движения ЛИР зарождался, развивался и самоопределялся прежде всего как выражение в элементных практиках **общественного (группового) любительского интереса к истории** и прошлым культурам, в основу периодизации мы положили именно этот признак.

Именно этот главный системообразующий признак заставляет взять за точку отсчета факт учреждения в 1765 г. Екатериной II Вольного экономического общества. Оно стало первой общественной организацией Российской империи, чей статус был подтвержден официально¹. Учредители – «некоторые патриоты», – преимущественно представители высших кругов, откликнулись

¹ Иногда в литературе без необходимых уточнений в качестве первого исторического общества указывается Архангельское общество для исторических исследований (Историческое Архангелогородское клевретство), а также приводится дата его «создания» – 1759 г. [13, с. 683]. Фактически же речь идет об обращении к губернатору нескольких горожан, в котором они сообщали о своем намерении содействовать Академии наук в разысканиях исторических документов. Но и спустя 9 лет, в 1768 г. ни покровительства, ни официального разрешения губернатора эти инициативные граждане так и не получили [См. подробнее: 46].

на просветительские инициативы императрицы и обозначили свою цель в «распространении полезных и нужных к земледелию и домостроительству знаний» [15, с. 1–2]. За исключением этой даты – учреждения в 1765 г. Вольного экономического общества – предлагаемой периодизации остальные носят весьма условный характер, так как вызревание общественного сознания никогда не происходит одновременно и периоды в значительной мере проникают друг в друга, совпадают в своих пересечениях. Предупредим, что за рамками данной статьи оставлена тема культурной роли подобных союзов во Франции, Германии, Англии и др. европейских странах [13]. Также считаем необходимым отметить совпадение общего процесса возникновения общественных организаций и подъема интереса к истории в конце XVIII – начале XIX века как в России, так и в других странах Европы [14, с. 488–490; 22, с. 107–193; 15, с.2].

Важно обратить внимание на то, что в замысле создателей этого первого российского Общества с самого начала была попытка преодоления сословных перегородок, на заседаниях участников и в отношениях участников с избираемым председателем [15, с. 1–9]. Вскоре чуткий к состоянию культурной атмосферы А. И. Герцен назвал эти процессы «последним словом цивилизации», «демократизацией аристократии и аристократизацией демократии» [9, с. 353]. Эти усилия позволяют расценивать их как один из важных шагов к формированию того, что сегодня именуется словосочетанием «гражданское общество».

Почти все участники были членами модных в аристократических придворных кругах просветительских франкмасонских лож с их лозунгом служения интересам общества (за рамками настоящей статьи оставлена тема влияния философских и историософских идей на представления российской общественности об истории.). Но поскольку инициатива создания общества исходила от царствующего лица и была направлена на укрепление монархического строя, данный период уместно назвать – **ЭТАПОМ МОНАРХИЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ И ОПЕКИ** (1765 – начало 1800-х гг.). Предлагаемая формулировка в какой-то мере отражает и роль Петра I, о чьем интересе к истории, личных элементных практиках исторической реконструкции и пр. мы, безусловно, помним.

Конечно, сама по себе историческая наука в своем самостоятельном значении на этом этапе еще не попала в центр общественного интереса. Но она уже заинтересовала участников и как часть естественно-научных сведений (например, в качестве истории огородничества, сафьянного дела и т.п. [15, с. 145, 335]), и как часть явлений культуры. В частности, обращает на себя внимание факт поручения И. А. Дмитревскому в 1802 г., как члену Академии наук и участнику Вольного экономического общества, написания «Истории русского театра», рукопись которого создавалась около 20-ти лет, но сгорела в пожаре [34].

В качестве других элементных практик ИР этого периода следует отметить в первую очередь вошедшие в моду маскарады при дворе императрицы. В конце века они и вовсе постепенно перемещаются из дворца и домов вельмож в театры, дворянские и немецкие клубы и даже Общество российских купцов [53, с. 70]. Еще один вид элементной практики – «живые картины» связан с именем Луизы Элизабет Виже-Лебрен и периодом ее жизни в Санкт-Петербурге (1795–1801 гг.). Ставились они по сюжетам из Священного Писания, жизни Александра Великого, греческой мифологии [53, с.145–166].

В 1782 г. Екатерина II подписала «Устав благочиния», которым среди прочего впервые была введена правовая норма о строго разрешительном порядке создания общественных организаций и контроле за ними (обратим внимание на этот порядок как отличный от судебного, а также от уведомительного принципа создания и регистрации обществ. Судебный же порядок был введен декретом Временного Правительства от 12 апреля 1917 г. и действовал до 1920 г., а уведомительный – только 18 декабря 1991 г. Постановлением Верховного Совета РФ). Появление этого ключевого документа – «Устава благочиния» – можно расценивать в качестве реакции на настроения общественности последней четверти XVIII в. Именно тогда обозначились первые симптомы противоречий между пониманием «полезности», звучавшей в Уставах обществ, у представителей власти с одной стороны и, с другой – у участников обществ. Практически сверка того и другого с линией государственной идеологии была доверена Тайной канцелярии [подробнее см.:

38; 45], а после событий Французской революции Екатерина II прекратила деятельность первых двух научных обществ [см. 46, с. 204–209].

По завершению XVIII столетия, не случайно названного Г. В. Флоровским «веком эрудитов и археологов», «скорее филологов, чем историков» [49, с. 141], начался новый ЭТАП АРИСТОКРАТИЧЕСКОГО ИНТЕРЕСА К ИСТОРИИ (начало 1800-х – конец 1810-х гг.). Его знаменовало учреждение в 1804 г. «Общества истории и древностей российских». Этой же датой открылся процесс непрерывного появления и деятельности отечественных научных и научно-просветительных обществ, а с ними и всех иных форм общественных объединений [см. подробнее: 43; 44].

Отметим важный для темы ЛИР штрих: новое Общество истории заявило об объединении уже не только академических ученых и аристократии, но и «благотворителей, соревнователей и корреспондентов» – всех тех, кто мог «известным быть по трудолюбию, по жизни не рассеянной, дающей время и возможность быть деятельным членом Общества» [48]. Мы трактуем эту декларацию как прямой призыв обратить свое внимание на историю России всех тех, кто составлял в то время широко вошедшие в моду «клубы» (роль первенца принадлежит Английскому клубу, возникшему еще в 1770 г. по инициативе Франца Гарднера [7]) и «салоны». Именно они стали центром консолидации и коммуникации «высшего света», значение их с конца XVIII в. к 30-м гг. XIX в. в условиях правительственной реакции на восстание декабристов очень возросло [2].

Процесс постепенной эволюции национально-исторического самосознания был существенно скорректирован Отечественной войной 1812 г. Победа русских войск над Наполеоном вдохновила национальное самосознание. Главной чертой общественного настроения надолго стало «лихорадочное возбуждение умов», «чувство обновления», то, что история России стала пониматься как история «до француза» и «после француза» [47, с. 185]. Эта атмосфера дополнительно обеспечила беспрецедентную общественную популярность труда Н. М. Карамзина, выразившуюся в настоящем взрыве общественного интереса к собственно истории как таковой. Показательно, что еще в первом номере знаменитого журнала «Сын Отечества» за 1812 г. патриотически пафосные статьи занимали меньше места, чем публикации по истории европейских стран. Но после выхода «Истории Государства Российского» в 1818 г., по свидетельству А. С. Пушкина, «даже светские женщины бросились читать историю своего отечества», Н. М. Карамзин открыл для них «Древнюю Россию, как Америку Колумб» [32, с. 278]. Этот период, открывшийся еще победой в Отечественной войне 1812 года, вполне обоснованно можно обозначить как ЭТАП ВЫЯВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ (конец 1810-х – конец 1830-х гг.).

В качестве примеров актуализации общественного интереса стоит привести популярность сюжетов о подвиге Ивана Сусанина в произведениях М. М. Хераскова, А. А. Шаховского, С. Н. Глинки и др. Обращает внимание популярность драматургической версии романа Вальтера Скотта «Айвенго» (1821 г.) авторства А. А. Шаховского и П. А. Катенина, вышедшей под названием «Иваной или Возвращение Ричарда Львиного сердца» [19].

Изменения в отношении к истории были в какой-то мере продолжительной модной волной, увлекшей образованные дворянские круги, импульсом к активному формированию общественного самосознания и новой исторической науки в России. На этот процесс тяжело повлияла трагедия 14 (26) декабря 1825 г. Она засвидетельствовала собой и беспрецедентную претензию новых общественных групп с их личностным отношением к истории на собственную роль в государстве, и одновременно крайнюю слабость заявителей такой претензии. Небывалые по жесткости правительственные меры, создание в 1826 г. Третьего отделения и многое другое самым негативным образом сказалось на отношении образованной публики к историческим темам. В. Г. Белинский спустя шесть лет после декабрьского восстания не случайно обратил внимание на отсутствие успеха у пушкинского «Бориса Годунова», объясняя это тем, что адресованная читателям драма была «великим произведением, глубоко исчерпавшим сокровищницу национального духа», в то время как русские писатели и публика продолжали ориентироваться на европейские образцы и были глубоко поражены подражательством [5, с. 497].

В конце концов две волны отношения к отечественной истории встретились: участниками салонов были родоначальники двух основных идейных направлений, размежевавших взгляды российской общественности по границе оценок отношений западной и отечественной культур. Сторонники либерального крыла – «западничества» – признавали культурное лидерство развитых католических и протестантских стран Европы и, соответственно, отсталость России. Как показал в своем более позднем, очень обстоятельном труде Георгий Флоровский, западная теология, а через нее и западничество к 40-м годам XIX в. уже проникли в духовные и гражданские учебные заведения [49, с. 169–298]. Консерваторы – «славянофилы» – напротив, отстаивали ценность национальной самобытности, остро переживали утрату традиционных ценностей, ориентированных на православие, отказывали западным конфессиям в положительном влиянии на русскую историю и культуру. Данный период уместно обозначить как ЭТАП НАЦИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ, включившего фазу ИДЕЙНОГО РАЗМЕЖЕВАНИЯ (конец 1830-х – конец 1850-х гг.)

К концу 30-х годов XIX в. на авансцену общественной жизни вышла новая фигура публичной жизни – «человек ученый» – историк и журналист, представленный одним лицом [27, с. 50]. Вместе с прозаиками и поэтами, критиками и публицистами они составили тот слой активной общественности, который вошел в российскую науку под именем «разночинцы». История и интерес к ней понимался, прежде всего, через призму взгляда передового гражданского самосознания образованной части общества на историю и будущее государства Российского.

Конечно, это был неравномерно нарастающий процесс, в нем были свои приливы и отливы. Придерживающийся крайне консервативных взглядов Николай I три десятилетия своего правления последовательно стремился «подавлять общественную самостоятельность» [20, с. 268]. И следует сказать, его меры сдерживания активности общества долгое время были очень эффективны. Так, при учреждении в 1845 г. Русского географического общества в состав его учредителей вновь вошли исключительно представители аристократии и сугубо научных кругов – от Великого князя Константина Николаевича до адмиралов и академиков. Практически не отличались в 1846 г. по сословному составу и организаторы Археологического общества, с той имеющей некоторое значение разницей, что в целях его создания значился уже исторически более узкий интерес – археология и нумизматика [3]. Это обозначило старт специализации общественного интереса к культурно-историческим темам.

К наиболее значительным примерам элементарных практик ИР того времени следует отнести беспрецедентное событие – реконструкцию Бородинского сражения в 1839 г., проведенную Николаем I в честь 25-й годовщины исторической битвы. В ней приняли участие более 112 тысяч генералов, офицеров и солдат [12, с. 181–191; 28, с. 124–125]. В современной литературе часто ошибочно упоминает число 150 тыс. участников реконструкции, тогда как по большинству оценок в самом Бородинском сражении участвовало 120–130 тыс. человек. Эта величина начинает меняться в сторону увеличения уже в публикациях конца XX в. [11]. В 1835 г. И. И. Лажечников издает свой самый знаменитый роман «Ледяной дом», посвященный царствованию Анны Иоанновны.

Не в полной мере оцененными, но имеющими огромное значение для национального исторического самосознания, стали подготовка и выход в свет в период с 1842 по 1862 гг. 30-ти томов масштабного труда «Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению». В него вошло тщательное описание воинского и гражданского костюма с 862 г. до восшествия на престол Николая I, в том числе, воинского обмундирования, оружия, знамен воинских частей и знаков отличия.

Отдельным событием стоит отметить премьеру в 1836 г. оперы М. И. Глинки «Жизнь за царя», имевшую острую патриотическую трактовку в отличие от представленного в 1815 г. произведения К. Кавоса «Иван Сусанин», созданного в стиле французской «опера комик». Однако и у него русские национальные мотивы становились все сильнее [16]. К этому же ряду элементарных практик мы относим создание исторических живописных полотен А. А. Иванова «Явление Христа народу», К. П. Брюллова «Последний день Помпеи», Ф. А. Бруни «Медный змий».

Важно отметить новую роль практики издания периодических журналов и газет, в которых тема отношения к истории заняла свое ключевое место. Наиболее крупными и влиятельными среди них стали журналы: «западнический» «Отечественные записки», «Современник», «славянофильский» «Москвитянин» и др.

Заслуживает определенного внимания такая, казалось бы, малозначительная для того времени деталь, как популярность среди царских дворянских детей оловянных солдатиков, в т. ч. раскрашенных «под обмундирование» исторических армий. Уже, будучи взрослым, за год до своей кончины, Николай I заказал в Нюрнберге большую серию фигур в форме солдат российской императорской гвардии [21].

К середине XIX в. возникшие столичные и провинциальные общества (в Одессе, Киеве, Прибалтике и др.), чьи участники имели интерес к истории, в основном разделили сферы влияния по территориальному и дисциплинарному признакам [17]. Это засвидетельствовало завершение этапа общественного поиска государственно-исторической идентичности и возникновение устойчивого интереса русской передовой общественности к истории.

О стабильном росте общественного интереса к историческим темам свидетельствуют такие элементарные практики, как высокая популярность переводов исторических романов А. Дюма, рост популярности исторического жанра у академических художников.

С окончанием царствования Николая I, с середины XIX в., начался процесс «заката» дворянского сословия (указ 1856 г., реформы Александра II [29, 37 и др.]) и возвышения сословия разночинцев. В этой, принципиально иной, качественно изменившейся социально-культурной ситуации пореформенной России, учреждение Обществ относится с 1860-х гг. к компетенции министров [26, с. 184]. В первое десятилетие после реформы 1861 г. возникло 214 добровольных обществ (благотворительных, религиозных и студенческих организаций, всевозможных клубов и пр.), тогда как к середине XIX в. их было всего нескольких десятков [26, с. 184].

Среди новых сообществ особенно следует выделить Императорское Русское историческое общество (1866). Несмотря на свой высокий официальный статус, в его документах говорилось уже о союзе профессиональных ученых и просто граждан, которые были поименованы как «неравнодушные к отечественной истории лица» [24].

Роль и значение политически оппозиционных общественных групп, действовавших с 1825 по 1917 гг., особенно в пореформенной России, более чем подробно изучена и осмыслена еще советской историографией. Стоит лишь заметить, что преимущественное внимание в этих работах получили общества и союзы, имевшие крайние идейные позиции. Но яркость деклараций общественных формирований не следует отождествлять с их действительной ролью в современном им социально-культурном пространстве. В своем настоящем им времени – во второй половине XIX в. – основную общественную атмосферу определяли объединения, чья творческая активность вполне содействовала государственному курсу. Подвижники освоения земель и морей, исследователи и путешественники, ученые, инженеры, литераторы, мыслители и многие другие в основном разделяли официальную идеологию. В значительной мере и их усилиями, к началу Первой мировой войны была создана та великая русская культура, какой во многом она и сегодня остается в качестве недостижимого гуманистического образца. Рост общественных объединений, их нацеленность на граждански осмысленное государственное служение интересам России, активную популяризацию научных исторических знаний дают достаточные основания именовать этот период как **ЭТАП ГРАЖДАНСКОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА**, продолжающийся в период с конца 1850-х до конца 1800-х гг. В этот этап входят как активная практическая деятельность по просвещению, популяризации, в т. ч. исторических знаний, так и собственно служение Отечеству ученых и энтузиастов-любителей.

Многообразие этих сообществ и ассоциаций того времени позволило Б. Н. Миронову выделить следующие их виды:

- Общественные организации, связанные с церковью.
- Общества взаимопомощи и экономические ассоциации.
- Благотворительные и попечительские общества.

- Научные, культурно-просветительские, краеведческие и союзы для профессионального совершенствования.
- Общества в сфере искусства и культуры.
- Клубы и общества по проведению семейного досуга.
- Тайные политические и религиозные объединения [26, с. 184–187].

Как уже было сказано, на эволюцию и актуализацию интересов общественности к истории самым существенным образом повлияло возникновение массовой прессы, ориентированной на анонимного читателя. Если в первой половине XVIII в. выходили всего 3 газеты и 6 сборников и журналов, то с начала реформы 1861 г. по 1900-й г. специалисты насчитали 110 периодических изданий, причем адресованных преимущественно тому самому массовому, т.е. анонимному читателю [27]. Еще в начале XIX в. восемнадцатое столетие сохранялась преимущественно в памяти отдельных личностей, но затем оно стало предметом исторического самосознания общественности, место личного опыта заняло коллективное переживание [35].

Государственная власть быстро осознала негативные последствия скрытого влияния газет и журналов на общественное мнение и в 1865 г. отреагировала цензурной реформой. Систему предварительного допуска к читающей публике заменили карательной цензурой, что предполагало судебную ответственность [30]. Однако эти и другие решения уже не смогли сдержать рост периодических изданий, чьё нарастающее количество и влияние по своим последствиям было несравнимо более значимым, чем все охранительные или карательные меры вместе взятые.

Вторым обстоятельством, имеющим принципиальное значение для понимания вопроса о периодизации появления и развития феномена ЛИР, стало формирование новой досуговой сферы в России во второй половине XIX в. Пространство свободного времени перестало быть уделом только обеспеченного дворянства. Условия города, рост населения¹, процесс разделения труда и мн. др. сформировали новое качество досуга, привели к возникновению свободного времени у более широких слоев, к наделению досуга новыми функциями. В нем нашлось место для достижения человеком и своих экономических интересов, и это в скором времени позволило возникнуть полноценной индустрии отдыха и развлечений.

Указанные процессы привели к изменению самой структуры и содержания публичного пространства как сферы личной и групповой культурно-исторической идентичности [25]. Особая роль в динамике национально-исторического сознания принадлежала русскому дореволюционному студенчеству и всей отечественной системе образования. Как показали последние сравнительные исследования, устойчивая точка зрения, согласно которой начальное, среднее и высшее образование России существенно отставало от разных стран, не подтверждается объективным анализом. Эта установка возникла в результате прежней жесткой партийно-идеологической предвзятости к изображению дореволюционной истории.

В годы царствования Николая II система гимназического и высшего образования значительно опережала по своей «прогрессивности», прежде всего, сословной доступности, системы ведущих европейских стран: Англии, Германии, Франции [36, с. 7–9; 22]. Свое особое значение для углубления национального самосознания имела публикация в это же время – с 1851 по 1879 гг. – итогов тридцатилетнего труда Сергея Михайловича Соловьева «История России с древнейших времён», трудов ученых русской исторической школы Санкт-Петербургского и Московского университетов.

В 60-е годы XIX в. были открыты Петербургский технологический и Горный институты, Московское высшее техническое училище и другие вузы, так что их число вместо стартовых 7-ми немного не дотянуло до 60-ти [54]. В отдельные периоды, например, с 1895 по 1914 гг., количество российского студенчества увеличилось в среднем в три с половиной раза, а по техническому сельскохозяйственному профилю – в пять и даже в шесть раз [36, с. 42]. Это была среда, жадно впитывающая исторические сведения, активно обсуждающая роль прошлого, пытающаяся ос-

¹ Население Российской империи в 1811, 1863 и 1913 году составляло соответственно 43785, 69960, 155422 тыс. чел., причем рост был в самой малой мере обеспечен приращением новых территорий [33]. Количество городского населения в 1860 г. превышало 6 млн чел., в 1897 г. выросло ровно в два раза [42, с. 17].

мыслить его значение для будущего страны, устремленная по направлению культурного просвещения народа и служения ему. Другой стороной студенчества был нарастающий интерес к идеям революционного преобразования государственной жизни, важной вехой которого стали студенческие волнения 1899 г. Забегая немного вперед, можно сказать, что именно эти события стали прелюдией к последующему периоду радикализации отечественного общественного исторического самосознания и резкому увеличению в нем политической составляющей.

На выделение из данного периода особой фазы элементарных практик самым существенным образом повлияла географическая протяженность Российской империи. Важно отметить, что для дальнейшего развития форм организованной общественной активности имел показатель транспортной доступности. Среди начинаний Александра II в этом отношении выделяется подписанный в 1857 г. указ «О сооружении первой сети железных дорог в России». Его реализацию замедлила, но не остановила Русско-Турецкая война¹ 1877—1878 гг. К концу века протяженность дорог России составляла уже 53 тыс км, опережая по протяженности самые развитые европейские страны, от которых до этого отставала. Важно то, что помимо общей протяженности, сообщение связало с центром России Урал, Сибирь и др. отдаленные территории, открыв таким образом возможность обществам общего интереса встречаться на съездах и объединяться в ассоциации. Соответственно фазу этого периода (когда возникает процесс интенсивного использования железных дорог и когда он соединяется с нарастающей публикационной активностью российской общественности) – ориентировочно с 1890 г. – уместно обозначить как ФАЗА ИНТЕГРАЦИИ СО-ОБЩЕСТВ (середина 1870-х – первые годы 1900-х гг.). В эту же фазу входит изменение системы государственной регистрации Обществ, когда эти полномочия с середины 1890-х гг. переходят к губернаторам [26, с. 184].

Наиболее заметной чертой элементарных практик этого периода стало проведение всевозможных съездов, счет которых доходит до тысячи [8, с. 361–362]. Особое внимание обращает на себя востребованность и популярность исторических журналов, ориентированных на широкого читателя – «Русская старина» (1870), «Русский архив» (1880) «Исторический вестник» (1880), «Киевская старина» (1882) и др. Исследователи отмечают высокую роль церковных периодических изданий, прежде всего, журнала «Епархиальные ведомости». Он имел большое значение для консолидации культурного сообщества вокруг исторической темы [51].

Во второй половине XIX в., часто именуемого «золотым веком музеев России», было организовано большинство исторических музеев в культурных центрах империи, а также множество мюнцкабинетов, представлявших собой своеобразную форму исторической экспозиции [55; 56]. Также показательна динамика создания научных всевозможных исторических комиссий и особенно обществ, выявленная А. Д. Степанским с момента учреждения первого общества в 1804 по 1917 г. Практически до 1834 г. действовало два общества, а затем до 1846 г. появилось пять новых. В пореформенную же эпоху с 1863 по 1904 г. были учреждены 35 новых обществ (в 1863–1866 гг. – 5; 1872–1881 гг. – 8; 1888–1889 гг. – 3; 1893–1904 гг. – 19). В интервале между 1905–1915 гг. появилось еще 26 исторических обществ [44, с. 38].

Самой значительной датой с точки зрения элементарных практик стал 1903 г., когда состоялось празднование 200-летия Санкт-Петербурга. В майские дни «Недели Петра Великого» жители столицы стали свидетелями грандиозного шествия пятисот человек в костюмах петровской эпохи, а личное участие царственных особ сообщило всем торжествам особое государственное значение [18, с. 118–119].

Крайне важно отметить появление совершенно нового интереса к – древнерусской иконописи, хотя до этого долгое время древние иконописные доски безжалостно подкрашивали и замазывали, не усматривая в старых изображениях какой-либо ценности. В лице Ф. И. Буслаева, П. М. Третьякова и др. это национальное искусство обрело свою высочайшую значимость и сформировало особый слой реставраторов, ценителей и коллекционеров [1, с. 15–19; 23, с. 11].

¹ Влияние Русско-Турецкой войны на состояние общественного исторического самосознания представляет собой отдельную сложную тему. В это период к России было присоединено Закавказье, активно осмыслялась темы роли православия, идеи панславизма и т.д.

Совокупность названных и других социально-экономических и культурных изменений привели к резкой активизации организованной общественной активности. Исследователи насчитывают десять тысяч (!) всевозможных, только официально разрешенных обществ дореволюционной России второй половины XIX в., возникших по всем направлениям ранее исключительно профессиональной деятельности [8, с. 362].

В связи с исключительными событиями начала XX века – Русско-Японской войной, Первой русской революцией, Февральской и Октябрьской революциями наступил ЭТАП ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИЗАЦИИ (начало 1900-х – 1917 гг.) всех общественных образований и общественной жизни страны. Прежде всего в центре особого внимания государственных и оппозиционных идеологов оказалась история, ее общественные трактовки. Сложность и специфика этого этапа, крайняя поляризация взглядов, издание государственных актов, регулирующих общественную жизнь, многообразие печатных изданий и др. диктуют необходимость тщательного рассмотрения данного этапа в отдельном исследовании. Объем привлекаемого для такого анализа материала выходит далеко за границы данной публикации. Здесь мы ограничимся указанием на то, что празднование 100-летней годовщины Отечественной войны 1812 г. превратилось в грандиозную идеологически окрашенную программу, в котором элементарные практики соединились в своем совершенно новом качестве, наметившим контуры полноценной исторической реконструкции.

Полагаем уместным также обозначить основные узловые точки периодизации возникновения отечественного феномена движения ЛИР:

- Этап идеологической радикализации: 1904–1917 гг.
- Этап инерционного затухания самостоятельных элементарных практик: 1917–1930-е гг.
- Этап репрессивно-идеологической сегрегации: 1930-е – середина 1950-х гг.
- Этап возрождения элементарных практик: середина 1950–1970-х гг.
- Этап появления первых целевых сообществ ИР: середина 1970-х – конец 1980-х гг.
- Этап легитимной массовизации: конец 1980 – начало 1990 гг.
- Этап активного самоопределения ЛИР: 1991–1998 гг.
- Этап концептуализации сообществ ЛИР: рубеж 1990–2000-х гг.
- Этап ритуализации групп ЛИР: 2002–2008 гг.
- Этап самокоррекции движения ЛИР: 2008–2013 гг.

Завершая статью, отметим такую важную особенность приведенной периодизации, как ускоряющийся темп развития движения ЛИР, сопровождающееся его культурным уплотнением, появлением новых видов и форм, коммутативностью элементарных практик, вследствие чего явление приобретает все новые черты и признаки. Так, например, уже сейчас внутри вышеназванных этапов можно выделить:

- Фазу внешнего и внутреннего интегрирования: первое десятилетие 2000-х гг.
- Фазу театрализации: 2010-е гг.
- Фазу коммерциализации: с 2010 гг.
- Фазу вовлечения в государственные программы через различные целевые федеральные, региональные и муниципальные программы и проекты и др.: с 2015 г.

Перечень этих вышеобозначенных фаз не носит исчерпывающего характера, мы предполагаем обстоятельно описывать и анализировать эти процессы в последующих публикациях.

Литература:

1. Антонова, В. И. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. (Государственная Третьяковская галерея). Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. [Текст] / В. И. Антонова, Н. Е. Мневa. – Москва : Искусство, 1963. – Т. 1. – 394 с. Азерникова, И. П. Актуальность изучения салонных практик российского дворянства XIX в. в контексте отечественной новой культурной истории [Текст] / И. П. Азерникова // «Стены и мосты» – III: история возникновения и развития идеи междисциплинарности : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 25–26 апр. 2014 г.) / Г. Г. Ершова (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва : Академ. проект; Гаудеамус, 2015. – С. 290–297.
2. Археологические общества в России [Текст] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 2 т. – Санкт-Петербург, 1890. – Т. 1. – 495 с.

3. Белинский, В. Г. Руководство к всеобщей истории. Сочинение Фридриха Лоренца. Часть I. Санкт-Петербург. 1841 [Текст] / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. VI. – С. 90–103.
4. Белинский, В. Г. Русский театр в Петербурге [Текст] / В. Г. Белинский // Полное собрание сочинений / В. Г. Белинский. – Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1954. – Т. V. – С. 491–520.
5. Божок, Н. С. Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры [Текст] : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.06 / Николай Сергеевич Божок ; [Место защиты: Саратов. гос. техн. ун-т им. Ю. А. Гагарина]. – Саратов, 2013. – 19 с.
6. Буторов, А. Московский Английский клуб (страницы истории и современности) [Текст] / А. Буторов. – Москва : «Издание Москов. Англ. клуба», 1999. – 280 с.
7. Брэдли, Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество [Текст] / Дж. Брэдли. – Москва : Новый хронограф, 2012. – 448 с.
8. Герцен, А. И. Концы и начала [Текст] / А. И. Герцен // Сочинения. В 2 т. / А. И. Герцен. – Москва : Мысль, 1986. – Т. 2. – С. 347–407.
9. Донская, В. К. Организационные формы движения исторической реконструкции [Текст] / В. К. Донская // Фундаментальные исследования. – 2014 – № 5 (часть 2). – С. 411–414.
10. Ермакова, Н. В. 25-я годовщина окончания кампаний 1812–1814 гг. в публикациях 1839 г. [Текст] / Н. В. Ермакова // Бородино и освободительные походы русской армии 1813–1814 годов : материалы Междунар. науч. конф. (Бородино, 3–6 сент. 2014 г.) / сост. А. В. Горбунов ; М-во культуры Рос. Федерации, Гос. Бородин. военно-ист. музей-заповедник. – Бородино, 2015. – С. 46–61.
11. Жуковский В. А. Бородинская годовщина [Текст] / В. А. Жуковский // Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. / В. А. Жуковский. – Москва : Языки славян. культуры, 2004. – Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847. – С. 181–191.
12. Исторические общества // Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 10. Ива–Италии. – изд. 3-е. – Москва : Совет. энцикл. – С. 565–566.
13. История Германии. С древнейших времен до создания Германской империи [Текст] : сборник. – Москва : Ун-т, 2008. – 543 с.
14. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 по 1865, составленная по поручению Общества секретарем его А. И. Ходневым [Текст]. – Санкт-Петербург : Тип. «Общественная польза», 1865. – 667 с.
15. Кавос [Электронный ресурс] // ЯндексСловари : [сайт]. – URL: <http://web.archive.org/web/20140805140529/http://slovari.yandex.ru/~книги/Музыкальный%20словарь/Кавос>. – Дата обращения: 25.09.2018.
16. Касанов, А. С. Научные общественные организации в России во второй половине XIX – начале XX в. [Электронный ресурс] / А. С. Касанов // Всероссийский конкурс на лучшую работу по русской истории «Наследие предков – молодым» : [сайт]. – URL: <http://ist-konkurs.ru/raboty/2009/1181-nauchnye-obshchestvennye-organizatsii-v-rossii-vo-vtoroj-pолоvine-xix-nachale-xxv>. – Дата обращения: 25.09.2018.
17. Келлер, Е. Э. Праздничная культура Петербурга: очерки истории [Текст] / Е. Э. Келлер. – Санкт-Петербург : Изд-во А. В. Михайлова, 2001. – 320 с.
18. Киселева, Л. Вальтер Скотт в интерпретациях русских «архаистов» [Текст] / Л. Киселева // Эткиндовские чтения I : сб. ст. по материалам чтений памяти Е. Г. Эткинда (27–29 июня 2000 г.). – Санкт-Петербург, изд-во Европ. ун-та, 2003. – С. 43–55.
19. Ключевский, В. О. Курс русской истории (Лекции LXII–LXXXVI). Полный курс лекций [Текст] / В. О. Ключевский. – Москва : АСТ; Харвест, 2002. – 293 с.
20. Космолинский Пётр Фёдорович [Электронный ресурс] // Флигель-рота. Группа военно-исторической реконструкции : [сайт]. – URL: <http://fligel-rota.ru/miniature/masters/kosmolinskiy-petr-fedorovich/> – Дата обращения: 25.09.2018.
21. Коялович, М. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям [Текст] / М. Коялович. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2011. – 688 с.
22. Лазарев, В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI века [Текст] / В. Н. Лазарев. – Москва : Искусство, 2000. – 152 с.
23. Лепехин, М. П. История Российского исторического общества [Электронный ресурс] / М. П. Лепехин // Российской историческое общество : [официал. сайт]. – URL: <https://historyrussia.org/obshchestve/istoriya.html>. – Дата обращения 25.09.2018.
24. Малышева, С. Ю. «Рождение досуга»: возникновение и эволюция понятия в XIX веке [Текст] / С. Ю. Малышева // Изобретение века. Проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия : сборник. – Москва : Новое лит. обозрение, 2013. – С. 173–188.

25. Миронов, Б. Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в поздней имперской России [Текст] / Б. Н. Миронов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2008. – Том XI. – № 1. – С. 183–195.
26. Мохначева, М. П. Журналистика и историческая наука в России 30-70-х гг. XIX в.: Опыт источниковедения историографии [Текст] / М. П. Мохначева; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва: РГГУ, 1999. – 55 с.
27. Н. Н. Раевский – графу А. Х. Бенкендорфу (8-го мая, Субаши) 1839 г. // Архив Раевских. В 5 т. – Санкт-Петербург: Тип. М. А. Александрова. – Т. 3. – С. 124–125.
28. Омельченко, О. А. Монархия просвещенного абсолютизма в России (Политическая доктрина, правовая политика, государственные реформы) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Олег Анатольевич Омельченко. – Москва: Моск. гос. индустр. ун-т, 2001. – 389 с.
29. Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий [Текст]: справоч. изд. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. – 412 с.
30. Проблемы идентичности: взаимодействие и конфликты региональной, национальной и глобальной памяти [Электронный ресурс] // Сахаровский центр: [сайт]. – URL: <https://www.sakharov-center.ru/node/12338>. – Дата обращения: 25.09.2018.
31. Пушкин, А. С. Карамзин [Текст] / А. С. Пушкин // Собрание сочинений. В 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: Худож. лит., 1962. – Т. 7. – С. 276–279.
32. Рашин, А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки [Электронный ресурс] / А. Г. Рашин // Исторические материалы: [сайт]. – URL: <http://istmat.info/node/72>. – Дата обращения: 27.09.2018.
33. [Руднев, Я.] «Дмитревский Иван Афанасьевич» [Электронный ресурс] // Биография.РУ. Биографическая энциклопедия: [сайт]. – URL: <http://www.biografija.ru/biography/dmitrevskij-ivan-afanasevich.htm>. – Дата обращения: 25.09.2018.
34. Сабурова, Т. А. «Места памяти» русского образованного общества первой половины XIX века [Текст] / Т. А. Сабурова // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: сборник. – Москва: ИД «Национальный исследовательский университет» Высш. шк. экономики, 2012. – С. 235–257.
35. Сапрыкин, Д. Л. Образовательный потенциал Российской империи [Текст] / Д. Л. Сапрыкин. – Москва: ИИЕТ РАН, 2009. – 176 с.
36. Селиверстова, Н. М. Российское дворянство накануне и в период реформ 60–70-х годов XIX в.: состав, положение, деятельность [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Наталья Матвеевна Селиверстова. – Москва: Рос. ун-т дружбы нар., 2017. – 373 с.
37. Сивков, К. Общественная мысль и общественные движения в России в конце XVIII века [Текст] / К. Сивков // Вопросы истории. – 1946. – № 5–6. – С. 90–95.
38. Синецкий, С. Б. Взаимодействие клубных учреждений и инициативных объединений в сфере досуга [Текст]: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Сергей Борисович Синецкий. – Ленинград, Ленингр. Гос. ин-т культуры, 1991. – 16 с.
39. Синецкий, С. Б. Волонтерские объединения граждан как социально-педагогическая система [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестник Челябинского государственного университета. Серия, Философия, социология, культурология. – 2007. – № 16 (94). – Вып. 3. – С. 145–149.
40. Синецкий, С. Б. Эволюция добровольчества: история становления новой социальной парадигмы [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия, Социально-гуманитарные науки. – 2006. – № 17 (72). – Вып. 7. – С. 104–107.
41. Скубневский, В. А. Города России во второй половине XIX века [Текст]: учеб. пособие к спецкурсу / В. А. Скубневский. – Барнаул, 2012. – 93 с.
42. Степанский, А. Д. История общественных организаций дореволюционной России [Текст]: учеб. пособие / А. Д. Степанский. – Москва: Моск. гос. историко-архив. ин-т, 1979. – 81 с.
43. Степанский, А. Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России [Текст] / А. Д. Степанский // Археографический ежегодник за 1974 год. – Москва: Наука, 1975. – С. 38–55.
44. Степанский, А. Д. Материалы легальных общественных организаций царской России (середина XVIII в. – февраль 1917 г.) [Текст] / А. Д. Степанский // Археографический ежегодник за 1978 год. – Москва: Наука, 1979. – С. 69–80.
45. Степанский, А. Д. Первые исторические общества в России [Текст] / А. Д. Степанский // Вопросы истории. – 1973. – № 12. – С. 204–209.
46. Тарле, Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год / Е. В. Тарле. – Москва: Воениздат, 1992. – 304 с.
47. Устав общества истории и древностей Российских, высочайше одобренный 1 января 21-го дня 1811 года [Электронный ресурс] // Русская история. Журнал: [сайт]. – URL: <http://rus->

istoria.ru/component/k2/item/1442-ustav-obschestva-istorii-i-drevnostey-rossiyskih-vysochayshe-odobrennyy1-yanvarya-21-go-dnya-1811-goda. –Дата обращения: 25.09.2018.

48. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия [Текст] / Г. В. Флоровский. – Москва : Ин-т рус. цивилизации, 2009. – 848 с.
49. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Самоидентификация россиян [Текст] : сборник. – Москва, 2005. – Вып. 23. – 112 с.
50. Чижов, Р. В. Роль периодической печати в консолидации регионального культурного сообщества. (На примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей» 1860–1917 гг.) [Текст] : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / Роман Владимирович Чижов. – Москва, 2006. – 226 с.
51. Шаронов, В. И. Продолжение через обрыв (пути религиозной мысли в России: К. К. Иванов) [Текст] / В. И. Шаронов // Русофил: русская философия, история и культура : сб. науч. тр. / Балт. федерал. ун-т им. И. Канта. – Калининград : Смартбукс, 2017. – Вып. 1. – С. 128–157.
52. Юнисов, В. Ю. Маскарады. Живые картины. Шарады в действии. Театрализованные развлечения и любительство в русской культуре второй половины XVIII – начала XX века [Текст] / В. Ю. Юнисов. – Санкт-Петербург : Композитор, 2008. – 304 с.
53. Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век [Текст] / Н. И. Яковкина. – Санкт-Петербург : Лань, 2002. – 576 с.
54. Янин, В. Л. Российская музейная энциклопедия. В 2 т. [Текст] / В. Л. Янин [и др.]. – Москва : Прогресс; Рипол Классик, 2001. – Т. 1. А–М. – С. 416.
55. Янин, В. Л. Российская музейная энциклопедия. В 2 т. [Текст] / В. Л. Янин [и др.]. – Москва : Прогресс; Рипол Классик, 2001. – Т. 2. Н–Я. – С. 436.

УДК 94(47)

Тищенко В. Г.

*кандидат исторических наук, доцент
кафедры профессиональной подготовки и
управления в правоохранительной
деятельности Юридического института
Южно-Уральского государственного
университета, г. Челябинск*

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕГО КУЛЬТУРНОГО И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УРОВНЕЙ СЛУЖАЩИХ УЕЗДНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

*Научная школа Владимира Серафимовича Кобзова, доктора исторических наук, профессора,
действительного члена Академии военно-исторических наук*

Статья посвящена проблемам уровня профессиональной подготовки полицейских кадров в России второй половины XIX – начала XX вв. исходя из их общего культурного и образовательного уровня. В статье отмечается, что если общий культурно-образовательный уровень классных чинов полиции был достаточно высок, то уровень уездной полиции оставался критически низким.

Ключевые слова: полиция российской империи, общеобразовательный уровень, культурный уровень, городской, полицейский урядник

Tishchenko V.

CHARACTERISTICS OF THE GENERAL CULTURAL AND EDUCATIONAL LEVELS OF EMPLOYEES OF THE DISTRICT POLICE OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY TWENTIETH CENTURY

The Article is devoted to the problems of the level of professional training of police personnel in Russia in the second half of the XIX – early twentieth century based on their General cultural and educational level.

The article notes that if the General cultural and educational level of the class ranks of the police was high enough, the level of the County police remained critically low.

Keywords: Police of the Russian Empire, educational level, cultural level, city, police officer

Полицейская реформа 1862 года, как и большинство любых реформ, зависела не только от разработанности и проработанности законодательной базы, но и от «качества» материала – обычных российских полицейских, коим на практике и предстояло осуществлять задуманное. И особое внимание при характеристике качественного состава полицейских служащих имеет уровень их общей образовательной грамотности и культурного развития.

Для характеристики этого некоего общего культурно-образовательного уровня необходимо иметь в виду важную особенность российской полиции.

Всю вторую половину XIX в., несмотря на начавшуюся полицейскую реформу 1862 г., общая полиция России состояла из двух частей. В первую группу входили классные полицейские чины из «Табеля о рангах», относящихся к привилегированной категории государственных служащих. Для уездной полиции Челябинска это были два классных чина – уездного исправника и полицмейстера. Вторая, самая массовая группа уездной полиции, – это низшие полицейские чины, которые собственно и выполняли правоохранительные функции на местах, непосредственно контактируя с местным населением. В эту группу входили полицейские урядники, городовые, сотские и десятские. И хотя по Своду законов Российской империи сотские и десятские и рассматривались как нижние чины уездной полиции, по сути это были обычные обыватели, чаще всего крестьяне, которых на эту должность назначала крестьянская община принудительно и без финансовой оплаты.

Ко всем сотрудникам правоохранительной системы предъявлялись достаточно высокие требования. Так, сотрудник «должен быть честен, безусловно правдив, вести жизнь нравственную, трезвую, и ни в чем не зазорную, исполнять свои обязанности ревностно, высказывать на службе терпение, рассудительность, мужество и решительность» [16]. То есть по умолчанию подразумевалось, что полицейский безусловно грамотен и обладает общими культурными навыками.

Для первой группы уездных правоохранителей эти правила являлись безусловными. Исследователь истории дореволюционной полиции Южного Урала, Е. П. Сичинский составил некий обобщенный социологический портрет руководителя уездной полиции [16]. Из 26 уездных исправников Оренбургской и Уфимской губерний 7 были потомственными дворянами, 3 получили личное дворянство за службу в полиции, 15 являлись представителями обер-офицерских и солдатских детей с мещанами и 1 был выходцем из крестьян. Соответственно, дворяне уже не являлись во второй половине XIX в. господствующим сословием в данной полицейской должности.

Однако кроме социального происхождения интересен образовательный уровень уездных исправников. Из 26 исправников 6 окончили кадетские корпуса и юнкерские училища, 1 был выпускником престижного Демидовского лицея, 3 выпускника семинарии имели богословское образование, остальные 15 закончили гимназии, уездные и городские училища. И только 1 выходец из крестьян сдавал специальный экзамен для получения первого классного чина. Минимальным условием для получения первого классного чина являлось предоставление свидетельства об окончании 4-х классного уездного училища [11]. Еще одним условием для занятия этой должности была обязательная служба в армии и шесть будущих исправников пришли в полицию с офицерскими званиями. Многие современные исследователи утверждают, что «полицейские офицеры, перешедшие с воинской службы в полицию, благодаря изучению юридических дисциплин в кадетских корпусах и военных училищах, обладали достаточно высокими общеобразовательными знаниями» [8]. Некоторые исследователи подчеркивают, что сами современники данного этапа считали, что военные училища и Александровская военная академия (бывший Царкосельский лицей) давали «больше познаний, нежели юридические факультеты с их небрежным прохождением курса» [10].

Социальный портрет челябинских городовых тоже достаточно интересен. Из 72-х человек, принятых на службу, 52 были из крестьян, 13 из мещан, 5 из казаков и 2 из дворян [12]. Причем

один дворянин был из поляков, а второй люмпенизированный пьяница, за что был уволен со службы через месяц. Полицейские урядники, сотские и десятские рекрутировались исключительно из крестьян. Именно поэтому большинство низших полицейских чинов не имели даже начального образования. В 1894 г. из «1609 человек, поступивших на службу в полицию, высшее образование имели 17%, среднее 10%, низшее 73%» [13].

Крестьянское происхождение нижних чинов полиции непосредственно формировало их уровень образования и культуры в целом. Служба в армии должна была дать солдатам начальные азы грамотности. Поэтому при поступлении в полицию предпочтение отдавали бывшим военнослужащим, полагая что, как минимум, они умеют читать и писать.

Однако, как подчеркивали сами современники, в «60–80 гг. XIX века полиция комплектовалась за счет военнослужащих, которые большей частью не имея никакого понятия о полицейской службе, большей частью были неграмотные и неспособные» [6]. Поэтому с 1903 г. вторым непреложным условием (помимо прохождения обязательной военной службы) для принятия в уездную полицию являлась именно грамотность – умение читать и писать. Указывалось, что «отныне на службу принимаются лишь нижние чины, безусловно грамотные, роста не менее 2 аршин и 6 вершков (170 см) и вполне здоровые» [17]. Вызывает вопрос не только требование к росту (в начале XX в. таким ростом мог похвастаться далеко не каждый), но и умение этих бывших солдат читать и писать. Несение службы абсолютно неграмотным городовым не было в России в 1901 г. чем-то необычным. Просто полицмейстер был вынужден постоянно отписываться по этому поводу, что не увольняет таких городских по причине, что они «честно и добросовестно много лет провели на службе в полиции и по сие время несут ее с примерным рвением» [18].

Необходимость обратить внимание на общий образовательный и культурный уровень нижних чинов полиции в начале XX в. связано, во-первых, с общим ростом преступности, а во-вторых, с быстрыми изменениями в самом составе преступного сообщества, где все чаще встречались «люди образованные, даже с университетским образованием, умевшие более тонко и изощренно совершать преступления и замечать следы» [3]. Поэтому полицейское руководство было вынужденно объявить, что профессионально-образовательный уровень полицейского является единственным условием для продвижения по службе и преодоления протекционизма и волюнтаризма [4].

Особое внимание было обращено на повышение профессиональной общеобразовательной подготовки нижних чинов полиции. В «Букваре современного городского» четко указывалось, что «обязанность всякого полицейского должна состоять в приобретении знаний, благодаря которым он только и может принести пользу и продвинуться вперед по службе» [1]. С 1909 г. с городовыми два раза в неделю начинают проводить занятия, где помимо общего образовательного уровня, нижним чинам старались привить такие качества как вежливость, сдержанность и правдивость в служебных докладах [2]. Очевидно, этого оказалось недостаточно, потому что скоро с нижними чинами полиции потребовали проводить занятия шесть раз в неделю, т. е. заниматься каждый день, кроме выходного. Полицеймейстер должен был лично составить список для изучения из 6 предметов: «грамотность (чтение и письмо), подача первоначальной помощи в несчастных случаях, список начальствующих лиц, самооборона, фехтование и действие холодным оружием, устройство, обращение и действие огнестрельного оружия» [8, с. 105].

Особое место в системе нижних чинов российской полиции занимали полицейские урядники. Если в городе символом полицейской власти являлся безусловно городской, то на селе – полицейский урядник. При создании в 1878 г. института полицейских урядников прогрессивная общественность высказывала опасения что людей, способных качественно и добросовестно выполнять задачи, возложенные на урядника, соблюдая при этом законность, «невозможно найти в том кругу, откуда они будут браться, поскольку контингент урядников на две трети будет состоять из отбросов общества и в умственном, и в моральном отношениях» [14].

Как видим, российская прогрессивно-либеральная общественность не очень жаловала крестьянское сословие, из которого на 100% и должен был формироваться новый полицейский институт. Более того, записные российские либералы были категорически против повышения обра-

зовательного и культурного уровней урядников – «получив образование, они начнут считать себя выше крестьян, будут еще больше злоупотреблять своим положением и если раньше удовлетворялись тем, что брали с крестьян штоф (бутылка объемом 1,2 литра), то теперь будут брать на ведро водки» [15].

Однако именно урядникам приходилось спешно поднимать общий образовательный уровень. На местах по инициативе губернатора и уездного полицейского начальства стали создаваться специальные школы для обучения нижних полицейских чинов. И особое распространение получили школы полицейских урядников, которые в 1911 г. действовали в 14-ти губерниях России, где в зависимости от общеобразовательного уровня курс обучения длился от 1,5 до 6 месяцев [5].

1911 год вообще стал знаковым в восприятии уровня развития российских полицейских. Специально созданная комиссия А. А. Макарова констатировала, что «несмотря на то, что специальный характер полицейской службы требовал, казалось бы, особой для него подготовки и особых условий приема, отсутствие требования об этом привело к тому, что полицейским чиновником может сделаться лицо, обладающее качествами, несовместимыми с указанного рода деятельностью, или вовсе к ней неподготовленное» [9].

Создание комиссии Макарова стало следствием массовых жалоб населения на некомпетентность и превышение власти полицией, постоянную грубость и малокультурность полицейских чинов. Одной из главных причин такого положения комиссия Макарова отметила отсутствие четкого образовательного ценза при поступлении на службу нижних чинов полиции [7].

Таким, образом, именно к 1911 г. стало очевидно, что бурное экономическое, социальное и политическое развитие России в начале XX в. очень остро поставило вопрос о соответствии образовательного и культурного уровня полицейских кадров (и прежде всего его нижнего звена) новым задачам общественной и государственной жизни. Именно низкий образовательно-культурный уровень городских и полицейских урядников не позволял им эффективно выполнять профессиональные и служебные обязанности. И трагедия страны, начавшаяся в 1905 года, в 1917 году получившая свое трагическое продолжение, это подтверждает.

Источники и литература:

1. Букварь современного городского. Варшава, 1915. С. 11.
2. Ведомости С.Петербургского градоначальства. 1909. № 225. 1 дек.
3. Вестник полиции. 1910. № 13. С. 337.
4. Вестник полиции. 1910. № 13. С. 79.
5. Волков Н. Т. Подробные правила поступления (для лиц всех сословий), программы испытаний, инструкции и другие сведения для самоподготовки на все городские и уездные полицейские должности. Санкт-Петербург, 1912. С. 92–98.
6. Высоцкий И. П. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство: краткий исторический очерк. Санкт-Петербург, 1903. С. 193.
7. Высочайшее утвержденное мнение Государственного совета «Об учреждении в 46-ти губерниях Европейской России полицейской стражи». ПСЗ. Собр. 3. Т. XXIII. № 22906.
8. Кольцова М. В. Профессиональная подготовка полицейских кадров Российской империи в период 1907 г. до февраля 1917 г. (историко-правовое исследование) : дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.01 / Маргарита Владимировна Кольцова ; Моск. ун-т МВД РФ. – Москва, 2005. – 358 с.
9. Краткая объяснительная записка к заключению Междуведомственной комиссии, под председательством сенатора А. А. Макарова, по преобразованию полиции в империи. СПб., 1911. С. 41.
10. Месснер Е. Российские офицеры / Е. Месснер, С. Вакар [и др.]. Москва, 1995. С. 11.
11. Мухортов А. А. Вопросы образования полицейских чинов Российской империи во второй половине XIX века / А. А. Мухортов // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 3. – С. 73.
12. ОГАЧО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 969.
13. Организация и деятельность уголовного сыска в дореволюционной России (конец XIX – начало XX века). – Москва, 1984. С. 68.
14. Отечественные записки. 1880. № 12. С. 258.
15. Отечественные записки. 1880. № 12. С. 260.
16. Сичинский Е. П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия / Е. П. Сичинский. – Москва, 2005. С. 187.

17. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 887. Л. 13.
18. ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 887. Л. 14.

УДК 01+930

Гушул Ю. В.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙНОГО ПОЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ БИБЛИОГРАФА

*Научная школа Исаака Григорьевича Моргништерна,
доктора педагогических наук, профессора*

На основе воссоздания генезиса и первого десятилетия работы библиографических служб библиотек дана характеристика главным процессам библиографической деятельности и её результатам. Выявлены требования и ожидания общества по отношению к профессии библиографа.

Ключевые слова: библиографическая служба, библиограф, справочно-библиографическое обслуживание

Gushul Ui.

HISTORICAL RECONSTRUCTION OF THE EVENT FIELD OF THE BIBLIOGRAPHER'S PROFESSIONAL CULTURE SPACE

On the basis of the reproduction of the genesis and the first decade of the work of the bibliographic services of libraries, the characteristics of the main processes of bibliographic activity and its results were given. Identified the requirements and expectations of society in relation to the profession of bibliographer.

Keywords: bibliographical department, bibliographer, bibliographical and library service

Революция 1917 г. привела к коренным изменениям в российской действительности. Действительно, «революция – это всегда ломка старого и создание нового во всех сферах жизнедеятельности» [16, с. 3]. Начался процесс формирования «советской цивилизации», большинство сегодня живущих и работающих специалистов «вращены» ею и могут гордиться её завоеваниями и достижениями, среди которых и «грандиозная (и успешная!) компания «Долой неграмотность!», сделавшая всеобщую грамотность нормой жизни» (последнее – важнейшая предпосылка для всемерного развития библиографической деятельности), и создание «огромной сети библиотек, издательств, книжных магазинов» (т. е. активное формирование среды бытования библиографии, организаций и учреждений, её осуществляющих), и появление «у многих народов России и других союзных республик своих письменности, литературы, библиографии» (наличие разнообразных объектов и средств библиографической деятельности), и инициирование выпуска «огромного количества качественных, продуманно составленных библиографических пособий» [16, с. 3]. Это период разноплановый, противоречивый, оказывающий прямо противоположное действие на развитие библиографии, приведший к неожиданным, зачастую противоположным следствиям и результатам в библиографической практике и в её понимании. Это годы настолько уникальные, что, читая о практиках прошлого, невольно задумываешься – не о сегодняшнем ли дне идёт речь и у меня в руках профессиональный журнал второго десятилетия XX века или XXI-го? Найдём линии пересечения с настоящим днём, даже более того, точки одинакового звучания в документах и нашем осмыслении прошлого, подчёркивающих актуальность, непреходящее значение и поучительный потенциал истории.

Все сферы жизни новой советской страны развивались под лозунгом «Культуру в массы» (сегодня – тоже самое). Вклад каждой конкретной библиотеки в формирование новой культуры осуществлялся, в том числе, посредством ведения справочной работы её так называемым справочным столом (и сегодня мы понимаем, что библиотека как интеллектуальный центр сохранится благодаря именно библиографической деятельности, одному из основных её процессов – справочно-библиографическому обслуживанию). Справочная служба рассматривалась как «средство привлечения посетителей в библиотеку, вербовки с его помощью новых читателей» [9, с. 126], как «место вылавливания для абонементов библиотеки» [8, с. 37] (и сегодня активны попытки библиотеки «выловить» посетителя и, в зависимости от выбранного курса и степени уважения в личности, сделать из «выловленного» клиента или сформировать читателя). Широко развернулась «кампанийная библиотечная работа» [7, с. 9]. Распространение знаний преследовало цель формирования нового человека. В это время (равно как и сегодня) в библиотеку пришёл иной читатель: не элитарный, образованный профессионал, осознающий свои информационные потребности (по сравнению с рубежом XIX–XX вв.), но неподготовленный, рассматриваемый системой как «масса», «посетитель», «клиент» (последнее определение пришедшего в библиотеку – действительно, использовалось сто лет назад в библиотечной практике, но от него отошли, отказались, переключившись на формирование образованного и самого читающего в мире советского человека (действительно, было чёткое осознание – в обществе, состоящем из каких людей, мы хотим жить)). Большое распространение в эти годы получили, по выражению М. Г. Вохрышевой, «упрощённые по сути и форме библиографические средства: устные – беседы о книгах, обзоры, как наиболее доступные «массам», а также письменные – так называемые «рексписки»». Упрощённые библиографические средства «представляли упрощённую (минимизированную) культуру» [13, с. 296]. Обезличенность распространилась и на библиотекарей. Они именовались «штаты», «кадры», «трудоу коллектив»*. Главной целью стало не информационное сопровождение научной, либо производственной деятельности читателя, но привлечение «массы» в библиотеку, независимо от её желания и образования (не будем постоянно подчёркивать – как сегодня; уверены, что вдумчивый читатель сам увидит современное звучание практик прошлого). Формы работы стали массовыми: громкие читки, литературно-художественные показы и т. д., вплоть до уличных шествий. Межличностное общение образованных специалистов – библиотекаря и читателя, индивидуальные работа и подходы к рекомендации книги – по веянию времени не имели ни времени, ни места, так как всякая массовая подготовка ослабляет критерии индивидуального подхода, нивелирует сам процесс. С другой стороны, начала активно формироваться рекомендательная библиография, развитие которой в таких непростых идеологических условиях и отношении к «массе» и «шта-там» привела к её расцвету и появлению чудесных образцов рекомендательных библиографических пособий (сегодня, на ином техническом и технологическом витке библиографической практики актуальны рекомендательные путеводители по ресурсам интернета, экспертный отсев наиболее информативных сайтов и содержательных полнотекстовых ресурсов, рекомендации «что читать» в потоке информации).

Культурная революция была направлена на ликвидацию безграмотности (сравним сегодняшнюю тревогу по поводу функциональной безграмотности индивидуумов, нарастающее не владение письменной речью (или владение уже иной, не образной и поавнотекущей, но сокращённой письменной речью фреймового XXI века?) и др.) и освоение минимума знаний (здесь есть отличие – сегодня поколение Z стремится овладеть лишь минимумом, уверенное, что максимум у него всегда под рукой в гаджете, причём ориентирование в источниках информации и умение их быстро найти и открыть у молодых превосходные). Предписывались непосредственное участие библиотекарей в обучении грамоте и основам знаний, организации учёбы в помещении библиотеки, а также работа в рамках правительственного курса «Библиотеки в помощь самообразованию». Овладевающим профессией требовалось большое количество справочной литературы либо ин-

* Кроме публикаций данного периода, см. об этом также: Матлина С. Г. «Вглядись в забытые черты...» (О «личностном измерении» в библиотечной истории) // Библиотека в контексте истории: материалы 5-й междунар. науч. конф., Москва, 21–23 окт. 2003 г. Москва. 2003. С. 47–55.

формационных изданий, где сжато излагались основы знаний. На тот момент это было оправданно, равно как и сегодня, в условиях крайне быстрого устаревания информации и дефицита времени востребованы дайджесты, реферативные издания, библиографические пособия малой формы, смс-оповещения и смс-рассылки, в которых читателю предоставляется минимум информации при максимуме информативности.

Резолюция XIII съезда РКП(б) «О культурной работе в деревне» в 1924 г. объявила уже обязательным ведение справочной работы библиотеками страны, которая была названа «самой важной» на «культурном фронте»; необходимой стала организация «справочного стола» – «ядра» библиотеке, справочно-библиографическое обслуживание признано «одним из полезнейших видов библиотечного обслуживания» [10, с. 151]. Взрывное количественное увеличение библиографических служб при одновременном значительном расширении ставящихся перед ними задач и привлечении к работе едва грамотных неспециалистов, не могло не сказаться на объёме и качестве работы. Ситуация необходимости быстрой экономической, политической и культурной модернизации страны ради превращения её в мощную индустриальную державу с передовыми наукой и техникой, а также значительное увеличение количества обучаемого и обслуживаемого населения привели к переориентации эволюционно развивающейся на рубеже веков библиографической деятельности библиотек и её организационной структуры – библиографической службы. Сама работа вынужденно начала именоваться гораздо проще и прозаичнее, соответственно общему образовательному и культурному уровню её субъектов и объектов – справочная работа, а служба, выполняющая её – справочная. Об изменении требований к уровню библиографической службы библиотеки, в отличие от предыдущего десятилетия, свидетельствуют формулируемые современниками задачи, среди которых: «помочь малоподготовленному читателю ориентироваться в жизненных вопросах»; «приблизить посетителя к библиотеке» и «через неё – к книге», а также «научить его [книгой] пользоваться» [6, с. 69]. Оно закреплялось в методических рекомендациях: «21. Техника справочной работы (организация материалов) не должна быть сложной. Рекомендовать справочным столам следующий минимум техники: а) тетрадный каталог... б) копии справочных материалов... в) альбомы газетных материалов (или конверты) по темам...» [4, Л. 32]. Упрощение библиографической работы, сведение её до справочной в большинстве библиотек обусловлено своеобразием пользовательской аудитории этого периода, крайне низкой МТБ, отсутствием информационно-библиографических ресурсов и профессиональной непригодностью большинства специалистов службы. Государственная власть спровоцировала взрывное массовое появление справочных служб директивными методами в целях формирования нового, образованного человека индустриального общества. Она же, не обеспечив их работу материальными и кадровыми ресурсами, тем не менее, брала на себя организационные функции (разработка декретов, положений, инструкций) ввиду явной новизны этой работы (поэтому инструкции требовались и разрабатывались по каждому поводу, процессу, действию), а также функции контроля и взысканий.

Одновременно с упрощённым отношением к справочной работе, в библиотечной среде формировался более содержательный подход к ней. После 1917 г. советская власть по сути ориентировалась прежде всего на неимущие слои населения (что убедительно показано в статье М. А. Фельдмана [17]) и обусловленное временем «понижение культурного уровня рабочего населения» [18], однако библиотеки, имеющие к изучаемому десятилетию давнюю историю и традиции и знавшие высокообразованного читателя, несмотря ни на что, стремились сохранить высокий качественный уровень работы, а вновь создаваемые подразделения пытались сразу ему соответствовать. Это показывает, что библиографические службы, с одной стороны, зависят от внешней среды своего функционирования (предоставление государством для них помещения, выделение материальных средств, кадрового состава, регламентация тематики БП и картотек), с другой стороны – их работа определяется не массовым неопределённым читателем и его реальным приходом в библиотеку, а обусловлена удовлетворением перспективных запросов единичных сегодня, но в большом количестве в будущем высококвалифицированных читателей через библиографирование, осуществление избирательного распространения информации, информирование подготовленного читателя, всегда идущего в библиотеку, в отдельные периоды в большем или мень-

шем числе. Л. М. Коваль приводит в своей статье (даже её название характеризует специфику библиографического труда – «*труд знания*») мнение создателя и первого заведующего справочным бюро Библиотеки Государственного Румянцевского музея относительно сложности библиографических запросов читателей в 1919 г. «по самым различным вопросам науки и искусства (железнодорожной техники и химии, экономическим исследованиям в области Семиречья <...> естественным богатствам Севера и т. п., библиографии истории театра)» и обязательности *глубоких отраслевых представлений* у библиографа и его высокой профессиональной подготовки «помимо знаний, необходимых для всякого библиотечного работника». Соответственно этой позиции «своим сотрудникам Справочное бюро предъявляет целый ряд специальных требований, следствием чего при подборе личного состава Бюро приходилось производить особенно тщательный отбор. Из общей массы сотрудников Библиотеки приблизительно в 200 человек в Справочное бюро были переведены только трое» [Цит. по: 15, с. 87].

С целью повышения качества работы создавались библиотечные объединения, члены которого направляли внимание и на организацию достойной библиографической деятельности библиотек. Например, библиографическая секция при Московском библиотечном объединении. Она выпускала так называемый бюллетень «Книгу в массы», для чего в подсекции беллетристики объединения была специально выделена «особая редакционная группа по просмотру книг», базой для которой был «отдел рекомендательного каталога центр.[альной] губерnsk.[ой] библиотеки». Последний одновременно служил базой для всей работы библиографической секции, координирующей деятельность «подсекций обществознания, естествознания и редакционной группы подсекции беллетристики» с целью издания «двухнедельного аннотированного бюллетеня новых книг, пригодных для библиотек крестьянских, рабочих и городских». Работа осуществлялась традиционно, согласно выработанной методике, настолько актуальной и применимой сегодня, отражающей современные (даже в информационном обществе!) формы работы, что мы позволим себе объёмную цитату из редкого издания 1926 года: «Из всех новых книг бюро подсекции отбрасывало книги, явно неподходящие, остальные просматривались каждая не менее чем двумя или тремя членами подсекции. Просматривающие давали краткий устный или письменный отзыв, отмечая в каждой книге: 1) тип библиотеки, для которой она подходит (деревенск., рабоч., городск.), 2) степень доступности I, II, III, IV и 3) степень важности "без звёздочки, с одной, с двумя звездочками". Принятые коллективом отзывы и пометки передавались отделу рекомендательного каталога, как материал для бюллетеня и для карточных рекомендательных каталогов по типам библиотек» [11, с. 58]. Как видим, сегодня изменилась лишь технология подготовки библиографической информации, но подходы остались те же, и без упоминания года цитирования материала можно подумать, что речь идёт о сегодняшнем дне.

К проблемной ситуации на тот момент специалисты относили нередкую невозможность экспертных оценок подготовленных к рекомендации списков литературы: «Отсутствие постоянной консультации специалистов по вопросам медицины и техники являлось одним из препятствий в работе п/с естествознания» [там же, с. 59]. Некоторые методические решения тех лет особо актуальны сегодня: экспертирование библиографической продукции («работа велась с консультантами»), сверка выполненной составительской работы с имеющимися в профессиональной печати, например, рецензиями на рекомендуемые книги для верности рекомендации не специалиста-отраслевика, но – библиографа.

В описываемое время главным требованием к библиографу уже определялось наличие у него интеллектуальной культуры (главная задача которой, по меткому замечанию Г. С. Галиуллиной, «состоит в переработке теоретических умозрительных схем в инструментально-практические идеи» и которая зиждется на формировании профессионального мышления ради «постоянного продуцирования определённого плана действий и средств, направленных на преобразование и решение проблемных ситуаций наиболее рациональным путём» [14, с. 3]). На тот момент в формировании и развитии интеллектуальной культуры (в отличие от сегодняшнего дня) были заинтересованы и руководящие структуры, и сами библиографы, которые инициативно и очень активно занимались самообразованием. Например, обратимся к одному из свидетельств повседневного

труда: «помимо текущей работы по просмотру книг <...> проработали книжку Васильева "Очерки физиологии духа" (для выяснения влияния беллетристики на читателя)» (курсив – Ю. В. Гушул), инициировали работу «кружка по изучению беллетристики. В состав кружка входило 24 человека: 18 профсоюзных библиотекарей, 1 комсомольской библиотеки; 2 передвижника; 1 практикант и 2 безработных библиотекаря. Кружок занимался изучением новейшей русской литературы. Был разработан ряд произведений <...> кружок работал с руководителем...» [11, с. 59]. Здесь мы видим важнейший урок (кроме, безусловно того, что прежде чем рекомендовать что-либо, следует научиться прекрасно разбираться в этом (эта ремарка звучит сегодня актуально на фоне всемерного урезания преподавания литературы и др. гуманитарных дисциплин, в том числе, для библиотечной специальности)), который преподают нам реальные действия библиографов прошлого, накладываемые на рассуждения библиографоведов настоящего: «акцентировать внимание на *познающей и деятельной личности библиографа*, осознании того, что развитие и поддержка интеллекта в наилучшей форме осуществляется не за пределами практической деятельности, не набором ценных рецептов, не в потреблении чужих интеллектуальных достижений, а в *изменении своей мыслительной деятельности и практических действий*» [14, с. 6] (курсив – Ю. В. Гушул).

Библиографические службы оперативно и полно стремились выявлять и перерабатывать информацию в те годы. Процесс библиографирования документов был более развит и качественнее организован, т. к. уже был накоплен большой опыт работы. Справочное обслуживание ещё только внедрялось в работу библиотек и пропагандировалось как важное направление работы библиотеки и способ привлечения внимания к ней, особенно потому, что оно считалось главным инструментом руководства чтением: «В группе по справочной работе особого руководящего органа не было выделено, поскольку она является частью п/с руководства чтением... Проработаны следующие вопросы: 1) Собран материал по справочной работе во всех районах; собранный материал подвергнут детальному рассмотрению и оценке, на основе чего был выработан план работы; 2) заслушан доклад о месте справочной работы в библиотеке и ее задачах; 3) разработаны и проаннотированы справочники по 3-му отделу; библиографические же указатели всех отделов находятся в процессе разбора и аннотирования; 4) приступлено к разработке техники справочной работы» [11, с. 64]. Богатых традиций и наработанных методик на тот момент ещё не было.

Ввиду многообразия форм и методов справочной работы, недостаточной разработанности организационно-методических решений её ведения и, одновременно, весьма богатого библиографического содержания не сложилось единого мнения относительно сущности справочной работы. Практики, в том числе уральские, основываясь на региональном опыте (кроме согласия с общепринятой точкой зрения, которая была обозначена выше), предлагали своё видение. В частности, М. Г. Котельникова особо подчёркивала социальную функцию справочной работы, с нею были солидарны многие библиотекари. Омские библиотекари разработали следующие документы: 1) «Справочный бланк» с ответом на запрос читателя и 2) «Книга учета справок» библиотеки», в которой была выделена графа «Отметка о практическом результате справок» [4]. Бланк отпечатан в типографии, в нём есть раздел «Что сделано по запросу». Таким образом, омские библиотекари понимали социальную функцию не только как удовлетворение запроса читателя фактографической информацией или списком публикаций и книг, в которых тот найдёт ответ на интересующий вопрос, но и нередко – отслеживание специалистом библиотеки того, какую реальную пользу принесло выполнение запроса.

С момента образования библиографических служб библиотек справочная работа начала осуществляться планомерно и целенаправленно. Главные её составляющие присутствовали в каждой библиотеке, однако функционализация зависела от традиций и заложенной в предыдущие десятилетия базы, опыта и квалификации специалистов, читательской аудитории, что определялось общим уровнем экономического, образовательного и культурного потенциала края и политикой советского государства. Мы выявили, что в 1920-е гг. в типовой форме ежемесячного отчёта присутствовал пункт, который библиотекарь обязан был заполнить: «Ведётся ли справочная работа» [1; 2]. В 1923–1924 гг., например, краткие неговорящие ответы делились примерно поровну: «Нет», или «Да», или «Велась» (возможно, это были просто отписки, особенно последние

две формулировки). Но в документах можно видеть очень интересные и, главное, конкретные показательные ответы, воссоздающие удивительную атмосферу ещё открытых творчеству и энтузиазму, яркому самовыражению 1920-х гг. профессиональных взаимоотношений (цитаты из документов приведены в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации):

– *относительно факта ведения справочной работы и её режима*: «ведётся, но слабо» ([1], Тугайкульская библиотека, Л. 1); «газетная иногда бывает» (Л. 282) (Уфалейская библиотека); «ведётся ежедневно» (Полетаевская, Л. 56); «большой работы нет» (Чумлякская, Л. 167); «справочная работа ведётся, на вопросы даются ответы» (Коровинская, Л. 147); «На запросы обращающихся граждан за справками даются ответы и советы где и что можно получить, узнать» (Мишкинская, Л. 395 – одно из немногих свидетельств, что даются и библиографические справки, не только фактографические);

– *относительно круга читательских запросов, тематики справок и их количества*: «ведётся больше на вопросы по сельскому хозяйству и промышленности» (Чудиновская библиотека, Л. 45); «дано 4 справки по землепользованию» (Окуневская, Л. 55); «даются справки о кооперации, сель-хоз кредите, по выписке газет» (Л. 73), «ведётся – даются справки-советы – дано 23» (Л. 209), «даются справки по вопросам землеустройства, налогов и т. д.» (Л. 324) (Бродокалмакская – в зависимости от неуспокоенности специалиста и скрупулёзности в работе мы можем даже видеть динамику выдачи справок); «обращаются допризывникам и крестьянам 689 справок по разным вопросам» (Л. 328), «выдано 56 справок, большинство из них о едином сельхозналоге» (Л. 403) (Слободо-Кочердыкская); «газетные справки иногда» (Уфалейская, Л. 138); «ведётся по всевозможным вопросам, разъяснениям и советам декретов и распоряжений советской власти» (Долгодеревенская, Л. 397)

– *относительно проблемных зон осуществления справочной работы*: «работа не ведётся потому, что библиотека в настоящее время не получает газет, но в будущем предполагает» (Степновской, Л. 120); «не ведётся ввиду отсутствия материалов для справок» (Усть-Уйская, Л. 166); «точного учёта обращений не велось, в марте, думаю, удастся это сделать» (Чумлякская, Л. 167); «справочная работа почти замирает за исключением как по сельскому хозяйству ввиду того что подготовка к посевной» (Л. 305), «в связи с посевной работа протекает слабовато...» (Долговская, Л. 368) и др.

– *относительно организационной формы справочной работы*: «да, есть справочный стол, где регистрируются все справки и даются ответы» (Л. 124), но иногда ответы обескураживают (либо в библиотеке начал работать новый библиотекарь, всё начинающий «с начала»): «пока не ведётся, но организуется справочный стол» (Л. 219); «да, справочный стол регистрирует справки и даёт ответы» (Птиченская библиотека, Л. 222); «положено начало к организации справочного стола при библиотеке» (Л. 335), «происходит организация справочного стола» (Мишкинская, Л. 395)

– *некоторые ответы показывают, что понимание сущности справочной работы ещё не достигнуто*: «ведётся, но слабая, потому что нет средств у библиотеки, как-то нет ящиков для статистич.[еских] чит.[ательских] карт.[очек] и т.п.» (Л. 151), «ведётся. статистические карточки читателей и т. п.» (Полетаевская, Л. 274 – речь здесь идёт о библиотечной статистике); и др.

В ответах можно увидеть и средства осуществления справочной работы, и обозначенный круг запросов читателей, по которому можно сделать вывод, что спрашивали о самом насущном – как понимать и как реагировать на распоряжения партии и правительства, как приспособиться к новым реалиям советской жизни. Также можно видеть и образ самого библиотекаря, либо желающего отписаться, либо заинтересованного и, главное, могущего благодаря образовательному и культуруному уровню работать отлично от других, более творчески и профессионально. Последнее очень хорошо просматривается на материалах Бродокалмакской библиотеки, в которой заведующим до 1924 г. был И. Н. Сверчков.

Показательно, что в типовом бланке отчёта был выделен пункт «Как пропагандировалась библиотека и книга среди читателей»[1]. Среди ответов были те, которые показывают понимание современниками важности использования и библиографических инструментов в пропаганде биб-

лиотеки, приближении её к читателю: «плакаты на отдельные книги» (Миасская библиотека, Л. 61), «вывешиваются списки» (Мишкинская библиотечная база, Л. 59), «рекомендательными списками и беседами» (Екатеринбургская библиотека, Л. 67), и во многих отчётах: «рекомендации и выставки», «рекомендация книг», «посредством рекомендательных списков» и др. Ответы, нередко не только конкретные, но и эмоциональные, воссоздают атмосферу того времени, трудовой подъём и энтузиазм некоторых специалистов, желание сделать и подать в документе свою работу хорошо: [работа осуществляется] «путём справочников, газет, сб. декретов, имеющих в библиотеке» [2, Л. 139] и её результаты: «Была устроена выставка к 10-летию империалист.[ической] войны. Написаны рекоменд. списки и плакаты» [2, Л. 163]. С гордостью о проделываемой работе (характерной не для каждой библиотеки в то время), без осознания что это и есть уникальная библиографическая работа, но констатируя как само собой разумеющееся и необходимое для центральной библиотеки, на которую равняются, библиотекари отвечают на вопрос отчёта «Имеются ли каталоги»: «Имеется пока тетрадный систематический; составляется карточный систематический; а также предметный на 5-ый отдел» [3, Л. 36], поясняя: «Читатели могут выбрать книги по каталогу (пока ещё тетрадному систематическому), и по рекомендации библиотекаря не подходя к полкам... » [3, Л. 37об]. И вновь мы видим констатацию процесса СБО в библиотеке, или библиографической консультации, рекомендации книги. Круг проблем, в которые была включена рекомендательная библиография того времени, очерчен, безусловно, значимыми и пропагандируемыми партией и правительством датами и идеологическими мероприятиями. Но в отчётах мы видим и научные темы, определяемые нуждами региона, производства, выходящие за пределы идеологического прессинга (пока это было возможно). Наверняка особо образованным, важным для библиотеки читателям делалась информационная рассылка, что удивительно – уже в те годы: «...Безусловно, библиотека откликалась на все революционные праздники, события, исторические дни, путём выставок, плакатов, лозунгов, рекомендательных списков книг. Этот же материал подбирался по тому или другому вопросу, например, проводились такие темы: "Воздухофлот", "Вулканы", "Ленин", "Кооперация" и много других. Рассылались иногда некоторым читателям списки литературы, имеющейся в библиотеке по тому или иному вопросу <...> Составлялись рекомендательные списки книг по беллетристике по темам "Рабочий быт", "Крестьянский быт", "Бодрые, сильные, смелые", "Жизнь буржуазии" и много других. Недавно проведена тема "Ленин в художественной литературе". Захвачено небольшое количество произведений. Дали аннотации к каждой книге с рекомендацией научных книг, знакомящих с Лениным и ленинизмом. Рекомендательные списки выброшены в публику вместе с плакатом "Ленин", полученным из центра. Окончательных результатов не выяснили, потому что очень недавно выбросили материал в публику. Прежние темы не выбрасывались <...>, а на большинство произведений имеются описания по прилагаемому плану, как беллетристической, так и научной книги» [3, Л. 38об – 39].

Заречная библиотека г. Челябинска отчитывается по-иному, фиксируя количественные показатели: апрель – 19 справок, май – 19, июнь – 15. И уже в Отчёте за февраль 1924 года Зареченской библиотеки г. Челябинска заявлено, что «организовано справочное бюро для выдачи справок информационного характера. Устроен ящик для интересующих вопросов читателей» [2, Л. 223]. Это на один год ранее, нежели будет организован справочный отдел в Центральной челябинской библиотеке.

Из разнообразия представлений о содержании справочной работы вытекает обилие её наименований: справочная, справочно-библиографическая, справочно-консультационная и др. Различными были также названия отделов, которые осуществляли эту работу: справочно-технический отдел, справочно-методический отдел, справочно-библиографическая комната, читальня справочно-библиографического фонда, справочный уголок, справочный отдел, кабинет библиографии, центральная справочная служба, справочно-библиографический отдел, библиографический кружок, справочное бюро, библиографический отдел и др.

Каждое название отдела характеризует приоритетный нюанс работы, обслуживания читателей, их качественный уровень:

- читальня справочно-библиографического фонда – обслуживание по теоретическим и практическим проблемам библиотечного дела (Вятка),
- библиографический кружок Сибироведения – подготовка докладов, библиографических списков и заметок, карточных каталогов по Сибироведению (Омск),
- справочный отдел – библиотекарь ведёт «ящик вопросов» и «доску ответов» (Омск),
- справочно-библиографический отдел – оказывать содействие читателям при «наведении» ими различных справок научного и прикладного характера, помогать подбирать литературу, содействовать читателям, занимающимся самообразованием (Пермь),
- библиографический кружок – рекомендация книг для самообразования (Свердловск),
- уголок справработы – выдача справок (Тамбов),
- справочный отдел – тесная связь с политпросветучреждениями губернии (Ульяновск), выдача справок (Челябинск)
- отдел библиографических указателей и справочников – составление библиографических списков по истории края, его колонизации, по этнографии (Хабаровск).

Теоретики и практики видели и уже даже определили требования к специалисту, ведущему справочную работу, так как понимали, что «это те же самые библиотекари, правда, наиболее квалифицированные, наиболее опытные в работе» [12, с. 40]. Внимание акцентировалось прежде всего на нужных психологических качествах личности библиографа (контент-анализ публикаций исследуемого периода позволил нам их выделить):

- настойчивость в поисках (М. Г. Котельникова)
- чуткость к читателю и его интересам (М. Г. Котельникова)
- готовность к «неустанной самостоятельной работе над собой, над повышением своего образовательного и профессионального уровня» (Б. Банк)
- «быстро ориентироваться в характере задаваемого читателем вопроса» (Е. Сеглин).

Общие психологические качества (развитая профессиональная память, целенаправленно развиваемая на запоминание библиографических сведений, способность видеть мир через документы и др.), выделяемые в современной библиографической профессиографии, пока не оговаривались, но уже выделились специфические требования, ориентированные на библиографическое обслуживание: «ни отказа, ни ответа незнанием быть не должно», ответы следует давать «исчерпывающие» в форме «удачной и переданной доступным языком компиляции из авторитетных книжных источников» и «ни в коем случае» не допускать «отсебятину» [5, с. 64], образцово развитые устная (чтобы проводить «больше устных бесед») и письменная речь («чтобы ответы были точны и ясны»). Кроме того, предполагалось, что специалисты справочных служб должны были обладать широкими общенаучными, профессиональными знаниями (особенно – «знать книгу»), многими дополнительными навыками и умениями, которые не требовались библиотекарям других подразделений:

- «педантичная аккуратность» (Я. Е. Киперман)
- «строгая добросовестность» (Я. Е. Киперман)
- творческая активность как стремление «удовлетворить невысказанные потребности читателя» (М. Г. Котельникова)
- освоение и совершенствование «профессионального тезауруса» библиографа (Я. Керекез)
- навык скорочтения (Д. Балика)
- аналитический ум, способность выстраивать причинно-следственные связи, видеть «ряд книг во времени и пространстве» (Л. Н. Троповский).

Таким образом, с зарождением библиотечной библиографии библиографическая служба как подсистема библиотеки, обеспечивающая развитие нового направления деятельности, функционировала в различных организационных формах. К таковым следует отнести: самостоятельный справочно-библиографический либо справочный отдел: справочный стол, справочное бюро, находящиеся в структуре какого-либо отдела (чаще – читального зала); рабочее место библиотекаря (и/или группы библиотекарей), в определённое время планомерно либо эпизодически выполняющего справочно-библиографическую работу и др. С 1918 г. библиографическим службам

был присущ процесс именно революционного образования, но не эволюционного развития. Естественный ход событий был прерван сознательным взрывным форсированием количественного увеличения служб в целях активного продвижения коммунистической идеологии и образовательного минимума в «читательской массе», а также в целях поиска новых форм библиографической работы. Основанные в результате директивных государственных решений библиографические службы библиотек нередко создавались без учёта ресурсных, кадровых и материальных возможностей библиотек. С момента образования библиографической службе были лишь частично присущи её основные составляющие, её библиографическая деятельность была растворена в библиотечной, неотделима от неё. Впоследствии библиографические службы всё настойчивее самоопределялись, становились более зримыми и конкретными. Библиотечная библиография зародилась и начала развиваться без читательской ориентации, теоретического, методического, ресурсного и кадрового сопровождения.

Источники и литература:

1. ОГАЧО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 64. Отдел народного образования Челябинского Окрисполкома. Месячные статистические отчёты о работе библиотек округа за 1923–1924 гг. На 428 листах.
2. ОГАЧО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 63. Отдел народного образования Челябинского окрисполкома. План и отчёты о работе библиотек г. Челябинска районов округа за 1924 г. акты обследования библиотек. На 232 листах.
3. ОГАЧО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 57. Л. 36.
4. Архив ИМО ОГОНБ им. А.С. Пушкина. [Подшивка] «Кабинет библиотековедения при Омской Губернской имени А. С. Пушкина Библиотеке (Краткое описание Отделов Кабинета)».
5. Керекез, Я. Справочная работа в Киевской участковой железнодорожной библиотеке / Я. Керекез // Красный библиотекарь. – 1925. – № 5. – С. 62–65.
6. Кроткова, Л. Справочная работа в детской библиотеке / Л. Кроткова // Красный библиотекарь. – 1925. – № 11. – С. 69.
7. Сафонов, М. Библиотека и двадцатилетие 1905 г. / М. Сафонов // Красный библиотекарь. – 1925. – № 11. – С. 9.
8. Сеглин, Е. Комиссия по справочной работе // Сеглин Е. Читательские организации и библиотека // красный библиотекарь. – 1925. – № 5. – С. 37.
9. Слезин, А. А. Воинствующий атеизм в СССР во второй половине 1920-х гг. / А. А. Слезин // Вопросы истории. – 2005. – № 9. – С. 129–135.
10. Смычка библиотеки с деревней // Красный библиотекарь. – 1923. – № 2–3. – С. 126.
11. Хотяков, Я. И. Справочно-библиографическая работа публичной библиотеки в 1917–1930 гг. / Я. И. Хотяков // Труды [Гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина]. – Ленинград, 1960. – Т. VIII (11). – С. 147–163.
12. Звездин, В. Московское Объединение в 1925–1926 г. / В. Звездин // Красный библиотекарь. – 1926. – № 7. – С. 57–59.
13. Ямской, А. Рационализация работы на абонементе / А. Ямской // Красный библиотекарь. – 1927. – № 6. – С. 40–41.
14. Вохрышева М. Г. Теория библиографии / М. Г. Вохрышева. – Самара. 2004. – 368 с.
15. Галиуллина, Г. С. Интеллектуальная культура библиографа / Г. С. Галиуллина // Советская библиография. – 1991. – № 6. – С. 3–10.
16. Коваль, Л. М. «Участие в самом труде знания» / Л. М. Коваль // Библиография. – 2001. – № 1. – С. 87.
17. Самарин, А. Ю. Революция и библиография / А. Ю. Самарин // Библиография. – 2017. – № 1. – С. 3–4.
18. Фельдман, М. А. Промышленный переворот на Урале: попытка переосмысления (дискуссии и обсуждения) / М. А. Фельдман // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 167–178.
19. Фельдман, М. А. Культурный уровень и политические настроения рабочих крупной промышленности Урала в годы НЭПа / М. А. Фельдман // Отечественная история. – 2003. – № 5. – С. 20–30. – Библиогр.: 73 назв.

БАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ КАК ОБЪЕКТ РЕКОНСТРУКЦИИ

*Ленинградская школа режиссуры массовых праздников
Дмитрия Михайловича Генкина*

В статье рассматривается бал как синтетическое художественное действо, и возможность организации данной формы досуга с учетом его ритуализованных и театрализованных особенностей как формы развлечения.

Ключевые слова: бальная культура, реконструкция, ритуализованная деятельность, синтетическое художественное действо, замысел организация и режиссура балов, театрализованные действия и игры

Mordasov A.

RUSSIAN DANCE CULTURE AS AN OBJECT OF RECONSTRUCTION

The article considers the ball as a synthetic artistic act, and the possibility of organizing this form of leisure, taking into account its ritualized and theatrical features as a form of entertainment.

Keywords: ballroom culture, reconstruction, ritualized activity, synthetic artistic action, design, organization and direction of balls, theatrical performances and games

Бал в современных условиях требует очень грамотной и длительной подготовки, причем независимо от того, является ли предстоящее событие реконструкцией или формой современного досуга. В любом случае необходимо помнить и понимать, что бал – пример ритуализованного светского отдыха. Бал тем хорош и интересен, что его основные организационные и художественные моменты остаются неизменными, несмотря на прошедшие столетия. Обязательность выполнения бального регламента, соблюдение этикета и соответствующей манеры поведения в определенной степени можно приравнять к службе. Принужденность данного развлечения требовала добровольного согласия. Таковы были правила общественного (коллективного) договора участников события.

Два с половиной столетия назад, как отмечает историк О. И. Елисеева, «*чтобы увидеть зрелище, надо было принять в нем участие*». В худшем случае просто прийти поглазеть, в лучшем – поплясать, попеть, поесть, выпить и побалагурить. Представители и высших, и низших слоев общества, каждый в своем кругу, должны были обладать навыками участия в публичном действе – уметь танцевать, музицировать, петь, декламировать стихи и просто двигаться в праздничной толпе» [1, с. 153–154].

Как отмечал советский литературовед Г. А. Гуковский, в середине XVIII в. даже «поэзия, художественная литература <...> существовала не сама по себе; она фигурировала как элемент *синтетического действия*, составленного живописцем, церемониймейстером, портным, мебельщиком, актером, придворным, танцмейстером, пиротехником, архитектором, академиком и поэтом – в целом образующего *спектакль императорского двора*» [3, с. 153]. Сегодня мы можем говорить не о традициях императорского двора, а о государственной церемониальной культуре и ритуализованной досуговой деятельности.

В альманахе «Вопросы театра/PROSCAENIUM» были опубликованы интереснейшие материалы по реконструкции потемкинского праздника, устроенного 28 апреля 1791 г. в честь взятия русскими войсками крепости Измаил (что в то время определило исход второй русско-турецкой войны) [2]. Основой и итогом праздника являлся бал как самое яркое и зрелищное событие в праздничной культуре того времени. Исследователем А. Лебедевой-Емилиной были про-

анализированы сценарий и другие сопутствующие материалы исторического праздника, сохранившиеся в архивах. Эта и другие многочисленные публикации, посвященные бальной культуре России на протяжении трех веков, позволяют определить некоторые обязательные элементы в структуре и идеологии данной формы досуга.

Что необходимо знать и помнить организаторам, режиссерам и распорядителям современных балов?

Первая проблема: поиск соответствующего пространства, отвечающего тематике и форме задуманного события. Разочарование в предложенном для гостей помещении может привести к отрицательному результату. Само здание, его пространство сообщают, передают людям художественную атмосферу и идеологию раньше и полнее, чем это делает будущее зрелище.

Основа любого бала – танцевальная программа. «Живая музыка» – обязательное условие успеха. Кроме того, в подготовку участников, дирижера или распорядителя программы входит определение объема и последовательности танцев в блоках. Внутри танцевальных блоков необходимы сюрпризы: танцы в исполнении важных гостей или профессионалов, демонстрация образцов танцевального искусства, в том числе народного характера. Танцевальные блоки могут разделяться различными театрализованными действиями и играми: дивертисменты, миниспектакли, шарады и «живые картины», цирковые аттракционы. В программе балов должны быть предусмотрены лотереи, «почта», конкурсы туалетов и костюмов. В побочных помещениях могут размещаться выставки художественных изделий, кулинарные угощения, проходить состязания поваров, демонстрироваться и другие идеи.

В зону сопутствующих услуг входят игры и развлечения. В отличие от танцев, эту часть балов приравнивают к умственным занятиям. И действительно, шашки и шахматы, ребусы и загадки, буриме и анаграммы, другие литературные и интеллектуальные салонные развлечения, «так называемые *jeux d'esprit* (фр. – игры ума), развивали фантазию и интеллект, профессиональные навыки версификации» [4, с. 171]. В зависимости от темы бала надо продумать комплект или набор соответствующих игровых развлечений. Грамотная организация игрового пространства и действий, с помощью в том числе театрализованных приемов, приведут к ожидаемому гедонистическому результату.

Возможна организация во время костюмированного бала продажи лотерейных билетов, товаров для сбора благотворительных средств, сувениров и брендовых изделий. В роли «продавца» могут выступать артисты и представители власти, «звезды» эстрады и дети. Его поведение должно быть ненавязчивым, находчивым и обаятельным, чтобы могла быть создана ситуация, когда нельзя не приобрести аукционный товар.

Требуется внимания организаторов бала и предоставление угощения участникам. Ответственность за его качество и работу персонала можно возложить на обслуживающую компанию. Следует обращать внимание на то, что вкус и аромат предлагаемых угощений и блюд на балу должен быть специфический, соответствующий замыслу мероприятия. При Петре, например, дам угощали чаем и кофе, миндальным молоком и лимонадом, шоколадом, медом и вареньем. Кавалерам предлагались пиво, вино и трубки. Чем будем удивлять сегодня?

Яркость будущего праздничного бала зависит от замысла, который будет определять дальнейшие действия. На этапе осмысления замысла следует ответить на вопросы: ради чего проводится бал, его цель и задачи? Какому событию или явлению он будет посвящен? Кто будет участниками бала? Какова предположительная социальная значимость предстоящего события.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что бал являет собой синтетическое художественное событие, рассчитанное на активное участие гостей, погружение их в изысканную и модную среду, дающую возможность неформального общения и свободного самовыражения, продолжая традиции определенного поведения и этикета.

Подготовку бала рекомендуется начать за несколько месяцев до даты его проведения. Рассмотрим некоторые этапы.

1. Событие, социальная задача или тема будущего бала помогут решить остальные проблемы (сценарий мероприятия, список гостей, финансовые вопросы и др.).

Например, благотворительный бал, решающий конкретные социальные задачи; «Кофейный бал» при участии производителя или поставщика популярного напитка; «Цветочный бал» в преддверии женского праздника и т. п.

2. Определить место проведения бала. Желательно, чтобы кроме танцевального пространства имелись дополнительные помещения и комнаты, где могут быть организованы буфеты, досуговые зоны, созданы условия для переодевания и отдыха, где имеются туалетные комнаты.

Прекрасным пространством могут быть двухэтажные или двухуровневые залы с колоннами и балконами, пандусами и оригинальными лестницами. Наличие зрительного зала с удобными посадочными местами предоставит еще более широкие возможности. Стиль архитектуры может быть разным: от классицистских традиций до современных модернистских форм.

3. Установить дату проведения и регламент бала (начало сбора гостей, начало танцевальной программы, время проведения развлекательных блоков, концертов, время завершения программы и освобождения помещения). Определить сроки PR-кампании.

Необходимо учесть пожелания арендодателя и всех заинтересованных сторон (органов внутренних дел, жителей соседних домов, транспорт и т.д.). Выбрать способ работы с будущими участниками бала (традиционные рекламные и информационные формы, сетевые ресурсы и др.).

4. Составить предварительную программу бала. Пролог-открытие. Состав танцевальных блоков. Игры и развлечения. Питание гостей. «Финальный аккорд».

Поиск оригинальных решений – главная задача организаторов. Каждый бал должен иметь свои особенности. Индивидуальную программу танцев. Специфические развлечения. Авторское или фирменное угощение.

5. В зависимости от замысла и программы выбираются специалисты для организации и проведения бала (режиссер, дизайнер, музыкальный руководитель, хореограф, распорядитель бала, учитель танцев, участники развлекательных блоков, партнеры в обслуживании мероприятия и др.).

Принцип выбора – профессионализм или креативность специалистов.

6. Разработка проекта. Художественное оформление помещения. Музыкальная концепция вечера. Жанр и стиль проведения. Логика и особенности коммуникативных потоков. Дизайн-пакет (эмблема, афиша, пригласительный билет, программа и др.).

Предлагаемый художественный стиль определит успех проекта. Должны ставиться самые высокие цели и задачи, а затем вестись поиски исполнителей и финансовых возможностей. Полёт фантазии и воображения должен вдохновлять организаторов и будущих участников!

7. Необходимо решение вопросов финансирования предстоящего бала. Коммерческое или благотворительное мероприятие. Аренда помещений. Стоимость билетов. Условия участия исполнителей, организаторов, спонсоров, заинтересованных предпринимателей и партнеров. Приобретение материалов, аппаратуры, призов и сюрпризов.

Каждая из указанных позиций имеет свое единственное решение, которое необходимо искать, как и партнеров для организации и проведения бала.

8. Работа с участниками бала. Определить исполнителей и гостей. Выдать задания исполнителям (репертуар оркестров и ансамблей, тематика выступлений артистов, создание новых номеров и пр.). Начать подготовку гостей к танцевальной программе.

Отдельная проблема, которая требует оборудованного помещения и хореографов. Особое внимание к графику обучения танцам. Он должен учитывать интересы и возможности будущих участников.

9. Обеспечение порядка и безопасности проведения бала. Приезд гостей (парковка). Вход в помещение. Распределение потоков (указатели и информаторы) в пространстве бала. Разъезд гостей. Полное освобождение помещения.

Работать без конфликтов и нервов. Атмосфера доброжелательности и гостеприимства должна поглощать все проблемы и трудности. Поиск решения даже во время бала должен быть легким и стремительным, чтобы напряжение не передавалось присутствующим.

Некоторые из названных позиций сегодня решать легче, иные – сложнее. Исторический опыт подсказывает, что ЗРЕЛИЩНОСТЬ, ПУБЛИЧНОСТЬ и ТЕАТРАЛЬНОСТЬ – в высшей сте-

пени характерны для балов, маскарадов и массовых действ. Не будем забывать об этом, когда начинаем подготовку по реконструкции и организации современных балов. Эти три категории остаются модными и сегодня.

Литература:

1. Елисеева, О. И. Повседневная жизнь благородного сословия в золотой век Екатерины / Ольга Елисеева ; предисл. авт. – Москва : Молодая гвардия, 2008. – 597 с.: ил. – (Живая история: Повседневная жизнь человечества).
2. Лебедева-Емелина, А. Придворный бал как зеркало культурно-политических процессов эпохи: Опыт реконструкции потемкинского праздника / А. Лебедева-Емелина // Вопросы театра/PROSCAENIUM. – 2015. – № 1–2 (Вып. XVII). – С. 212–234.
3. Лотман, Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века / Ю. М. Лотман // Из истории русской культуры / Ю. М. Лотман [и др.]. – 2-е изд. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – Т. IV (XVIII – начало XIX века). – 832 с. – (Серия «Язык. Семиотика. Культура»).
4. Юнисов, М. В. Маскарады. Живые картины. Шарады в действии. Театрализованные развлечения и любительство в русской культуре второй половины XVIII – начала XX века / М. В. Юнисов. – Санкт-Петербург : Композитор-Санкт-Петербург, 2008. – 304 с.

УДК 719(571)

Леготина А. В.

*старший преподаватель Челябинского
государственного института культуры*

АНСАМБЛЬ ХЛЕБНОЙ ПЛОЩАДИ ОРЕНБУРГА И ЕГО РОЛЬ В СТАНОВЛЕНИИ СТИЛЯ МОДЕРН НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Появление архитектуры в стиле модерн на Южном Урале пришлось на середину 1900-х годов, вместе со строительством здания Хлебной биржи. В этом проекте оказались отражены все главные идеи, сопутствующие в дальнейшем укоренению новой эстетики в застройке города.

Ключевые слова: архитектура Южного Урала, стиль модерн, региональная архитектура, архитектура Оренбурга

Legotina A.

ENSEMBLE OF HLEBNAYA SQUARE OF ORENBURG AND ITS ROLE IN FORMATION OF MODERN STYLE IN SOUTH URAL

Emergence of architecture in modernist style in South Ural fell on the middle of the 1900th years with construction of the building of the Grain exchange. All main ideas accompanying further rooting of a new esthetics in building of the city were reflected in this project.

Keywords: Architecture of South Ural, modern style, regional architecture, architecture of Orenburg

Становление архитектуры модерна на Южном Урале началось в губернском городе Оренбурге, где появились самые ранние памятники нового стиля. Первым решившимся на новую эстетику заказчиком стал «временно-оренбургский» купец 2-ой гильдии Фёдор Карлович Эверт. Он являлся германским подданным [1], а на Южном Урале владел несколькими заводами, в том числе кирпичным, чугунно-литейным и механическим; на последних двух, которыми он завладел в 1894 г., выкупив их у Александра Грена, было налажено производство сельскохозяйственной техники. Экономический интерес купца и его роль в хлебной промышленности предопределили выбор места для строительства в «233 кв. по Косому переулку и Хлебной площади» (совр. ул. Кобозева, 58) [2]. Разрешение на строительство здания Хлебной биржи в 3-ей части города, предназначенной «для вредных производств», было выдано Строительным отделением Оренбургского губернского правления 3 января 1904 г. [3]. Реализация проекта оказалась весьма дорогостоящим предприятием – по окончании работ комплекс построек был оценен в 20913 рублей [4]. В ком-

плекс биржи входили «каменное двухэтажное здание под магазинами помещение с подвалом, каменный склад двухэтажный во дворе для земледельческих орудий и деревянный дом с землянками обложен кирпичом, всё крыто железом» [5].

Прямоугольное в плане двухэтажное здание с мерным ритмом окон могло остаться одним из типичных элементов застройки Хлебной площади, если бы не использование отдельных черт нового стиля. Безусловно, в этом наиболее раннем памятнике модерна еще очень сильны традиции эклектики, что проявляется не только в однородности фасада, но и в легком оттенке неорусского стиля, выраженного в нарядной епанче с гребнем. Однако асимметричность фасада можно расценивать как знак обновления архитектурного языка Оренбурга. Смещенный влево главный вход в раскреповке имеет простую прямоугольную форму, но небольшие размеры укрупнены благодаря фальш-окнам, расположенным по обе его стороны, которые придают ему более сложную конфигурацию. Широкий плоский полуналичник полуциркульной формы, обрамляющий вход, имеет замысловатый пунктирный рисунок. Над входом поднято крупное трехчастное окно второго этажа, еще выше, в третьем ярусе – мансардное с лучковым завершением, изгиб которого дублируется в аттике. До реконструкции 70-х гг. XX в. левый ризалит был акцентирован епанчей с гребнем и флюгером на коньке, с красно-белой кровлей «в шахмат», излюбленной для русского стиля, что придавало облику здания особую нарядность (Рис. 1).

Рис. 1. Ансамбль Хлебной площади. Оренбург. Открытка начала XX века

Прямоугольные оконные проемы основного архитектурного объёма в первом и втором ярусе объединены между собой по вертикали плоскими оштукатуренными наличниками на всю высоту здания. Филенки между окон первого и второго яруса предназначались для размещения там рекламных вывесок. Членение фасада имеет общую протяженность в девять оконных осей, что подчеркивает его правильный ритм. В правом фланге, выделенном раскреповкой и полувальмовой кровлей над чердаком, этот ряд заканчивается, задуманный композиционный акцент несколько теряется. В отделке здания использован прием сочетания двух фактур – открытой кирпичной кладки и оштукатуренных плоскостей в оконных наличниках и порталах входов. Использование раскреповок на флангах делает пластику фасада более выразительной, но основой архитектурного решения всё-таки остаётся работа с конструкцией, а скульптурная декорация, свойственная раннему модерну, здесь практически не используется. Последующие реконструкции в значительной степени преобразили художественный облик здания, изменив не только его силуэт, но и лишив сооружение главных черт нового стиля, что для истории архитектуры этого региона, несомненно, следует расценивать как серьезную утрату (Рис. 2).

Рис. 2. Кобозева, 58. 2016 год. Фото автора

Архитектором здания выступил Пётр Ипполитович Овчаренко, младший губернский инженер Строительного отделения при Оренбургском губернском правлении, активно практиковавшийся в строительстве во время учебы в институте гражданских инженеров (ИГИ) под руководством крупных архитекторов и инженеров [6]. В 1902 г. Овчаренко участвовал в постройке здания народного дома Паниной в Санкт-Петербурге (1902–1904, ул. Тамбовская, 63 / ул. Прилукская, 24), работая на тот момент в мастерской академика архитектуры Юлия Юльевича Бенуа. Впоследствии отдельные черты этого сооружения, например, детали фасадной композиции и отделка здания, проявятся в реализованном в 1910 г. проекте Ночлежного дома Зарывнова на 300 человек в Оренбурге (проект был утвержден в 1907) [7]. Не исключено, что и у здания Хлебной биржи был свой прототип, который, однако, на сегодняшний день не выявлен. Этим фактом, кстати, вполне можно объяснить скорое завершение этого проекта, утвержденного к строительству в год выпуска Овчаренко из ИГИ. Подобная организация пространства, образованного сопоставлением крупных архитектурных объемов, была очень типична для архитектуры начала XX в. и ранее уже не раз была апробирована, например, в проекте театра В. А. Неметти в Петербурге (арх. А. К. Монга), построенном в 1902 г. [8]. С этим зданием ранние образцы оренбургского модерна роднят и достаточно приземистые пропорции – черта, не свойственная в целом северному модерну, асимметричная фасадная композиция и отдельные декоративные приемы, например, дублирование криволинейных очертаний оконных и дверных проемов в форме аттика и выявление чистых свойств отделочного материала в фасаде. Заказчиком проекта выступала Вера Александровна Линская-Неметти, открывшая там «Театр и сад Неметти». В 1908 г. здание было перестроено техником Павлом Мульхановым для размещения там доходного дома, принадлежавшего второму мужу Веры Александровны, В. О. Колышко. Изменение функции повлекло за собой необходимость коренного переустройства здания и его первоначальный облик был полностью изменен [9, с. 284].

Здание Хлебной биржи сыграло важнейшую роль в формировании ансамбля одноименной площади и стало одним из самых ранних примеров модерна на Южном Урале, в котором уже наметился путь дальнейшего развития стиля в регионе. Принципы организации пространства, применяемые в этом здании для решения частных инженерных и художественных задач, превратились в специфические черты южноуральского модерна, а само здание стало ярким образчиком новой архитектуры.

Источники и литература:

1. ГАОО. Ф.41. оп. 1. д. 787.
2. ГАОО. Ф.41. оп. 1. д. 675.

3. ГАОО. Ф.41. оп.1. д.787.
4. ГАОО. Ф. 41. оп. 1. д. 675.
5. ГАОО. Ф. 41. оп. 1. д. 675.
6. РГАЛИ, Ф.2466. оп.8. д.231. л.4.
7. ГАОО. Ф.41. оп.1. д.820. л.13.
8. Кириков, Б. М. Архитектура петербургского модерна. Особняки и доходные дома / Борис Кириков. – [изд. 3-е, с измен.]. – Санкт-Петербург : Издат. дом «Коло», 2008. – 576 с.

УДК 02

Лаврова К. Б.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ПРОБЛЕМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ЗЕМСКИХ БЕСПЛАТНЫХ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК-ЧИТАЛЕН В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1890–1910-е гг.)

В статье рассматривается проблема размещения бесплатных народных библиотек-читален в начальный период их создания. Автор подчеркивает сословный характер досуга в дореволюционной России. Приведены примеры размещения библиотек-читален в зданиях школ, волостных правлений, частных домов, церковных сторожек и пр. Сделан вывод о том, что отсутствие специальных помещений для библиотек ограничивало их развитие.

Ключевые слова: народные библиотеки-читальни, помещения библиотек, библиотечные здания

Lavrova K.

PROBLEMS OF PLACEMENT OF THE PEOPLE FREE LIBRARIES WERE DURING 1890–1910 YEARS

The article deals with the problem of placing free public libraries and reading rooms in the initial period of their creation. The author emphasizes the caste character of leisure. Examples of the placement of libraries and reading rooms in buildings of schools, private houses, church guards, etc. are given. In conclusion the author said that the lack of special facilities for libraries limited their development.

Keywords: the people's library and reading room, the premises of the library, library building

В мае 1890 г. министром внутренних дел были утверждены «Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора над ними» [14]. Эти правила почти на четверть века определили судьбу общедоступных (в современной терминологии) и самых массовых по количеству и охвату пользователей бесплатных народных библиотек-читален. Одним из ключевых в названии правил выступало слово «народных». Сегодня следует уточнить, что дореволюционная Россия являлась сословным государством, и каждое сословие имело свои права и свою инфраструктуру, в том числе инфраструктуру досуга. К примеру, офицерские и дворянские собрания, купеческие клубы и пр. представляли собой «обособленные культурные пространства» [8, с. 140]. В собраниях и клубах размещалась, как правило, библиотека. Для городского населения еще, согласно циркулярному предписанию министра внутренних дел за № 777 от 5 июля 1830 г., разрешалось открывать губернские публичные библиотеки. После реформы 1861 г. созданием публичных библиотек в городах активно занялись земства, в результате они появились не только в губернских городах, но и в большинстве уездных. В публичных библиотеках имелись специальные помещения для чтения – «кабинеты для чтения». Публичные библиотеки в целом обслуживали представителей практически всех сословий, живших в городах, однако, поскольку пользование ими было платным, то представители низших сословий практически были лишены такой возможности.

Крестьяне к середине второй половины XIX в. не имели в своей инфраструктуре досуга современных для того времени библиотеки, читальни и пр. В селе существующие школьные библиотеки имели право выдавать книги населению для чтения, однако их количество было крайне мало, а состав соответствовал школьной программе и был рассчитан на детей, к тому же читать собственно в помещении школы было нельзя. К примеру, в 1896 г. журнал «Русская школа» поместил заметку о школьных библиотеках в Уржумском уезде Вятской губернии. В ней сообщалось, что поскольку «чтение книг в библиотеке не допускается, а поэтому они [школьные библиотеки – К. Л.] не требуют особого для них помещения» [19]. Однако в деревне читать вне школы было затруднительно. Во-первых, у крестьян мало свободного времени для чтения. Летом крестьянин вообще не имел свободного времени, а в зимнее время рано темнело и тратить на чтение-забаву свечи или керосин было дорого. К тому же, как сообщает И. К. Воронов в 1899 г., «На светские книжки... деда смотрят подозрительно, считая их не только пустыми, но и греховными, так что парни и подростки, при всем желании развлечься подобными книжками, не решаются этого делать дома, а выбирают укромное местечко, где и читают в одиночку или целой компанией» [7, с. 65]. Так что эффективность существующих школьных библиотек для народа была крайне незначительной.

С середины второй половины XIX в. остро стоял вопрос о создании инфраструктуры «разумных развлечений» именно для народа, особенно крестьян. По мнению действительного статского советника (позднее сенатора) А. И. Георгиевского, высказанному им в 1902-м г., «Слово “народный” во всех своих сочетаниях, как то: народные училища, народные чтения, народные театры, народные столовые, народные чайные, народные развлечения и гулянья, попечительства о народной трезвости, и т. д., всегда указывает на такие учреждения или заведения, которые предназначаются *для народа в смысле лиц, принадлежащих к низшим сословиям, классам или слоям населения* [курсив – К. Л.]. Услугами народных школ, народных чтений, складов книг для народного чтения, народными театрами, народными зрелищами, гуляньями, чайными, столовыми и т. п. пользуются лица и других классов населения, кроме низших. Но это обстоятельство не изменяет конечно, сущности дела и не может служить основанием к тому, чтобы все эти учреждения, как и бесплатные народные читальни, считались предназначенными не для низших только, а и для других классов, и чтобы устройство сих учреждений приравнивалось к потребностям всех сословий» [8, с. 176].

В связи с вышесказанным значение «Правил о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора над ними» от 15 мая 1890 г. трудно переоценить [12]. Одним из главных новшеств этих правил было разрешение создания именно читален как специальных помещений для чтения при народных библиотеках. Согласно «Правил...» в школах могли оставаться лишь библиотеки, осуществляющие абонементное обслуживание и имеющие книги, «одобренные для них Учебным комитетом Министерства народного просвещения» [14, с. 9]. Открывать народные библиотеки-читальни можно было лишь вне помещений училищных библиотек [1].

В условиях русской деревни, когда средств на постройку специального помещения для библиотеки у сельского и даже волостного общества не хватало, а помещений, которые можно было арендовать, просто не было («Арендовать же ... квартиру [в деревне – К. Л.], как то делается в городах, очень трудно, так как построек с квартирами в деревнях нет и их не строят» [5, с. 4], при создании народных библиотек-читален одним из важнейших был вопрос наличия помещения для нее. Ситуация усложнилась после выхода Указа Правительствующего сената от 5 октября 1895 г. о порядке учреждения публичных библиотек при начальных народных училищах. Согласно ему, библиотеки, содержащиеся на средства земств, не могли располагаться в классных комнатах, а должны были «в случае открытия библиотеки в школьном здании находится в отдельных от классных комнат помещениях» [6, с. 24] или даже иметь отдельный вход, чтобы не мешать учащимся.

После Указа 1895 г. уездными училищными советами в ряде губерний, например, в Харьковской, была предпринята реорганизации народных библиотек при народных училищах – и сельские общества «отводят для библиотек и читален помещения в волостных и сельских правлениях» [11, с. 319]. Однако в большинстве случаев для библиотек приходилось пристраивать отдельные комнаты к школьным зданиям, поскольку именно учитель чаще всего и выступал в каче-

стве библиотекаря. К 1 января 1898 г. в Вятской губернии, по данным Я. В. Абрамова, «народных библиотек-читален обычного типа» насчитывалось 117, из которых, по нашим подсчетам, 65 (55,5%) [2, с. 246] находилось при школах.

В целом же топография расположения первых народных библиотек-читален была крайне разнообразна. Из-за недостатка средств со стороны земств и трудности постройки специальных зданий, первые библиотеки-читальни были вынуждены открываться в различных наемных или бесплатных помещениях вне школ: волостных и сельских правлениях, школах, церковных сторожках, и даже местом их дислокации могли быть «комната в колокольне и (!), полуразвалившееся здание бывшей школы» [14, с. 15]. Они могли располагаться в «волостных и сельских правлениях, где библиотечной комнатой нередко является “арестантская”», и о которых почти во всех сообщениях упоминается: «холодно, сыро, темно, тесно» [13, с. 16].

В Саратовской губернии в том же 1898 г. (по данным того же Я. В. Абрамова) из 86 народных библиотек «огромнейшее большинство помещается при волостных и сельских правлениях. Таким помещением пользуется 57% библиотек. Затем, 11% помещается при церковных сторожках, 17% при школах, 2 библиотеки при церковно-приходских школах, 2 при ссудосберегательных товариществах, 2 при больнице и только 7 имеют особые помещения. Таким образом, помещения библиотек вообще оставляют желать многого» [3, с. 297].

В 1902 г. в Богодуховском уезде Харьковской губернии [6, с. 41] из 14 библиотек по две располагались в частных домах и чайных Попечительства о народной трезвости, по одной – в церковном доме и здании городского управления, по четыре – в общих залах волостного правления и волостных управах. В то же время в Орловском уезде из 45 народных библиотек 38 «располагались при начальных народных училищах, 5 при волостных правлениях» [4, с. 44].

По сообщению А. Е. Плотникова, даже Харьковская губернская Управа, «немало сделавшая по упорядочению библиотечного дела в деревне», о помещении 361-й земской библиотеки говорит, однако, следующее: «67 (19%) – в волостных и сельских правлениях, 14 (9%) [так в статье, в действительности 4%, – К. Л.] – в чайных и 20 (5%) в разных более или менее случайных помещениях» [13, с. 15].

В 1908 г. Общество библиотековедения распространило анкету [15], в которой, в том числе, большое внимание уделялось вопросам занимаемого библиотекой помещения: «Занимает ли библиотека отдельное здание, квартиру или комнату или же находится в помещении, служащем еще и для других потребностей? В первом случае – составляет ли это здание собственность библиотеки или же только предоставлено в ее пользование. Число комнат в доме? Во втором случае – число комнат в квартире, занимаемой библиотекой. В третьем случае – какое учреждение или кто занимает остальные комнаты той квартиры или здания, в одной из комнат которого помещается библиотека? Размер (площадь) комнаты, занимаемой библиотекой. В четвертом – для какой другой надобности служит комната, в которой помещается библиотека? Размер этой комнаты. Если библиотека помещается не в собственном здании, платит она что-нибудь за помещение или пользуется им бесплатно? Если бесплатно, кем предоставлено библиотеке занимаемое ею помещение? Ежегодный расход на содержание библиотеки и читальни (хотя бы приблизительный): ... наем, ремонт, отопление и освещение помещения.... р., ... всего ... руб.» [15, с. 28].

Результаты анкеты рисуют картину, подобную вышеприведенной в Харьковской губернии. Из 250 сельских библиотек, подавших сведения, «138 не имеют отдельной комнаты и помещаются в сторожках, в классной комнате, в волостных правлениях. А между тем 80 из них имеют от 500 до 1000 книг, удовлетворяют от 200 до 300 читателей, выдают от 1000 до 2000 книг!... “Библиотека помещается в раздевальне для учеников” – пишет учитель и Тамбовской губернии. “Библиотека у меня в квартире” – отвечает другой. Третий, из Саратовской губернии, жалуется: “выдача книг производится по воскресеньям, в этот день бывает много постороннего народа, а иногда в этот день бывает сход, и тогда выдачу книг производить нельзя”... Или еще лучше: “Библиотека находится в помещении, служащем для приема проезжающих”» [13, с. 16].

В. И. Чарнолуский в 1910 г. отмечал, что «по данным земских исследований народно-библиотечного дела, произведенных в начале 1900-х годов и охватывающих 14 губерний и около

2.700 библиотек», оказалось, что огромное большинство «“средних” народных библиотек» этого времени «не имеют ни помещений, сколько-нибудь удовлетворяющих элементарным требованиям правильного функционирования библиотек, ни оплачиваемого персонала» [17, с. 173].

Таким образом, уже к началу XX в. именно отсутствие подходящих помещений для народных библиотек-читален воспринималось как одна из сложнейших проблем. Так, авторы «Отчета о народном образовании в Одесском уезде за 1901 г.» уже констатировали две основные проблемы в народно-библиотечной сфере: «наличность двух условий, – отсутствие надлежащих помещений и недостаток книг, определяет деятельность библиотек-читален до 1901 г.» [12, с. 26]. Не случайно в 1909 г. В. И. Чарнолуский писал, что в «настоящее время большинство так называемых “народных” библиотек являются поистине жалкими общественными учреждениями... без специально приспособленных помещений. Во всех этих отношениях, современная “народная” библиотека, еще более чем современная “народная” школа, является, строго говоря, не общественным учреждением, в истинном, широком смысле этого слова, а учреждением для бедных» [18, с. 65].

Повсеместная теснота, холод и более чем скромное оборудование, мало подходили для использования существующих помещений в поставленных перед библиотеками целях. Отсутствие удовлетворительных помещений подтолкнуло земства и сельские общества в не земских регионах России выделять средства на аренду более благоустроенных зданий. Однако этому мешало отсутствие подходящих свободных построек, в том числе жилых, не только в больших селах, но и городах. Таким образом, несмотря на все успехи земств в создании библиотек, практически все авторы высказывались о том, что среди нерешенных проблем наиболее остро стоял вопрос «о собственных специальных помещениях для библиотек» [10, с. 37].

Литература:

1. Абрамов, Я. Хроника народных библиотек / Я. Абрамов // Рус. шк. – 1898. – № 1. – Педагог. хроника. – С. 287–293.
2. Абрамов, Я. Хроника народных библиотек / Я. Абрамов // Рус. шк. – 1899. – № 3. – Пед. хроника. – С. 245–251.
3. Абрамов, Я. Хроника народных библиотек / Я. Абрамов // Рус. шк. – 1899. – № 11. – С. 296–302.
4. Абрамов, Я. Хроника народных библиотек / Я. Абрамов // Рус. шк. – 1902. – № 1. – Пед. хроника. – С. 41–48.
5. Белавенец, М. И. Огнестойкая постройка – первый шаг к богатству. Какое значение для крестьянина имеет огнестойкое, долговечное, малоремонтное и дешевое сельск. строительство. Какой материал выбрать для стен и для крыши. Какими способами можно крестьянину получить кирпич и черепицу. Где достать средства / М. И. Белавенец. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1913 (изд. кн. склада «Глиноведение»). – 96 с. – (Глиноведение. Огнестойкое строительство ; кн.1, соч. № 35).
6. Библиотеки-читальни Харьковской губернии по данным исследования 1900-1902 гг. / Харьков. комитет грамотности. – Харьков : [б. и.], 1902. – 147 с.
7. Воронов, И. К. Материалы по народному образованию в Воронежской губернии / сост. И. Воронов ; под ред. и с предисл. Ф. А. Щербины. – Воронеж : [б. и.], 1899 (тип. С. П. Яковлева). – 206 с., 240 с. табл., [4] л. карт., [14] л. диагр.
8. Выгузова, Е. В. Элитарные клубы в культурном пространстве России конца XVIII – начала XX вв. : дис. ...канд. культурологии : 24.00.01 / Екатерина Вячеславовна Выгузова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2005. – 173 с.
9. Георгиевский, А. И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения / А. И. Георгиевский. – Санкт-Петербург : Сенат. тип., 1902. – [2], X, 202 с. : табл.
10. Ляпин, Н. М. Культурно-просветительская работа в Нижнем Поволжье во второй половине XIX века : дис. ... канд. пед. наук : 07.00.02 / Никита Михайлович Ляпин ; Астрахан. гос. техн. ун-т. – Астрахань, 2003. – 261 с.
11. Народные библиотеки в Харьковской губернии [ред. ст.] // Рус. шк. – 1896. – № 9 и 10. – Раз. известия и сообщения. – С. 318, 319.
12. О бесплатных народных библиотеках и читальнях : правила 15 мая 1890 г., указы Правительствующего сената, циркуляр. распоряжения М-ва народ. просвещения / ред. П. М. Шестаков. – Москва : [б. и.], 1905 (тип. П. Д. Путилова). – 81 с.
13. Отчет о народном образовании в Одесском уезде за 1901 г. / Стат. и школ. бюро Одес. уездн. зем. управы. – Одесса : [б. и.], 1902 («Славян.» тип. Н. Хрисогелос). – 36, XLIII с.

14. Плотников, А. Е. Народные и общественные библиотеки по данным анкеты Общества библиотекосведения : докл. А. Е. Плотникова Общ. собр. О-ва в заседании 2 марта 1909 г. / А. Е. Плотников // Библиотекарь. – 1910. – № 1. – С. 7–28.
15. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними : сост. на основании пункта 3-го примечания к ст. 175 уст. о ценз. и печати и Высочайших повелений 12 июня 1867 г, 17-го декабря 1871 г. и 4-го февраля 1888 г., и утв. министром Внутр. дел 15-го мая 1890 года) / М-во внутр. дел // Как открывать и устраивать народные библиотеки и читальни / Суперанский М. – Симбирск : [б. и.], 1894 (тип. О. В. Мураховской). – С. 8–13.
16. Текст анкеты, разосланной в конце 1908 года в общественные и народные библиотеки / О-во библиотекосведения // Библиотека. – 1910. – № 1. – С. 28–31.
17. Чарнолуский, В. И. Земско-библиотечное дело / В. Чарнолуский // Земство и народное образование. Очерки из прошлого и настоящего земской деятельности в различных отраслях общественного образования. Формы, типы, результаты и очередные задачи земского хозяйства и земских учреждений в этой области : в 2 т. / В. Чарнолуский. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1910 (тип. М. А. Александрова). – Ч. 1. – С. 163–186.
18. Чарнолуский В. И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России / В. И. Чарнолуский. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1909 (тип. М. А. Александрова). – 90 с.
19. Школьные библиотеки в Уржумском уезде [ред. ст.] // Рус. шк. – 1896. – № 4. – Раз. известия и сообщения. – С. 288.

ТРАДИЦИОННАЯ НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 398(571)

Вишнякова И. Н.

кандидат педагогических наук, преподаватель Челябинского государственного института культуры

Кушакова Е. С.

студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Народная художественная культура, профиль Руководство этнокультурным центром

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНЫХ КАЛЕНДАРНЫХ ПРАЗДНИКОВ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА

*Научная школа Виктора Никитевича Худякова,
доктора педагогических наук, профессора*

В статье предпринята попытка рассмотреть некоторые элементы русских народных праздников, сохранившихся в памяти информаторов и зафиксированных фольклористами на Южном Урале. Это позволит выявить специфические характеристики и ряд особенностей народных календарных праздников русского населения Южного Урала.

Ключевые слова: народные календарные праздники, народный календарь, традиция, обычай, ритуал

**Vishnyakova I.,
Kushakova E.**

PECULIARITIES OF NATIONAL CALENDARIAN HOLIDAYS OF ETHNIC RUSSIANS OF THE SOUTH URAL

In this article an attempt is made to consider some elements of Russian national holidays, preserved in the memory of informants and recorded by folklorists in the South Ural. This will allow to educe specific characteristics and a number of peculiar properties of the national calendar holidays of the Russian population of the South Ural.

Keywords: folk calendar holidays, folk calendar, tradition, custom, ritual

Народные календарные праздники русского населения Южного Урала имели весьма специфический характер бытования. История миграции русских на Урал, выражавшаяся в многочисленных потоках и в различных ее формах (крестьянская, монастырская, промышленная и др.), несомненно, отразилась на трансформации народных праздников. Сложная картина населения повлекла за собой такие процессы, как взаимовлияние, миксация, ассимиляция различных культур. А из-за череды исторических событий XX в. одним из печальных явлений, произошедших в традиционной народной культуре, стал процесс разрушения народных традиций. Результатом таких разрушений стала безвозвратность традиционного уклада жизни человека и невозможность его целостного восстановления. Все это отразилось на скромной степени сохранности народных календарных праздников русского населения на территории Южного Урала.

Традиции соблюдения народного календаря организовывали хозяйственную и бытовую деятельность и были отражением всего жизненного цикла человека. Повсеместное переплетение аграрного и церковного календаря существенно повлияло на обрядовую деятельность русского народа, которая стала обрастать разными запретами на определённые обряды и действия. Важно отметить, что праздничные календарные циклы выражались в различных формах: танцах, песнях, играх, обрядовых действиях и ритуалах; а элементами народных праздников были обрядовая еда, одежда, орудия труда, праздничная символика. Рассмотрим некоторые элементы народных праздников Южного Урала.

Зимние народные праздники широко бытовали до начала XX в. Некоторые их элементы изучены в работах: А. И. Лазарева [1], Л. Н. Лазаревой [2; 3; 4], Л. Г. Ованесян [5], Л. Г. Шангинной [6], и др. Так, в святочном цикле зимнего народного календаря хорошо сохранились такие элементы, как семейная трапеза, рождественские костры, обходы дворов. Семейная трапеза «по народным представлениям повторяла трапезу Святого семейства после рождения Иисуса Христа» [6, с. 81]. Трапеза состояла из постного рациона, а главными блюдами были кутья и узвар (взвар), которые несут в себе символический характер и представляют собой возрождение человека и жизнь после смерти, что говорит о ритуальности данной пищи. Существовало поверье, что в этот день Бог выпускал умерших людей к своей семье в честь праздника. Вечер сочельника сопровождался рождественскими кострами, это действие делали, чтобы «согреть ножки» умершим родственникам, которые пришли к своей семье, во время этих костров принято было вспоминать умерших. Обычай разносить рождественскую кутью по домам своих родственников был зафиксирован и в наши дни, например, в некоторых казачьих поселках Оренбургской и Челябинской областей. Можно предположить, что ритуалы «жечь рождественские костры» в сочельник, «разносить рождественскую кутью по домам» связаны с украинскими традициями, так как в исключительно русских селах подобные ритуалы не были зафиксированы.

Хождение по дворам в святочный период имело различные интерпретации. В некоторых местностях были распространены Христославления, а в ряде сел – колядования и щедрования. Все это свидетельствует о некоторых различиях празднования Рождества в зависимости от истоков традиций. Хозяевам дома надлежало благодарить и щедро одаривать поздравителей различными угощениями. Считалось, что этот дар посылался не только людям, но и Богу, а также Божьей Матери.

Традиции святочных гаданий были также распространены на территории современной Челябинской области и имели различные проявления; особенно заметна брачная тематика: девушки бросали валенок через забор, выходили на перекрестки дорог и слушали предсказания судьбы, гадали с помощью домашней живности и личных девичьих предметов (зеркала, гребня, кольца, подушки, ключа и др.). Данные элементы гаданий встречаются и в других регионах России. Отметим, что сведения о традициях гадания на Южном Урале, к сожалению, лишены целостности. Так, нам не удалось зафиксировать гадания с напевами и собрать сведения о том, что известный обычай «петь Илею» когда-либо существовал.

На Крещение Господне до наших дней сохранился обычай рисовать кресты на окнах и дверях, люди старались таким образом огородить себя от нечистой силы. В Еткульском районе Челябинской области данный обычай соблюдается до настоящего времени.

В праздновании Масленицы на Южном Урале основными элементами были катание на лошадях в запряжённых санях, кулачные бои, разжигание костров, большие застолья, катание с гор, взятие снежного городка. У Уральских казаков Оренбургской области было распространено участие мужчин в различных воинских состязаниях, например, взятие снежного городка, скачки на лошадях и джигитовка. Отличной чертой празднования масленицы на Южном Урале принято считать шествие ряженных, оно было распространено у уральских, оренбургских казаков и у рабочих горнозаводских районов Челябинской области. В тех культурах, где хозяйственный быт прочно связан с рыболовством, в процессе шествия ряженных бытовали сюжеты ловли рыбы, например, у уральских казаков.

Весенний праздничный цикл начинался со дня весеннего равноденствия. Ключевым обрядом принято считать встречу весны, он начинался во время праздника Сороки, который проводился в день памяти сорока мучеников. Принято было выпекать жаворонков, которые чаще всего отдавали детям, а те призывали жаворонков, что было связано с тем, что народ верил, что с этими птицами приходит весна. Так же в этот день проводили обряд поминания усопших. Праздник Средокрестие считался знаменем того, что приходит весна и скоро начнутся пахотные работы.

В вербное воскресенье на Южном Урале был обычай: приходя с церкви будить детей и бить их веточками вербы, этот обычай, по мнению людей, добавлял детям здоровье. А взрослых, в свою очередь, били по пояснице, как бы избавляя от боли.

На Южном Урале во время Пасхи верили, что души умерших приходят на землю, поэтому в этот период существовал обряд поминовения предков. Приметным обычаем на Пасху является обход дворов и поздравления всех с Великим праздником. Встречаются сведения о том, что существовал пасхальный обычай зажигать костры, что не типично для русского населения. Такие особенности характерны для украинских и белорусских этносов. Но, тем не менее, пасхальные костры жгли в горнозаводских поселках Южного Урала среди русского населения: в Ашинском, Катав-Ивановском и Нязепетровском районах Челябинской области.

Троица – это праздник, который завершает весенний цикл. В Оренбургской области был распространены девичьи гуляния. Интересен поздний вариант девичьих гуляний, проводимых в середине XX века: в выбранном сарае, где предварительно белили стены и потолок, украшали разными ветками. В украшенном сарае девушки ели пироги, веселились и играли. Есть информация о том, что на Семик и Троицу украшали ветками березы и другие хозяйственные постройки. Зелень было принято хранить три дня, а потом нужно было ее уничтожить или закопать в землю. Такие закрытые формы празднования Семика и Троицы связаны, скорее всего, с государственным запретом на языческие и церковные праздники.

На летний период народных праздников приходилось два больших праздника: Петров день и Иван Купала. Праздник Ивана Купала в сёлах Южного Урала фактически не сохранился. Сохранились лишь отдельные ритуальные действия: обливание водой, сбор утренней росы и целебных трав.

Осенние праздники завершали календарный праздничный цикл. Ильин день считался первым днём осени, спасы – это три осенних праздника. Первый спас – Медовый, Второй – Яблочный и Третий спас, с которого начиналась уборка основного урожая. Сведений об осенних народных праздниках на Южном Урале встречается не так много; нам не удалось представить их в комплексе.

Таким образом, изучив этнографические источники можно считать, что народные календарные праздники русского населения Южного Урала имеют самобытные черты, а их особенности заключаются в специфических способах ведения хозяйственной деятельности, заданы историческими причинами и этнокультурными условиями. Среди русских народных праздников, широко бытовавших на территории России, так и не удалось зафиксировать наличие праздника Ивана Купала, хотя его некоторые элементы все же были зафиксированы и носят частный характер. Отметим и факт крайнего недостатка песенных материалов, сопровождающих народный календарь. Слабая степень сохранности музыкальных образцов, а именно календарных песен, объясняется условиями позднего формирования народной традиционной культуры на Южном Урале.

Литература:

1. Лазарев, А. И. Уральские посиделки / А. И. Лазарев. – 2-е изд. – Челябинск, 2008. – 143 с.
2. Лазарева, Л. Н. История и теория праздников / Л. Н. Лазарева. – Челябинск, 2010. – 251 с.
3. Лазарева, Л. Н. Календарно-обрядовый праздник в тексте современной культуры. – изд. 3-е. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 211 с.
4. Лазарева, Л. Н. Традиционная праздничная культура как культура этнической и социальной памяти / Л. Н. Лазарева // Избранные статьи / Л. Н. Лазарева. – Челябинск, 2015. – С. 245– 301.
5. Ованесян, Л. Г. Традиционные праздники народов Южного Урала / Л. Г. Ованесян / Л. Г. Ованесян. – Челябинск : ЮУГПУ, 2018. – 110 с.

6. Шангина, И. И. Праздники народного календаря / И. И. Шангина // Русские Южного Урала. Традиционная культура XIX–XX веков / О. Г. Баранова [и др.] ; под ред. И. И. Шангиной. – Санкт-Петербург : ИПЦ СПГУТД, 2018. – С. 78–139.

УДК 392

Сафонова Н. А.

*кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ТРАДИЦИОННАЯ ОБРЯДОВАЯ КУЛЬТУРА: К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ

*Научно-педагогическая школа «Философия человека в контексте культуры»
кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры*

Статья посвящена определению роли традиционной обрядовой культуры в контексте культурологических исследований. Традиционная обрядовая культура рассматривается как механизм социальной интеграции, сохраняющий ключевые ценностные установки, «культурные коды» и регулирующий процессы этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: традиционная обрядовая культура, традиционная культура, актуальность исследования

Safonova N.

TRADITIONAL RITUAL CULTURE: THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF THE STUDY

The article is devoted to the definition of the role of traditional ritual culture in the context of cultural studies. Traditional ritual culture is considered as a mechanism of social integration, preserving the key values, “cultural codes” and regulating the processes of ethno-cultural identity.

Keywords: traditional ritual culture, traditional culture, the relevance of the study

В первой четверти XXI в. поиск новых ценностей и стремление добиться устойчивости человеческого бытия все более активно вовлекают обрядовую культуру в круг культурологических исследований. В рамках модернизационных перемен культурологический анализ реликтов традиционной обрядовой культуры представляется особо необходимым, поскольку он является ценнейшим источником информации по истории функционирования культуры в прошлом, ее трансформации в настоящем и возможных проявлениях в будущем. Одной из важнейших проблем в исследовании обрядовой культуры является проблема ее определения. Общепринятые научные подходы к изучению явлений, раскрывающих ее содержание и формирующих о ней представление, не затрагивали до сих пор ее сущность и значение в жизни людей.

Е. Л. Головлёва определяет обрядовую культуру как «совокупность знания обрядов и их значения и практики обрядовых действий, а также их включенность в повседневную жизнь. Оно содержит вербальную и невербальную составляющие, которые выражаются в обрядовом поведении, обрядовых жестах, обрядовом фольклоре (вербальные тексты, пение, музыка, танцы), материальных компонентах обряда» [2]. По мнению Н. Р. Азизовой, «традиционно-обрядовая культура представляется как органический синтез словесных форм, фольклорных текстов, обрядовых действий и представлений, на основе комплексного исследования которых возможна реконструкции архаичной картины мира» [1].

На наш взгляд, традиционная обрядовая культура – это сложное, многослойное явление, вбирающее в себя различные исторически выработанные способы воплощения совокупности вы-

разительных средств, представляющих наиболее значимое социокультурное событие, исходя из ценностей и норм данной культуры, закрепленных и транслируемых традицией. В основе традиционной обрядовой культуры заложены передающиеся от поколения к поколению духовно-нравственные идеалы и ценности, нормы и каноны, воплощающиеся через строго-регламентированный обрядово-ритуальный комплекс. В ней отражены элементы как духовной (обрядовые приговоры, песни и т. д.), так и материальной культур (традиционный костюм, обрядовая еда и т. д.). Основное предназначение обрядовой культуры заключается в формировании ценностной ориентации, основанной на преемственности предыдущего исторического опыта, реинтерпретации этого опыта в современной жизни и проекции этого опыта в будущее. С этой точки зрения обрядовая культура играет стабилизирующую роль в жизни общества, является важным структурным компонентом традиционной культуры. Именно обрядовая культура выступает одним из основных регуляторов социальных норм коллективного человеческого бытия, форм культурной жизни, социальной организации, смысловых акцентов картин мира, стереотипов сознания и поведения людей минувших эпох и современности. «Раскрытие и понимание духовно-нравственной смысловой нагрузки, которая несет в себе обрядовая культура, способствует рассмотрению новых аспектов, раскрывающих глубинное содержание и историческую логику культуры в целом» [2].

В современных условиях обрядовая культура становится связующим звеном между историческим прошлым и реалиями современной жизни, помогает сохранить этнокультурную идентичность. Происходящие глобализационные процессы влекут за собой стирание культурных различий. В этой не простой ситуации заложенные в традиционной обрядовой культуре ключевые ценностные установки, «культурные коды» способны регулировать процессы этнокультурной идентичности.

Научное понимание обрядовой культуры исторически складывалось в рамках различных теорий. К изучению этих феноменов подходили специалисты разной направленности: антропологи, историки, этнографы, фольклористы, культурологи и т. д. [см., например: 3; 4]. В контексте теоретической рефлексии происходит не просто фиксирование культурных явлений (обрядов, ритуалов), но и их теоретическое осмысление, выясняется их сущность, закономерности функционирования, содержательные и смысловые изменения.

Осмысление особенностей формирования и развития обрядовой культуры занимает ведущее место в структуре культурологической мысли, ориентированной на интеграцию подходов междисциплинарных наук. Традиционная обрядовая культура несет на себе основную фундаментальную нагрузку, является одной из констант формирования и развития традиционной культуры, позволяет идентифицировать культуру, обеспечивает коммуникационное единство, является основой этнокультурной идентичности ее представителей. Будучи связанной с областью архаического мировоззрения и психологии, она не осталась в стороне от протекающих изменений. Несмотря на утрату своей целостности, тенденции к отмиранию, упрощению некоторых ритуальных форм, она сохраняет специфические этнические черты.

Отдельные элементы и целые направления обрядовой культуры прошлого важно и нужно анализировать не только как достояние истории, а как отражение культуры в ее сегодняшнем состоянии. В условиях глобализации и переосмысления духовно-нравственных ценностей важно сохранить в современном культурном поле тонкие нити, связывающие уникальность традиционной обрядовой культуры прошлого с современной его мотивацией. Разработка данного вопроса остаётся в поле зрения актуальных сегодня дискуссий, т. к. проблема сохранения, изучения и развития традиционных культурных ценностей, аккумулированных в традиционной обрядовой культуре, является одной из приоритетных для любой культуры, для каждого из этапов её развития. Эту заинтересованность можно объяснить разными факторами.

Во-первых, осознанием важности этнокультурной информации, сохраняющей и транслирующей наиболее значимые духовно-нравственные ценности и нормы, необходимые для нормальной жизнедеятельности общества.

Во-вторых, особым местом обрядов и ритуалов в системе традиционной культуры как жизненно-важных, символически наполненных событий в жизни человека.

В-третьих, своеобразием этнической специфики сохранения традиционных черт обрядовой культуры в современных условиях на региональном уровне.

В-четвертых, быстро меняющимися условиями жизни, темпом и ростом технического прогресса, компьютеризацией жизненного пространства, снижающими природную потребность человека в реализации культурно-творческого потенциала.

В-пятых, определением актуального состояния традиционной обрядовой культуры, выступающего своего рода индикатором культурного состояния общества и происходящих в нем изменений.

В-шестых, модернизационными процессами, переакцентировкой ценностей, которые влекут за собой ощутимые и далеко не однозначные трансформации в сфере человеческих отношений, что стимулирует актуальность и важность культурологического осмысления современных изменений исследуемого феномена как части общих социокультурных трансформаций современности.

Сегодня становится очевидно, что необходимо в корне изменить отношение к позитивному духовному наследию предшествующих поколений. Заложенный в традиционных обычаях и обрядах потенциал может стать фундаментом нравственного и духовного воспитания подрастающего поколения, привития ему устойчивых моделей поведения и общения, культурных норм и ценностей. Одним из способов достижения этих целей может быть включение традиционных обрядовых действий в современную жизнь человека, что будет способствовать пробуждению интереса и внимания к ним подрастающего поколения. Подобные исследования актуальны потому, что в современных условиях сфера бытования традиционной обрядовой культуры постоянно сужается.

Для того, чтобы претворить все это в жизнь, необходимы соответствующие научные изыскания, связанные с изучением различных аспектов обрядовой культуры, рассматривающие взаимодействие ее компонентов, механизмы передачи заложенных в ней духовных ценностей и т. д. Обрядовая культура является неотъемлемой частью жизни народа. Реализуемые в жизни общества обряды, обычаи, праздники – предмет целого ряда исследований о том, в чем проявляет себя обрядовая культура. Обрядовая культура является основой организации жизненного уклада, образа жизни, национального характера и в целом национальной культуры. Формирование и развитие обрядовой культуры зависит от разного рода факторов, влияющих на ее дальнейшее становление, динамику развития, происходящие трансформационные процессы. Выявление и определение основополагающих факторов способствуют представлению полноценной картины исследуемого феномена и дальнейшему его изучению.

Литература:

1. Азизова, Н. Р. Традиционно-обрядовая культура локальных этнических групп в современной России: на примере юртовских татар [Текст] : автореф. дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Наиля Руслановна Азизова ; [Место защиты: Краснодар. гос. ун-т культуры и искусств]. – Москва, 2009. – 41 с. : ил.
2. Головлева, Е. Л. Обрядовая культура как источник формирования странового имиджа [Электронный ресурс] / Е. Л. Головлева // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение : [сайт]. – 2009. – № 4. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Golovleva/>. – Проверено: 02.10.2018.
3. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе [Текст] / А. В. Захаров // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 105–115.
4. Костина, А. В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс] / А. В. Костина // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение : [сайт]. – 2009. – № 4. – URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/4/Kostina/>. – Проверено: 02.10.2018.

ВОСКОВОЙ ВЕНОК КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОГО ТРАДИЦИОННОГО СВАДЕБНОГО КОСТЮМА НЕВЕСТЫ НА УРАЛЕ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье описывается один из традиционных элементов русского традиционного свадебного костюма – восковой венок, вошедший в культуру в конце XVIII в.

Ключевые слова: восковой венок, свадьба, свадебный костюм

Tarasova Y.B.,

Metlyova Y.M.

A WAX WREATH AS AN ELEMENT OF RUSSIAN TRADITIONAL WEDDING COSTUME BRIDE IN THE URALS

This article describes one of the traditional elements of Russian traditional wedding costume-a wax wreath, which entered the culture at the end of the 18th century.

Keywords: a wax wreath, wedding, wedding suit

В традициях любого народа особое место занимает свадебный обряд, имеющий свои каноны и свою символику. Обязательным атрибутом свадьбы были костюмы жениха и невесты, которые готовились загодя и позволяли не только обозначить само событие, но и защищали молодых, характеризовали их переход в новый социальный статус. Немаловажную роль в свадебном костюме невесты играл головной убор, меняющийся со временем, но неизменно символический, отражающий мировоззрение народа в ту или иную эпоху.

На Урале у русской невесты встречался венок из цветов и шишечек из воска. Причем у представителей разных сословий традиция использования цветочных головных украшений во время свадьбы появилась не сразу.

Известно, что у русских крестьян цветы в свадебных обрядах долгое время не использовались. Однако цветочный венок был неизменным атрибутом девичьих украшений во время традиционных славянских праздников. К примеру, именно венок из полевых цветов надевали девушки на праздник Ивана Купала и использовали для гаданий о будущем.

Если говорить об украшении крестьянской невесты, то на голове часто была лента (или сорока – в зависимости от региона), преимущественно красного цвета. Тот же цвет фигурировал и в других элементах одежды. О символике красного цвета в русской культуре написано немало. Напомним, что по одной из наиболее распространенных трактовок, он обладал магическим защитным действием и должен был защитить от колдовства и дурного глаза, а также символизировал радость.

Невесты из других слоев общества на свадьбу традиционно надевали расшитые камнями, жемчугом кокошники или короны с шишечками из золотых нитей.

Почему же на смену этим головным украшениям пришел восковой венок? Данная традиция сложилась не сразу и, вероятнее всего, имеет европейские корни. Влияние западной культуры на характер свадебных торжеств, принятых в России, к концу XVIII в., заметно изменило традиционное представление о подвенечном костюме сначала дворянских девушек, а затем и представительниц иных сословий. В уборе невесты стали использоваться ранее не принятые элементы цветочного декорирования. В начале XX в. полный цветочный убор невесты включал в себя несколько предметов: букет, венчальный венок и подвенечную диадему. Последние часто изготавливались из искусственных миртовых веток с цветами и бутонами. Для того, чтобы придать цветам более натуральный вид, их покрывали воском [1, с. 340], хотя искусственные цветы появились в головном уборе не сразу.

До конца XVIII в. венок невесты составлялся из красных роз. В соответствии с бытовавшими представлениями и народными поверьями цветы красного цвета являли собой символы счастья и благополучия будущей семьи. Позднее венок составлялся из живых цветов померанца. Однако в короткую осень и холодную российскую зиму, когда чаще всего играли свадьбы, найти для помолвки или венчания живые цветы было непросто. Поэтому очень скоро венок невесты стали изготавливать из искусственных цветов (мирта, белых роз, ландышей) преимущественно из шелка [1, с. 334–335].

Именно из-за обилия цветов в головном уборе его так и стали называть – «Цветы». В энциклопедии «Русский традиционный костюм» есть описание девичьего головного убора с подобным названием: «Светы (Цветы) – девичий головной убор из шелкового, свернутого в виде ленты платка с нашитыми на его переднюю часть бантами. По краю платок обшивался бахромой из цветного гаруса. В банты втыкались два цветка из золотой и зелёной бумаги, а между ними павлинье перо. Платок повязывался вокруг головы, оставляя макушку открытой. Концы платка привязывались шелковой лентой к косе. Этот головной убор бытовал в Перемышльском уезде Калужской губернии вплоть до начала XX века, а затем был заменен венком из искусственных цветов» [2, с. 290].

На Урале восковой венок упоминается исследователями как неотъемлемая часть свадебного обряда, дожившего в малоизмененном виде до 50-60-х гг. XX в. Так, с жениха «выражали запрос»: купить для невесты ботиночки, шаль, подшалок (шелковый головной платок), платье, рубаху, кольцо и «Цветы» (белый восковой венок для украшения головы невесты). Иными словами, венок был частью обязательного подарка к свадьбе со стороны будущего мужа. Во время самой церемонии венчания венок неизменно украшал голову невесты, а уже во время пира «молодых сводили на подклет и с невесты снимали восковой венок. Эти цветы являлись символом целомудрия и чистоты молодой. На утро второго дня, если невеста вышла замуж «по-хорошему», гуляли весело, молодая дарила подарки новой родне. Обряды и обычаи этого этапа направлены на демонстрацию невинности невесты. Угощались красным вином, били посуду, крепили к одежде красные ленты, а в некоторых местах – фрагменты подвенечного венка» [3]. Таким образом, восковой венок иногда выполнял функцию «красоты» – символа девичества, который передавали близким подругам или сестрам невесты после свадьбы.

Восковые венки встречали исследователи в разных районах Урала. Так, в 2008 г. в селе Деево Алапаевского района Свердловской области был найден свадебный восковой венок «ЦвЕ-ты» (ударение на первом слоге), который был традиционным украшением невесты. «Цветы» были непременно с «косами» из цветов. Косы ниспадали по обеим сторонам венца на грудь, а иногда, по рассказам очевидцев, до пят, а еще, ниспадали ветвями по спине, как фата.

Свадебный венок помещали в икону после венчания и свадьбы. Его там бережно хранили всю жизнь, никому не отдавали. Бабушки говорили, что если отдаешь кому-то, то «счастье свое растаргиваешь». А если невеста «не честная», то могли венок надеть и на поганое ведро [4].

Рассказывая о таких головных уборах, местные жительницы называли их восковыми венками. Парафин же стал широко использоваться в России в начале XX в. и в силу своей дешевизны

вскоре практически полностью вытеснил воск. Однако, несмотря на изменение материала, название «восковые венки» сохранилось.

Имеются фотографии венка из села Деево Свердловской области. Венок ручной работы, изготовлен из парафина. Он состоит из трёх ярусов. Размеры венка по окружности головы без кос 30х32 см, высота 10 см. Длина косы 60 см. Длина венка с косами 80 см. Сделан из парафиновых шишечек, собранных в грозди. По бокам венка две большие розы, изготовленные из гофрированной бумаги, после чего их окунали в парафин. В венке есть отдельные шишечки на пружинках.

Обращают на себя внимание косы венка. Они ниспадают на грудь. На каждой косе по два бутона розы, по одному яблоневому цветку, по одному белому неизвестному цветочку, по восемь шишечек на пружинках, по шесть листьев. Вероятно, выбор цветов и количество цветов не были случайными, а подбирались по смыслу, что требует отдельного изучения и описания. Хотя, как отмечалось ранее, шишечки не были чем-то новым – в северорусской традиции они фигурировали в коронах богатых невест как символ плодородия, сколько шишечек – столько детей желали невесте. Существовали поверья: если при изготовлении венка шишечки отваливались – плохая примета, если хорошо держатся, то детей будет много.

Для изготовления венка использовались различные материалы: бумага, ткань, нитки, вата, белый парафин и проволока разной жёсткости. Технология видится не очень сложной, но требующей мастерства и времени. Проволока обматывалась белой крепированной бумагой и, вероятнее всего, приклеивалась клейстером или другим клеем. Готовились стебельки и затем наращивались шишечки из парафина. Шишечки собирались в грозди и крепились с помощью белых ниток на основу. Из гофрированной бумаги розового цвета изготовлены розы и бутоны, позже они окунались в парафин. Плотная бумага розового цвета использовалась для маленьких цветочков, похожих на яблоневый цвет. Листья были вырезаны из ткани. Отдельные шишечки на пружинках изготовлены из ваты.

Восковой материал обусловил и достаточно большой для головного убора вес венка – 420 грамм. Для невесты его ношение даже в течение свадебного дня было не очень легким испытанием, преодоление которого демонстрировало и готовность молодой жены выносить любые трудности семейной жизни.

Опыт Ю. Метлёвой по реконструкции описанного венка показывает, что на его изготовление требовалось до полугода кропотливой работы. Поэтому стоимость такого украшения, как мы предполагаем, была достаточно высокой. Таким образом, жених, который чаще всего дарил невесте такой веночек, мог не только языком цветов сказать слова любви, но и показать свою состоятельность.

Аналогичные венки были найдены исследователями и на Южном Урале. В настоящее время в музее Челябинского государственного института культуры находятся два выполненных в схожей технике венка из Каслинского района Челябинской области. Вероятно, подобные украшения также были традиционными и в этом регионе. Однако эта гипотеза требует дополнительной проверки, которую мы планируем осуществить в ходе дальнейшего исследования.

Литература:

1. Басманова, Э. Б. Старинный цветочный этикет [Текст] / Э. Б. Басманова. – Москва : Белый город. – 416 с.
2. Соснина, Н. Русский традиционный костюм. Иллюстрированная энциклопедия [Текст] / Н. Соснина, И. Шангина. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. – 400 с.
3. Трофимова, Д. Свадебный обряд на Урале «На Красную горку» [Электронный ресурс] [публ. 21.09.2015] / Д. Трофимова, Л. Попова // Наш Урал : [сайт]. – URL: <https://nashural.ru/article/istoriya-urala/svadebnyj-obyad-na-urale-na-krasnuyu-gorku/>. – Проверено: 18.10.2018.
4. Цветы. Историческая справка [Электронный ресурс] // Невские ремесленные палаты : [сайт]. – URL: <http://nevskie-palaty.ru/r-m/cvety/istoricheskaja-spravka>. – Проверено: 18.10.2018.

*Магистрант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Народная
художественная культура*

*Науч. рук.: Ирина Николаевна Морозова,
кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ФЕНОМЕН РУССКОГО КОСТЮМА: ОБЗОР НАПРАВЛЕНИЙ ИЗУЧЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ

В статье рассматривается народный костюм как важный аспект жизни русского человека, его культуры и традиции; раскрываются его эстетические, эргономические качества.

Ключевые слова: народный костюм, традиция, культура, великорусское этническое самосознание

Kuznetsova E.

PHENOMENON OF RUSSIAN COSTUME: ORIGINS, ASPECTS OF STUDY

The article considers folk costume as an important aspect of the life of a Russian person, his culture and tradition. It also reveals its aesthetic and ergonomic qualities.

Keywords: folk costume, tradition, culture, Great Russian ethnic identity

Традиционный русский народный костюм является важной составляющей истории культуры нашей страны, уникального отечественного декоративно-прикладного искусства. На языке цвета, формы и орнамента в нем рассказывается о сокровенных тайнах русского менталитета, мышления, народных представлениях и сложившихся веками традициях. В народном костюме как произведении искусства обнаруживается преемственность взаимосвязи художественного прошлого нашего народа с его настоящим и будущим [18; 20; 27; 29].

В современной художественной культуре России существует множество коллективов, использующих народный костюм в качестве своего сценического образа (стилизуя, или оставляя его в близком к традиции виде). Феномен народного костюма в исторических, актуальных аспектах его изучения, составляет обширную область исследования в теории и практике декоративно-прикладного искусства, народного творчества [21; 22; 23].

Изучение народного костюма началось достаточно давно, костюм выступал как предмет коллекционирования и/или реконструкции отдельных его элементов. В итоге многолетних этнографических экспедиций учеными, художниками-реставраторами был накоплен значительный объем исследовательского материала по народному костюму разных губерний (зарисовки, подробные описания). Исторически первой реконструкцией народных костюмов можно считать костюмированный бал в честь 290-летия правления дома Романовых в 1903 г. Все гости были одеты в роскошные костюмы допетровских времен, созданных по дизайну художника С. С. Соломко, с привлечением специалистов по костюму данного исторического периода. Начиная с 1877 г. Н. Л. Шабельская собирала и хранила образцы русского народного творчества, одновременно создавая новые работы. С. А. Глебушкиным была собрана уникальная коллекция, в которой все предметы были подлинные, привезены из разных уголков России [5].

Традиции русского народного костюма складывались в XIV–XVI вв. параллельно с формированием русской (великорусской) народной ментальности. К XVII в. в полном объеме определились его главные костюмные комплексы. Отличительная черта древнерусского костюма – в

различиях достаточно большого числа элементов, многообразии использованных тканей для разных слоёв населения (при одном и том же крое отдельных его составляющих).

Отметим существование в русской народной художественной культуре общенародного эстетического идеала. Русский народ смог сберечь в течение многих веков независимость своего государства, отразил в костюмах особый национальный характер вплоть до петровской реформы. В XVII в. для высшего сословия важным было особенно в торжественных случаях надевать русскую традиционную одежду (даже иностранцам).

В России до XVIII в. все слои населения неизменно облачались в традиционный русский костюм, а иностранную, «немецкую» моду отвергали. Смена русского костюма на западно-европейское современное платье началась в XVIII в. после нескольких специальных указов Петра I. То была практически насильственная замена костюмов, имевшая однозначную социально-культурную соотнесённость. Большая часть городского населения, в особенности купеческое сословие, полагали, что короткополые модные кафтаны неприличны, практически отказывались их надевать. Значительные перемены были связаны с женским костюмом. В то же время данная реформа практически не затронула крестьянство. Именно костюм крестьян становится действительно народным, в его русле формировались наряды казаков, поморов, однодворцев, различных групп старообрядчества.

1812 г. был ознаменован победой России в Отечественной войне, что вызвало длительный патриотический подъём в обществе, рост национального самосознания, положительным образом сказалось на изучении, коллекционировании произведений отечественного искусства и, конечно, народного костюма. Идеиная позиция славянофилов, как приверженцев ценностей традиционной русской культуры, выражалась, в том числе, в критическом отношении к абсолютному подражанию западной моде, широкой пропаганде возврата к допетровской русской народной одежде. В дальнейшем в среде русской демократической интеллигенции утверждаются в костюме эстетические принципы простоты, удобства, скромности (темные ситцевые или полотняные рубахи-косоворотки, холщовые блузы-толстовки) [2]. В женском костюме этого социального класса отсутствуют ватные прокладки, турнюр заменён небольшой мягкой драпировкой или бантом.

В начале XX в. русскую народную одежду предпочитали надевать представители творческой интеллигенции (В. В. Стасов, М. Горький, С. А. Есенин и др.) [24]. В соответствии с царским указом от 1834 г. в некоторых торжественных случаях, при царском дворе, фрейлины были обязаны носить одежду, имитировавшую русский народный костюм. Не обошли вниманием русский народный костюм и классики русской литературы (например, И. А. Бунин, И. С. Тургенев, М. А. Шолохов), в мельчайших подробностях вводя описания костюма в тексты своих сочинений. В изобразительном искусстве представление людей в традиционных костюмах во многом способствовало превращению русского народного костюма в этнический символ [9].

В исследованиях русского народного были выявлены определенные направления [13]. Русский традиционный костюм разделялся на повседневный, рабочий, праздничный и обрядовый. Праздничная одежда всегда была более новой, с большим количеством украшений, её часто выполняли из дорогой ткани, составляли из большого числа предметов. Праздничная одежда имела свои правила ношения: некоторые костюмы надевали по воскресным дням, некоторые – в большие «годовые праздники». К праздничным относились костюмы, участвовавшие в обрядах: наряд просватанной девушки, свадебный [7; 8; 11], погребальный (в некоторых случаях он же – венчальный). Костюм всегда подчеркивал семейные и возрастные отличия, принадлежность к определенному полу [15].

Русский народный костюм по своей форме – идеальный вариант, соотносящий утилитарность и эстетику [17]. Эстетика русского костюма проявляется в том, что выполненная по всем традиционным критериям форма соответствует потребностям человека в стремлении достичь красоты и гармонии, соединяет национальный характер и быт. На выразительность образа русского народного костюма оказали приемы простого кроя из прямоугольных домотканых полос ткани [см. также 16]. Рациональность русского народного костюма подразумевает эстетичность, экономичность, технологичность и функциональность. Форма русского народного костюма вы-

стует в роли классики, которая отражает традиции народа и времени. При этом не стоит исключать возможность повторения данных традиций в настоящем и в будущем, что демонстрируют фолк-тенденции в современной моде [19; 32].

Русский народный костюм в региональном аспекте представлен, в частности, в исследованиях традиций народов, проживающих на территории современной западной Украины (этноним русины) [6]; в Поволжье [1; 30]; на русском Севере [14]; в Тюменской области [31]; Пензе [33]; других регионах России [см. 3; 10; 28; 36]. Костюмы разных регионов России – источник бесценной информации, которая находит применение в современной моде, равно как и в проектировании различных трансформаций народного костюма в сценических его вариантах фольклорного жанра [12; 26]. Использование знаний о русском народном костюме в процессе преподавания рассматривается как творческий, воспитательный ресурс в гуманитарном, профессиональном, дополнительном образовании [4; 25; 34; 35].

Таким образом, исследовательские направления в обозначенной теме – бытование русского костюма – представлены разнообразно, по многим из них достигнута достаточная глубина проработки рассматриваемого аспекта. Результаты проводимых исследований представлены в различных видах изданий, от авторитетных диссертационных (законченное исследование) до постановочных статей (заявка на новое направление исследования). Однако во всем этом разнообразии современный исследователь может найти свою нишу, сформулировать оригинальный новый ракурс рассмотрения известного русского костюма: бытование в конкретной местности, возможности исторической реконструкции (как самой формы, так и включения ее в бытовые действия), отражение/изображение русского костюма в искусстве, отношение к русскому костюму представителей поколения Z и др.

Литература:

1. Алехина, Н. В. Культурная динамика народов среднего Поволжья XIX–XX вв. : автореф. ...дис. канд. ист. наук : 24.00.01 / Наталья Владимировна Алехина ; [Место защиты: Сарат. гос. техн. ун-т]. – Тольятти, 2011. – 19 с.
2. Алибекова, М. И. Демократичность русского народного костюма / М. И. Алибекова. – Москва : МГУДТ, 2015. – 25 с.
3. Андреева, А. Ю. Русский народный костюм: путешествие с севера на юг / А. Ю. Андреева. – Санкт-Петербург : Паритет, 2011. – 134 с.
4. Божко, А.А. Ознакомление детей дошкольного возраста с русским народным костюмом / А. А. Божко, К. В. Малинова // Череповецкие научные чтения – 2015 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Череповец, 11–12 нояб. 2015. В 3 ч. / отв. ред. Н. П. Павлова ; Череповец. гос. ун-т. – Череповец, 2016. – Ч. 2. Педагогика, психология, методика преподавания, художественное образование. – С. 35–37.
5. Глебушкин, С. А. Традиционный русский народный костюм XIX–XX веков из собрания Сергея Глебушкина / С. А. Глебушкин. – Москва : Север. паломник, 2008. – 774 с.
6. Головацкий, Я. Ф. О костюмах или народном убранстве русинов или русских в Галичине и Северо-восточной Венгрии / Я. Ф. Головацкий. – Санкт-Петербург : тип. А. А. Краевского, 1868. – 67 с.
7. Горблянская, К. Ю. Искусство Донского женского казачьего костюма XVIII – начала XX вв. (национальные традиции, образная целостность, проблемы наследия в XX в.) : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.04 / Ксения Юрьевна Горблянская ; [Место защиты: Моск. Гос. худож.-пром. Акад. им. С. Г. Строганова]. – Москва, 2012. – 27 с.
8. Горожанина, С. В. Русский народный свадебный костюм из собрания Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника / С. В. Горожанина. – Москва : Культура и Традиции, 2003. – 128 с.
9. Зауст С. К. «Графика» женской рубахи в живописи А. Г. Венецианова / С. К. Зауст // Месмахеровские чтения 2018 : материалы междунар. науч.-практ. конф. Санкт-Петербург, 21–22 марта 2018 г. / науч. ред. А. О. Котломанов ; Санкт-Петербург. гос. худож.-пром. акад. им. А. Л. Штиглица. – Санкт-Петербург, 2018. – С. 158–163.
10. Зыкус, М. В. Региональные особенности народного костюма XIX – начала XX вв. в традиционной культуре русских и карел Тверской губернии : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 24.00.03 / Марина Владимировна Зыкус ; Рос. гуманитар. ун-т (РГГУ). – Москва, 2006. – 24 с.

11. Игнатьева, Т. И. Народный свадебный костюм как образ русской культуры второй половины XIX века : автореф. дис. ...канд. культурологии : 24.00.02 / Татьяна Ивановна Игнатьева. – Москва, 2000. – 22 с.
12. Исенко, С. П. Русский народный костюм и его сценическое воплощение / С. П. Исенко. – Москва : Профиздат ; Москов. гос. ун-т культуры, 2002. – 144 с.
13. Калашникова, Д. А. Особенности номинаций элементов русского костюма / Д. А. Калашникова [и др.] // Инновационные технологии в науке и образовании : сб. ст. победителей IV Междунар. науч.-практ. конф. В 3 ч. / Приамур. гос. ун-т им. Шолом-Алейхама. – Пенза : Наука и просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2017. – С. 207–209.
14. Кислуха, Л. Ф. Народный костюм Русского Севера XIX – начала XX вв. в собрании Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера» / Л. Ф. Кислуха. – Москва : Север. паломник, 2006. – 274 с.
15. Крестьянова, Е. Н. Женский русский народный костюм среднего Поволжья второй половины XIX – начала XX вв. как феномен полиэтничности гражданского общества / Е. Н. Крестьянова // Развитие института гражданского общества в субъектах Российской Федерации: этнокультурный и межкультурный аспекты. Набережные Челны, 07 дек. 2012 г. : междунар. науч.-практ. конф.; Самар. сельскохозяйствен. акад. – Набережные Челны : Ун-т управления «ТИСБИ». – 2012. – С. 623–628.
16. Мадлевская, Е. Л. Полосатый и клетчатый узор в русском народном костюме / Е. Л. Мадлевская // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии : материалы XX междунар. науч. конф. / под ред. Н. М. Калашниковой ; Санкт-Петербург. гос. ун-т промышлен. технологий и дизайна, Рос. этнограф. Музей, Гос. Эрмитаж. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 483–489.
17. Малафеева, Л. В. Эстетическая функция народной одежды / Л. В. Малафеева // Актуальные проблемы науки в агропромышленном комплексе : сб. ст. 68-й междунар. науч.-практ. конф. Караваево, 19–20 янв. 2017 г. В 3 т. / Костром. гос. сельскохозяйств. акад. – Караваево, 2017. – С. 30–33.
18. Митрягина, Т. А. Русский народный костюм как ценностно-культурная парадигма : автореф. дис. ...канд. филос. наук : 24.00.01 / Тамара Алексеевна Митрягина ; Белгород. гос. ун-т. – Белгород, 2005. – 23 с.
19. Нестерова Л. Д. Русские мотивы в дизайне одежды отечественных и зарубежных модельеров / Л. Д. Нестерова, Т. М. Ноздрачева // Российские регионы как центры культурного развития в современном социокультурном пространстве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Курск, 19 окт. 2014 г. / отв. ред. И. П. Емельянов ; Юго-Запад. ун-т. – Курск, 2015. – С. 55–59.
20. Павлова, О. С. Русский народный костюм как визуальный план русской культуры / О. С. Павлова // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. – 2014. – № 4. – С. 301–306.
21. Пармон, Ф. М. Искусство русского народного костюма. Методика анализа, классификации в аспекте проектирования современного костюма : дис. ... докт. искусствоведения в форме науч. докл. : 17.00.05 / Федер Максимович Пармон. – Москва, 1991. – 49 с.
22. Пармон, Ф. М. Народный костюм: истоки дизайна (на примере русского народного костюма) / Ф. М. Пармон. – Москва : Паладин Д. С., 2005. – 199 с.
23. Пармон, Ф. М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества / Ф. М. Пармон. – Москва : В. Шевчук, 2012. – 271 с.
24. Пуланова, Н. С. Русская мода в контексте мировоззренческих и художественных исканий в первой четверти XX в. // Культура и цивилизация. – 2016. – № 2. – С. 223–231.
25. Резанова, О. В. Формирование творчества учащихся 1–4 классов в процессе ознакомления с русским народным костюмом на уроках изобразительного искусства : автореф. дис. ...канд. пед. наук : 13.00.02 / Ольга Владимировна Резанова ; Ин-т общего образования. – Москва, 1998. – 20 с.
26. Сазыкина, И. А. Сценический костюм как феномен народного комплекса одежды / И. А. Сазыкина // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2012. – № 4. – С. 94–97.
27. Сорокина, Т. А. Идеалы красоты в контексте ментальности отечественной культуры IX–XVII вв.: генезис и исторические трансформации : автореф. дис. ...канд. культурологии : 24.00.01 / Тамара Александровна Сорокина ; [Место защиты: Москов. гос. ун-т культуры и искусств]. – Москва, 2008. – 24 с.
28. Тимошенко, Л. Г. Русский народный костюм: областные особенности / Л. Г. Тимошенко. – Томск : изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2012. – 103 с.
29. Тропина, Т. Н. Русский народный костюм в контексте народной художественной культуры : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.04 / Татьяна Николаевна Тропина ; Москов. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. – Москва, 1988. – 16 с.

30. Туркина, О. А. Русский народный костюм волжан как пример этновзаимовлияния в традиционной культуре народов Ульяновского Поволжья / О. А. Туркина. – Ульяновск : Симбир. кн., 2005. – 166 с.
31. Фахрутдинова, Ф. Д. Народный костюм как отражение взаимодействия русской и татарской культур на юге Тюменской области в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ...канд. культурологии : 24.00.01 / Флера Давлятшевна Фахрутдинова ; [Место защиты: Челяб. гос. акад. культуры и искусств]. – Челябинск, 2011. – 22 с.
32. Фурсова Е. Ф. Традиции и новации в современной праздничной культуре: к постановке проблемы на примере Сибири / Е. Ф. Фурсова, И. Ю. Аксенова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия, История. Филология. – 2013. – Т. 12. – № 3. – С. 292–298.
33. Целиков, Н. Пензенский русский народный костюм / Н. Целиков. – Пенза : кн. изд-во, 1958. – 20 с.
34. Чернова, Л. С. Русский народный костюм как средство развития творческой активности учащихся детской художественной школы : автореф. дис. ...канд. пед. наук : 13.00.02 / Лариса Сергеевна Чернова ; [Место защиты: Москов. гос. гуманитар. ин-т им. М. А. Шолохова]. – Москва, 2007. – 22 с.
35. Черушева, Н. В. Развитие эстетической культуры будущих учителей начальных классов средствами русского народного костюма : автореф. дис. ...канд. пед. наук : 13.00.08 / Надежда Викторовна Черушева ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2006. – 22 с.
36. Ярошенко, И. В. Традиционный бытовой костюм кубанских казаков конца XIX – начала XX вв. : автореф. дис. ...канд. истор. наук / Ирина Викторовна Ярошенко. – Краснодар, 2007. – 23 с.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

УДК 316.6

Мишунин И.

*Тренинговый центр и Клиника
психологического здоровья «SOD», Израиль*

ЗАВИСИМОСТЬ КАК ОСНОВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОТРЕБНОСТИ В УСПЕХЕ

В статье предпринята попытка анализа формирования зависимого состояния в процессе использования современных манипулятивных техник и методов.

Ключевые слова: зависимость, аддиктивное поведение, тоталитарная секция, тренинг как социальный проект, манипулятивные техники, манипулятивные приемы

Mishunin I.

DEPENDANCE AS GROUNDS OF MUNIPULATING UNDER CONDITIONS OF DEMAND IN SUCCESS

The author analyzes the formation of dependant state while using modern manipulative techniques and methods.

Keywords: dependence, addictive behavior, totalitarian section, training as a social project, manipulative techniques and approaches

В современном обществе начинают уделять обширное внимание проблеме зависимости, которая масштабно лоббируется в средствах массовой информации и различных социальных проектах. Когда мы упоминаем слово «зависимость», то в нашем представлении возникают наиболее яркие ее проявления – наркомания и алкоголизм. Многим свойственно заблуждение в том, что зависимость – это проявление слабохарактерности, незрелости или капризов. Эмоционально стабильные люди могут трактовать зависимость как привычку, привязанность к окружению, вещам, действиям. Действительно, зависимость – есть несвобода от чего-либо. Она может проявляться как гипертрофированная и практически необратимая привязанность человека к чему-либо. Аддиктивное поведение можно разделить на химическую, поведенческую и эмоциональную зависимости. Когда мы говорим, например, об алкоголизме, то имеем в виду болезнь-зависимость, основным симптомом которой является чрезмерное употребление алкоголя. Однако помимо этих, широко известных проявлений аддиктивного расстройства, есть целый ряд симптомов, в которых выражается зависимое поведение.

Одним из таких проявлений является эмоциональная зависимость от различного рода обществ, братств, организаций и псевдоинститутов, чья видимая деятельность проявляется в продвижении их идеологии посредством мотивационных семинаров и тренингов. За последние 20 лет можно было наблюдать несколько волн появления специфических идеологий в нашем обществе, носителями которых являются различных рода и квалификации гипнотизёры, медиумы и др., а содержащие их институты присутствуют в окружающем мире в виде финансовых пирамид и разных сект, которые действуют в довольно тоталитарном режиме. Некоторые страны вывели для себя определение для действий таких организаций; к примеру, тоталитарная секта – особый тип организации, для которой характерны авторитарные методы управления, ограничения прав человека для членов организации и деятельность которой представляет опасность для жизни и здоровья граждан, существующая в форме религиозной, общественной, коммерческой, образовательной или оздоровительной организации [3]. Основная активность таких организаций приходится

на момент нестабильной ситуации в стране. Финансовый кризис, смена политического или государственного строя, послевоенная обстановка.

В последние 10 лет активно наступательную, даже агрессивную идеологическую нишу заняли люди, продающие успех и гарантию счастливой жизни. Их рекламу можно наблюдать практически везде, они предлагают своей аудитории быстрый успех с использованием очень простых методик, не требующих долгих лет образования, практики и квалификации. В основе их идеологии лежит обесценивание всех известных психолого-педагогических методов становления человека и проповедование личных взглядов и убеждений.

Думается, самыми яркими примерами являются следующие личности и организации. Начнём, к примеру, с Анатолия Михайловича Кашпировского, образ которого активно продвигался в начале 1990-х гг. на главном федеральном телеканале. А. М. Кашпировский за шесть сеансов в прямом эфире якобы осуществил беспрецедентное по своим масштабам излечение от самых различных заболеваний около 10 миллионов человек [2]. Примерно в то же время на федеральном канале появился Аллан Владимирович Чумак, позиционировавший себя как целитель и экстрасенс [1]. Этот человек прославился тем, что с экрана заряжал своей энергией воду. Если обратиться к феномену массовых финансовых лихорадок, которые вбирали в свои финансовые схемы тысячи людей, то можно выделить как первую и самую масштабную из известных на территории бывшего СССР – финансовую пирамиду «МММ», организованную С. Мавроди. Изначально структура «МММ» была создана в 1989 г. и до 1 февраля 1994 г. вела только финансовую и торговую деятельность как экономическая организация. С 1994 г. она начала действовать как финансовая пирамида, распространив свое влияние на 15 млн вкладчиков. По сути, мы стали очевидцами (а многие и подвергшимися влиянию) проявления массовой зависимости, в основе которой была активно рекламируемая мечта о чудесном обогащении без приложения личных усилий.

Для привлечения внимания применяют методики психологических манипуляций:

- использование незнакомых для оппонента слов, теорий и терминов;
- самовосхваление;
- психологические уловки, основанные на слабости оппонента, на внушении чувства стыда, на невнимательности, унижении личных качеств, лести, игре на самолюбии и других индивидуально-психологических особенностях человека;
- реферирование;
- коллективное решение или общественное мнение формируется ведущим с помощью целенаправленного подбора выступающих;
- закрепление полученных результатов и желаемых реакций с помощью определенных сигналов (в НЛП их именуют «якорями»).

Образуется замкнутое сообщество, объединенное, в том числе, общим эмоциональным переживанием, тон которому задают лидеры. В сектантских движениях, например, лидеры часто страдают от синдрома мессии. Они искренне верят в свою уникальность и предназначение. Миф, который они взращивают в своём больном воображении, превращается в наваждение и трансформируется в новую реальность. Они прекрасные ораторы и чуткие стратеги. Эти люди очень остро различают изменения в настроениях людей, что делает их прекрасными манипуляторами.

Гуру мотивационных семинаров, продвигающих определенную идеологию, также обладают лидерскими качествами, отлично разбираются в механизмах воздействия на психику человека. Окружающая нас реальность провоцирует стрессы и потребность в пошаговом руководстве выхода из трудной ситуации, либо в скорейшем разрешении проблем:

- финансовый кризис;
- ошутимое разделение в социальных слоях на бедных и богатых, где практически полностью отсутствует средняя прослойка населения;
- открытые границы и частичная свобода слова;
- обесценивание важности образования и потребности в высококвалифицированных кадрах, владеющих ценными навыками;
- доступ к средствам массовой информации;

- укрепление религии на государственном уровне;
- активная миграция.

Как правило, на этом фоне активизируется пропаганда религиозных адептов, появляется много альтернативных решений в виде всевозможных сект и разнообразных религиозных конфессий. Для людей, разочаровавшихся в Божественном присутствии, как альтернатива открывается целое поле выбора гадалок, знахарей, гипнотизёров и медиумов. Нетрудно заметить, что на каждом этапе экономических и социальных потрясений подобные явления получали вполне законное место на федеральных каналах телерадиовещания. Представителей альтернативных идеологий и образов жизни и занятости начала 1990-х гг., мы упомянули выше. Но и огромный пласт прагматичных атеистов не остался без внимания. Именно на них были рассчитаны финансовые пирамиды, коммерческие схемы, игра на бирже и вера в легкое счастье с помощью тренингов по личностному развитию. Обещание быстрого успеха и легкого заработка приводило и приводит людей на эти занятия-сборы. Рекламные плакаты встречаются очень часто, радио и ТВ озвучивают и превозносят имена определенных людей, онлайн-платформы в интернете загружены фальсифицированной информацией. Всё это для того, чтобы человек поверил, заинтересовался и пришел.

После семинара у большинства людей, присутствующих на них, остается приятное послевкусие эмоциональной заряженности. Бодрость, желание и готовность рассказывать окружающим об их «инсайтах» будут сопровождать участников ещё какое-то время. Это может продлиться от пары недель до месяца. Всё зависит от частоты участия в подобных мероприятиях. Как и при приеме наркотиков или алкоголя, у человека развивается толерантность к эмоциональной восприимчивости. Маленький тренинг или семинар для ограниченного количества участников уже не будет так сильно компенсировать потребности человека. Будут необходимы все большее количество подобных мероприятий и соучастников, разделяющих ощущение приближающейся победы. В какой-то момент люди начинают чувствовать, что только благодаря озарениям, полученным на семинаре, их жизнь меняется к лучшему.

Рита Картер в своей книге «Как работает мозг» [4] объясняет данную патологию следующим образом. Самовнушение и/или воздействие на человеческое сознание извне производят на мозг то же влияние, что и активные жизненные изменения: происходят определенные химические реакции на уровне нейронных связей и на гормональном фоне. Именно поэтому многие люди становятся внушаемыми, поддаются умелой визуализации картин счастья и успеха. Однако со временем может возникнуть когнитивный диссонанс между тем, как человек представляет себе самого себя и кем он является в реальной жизни.

Другой автор – Габриэла Оттинген, в книге «Переосмысление позитивного мышления» [7] описывает эксперимент, который она проводила в рамках своей научной деятельности. Группе людей предложили мысленно вообразить реализацию незначительных фантазий, которые связаны с предстоящими в их жизни реальными событиями (например, прохождение теста по вождению автомобиля или важное собеседование на работе). Исследователи обнаружили, что у «подопытных» значительно снизилось кровяное давление. Это удивительно, но наши фантазии способствуют физическому расслаблению и выработке таких гормонов, как дофамин и серотонин. В психологии это называют феноменом «Я так и знал» или «Я же говорил» (Hindsight bias). Работает это примерно следующим образом: если авторитет заявляет группе людей, что для того чтобы разбогатеть или преуспеть, или заработать то состояние, которое он имеет, он постоянно думал об этих деньгах и всячески пытался их материализовать в своих мыслях, тем самым настраивая себя на заработок этих денег, то слушатели охотно в это поверят. Тем самым слушателям предлагают сосредоточить их позитивную энергию в фокусировке на мечтах или желаниях. Если долго визуализировать и приложить к этому все усилия, то люди притянут в свою жизнь необходимые обстоятельства и смогут реализовать свои мечты. Одновременно внушается, что только на этих очень дорогих тренингах каждого научат правильно визуализировать и реализовывать мечты. Но для начала их немного отредактируют. Точнее – их полностью изменят. Основным результатом такого зомбирования / манипулирования / формирования зависимости заключается в том, что слуша-

тели-участники ничего не достигают. Они уже наслаждаются своей визуализацией, которая лишена всякой доли личной ответственности. Люди выдыхаются уже на стадии фантазии.

В 2016 г. в Израиле, в рамках исследовательской работы, я и моя команда методического центра SOD и академия неформального образования «Милхауз» провели эксперимент [5; 6], на который нас вдохновил просмотр фильма Денниса Ганзеля «Эксперимент 2», или «Волна». Мы разделили коллектив академии на две части. С одними мы не проводили никакой работы, и они продолжали выполнять свои обязанности по привычному для них сценарию. Со второй группой мы провели ряд мотивационных семинаров, используя техники эмоциональных и психологических манипуляций. Мы придали особое значение абсолютно незначимым действиям, установили новые задачи и цели, на которых сосредоточили внимание аудитории. В первой группе не произошло никаких фундаментальных изменений. Они продолжили работать по отлаженной системе. Вторая группа бессознательно объединилась в тесный коллектив, внутри которого очень быстро произошло обесценивание коллег, не присутствовавших на семинарах, сформировался особый контакт и демонстративная активность. Однако излишняя концентрация и сосредоточение на задачах исказило главную цель организации и стерло основной посыл, обозначенный во время образовательного процесса. 60% участников второй группы допустили в симуляциях критические ошибки и нарушили этические нормы, концентрируясь исключительно на попытке реализовать узкую задачу. Вместе с тем участники группы демонстрировали эмоциональную вовлеченность в процесс и удовлетворенность происходящим. Последнее оказалось более важным, чем реальные достижения, для которых нужно было демонстрировать личную ответственность.

Таким образом, ускорение темпа жизни, увеличение конкурентной нагрузки, демонстрация высоких достижений в качестве идеального примера для подражания дезориентируют человека в выборе адекватных его возможностям и задачам способов и приемов их решения. Широкий спектр социальных проектов достижения успехов с минимальными физическими, психическими затратами оказывается сродни чудодейственной пилюли, которая хоть и стоит дорого, но гарантирует быстрое излечение. Распространение манипулятивных техник и технологий актуализирует проблему психологического здоровья населения, сопровождения личности в сложных экзистенциальных ситуациях профессионально состоятельными специалистами.

Литература:

1. Ванденко, А. Аллан Владимирович / А. Ванденко // Новый взгляд. – 1992. – № 23. – С. 8.
2. Кандыба, В. М. Основы гипнологии. Основы психофизиологии / В. М. Кандыба. – Санкт-Петербург, 1999. – 382 с.
3. Клибанов, А. И. Из мира религиозного сектантства: встречи, беседы, наблюдения / А. И. Калибанов. – Москва, 1974. – 274 с.
4. Carter, R. Mapping the Mind. Seven Dials, London / R. Carter. – Frth : University of California Press, 1998. – 487 pp.
5. Davidson, R. J. Cerebral asymmetry and emotion conceptual and metodolodgical conundrums / R. J. Davidson //Cognition and Emotion, 1993. – P. 134–152.
6. Maddi, S. R The search for meaning / S. R. Maddi // The Nebraska Symposium on Motivation, 1970. – P. 123–135.
7. Rethinking Positive Thinking: Inside the New Science of Motivation. – London, 2017. – 265 p.

*магистр психолого-педагогического
образования, аспирант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Культурология,
Теория и история культуры*

*Науч. рук.: Зубанова Л. Б., доктор
культурологии, кандидат социологических
наук, профессор, Челябинский
государственный институт культуры*

СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТЬ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ И СОБОЙ*

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В работе приводятся некоторые предварительные данные исследования стресса в социокультурном контексте, выдвигается предположение о наличии связи между уровнями стрессоустойчивости и удовлетворенностью жизнью и собой.

Ключевые слова: стресс, стресс-культура, копинг-стратегии, стрессоустойчивость, удовлетворенность жизнью, удовлетворенность собой

Kryukov S.

STRESS-RESILIENCE AS A FACTOR OF LIFE SATISFACTION AND COMPLACENCY

Some preliminary stress investigation data in the sociocultural context are reported in the article; the hypothesis of connection between stress resilience levels, life satisfaction and complacency is suggested.

Keywords: stress, stress-culture, coping-strategies, stress resilience, life satisfaction, complacency

Постановка исследовательской проблемы. Стресс является неотъемлемой частью бытия человека, однако современные социокультурные условия раздвигают рамки его понимания за пределы медико-биологического и психологического понимания. Осмысление сущности феномена стресса и стратегий адаптации к нему в русле культурологии требует не только теоретического обоснования, но и проверки теории эмпирическим путем. Такой подход может помочь не только с выявлением проблемных ситуаций, но и предложить пути их разрешения.

Рассмотрение стресса и родственных ему понятий (страх, anomia, культурная травма, культурный шок, неопределенность, риск и др.) привело нас к понятию «стресс-культура», актуальность изучения которой наглядно проявляется в постановке вопроса выработки копинг-стратегий – индивидуальных попытках восполнения незавершенной реальности, способах организации порядка в условиях неопределенности, индивидуально-личностных сценариях конструирования реальности через различные ролевые взаимодействия субъектов и других участников коммуникации в относительности ситуации «здесь и сейчас» [2].

* Статья подготовлена в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего».

При проведении эмпирического исследования одна из задач, встающих перед нами, есть установление специфики используемых стратегий стресс-совладания в национально-культурных образованиях.

Теоретико-методологическая и эмпирическая базы исследования. При решении указанной задачи мы опирались на культурно-исторический подход к стрессу, опираясь на работы Т. Л. Крюковой и Т. В. Гушиной, которые описывают социокультурные факторы, влияющие на уязвимость людей к стрессу и выбор ими стратегий совладаний с ним через понимание и учет социокультурного контекста их жизнедеятельности [3].

Для целей исследования была разработана анкета, включающая в себя методики «Тест на самооценку стрессоустойчивости личности» Л. П. Пономаренко, Р. В. Белоусовой, «Индикатор стратегий копинг-поведения» Д. Амирхана, «Ценностный опросник» Ш. Шварца, шкалы для измерения удовлетворенности собой и жизнью из «Методики комплексного изучения аккультурации» Дж. Берри, а также ряд открытых вопросов, касающихся социального статуса, этнической и религиозной принадлежности респондентов.

Эмпирической базой исследования послужили данные анкетирования жителей Челябинской и Костанайской областей, Приднестровской Молдавской Республики, проведенные авторами при помощи волонтеров.

Выборка испытуемых составила 288 человек в возрасте от 15 до 60 лет (рис. 1). Преобладание в выборке учащихся и студентов обусловлено большей готовностью данных групп к работе посредством сети Интернет.

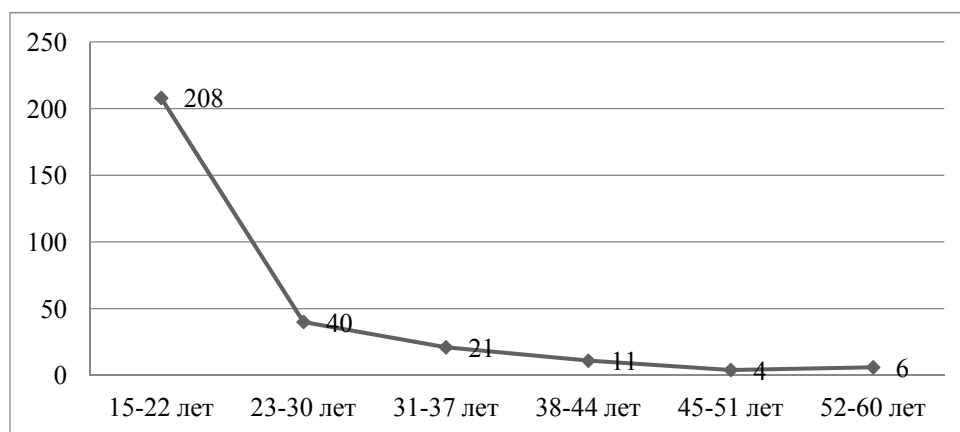

Рис. 1. Распределение выборки испытуемых по возрасту

Взаимосвязь стрессоустойчивости и удовлетворенности жизнью и собой. В ходе подготовки эмпирического исследования мы опирались на понимание удовлетворенности жизнью как отражение актуального состояния насыщения потребностей и/или эмоциональное восприятие этого состояния, подверженному в том числе и влиянию культурного стресса (возникающего при попадании в новую социокультурную ситуацию как реакция на чувство неустроенности, дискомфорта, нарушение социальных связей). Как отмечает Л. П. Галич, удовлетворенность жизнью «обусловлена преимущественно не реальным состоянием насыщения потребностей и объективными факторами жизнедеятельности, но часто стереотипами, ценностными представлениями, стремлениями к самоутверждению, к социальному признанию, одобрению и престижу» [1]

При предварительном анализе результатов исследования была замечена следующая тенденция: чем выше у респондентов уровень удовлетворенности жизнью, тем чаще встречается уровень стрессоустойчивости выше среднего (таб. 1). Вероятно, это объясняется тем, что респонденты со средним и выше уровнем удовлетворенности жизнью реже воспринимают происходящие с ними события как источник стресса, меньше попадают в ситуации, требующих значительных ресурсов для адаптации, и эффективно приспосабливаются к меняющимся социокультурным условиям.

Таблица 1

**Соотнесение уровня удовлетворенности жизнью
и уровнем самооценки стрессоустойчивости респондентов**

Регион	Челябинская область					Костанайская область					Приднестровская Молдавская Республика				
	Уровни														
Уровень стрессоустойчивости Удовлетворенность жизнью	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Высокий уровень	-	2	2	-	-	-	7	4	-	-	2	1	2	-	-
Уровень выше среднего	1	21	8	6	-	1	33	15	8	-	1	5	5	-	-
Средний уровень	-	12	12	7	-	-	23	19	12	3	-	6	4	8	1
Уровень ниже среднего	-	7	8	7	1	-	6	10	2	-	-	2	8	1	1
Низкий уровень	-	2	-	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-

По мнению Л. В. Куликова, удовлетворенность жизнью «в значительной степени обусловлена характером межличностных отношений и состоянием собственного здоровья, но весьма слабо зависит от материального обеспечения и финансового положения личности» [4].

Также Л. В. Куликов, анализируя исследования по проблеме, отмечает, что оценка удовлетворенности жизнью существенно зависит от того, что респондент берет во внимание: внешние обстоятельства жизни (которые в небольшой мере зависят от его действий) или оценивает свои действия, достижения, успешность. Для предупреждения таких расхождений была добавлена шкала, исследующая удовлетворенность респондентов собой.

Таблица 2

**Соотнесение уровня удовлетворенности собой
и уровнем самооценки стрессоустойчивости респондентов**

Регион	Челябинская область					Костанайская область					Приднестровская Молдавская Республика				
	Уровни														
Уровень стрессоустойчивости	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий	Высокий	Выше среднего	Средний	Ниже среднего	Низкий
Удовлетворенность собой															
Высокий уровень	-	1	-	-	-	-	3	3	1	-	-	2	-	-	-
Уровень выше среднего	1	20	12	11	-	-	32	15	7	-	2	10	10	2	2
Средний уровень	-	18	13	7	1	1	20	23	14	3	1	3	8	5	-
Уровень ниже среднего	-	1	4	2	-	-	2	1	1	-	-	-	1	2	-
Низкий уровень	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

При рассмотрении уровня удовлетворенности собой тенденция к прямой взаимосвязи с уровнем стрессоустойчивости прослеживается четче (табл. 2). М. С. Москаленко утверждает, что высокий уровень стрессоустойчивости способствует сведению к минимуму чувства тревоги или страха, предохраняет сознание личности от негативных переживаний, расширяет границы мировоззрения [5]. Использование же копинг-стратегий для адаптации к социокультурным изменениям, согласно М. С. Москаленко, обеспечивает удовлетворенность собой, полученными результатами.

Закключение. Предварительный анализ результатов исследования позволил предположить наличие взаимосвязи уровней удовлетворенности собой и жизнью с уровнем стрессоустойчивости респондентов, а через стрессоустойчивость предположить наличие связи с используемыми копинг-стратегиями. Необходим дальнейший анализ результатов с использованием математико-статистических методов.

Литература:

1. Галич, Л. П. Сравнительный анализ удовлетворенности жизнью белорусов и россиян [Текст] / Л. П. Галич // Социологический альманах. – 2015. – № 6. – С. 465–472.
2. Крюков, С. Н. Стресс-культура как актуальное восприятие современности: к постановке вопроса [Электронный ресурс] / С. Н. Крюков // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ–2018» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. – Москва : МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
3. Крюкова Т. Л. Культура, стресс и копинг: социокультурная контекстуализация совладающего поведения [Текст] / Т. Л. Крюкова, Т. В. Гущина. – Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – 236 с.
4. Куликов, Л. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью [Текст] / Л. В. Куликов // Общество и политика / ред. В. Ю. Большаков. – Санкт-Петербург : изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2000. – С. 476–510.
5. Москаленко, М. С. Психолого-педагогические условия эффективного преодоления детско-родительских конфликтов в семье подростка [Текст] / М. С. Москаленко // Вестник Костромского государственного университета. Серия, Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2012. – № 3. – С. 15–17.

Ибрагимов К. Т.

УДК 374

*начальник отдела методического
обеспечения инновационного развития
филиали АО «НЦПК "Өрлеу"» ИПК ПР по
Костанайской области, аспирант
Челябинского государственного
института культуры по направлению
Образование и педагогические науки, г.
Костанай, Республика Казахстан.*
*Науч. рук.: Литвак Р. А., доктор
педагогических наук, профессор,
Челябинский государственный институт
культуры*

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СРЕДЫ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ**

*Научная школа Риммы Алексеевны Литвак,
доктора педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье даются понятие безопасности и безопасности организации дополнительного образования. Представлен механизм формирования безопасности образовательной среды. Рассматривается понятие психологических угроз и дается описание их видов.

Ключевые слова: безопасность, безопасность образовательного учреждения, психологическая безопасность, психологически безопасное поведение, психологически безопасное взаимодействие, психологические угрозы, виды психологических угроз

ENSURING PSYCHOLOGICAL SAFETY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT IN ADDITIONAL EDUCATION

Formation of the safe educational environment in the organizations of additional education is considered. The definitions for «safety» and «safety of additional education organization» are given. The mechanism of formation of educational environment safety is presented. The psychological threats are suggested and their types are described.

Keywords: safety, safety of educational institution, psychological safety, psychologically safe behavior, psychologically safe interaction, psychological threats, types of psychological threats

Реалии сегодняшнего дня требуют, чтобы забота о психологической безопасности и психологическом здоровье учеников являлась необходимой отправной точкой в работе каждой организации образования и педагога, степенью качества образования. Сохранение здоровья школьников – это важнейшее условие, на которое возлагают надежды все заказчики образовательных услуг. Следовательно, современные учреждения образования обязаны стать еще и местом настоящего взросления, полезным микроклиматом в котором происходит становление благополучных, талантливых и здоровых людей.

В контексте психологической науки, которая начинает исследовать проблему безопасности не только в отношениях с предметной средой (П. А. Ваганов, М. А. Котик, К. Риттельмайер и др.), но и применительно к социальному окружению (Г. В. Грачев, В. А. Дмитриевский, Т. С. Кабаченко, А. Н. Суворов др.), это означает поиск путей снижения уровня психологического насилия во взаимодействии людей (С. Л. Братченко, Н. М. Иовчук, В. Е. Каган, А. А. Северный и др.). Концепцию безопасности государство строит, опираясь на защиту национальных интересов страны, защиту прав ее граждан. Обеспечение национальной безопасности возможно через микроуровни, в частности, через создание психологической безопасности образовательной среды, которая является важнейшим условием социализации подрастающего поколения [1].

Благополучие учебно-воспитательного процесса в организации дополнительного образования и правильное развитие обучающегося возможны только в комфортной и безопасной образовательной среде. В связи с этим встает вопрос о путях создания и поддержания психологически комплементарного климата в организации дополнительного образования. Безопасность является гарантией человеческого развития. Человек, уверенный в безопасности среды, где он пребывает, чувствует себя в ней удобно. По нашему мнению, это способствует созданию условий для саморазвития и самореализации обучающихся.

Социальная ситуация развития, как система взаимоотношений ребенка со взрослыми, сверстниками, к самому себе может содержать определенные психологические угрозы, такие как психологическое давление или психологическое подчинение, психологическое пренебрежение и жестокое обращение [2]. Различают внешние и внутренние источники угроз психологической безопасности. К внешним источникам относятся проблемы межличностных отношений и общений в социуме, интеллектуальные, физические и психоэмоциональные перегрузки, преобладание авторитарного стиля, отсутствие заинтересованности подростком со стороны взрослых, асоциальная семейная микросреда и прочие факторы. К внутренним источникам можно отнести привычки негативного поведения, осознание подростком на фоне других детей своей не успешности, индивидуально-личностные особенности подростка (тревожность, агрессивность, страхи или неадекватная самооценка), наличие особых образовательных потребностей (к примеру, недостатки физического развития), и т.д. Общим же источником угроз психологической безопасности ребенка является информация негативного аспекта, особенно социальных сетей, Интернета, которая вводит ребенка в заблуждение и в мир иллюзий. Поэтому оказание действенной психологической помощи обучающимся в настоящее время становится особенно актуальной задачей.

Все вышеизложенное определило проблему: каким образом можно эффективно организовать работу по созданию психологически безопасной образовательной среды в организации допол-

нительного образования? В связи с этим приоритетным направлением в работе администрации, психолога, всего педагогического коллектива становится создание психологически безопасной и комфортной образовательной среды в рамках дополнительного образования. Содержание дополнительного образования на современном этапе направлено на создание необходимых условий для эмоционально-личностного развития обучающихся, позитивной Я-концепции, удовлетворение индивидуальных потребностей обучающихся в интеллектуальном и личностном развитии [2].

Предвидение и прогнозирование опасностей предполагает знание возможных опасных ситуаций в образовательной среде, ожидание опасностей от окружающих подростка людей и от себя, способность соизмерить ситуацию, предусмотреть возможные последствия при взаимодействии с данной ситуацией.

Под опытом безопасного поведения будем понимать соответствующие знания и навыки, практику выхода из подобных ситуаций, готовность осуществить выбранный вариант поведения. Опыт безопасного поведения, приобретенный в результате успешного преодоления опасной ситуации, позволяет снизить силу отрицательных эмоций, нормализовать психическое состояние, укрепить уверенность в собственных силах, быстрее найти адекватные способы взаимодействия с ситуацией [5].

Стремление человека к психологически безопасному поведению, с нашей точки зрения, включает следующие компоненты:

- ценностно-мотивационный (приоритетность ценностей психологической безопасности, психического здоровья; потребность и желание обучающихся в обеспечении личной и общественной безопасности; мотивация на психологически безопасное поведение, самоподготовку в области безопасности);
- когнитивный (наличие знаний о возможных опасностях социальной среды, о правилах и способах безопасного взаимодействия с окружающими людьми; о формах проявления межличностной и внутриличностной психологической защиты);
- операционально-деятельностный (умения и навыки безопасного поведения; способы психологической защиты; опыт реализации безопасного поведения);
- регулятивный (умения осуществлять психическую саморегуляцию, контролировать свои действия, принимать решения);
- оценочно-рефлексивный (умения осуществлять оценку и рефлекссию своего поведения) [5].

Ориентация и готовность субъекта к психологически безопасному поведению основывается на осознании и принятии психологической безопасности как ценности. Это означает, что в данном случае подросток, переориентируя свою систему ценностно-смысловых установок, не только сам готов к психологически безопасному поведению, но и ожидает того же от других [2].

В зависимости от готовности к психологически безопасному взаимодействию субъект выбирает различные стратегии поведения. Они могут быть как конструктивные, так и пассивные. Конструктивное поведение – это активные действия по устранению травмирующей ситуации, результатом которых является адекватное восприятие действительности [4].

К конструктивным стратегиям психологически безопасного поведения можно отнести стратегию предупреждения опасности, которая позволяет исключить возникновение опасных, психотравмирующих, конфликтных ситуаций со стороны окружающих людей и себя, т.е. предусматривает соблюдение норм, правил безопасного взаимодействия.

В зависимости от целей поведения действия субъекта могут быть направлены на регуляцию собственного эмоционального состояния или на восстановление межличностных отношений. К стратегиям преодоления опасности можно отнести такие типы взаимодействия в конфликтной ситуации, как:

- сотрудничество, которое позволяет преодолеть конфликт с наименьшими потерями для всех участников;
- компромисс, который определяется удачным завершением конфликтной ситуации с минимальным ущербом интересам различных сторон конфликта;

– соперничество, которое предполагает разрешение конфликта в пользу одной стороны и в ущерб интересам другой [3].

К пассивным, неконструктивным стратегиям психологически безопасного поведения можно отнести стратегию избегания опасности, которая основана на исключении взаимодействия с опасностью, предполагает уход от травмирующей ситуации. В конфликтной ситуации стратегии приспособления и избегания являются малопродуктивными, так как не способствуют выходу из конфликтной ситуации, а лишь растягивают ее на продолжительное время или вообще не разрешают.

На наш взгляд, развитие готовности подростков к психологически безопасному поведению предполагает проведение системы психологических занятий и тренингов; групповых дискуссий по вопросам безопасного психологического взаимодействия, ненасильственной коммуникации, последствий психологического насилия для личностного роста; имитационно-ролевых игр, в ходе которых приобретает опыт безопасного поведения в конфликтных ситуациях.

Итак, психологизация образовательной среды в целях сохранения и укрепления здоровья ее участников, создание безопасных условий деятельности в организации дополнительного образования, защита от всех форм дискриминации могут выступать альтернативой агрессивной социальной среде, психоэмоциональному и культурному вакууму. Важным условием здесь является обеспечение психологической безопасности во взаимодействии участников образовательного процесса.

Литература:

1. Баева, И. А. Психологическая безопасность образовательной среды: Теоретические основы и технологии создания [Текст] : автореф. дис. ... док. психол. наук: 19.00.07 / И. А. Баева ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2002. – 44 с.
2. Баева, И. А. Обеспечение психологической безопасности в образовательном учреждении [Текст] : практ. рук. / И. А. Баева, Е. В. Бурмистрова, Е. Б. Лактионова, Н. Г. Рассоха ; под ред. И. А. Бaeвой. – Санкт-Петербург : Речь, 2006. – 287 с.
3. Безопасная школа [Текст] : настол. кн. для рук. и преподавателей образ. учреждений / С. В. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. С. В. Алексеева, Т. В. Мельниковой. – Санкт-Петербург : СПб АППО, 2013. – 280 с.
4. Концепция развития дополнительного образования детей. Утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 сентября 2014 г. № 1726-р [Электронный ресурс] // Правительство России : [официал. сайт]. – URL: <http://static.government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf>. – Проверено: 28.09.2018.
5. Сорокина, Л. А. Безопасное поведение как педагогическая категория [Текст] / Л. А. Сорокина // Основы безопасности жизнедеятельности. – 2008. – № 4. – С. 32–35.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

УДК 75.03

Пяхина Е. Е.

*магистрант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Декоративно-
прикладное искусство и народные
промыслы*

*Науч. рук.: Ирина Николаевна Морозова,
кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

БИБЛЕЙСКИЕ СЮЖЕТЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ XIX В.: К ПРОБЛЕМЕ ЕДИНСТВА И РАЗНООБРАЗИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Религиозно-историческое направление в отечественной живописи XIX в. рассматривается в единстве и разнообразии позиций художников. Показано, что особенностями идейно-смысловой концепции художника определяется разнообразие в подходах к разработке библейской темы.

Ключевые слова: христианство, библейский сюжет, отечественное изобразительное искусство XIX в., художественная традиция, единство и разнообразие

Pyahina E.

THE BIBLICAL TOPICS IN THE NATIONAL ARTISTS' CREATIVITY IN THE SIXTH CENTURY: TO THE PROBLEM OF THE UNITY AND THE VARIETY OF THE ART TRADITION

The religious historic movement of native painting in 19th century Russia is explored in the article in its unity and diversity of the art position. It was shown that the distinct feature of the semantic concept of the artist is defined by the different approaches towards developing the biblical theme.

Keywords: Christianity, biblical story, national painting of the 19th century, artistic tradition, unity and diversity

Религиозные сюжеты в отечественной живописи – обширная, по существу необъятная тема, закономерно привлекавшая внимание как исследователей-современников [2, 5], так и искусствоведов XX в. [3, 4]. В особенности интерес для изучения представляет XIX в. С одной стороны, это время сложившегося, творчески самобытного (в отношении к европейскому) отечественного искусства, с другой – известной отдаленности, свободы в интерпретации исходной для него православной традиции. Наша цель – на подступах к обозначенной теме обратить внимание на некоторых из величайших отечественных живописцев того времени, чьи творческие подходы в понимании христианской, библейской темы различались (в отношении к церковной традиции). Художник, творческие достижения которого встречали всецело положительную (и даже восторженную) оценку от лица православных богословов, священства, писателей [7; 8]), – В. М. Васнецов, определяющийся в качестве основателя национально-религиозного стиля, остается за пределами нашего сообщения, ввиду необходимости особого, специального изучения этой проблемы.

Один из самых масштабных художественных проектов, вызывавший дискуссии, споры, критические оценки – картина «Явление Мессии» (Явление Христа народу) А. И. Иванова [6; 1]. Художник исторического жанра на протяжении более двадцати лет работал над картиной ради создания величайшего в истории отечественной живописи полотна (стремясь передать тот став-

ший поворотным в истории момент, когда человечество оказалось на всемирном перекрестке, перепутье встречи с Богочеловеком). Возражения, в частности, вызывало обращение А. И. Иванова к текстам протестантских теологов в процессе подготовки картины.

В первоначальных эскизах фигура Христа находилась на переднем плане картины. Позднее по совету Н. В. Гоголя художник переместил ее в глубь композиции, а все перво-плановое пространство занял изображением большой группы народа, собравшейся у реки Иордан для крещения. Таким образом, центром композиции, ее связующим звеном между Христом и народом стала фигура Иоанна Крестителя, который обращает внимание людей на идущего им навстречу Спасителя. Естественное построение композиции в конкретной природной среде, в которой изображенная сцена, несмотря на ее религиозный сюжет, воспринимается как реально происходящая; однако это также входило в противоречие с условными канонами академизма.

В соответствии с задуманным грандиозным масштабом происходящего события А. И. Иванов раздвинул пейзажное пространство картины, показав его необъятные дали. Этот новаторский прием расходился с классическими требованиями замкнутой композиции. Смелым решением Иванова было и смещение акцента с фигуры главного героя произведения, как чуда, на изображение волнующейся народной толпы.

После 1848 г., когда композиция картины в основном была выстроена, работа над ней замедлилась. Художнику предстояло решить важнейшую проблему реалистической живописи – объединить изображение фигур и окружающего природного пространства общей световоздушной средой. В результате картина лишилась колористической цельности: ее верхний и нижний пояса, пейзаж и вода, были написаны с учетом пленерных требований, а средняя, основная часть композиции с изображением фигур осталась как бы в безвоздушном пространстве без цветовых рефлексов. Как уже говорилось, в России картина встретила критическое отношение. В частности, со стороны православных богословов задавался вопрос о необходимости присутствия в ней столь многих анатомических подробностей. Александр Иванов намного опередил свое время. Его творческие достижения впоследствии будут высоко оценены и продолжены в искусстве И. Е. Репина, В. И. Сурикова, В. Д. Поленова, Н. Н. Ге.

Религиозные сюжеты занимали особое место в творчестве И. Н. Крамского. Философские размышления художника о смысле жизни отразились в знаменитом полотне «Христос в пустыне» (1872 г.). На первый взгляд религиозное по сюжету произведение может показаться случайным в его творчестве (в особенности, если вспомнить события «академического бунта» 1863 г.). Тему перехода человека от мучительных раздумий к твердому решению И. Н. Крамской убедительно и сильно передал в изображении его осунувшегося лица Спасителя с напряженно сдвинутыми бровями, усталыми глазами, в замечательно найденном жесте рук. Эмоциональное выражение этой темы художник усилил пейзажными средствами через изображение переходного состояния природы, когда холодные сумерки уходящей ночи сменяются ясным солнечным утром. Борьба света и мрака составляет основу всего цветового решения картины: розовые краски наступающего дня и по контрасту с ними серая мгла тающих облаков. И. Н. Крамской художественными приемами воплотил в ней общественно значимую идею торжества добра над злом.

Великая драма человеческой жизни была раскрыта в интерпретации евангельских повествований Н. Н. Ге. Созданные им образы наполнены романтической страстностью, доходящей до экспрессии. Художник был убежден, что высокие нравственные идеалы невозможно выразить в темах современной жизни. В картине «Тайная вечеря» (1836 г.), написанной в Италии после окончания Академии художеств, Н. Н. Ге представил традиционный сюжет как драматический конфликт двух противоположных мировоззрений, добра и зла. Композиция произведения построена на самом кульминационном моменте прощальной сцены Христа со своими учениками. После его знаменитой фразы «один из вас предаст меня» в атмосферу мирной встречи ворвались смятение и тревога. Спокойному задумчивому состоянию Христа и сидящих рядом с ним апостолов художник противопоставил огромный зловещий силуэт изображений на переднем плане против света фигуры уходящего Иуды. Через борьбу светлых и темных красочных тонов он передал тревожное ощущение надвигающейся катастрофы.

В 1870–1880 гг. Н. Н. Ге снова обратился к религиозным темам, став страстным последователем учения Христа с его проповедью любви, всепрощения и непротivления злу. В этот период художник создал цикл картин о страданиях Христа, которые истолковал как апокалипсис человечества. В них он выразил гневный протест против духовного и физического насилия над личностью, что является наиболее сильной стороной его творчества. Художник провел своего героя через испытания унижением, болью и казнью, отказавшись от традиционной героизированной трактовки образа Христа, изобразив его беспомощным, тщедушным, оборванным, но духовно несломленным.

В следующей работе «Что есть истина» (1890 г.) Н. Н. Ге противопоставил холеную фигуру пресыщенного жизнью римского наместника Понтия Пилата с надменными риторическими жестами гонимому и истерзанному Христу, прижатому к стене. Духовное превосходство Иисуса над мирским судьей художник выразил во взгляде оставшегося несломленным, убежденным в своей нравственной правоте Богочеловека. Передаче острого психологического конфликта соответствует и темпераментная живописная манера исполнения, отличающаяся резкой шероховатостью красочного слоя, эскизностью. Этот творческий прием еще более усиливает мысль о попранном человеческом достоинстве. Обратим внимание, что данные особенности подхода Н. Н. Ге как раз и вызывали критические замечания со стороны православных богословов, священства. Это произведение было запрещено цензурой.

В картине «Голгофа» (1893 г.) Н. Н. Ге с потрясающей убедительностью раскрыл состояние неповторимого ужаса человека, обреченного на казнь. С натуралистической точностью он воспроизвел физические и духовные муки Христа. В жесте заломленных в бессильной тоске рук, искаженном страданиями лице, обескровленном измученном теле выражена мысль о пассивной обреченности этого проповедника истины.

Логическим завершением «страстного цикла» Н. Н. Ге стала картина «Распятие» (1894 г.). В ней художник задумал показать психофизическое состояние человека, умирающего на кресте мучительной смертью. Действительно, картина производит жуткое впечатление почти натуралистическим выражением реальной человеческой боли. Голова Христа запрокинута в последнем вздохе, вырывающемся из полуоткрытого рта, потухли глаза, его истерзанное тело корчится в страшных судорогах.

К религиозным мотивам обращался и В. И. Суриков. Свойственный Сурикову углубленный интерес к теме нравственного величия русского народа был претворен им в большом многофигурном полотне «Боярыня Морозова» (1887 г.) через обращение к трагическим событиям отечественной истории середины XVII в. Сюжет картины В. И. Суриков построил на кульминационной сцене, когда закованную в кандалы измученную Морозову везут в санях по московской улице. Прощальным жестом поднятой рукой она призывает не отступать от старой веры. Диагональное решение розвальни разделяют собравшуюся толпу на две асимметричные группы. С правой стороны изображены сочувствующие Морозовой ее сторонники, к которым она обращается, с левой – немногочисленные глумящиеся над ней противники. В многофигурных композиционных поисках Суриков стремился наполнить картину движением. По его замыслу разнохарактерные позы и жесты героев углубляют раскрытие их душевного состояния. Наилучшим образом этот композиционный прием художник использовал в фигурах Морозовой, ее сестры, группы четырех женщин разных возрастов справа, сидящих на снегу нищенки и юродивого. Смысловым, композиционным и живописным центром картины является фигура Морозовой. Ее неистовый образ созвучен восклицанию протопопа Аввакума: «Кидаешься ты на врага аки лев!» В страстном фанатичном взгляде бескровного лица этой героини суриков выразил всепобеждающую силу человеческого духа.

В композиционном плане все перспективные линии картины, взгляды и жесты героев направлены к правой руке Морозовой с православным двуперстием. Черный силуэт ее фигуры также является доминирующим в живописи этого произведения. Во всей картине нет более насыщенного черного цвета, так же как и среди второстепенных персонажей нет ни одного такого светлого лица.

Таким образом, в отечественной живописи XIX в. религиозная тема раскрывалась не только в творчестве художников исторического жанра, но и передвижников, по сути, оставаясь в отношении глубокой, органичной преемственности со всей художественной традицией в целом. Разнообразие идейно-смысловых подходов, акцентов и художественных решений не противоречит исходному духовному основанию – Православию. Обращение к библейским сюжетам актуально и для современного искусства, общечеловеческая проблематика, которую содержит Библия, продолжает оставаться востребованной обществом, в культуре России.

Литература:

1. Алпатов, М. Александр Иванов. Жизнь и творчество В 2 т. / М. Алпатов. – Москва, 1956. – Т. 1. – 419 с; Т. 2. – 335 с.
2. Андреева, А. Эскизы А. А. Иванова из библейской истории / А. Андреева // Мир искусства. – 1901. – № 10. – С. 217–233.
3. Гусакова, В. О. Церковная живопись конца XIX – начала XX вв. Виктор Васнецов и его последователи : автореф. дис. ... канд. искусствоведения : 17.00.04 / Виктория Олеговна Гусакова ; Гос. рус. музей. – Санкт-Петербург, 2005. – 30 с.
4. Дмитриева, Н. А. Библейские эскизы А. Иванова / Н. А. Дмитриева // Искусство. – 1956. – № 5. – С. 50–60.
5. Зуммер, В. М. Система библейских композиций А. Иванова / В. М. Зуммер. – Киев, 1915. – 56 с.
6. Иванов Александр Андреевич: Его жизнь и переписка 1806–1858 гг. [с биогр. Очерком М. П. Боткина]. – Санкт-Петербург : изд. М. Боткина, 1880. – [4], XL, 478, XI с., 14 л. ил.
7. Сикорский, И. А. Богоматерь в художественных произведениях Рафаэля и Васнецова / И. А. Сикорский. – Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1905. – 12 с.
8. Соловьев, И. И. [священник]. Православно-христианская философия в русском искусстве. С выставки религиозных картин В. М. Васнецова / И. И. Соловьев. – Харьков, 1910. – 22 с.

Лю Ян

УДК 75.03

*аспирант кафедры культурологии и
социокультурной деятельности Уральского
Федерального университета им. первого
Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург
Науч. рук.: Людмила Аркадьевна
Шумихина,
доктор философских наук, профессор,
Уральский Федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н.
Ельцина*

ТВОРЧЕСТВО КИТАЙСКОЙ «ШКОЛЫ ХАЙШАН» И РОССИЙСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА ПЕРЕДВИЖНИКОВ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ТЕКСТЫ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОБЛЕМ XIX ВЕКА

На основе анализа живописи «Школы Хайшан» и российского Товарищества передвижников, как художественных текстов культуры XIX в. в семиотической методологии, исследуются особенности этих двух направлений в воспроизведении социальных проблем культуры XIX в.

Ключевые слова: художественные тексты культуры, реализм, Передвижники, «Школа Хайшан», социальные проблемы

CREATIVITY OF THE CHINESE «HAISHAN SCHOOL» AND THE RUSSIAN ASSOCIATION OF THE WANDERERS AS ARTISTIC TEXTS OF SOCIAL AND CULTURAL PROBLEMS OF THE XIX CENTURY

In the analysis of painting «Haishan School» and the russian «Association of the Wanderers» as artistic texts of culture of the XIX century in the semiotic methodology examines the features of these two directions in the reproduction of social problems of culture of the XIX century.

Keywords: artistic texts of culture, realism, «Haishan School», Wanderers, social problems

По мнению Ю. М. Лотмана, искусство зачастую рассматривается как «великолепно организованный генератор» текста культуры [7, с. 21]. Н. А. Симбирцева считает, что текст культуры – это нелинейная последовательность символов, которые образуют целостные высказывания субъекта о культуре, а также отражают совокупный социально-культурный опыт создания и трансляции смыслов и ценностей культуры [7, с. 19]. «В художественных текстах культуры показываются все изменения в социальной и духовной жизни общества, в частности, его бытовой, интеллектуальной, эмоционально-чувственной, культурной, нравственной и философской сферах» [5, с. 131]. Известно, что новые исторические ситуации приводят к переосмыслению китайской нацией прошлого опыта, политические и социальные изменения определяют особенности культуры, приводят к формированию иных представлений об искусстве и осознанию назревшей в нем необходимости перемен.

Возникновение и становление китайской «Школы Хайшан» во второй половине XIX в. было предопределено исторической ситуацией. После Опиумных войн (1840–1842 гг.) Китай вступил в полуколониальный и полуфеодальный мир, который характеризовался упадком национальной власти Китая и внутренними противоречиями внутри страны. После подписания Нанкинского договора (1842 г.) Шанхай стал торговым открытым портом для иностранной торговли и «настоящим форпостом капитализма в Китае» [1, с. 10]. Иностранный капитал усиливал позиции в этом городе, захватывая международные селтльменты (обособленные кварталы в центре крупных городов Китая, сдаваемые в аренду иностранным государствам), которые пользовались правом экстерриториальности и охранялись полицией. Иностранцы грабили и угнетали китайский народ, усиливали бедность и обостряли конфликты. В этот период в Китае начал развиваться капитализм, распространялись классовые противоречия и межэтнические конфликты, постоянно происходили революции.

Во время Тайпинского восстания (1850–1864 гг.) жители города Цзяннань бежали в Шанхай, чтобы сохранить жизнь себе и родным. Помещики, купцы, богатые люди уезжали с большими суммами денег, картинами и музейными редкостями. В итоге Шанхай стал самым большим торговым городом в Цзяннане. Много художников из городов Цзяннань, Янчжоу, Сучжоу, Ханчжоу и Сяо Шань, Чанша, Шаосин, Цзясин также переселялись в Шанхай, своим объединением в одном городе спровоцировав начало формирования самой главной школы китайской живописи второй половины XIX века – «Школы Хайшан». В это же время много иностранных художников жили и трудились в Шанхае. Это были представители американской, японской, европейской культур, повлиявшие на изобразительное искусство, сформировавшие своеобразный мир «Школы Хайшан».

Художники «Школы Хайшан» играли большую роль в китайском обществе обозначенного периода, представляя концепции творчества от старой эпохи к новой, а также формируя своей деятельностью фундамент для объединения китайской и западной культур. Многие из мастеров отстаивали мнение, что живопись должна быть профессиональной (до XIX в. профессии художника), что художник должен интересоваться социальными проблемами и жизнью простых людей. Полотна мастеров живописи были заполнены печалью, горем, идеями социального возмущения и борьбы. Большинство художников родились в семьях низших слоев, они хорошо знали жизнь простых людей и причины их страданий.

Приведем примеры. Так, Чжао Чжицян в своей картине изобразил Чжун Куя со злым взглядом. В китайской народной легенде Чжун Куй является богом, который может прогонять бесов, заклинать злых духов. В Древнем Китае картины с изображением Чжун Куя часто вешали в комнатах для того, чтобы он ограждал от нечистой силы и избавлял от бед. Во время китайского Нового года Чжун Куй представляет собой бога-хранителя входа в жилище (изображается в виде двух божеств, по одному на каждой створке ворот; по суеверию они охраняют дом от нечистой силы и всякого зла). В даосизме он символизирует бога, помогающего в материальном благополучии людям, которые к нему обращаются, и приносит счастье. Образом доброго бога Чжун Куя со злым взглядом художник намекал на темную политику власти и совершенную бесполезность чиновничества для народа. Подобный художественный артефакт не единичен.

Нюйва является одной из великих богинь китайской легенды, богиней сватовства и брака, сестрой легендарного императора Фуси и создательницей человечества. Она починила небосвод и избавила мир от потопа. Жэнь Бонянь в картине «Богиня Нюйва создает камни для починки небосвода» [4, с. 146] показывает образ китайской героини, твердой как камень, сильной, с горячими чувствами к Родине и любовью к народу. Создание картины спровоцировала ситуация, когда после окончания Опиумных войн из-за слабости и беспомощности правительства династии Цинь иностранные державы вторглись в Китай и патриоты горели ненавистью к ним, стремились спасти народ, подобно богине Нюйве.

Еще одна социальная проблема эпохи отражена в картине «Сочинять стихи, сидя верхом на осле» [4, с. 130] Жэнь Боняня. Печаль поэта и верность его осла вместе составляют глубинный смысл этой картины. Так говорил Чжэн Цисун династии Тан: «Сочинять стихи, сидя верхом на осле в ветреную и снежную погоду». Писатель Цянь Чжуншу (1910–1998 гг.) сказал: «Осел – это специальный верховой конь для поэтов». Гений поэзии Ду Фу, поэт династии Тан, часто сочинял стихи, сидя верхом на осле, т. к. считал, что тряска при верховой езде способствует рождению поэтических строк. Ду Фу за всю жизнь написал множество стихотворений, которые показывают заботу о судьбе страны и о жизни народа. Картиной «Сочинять стихи, сидя верхом на осле» Жэнь Бонянь отсылает к поэтическим образам древней истории Китая Ли Хэ (династии Тан), в которых отражалась эксплуатация народа. Большинство стихотворений Ли Хэ выражают печаль рождения «под несчастливой звездой», стремление к мечте и идеалам; в его стихах рассказывается о многих социальных проблемах: власть государства в чужих руках (евнух узурпирует власть), упадок могущества государства, жестокая эксплуатация народа. С помощью образов поэтов Ли Хэ и Ду Фу художник Жэнь Бонянь выражает внутреннюю тоску и заботу о судьбе страны и народа XIX в.

В картине «Су Ши пасёт овец» (Су Ши – поэт династии Сун) Жэнь Боняня передается трагедия жителей города, в который вторглись иностранные войска. С помощью исторического образа народа, который переживает за родной край, автор рассказывает о своей любви к Родине и народу. Он надеется на то, что его Родина будет независимой и сильной [4, с. 142].

В картине Жэнь Боняня «Ткачиха» показана бедная жизнь народных низов, чувствуется любовь и сочувствие художника народным бедам.

Таким образом, представители Школы «Хайшан» доказали глубокое социальное значение своей деятельности. Они начали применять в своем творчестве теоретические основы западного искусства, европейский реалистический метод в живописи, проявляли себя в детальном изображении быта людей. В итоге такая ситуация привела к становлению нового направления в истории китайской живописи. Такая трансформация традиционной китайской живописи вследствие симбиоза с традициями западной культуры позволяет говорить об аккультурации, когда в результате переосмысления происходит наложение на китайскую живопись традиций разных культур, наблюдаются синтез и появление нового образца культуры [6, с. 251].

Аналогично творчеству китайской «Школы Хайшан», русское Товарищество передвижников выражало остроту социальных проблем XIX в. в России. И. Н. Крамской и В. В. Стасов были руководителями художественной мысли этого Товарищества. Передвижники считали, что задачи художников не должны быть сведены к несуществующей красоте, должны не приукраши-

вать реальную жизнь, но воспроизводить ее. Живописцы должны взять на себя ответственность за воспитание людей, работать в направлении «искусства народов России».

Передвижники в своем творчестве поднимали и раскрывали социальные проблемы простого народа, своими произведениями отражали демократические настроения в стране, реалистично показывая состояние российского общества и культуры. В творчестве И. Репина, к примеру, рассказывается о бедственном положении трудового народа, процветании жадного монашества; образы новых помещиков и капиталистов говорят об их обогащении любыми путями; образы революционеров убеждают в их стремлении улучшить жизнь бедных людей. Творчество И. Репина демонстрирует сочувствие русскому народу и обвиняет феодальный гнет. В частности, картина «Бурлаки на Волге», являющаяся одной из самых известных в мире, созданная под влиянием одноименного произведения Н. А. Некрасова, показывает силу народного духа, несломленность даже в тяжелейших испытаниях. В портрете «Протоиерей» И. Репин создал образ яркого типажа духовенства – жадного и грубого представителя православной церкви XIX в. Картина «Крестный ход в Курской губернии» написана в духе русской реалистической школы живописи второй половины XIX в. В картине И. Репин на основе изображения религиозных обрядов и обычаев показывает представителей различных социальных слоев и статусов тогдашней России, рисует классовое расслоение в переходный период к капитализму. Изображая вбитые дубовые сваи на горе, художник доносит зрителю мысль о том, что новые помещики и капиталисты с целью обогащения не щадят не только людей, но и природу, нанося ей непоправимый вред.

И. Репин создал много произведений о народных революционерах 1870-х гг., которые готовы были умереть за свои идеи. Одними из самых ярких работ «революционной» серии И. Репина являются картины «Не ждали», «Арест пропагандиста», «Отказ от исповеди». В герое картины «Не ждали» как будто отразилась судьба народничества, его дилемма: чем ожесточеннее становились идеи и действия народничества, тем яснее обнаруживался его кризис. И. Репин сочувствовал народничеству но, одновременно, был художником-реалистом и глубоко мыслящим человеком, сумевшим в своем творчестве передать потерю связи с народом представителей революционного движения.

В произведениях И. Репина был широко представлен также быт крестьян, купечества, царского окружения, чиновников, представителей интеллигенции, духовенства, что является художественными текстами культуры XIX в. и рассказывает о кризисной ситуации в обществе.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что в художественных текстах культуры Китая XIX в., появившихся как направление с **реалистическими особенностями** у представителей «Школы Хайшан», присутствуют образы и символы существующей реальности, свидетельствующие о национальных интересах художников и социальных проблемах. А творчество передвижников как реалистическое направление является объективной фиксацией действительности, изображающей социальные проблемы удивительно точно и реалистично.

Литература:

1. Вэнь, Цунжу. Европейские влияния в архитектурно-градостроительном развитии Шанхая: 1840-е – 1940-е гг. : автореф. дис. ... канд. архитектуры : 05.23.20 / Вэнь Цунжу ; [Место защиты: Санкт-Петербург. гос. архитектур.-строит. ун-т]. – Санкт-Петербург, 2011. – 18 с.
2. Лю, Цзяньпин. Сборник «Школа Хайшан» / Лю Цзяньпин. – Тяньцзинь, 2002. – 134 с.
3. Лю, Ян. Творческое наследие И. Н. Крамского как художественные тексты России XIX в. / Лю Ян, Л. А. Шумихина // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2018. – № 2 (174). – С. 131–138.
4. Мартынова, Е. И. Двусторонность как сущностная характеристика процесса аккультурации (на артефактах художественной культуры и письменности Киевской Руси) / Е. И. Мартынова, Л. А. Шумихина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – Т. 113. – № 2. – С. 149–156.
5. Симбирцева, Н. А. Тексты культуры: специфика интерпретации : автореф. дис. ...док. культурологии : 24.00.01 / Наталья Алексеевна Симбирцева ; [Место защиты: Урал. федерал. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина]. – Екатеринбург, 2017. – 45 с.

*кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

О ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ И. Э. ГРАБАРИ «ИСКУССТВО В ПЛЕНУ»)

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье рассматриваются основные положения, идеи художественно-эстетической концепции И. Э. Грабаря о преемственности стилей в западном классическом искусстве, особенностях «нового» искусства в XX в., изложенные теоретиком, практиком отечественного искусства в книге «Искусство в плену».

Ключевые слова: Грабарь И. Э., «Искусство в плену», классическое искусство, традиция, модернизм, беспредметное искусство

Morozova I.

ON THE SPIRITUAL TRADITIONS IN RUSSIAN ARTS' STUDIES (ON MATERIALS OF THE BOOK «THE ART INTO CAPTIVITY» BY I. GRABAR)

The article deals with the basic positions, ideas of the art-aesthetic conception by I. Grabar on the continuity of styles in Western classical art, the peculiarities of the «new» art in 20th century, outlined by the theorist and practitioner of Russian art in the book «Art in Captivity».

Keywords: I. Grabar, «Art in Captivity», classic art, tradition, modernism, the objectless

Игорь Эммануилович Грабарь – отечественный художник, реставратор, музеевед, искусствовед, автор первой «Истории русского искусства» (изданий в пяти и в двенадцати томах) – не нуждается в представлении. В 20-30-е гг. XX в. И. Э. Грабарь, в общей сложности около полутора лет выезжая из советской России в страны Европы и Америки (его первые поездки за границу были в 1893 г., 1895 г.), имел возможность погрузиться в западное классическое и современное искусство. Во многом по итогам этих путешествий и была написана книга «Искусство в плену», достаточно редко упоминаемая в современных теоретических изданиях по эстетике и теории искусства. Полагаем, что этот текст не потерял своей актуальности и в наши дни, для современного отечественного искусствознания.

Основной пафос книги выходит за рамки тотальной критики «нового» искусства (как было принято в традициях советской идеологии). В «Искусстве в плену» И. Э. Грабарем приводятся глубокие (по своей «источности») и в то же время конкретные обоснования связей, преемственности в зарубежном искусстве, внутренней органики художественных стилей и направлений, преодолевающих естественные географические пределы стран и континентов. Свой труд И. Э. Грабарь расценивал и как предостережение отечественному искусству, его зрителям. Если, писал он, выводы книги «...прозвучат для читателя некоторым предостережением, если, посещая выставки и просматривая журналы с воспроизведением картин и скульптур наиболее левых художников, читатель почувствует, что его иногда околпачивают не просто из озорства (это бы еще с полбеды) и не из соображений чисто художественного порядка, а из побуждений наживы, причем главную роль здесь играют даже не сами художники, а стоящие за их спиной и командующие ими спекулянты, то цель этой книги будет достигнута» [1, с.12]. Приведем далее, в соответствии с содержанием книги, некоторые из идей автора, показавшиеся нам наиболее интересными сегодня.

В разделе, посвященном искусству Германии, И. Э. Грабарь поднимает вопрос о причинах художественной уникальности и одаренности народов. «Каждой здоровой и одаренной нации, – пишет он, – в силу не выясненных еще пока законов зарождения и эволюции художественных идей и форм, выпадает на долю осуществление той или иной новой мысли в области искусства, на протяжении веков попеременно захватывающей человечество и ставящейся на очередь. Есть страны, производящие художественные ценности, и есть страны, потребляющие их» [1, с. 14]. В мироощущении послевоенной Германии, констатирует автор, распространенным было так называемое «чувство меньшей значимости» [1, с. 19]. Однако по его утверждению, восприятие достижений немецкой художественной культуры как не столь значимых может быть опровергнуто творчеством живописцев Г. Маре и В. Лейбль [1, с. 27], которые, как заметил И. Э. Грабарь, были скорее близки французскому художественному типу. Произошедший в Германии после войны всплеск интереса к творчеству этих художников уже сам по себе свидетельствовал о переменах в сложившихся стереотипах музееведов и искусствоведов страны.

В начале XX в. эпицентром, законодательницей моды в современном искусстве (с XVIII в.) продолжала оставаться Франция. В отличие от французского, немецкий модернизм отличился экспрессионизмом (менее известным во Франции, хотя и образованным из «жестокой мешанины всех французских измов») [1, с. 30]. Интересно, что истоки и основания немецкого экспрессионизма связываются И. Э. Грабарем с В. Кандинским, около четырех десятилетий прожившим в Германии (что подчеркивает интернациональность экспрессионизма) [1, с. 37].

Обращаясь к содержанию понятия «новое искусство» (образующим ключевую идейную канву книги), И. Э. Грабарь замечает, что теоретические построения на этот счет вряд ли «...как бы хитроумны они ни были, помогли распутать этот безнадежно спутанный клубок, который представляет собою множественность и разноречивость современных художественных течений» [1, с. 31]. В искусствоведческом рассмотрении главным остается уяснение сокровенного смысла «великих и малых художеств прошлого и настоящего» [там же, с. 31]. Понятие «модернизм» само по себе отличается изменчивостью, поскольку то, «...что было современным в 1900 году, уже не современно сейчас, а что является новейшим искусством для нас, будет через двадцать лет устарелым» [1, с. 32].

Как феномен музейной практики в 20-30-е гг. XX в. И. Э. Грабарь отмечает появление музеев новейшего искусства, одновременно ставя перед читателем вопрос для размышлений: «Хорошо ли это? Выгодно ли массовому посетителю?». Как особенность современной музейной экспозиции он выделяет ее непостоянство, изменчивость, тот факт, что ее разработчики акцентируют внимание зрителей каждый раз на разных идеях. Правильным же решением вопроса, полагает отечественный искусствовед, был бы исторический подход, позволяющий проследить последовательную эволюцию художественных стилей с древности до современных дней [1, с. 50]. К опасностям современной музейной практики И. Э. Грабарь также относит распространенность убеждения в «равноценности и равноправии старого и нового искусства» и мнения, что можно признать одинаковую ценность «всей новейшей художественной продукции» [там же]. Трудно удержаться, чтобы не привести образную, эмоциональную оценку таких современных ценителей искусства из уст И. Э. Грабаря: «Я наблюдал этих людей, – пишет он, – на выставках, видел, с каким презрением они отворачиваются от отличных вещей только потому, что они не подходят по своему скромному языку ни к одному из утвержденных «измов» и, наоборот, восторгаются невероятной пошлостью, преподнесенной каким-либо ловким шарлатаном модернизма» [там же, с. 50].

В трактовке И. Э. Грабарем современного ему художественного процесса важно положение о значении «экспорта» художественных идей и произведений (преимущественно, из Франции), совершаемого «...не кругами созидателями, а кругами воспринимающими и разъясняющими», потребителями искусства (в том числе, коллекционерами и торговцами различного рода) [1, с. 31]. Современную живопись отличает воспроизведение реального мира «... не просто преобразованным индивидуальным восприятием, как передавали все подлинные художники от Микеланджело до Ван Гога включительно, а слегка намеренно искаженным» [1, с. 56; об искажении, а не преобразовании природы, см. также 1, с. 115]. Итак, современное И. Э. Грабарю беспредметное искусство не преображало, но искажало мир, его творческое преображение уступило место де-

формации. Непреодоленным недугом современного искусства, по мнению автора, осталась «фотогорафобия» и, как следствие, «...принесенные некогда ей в жертву строгий рисунок и ясная форма продолжают оставаться в загоне, ожидая дня своего восстановления в правах. Пока же своеобразная «болезнь левизны» свирепствует в искусстве Германии и в кругах, это искусство направляющих и потребляющих» (вопреки происходящему «поправлению» лидеров современного модернизма, поворота к «новому реализму и «новому романтизму» [1, с. 57, 115]. Подчеркнем, что при столь критичных оценках современного ему искусства И. Э. Грабарь не призывал к возврату в «вечность бездушного академизма» [1, с. 116], но (дадим слово самому автору книги) спокойно констатировал: «Да, я всецело за правое и даже академическое искусство, если это Гольбейн, Ватто, Клод Лоррен, Давид, Энгр, Шарден и Шассерио; я от всей души за правое реалистическое искусство, если это Питер Артсен, Жерико, Рембрандт, Вермеер Дельфтский, Веласкес, Франс Гальс; я за Милле, Курбе, Мане, Моне, Ренуара и Дега, за Маре и Лейбля; да, я за левое искусство, если это Эль Греко, Тулуз-Лотрек, Сезанн, Ван Гог, ранний Пикассо, но столь же решительно против крайностей кубизма, пуризма и прочих «измов», застилающих красоту природы и человека. Я не зову назад, к реакции, а зову вперед, ибо верю и знаю, что Вермеер и Гальс все еще впереди нас, а не позади, что их искусство для нас все еще незаменимая путеводная звезда, на которую надо ориентироваться, чего бы это ни стоило. И чем скорее, тем лучше» [1, с. 116]. Как видим, в многоцветье, идейно-стилевом разнообразии современной художественной жизни слова известного нашего историка искусства, художника, реставратора И. Э. Грабаря звучат актуально. Великое в искусстве современности заключено не в безудержной погоне за цвето-, формоэкспериментами, ради них самих, а в таком преображении природы, которое было бы исполнено во имя Смысла, Духа, Человека, Культуры, Мира.

Имеет значение для нашего времени и своего рода «переходность» личности И. Э. Грабаря. Этот человек, будучи младшим современником И. Е. Репина, И. И. Левитана, В. А. Серова активно участвовал после революции в построении советской художественной культуры. Идеи, высказанные в «Искусстве в плену» представляют специальную ценность для отечественного искусствознания, позволяя «перебросить мосты» между сменившимися друг друга дореволюционным и советским этапами в последнем, усмотреть в нем духовную преемственность искусства России, как единой целостности.

Литература:

1. Грабарь, И. Э. Искусство в плену / И. Э. Грабарь. – Ленинград : Художник РСФСР, 1971. – 144 с.

УДК 75.04/05

Юрнаева А. С.

*магистрант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Декоративно-
прикладное искусство
и народные промыслы*

*Науч. рук.: Ирина Николаевна Морозова,
кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ИЗОБРАЖЕНИЕ ТРУДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ XIX В.: ОБ ИСТОКАХ ЖАНРА

В статье рассматриваются произведения художников, изображавших трудовую деятельность крестьянства. Прослеживаются основные особенности в изображении темы труда в рамках бытового жанра.

Ключевые слова: человек труда, отечественная живопись XIX века, труд, А. Г. Венецианов, В. А. Тропинин, К. П. Брюллов

THE IMAGE OF WORK IN RUSSIAN PAINTING OF XIX TH CENTURY: ON THE GENRE'S ORIGINS

The article deals with the theme of labor in the domestic art of XIXth century; the works of artists showing the work activity by peasants. There traced the main features in the representation of the work's theme into the genre painting's context.

Keywords: the working man, the domestic paintings of XIXth century, work, A. Venetsianov, V. Tropinin, K. Bryullov

Социокультурный фон отечественного искусства первой четверти XIX в. был сформирован патриотическим подъемом, вызванным Отечественной войной 1812 г., настроениями в обществе, связанными с движением за освобождение крестьян, восстанием декабристов 1825 г. Это время характеризуется динамикой изменения стилей: классицизм уступает место романтизму, начинает складываться самостоятельная реалистическая школа [1, с.166]. В истории отечественной живописи становление реализма было новаторским процессом, связанным с появлением и разработкой неизвестных прежде тем. Тема труда основательным образом изучалась и была раскрыта в отношении к советскому искусству [см., например, 5; 6; 7; 10; 12]. В то же время вопрос об истоках последней (в широкой исторической перспективе), по существу, в искусствоведении не ставился [см., например, 11]. Изображение труда в отечественной живописи было связано, прежде всего, с народным сословием (применительно к аристократическому классу труд воспринимался как забава, средство развлечения, например, «Портрет П. А. Демидова» Д. Г. Левицкого, 1773 г.).

Историко-культурный подход применялся, например, к изучению истории образов крестьянских детей в русской живописи 1870–1939 гг. Внешние характеристики крестьянских детей, приближаясь к советскому времени, существенным образом изменились, «...дети изображаются опрятными, как правило, веселыми, жизнерадостными, что было <...> результатом не только стремления приукрасить советскую действительность, но и действительных изменений в жизни крестьян» [2, с. 14].

В современном же искусствоведении труд занимает далеко не столь почетное место (в немалой степени и ввиду господства идеологии потребления). Предпримем попытку обозначить некоторые значимые акценты в истории изображения труда в отечественной живописи XIX в., в процессе становления бытового жанра.

Вначале кратко скажем о зарождении бытового жанра в истории мировой и отечественной живописи. В европейском искусстве картины, которые могут быть отнесены к «бытовой» живописи, появились в эпоху Возрождения. В XVII–XIX вв. на полотнах М. Караваджо, «малых голландцев», Д. Веласкеса, У. Хогарта, Ж. Шардена, Г. Курбе, М. Милле зрителю открывается мир обыденных вещей и событий, быт простого народа, занятия крестьянским трудом. В отечественном академическом художественном образовании жанровая живопись долгое время не получала должного внимания и развития. Можно отметить лишь некоторые произведения, которые могут быть расценены как жанровые: И. И. Фирсов «Юный живописец», 1760 г.; М. Шибанов «Крестьянский обед», 1774 г.; В. Эриксен «Столетняя царкосельская крестьянка с семьей», 1768 г. В XVIII в. значимо для развития жанровой живописи творчество И. А. Ерменева (например, акварели из жизни крестьян). «Жанристы» в России появились лишь в XIX в. Безусловно, оказало влияние на отечественную живопись искусство бытового жанра на западе. В качестве примера можно привести В. Г. Перова, немислимого, по выражению И. Э. Грабаря, без Курбе [4, с. 92].

В XIX в. проявления раннего реализма в отечественной живописи связаны с творчеством В. А. Тропинина (1776–1857 гг.) [1, с. 223]. На полотнах художника представлены разные сословия: дворяне, купечество, крепостные крестьяне, дворовые, ремесленники. Интерес вызывают произведения, в которых изображаются люди, занятые повседневным трудом, в окружении привычных для них предметов быта, например, принесшая автору звание академика «Кружевница»

(1823 г.), «Золотошвейка», «Белошвейка» (около 1835 г.) и др. Портреты такого рода являются сюжетными картинами, что может рассматриваться как преддверие бытового жанра в отечественной живописи. В. А. Тропинин создал основания для образования самостоятельной московской живописной школы с ее тенденцией к жанрово-бытовой тематике.

В 30-50-е гг. XIX в. развитие бытового жанра как «крестьянской темы» связано с творчеством А. Г. Венецианова. В самом начале творческого пути художник обращался к портрету, создавая образы, близкие к романтизму. Позднее им создавались бытовые зарисовки и наброски, карикатуры, в которых главными героями были народные персонажи. На рубеже 10–20-х гг. XIX в. происходит поворот Венецианова к крестьянской теме (что было связано и с изменениями в его жизни, в частности, с переездом в имение в Тверской губернии). Лучшие работы были созданы в 1820-е гг.: «Гумно» (1822–1823 гг.), «Девушка с бурачком» (1824 г.), «Спящий пастушок» (1824 г.), «На пашне. Весна», «На жатве. Лето» (первая половина 1820-х гг.). Сюжеты к своим произведениям А. Г. Венецианов брал из повседневности, крестьянского быта (работа в поле, чистка овощей и др.). Художник писал портреты крестьян, стремясь показать гармонию крестьянского бытия, обнаружить поэзию в самих основах жизни современной ему деревни. Как правило, в картинах А. Г. Венецианова нет развития сюжета. Действие, которое он передавал, односложно, в нем почти не проявляется конфликтность. Человек предстает в окружении природы, в единстве с ней.

А. Г. Венецианов известен педагогической деятельностью, созданием школы, внесшей значительный вклад в отечественную живопись (например, творчество А. В. Тыранова, Е. Ф. Крендовского, К. А. Зеленцова, А. А. Алексева, С. К. Зарянка, Л. К. Плахова, Н. С. Крылов и др.) [3, с. 74]. «Крестьянская тема» начала занимать важное место в изобразительном искусстве XIX в. в России (например, картины К. Е. Маковского «Крестьянский обед во время жатвы», Жница», «Девушка со снопом»).

Во второй половине XIX в. для художественной культуры России важны события, происходившие в 1860–90-е гг. Отмена крепостного права означала начало иного, капиталистического пути развития. Безусловно, случившиеся перемены в промышленных, экономических, социальных отношениях повлекли за собой возникновение новой художественной стилистики. Начало 1860-х гг. определялось ярко выраженной критической направленностью отечественного искусства того времени [8, с. 7]. Произведения художников были наполнены переживанием неблагополучия, несправедливости жизни, предвидением необходимых и неизбежных кардинальных социальных изменений. В художественную культуру России проникли принципы реалистичности, обуславливая возникновение существенно иных идей. В 1860-х гг. отечественные художники начали ориентироваться на правдивое, непосредственное отражение событий в жизни людей, отмечали их связь с ежедневным кругом забот, интересов, устремлений и переживаний. Стремление через тревоги людей передать актуальный момент развивало у авторов восприимчивость художественной формы.

70-е годы XIX в. отмечены укреплением позиций демократического направления в отечественной живописи. В произведениях В. М. Максимова «Семейный раздел» (1876 г.), «Все в прошлом» (1889 г.) предстают сцены из крестьянской жизни пореформенной России. В картине Г. Г. Мясоедова «Страдная пора» (1887 г.) акцент сделан на красоту труда, что сближает подход художника с оптимистической, праздничной трактовкой крестьянского быта у Венецианова. Интерес к раскрытию «крестьянской темы» проявляли и представители «нового» искусства начала XX в. (например, «крестьянские циклы» З. Е. Серебряковой, входившей в то время в «Мир искусства»; Н. С. Гончаровой, представительницы лучизма).

В конце XIX – начале XX в. в изображении темы труда появился новый герой – рабочий люд (произведения В. Г. Перова, И. М. Прянишникова, А. К. Саврасова, К. А. Савицкого, Н. А. Ярошенко). Немалую роль в развитии бытового жанра сыграл Н. А. Ярошенко (1846–1898 гг.). Художник вступил в Товарищество передвижников, участвовал в шестой передвижной выставке. «Тесная связь с кругами народнической интеллигенции воспитала в Ярошенко ту социальную чуткость, которая позволила ему не только стать одним из наиболее проникновенных воплощений «скорбной» темы в искусстве, но и отразить зреющие в недрах русского общества но-

вые силы, внушающие надежду на возможность противостояния господству тьмы, мрака и невежества» [9, с. 245].

На рубеже XIX–XX вв. художники вели активный поиск новой тематики, стараясь показать изменение традиционного уклада жизни России (одновременно, конечно, признавая классическое передвижничество, его традиции и результаты). Так, А. Б. Архипов в своем произведении «Прачки» (1901 г.) использовал обобщенно-эскизную манеру письма, благодаря чему появляется иллюзия захваченного и перенесенного на холст момента из жизни девушек.

Целый ряд произведений теме труда и жизни рабочего класса посвятил Н. А. Касаткин. Одна из самых известных и значительных его работ – картина «Углекопы. Смена» (1895 г.). В этом произведении прослеживаются традиции реализма передвижников Н. А. Ярошенко («Кочегар», 1878 г.) и И. Е. Репина («Бурлаки», 1870–1873 гг.). В картине «Кочегар» впервые был изображен новый социальный класс, пролетарий, со становлением и развитием которого собственно и будет связано дальнейшее развитие темы труда в отечественном изобразительном искусстве. Новым в художественной концепции труда Н. А. Касаткина было изображение рабочего класса, который в состоянии защитить свои интересы.

К концу рассматриваемого периода своеобразие русской художественной школы выразилось в концентрации творческих проблем вокруг наиболее противоречивых факторов жизни общества, освещении социальных проблем посредством художественного творчества. Общее движение к правде жизни, которым отмечена вся художественная культура рассмотренного периода, словно пробивало себе путь через разные стилевые направления, предвещая решительный скачок к зрелому реализму, который произошел в середине века. В рамках реализма XIX в. окончательно оформился образ труда, в первую очередь как труда подневольного, труда закрепощенного народа. Изображение условий включенности в работу становилось все более абстрактным, оставляя человека в положении элемента бездушного механического процесса. В то же время возникают и новые смыслы в изображении рабочего класса, предвещающие изменения в понимании труда, произошедшие с революцией, в советский период. Изображение темы труда в отечественной живописи XIX в. находилось в отношении преемственности с дальнейшим ее развитием в истории отечественного изобразительного искусства XX в.

Литература:

1. Алленов, М. М. История русского и советского искусства / М. М. Алленов, О. С. Евангулова, В. А. Плугин. – Москва : Высш. шк., 1989. – 448 с.
2. Алиева, Л. В. Трансформация образов крестьянских детей в русской живописи 1870–1939 гг. / Л. В. Алиева, О. Ю. Трифонова / Музей и дети : материалы всерос. науч.-практ. конф. 25–27 марта 2016 г. / М-во образования и науки Рос. Федерации, Псков. гос. ун-т, Автоном. некоммерч. орг. «Пушкинский образовательный Центр» – Псков : Псков. гос. ун-т, 2016. – С. 3–19.
3. Бенуа, А. Н. История русской живописи в XIX в. / А. Н. Бенуа. – Москва : Республика, 1995. – 448 с.
4. Грабарь, И. Э. Искусство в плену / И. Э. Грабарь. – Ленинград : Художник РСФСР, 1971. – 144 с.
5. Куликова, И. В. Образ человека труда в советской живописи 50-60-х гг. / И. В. Куликова // Культура, наука, образование: влияние на нравственное развитие общества : сб. докл. Междунар. науч. конф. «XXXVIII Добролюбовские чтения», Междунар. науч.-практ. конф. «Мемориальные музеи России: мир, миф и миг действительности», Всерос. науч.-практ. конф. «Взаимодействие государства, церкви, общества и семьи в воспитании молодого гражданина и патриота» / М-во культуры Нижегород. обл., Департамент культуры администрации г. Нижнего Новгорода, Гос. литературно-мемориал. музей Н. А. Добролюбова [и др.]. – Нижний Новгород : Издатель Гладкова, 2014. – 391 с.; с. 207–215.
6. Логинова, З. И. Достижения послевоенной живописи в отображении труда советского периода (1946–1951 гг.) : автореф. дисс. ... канд. искусствоведения / Зоя Ивановна Логинова ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС, каф. теории и истории искусств. – Москва : [б. и.], 1953. – 14 с.
7. Полищук, Э. А. Тема труда в советской живописи / Э. А. Полищук. – Москва : Знание, 1970. – 45 с.
8. Ракова, М. М. Русское искусство первой половины XIX в. / М. М. Ракова. – Москва : Искусство, 1975. – 239 с.
9. Сарабьянов, Д. В. История русского и советского искусства / Д. В. Сарабьянов. – Москва : Высш. шк., 1989. – 448 с.

10. Соседова, М. К. Тема труда в русской советской живописи (1917–1953 гг.) : автореф. дис. ...канд. искусствоведения / М. К. Соседова ; Ин-т истории искусств Акад. наук СССР. – Москва : [б. и.], 1954. – 15 с.
11. Тимофеева, Е. Н. Тема труда в изобразительном искусстве / Е. Н. Тимофеева, М. В. Добрынина / Научное сообщество студентов : материалы X Междунар. студ. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 17 июня 2016 г.) / редкол. О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : Интерактив плюс, 2016. – С. 30–32.
12. Честнова, Р. П. Художественные тенденции воплощения темы труда в белорусской советской живописи : дис. ...канд. искусствоведения : 07.00.12 / Раиса Петровна Честнова. – Минск, 1985. – 179 с.

Попков Д. М.

УДК 75.04/.05

*магистрант Челябинского
государственного института культуры по
направлению подготовки Декоративно-
прикладное искусство и народные
промыслы*

*Науч. рук.: Ирина Николаевна Морозова,
кандидат культурологии, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ПЕЙЗАЖ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖИВОПИСИ: ОПЫТ СОВРЕМЕННОЙ ИСКУССТВОВЕДЕЧЕСКОЙ АНАЛИТИКИ ЖАНРА

В статье рассматриваются основные этапы становления пейзажа в отечественной живописи XVII – XX вв. Названы ведущие художники каждого из направлений, определивших вектор развития отечественной школы пейзажа.

Ключевые слова: пейзаж, отечественная живопись, эволюция пейзажа

Popkov D.

THE LANDSCAPE IN RUSSIAN PAINTING: ON CONTEMPORARY ART'S ANALYTIC

The article regards the main periods of the formation of the Russian landscape of the 17th–20th centuries; the key artists from each of directions defined the vector of development of the national school of landscape.

Keywords: the landscape, painting in Russia, the origins, the formation, the landscape's evolution

История пейзажа в отечественной живописи во всем многообразии аспектов и направлений изучения данной темы разрабатывается в фундаментальных монографических, диссертационных исследованиях, озвучивается на конференциях с последующей публикацией их материалов, представляется на выставках союзного, регионального масштаба [11; 21; 23; 24; 26]. Изучение пейзажа XIX в. в разных его измерениях, как сложившееся исследовательское направление [9; 11; 13; 17; 22] дополнено работами относительно общих и достаточно конкретных тематических подразделов в освоении пейзажа XVIII в. [3; 8; 25], нечасто соотносимо с пейзажем стилевых направлений XX в. [18].

Тема пейзажа в отечественном искусствоведении находится в состоянии определенного подъема. Кроме комплексного, целостного подхода к феномену русского пейзажа [7; 10; 20], разрабатываются аспекты: исторический, мифологический пейзаж [6; 19]; осенний пейзаж [5]; городской пейзаж [16; 29]; особенности западноевропейского влияния на отечественный пейзаж [10; 14; 15]; композиционные, методические приемы отечественных живописцев [4; 17; 28]. Опираясь на научно-исследовательские, научно-популярные тексты, материалы художественно-

выставочной практики первой декады XXI в., обозначим основные векторы истории данного жанра в отечественной живописи, перспективы продолжения темы в аспекте региональных его вариантов.

В отечественном изобразительном искусстве фрагментарно пейзаж присутствовал в иконописи. Традиционные условные приемы изображения пейзажа на иконе (как фона) преобразуются в XVII в. в новые композиционные формы, что становится основой для формирования в дальнейшем жанра пейзажа в светской российской живописи [8].

Как известно, в эпоху Петра I происходит появление изображений Петербурга (художники М. Г. Земцов, А. Ф. Зубов); во время правления Елизаветы создается атлас гравюр города на Неве (М. И. Махаев) [см. о значении гравюры: 26]. В XVIII в. состоялись художники Семен Щедрин, М. Иванов, Ф. Алексеев, творчество которых стало основой для развития отечественного пейзажа в XIX в. [2, с. 85, 87]. А. Н. Бенуа в своей работе «История русской живописи в XIX в.» обращал внимание на такую появившуюся особенность произведений, созданных художниками в гравировальном классе Академии художеств, как простоту в изображении природы и задушевность. «Уже работы Щедрина павловских времен, – писал А. Н. Бенуа, – отражали это веяние, в Иванове оно сказалось еще более, наконец, лучший ученик гравировального класса Галактионов создал целое направление, отличающееся именно этим простодушным и задушевым характером» (сердечность проявлялась и у А. Е. Мартынова) [там же, с. 89]. Изображения людей на картинах художников (например, С. Ф. Щедрина, М. М. Иванова) являлись «стаффажем», дополнением общего фона; в то время как более значимы они были в произведениях Ф. Я. Алексеева, С. Ф. Галактионова [там же, с. 91]. Особое значение и место в начальном этапе становления пейзажа в России занимает племянник Семена Щедрина, Сильвестр Щедрин, создавший за свою недолгую жизнь множество замечательных полотен, подчеркнувших самостоятельность пейзажа (например, серия «Новый Рим. Замок святого Ангела»). Человек на картинах С. Ф. Щедрина воплощается во всем многообразии своих отношений с природой, миром, как активно действующая личность.

В XIX в. пейзаж выходит за рамки архитектурно-ландшафтной живописи. Безусловно, невозможно перечислить всех из тех художников, чье творчество стало знаковым в истории отечественного пейзажного жанра. Пейзаж продолжает свое развитие в разных стилевых концепциях (например, тенденции к романтизму у М. Н. Воробьева; пейзаж в традиции академической школы у В. Д. Орловского, Г. И. Семирадского и др.). Академическая школа, по существу, преобладала с 1820-х по 1860-е гг. (А. Н. Бенуа называет это течение Воробьевской школой) [там же, с. 298]. Национальный стиль для отечественного пейзажа соотносится с произведениями А. Г. Венецианова (известные шедевры «Гумно», «На пашне. Весна», «На жатве. Лето»). В XIX в. оформились многие, более частные повороты пейзажной темы (провинциальный пейзаж, например, «Площадь провинциального города» Е. Ф. Крендовского). Ко второй половине XX в. утвердился реализм, оказывая влияние на все существовавшие к тому времени стилевые направления, в том числе, и на академический пейзаж [там же, с. 303]. В 1860-е гг. новое (у каждого из художников принципиально отличное от другого реализм и романтизм) прочтение пейзажа предстает в полотнах И. И. Шишкина, А. И. Куинджи. От них, писал А. Н. Бенуа, «...пошло все дальнейшее развитие русского пейзажа, а следовательно, отчасти и всей русской живописи» [там же, с. 307]. К предшественникам И. И. Левитана относят А. К. Саврасова, В. Д. Поленова, Н. Н. Дубовского, И. С. Остроухова [там же, с. 319]. Триумф пейзажа отечественного пейзажа проявляется в творчестве И. И. Левитана [14], В. А. Серова и позднее находит свое яркое воплощение в работах К. А. Коровина.

А. Н. Бенуа связывал подъем интереса к пейзажу в 70-е гг. XIX в. с отходом от идейной нагруженности, осознания великих общественного предназначения и миссии. «Русские выставки 80-х годов были преимущественно выставками пейзажей, что и огорчало поголовно всех художественных критиков, усматривавших в этом явлении падение искусства. Однако падало вовсе не искусство, а лишь академическая рутина, а также и направленность. На пейзажах, на непосредственном и простом изучении природы русские художники отвыкли от гнетущих канонов академизма и от требований либеральной эстетики» [2, с. 297]. Полагаем, что обращение современных отечественных художников в XXI в. к пейзажу может также становиться проявлением своеобраз-

ной формы отстраненности от явных и неявных идеологических смыслов. Появление новой школы русского пейзажа связывается с картиной А. К. Саврасова «Грачи прилетели». Морской пейзаж представлен в творчестве И. К. Айвазовского (не со всеми критическими оценками которого со стороны А. Н. Бенуа можно согласиться) [там же, с. 304–305].

В отечественной пейзажной живописи нашел свое отражение импрессионизм (К. А. Коровин, «Парижское кафе», И. Э. Грабарь «Февральская лазурь», а также произведения П. В. Кузнецова, К. С. Петрова-Водкина, К. Ф. Богаевского, М. С. Сарьяна). В новой социальной обстановке, в советский период, происходит развитие пейзажа в формате социалистического реализма, появляется жанр индустриального пейзажа (например, в произведениях Б. Н. Яковлева, Г. Г. Нисского, П. П. Оссовского).

На рубеже XX– в начале XXI вв. в отечественном искусствознании прорабатываются (в том числе и вслед за реалиями художественного процесса) региональные измерения пейзажа [1; 12; 27; 30]. История отечественного пейзажа не завершена, истоки, преемственность сложившихся в нем направлений сохраняется, что находит отклик в творчестве новых, современных поколений художников. Кроме того, в настоящее время обращение к пейзажу может обозначать и, в определенной мере, стремление вернуться к традициям, во всяком случае, подчеркнуть значимость родной природы, страны, патриотизма. На рубеже XX–XXI вв. пейзаж в отечественной живописи развивается и в формате локальных, местных школ. Полагаем, предметом отдельного исследования может стать и тема уральского пейзажа.

Литература:

1. Ахмедова, З. А. Дагестанские пейзажи русских художников начала XIX в. / З. А. Ахмедова // Русский язык и русская культура как фактор общественного согласия, стабильности и прогресса : сб. науч. тр. / под ред. академика Г. Г. Гамзатова. – Махачкала, 2008. – С. 390–393.
2. Бенуа, А. Н. История русской живописи в XIX в. / А. Н. Бенуа. – Москва : Республика, 1995. – 448 с.
3. Блохина, Е. А. Городской пейзаж в русском искусстве XVIII в. / Е. А. Блохина // Традиции и инновации в пространстве современной культуры : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Липецк, 9 апр. 2016 г. – Липецк, 2016. – С. 9–14.
4. Гончарова, Н. Н. Творческое наследие русских художников по передаче пространства и перспективы в пейзаже / Н. Н. Гончарова // Гуманитарные науки: от вопросов к решениям : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Томск, 25 окт. 2016 г. / ред. кол. З. Ж. Кудяева [и др.] – Томск, 2016. – Т. 1. – С. 6–10.
5. Горожий, Л. В. Осенний пейзаж в творчестве русских художников / Л. В. Горожий // Современная педагогика. – 2013. – № 12 (13). – С. 2–15.
6. Грецкая, Е. Е. Русский живописный исторический пейзаж: истоки, становление и расцвет жанра : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.04 / Елена Евгеньевна Грецкая. – Санкт-Петербург, 2004. – 22с.
7. Джанджугазова, Е. А. Пространство русского пейзажа / Е. А. Джанджугазова // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2014. – № 1. – С. 83–88.
8. Кирьянова, С. А. Композиционная роль пейзажа в русской иконе второй половины XVII – первой трети XVIII в. / С. А. Кирьянова // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5, Вопросы истории и теории христианского искусства. – 2013. – № 2 (11). – С. 107–114.
9. Корепина, Л. Ф. «Основатель русского пейзажа настроения» – Федор Александрович Васильев / Л. Ф. Корепина // Современные тенденции развития науки и технологий. – 2015. – № 9–8. – С. 77–81.
10. Кривонденченков, С. В. Особенности влияния западноевропейской живописи на развитие русского пейзажа / С. В. Кривонденченков // Университетский научный журнал. – 2015. – № 14. – С. 71–76.
11. Кривонденченков, С. В. Пейзаж в русской живописи XVIII – XX вв.: комплексное исследование : дис. ...док. искусствоведения : 17.00.04 / Сергей Викторович Кривонденченков ; [Место защиты Санкт-Петербург. гос. академ. ин-т живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина при Рос. акад. художеств]. – Санкт-Петербург, 2017. – 409 с.
12. Кусмидинова, М. Х. Репрезентация волжского пейзажа в русской живописи / М. Х. Кусмидинова // Б. М. Кустодиев и развитие русского искусства конца XIX – первой половины XX в. : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 27–28 мая 2013 года / Астрахан. гос. картин. галерея им. П. М. Догадина,

- Дом-музей Б. М. Кустодиева ; [науч. ред. В. П. Ватаман]. – Астрахань : Сорокин Р. В., 2014. – С. 99–104.
13. Кухарева, О. Н. Романтизм в русском пейзаже XIX в. : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 17.00.09 / Ольга Николаевна Кухарева ; Алтай. гос. ун-т. – Барнаул, 2006. – 26 с.
 14. Мачеева, А. Е. Своеобразие русского пейзажа в отечественной живописи и лирике второй половины XIX в. / А. Е. Мачеева // Наука и образование: новое время. – 2014. – № 4 (4). – С. 511–514.
 15. Медкова, Е. С. Модель русского национального пейзажа в творчестве И. Левитана в сравнении с национальным пейзажем европейских стран / Е. С. Медкова // Педагогика искусства. – 2010. – № 1. – С. 110–115.
 16. Медкова, Е. С. Образ города в русском национальном пейзаже / Е. С. Медкова // Педагогика искусства. – 2009. – № 3. – С. 144–149.
 17. Медкова, Е. С. Русский национальный пейзаж. Две пространственно-временные модели / Е. С. Медкова // Педагогика искусства. – 2009. – № 1. – С. 172–183.
 18. Мишачёва, И. В. Европейский пейзаж нового времени и образы природы-мироздания в живописи русского авангарда (Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов): вперед в прошлое, назад в будущее / И. В. Мишачёва // Славянский мир в третьем тысячелетии. – 2013. – № 8–2. – С. 314–322.
 19. Морошкин, Е. В. О традиции мифологического пейзажа в русской живописи / Е. В. Морошкин // Общество, государство, право. – 2013. – № 4. – С. 13–18.
 20. Мухина, М. С. Пейзаж в русском искусстве / М. С. Мухина // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары, 23 апр. 2017 г. / ред. кол. О. Н. Широков, Л. А. Абрамова, Т. В. Яковлева (отв. ред.) ; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары : Интерактивплюс, 2017. – С. 31–32.
 21. Пейзаж русской школы второй половины XIX – начала XX в. из собрания Красноярского художественного музея им. В. И. Сурикова. Каталог / Краснояр. худож. музей им. В. И. Сурикова. – Красноярск : Класс Плюс, 2014. – 96 с.
 22. Портнова, И. В. Особенности развития пейзажно-анималистической картины конца XIX в. (образ лошади в пейзаже) / И. В. Портнова // Общественные науки. – 2010. – № 5. – С. 102–112.
 23. Русский пейзаж XVIII–XX вв. из фондов НГХМ и частных собраний. Между природой и историей : каталог выставки. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2004. – 124 с.
 24. Современный пейзаж русской провинции. Выставка-конкурс «Отражение». – Москва : Белый город, 2009. – 64 с.
 25. Усачева, С. В. Пейзаж в русской художественной культуре XVIII века. Особенности жанра и его бытование : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.04 / Светлана Владимировна Усачева ; Москов. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ист. фак. – Москва, 2001. – 27с.
 26. Федоров-Давыдов, А. А. Русский пейзаж XVIII – начала XIX в. / А. А. Федоров-Давыдов. – Москва : Искусство, 1953. – 583 с.
 27. Фоминых, А. И. Север в пейзажах русских художников / А. И. Фоминых // Научные труды. – 2012. – № 22. – С. 68–72.
 28. Чиков, В. В. О методах работы выдающихся русских мастеров пейзажа / В. В. Чиков // Традиции художественной школы и педагогика искусства : сб. науч. тр. – Санкт-Петербург : Акционер и К°, 2008. – С. 14–27.
 29. Шабалин, И. А. Городской пейзаж в картинах русских художников / И. А. Шабалин, С. И. Валькевич // Научный поиск. – 2015. – № 2 (4). – С. 70–79.
 30. Шавшина, И. П. Сибирский пейзаж в русском искусстве XIX–XX веков : автореф. дис. ...канд. искусствоведения : 17.00.04 / И. П. Шавшина ; [Место защиты: Санкт-Петербург. гос. художеств.-промышлен. акад.]. – Санкт-Петербург, 2009. – 24 с.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры*

*Науч. рук.: Людмила Борисовна Зубанова,
доктор культурологии, кандидат
социологических наук, профессор
Челябинского государственного
института культуры*

МУЗЫКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, МНЕНИЯ, ПОДХОДЫ

В данной статье раскрывается понятие музыки с различных авторских позиций. Представлены основные теоретические базисы определения «музыка» в различных источниках.

Ключевые слова: понятие музыка, коммуникация, культурологический анализ

Levchenko M.

MUSIC AS SOCIOCULTURAL PHENOMENON: INTERPRETATION, OPINIONS, APPROACHES*

In this article, reveals the concept of music from various author's positions. The main theoretical bases for the definition of *music* in various sources are presented.

Keywords: The concept of music, communication, cultural analysis

Понятие «музыка» может рассматриваться с точки зрения различных наук и является широкой областью научного познания. Многие ученые и мыслители обращались к изучению и истолкованию данного понятия. В настоящее время встречаются различные интерпретации содержания музыки, которые затрагивают сущность понятия с различных психологических, социальных, физиологических, воспитательных, коммуникативных, энергетических аспектов.

«Музыка – вид искусства, отражающий действительность в звуковых художественных образах произведения или совокупность произведений этого искусства, активно воздействующий на психику человека. Музыка способна конкретно и убедительно передавать эмоциональные состояния людей. Средством воплощения музыкальных образов служат музыкальные звуки, определенным образом организованные» [4]. Характерной чертой музыки, как временного искусства, является ее существование, только «здесь и сейчас», только в исполнении, в живом звучании.

Сотни определений понятия «музыка» предложены на протяжении столетий, но в большинстве своем в рамках *гуманитарных наук*, содержание данного понятия опирается на раскрытие неземной красоты музыки. Т. Дракс определяет музыку как «глаза слуха». Английский историк Т. Фуллер высказывает мнение, что музыка – это не что иное, как «дикие звуки, окультуренные ритмом и мелодией». По мнению Т. Карлайла «музыка – это язык ангелов. На самом деле, ничто из произнесенного человеком не дает такого ощущения божественного. Музыка приближает нас к бесконечности».

Немецкий поэт, прозаик Г. Гейне интерпретировал музыку, как «странную вещь», некое «чудо», то, что находится между полюсными смыслами. Музыка в его понимании – это «дух, который требует выражения во времени и материя, которая может обходиться без пространства». А.Дюма подходил к пониманию музыки с материальной точки зрения, говоря, что «музыка – это

* Статья подготовлена в рамках исследования по программе грантов Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (Конкурс НШ-2018), проект «Культура как основа ценностно-духовной консолидации: потенциал культурного наследия и образы будущего»

единственный шум, за который надо платить». Американский писатель филолог Г. Логфелло в основе содержания понятия «музыки» видел ее коммуникативную функцию и утверждал, что «музыка - это единственный язык человечества».

Красивое литературное определение музыки, насыщенное эпитетами, дает немецкий писатель В. Вакенродер, говоря о музыке, как об «утонченнейшей стихии из которой, как из невидимого ручья, черпают себе пищу потаеннейшие грезы души».

Уже античные *философы* единогласно утверждали, что музыка двигатель, который влияет на духовно-потенциальные возможности человека, пытались структурировать понятие.

Г. Гегель акцентировал внимание на том, что музыка несет в себе истинный образ, который по своему содержанию для каждого человека индивидуален. Музыка направлена на конкретного слушателя, к его неповторимому мироощущению в данную минуту времени. О влиянии музыки на нравственную составляющую личности говорит учение Аристотеля о мимесисе (очищение души). Основным аспектом труда П. Секе «Происхождение музыки и три ее мира: физический, биологический и человеческий» является концепция трех миров музыки. Настоящая музыка, по мнению автора, человеческая, а биологическую и физическую можно понять, только если владеть языком музыкального искусства.

А. Клюев в своем сборнике статей по философии музыки высказывает предположение о том, что «если записать голоса разных птиц с учетом всех необходимых акустических требований, а затем замедлить, можно услышать неожиданные звуки, которые напоминают звучание инструментов. Музыкант легко обнаружит в этих звуках музыкальные интервалы и музыкальную структуру. Птичья музыка, конечно, не искусство, в средство акустической коммуникации, это явление крайне интересно с точки зрения биологической и музыковедческой. Таким образом, в музыке образуется три уровня: предпредмузыка, предмузыка и музыка, где музыка – это звуковое отражение человека, мира, жизни» [8]. Такое понимание музыки близко к предположению Боэция о трех формах музыки (мировая-гармония сфер, процессы воздействия природных явлений-времен года, человеческая).

Ученые в научно-технической области стремились свести содержания понятия, его художественную составляющую к простой научной форме.

С точки зрения *математики*, а именно по словам Пифагора, музыка является созвучием нескольких звуков, находящихся с друг с другом. «Все есть число». Пифагор разработал интервальную систему звучания, что впоследствии послужило базисом в теории музыки. Также Пифагор разработал учение об эвритмии, где античный человек подстраивался под ритм жизни своего города, а затем подключался к ритму мирового целого-жизни космоса, основанного на законах вселенской гармонии. Проходило сравнение общественной жизни, с музыкальным ладом, с оркестром, в котором каждому человеку как инструменту отведена своя роль. По мнению Пифагора при движении планет создаются звуки, которые не улавливает человеческий слух, а тело и душа подчиняются всеобщей космической музыкальности. Математик, физик Г. Лейбниц определял музыку, как тайну и неосознанную математическую задачу для души. И. Ньютон говорил о математическом законе соответствия определенных цветов определенным музыкальным звукам.

Исследователь в области *естественных наук*, биолог И. Фролов считает, что научное постижение неразделимо с художественной оценкой. Ч. Дарвин утверждал о наличии музыкальной симметрии у каждого животного, а потеря художественной составляющей равносильна гибели нравственного стержня. Интересна теория Р. Бэкона в труде «Opus tertium» о сравнении периодичности сердцебиения и метроритма музыки.

Базисным составляющим школы Аристотеля было учение об этосе, а именно формирование личности человека путем воздействия музыкального искусства на его психику и состояние тела. Также Аристотель высказывал предположение о влиянии звучащего лада в музыкальном искусстве на достигаемую цель в процессе воспитания. «Только музыка содержит движение. Движения эти деятельны, а действия суть этических свойств» [12]. Схожи мнение мыслителей Ж. Руссо и И. Канта о том, что сотворение и конструирование доставляющих удовольствие звуков, выступающих как средство отражения эмоций – есть музыка.

Социологическая составляющая является первоосновой для изучения понятия «музыка». Каждая существовавшая культура обладала собственным неповторимым музыкальным стилем. А. Сохор рассматривает содержание понятия с точки зрения воссоздания музыкой реальной действительности и влияния на общество структурированными особым образом звуками различными по высоте и длительности звучания. Культуролог XX столетия М. Мак-Люэн, изучая типы коммуникации, предположил, что «культура слуха» закладывается в личность человека первоочередно и звуку присущи суггестивные возможности. Схожая точка зрения наблюдается в трудах Л. Мазеля, что «слуховые впечатления по сравнению со зрительными неотделимы от представления о действии и движении и обладают более активным и сильным воздействием на человека, становясь основным средством общения для людей» [10, с.14].

По мнению Е. Назайкинского «звуки бестелесны, мимолетны, с трудом поддаются фиксации. Они есть факт энергии, а не вещества. Они не имеют веса, цвета и ширины. Они принадлежат времени, хотя не могут существовать вне пространства» [11, с.78].

Метафорой «гул языка» Р. Барт определяет «утопию музыки смысла». По его мнению «во всем великолепии разворачивается означающее-фоническое, метрическое, мелодическое» [3, с.453].

Шумовой звук преобразуется в музыкальный с помощью звуко смысла, то есть музыка есть «искусство интонируемого смысла» [1, с.211]. Б. Асафьев отмечает связь мелодического интервала с речевой интонацией.

Глобальные преобразования в культуре XX века внесли значительные изменения в содержание понятия музыка. Причиной этому послужило расширение музыкального пространства и использование в музыкальном искусстве новых инструментов и нетрадиционных способов звукоизвлечения. По мнению Б. Прателла музыка «должна передавать дух масс, огромных промышленных комплексов...»

Ю. Лотмана считает, что в природе искусства проявляется качество модифицировать шумы в информацию, «усложнять свою структуру за счет корреляции с внешней средой и тогда все инородное, что может в том или ином отношении коррелировать со структурой текста, перестает быть шумом» [9, с.85]. Преобразование различных звуков в художественную информацию позволяет считать, что музыкой являться звяканье ложки в стакане (Сартр), скрип двери (Хайдеггер) и т.д.

Дж. Кейдж высказывает предположение, что «музыкой можно назвать абсолютно все, не музыки просто нет... Музыку сфер можно услышать и в шипении жарящейся яичницы».

Таким образом, можно сказать, что музыка – это искусство интонируемого смысла, явление интересное, исключительное и многогранное. Музыка является неотъемлемым инструментом эмоциональной коммуникации, бескрайней областью для изучения природной составляющей человеческого организма, его мышления и нравственного воспитания. Только музыка, с помощью уникальных знаковых систем и чрезвычайно неопределенной семантики, соприкасается с тонкими нитями души человека, с его подсознанием.

Литература:

1. Асафьев, Б. Музыкальная форма как процесс. М.: Музыка, 1971.–376с.
2. Ардаширова, Э.Т. Интеграция музыкального искусства с естественно-математическими и гуманитарными науками. М., 2001
3. Барт, Р. Гул языка//Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.:Прогресс, 1989.–616с.
4. Большой толковый словарь по культурологии. Кононенко, Б.И. 2003.
5. Бычков, Ю.Н. Введение в музыкознание. Курс лекций.-М.:РАМ им.Гнесиных, 2000.
6. Вакенродер, В.Г. Краски//Литературные манифесты западно-европейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. –80 с.
7. Дарвин, Ч. Воспоминания о развитии моего ума и характера. Автобиография. Дневник работы и жизни. М., 1957.–148с.
8. Ключев, А.С. Философия музыки. Избранные статьи и материалы. М.:Санкт-Петербург, 2008.–240с.
9. Лотман, Ю. Символ в системе культуры//Внутри мыслящих миров.М.,1996.–464с.
10. Мазель, Л. Строение музыкальных произведений. М.:Музыка, 1979.
11. Назайкинский, Е. Звуковой мир музыки. М.:Музыка, 1988.–254с.
12. Розин, В.М. Культурология:Учебник.-2е изд., перераб. И доп.-М.:Гардарики, 2003.–462с.

ПОСТДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

*Научная школа Елены Васильевны Калужских,
кандидата педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье ставится вопрос актуальности постдраматического театра в драматическом искусстве.

Ключевые слова: постдрама, перформанс, психологический театр

**Kaluzhskikh E.,
Khalitova K.**

POSTDRAMATIC THEATRE

The article raises the question of the relevance of postdramatic theater in the dramatic art.

Keywords: postdrama, performance, psychological theatre

Термин «постдраматический театр» возник в последней четверти XX в. в Западной Европе. Постдраматический театр – ветвь драматического древа, ввиду того, что искусство развивается в тесной связи с формами, предшествующими ему.

Драматический театр подчиняется главенству драматического текста и опирается на триединство драмы, что изложено в «поэтике» Аристотеля (единство действия, единство времени, единство места). Учитывая то, что в драматическом театре выстраивается единая повествовательная логика, такой театр мы можем назвать театром «при пьесе». Хотя и сама пьеса – не последнее звено. Последним звеном мы можем назвать драматическое действие как единый, волевой, психофизический процесс, направленный на достижение цели в борьбе с предлагаемыми обстоятельствами.

Конфликт в драматическом произведении – это столкновение и противостояние характеров, взглядов, идеалов [6, с. 504]. Драматический конфликт выступает как эстетический эквивалент реальных жизненных противоречий.

Для актёра в драматическом театре главной задачей является создание в каждой роли, на каждом спектакле не только сознательную, но и бессознательную часть жизни человеческого духа роли. Актер стремится переживать роль, такой процесс относится к искусству «переживания» согласно учениям К. С. Станиславского [8, с. 399].

Театр постдраматический – скорее, автономность от литературы, нежели новый тип театрального текста. А также поиск новых театральных знаков и символов [4, с. 312].

В таком театре режиссер уже не интерпретатор авторского текста, а самостоятельная единица театрального искусства, как сформировавшаяся личность с острым чувством современности, и глубоким пониманием человеческой души.

Среди современных режиссёрских средств: пластические взаимодействия актеров (друг с другом, с предметами, зрителями), способ произношения текста (риторика). В ходе развития постдрамы акценты с текста пьесы сместились на текст спектакля. Основные смыслы драматического театра оказались потеряны. Вместе с ясным смыслом и легко читающимся сюжетом ушла нарративность. Прежний персонаж драмы распадается. Постдраме он попросту не нужен. И, наконец, самое главное: уходит корень самой драмы – действие. [4, с. 313].

Постдрама не отрицает спектакля как такового, предлагая другие формы, например, создание спектакля перформанса [7, № 20]. Новый жанр предполагает и новые способы репетирования. В процессе создания перформансов текст рождается непосредственно в процессе репетирования, так же как и музыка, и решение сцены. Да и подходы к актерскому искусству изменились. Актер уже не ассоциирует себя с персонажем, а, напротив, подчеркивает дистанцию между собой и персонажем всеми возможными средствами. Сюжет больше не иллюстрируется образами. Границы жанров стираются: танец и пантомима сливаются, как и драматический и музыкальный театры. Такой театр принимает форму проекта, работа в котором экспериментальна по своей природе. Основное внимание уделено поиску новых точек соприкосновения между пространствами, жанрами, формами [5, с. 82].

Театр и драма пересекаются в сфере языка (вербальной и невербальной). Многие границы становятся очень подвижными. Например, границы между формами: между театром и перформансом, чья цель – вызвать переживание реальности. В постдраме актёр занимает позицию перформера. Он даёт зрителю возможность «наблюдения за наблюдением».

На смену сюжету в постдраматическом театре приходит сквозной монтаж, где главное – изображение, а не повествование.

В сегодняшних развернутых формах, перформанс – зрелище, едва ли не идеальный представитель «посттеатра», где актёр либо противопоставляет своё присутствие акту наблюдения, либо предлагает относиться к своему присутствию на сцене как к акту наблюдения. [3, с. 198–208].

Из пассивного наблюдателя, зритель превращается в активного участника. И, более того, – соавтора данного процесса.

Зрители формируют множество равноправных смыслов и позиций. Утрачивается чувство общности и единство реакции на происходящее.

Немецкий театровед, теоретик современного театрального искусства, Ханс-Тис Леман, в своём культурантропологическом труде "Постдраматический театр" (1999 г.) формулирует концепцию постдрамы, выводя её из театральной практики Брехта и Мюллера, Арто, Кантора и Гротовского, Барбы, Брука не делая постдраму внезапной модой, а логически сложившимся исходом развития антиаристотелевской ветви Бертольта Брехта, сформированной в результате отказа от удвоения реальности в психологическом театре [4, с. 312].

Стоит отметить, Ежи Гротовский и Антонен Арто (теоретики и практики театра XX века), жаждали, чтобы театр перестал зависеть от литературы, обрел свой собственный голос [1, с. 351]. Это свершилось в идее постдрамы.

Леман связывает постдраму с театром абсурда указывая на уход смысла, раздробленность и распад повествования. Но, вместе с тем, и театр абсурда, и театр Брехта Леман целиком относит к традиции драматического театра, поясняя это доминированием текста и наличием конфликтом между персонажами. [2, с. 191–195]. Да, логика драмы и повествования нарушена некоторыми абсурдистскими текстами, но постдрама начинается когда «театральные средства, лежащие за пределами языка, полагаются на равных с текстом и могут быть систематически помысленны без него».

До "перестройки", европейские достижения теории и практики постдрамы были не востребованы в России, из-за политики замещения многих смысловых пространств - единым, общепринятым, что в свою очередь делало развитие театра невозможным.

В 90-е гг. XX в. ситуация кардинально изменилась. В результате "перестройки" в нашей стране появилась благоприятная среда для нового витка пересечений смысловых пространств. А значит и для развития театрального искусства. Впрочем, темпы освоения театром новых идей

препятствовали не только качеству их осмысления зрителем, но и усложняли применение новых концепций в театральной практике.

Среди подвижников и экспериментаторов в театральном искусстве России, мы можем назвать фамилии Додина, Виктюка, Гинкаса, Бутусова, Серебренникова, Туминаса, Крымова, Яцко. Нельзя, также, недооценивать и роль постановок на российской сцене приглашенных европейских режиссеров - Някрошюс, Штайн, Лангхофф, Лепаж, Остермайер. Их методы работы противоречат крепким традициям русской школы актерского мастерства, вследствие чего провоцируют их к трансформации.

Подводя итог, следует сделать вывод, что постдраматический театр- это новый виток в истории театра, ведь он невероятно многолик по своей природе, неуловим и многогранен. Его уникальность заключается в живом диалоге между актером- исполнителем и зрителем, в способности создать ощущение присутствия "здесь и сейчас", а также вовлечь зрителя в некий эмоционально-рациональный тренинг, проникая в его чувства и мысли.

Литература:

1. Гротовский, Е. От Бедного театра к Искусству-проводнику/ Е. Гротовский - Перев. с польск., составл. вступит. ст. и примеч. Н. З. Башинджагян. М.: Артист. Режиссер. Театр, 2003. - 351 с.
2. Ионеско, Э. Есть ли будущее у театра абсурда?/ Э.Ионеско - Театр абсурда. Сб. статей и публикаций - СПб.: 2005. - 191-195 с.
3. Петров В.О. Исторические истоки современного перформанса [Электронный ресурс] культура и искусство. 2015. № 2. - 198-208 с.
4. Леман Х.-Т. Постдраматический театр/ Х.Т. Леман - М.: ABCdesign, 2013. - 512 с.
5. Лиотар Ж. -Ф. Состояние постмодерна/ Ж. Ф. Лиотар. Пер. Н.А. Шматко - М.; СПб: «Алетейя», 1988. – 160 с.
6. Нитч, Герман. Визуальное чувство театра О. М. / Герман. Нитч / Художественный журнал. — 1998. № 19—20.
7. Пави, П. Словарь театра / П. Пави - М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
8. Станиславский К. С. Собрание сочинений: В 9 т/ К. С. Станиславский - М.: Искусство, 1991. - 305 с.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ: АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 378

Буцык С. В.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

«ЦИФРОВОЕ» ПОКОЛЕНИЕ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Статья посвящена актуальным педагогическим проблемам, связанным с возможным появлением нового «цифрового» поколения в российских вузах. Проведен анализ ряда западных исследований, проводившихся начиная во второй половине 2000-х гг., а также исследований середины 2010-х гг., посвященных «цифровому» поколению в России. Опрос, проведенный осенью 2018 г. в Челябинском государственном институте культуры, показал, что говорить о массовом появлении данного поколения в российских вузах, расположенных в данном регионе, пока преждевременно, что, в тоже время, не исключает проявления у студентов отдельных факторов «цифровизации» уже в настоящее время.

Ключевые слова: «цифровое» поколение, высшее образование, педагогические проблемы, возрастные особенности

Butsyk S.

“DIGITAL” GENERATION IN RUSSIAN UNIVERSITIES: PRESENT AND FUTURE

The article is devoted to current pedagogical problems associated with the possible emergence of a new “digital” generation in Russian universities. The analysis of a number of Western studies conducted in the second half of the 2000s, as well as studies of the mid-2010s, devoted to the “digital” generation in Russia, was carried out. A survey conducted in the autumn of 2018 at the Chelyabinsk State Institute of Culture showed that it's too early to talk about the mass appearance of this generation in Russian universities located in this region, which, at the same time, does not exclude the manifestation of certain factors of digitalization in students already now.

Keywords: digital generation, higher education, pedagogical problems, age features

Публикация в США в 1991 г. У. Штраусом и Н. Хоувом теории поколений [12] ввела в практическое употребление такие понятия, как «Поколение бэби-бумеров», «Поколение X», «Поколение Y (Поколение Миллениума)», «Поколение Z». Последнее, наиболее молодое поколение также нередко называют «цифровым поколением» или «цифровыми от рождения» [8], а среди основных черт рожденных в цифровую эпоху, как правило, выделяют следующие:

- растут в окружении цифровых новшеств, все более мощных и все более компактных (имеют в кармане собственное киберпространство);
- с легкостью берутся одновременно за несколько задач, например, делать домашнее задание, слушать музыку из смартфона и переписываться с друзьями в чате [10; 15];
- ощущают доступность многочисленных аудиовизуальных ресурсов, что стимулирует их к постоянному поиску удовольствий, получить которые они стараются как можно быстрее, не откладывая на потом;
- уделяют чтению значительно меньше времени [14], предпочитая «скучным» и «неподвижным» буквам звуки, картинки и видео;

- совмещают работу за компьютером (в сети) с просмотром телевизора, считая его слишком медленным для себя [16];
- не способны долго удерживать внимание на чем-либо, что особенно заметно при обучении традиционными методами;
- не ведут личных дневников, делясь переживаниями в социальных сетях, блогах;
- выбрасывают, не особенно сожалея, купленный недавно гаджет, заменив его новым с улучшенными характеристиками и др.

При этом, люди, осваивающие гаджеты взрослыми (так называемые, «цифровые мигранты» [8]), как правило, иначе заводят знакомства, получают знания; стараются решать проблемы пошагово, не берясь одновременно за несколько дел. Они обучаются работе с новыми цифровыми средствами (устройствами, технологиями) намного тяжелее детей; находясь в значительном возрасте, не особенно хотят иметь дело с новыми технологиями, а иногда и боятся их.

Западные исследования, проводившиеся начиная приблизительно с середины 2000-х гг., позволяют предполагать, что отличия нового поколения от предыдущих могут быть вызваны причинами не только (а возможно и не столько) общественно-социального, но и нейрофизиологического характера [2]. Так, ученые из Принстонского университета (США) выяснили, что за чувство удовольствия, которое приходит, немедленно отвечают центры (эмоций) в лимбической системе мозга, а за мысли о будущей награде – аппарат (логический) в лобных долях и теменной коре [13]. В другом исследовании, проводившемся в Лондонском университетском колледже [11], осуществлялось сканирование мозга (с помощью томографа) двух групп разного возраста (подростки 11–17 лет и молодые взрослые 21–27 лет), обдумывавших одни и те же обыденные проблемы (где пообедать, что посмотреть и т.п.). Учеными было выявлено, что различные группы при принятии решения использовали различные участки головного мозга: подростки – в височных долях мозга, а взрослые в префронтальной коре.

Приведенные примеры позволяют понять, почему по сравнению с взрослыми подростки более эгоистичны, менее склонны к эмпатии, значительно реже задумываются о последствиях своих действий, в том числе по отношению к другим людям и т.п. Вероятно, данная проблема в немалой степени носит физиологический характер и связана с естественным недостатком развития у подростков тех областей головного мозга, которые активно задействуют взрослые при принятии аналогичных решений. Однако в текущий период проблема усугубляется тем, что «цифровизация», стимулируя подрастающее поколение к постоянному поиску удовольствий в короткие сроки, фактически может тормозить развитие логического аппарата подростка, откладывая его нацеленность на результаты, получаемые в долгосрочной и даже среднесрочной перспективе.

Согласно классификации стадий развития интеллекта, предложенной Жаном Пиаже [6], развитие репрезентативного интеллекта и формальных операций, начинающееся с 12–14 лет, продолжается приблизительно до 19-ти. Однако, если «цифровизация» и в дальнейшем будет оказывать столь же сильное влияние на мозг подростков, то, возможно, эти стадии придется пересматривать, причем не в лучшую сторону. В качестве одного из наиболее ярких примеров решения такой психолого-педагогической проблемы можно привести исследование, проводившееся в Сингапурском институте образования (National Institute of Education, Singapore) [3] еще в начале 2010-х гг. среди учеников четвертых классов начальной школы. Так, каждому ученику были выданы специальные смартфоны с доступом только к определенным ресурсам (учебного назначения). В том числе использовалось средство, которое называлось «Group Scribbles» («Коллективная писанина», «Коллективная мазня» и т.п.). Фактически это ресурс, где каждый ребенок мог опубликовать собственную идею (текст, рисунок и т.п.) и открыть доступ к ней для остальных учащихся, чтобы совместно поработать над развитием этой идеи. Дети работали друг с другом, в группах, а также всем классом. Такой подход повысил интерес учеников, которые (по их словам, а также мнению родителей и учителей) стали получать удовольствие от познавательного процесса. Заметим возраст детей, участвовавших в сингапурском эксперименте, – 10–11 лет, который, возможно, является оптимальным для управляемого смещения вектора «цифровых интересов» ребенка с развлекательной в сторону большей познавательной направленности [2]. Такие предположения в ка-

кой-то степени коррелируют и с ранее описанной теорией поколений, согласно которой сформированность у ребенка системы базовых (общественно-социальных) ценностей в значительной степени завершается приблизительно к периоду 12–14 лет.

В России, к сожалению, в настоящий период проводится достаточно мало научных педагогических исследований, посвященных цифровому поколению. Так, поиск современных диссертаций по педагогическим наукам [9], имеющих в названии какую-либо часть слова «цифровое», показал, что найденные исследования (2007–2013 гг.) в основном посвящены проблемам разработки и использования так называемых цифровых образовательных ресурсов (ЦОР), либо предметным цифровым лабораториям в школах. Аналогичный запрос диссертаций, имеющих в названии какую-либо часть слова «поколение», выдал работы того же периода, связанные с проблемами подрастающего поколения у различных народов России (в основном, российского юга), а также исследования проблем духовно-нравственного воспитания молодежи. По мнению ряда российских экспертов, представляющих книжный рынок [7], в стране до сих пор не ведется системных практических исследований в области чтения с различных (бумажных или электронных) носителей, хотя по некоторым оценкам уже около 40% населения России перешли на гаджеты.

В одном из зарубежных исследований (comScore) 2015 г. [1] описало новое российское поколение с точки зрения его медиапотребления в сравнении с населением страны в целом. Заметим, что в работе используются термины «поколение Миллениума» и «поколение Y», а не совсем молодое «поколение Z». Согласно полученным данным, цифровое население России (имеется в виду совокупность всех онлайн-пользователей и пользователей мобильных устройств) превысило 80 млн человек, а средний российский пользователь проводит за компьютером более 28 часов в месяц (показатель на уровне Испании, Италии, Франции). В тоже время отмечается, что цифровой разрыв между поколением Y и населением страны в целом является одним из наиболее высоких и составляет 21 процентный пункт (в большинстве европейских стран – не более 12 процентных пунктов).

Факт относительно более поздней «цифровизации» в России (по сравнению с западными странами) и, как следствие, более высокого цифрового разрыва косвенно подтверждается всемирным рейтингом готовности стран к сетевому миру [4], где в течение 2008–2011 гг. Россия находилась только в восьмом десятке (72–80-е места). Относительная положительная динамика стала заметна лишь с 2012 г., что позволило нашей стране к 2015 г. подняться в этом рейтинге на 41-е место, обойдя сразу несколько стран южной и восточной Европы, в том числе Чехию, Хорватию и Италию.

К числу немногочисленных работ, проведенных **в российских вузах** и прямо выделивших особенности нового «цифрового» поколения, можно отнести достаточно крупное (N=495) исследование Московского гуманитарного университета [5], состоявшееся среди первокурсников осенью 2014 г. Оно, в частности, показало, что к числу наиболее характерных для себя личностных качеств современная российская молодежь относит «лень» (около 58%), «эгоизм» (44%), «безответственность» (41%), «агрессивность» (34%) и «равнодушие» (34%). При этом авторы отмечают, что аналогичные результаты были получены ими и в работах двух предыдущих лет (2012 и 2013 гг.), а схожие оценки можно увидеть в исследованиях, проведенных по всей стране по заказу Общественной палаты Российской Федерации. Важно отметить, что в работе прослеживается достаточно выраженная связь проблемы с появлением в стране нового «цифрового» поколения, поскольку авторы статьи используют такие синонимы, как «компьютерное поколение» и «нет-поколение». В тоже время, указанное исследование рассматривает проблему через призму недостатков государственной молодежной политики, т.е. как проблему, имеющую во многом социально-педагогические, нежели нейрофизиологические основы, которые также могли иметь место быть, учитывая территориальное расположение вуза (г. Москва), а также возможности студентов, обучающихся в Московском гуманитарном университете в основном на платной основе.

Осенью 2018 г. **в Челябинском государственном институте культуры** (далее – ЧГИК) был проведен опрос первокурсников (анкетирование, устные беседы), посвященный проблемам «цифрового» поколения. Выборку исследования составили около 20% первокурсников вуза, обу-

чающихся очно по программам бакалавриата, более половины из которых (54%) в учебный период проживает в общежитии данной образовательной организации (в целом по вузу – около 55–58%). Возраст большинства респондентов (85%) составил 17–19 лет (остальные 15% – на 1–3 года старше), а распределение по полу с допустимой погрешностью также учитывало общеузовское распределение (доля мужчин около 25–28%). Важно отметить, что в выборку попали студенты, обучающиеся в институте только по направлениям, относящимся к группе «Культуроведение и социально-культурные проекты» («Культурология», «Социально-культурная деятельность», «Народная художественная культура», «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия» и т.п.), и составившие почти 40% от общего числа студентов таких направлений подготовки.

Исследование не затрагивало обучающихся по направлениям, связанным искусством (в том числе с исполнительским), где время использования гаджетов в учебный период, на наш взгляд, может существенно отличаться по целому ряду причин, обоснованных спецификой подготовки по тому или иному направлению сферы искусств.

В результате опроса нами было выявлено, что объективно считать «цифровыми» можно лишь не более 25% опрошенных. При этом мы не определили сколь-нибудь существенной зависимости ответов респондентов ни от места их проживания (в Челябинске или общежитии), ни и от половой принадлежности, что можно, на наш взгляд, считать относительной региональной оценкой данной социальной и возрастной группы, учитывая, что большинство проживающих в общежитии приехали с территории Челябинской области или граничащих к ней регионов.

Следует отметить, что для принятия решения об отнесении студентов к «цифровому» поколению нами использовался сложносоставной критерий, основанный на совокупности пяти оценочных параметров, при относительном соответствии каждому из которых мы выставляли до 1,00 балла (к «цифровым» относили набравших не менее 3,75 баллов по пяти показателям в сумме):

- причисляют себя к «цифровому» поколению (в полной мере или хотя бы в большей степени);
- считают, что соответствуют большинству черт подростков, которых ученые относят к «цифровому» поколению (не менее 5 черт из 8);
- принимая решения о каких-либо действиях, в основном, задумываются о последствиях, которые могут произойти лишь в самое ближайшее время;
- используют гаджеты в среднем за день значительное время (не менее 8–12 часов);
- используют гаджеты, в основном, с целью общения или развлечения (не менее 60% времени).

Две трети опрошенных студентов считают, что для территории, на которой они проживают, к «цифровому» поколению стоит, скорее всего, относить людей, родившихся не ранее 2003 года, т.е. детей и юношей в возрасте 15 лет и моложе. Это, на наш взгляд, в достаточной степени соотносится с пониманием так называемого «Поколения Z» классической Теории поколений с относительной (региональной) поправкой.

Представляется особенно значимым, что в очной беседе студенты однозначно отметили актуальность подобных исследований, поскольку чувствуют, что ситуация с использованием гаджетов все больше и больше нарастает, что уже сегодня ярко проявляется, как минимум, на примере использования смартфонов.

Важно заметить, что среди черт подростков «цифрового» поколения 85% опрошенных нами студентов отметили, что они сами в значительной степени соответствуют характеристике «Имеют в кармане собственное киберпространство», говорящее (сейчас), в первую очередь, о смартфоне. При этом соответствие остальным чертам «цифрового» поколения указывалось реже («С легкостью берутся одновременно за несколько задач, например, делать домашнее задание, слушать музыку из смартфона и переписываться с друзьями в чате» – 64%) или значительно реже (еще три черты – менее 50% случаев выбора, остальные три – менее 40%).

Неудивительно, что среди цифровых устройств, которые хотя бы периодически используются студентами в рабочий или выходной день, смартфон занимает заметную лидирующую пози-

цию, причем как в части доли студентов, его использующих (100%, ноутбук/планшет – 62–69%; настольный ПК – 41% опрошенных), так и в части доли времени, занимаемой таким устройством у студентов в течение дня (более 6 часов против 2,5–3 ч. для ноутбуков/планшетов и 3–4 ч. для настольных ПК).

Еще одним достаточно показательным итогом исследования стало преобладание при использовании студентами гаджетов целей общения/развлечения над учебными/познавательными целями. Причем данная тенденция отмечена студентами не только для выходного дня (67% против 33%), но и в течение учебного (55% против 45%).

Подводя *некоторые итоги* сказанному выше, можно отметить, что появление нового «цифрового» поколения в нашей стране на данный момент уже является фактом, находящим свое подтверждение в целом ряде российских и зарубежных исследований. При этом говорить о массовом появлении данного поколения в российских вузах пока, наш взгляд, преждевременно, по крайней мере, если вести речь о нестоличных и не ведущих вузах (федеральных университетах, национально-исследовательских университетах, входящих в программу 5-100 и т. п.) нашей страны. В тоже время, это не исключает проявления у студентов уже в настоящем отдельных факторов «цифровизации», связанных, например, с массовым использованием смартфонов, а также необходимости подготовки преподавателей к работе с «цифровым» поколением в ближайшем будущем. К числу основной педагогической проблемы высшего образования, на наш взгляд, следует отнести своевременное выявление и учет (нивелирование) негативных сторон «цифровизации» у поступивших в институт подростков, особенно если оно влечет за собой заметное сдерживание развития их логического аппарата в возрасте старше 18–19 лет.

Литература

1. Амзин, А. Как новые медиа изменили журналистику 2012–2016 [Текст] / А. Амзин [и др.]. – Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2016. – 304 с.
2. Буцык, С. В. Педагогические проблемы нового «цифрового» поколения: преобладание общественно-социальных или нейрофизиологических обенностей? [Текст] / С. В. Буцык // Педагогическая информатика. – 2018. – № 1. – С. 111–118.
3. Буцык, С. В. Программы развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере образования Сингапура [Текст] / С. В. Буцык // Открытое образование. – 2012. – № 1. – С. 78–84.
4. Индекс сетевой готовности. Информация об исследовании и его результаты [Электронный ресурс] // Гуманитарные технологии. Аналитический портал : [сайт]. – URL: <http://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index/networked-readiness-index-info>. – Проверено: 18.10.2018.
5. Луков, В. А. Биосоциология: ресурс понимания молодого поколения России [Текст] / В. А. Луков // Стратегические приоритеты. – 2015. – № 1 (5). – С. 72–83.
6. Обухова, Л. Ф. Детская (возрастная) психология [Текст] / Л. Ф. Обухова. – Москва : Рос. пед. агентство, 1996. – 374 с.
7. Россияне больше не читают книг: немодно, дорого, скучно [Электронный ресурс] [публ. 18.08.2016] // MKRU: Московский комсомолец : [сайт]. – URL: <http://www.mk.ru/social/2016/08/18/rossiyane-bolshe-ne-chitayut-knig-nemodno-dorogo-skuchno.html/>. – Проверено: 18.10.2018.
8. Смолл, Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху Интернета [Текст] / Г. Смолл, Г. Ворган. – Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2011. – 352 с.
9. Электронная библиотека: Библиотека диссертаций [Электронный ресурс] : [раздел сайта] // Российская государственная библиотека : [сайт]. – URL: <http://diss.rsl.ru/>. – Проверено: 18.10.2018.
10. Abcarian, R. Underwhelmed by it all / R. Abcarian, J. Horn. – Los Angeles Times. 2006. August 7.
11. Blakemore, S.-J. Development of the adolescent brain: Implications for executive function and social cognition / S.-J. Blakemore, S. Choudhury. – Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2006. 47: 296–312.
12. Howe, N. Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069 / N. Howe, W. Strauss. – New York : William Morrow & Company, 1991. – 293 p.
13. McClure, S. M. Separate neural systems value immediate and delayed monetary rewards / S. M. McClure, D. I. Laibson, G. Loewenstein, J. D. Gohen. – Science. 2004; 306: 503–507.
14. National Endowment for the Arts. Reading at risk: A survey of literary reading in America. Research Division Report #46. National Endowment for the Arts. Washington, DC, June, 2004. <https://www.arts.gov/sites/default/files/ReadingAtRisk.pdf>. – Проверено: 20.10.2018.

15. Piccalo, G. Girls just want to be plugged into everything / G. Piccalo. – Los Angeles Times. 2006. August 11.
16. Roberts, D. F. Generation M: Media in the lives of 8-18 year-olds / D. F. Roberts, U. G. Foehr, V. A. Rideout. – Kaiser Family Foundation Study. 2005. <https://kaiserfamilyfoundation.files.wordpress.com/2013/01/generation-m-media-in-the-lives-of-8-18-year-olds-report.pdf>. – Проверено: 20.10.2018.

УДК 37

Каченя Г. М.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ОБОСНОВАНИИ СУЩНОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Рассматривается педагогическая деятельность с позиций логико-технологического подхода, обозначаются тенденции в образовании, обусловленные новыми технологиями, изменяющими традиционно понимаемое образование, обосновываются этапы становления и развития педагогической деятельности.

Ключевые слова: педагогическая деятельность, логико-технологический аспект педагогической деятельности, этапы развития педагогической деятельности

Kachenya G.

TECHNOLOGICAL APPROACH IN PEDAGOGICAL ACTIVITY ESSENCE SUBSTANTIATION

The article considers pedagogical activity from the positions of logic-technological approach and determines tendencies in education (provided by new technologies) which change traditional understanding of education. The author gives grounds for the stages of pedagogical activity formation and development.

Keywords: pedagogical activity, logic-technological aspect of pedagogical activity, pedagogical activity development stages

Если в середине прошлого столетия серьезные исследования влияния техники и технического прогресса на все стороны жизни общества констатировали изменения в социальной организации, культуре, то конец второго десятилетия XXI в. обнаруживает принципиально иной образ жизни человечества (и не только на примере наиболее развитых стран), обусловленный новыми средствами деятельности, явившимися результатом мощного рывка в развитии науки и техники. Техника, новые средства деятельности радикальным образом изменили все стороны как общественной жизни, так и жизни индивида. Наиболее ярко это проявляется на подрастающем поколении, социализация и инкультурация которого происходит в условиях, которых до этого не знало ни одно поколение родителей.

Идеология педагогической деятельности как важнейшего направления социально-культурной, обеспечивающей как воспроизведение человеческого опыта, так и формирование нового поколения, ориентированного на категории будущего, была связана с наукой. Она определяла новую картину мира, преобразовывала общество, диктовала заказ на новый тип личности, осознававшийся мыслителями и выраженный Я. А. Коменским в его великих трудах. Построивший в своих работах систему воспитания и обучения, ориентированную на преобразование общества, общественного уклада, базирующуюся на опыте гуманистических идей всех предшествующих

щих эпох, но прежде всего опирающуюся на передовые воззрения своего времени, великий педагог заложил в основы подготовки подрастающего поколения усвоение определенной системы ценностных ориентаций, во многом основанных на идеях преобразования мира. Эти идеи определили прочтение педагогики как своеобразной области научного знания и педагогической деятельности на ближайшие столетия. Объективное знание было очищено от всяких субъективных аспектов и «ценность образования, основанного на усвоении научных знаний, стала восприниматься как нечто само собой разумеющееся» [3, с. 15].

Понимание педагогики как науки о воспитании подрастающего поколения, сложившееся в течение многих веков, с неизбежностью ограничивает трактовку педагогической деятельности, социокультурной по своей сути и содержанию.

В шестидесятые годы прошлого столетия была предпринята попытка обосновать принципиально новый подход к трактовке педагогической деятельности, в основе которого лежит понимание последней как некоей целостной системы, искусственно организованной, созданной в ответ на определенные потребности действительности, находящейся в состоянии развития и изменения. По мнению Г. П. Щедровицкого, можно говорить о «педагогическом производстве», выступающем некоей особой конструкцией специальных учебных средств и соответствующих учебных ситуаций. Это своего рода системы, которые «транслируются и строятся искусственно в целях обучения и воспитания»; «со временем оказывается, что эти деятельности... составляют львиную долю всех социальных деятельностей» [5, с. 41–42].

Г. П. Щедровицкий намечает структурные компоненты трансляции искусственно созданных систем, которые обуславливает «наличие теоретических <...> знаний о возможных и невозможных изменениях объектов <...> результаты и последствия новых практических действий, направленных на эмпирические объекты, и <...> средства и способы воздействий, которые могли бы реализовать заложенные в объектах потенции» [5, с. 6]. Такими компонентами выступают:

- проектирование целей образования;
- разработка программы образования;
- разработка учебных средств;
- конструирование приемов обучения.

В качестве характеристик педагогической деятельности Г. П. Щедровицкий обозначает:

- «массовое производство», или искусственно созданные системы;
- наличие «машин», осуществляющей это производство, или созданные на определенных этапах развития общества соответствующие формы деятельности;
- технологическая сторона производства, или средства и приемы, конструирующие это производство;
- методы работы в рамках соответствующих форм деятельности.

Таким образом, педагогическая деятельность выступает сложным феноменом, искусственно созданной системой, определяющим моментом которой является технико-технологическая сторона, обуславливающая особое производство, прежде всего духовно-ценностное, и отвечающее на запросы времени, выполняющей его социальный заказ.

Для нас ключевыми в понимании изменений, происходящих в содержании и формах педагогической деятельности, выступают два момента: производство и его технологическая сторона [2, с. 48–53]. Современная реальность предлагает рассматривать образование в качестве основного способа производства человека мобильного, отвечающего запросам быстро меняющейся действительности. Скорость адаптации к меняющимся условиям обеспечивают современные технологии.

Рубеж второго и третьего тысячелетий ознаменовался принципиальным изменением социокультурной среды, повлекшей за собой изменения процессов социализации и инкультурации. Интернет изменил расстояние и время, позволив пребывать в состоянии «здесь и сейчас» огромному числу людей. Личность получила бесконечные возможности. Планета существует в режиме глобализации, актуализируя экологические проблемы. В этих условиях сложившаяся система обучения, отвечающая потребностям промышленной революции, выступает препятствием на пути формирования современного специалиста. Ее реформирование идет по пути появления новых

технологий, меняющих не только систему образования и воспитания, но и важнейшие характеристики педагогической деятельности. В частности, принципиально меняется диада *педагог – обучающийся*. Между учеником и учителем, ребенком и родителем появляется пласт культуры, доступный без участия взрослого, носителя опыта предшествующих поколений. Впрочем и сам опыт, вследствие отделения его от конкретного носителя – взрослого, воспринимается малолетними, подрастающими, молодыми по-новому*.

Технологическая сторона производства искусственно созданной машины, или средства и приемы, конструирующие это производство, по Г. П. Щедровицкому, принципиально изменяет содержание и формы деятельности за счет расширения возможностей оптимизировать сам процесс. Наиболее ярко это проявляется в современных тенденциях образования [см., например, здесь: 1]. В качестве примера приведем следующие из них:

1. *Сетевое образование* на сегодняшний день представлено курсами, которые можно прослушать на популярных площадках для онлайн-образования, которые создают и поддерживают ведущие университеты мира: Массачусетский технологический институт (MIT), Стэнфордский университет, Калифорнийский технологический институт, Гарвардский университет и др. Обширная база бесплатных онлайн-курсов собрана на платформе «Универсариум», на которой выкладывают программы российские вузы: РГГУ, МГУ, ВГИК и др.

2. *Внедрение в образовательный процесс игровых технологий*. Да, действительно: дедушки играли в кубики, родители – в конструкторы, дети живут в игре благодаря игровым технологиям XXI в. Практически все виды обучения, начиная с общего и заканчивая корпоративным, строятся на игровых формах. На сегодняшний день наиболее разработаны технологии по отработке профессиональных навыков и умений.

3. *Виртуальная реальность как образовательная среда* провоцирует создание платформ, которые позволяют проводить уроки, лекции и семинары в виртуальной среде. Средства коммуникации между преподавателями и обучающимися опосредованы атрибутами эпохи изучения. В сочетании с игровыми технологиями повышается эффективность формирования познавательного интереса у обучающихся.

4. *Мобильное обучение*. Смартфоны выступают не только предметом первой необходимости, но и средством обучения подобно пишущим ручкам). Гаджеты используются в изучении иностранных языков, дают возможность совершенствовать навыки игры на музыкальных инструментах, развивают память и реакцию и т. д. В ближайшие годы мобильные технологии шагнут в сторону создания единых баз данных и информационных каналов, к которым ученики смогут подключиться через смартфон в любой момент.

5. *Использование коучинга* с целью индивидуализации процесса обучения через создание института личных наставников по самым разнообразным направлениям, в том числе и в области неформального образования [6]. Эта тенденция не является напрямую обусловленной достижениями в области развития информационно-коммуникационных технологий, но отражает изменения в классической формуле *педагог – ученик*.

Педагогическая деятельность выступает универсальной технологией осуществления специфического способа человеческой деятельности, а именно – передачи культуры и знаний последующим поколениям в виде содержания воспитания и обучения. Цели и идеалы общественного и личностного развития на каждом этапе заданы уровнем развития культуры. Можно выделить несколько этапов формирования педагогической деятельности [2, с. 60–63]:

Первый этап: деятельность по осуществлению воспитания и обучения не существует в том виде, как она понимается сегодня. Ее отличительной особенностью является синкретизм: неразрывная связь с производственными воздействиями, обеспечивающими изготовление орудий и их специализацию. Новые отношения с окружающей средой, между членами сообщества, сама организация деятельности и жизни требовали соблюдения определенных правил, которые обеспечивали связь поколений. Их нужно было представить в виде умений и навыков и, конечно, знаний.

* Это явление, на наш взгляд, недостаточно осознано научным сообществом и ждет своего изучения. Характерным следствием этого явления выступает трансформация отношений между учеником и преподавателем.

Второй этап: появление социально организованных форм трансляции накопленного и воплощенного в виде умений, навыков и знаний опыта. В истории европейской культуры это система воспитания в Древней Греции, на примере которой особенно понятной становится регулирующая функция духовной части культуры. Цели, ценности и идеалы, эта, по выражению Э. С. Маркаряна, ценностно-целевая система общества становится технологичной и задает параметры осуществления подготовки подрастающего поколения к жизни [4]. Они начинают распространяться на все содержание, формы и средства последней (Платон, Аристотель, Демокрит). На этом этапе создаются необходимые условия для основания, становления педагогической деятельности как универсальной технологии достижения целей общественного и личностного развития в соответствии с целями и задачами общества. Однако личностное не существует как отдельное, поскольку, будучи привязанным к определенному культурному или цивилизационному типу, оно что называется, еще не определено в качестве социальной цели.

Третий этап: выделение педагогической деятельности в качестве самостоятельного социокультурного явления. Это послужило основанием для обоснования самостоятельного предмета науки. Шаг в этом направлении был осуществлен Я. А. Коменским. Сделанное им можно сравнить с тем значением в истории развития культуры и человеческой цивилизации, которое имела Древняя Греция. Древняя Греция заложила основы европейской культуры. Я. А. Коменский заложил основы педагогики. С этого момента человеческая практика по осуществлению воспитания и обучения становится самостоятельным предметом изучения.

Четвертый этап: педагогическая деятельность выступает объектом научного изучения и осмысления педагогической практики. Парадоксально, но на этом этапе она становится синонимом учения, обучения, воспитания – учебно-воспитательная деятельность, а термин «педагогическая деятельность» становится синонимом деятельности учителя, педагога. На первый план выходит прагматическая характеристика педагогической деятельности. Это можно объяснить несколькими, на наш взгляд, причинами. Среди них основными выступают характеристики современной социокультурной ситуации и значение образования как социального института, обусловленного научным и техническим прогрессом, порождающим кардинальные изменения в сжатые промежутки времени. Институт образования становится важнейшей характеристикой современного общества. Образование и инкультурация являются важнейшими атрибутами человеческой деятельности.

Пятый этап: потребность в осмыслении накопленного опыта в практике формирования подрастающего поколения и поиск решения задач, обусловленных вызовами XXI в. Основной ситуацией, в рамках которой разворачивается педагогическая деятельность сегодня, является доселе не существовавший в практике воспитания как вечного и всеобщего явления разрыв между поколениями детей и родителей, а также разрыв между детьми и педагогами, что, пожалуй, выступает самым принципиальным в этой ситуации. Они принадлежат не просто к разным эпохам, они принадлежат к разным мирам. Основа этого разрыва технологически детерминирована.

Литература:

1. Блог [Полезные статьи от экспертов образования] [Электронный ресурс] // Ассоциация репетиторов : [сайт]. – URL: <https://blog.repetit.ru/>. – Проверено: 20.10.2018.
2. Каченя, Г. М. Педагогическая деятельность: современное прочтение [Текст] / Г. М. Каченя // Проблемы педагогики социально-культурной деятельности : монография / под общ. ред. Р. А. Литвак ; ред.-сост. М. Е. Дуранов ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2015. – 288 с.
3. Кузьменко, Г. Н. Философия и методология наук [Текст] : учебник для магистров / Г. Н. Кузьменко, Г. П. Отюцкий. – Москва : Юрайт, 2014. – 450 с.
4. Маркарян, Э. С. Теория культуры и современная наука: логико-методологический анализ [Текст] / Э. С. Маркарян. – Москва : Мысль, 1983. – 284 с.
5. Щедровицкий, Г. П. Педагогика и логика [Текст] / Г. П. Щедровицкий, В. Розин, Н. Алексеев, Н. Непомнящая. – Москва : Касталь, 1993. – 415 с.
6. Образование в сети: как учиться в лучших вузах мира бесплатно [Электронный ресурс] [публ. 4 дек. 2017] // BBC News. Русская служба : [сайт] – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42226263?ocid=wsurdu..social.sponsored-post.facebook.SMP%28AEP%29-Freecourse.nneed2.RU-18+.Statemtn.mktg>. – Проверено: 20.10.2018.

*кандидат педагогических наук, старший
преподаватель кафедры культурологии и
социально-гуманитарных технологий
Пермского государственного
национального исследовательского
университета*

Котельникова М. К.

*студентка Пермского государственного
национального исследовательского
университета по направлению подготовки
Организация работы с молодёжью*

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК СПОСОБ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЁЖИ

*Педагогическая научная школа Анатолия Дмитриевича Жаркова,
доктора педагогических наук, профессора,
Московский государственный институт культуры*

В статье рассматривается комплекс понятий: обучение, воспитание, социально-гуманитарные технологии. Подчеркивается важность применения социально-гуманитарных технологий в ходе образовательного процесса ВУЗа в рамках подготовки специалистов по работе с молодёжью. Авторы акцентируют внимание на универсальности социально-гуманитарных технологий, подкрепляя это опытом кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета.

Ключевые слова: социально-гуманитарные технологии, обучение, воспитание, молодёжь, организатор работы с молодёжью

**Fokina N.,
Kotelnikova M.**

SOCIAL AND HUMANITARIAN TECHNOLOGIES AS A WAY OF YOUNG PEOPLE TEACHING AND UPBRINGING

The article considers a complex of concepts: teaching, education (as upbringing), social and humanitarian technologies. The importance of using social and humanitarian technologies in the course of the educational process of the university in the framework of training specialists for working with young people is emphasized. The authors focus on the universality of social and humanitarian technologies, reinforcing this with the experience of the Department of Cultural Studies and Social and Humanitarian Technologies of the Perm State University.

Keywords: social and humanitarian technologies, teaching, education, youth, organizer of work with youth

Современные, динамично развивающиеся мир и рынок труда предъявляют множество вызовов для молодых специалистов. Выпускник вуза должен владеть не только теоретическими знаниями в сфере науки и осваиваемой профессии, но и быть компетентным практиком, уметь эффективно выстраивать коммуникацию с обществом. Ввиду этого в рамках подготовки молодых специалистов нередко используют социально-гуманитарные технологии, которые становятся эффективным средством выстраивания целей, средств, задач и путей реализации современного об-

разования. Рассмотрим характеристики социально-гуманитарных технологий, кратко охарактеризуем основные понятия в рамках обозначенной темы исследования.

По нашему мнению, обучение в современных условиях непрерывного образования – это совместная деятельность профессорско-преподавательского состава вуза и субъектов обучения, направленная на усвоение избранных преподавателем или предписываемых учебной программой элементов объективизированного опыта человечества в виде конкретного перечня социально-гуманитарных технологий.

Мы определяем воспитание как социально-гуманитарную деятельность (работа) профессорско-преподавательского состава вуза, направленную на становление у субъектов образования системы убеждений, нравственных норм и качеств личности, предусмотренных получаемым образованием (в нашем случае – организаторов работы с молодёжью).

Под социально-гуманитарными технологиями следует понимать «гибридный» вид технологий, сочетающих в себе социальные (общественные) технологии и гуманитарный подход к субъекту. Разграничивая понятия «гуманитарные технологии» и «социальные технологии», Б. Г. Юдин пишет, что технологические воздействия на индивида можно приравнять к гуманитарным технологиям; там же, где речь идет о воздействии на социальные общности любого масштаба, имеет смысл говорить о социальных технологиях [5]. В качестве базового понятия социальной технологии можно опираться на определение П. В. Клячкова: «социальные технологии – технологии, призванные оказать целенаправленное воздействие на социальные структуры и социальные процессы» [2, с. 25]. Л. Г. Ионин под социальными технологиями подразумевает «совокупность приемов, методов и воздействий, применяемых для достижения поставленных целей в процессе социального планирования, развития, решения разного рода социальных проблем» [1, с. 345]. В связи с этим нельзя отождествлять понятия социальных и гуманитарных технологий, понятие «социальная технология» шире. Категория гуманитарных технологий близка понятию «мягкая сила» (soft power). Данное понятие было введено в научную литературу профессором Гарвардского института государственного управления им. Джона Ф. Кеннеди Джозефом С. Наем-младшим. Он определил мягкую силу как способность получить то, что вы хотите, скорее благодаря ценностной привлекательности, чем посредством принуждения [6]. Определение О. Ф. Русаковой дает возможность разграничить понятие социальных и гуманитарных технологий. Автор считает, что понятие «мягкая сила» является «зонтичным» для всех смежных понятий, «смысловых партнеров»: бренд, имидж, идентичность, геополитические технологии, символическая политика, культурная дипломатия и т. д. [4]. Под социально-гуманитарными технологиями работы с молодёжью, мы будем понимать упорядоченную и научно-обоснованную совокупность средств, методов и операций для активизации самой перспективной части населения нашей страны – молодёжи [3, с. 319].

Классические образовательные траектории, основанные на линейном подходе, превалировании абстрактного, логического мышления постепенно исчерпывают себя. В современных образовательных моделях все большую роль играет «человеческий фактор», то есть наличие и подготовка специалистов, владеющих уникальными социально-коммуникативными и технологическими компетенциями. В рамках учебного процесса в Пермском государственном национальном исследовательском университете (ПГНИУ) на философско-социологическом факультете осуществляется подготовка организаторов работы с молодёжью, что обусловлено, по нашему мнению, современными запросами общества и государства на социально-гуманитарных технологов. Социально-гуманитарные технологии на кафедре культурологии и социально-гуманитарных технологий ПГНИУ – это определённые процедуры, способствующие выявлению, формированию, генерированию, выращиванию, отбору, развитию и позиционированию будущего организатора работы с молодёжью в сфере профессионального развития и становления как специалиста. Подчеркнём, что это уникальное отличие выпускников ПГНИУ направления «Организация работы с молодёжью».

Таким образом, при использовании социально-гуманитарных технологий в образовании можно говорить о принципиально новом подходе. Социально-гуманитарные технологии позво-

ляют формировать новое качество профессиональной личности, способной быстро ориентироваться в меняющихся социально-экономических, информационных, технологических средах. Исследование специфики социально-гуманитарных технологий представляет собой многоаспектный процесс, при этом при определении характерных признаков и черт социальных и гуманитарных технологий можно разграничивать и конкретизировать их. Социально-гуманитарные технологии – это способ контролируемых инноваций, конструирования общества будущего.

Социально-гуманитарные технологии в подготовке организаторов работы с молодёжью в ПГНИУ – это значимая совокупность научных идей и положений об акцентировании социализирующих факторов процесса непрерывного образования, доминантой которого утверждается становление личности. Таким образом, обучение в ПГНИУ направлено на подготовку выпускника, обладающего профессиональными и личностными качествами, которые обеспечивают ему востребованность и устойчивую конкурентоспособность от регионального до международного уровня труда. Выпускник ПГНИУ направления «Организация работы с молодёжью» имеет широкие возможности самореализации как в новейших областях знаний, так и в наиболее значимых сферах профессиональной деятельности и общественной жизни.

Начиная подходить к образовательному процессу с опорой на социально-гуманитарные технологии, можно обратиться к следующим конкретным технологиям:

1. технологии переговорных процессов;
2. технологии командообразования;
3. технологии самопрезентации;
4. технологии эмоциональной саморегуляции;
5. проективные технологии;
6. технологии визибельности организатора работы с молодёжью;
7. технологии распределённого лидерства.

Подчеркнем, что при обучении и воспитании молодёжи в высших учебных заведениях профессорско-преподавательскому составу необходимо включать в образовательный процесс технологии, определяющие будущее образование:

1. Мобильные технологии (Bring Your Own Device);
2. Технологии игрового обучения (Games and Gamification);
3. Облачные технологии (Cloud Computing);
4. Технологии, включающие в себя Интеллектуальные системы (Intelligent System);
5. Носимые технологии (Wearable Technology);
6. Технологии, включающие в себя «Интернет вещей» (Internet of Things).

Инновационный характер современного образовательного процесса и, в целом, факторы развития экономики выдвигают все большие требования к профессионализму выпускников. Постиндустриальное общество приходит к тому, что образование должно быть непрерывным. Именно за счет применения в учебном процессе подходов с использованием социально-гуманитарных технологий человек становится более мобильным к изменениям. Таким образом, специалисту по работе с молодёжью необходимо параллельно осваивать информационно-коммуникационные технологии, такие как MOOC (Massive Open Online Course). Данный формат подразумевает дистанционную передачу знаний. Перечислим современные интерактивные технологии:

1. Canvas;
2. E-Learning;
3. LearningApps;
4. Kahoot.

За счет умения ориентироваться в информационном поле, развития навыков действовать в условиях социальной изменчивости и неопределенности выпускник, владеющий и умеющий применять социально-гуманитарные технологии в действии, становится более конкурентноспособным на рынке труда. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в современном положении образовательной системы в России складывается довольно благоприятная среда для ис-

пользования социально-гуманитарных технологий как одного из более эффективных способов развития потенциала молодых людей.

Литература:

1. Ионин, Л. Г. Технология социальная / Л. Г. Ионин // Современная западная социология : словарь. – Москва : Политиздат, 1990. – 645 с.
2. Клачков, П. В. Понятие гуманитарных технологий в системе социально-философских категорий / П. В. Клачков // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. – С. 23–29.
3. Коряковцева, О. А. Технологии общественно-политической активизации молодёжи в теоретическом аспекте / О. А. Коряковцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 119. – С. 314–322.
4. Русакова, О. Ф. Методологические проблемы категориального и инструментального анализа soft power / О. Ф. Русакова // ДискурсПи. – 2014. – Т. 11. – № 1. – С. 68–74.
5. Юдин, Б. Г. От гуманитарного знания к гуманитарным технологиям (начало) / Б. Г. Юдин // Знание. Понимание. Умение. – 2005. – № 3. – С. 129–138.
6. Nye, J. S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York : Public Affairs, 2004. – 208 p.

Утегенова Б. М.

УДК 378(574)

*кандидат педагогических наук, доцент,
Костанайский государственный
педагогический университет, Республика
Казахстан*

**О РАЗВИТИИ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ
КАЧЕСТВ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА
В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

В статье рассматриваются ценностные ориентации через обоснование научно-методических подходов. Аксиологический подход по формированию ценностных ориентаций включает определение базовых понятий, основные компоненты по формированию ценностных ориентаций. В статье сделан анализ теории формирования ценностных ориентаций.

Ключевые слова: ценностные ориентации, духовная культура, аксиологический подход, мотивация к профессии

Utegenova B.

**DEVELOPMENT OF VALUE ORIENTATIONS AND SPIRITUALLY-MORAL QUALITIES
OF THE PEDAGOGICAL UNIVERSITY STUDENTS IN THE CONTEXT
OF THE NATIONAL PROGRAMMES OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN**

This article discusses the value orientations through justification scientific and methodological approaches. Axiological value orientations formation approach involves defining the basic concepts, key components of value orientations formation. The article made an analysis of the theory of the formation of value orientations.

Keywords: value orientations, spiritual culture, axiological approach, motivation to the profession

Отличительной особенностью развития казахстанского общества на современном этапе является воспитание нового поколения специалистов, социально активных членов общества с высоким уровнем развития национального самосознания, национального духа, духа патриотизма, исторического сознания и социальной памяти; духа профессионализма и конкурентоспособности, готовых к активным и решительным действиям по сохранению стабильности, независимости, безопасности государства, способных строить конструктивный диалог с представителями других культур.

В государственной программе развития образования и науки Республики Казахстан на 2016–2019 гг. подчеркивается задача формирования у молодого поколения духовно-нравственных ценностей Общенациональной патриотической идеи «Мәңгілік Ел» и культуры здорового образа жизни [1; 2]. В основе национальной идеи лежит позитивное восприятие своего исторического прошлого, осмысление глубинных смыслов общественного бытия через постижение собственных национальных корней и возрождение лучших народных традиций. В свою очередь, развитие этой идеи в общественном сознании неизбежно предполагает процесс реформ и инновационных изменений в системе образования, направленных на возрождение исторически сложившихся национально-отличительных форм образования.

Аксиологический (ценностный) подход является основой всех гуманистических концепций, где личность выступает высшей ценностью человечества. В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира. Она утверждает, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно видеть то общее, что не только объединяет человечество, но и то особенное, что характеризует каждого отдельного человека.

В контексте национального кода «Мәңгілік ел» ориентация на формирование у будущих педагогов системы национальных и общечеловеческих ценностей определяет их отношение к своему народу, народам, находящимся в совместном проживании, к мировому сообществу в целом, к своей деятельности, к самому себе как человеку и носителю национальной культуры. Сегодня, в условиях независимости, с особым смыслом воспринимаются гениальные слова одного из лидеров движения Алаш Мустафы Шокая: «Национальная свобода есть следствие национального духа. А национальный дух растет и приносит свои плоды при наличии национальной свободы и независимости» [2, с. 128].

Идеи и идеалы, положения и принципы, выдвигавшиеся поколением казахской интеллигенции демократического движения Алаш начала XX в. (Алихан Букейханов, Ахмет Байтұрсынұв, Мухамеджан Тынышпаев, Миржакып Дулатов), сохраняют свое значение и востребованы поныне. Являясь средоточием вековых надежд казахского народа на свободу, устремления и ценностные ориентиры составляли существо духовной жизни казахского общества. Успешно противостоять новым вызовам времени в условиях внутренних и внешних угроз, кризиса ценностей цивилизации, отстоять интересы нации – обязанность нынешних поколений. И хотя каждое время ставит новые задачи, но идеи «Алаша»: равноправие, общественное согласие и мир, культурный прогресс нации, меритократия, государственный язык, привлечение не только элиты, но и широких масс к делам управления государством – продолжают жить и вновь напоминают о себе в период кардинальных изменений в стране. В условиях независимости, мы наблюдаем преемственную взаимосвязь между идеями первых казахских интеллектуалов прошлого века и современностью.

Студенты, как особая социальная группа постоянно находятся в центре внимания исследований педагогов, так как именно они являются индикатором происходящих перемен и определяют потенциал развития общества. От того, какие ценностные ориентации будут сформированы у молодого поколения, во многом зависит будущее состояние общества. Именно ценностные ориентации студентов являются необходимым компонентом их жизненного и профессионального самоопределения, проектирования себя как гражданина и как профессионала [4, с. 41].

Профессиональное образование в меру своих сил имеет возможность влиять на ценностные ориентиры студентов. Ценностные ориентации личности, являясь отражением образа жизни, определяют не только стиль поведения студента в процессе обучения в вузе, но и мотивацию, и направление его деятельности. Образование в ценностных ориентациях студенческой молодежи относится к инструментальным ценностным ориентациям. Культурно-образовательная среда педагогического вуза создает необходимые условия для личностного роста и формирования высшего, автономного уровня системы ценностей. Содержание ценностей в большой степени зависит от культурного контекста и исторического периода, в котором живет подрастающее поколение.

Воспитание профессионала – это не только вооружение его системой специализированных знаний, технологий, но и приобщение к ценностям, идеалам отечественной культуры. Значимую

роль при выстраивании системы ценностей играет преподаватель, который обязан быть носителем и транслятором подлинно гуманистических, конструктивных ценностей и образцом ценностно-самоопределившейся личности. Основное содержание идеальной модели ценностных ориентаций современных студентов должно включать в себя:

- сохранение жизни и здоровья как высших жизненных ценностей;
- первостепенность духовно-нравственных опор, таких как счастье, любовь, хорошая семья, будущее детей, дружба, что особенно важно в условиях нестабильности и жизненной среды;
- образованность, хорошую работу и хорошее материальное положение;
- конкурентоспособность, стремление к профессиональной самореализации, строящихся на уверенности в себе, предприимчивости, самостоятельности, упорстве, ответственности, самосовершенствовании (в условиях появления новых возможностей, ужесточения конкуренции и требований к профессионализму);
- креативность, развитие своих способностей и индивидуальности, сохранение духовной независимости и самоуважения (поскольку в настоящее время востребованы способности принимать нестандартные решения, создавать оригинальные проекты, критично мыслить, отстаивать свою позицию и т.д.);
- активные социальные контакты и социальная компетентность, то есть установление благоприятных отношений в различных сферах социального взаимодействия, расширение межличностных связей, реализация своей социальной роли (в настоящее время востребовано умение работать в команде, видеть возможные перспективы карьерного роста) [5, с. 241].

В педагогическом вузе требует совершенствования аксиологическая подготовка будущих специалистов, ведь именно от них будет зависеть духовное здоровье нации, уровень ценностной просвещенности юношества, успешность их адаптации к новым социально-экономическим условиям и конкурентоспособность на рынке труда.

В последние годы количество публикаций, посвященных ценностным ориентациям студенческой молодежи, неуклонно растет. По мнению А. В. Кирьяковой, именно ценностные ориентации определяют духовный стержень человека, выражают его отношение к миру и к самому себе, оказывают влияние на направленность и содержание социальной активности, наполняют жизнь смыслом, представляют основной канал усвоения человеком духовной культуры общества, превращения культурных ценностей в стимулы и мотивы практического поведения, являются системообразующим элементом мировоззрения [3, с. 122].

Назовем факторы и условия создания комфортной высоконравственной духовно осмысленной образовательно-воспитательной среды:

- Высокий уровень нравственной и профессиональной культуры педагога.
- Академическая свобода для всех участников образовательно-воспитательного процесса.
- Доброжелательная атмосфера.
- Гуманный стиль общения и поведения.
- Сотрудничество, сотворчество.
- Создание ситуации успеха.
- Оптимистическое настроение.
- Эмоциональный подъем, особенно при выполнении КТД.
- Стимулирование интереса к разнообразным видам деятельности обучающихся.
- Постановка индивидуальных, дифференцированных задач и заданий.
- Поощрение инициативы и творчества.
- вовлечение учащихся в соревновательную деятельность.
- Создание условий для максимальной творческой самореализации обучающихся.
- Поощрение и стимулирование «самости» обучающихся: самостоятельности, самопознания, самоуправления, саморазвития, самореализации.
- Создание оптимальной эргономичной среды (удобное рабочее место, освещение, температура, благоприятный психологический климат).

Аксиологический подход в профессиональной подготовке будущих педагогов является ведущим ориентиром развития его индивидуального самосознания и фактором самореализации в социальной и профессиональной сфере. Продуктивность педагогической деятельности определяется не качеством усвоения технологических параметров ее осуществления, а состоянием Я-концепции личности, базирующимся на оценочных отношениях к себе, к миру. В этой связи аксиологическое образование современного студента рассматривается как процесс и результат приобщения личности к определенной системе ценностей. Результатом овладения ценностными качествами является усвоение мощных ценностных регуляторов личности в различных ситуациях.

Аксиологическим ядром современного педагогического процесса являются такие ценности как Родина (Туган жер), неразрывно связанная с патриотизмом – любовью и уважением к своей земле, гордостью за свою страну и свой народ, ответственностью перед нынешними и будущими поколениями; коллектив, что предполагает сочетание личных интересов с общественными, взаимную поддержку и помощь, обязательность и ответственность; труд как необходимый способ самореализации человека; гуманизм, признание человека высшей ценностью.

Каким образом происходит освоение ценностей? В содержательном аспекте сначала усваиваются знания о ценностях, смысловой потенциал ориентаций, переживается определенное отношение к ценностям, затем происходит осознание необходимости соответствующего поведения, готовность к поведению на основе ценностей. В процессуальном аспекте предполагается функционирование последовательных действий: от познания смысла – к переживанию и сопереживанию значимости того или иного явления, ситуации, отношения и далее к реализации жизнедеятельности.

Среди педагогических технологий, ориентированных на развитие аксиологического мышления личности, в первую очередь выделяются технологические решения в рамках личностно ориентированного, диалогического, рефлексивного, имитационного подходов к организации педагогического процесса. Именно эти подходы подчеркивают ценность личности и создают благоприятные условия для ее развития.

Сущность аксиологического образования через обучение и воспитание можно представить в виде следующей логической цепочки: *«информация о ценностях => переживание ценностей => реализация ценностного подхода => аксиологическое развитие личности => изменения и преобразования => аксиологическое саморазвитие»*.

В процессе профессиональной деятельности (основной этап профессионального развития) осуществляется креативно-аксиологическая парадигма. Педагог развертывает свою ценностную систему в творческой плоскости, апробирует варианты отношений, творчески подходит к решению педагогических задач. Таковы позиции, которые могут целенаправленно влиять на формирование педагогической аксиосферы. Наиболее значимые из них: гуманистическая образовательная среда, фундаментальное профессиональное образование, коммуникативный опыт, самовоспитание, развитие моральных норм в образовании, ценности культуры, социально-политический уклад жизни общества.

Духовные ценности (рухани жанғыру) являются средством выражения социальной зрелости человека. Духовную аксиосферу личности можно представить как экзистенциальную, нравственную, политическую, эстетическую, и художественную смыслообразующую, каждая из которых занимает в иерархии ценностей определенное место. Если представить «пирамиду» духовных ценностей, то особое место занимает в ней понимание природы смысла жизни в духовной жизни [3, с. 78]. Смысл жизни фиксирует духовное ядро самосознания личности, является осью убеждений человека. Именно ему подчинены все другие жизненные цели. В этом смысле гуманизм учителя направлен не только на профессиональные и коммуникативные характеристики педагогической деятельности, но и результаты целостного педагогического процесса. Способность педагога принимать решения формируется в ходе различных педагогических ситуаций. Готовность к принятию решений одухотворяется смыслом жизни. Еще одним значимым инструментом одухотворения педагогического процесса является совесть педагога, которая требует высочайшей внутренней силы и постоянной работы над собой. И. А. Ильин определял совесть как начало «нравственной гениальности в человеке». Рассмотрим другие составляющие духовной сферы учителя.

Внимание есть аксиологический ориентир, обеспечивающий безопасность, надежность личности, позволяющий замечать малейшие ростки изменений в человеке, его духовные порывы и многое другое. Творчество как ценность – особый род деятельности, в условиях которого рождается нечто новое, область мастерства и искусства. Нравственные ценности как импульс внутренней духовной мотивации выражает систему отношений к миру и себе.

Таким образом, аксиосфера личности – это уникальное духовное образование, включающее ценностные ориентации, обеспечивающие самосохранение человека в пространстве и во времени. В основе духовно-нравственной и ценностной деятельности педагога лежит осмысление своего духовного «Я» в процессе интериоризации духовных ценностей культуры через проживание-переживание ситуаций, основанных на нравственной коллизии.

Литература:

1. Государственная программа развития образования и науки РК на 2016–2019 годы. – Астана : МОН РК, 2016. – 12 с.
2. Идеи Алаш вдохновляют молодые сердца // Білімді ел. – 2016. – № 24. – С. 12.
3. Кирьякова, А. В. Аксиология образования. Прикладные исследования в педагогике : [монография] / А. В. Кирьякова, Т. А. Ольховая, И. Д. Белоновская. – Москва : Дом педагогики, 2010. – 293 с.
4. Концепция реализации национальной идеи «Мәңгілік Ел» в вузах Казахстана / Казах. нац. пед. ун-т имени Абая. – Астана : Ұлағат, 2015. – 28 с.
5. Утегенова, Б. М. Ценностные ориентации студентов в контексте подготовки будущих учителей / Б. М. Утегенова // Вестник Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова. Серия педагогическая. – 2015 – № 1. – С. 240–247.

УДК 378

Катричева Т. Ю.

*старший преподаватель кафедры
музыкального образования, специалист
управления науки и инновации Челябинского
государственного института культуры*

**Научная школа Риммы Алексеевны Литвак,
доктора педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры**

Терехов А. Н

*кандидат исторических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

**Научная школа Владимира Яковлевича Рушанина,
доктора исторических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры**

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА СТУДЕНТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЧЕЛЯБИНСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ КУЛЬТУРЫ)

В статье рассматривается опыт формирования и реализации научно-исследовательской культуры студентов на примере авторских проектов, реализуемых в Челябинском государственном институте культуры. Особое внимание уделяется понятию «исследовательская культура», формам исследовательских умений, возможностям их инициирования, проблемам, возникающим при ее формировании. Высказывается мнение, что опредмечивание результата научно-исследовательской деятельности является серьёзной мотивацией для активизации последней.

Ключевые слова: исследовательская культура, исследовательская деятельность, научные навыки

**RESEARCH CULTURE OF STUDENTS: FORMATION OPPORTUNITIES
(ON THE MATERIAL OF SCIENTIFIC RESEARCH ACTIVITIES
IN CHELYABINSK STATE INSTITUTE OF CULTURE)**

The article deals with the research culture of students, problems and prospects of its formation. Special attention is paid to the concept of "research culture", forms of research skills.

Keyword: research culture, research activity, scientific skills

Сегодняшнее состояние высшего образования, процессы его модернизации невозможно представить без активного участия молодых исследователей. Кардинальные изменения в современной жизни российского общества невозможны без широкого переосмысления образовательной политики, благодаря которой осуществляется преемственность поколений, формируется сознание, гражданская и политическая культура, мировоззренческие установки и нравственные ценности студентов, магистрантов, аспирантов [19, с. 51]. В связи с этим возрастает актуальность обращения современных ученых к вопросу формирования исследовательской культуры, которую Н. Ю. Гутарева определяет как сложное динамическое образование, которое проявляется в единстве внутренней, духовно-психологической, и внешней, практической, деятельности [1, с. 1008].

Проблема формирования исследовательской культуры, в том числе студентов, недостаточно изучена. Производству всегда были необходимы квалифицированные кадры, специалисты, готовые к самообразованию и саморазвитию, что могло обеспечить владение исследовательской культурой. В современных условиях повышенной мобильности профессионала, ответственности и креативности в условиях глобализирующегося производства и, возможно, приближающегося общества знаний, это владение ещё более востребовано. Работодателям нужны специалисты, не только обладающие глубокими познаниями в профессиональной деятельности (полученные знания, равно как и умения, навыки, владения слишком быстро устаревают), но работники, способные быстро ориентироваться в стремительно возрастающем потоке информации, адаптироваться к изменяющимся условиям, а при необходимости – изменить профиль своей деятельности.

В научной литературе широко освещены вопросы формирования культуры научно-исследовательского труда. Психолого-педагогические подходы к исследовательской деятельности заложили М. В. Ломоносов [15], Н. И. Новиков [17] и др. В работах дидактов М. И. Махмутова [16], И. Я. Лернера [14] акцентируется внимание на том, что исследовательский метод является условием формирования интереса и потребности в творческой деятельности обучающихся. В. И. Загвязинский полагает, что «основой исследовательской культуры является определённая система ценностных ориентиров, знаний, умений и навыков, традиционных и инновационных подходов, способностей и личностных качеств, необходимых для успешного исследовательского поиска» [9, с. 36]. В. В. Краевский показывает, что будущий «учитель должен выполнять не только образовательные и воспитательные функции, но и быть исследователем-специалистом. Ни знание самой педагогической науки, ни практический опыт не могут заменить специальной подготовки к новой профессии – научно-исследовательской, хотя и является необходимой предпосылкой» [13, с. 299]. И. Ф. Исаев характеризует исследовательскую культуру как «интегративное качество личности, характеризующееся единством знаний целостной картины мира, умениями, навыками научного познания, ценностного отношения к его результатам и обеспечивающее её самоопределение и творческое саморазвитие» [10, с. 137]. В разработанной И. В. Носаевой модели исследовательской культуры личности ею выделены четыре взаимосвязанных компонента: 1) знание о самой исследовательской деятельности; 2) мотивы и ценностные ориентации исследовательской деятельности; 3) исследовательские умения; 4) опыт исследовательской деятельности [18, с. 17].

Исследовательская культура является специфической формой познавательной активности студентов [11], в которой они не только усваивают данный изучаемый материал, но и постоянно приобретают практический опыт планирования, организации, контроля и коррекции деятельно-

сти, имеющей проблемно-поисковый, исследовательский характер. Это, в свою очередь означает, что исследовательская культура выражается не только в умениях применять научные знания для решения учебных задач, но и в способности определять средства и способы достижения познавательных целей, обосновывать и аргументировать полученные результаты. Яркой иллюстрацией последнего является работа экспериментальной литературно-библиографической лаборатории в Челябинском государственном институте культуры (ЧГИК) (опыт которой раскрыт во многих публикациях Ю. В. Гушул [2; 4; 5; 20]) и других научных объединениях: Исторического клуба, Студенческого библиографического бюро, Студенческой лаборатории музейного проектирования и др., – во главе которых стоит Научное студенческое общество института.

Используемый авторами статьи метод наблюдения (период 2016–2018 гг.) за реализацией этого проекта позволяет получить следующие предварительные выводы:

1) руководители выступают именно организаторами исследовательского процесса, предлагают темы для изучения, не навязывая (и даже не сообщая) траекторию и режим работы;

2) лаборатория формирует навык четкого самооценивания студентами своих достижений (умение оценивать собственные силы достигается за счёт рассмотрения и аргументированного анализа самими студентами своей работы, сравнения её с результатами работы других студентов, видения допущенных ошибок и способности определить, какие действия могут восполнить пробелы в знаниях);

3) явный «плюс» научных объединений заключается в возможности использовать в них неформальные формы работы, которые нельзя включить в оцениваемые по давно устаревшим критериям традиционные лекцию, семинар, практическое занятие.

Формирование исследовательской культуры – это длительный процесс. Необходимо, чтобы образовательное пространство включало в себя практически все аспекты жизнедеятельности человека и создавало необходимые условия для формирования исследовательской культуры студентов. В ЧГИК в рамках реализации последнего направления внедряют в учебный процесс инновационные открытые лекции [3; 6], которые проводятся с приглашением учёных и студентов других специальностей, чтобы продемонстрировать целевой аудитории возможности приложения в будущей практической деятельности получаемых знаний, в том числе, в смежных сферах науки и практики; нетривиально организуют самостоятельную работу студентов (как было отмечено выше на примере литературно-библиографической лаборатории).

В образовательное пространство ЧГИК включаются различные формы работы, как традиционные (лекции и практические занятия), так и инновационные, с использованием интерактивных технологий. Преподаватели разных дисциплин и сфер деятельности (библиографии, истории, информатики, музыки, театра, музейного дела) предлагают студентам работу в совместных интеграционных проектах [2; 4; 6–8; 21], по завершению которых – и это самое главное – наблюдается выход конкретного материального продукта (электронной хрестоматии на диске, эксклюзивной базы данных «События мировой истории на театральной сцене», выставки, изданной книги, выездного мероприятия (например, музыкально-литературная гостиная) и др.

Интересной формой работы являются викторины. Конечно, они проводятся везде, но их отличие в ЧГИК состоит в том, что вопросы к викторине разрабатываются самими студентами на основе изучения и даже, более того, погружения в научно-исследовательский материал темы, после проведения научного мероприятия (теоретического семинара, секции конференции, круглого стола) с обязательными докладами студентов и их обсуждением. Такое изучение материала позволяет владеть информацией настолько, что студенты оказываются в состоянии предложить нетривиальные вопросы к викторине. Приведём некоторые примеры, полученные к викторинам, посвящённым творчеству Н. М. Карамзина (первые два вопроса) и Году театра в России (последние три вопроса), любезно предоставленные нам организаторами проектов. Обычным шрифтом в вопросе идёт текст, с которым нужно ознакомиться, курсивом выделен сам вопрос:

1) «Там мамы и няни выдумывали для своих барышень разные забавы, играли в *жмурки*, *прятались*, *хоронили золото...*» – *объясните правила этих игр. Какие ещё народные забавы были*

популярны на Руси во времена, описанные в повести «Наталья, боярская дочь»? Назовите их и объясните правила.

2) «Государь! – сказал он Алексею. – Москва в смятении. Свирепые литовцы восстали на Русское царство. Я видел, как жители престольного града собирались перед дворцом государевым и как боярин Матвей, именем царя православного, ободрял воинов; я видел, как толпы народные бросали вверх шапки свои, восклицая в один голос: "Умрём за царя, – государя! Умрём за отечество или победим литовцев!"» – из какой повести Н. М. Карамзина взяты эти слова и о каком историческом событии идёт речь?

Какую скульптуру видит путешественник в Академии скульптуры в Мангейме и, восхищаясь ею, перечитывает то место в «Энеиде» Вергилия, которое древнеримский поэт написал, также вдохновившись этой же скульптурой?

Какая древняя легенда связана с героем скульптуры?

Какой другой литературный герой «знал, хотя не без греха, из Энеиды два стиха»?

3) «Пьеса гениальна. Это энциклопедия власти, учебник духовной силы, пособие по захвату трона. Шекспир безошибочно показал характер диктаторов всех времён и народов. За несколько веков до появления современных узурпаторов власти, он словно бы предсказал нам их характер и в то же время фантастически точно описал психологический процесс разложения личности диктатора, когда тот уже по горло в крови, и в его жизни нет больше главной цели. Поэтому все шаги до завоевания трона – уникальны, беспримерны, а после захвата власти все ходы – банальны и предсказуемы» (А. Варсимашвили). О каком спектакле идёт речь? Были ли ещё в мировой истории подобные события захвата власти и подобные исторические личности?

4) Одна из первых постановок – самая знаменитая, осуществленная великими режиссерами К. С. Станиславским и Вл. И. Немировичем-Данченко (художник В. Симонов), с Иваном Москвиным в главной роли; ею открылся в 1898 г. Московский Художественно-общедоступный театр. Пьеса же была написана в 1868 г. и является второй частью исторической трилогии А. К. Толстого, первой частью которой стала трагедия «Смерть Иоанна Грозного» (1866 г.), а заключительной – «Царь Борис» (1870 г.). Какому периоду российской истории посвящена пьеса? В чём была его трагедия? Как отразился этот период на всю дальнейшую историю России?

5) Тему будущей оперы предложил В. А. Жуковский: подвиг русского крестьянина, пожертвовавшего своей жизнью для спасения родины от врагов. Костромское предание рассказывает, что подвиг был совершён во спасение юного царя Михаила Фёдоровича Романова. Поляки, желая посадить на престол польского царевича Владислава, стремились захватить и убить Михаила. Крестьянин послал известить его об опасности, сам же пошёл с поляками в другую сторону и завёл их в чащу, где погиб сам, погубив и польских захватчиков. М. И. Глинка стремился воплотить в опере, прежде всего высокое народное начало, патриотическое сопротивление иноземным захватчикам. Каким было первоначальное название оперы? Почему и кем названия оперы изменялись? Почему об опере много спорили?

Мы уверены, чтобы сформулировать такие вопросы и ответить на них, участникам с обеих сторон (спрашивающим и отвечающим) пришлось потрудиться. Нашу уверенность подкрепляют и результаты анализа ответов – только лишь около 10% (из 120–140 человек) справились со всеми заданиями и только половина из последних справились верно.

Формированию исследовательской культуры студенты учатся с самого начала своей учебной деятельности. Мы считаем, что наиболее важным в вузе является руководство и курирование преподавателем научно-исследовательской деятельности студентов, особенно – индивидуальная работа с каждым в рамках совместного проекта. Действительно, сегодня актуальны технологии как персонализации обучения, так и организации личностно ориентированного коллективного творческого дела.

Известно, что главным результатом исследовательской деятельности является интеллектуальный, творческий продукт, устанавливающий ту или иную истину в результате процедуры исследования и представленный в стандартном виде. Мы можем привести примеры реализованных интеллектуальных продуктов, полученных в ЧГИКе в результате самостоятельной работы сту-

дентов разных факультетов, в том числе и совместной (курсивом выделим вид издания, *над которым работали студенты*):

1. *Библиографический указатель*: Труды Челябинского государственного института культуры (2013–2017 гг.). Составители – студенты группы 813. (Науч. рук. Н. Н. Штолер, Н. О. Александрова, Ю. Б. Разина. Челябинск. ЧГИК. 2018. 384 с.).
2. *Календарь знаменательных и памятных дат*. Челябинский государственный институт культуры – 2017. Составитель А. Ф. Сафиуллина (Науч. рук. Ю. В. Гушул; науч. конс. А. Н. Терехов, Л. Н. Тихомирова. Челябинск. ЧГИК. 2017. 149 с.).
3. *Библиографический указатель материалов конференции* Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура» за 2012–2017 гг. Составители В. Кольга, М. Мисюряева, Е. Тюнегова, В. Сажина, И. Москвичева. (Науч. рук. Ю. В. Гушул. Челябинск. ЧГИК. 2018. – 98 с.).
4. *Биобиблиографический указатель* Аскарлова Виолетта Яковлевна : биобиблиогр. указ. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; отв. за вып. В. Я. Рушанин ; сост. Ю. В. Гушул, Т. Н. Моковая, Ю. Б. Разина, О. В. Бессмертная. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 137 с. – (Академия культуры и искусств: ведущие учёные, педагоги, творцы).
5. *Сборник студенческих работ «Этот день мы приближали как могли...»* (отв. за выпуск А. Н. Терехов. Челябинск. 2005. 50 с. (60-летию Великой Победы посвящается).
6. *Сборники статей: «Каждый пишет...»* слушателей «Школы журналистики ЧГАКИ» (Челябинск. 2008. 92 с.); Архаика и модерн в современном праздничном пространстве. Россия–Беларусь : совмест. науч. проект / Челяб. гос. ин-т культуры ; ред. кол. Л. Н. Лазарева, А. А. Мордасов [и др.]. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 140 с.

Приведем примеры статей-интервью студентов ЧГИК:

7. Мусина Г. Музыка – это жизнь! / Г. Мусина // АКАДЕМГородок. – 2018. – № 168. – 28 июня. – С. 10.
8. Гилязова Я. Виват, Маэстро! / Я. Гилязова // АКАДЕМГородок. – 2018. – № 168. – 5 марта. – С. 3.
9. Таран Д. Его любовь к музыке вдохновляет и нас! / Д. Таран // АКАДЕМГородок. – 2018. – № 168. – 5 марта. – С. 5.
10. Бунакова М. Н. Творческие портреты композиторов Челябинского государственного института культуры [науч. рук. Е. В. Тищенко] / М. Н. Бунакова // Культурные инициативы : материалы 50 Всероссийской с международным участием научной конференции молодых исследователей (Челябинск, 5 апр. 2018) / сост. и науч. ред. Ю. В. Гушул ; отв. за вып. С. Б. Синецкий. – Челябинск. ЧГИК. 2018. С. 84–87.

Отличием этой работы (сбор устных историй, наполнение эмпирической базы устной истории) является то, что студенты только получают от руководителя проекта задание – имя конкретной личности, о которой нужно собрать материал и написать статью/работу. Далее студент самостоятельно (при консультировании) выстраивает свою индивидуальную научно-исследовательскую траекторию: выбирает время и место встреч, сам договаривается с персоной, формулирует вопросы и продумывает стиль интервью, сам интервьюирует, т. е. находит подход к персоне, должен суметь вызвать человека на откровенный разговор. После сбора материала студент под руководством преподавателя или самостоятельно анализирует полученные данные, пишет тексты, определяет линию продвижения собственного знания в профессиональную или студенческую среду.

Если происходит материализация продукта научно-исследовательской работы – издание книги/указателя/календаря др. документов, – то в ЧГИК принято проводить их презентации. Тем самым опредмечивание собственного труда становится явственным для широкого круга потребителей, что усиливает мотивацию к исследовательской деятельности посредством морального удовлетворения от всеобщего признания. Причём серьёзное издание (в типографии, с ISBN) лучше мотивирует студентов на работу, нежели сиюминутное, которое можно предложить в качестве раздаточного материала на конференции. О последнем, менее престижном, есть мнение, что «сту-

денты по-прежнему демонстрируют недостаточность навыков работы не только с содержанием текста, но и по оформлению текста. Поколение, выросшее в электронной среде, не обращает внимание на то, как выглядит текст на экране, и тем более не представляет себе, как будет выглядеть текст на бумаге, в печатном виде. В этом случае на преподавателя-отраслевика ложится двойная нагрузка, он вынужден не только руководить аналитико-синтетической работой с текстом и аналитико-синтетической обработкой информации, но и в ряде случаев большую часть времени уделять оформлению» [4, с. 310]. Здесь мы видим, действительно, и слабую мотивацию студентов при разовой работе, и также выделяем одну из проблем организации исследовательской работы студентов – высокая нагрузка преподавателя и его занятость.

Усилить эту мотивацию могут (кроме опредмечивания конечного результата исследования), как мы отмечали ранее, «проявления ценностных ориентаций, характеризующих различную степень готовности будущего специалиста к учебно-профессиональной деятельности, образующих ее мотивационную структуру, способную управлять оценочным отношением студентов к изучаемым дисциплинам» (12, с. 235).

Приведённые примеры показывают, что исследовательские умения обеспечиваются в процессе планирования научного исследования, подборки исследовательских методов, помогают грамотно проводить анализ данных, оформлять результаты исследования. В итоге последовательной организации исследовательской деятельности у студентов складывается особая личностная исследовательская культура, которая способствует раскрытию их потенциала и возможностей, позволяет стимулировать студентов к выполнению более перспективных и масштабных исследований, осуществлять необходимое и достаточное для них сопровождение.

Определим следующие проблемы формирования исследовательской работы студентов:

1) ощущается востребованность в новых практико-ориентированных заданиях для электронных текстов, т. к. уже очевидно, что задания для печатных источников информации несовместимы с работой с экраном;

2) требуется рассмотрение того, как меняется роль преподавателя в руководстве научной и самостоятельной исследовательской работой студентов в условиях новых видов грамотности и установок системы образования, бесконечно усложняющих работу;

3) научно-исследовательская деятельность, персонификация учебного процесса требуют от преподавателей дополнительных организационных усилий, интеллектуальных вложений по подготовке лично ориентированных заданий и проектов или индивидуальных планов обучения, на которые не каждый готов идти в современной ситуации, сложившейся в системе образования. Стимулирование преподавателей и их инновационной работы должно быть на достойном уровне;

4) все более усиливающееся неумение студентов формулировать собственные мысли, отсутствие фоновых общекультурных и специальных знаний, демонстративное нежелание трудиться самостоятельно, отсутствие навыков работы в коллективе и др.

К перспективам деятельности по формированию исследовательской работы студентов отнесем:

1) все более усиливающуюся заинтересованность в ней со стороны некоторых молодых людей, которые начинают осознавать ценность труда для достижения цели, в том числе интеллектуального и научно-исследовательского;

2) формирование перспектив от получаемого гуманитарного знания для обретения материальной выгоды, что наиболее продуктивно может смотивировать современную молодежь на труд, в том числе научный;

3) осознание важности совместной работы серьезных ученых и начинающих исследователей в одной исследовательской группе или в проекте, при которой происходит неформальное обучение посредством личного примера;

4) появление новых форм и методов формирования исследовательской культуры студентов;

5) всё большее осознание руководителями и менеджерами от науки того факта, что студентам необходимо работать в сложившихся коллективах наравне с ведущими учёными, их ассистентами и единомышленниками для того, чтобы брать пример, учиться органично, становясь свидетелями их личного опыта, впитывая скрытые знания. В наш образовательный процесс сле-

дует внедрять опыт зарубежных вузов, когда студент с первого курса участвует в исследованиях профессора, реальных научно-исследовательских проектах, что, по мнению ученых, более полезно и продуктивно для него: действительно, в реальном деле профессионал / специалист формируется быстрее и качественнее.

Таким образом, весь комплекс последовательной организации исследовательской деятельности помогает формированию у студентов исследовательской культуры, способствует созданию системы теоретических знаний и практических компетенций, позволяет сохранять отношение к науке, как важнейшему средству диагностики, проектирования и личного совершенства. Подчеркнем важность научно-исследовательской работы студентов в научно-исследовательских группах, участия в серьезных научных мероприятиях, во время которых и происходит настоящее практико-ориентированное обучение.

Литература:

1. Гутарева, Н. Ю. Исследовательская культура будущих специалистов вуза / Н. Ю. Гутарева // Молодой ученый. – 2015. – № 12. – С. 1007–1009.
2. Гушул, Ю. В. Викторина как способ постижения текста (на материале литературно-библиографической проектной лаборатории) / Ю. В. Гушул // Четвёртый международный интеллектуальный форум «Чтение на евразийском перекрёстке» (Челябинск, 26–27 окт. 2017 г.) : материалы форума / науч. ред., сост. Ю. В. Гушул, В. Я. Аскарова. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – С. 385–397.
3. Гушул, Ю. В. Информационные ресурсы религиоведения: формат открытой лекции / Ю. В. Гушул // Пятнадцатый Славянский научный собор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-Мефодиевская традиция в культуре России: укрепление духовного единства : материалы всерос. науч.-практ. конф. Челябинск, 18–19 мая 2017 г. / сост. И. Н. Морозова. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – С. 296–312.
4. Гушул, Ю. В. Междисциплинарная библиографическая лаборатория как форма читательской активности в образовательной траектории вуза / Ю. В. Гушул // Российская книжная палата: славное прошлое и надёжное будущее : материалы научно-метод. конф. к 100-летию РКП / Информ. телеграф. агентство России (ИТАР–ТАСС), Фил. «Рос. кн. палата» ; под. общ. ред. К. М. Сухорукова ; сост. и отв. ред. М. Е. Порядина. – Москва : Рос. кн. палата, 2017. – С. 305–314.
5. Гушул, Ю. В. Новые форматы чтения и осмысления текста в образовании: опыт новых форм работы / Ю. В. Гушул, Тихомирова // Пятая Международная научно-практическая конференция "Чтение и грамотность в образовании и культуре: итоги и перспективы". 6–8 апр. 2017 г. : сб. материалов / под общ. ред. М. В. Белоколенко. – Москва : Канон+ : РООИ «Реабилитация», 2017. – С. 76–78.
6. Гушул, Ю. В. Общество знания – общество, активно работающее по выявлению и обработке скрытого знания (открытый библиографический урок) / Ю. В. Гушул // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2016. – № 1. – С. 209–211.
7. Гушул Ю. В. Перспективы интеграции образовательных дисциплин «Информационные сети и системы» и «Библиографоведение» для студентов специальности 51.03.06 Библиотечно-информационная деятельность / Ю. В. Гушул, А. В. Михайлова // Открытое образование. – 2016. – № 5. – С. 53–60.
8. Гушул, Ю. В. Электронная хрестоматия: методический инструментальный аналитика // Культура – Искусство – Образование: XXXVII науч.-практ. конф. профессорско-преподавательского состава вуза. 5 февр. 2016 г. / Ю. В. Гушул. – Челябинск. – С. 103–107.
9. Загвязинский, В. И. Учитель как исследователь / В. И. Загвязинский. – Москва : Знание, 1980. – 96 с.
10. Исаев, И. Ф. Учебно-исследовательская культура как фактор творческого саморазвития старшеклассника в профильном обучении : монография / И. Ф. Исаев, Г. В. Макотрова. – Белгород : изд-во БелГУ, 2007. – 234 с.
11. Исследовательская деятельность студентов : учеб. пособие / авт.-сост. Т. П. Сальникова. – Москва : ТЦ Сфера, 2005. – 96 с.
12. Катричева, Т. Ю. Актуализация мотивационно-ценностного компонента в процессе творческой самореализации будущего педагога-музыканта / Т. Ю. Катричева // Молодежь в науке и культуре XXI в. : материалы междунар. науч.-творч. форума. Челябинск, 2–3 ноября 2015 г. / сост. Е. В. Швачко. – Челябинск, 2015. – С. 235–236.

13. Краевский, В. В. Преподавание как творческая деятельность учителя / В. В. Краевский // Дидактика средней школы / под ред. М. Н. Снаткина. – Москва : Просвещение, 1982. – С. 297–318.
14. Лернер, И. Я. Дидактические основы методов обучения / И. Я. Лернер. – Москва : Педагогика, 1981. – 186 с.
15. Ломоносов, М. В. Для пользы общества / М. В. Ломоносов. – Москва : Совет. Россия, 1990. – 382 с.
16. Махмутов, М. И. Проблемное обучение. Основные вопросы теории / М. И. Махмутов. – Москва : Педагогика, 1975. – 318 с.
17. Незеленов, А. И. Н. И. Новиков, издатель журналов 1769–85 гг. / А. И. Незеленов. – Санкт-Петербург, 1875. – 172 с.
18. Носаева, И. В. Педагогические условия формирования исследовательской культуры учащихся на начальном этапе образования : дис. ...канд. пед. наук : 13.00.01 / Ирина Владимировна Носаева ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург, 2001. – 183 с.
19. Терехов А. Н. Система исторического образования в России: специфика эволюции в XX в. / А. Н. Терехов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2009. – № 1. – С. 51–61.
20. Тихомирова Л. Н. Проблема исторической памяти в аналитическом осмыслении студента-библиографа: филологический аспект (из опыта работы литературно-библиографической лаборатории) / Л. Н. Тихомирова // Культура – искусство – образование : материалы XXXIX науч.-практ. конф. научно-педагог. работников ин-та. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – С. 268–274.
21. Чтение как искусство // 100 проектов про чтение – 2017. Литературный флагман России. Региональные практики и актуальные инициативы. Атлас культурно-образовательный : справ. изд. / координац. совет программы : Т. Г. Галактионова [и др.]. – Москва : РИПОЛ классик, 2017. – С. 139–140.

УДК 378

Аббасов П. Р.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Теория, методика и
организация социально-культурной
деятельности*

СИСТЕМНО-АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ФОРМИРОВАНИЮ ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНТОВ

*Научная школа Риммы Алексеевны Литвак,
доктора педагогических наук, профессора
Челябинский государственный институт культуры*

В статье раскрыты методологические основы построения процесса формирования эколого-правовой культуры студентов в социально-культурной среде вуза, представленные комплексом подходов: системно-аксиологический, средовой и рефлексивно-деятельностный. Раскрыты содержательные особенности системной и аксиологической составляющей системно-аксиологического подхода, его основные принципы при формировании эколого-правовой культуры студентов в социально-культурной среде вуза. Сделаны выводы о значимости выбора данной методологической основы.

Ключевые слова: эколого-правовая культура, студенты, методологические подходы, системно-аксиологический подход, социально-культурная среда вуза

Abbasov P.

SYSTEMIC-AXIOLOGICAL APPROACH TO DEVELOPING ECOLOGICAL AND LEGAL CULTURE OF THE STUDENTS

This article reveals the methodological foundations of the process of formation of ecological and legal culture of students in the socio-cultural environment of the University, represented by a set of approaches: sys-

tem-axiological, environmental and reflexive-activity. The article reveals the content features of the system and axiological component of the system-axiological approach, its basic principles in the formation of ecological and legal culture of students in the socio-cultural environment of the University. The conclusions about the importance of the choice of this methodological framework.

Keywords: ecological and legal culture, students, methodological approaches, system-axiological approach, social and cultural environment of the University

Высокая актуальность обращения к проблеме формирования эколого-правовой культуры студентов определена тем, что рассматриваемый процесс представляет собой комплексную социально-культурную и психолого-педагогическую проблему, связанную с поиском перспективных направлений и технологий в социально-культурной среде вуза, разрешение которой позволит регулировать конкурентоспособность студентов в профессиональной и общественно-социальной деятельности. Значимость формирования эколого-правовой культуры как части социальной компетентности определена на нормативно-правовом уровне. Так, в соответствии со статьей 71 Федерального закона от 10 января 2001 года № 7 «Об охране окружающей среды» должна быть установлена система комплексного и всеобщего экологического образования, которая определит развитие ценностных установок, знаний, регулятивных механизмов деятельности личности в обществе и окружающей среде.

Современный студент определяет следующие личностно-значимые проблемы своего развития: возможности и способы профессионального роста, систематизирование личностных отношений, формирование базового капитала и экономической устойчивости. По последним опросам социологических лабораторий в различных регионах Российской Федерации (Уральский, Дальневосточный и др.) в приоритетных целеориентациях студентов ведущие позиции приобретает проживание в экологически-благоприятной местности, безопасность от террористических угроз. Все большее количество молодых людей обращает внимание на проблемы экологии и окружающей среды. Однако стремление к экологической безопасности имеет пассивный характер, что объясняется незнанием конкретных экологических проблем и низким уровнем правовой культуры.

Нами выделены значимые акценты в научно-исследовательской литературе, связанные с выявлением значения понятия эколого-правовая культура студентов. К ним мы относим следующее:

- правовое регулирование деятельности в экологической сфере (исследование И. И. Каракаша) связано с познанием, освоением и преобразованием природы и формированием правовой культуры как системы правовых знаний и отношений к праву и правоприменительной деятельности [6];

- эколого-правовое сознание, убежденность (труды А. В. Фокина) связаны с устойчивыми характеристиками представлений об основных направлениях взаимодействия природы и общества, реализуемых в поощряемых государством и обществом формах экологически значимого поведения, ориентированных на сохранение и восстановление природных объектов и комплексов в интересах настоящего и будущего поколений людей [12];

- ценностное основание эколого-правовой деятельности (работы Д. О. Буркина) связано со степенью готовности личности отстаивать свои экологические права всеми законными способами и неуклонно исполнять экологические обязанности, как в повседневной жизни, так и в профессиональной деятельности [3].

В нашем исследовании эколого-правовая культура рассматривается как интегративное качество личности и уровень развития эколого-правового самосознания, реализации сформированных эколого-правовых ценностей, деятельности и рефлексии. Формирование эколого-правовой культуры студентов есть процесс устойчивого развития эколого-правового самосознания, ценностей, деятельности и рефлексии, направленный на сохранение окружающей среды, результатом которого является сформированность компонентов эколого-правовой культуры.

Важнейшими функциями эколого-правовой культуры являются познавательная (формирующая личность ее носителя), профилактическая (отражается в предотвращении совершения экологических правонарушений), природоохранительная (заключается в повышении эффективно-

сти действующих норм экологического права за счет усвоения и осознанного исполнения их населением, которое, обладая должным уровнем эколого-правовой культуры, не только стремится, но и способно исполнять природоохранное законодательство).

Для исследования формирования эколого-правовой культуры студентов в социально-культурной среде вуза нами определен комплекс подходов. Философской и общенаучной основой построения исследуемого процесса оптимально избрать системно-аксиологический подход, который обеспечивает создание социально-культурной среды вуза за счет наполнения ее ценностями общечеловеческой, национальной и индивидуальной культуры, которая включает в активный процесс познания и созидания экологии и права, позволяет принять ценности эколого-правовой культуры, выстроить систему экологического образования и воспитания. На конкретно-научном уровне методологии наиболее перспективным нам представляется использование средового подхода, который основан на социальном, культурном и эколого-правовом творчестве, непосредственном участии студентов в самоорганизации и самоуправлении совместной деятельностью в области экологии и права. На технологическом уровне избран рефлексивно-деятельностный подход как выстраивание перспективных проектов в различных социокультурных институтах, а также самоконтроль студентов за эффективностью деятельности и определению путей самосовершенствования личности в формировании эколого-правовой культуры. Системная составляющая подхода связана с организацией социально-культурной среды вуза, на формирование которой оказывает воздействие ряд факторов, которые обеспечивают выбор подхода к решению проблемы [9]. Система функциональна и развивается на основе формирования ценностных ориентаций личности (под системой работы в нашем исследовании мы понимаем целенаправленную систематическую деятельность в социально-культурной среде вуза по формированию у студентов эколого-правовых знаний, понятий, ценностного отношения к экологии, выбора правильного поведения по отношению к природе и экологии). В своем исследовании Н. Н. Дзуличанская рассматривает системно-аксиологический подход, способствующий формированию ценностного отношения субъектов обучения к восприятию предлагаемой информации, на основе взаимосвязи изучения различных форм движения материи [4, с. 99].

Аксиологическая составляющая подхода определена на основе исследования В. И. Андреева о том, что личные смыслы служат связующим звеном между внутренним миром человека и общественным бытием, формируя, таким образом, ключевые компетенции [2], разнообразные умения и навыки, определяющие поведенческие качества личности. Провозглашение ценностей может рассматриваться как фактор, обеспечивающий большую вероятность определенного поведения при конкурирующих внешних воздействиях, но не является обязательным условием их воплощения в конкретном поведении. Сложность, в соответствии с исследованием Е. В. Асафова, заключается в том, что эколого-правовые ценности, установки, потребности, сталкиваясь с аналогичными социальными и экономическими, уступают последним и остаются на заднем плане [1].

Системно-аксиологический подход проецирует ценностные ориентации как основу эколого-правового сознания, без которого невозможно осуществлять экологически значимую деятельность, определяет формирование эколого-правовой ответственности и предполагает высокий уровень эколого-правового сознания. Об уровне экологического сознания человека можно судить, выяснив степень развития таких черт, как чувство ответственности за сохранение природы, озабоченность состоянием окружающей среды, нравственное отношение к природному миру, любовь к природе и др. [8]. По мнению А. Д. Жаркова, с помощью средств социально-культурной среды вуза можно построить механизм сохранения и развития общечеловеческих ценностей, начиная с системы ценностей личности [5]. Эколого-правовые ценности наряду с опытом экологической деятельности возможно, вслед за Д. Л. Тепловым, рассматривать в качестве критериев динамики и результативности организации социально-культурной среды вуза [10].

Принципами системно-аксиологического подхода при этом будут выступать следующие:

- принцип гуманистической направленности, ориентированный на удовлетворение запросов личности, воспитания высоконравственных общечеловеческих качеств студентов в социально-культурной среде вуза;

– принцип системности обеспечивает развитие эколого-правовой деятельности как системы, позволяет реализовать потребность в целостном видении природы [11], формирующей эколого-правовую культуру в аудиторной и внеаудиторной учебной деятельности, волонтерской студенческой практике, «квази» и реальных исследовательских проектах. Принцип опирается на взаимосвязь циклов учебных дисциплин;

– диалектико-интегративный принцип, который означает исследование проблемы взаимоотношений человека и природы во всем его многообразии, исследование противоречий в отношениях между человеком и природой, как противоречий между различными частями одной и той же системы [7].

Системно-аксиологический подход определяет возможности и направления формирования эколого-правовой культуры в общественных экологических организациях, а так же эколого-просветительскую работу в органах и учреждениях, осуществляющих управление в пределах особо охраняемых природных территорий, что включает в себя: систематическую эколого-просветительскую работу с различными группами граждан, в том числе студенческой молодежи; взаимодействие на основе экологических ценностей с образовательными организациями, публичными органами власти; установление единой информационной среды, обеспечивающей системность, доступность и обмен эколого-просветительской информацией. Таким образом, системно-аксиологический подход выступает основой педагогической деятельности в социально-культурной среде вуза по формированию эколого-правовой культуры студентов.

Литература:

1. Асафова, Е. В. Аксиологический подход к развитию экологической культуры студентов в вузе / Е. В. Асафова // Вестник Казанского технологического университета. – 2009. – № 3. – С. 139–144.
2. Асафова, Е. В. Воспитание и диагностика развития экологической культуры студентов / Е. В. Асафова // Приоритетные стратегии мониторинга качества воспитания студентов / Е. В. Асафова ; под ред. В. И. Андреева. – Казань : Центр инновац. технологий, 2003. – С. 157–176.
3. Буркин, Д. О. Повышение эколого-правовой культуры в среднем образовании / Д. О. Буркин // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 197–201.
4. Двумличанская, Н. Н. Системно-аксиологический подход к формированию химической компетентности в условиях модернизации образования / Н. Н. Двумличанская // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 2. – № 1. – С. 99–107.
5. Жарков, А. Д. Социально-культурная деятельность как способ сохранения и развития общечеловеческих ценностей / А. Д. Жарков // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2013. – № 3. – С. 98–103.
6. Каракаш, И. И. Значение эколого-правового образования для формирования эколого-правового сознания и эколого-правовой культуры / И. И. Каракаш // Проблемы совершенствования методики преподавания эколого-правовых и аграрно-правовых учебных дисциплин в юридических вузах России : материалы Всерос. науч.-методол. семинара. – Москва : Таглитмат, 2007. – С. 216–222.
7. Кениспаев, Ж. К. Педагогические принципы формирования экологического сознания человека / Ж. К. Кениспаев, А. И. Тобоев // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2015. – № 1 (39). – С. 132–137.
8. Ожегов, Ю. П. Экологический импульс: Проблемы формирования экологической культуры молодежи / Ю. П. Ожегов, Е. В. Никонорова. – Москва : Мол. гвардия, 1990. – 271 с.
9. Симонова, И. Н. Компоненты экологической культуры в современном техническом вузе / И. Н. Симонова // Образование и наука в современном мире. Инновации. – 2015. – № 1. – С. 55–62.
10. Теплов, Д. Л. Экологическое воспитание старшеклассников в системе дополнительного образования / Д. Л. Теплов // Педагогика. – 2003. – № 10. – С. 46–51.
11. Трегубова, О. Г. Методологические подходы, закономерности и принципы формирования экологической культуры младших подростков / О. Г. Трегубова // Современные проблемы науки и образования. – 2012 – № 4. – С. 248–253.
12. Фокин, А. В. Экологические права и обязанности человека и гражданина: теоретико-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Александр Викторович Фокин ; Волгоград. акад. МВД России. – Волгоград, 2006. – 241 с.

*магистрант Пермского государственного
национального исследовательского
университета по направлению подготовки
Организация работы с молодежью,
г. Пермь*

*Науч. рук.: Ольга Павловна Ильиных,
кандидат философских наук, доцент
кафедры культурологии и социально-
гуманитарных технологий Пермского
государственного национального
исследовательского университета*

РАБОТА МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ И МОЛОДЕЖЬЮ

В статье представлены результаты авторского исследования работы молодых специалистов с одаренными детьми в учреждениях дополнительного образования Пермского края. Данный вопрос мало изучен не только в Пермском крае, но и в России. А тем временем государство ставит ставку на категорию молодежи.

Ключевые слова: молодежь, молодые специалисты, одаренность, талант, система работы с одаренными детьми и молодежью, нехватка знаний, Пермский край

Mikhaylova A.

WORK OF YOUNG SPECIALISTS WITH GIFTED CHILDREN AND YOUTH (BASED ON AUTHOR'S RESEARCH MATERIALS)

The article presents the results of the author's study of the work of young professionals with gifted children in institutions of additional education of the Perm region. This issue is poorly studied not only in the Perm region, but also in Russia. Meanwhile, the state relies on the category of young people.

Keywords: youth, young specialists, giftedness, talent, development, system of work with gifted children and youth, problem, research, separate category, courses, lack of knowledge, Perm region

Сегодня выявление, развитие и поддержка одарённых детей и одаренной молодежи, реализация их потенциальных возможностей является одной из приоритетных задач современного общества. Это связано с тем, что в современную эпоху становления постиндустриального общества, когда значение интеллектуального и творческого человеческого потенциала значительно возрастает, данная работа является крайне необходимой. «В Советском Союзе и в Российской Федерации накоплен богатый опыт работы с одарёнными детьми и молодёжью. России принадлежит приоритет в создании специализированных учебно-научных центров и школ для одарённых детей, выпускники которых сегодня входят в интеллектуальную элиту страны» [1]. Все более видимой становится роль профессионала по работе с детской и молодежной одаренностью.

На протяжении многих лет складывалась система по выявлению, развитию и поддержке одаренных детей и молодежи в Российской Федерации. Необходимо отметить, что данная система эффективно работает, в том числе, и в нашем Пермском крае. К ней можно отнести работу музыкальных и художественных школ, учреждений дополнительного, высшего и среднего уровней профессионального образования, ежегодное проведение для одаренных детей и одаренной молодежи различных олимпиад, конкурсов и фестивалей, мастер-классов; также создаются специализированные школы для одаренных детей, организуются зимние, летние, заочные и вечерние школы по различным отраслям одаренности (знаний), в которых дети и молодые люди пишут иссле-

довательские проекты и ездят в научные экспедиции. Из года в год проводится эффективная и масштабная работа с одаренными, о чем свидетельствуют газетные статьи, отчеты Министерства образования и науки края, принятие законодательных актов.

Но работа с одаренными детьми и молодежью не сводится только к развитию разного рода центров, проведению конкурсов, апробированию нового законодательного акта и открытию новых школ. Это также важная работа по поддержке молодых специалистов, которые работают с одаренными детьми и молодежью в вышеперечисленных учреждениях: «...основное внимание должно быть уделено повышению профессионального мастерства учителей и наставников, обеспечению высококачественного содержания образовательных программ, внедрению современных средств обучения...» [1].

Исследований по данному вопросу практически нет, тема мало изучена и в нашем крае. А государство делает ставку на молодых, ведь развитие молодых специалистов – это единый непрерывный процесс, имеющий своей целью освоение молодыми социального опыта, накопленного предшествующими поколениями, а также его качественное обновление и передачу обновленного опыта последующим поколениям.

На настоящем этапе государственная молодежная политика Пермского края сталкивается с такой проблемой, как недостаточная подготовка молодых специалистов, работающих с детьми и молодежью, в области выявления и развития одаренности. Данная проблема подтверждается проведенным авторским исследованием в области работы молодых специалистов с одаренными детьми и молодежью.

Исследование проводилось в течение двух месяцев (апрель, май 2018 года) среди молодых специалистов Пермского края в возрасте от 18 до 35 лет, состоящее из 2 частей: опрос и интервьюирование.

103 человека приняли участие в данном опросе, из них 78,6% женского пола и 21,4% – мужского. Наибольшее количество респондентов было в возрасте от 21 года до 25 лет, работающих в социально-педагогическом направлении.

Рассмотрим наиболее важные вопросы, которые напрямую подтверждают выявленную проблему.

Вопрос об изучении работы с одаренными детьми и молодежью в учебном заведении дал следующие результаты: 44,7% опрошенных не изучали тему одаренности вообще, 55,3% – изучали данную тему, но из них 18,4% респондентов не знают, как полученные знания применить на практике.

Важно отметить, что из 100% опрошенных человек – 77,7% не хватает полученных знаний и лишь 22,3% человека ответили положительно, то есть полученных знаний им хватает.

Таким образом, почти половина опрошенных человек не изучали тему одаренности, соответственно, они не знают, как выявлять и как работать с данной категорией детей и молодежи. А той части респондентов, которая изучала тему одаренности на различных предметах, полученных знаний не хватает. Соответственно, можно сделать вывод о том, что молодые специалисты получают недостаточную подготовку в области работы с одаренными детьми и молодежью.

Интересно отметить тот факт, что 63,1% опрошенных считают, что государственная поддержка одаренных детей и молодежи и в России, и в нашем крае есть, но из них 42,7% респондентов говорит о том, что этой поддержки недостаточно, а 33% считают себя не компетентными в данном вопросе и затрудняются на него ответить. 3,9% молодежи утверждает, что государственной поддержки одаренных в Российской Федерации нет.

Соответственно, за исключением 1 человека, все респонденты считают, что необходимо организовать специализированные курсы, мастер-классы и т. д. для обучения молодых специалистов, которые работают с одаренными детьми и молодежью. 89,3% респондентов хотели бы посетить вышеназванные мероприятия.

Также в рамках исследования было проведено интервьюирование молодых специалистов разных направлений учреждений дополнительного образования. Было заявлено 6 направлений:

естественно-научное, социально-педагогическое, художественно-эстетическое, техническое, туристско-краеведческое, физкультурно-спортивное.

Интервью проводилось среди ПДО, работающих по профессии: 5 человек – это педагоги дополнительного образования, хореограф и инструктор детско-юношеского туризма. Здесь необходимо помнить о погрешности, потому что интервью не удалось взять у специалистов всех направлений. В исследовании приняли участие следующие направления: социально-педагогическое, художественно-эстетическое, спортивное, туристско-краеведческое, музыкальное.

На основе интервью молодых специалистов можно сделать следующие выводы:

– В высших и средних учебных заведениях недостаточно, либо совсем не акцентируют внимание на теме одаренности, что существенно осложняет работу выпускников этих заведений по работе с одаренными детьми и одаренной молодежью.

– Работа молодых специалистов с одаренными детьми и молодежью ведется в рамках образовательной программы, участия в конкурсах, фестивалях и турнирах. Также было отмечено, что лишь некоторые педагоги используют разные методики для одаренных детей и молодежи в своей работе.

– Важно отметить, ответ одного педагога из интервьюируемых, что раньше в их центре велась эффективная и плодотворная работа с одаренными детьми, их родителями, дети (при участии педагога) вели дневники творческого и профессионального роста, с помощью которого можно было отследить как развивается одаренность того или иного ребенка, педагоги писали программы для своего объединения, в рамках которых, опять же, одаренные развивались. Но министерство образования и науки Российской Федерации находит новые приоритеты развития детей и молодежи, образовательным учреждениям «спускаются» новые муниципальные задания, тем самым вышеназванная работа отодвигается на второй план, а затем и совсем прекращается.

– Все интервьюируемые самостоятельно овладевают темой одаренности и им интересно работать с данной категорией детей и молодежи. Все интервьюированные, за исключением всего лишь одного, с удовольствием бы прошли курсы и посещали мастер-классы, на которых им бы объяснили и показали, как можно работать с одаренными.

– Все опрошенные готовы внедрять в своих центрах проекты, направленные на одаренных детей, педагогов и родителей.

Таким образом, данное исследование показало, что молодые специалисты – это важное и значимое звено на пути ребенка или молодого человека в становлении, развитии его одаренности, его таланта. Развитие одаренности, как было сказано выше, не сводится только к методикам, программам, конкурсам и т.д. Соответственно нужно расширять границы по работе с талантливыми людьми нашей страны, а так как страна ставит ставку на молодежь, нужно задействовать все механизмы для ее развития, в том числе систему дополнительного образования, как одну из наиболее эффективных.

Литература:

1. Концепция общенациональной системы выявления и развития молодых талантов. Утв. Президентом РФ [Д. А. Медведевым] 3 апреля 2012 г. [Электронный ресурс] // Гарант.ру. Информационно-правовой портал : [сайт]. – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70089372/>. – Проверено: 20.10.2018.

*кандидат филологических наук, доцент,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков, г.
Самарканд,
Республика Узбекистан*

*старший преподаватель Самаркандского
государственного института иностранных
языков, г. Самарканд, Республика
Узбекистан*

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ В УЗБЕКИСТАНЕ: ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

*Научная школа Урала Усманова,
кандидата филологических наук, доцента
Самаркандского государственного института иностранных языков*

Статья посвящена вопросам интернационализации в сфере образования, определению возможных перспектив развития изучения и преподавания иностранных языков в Узбекистане на примере французского языка. Показано, что знание иностранных языков становится необходимым в современном обществе во всех сферах социальной жизни страны. Основным предметом исследования является установившиеся тенденции и возможные перспективы развития системы преподавания иностранных языков. Описаны три основных этапа реформирования и интернационализации системы образования с периода обретения независимости Республики Узбекистан до настоящего времени. В качестве ключевого доказательства поэтапной интернационализации системы образования описываются реальные изменения: реализация стратегии реформ, повышение эффективности методики преподавания, внедрение европейских критериев в практику обучения иностранным языкам, признание международных дипломов в национальной системе образования. Выявлена и обоснована необходимость адаптации европейских критериев к национальному образовательному контексту с учетом сложившихся традиций обучения и национального менталитета, а также профильному контексту по конкретным направлениям образования бакалавриата и специальности магистратуры. Автор уделяет особое внимание анализу существующих тенденций, показывает дальнейшую перспективу решения проблем с учетом национальной образовательной системы и специфики конкретного вуза.

Ключевые слова: национальная программа подготовки кадров, интернационализация системы образования, адаптация учебного материала, национальная специфика, европейские критерии

**Ashurov Sh.,
Ataullaeva D.**

INTERNATIONALIZATION OF THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING SYSTEM IN UZBEKISTAN: STAGES OF EVOLUTION AND PERSPECTIVES

This article is devoted to the issues of internationalization in the educational sphere, to the identification of possible prospects of development of learning and teaching foreign languages in Uzbekistan, in particular on the example of French language. It is observed that knowledge of foreign languages becomes necessary in all spheres of the country's social and modern life. The main subject of the study is the established trends and possible prospects of the systematic development of teaching foreign languages. This article describes three

main stages of the reform and internationalization of the educational system since the period of establishing the independence of the Republic of Uzbekistan up to our days. Real changes such as the implementation of the reform strategies, improving the effectiveness of the teaching methodology, the introduction of European criteria into the practice of teaching foreign languages, and recognition of international diplomas in the national educational system are described as a key proof of the phased internationalization of the educational system. The necessity of adaptation of the European criteria with the existed traditions of teaching and national mentality as well as the contextual and concrete directions of bachelor and master's degrees is revealed and proved. The author pays special attention to the analysis of existing trends, shows the further prospects of solving problems taking into account the national educational system and specifics of the particular institution.

Keywords: national training program, internationalization of the educational system, adaptation of educational material, national specificity, European criteria

Актуальность тематики данной работы определяется текущими процессами модернизации и интернационализации системы образования в целом и преподавания иностранных языков в частности. Цель работы заключается в том, чтобы обозначить перспективу дальнейшей эволюции системы преподавания иностранных языков, выявить риски и предложить способы их преодоления. В методологическом плане исследование проводится в диахроническом аспекте, а также применяется дедуктивный подход в части наблюдения за явлениями с последующим анализом и выведением закономерности. Материалом исследования служат как нормативные документы, так и дидактические материалы.

С момента обретения Узбекистаном независимости в 1991 г., международные отношения со странами мирового сообщества перешли на новый уровень. В период глобализации экономики, интеграции политической и культурной жизни, способствующих активизации и укреплению международных связей в различных сферах, большую роль играет знание иностранных языков для международного общения. В настоящее время, когда одной из первоочередных задач, поставленных перед системой образования Узбекистана, является воспитание гармонично развитой личности, основные требования предъявляются и к уровню профессиональной подготовки самих педагогов. Поэтому одним из приоритетов реформ, проводимых в сфере образования в нашей стране, является интернационализация и модернизация системы изучения и преподавания иностранных языков, подготовка специалистов, владеющих языками, создание возможностей для доступа к мировым информационным ресурсам и развития международного сотрудничества. Для решения данных задач, перед государством встала задача пересмотра и принятия новых законов и постановлений, направленных на совершенствование системы изучения и преподавания иностранных языков. Реформирование системы образования осуществлялось поэтапно. Исходя из динамики процесса интернационализации, возможно выделить три основных этапа.

Первый этап был направлен на осуществление институциональных преобразований, реформирование системы образования, ее гармонизацию с Болонским процессом. В 1997 г. был принят новый Закон «Об образовании» [1] и «Национальная программа по подготовке кадров», в которых были обозначены принципы государственной политики в сфере образования [2]. Основная цель Национальной программы по подготовке кадров, реализованной в 1997–2005 гг., заключалась в коренном реформировании сферы образования, ее избавлении от идеологических штампов прошлого, создании Национальной модели подготовки квалифицированных кадров, отвечающей требованиям мирового уровня, высоким духовным и моральным требованиям. Результатом реализации Национальной программы явилось коренное переустройство системы среднего и высшего образования: общеобразовательная средняя школа (9 классов) – профессиональный колледж / академический лицей (3 года) – бакалавриат (4 года) – магистратура (2 года) – поствузовское образование (3 года).

Реализация *второго этапа* относится к началу XX в., когда возросла потребность в повышении профессиональной квалификации педагогических кадров. Содействие в достижении этих целей оказали страны Европейского Союза, в частности Франция. Так, Службой по культурному

и языковому сотрудничеству Посольства Франции в Узбекистане ежеквартально организовывались методологические семинары для преподавателей в различных областях Узбекистана. Семинары, в которых приняли участие не менее 60-ти преподавателей французского языка из средних и высших учебных заведений, проводились специалистами по методологии из ведущих педагогических инновационных центров Франции, таких как Atalante Innovation (Лимож, Франция), CAVILAM (Виши, Франция), Alliance Française (Париж, Франция) [3]. Целью семинаров было обучение новым методам преподавания французского языка с использованием аутентичных документов и с помощью мультимедийных средств. В этот же период были организованы ежегодные стажировки преподавателей во Францию для ознакомления с передовым коммуникативным подходом к преподаванию иностранного языка и совершенствования языковых компетенций. Таким образом, в процесс повышения квалификации были вовлечены более 80% преподавателей французского языка Узбекистана. В сотрудничестве с экспертами из образовательных центров Франции была проведена работа по модернизации дидактического материала. В первые годы независимости был издан ряд учебников по иностранному языку для общеобразовательных школ, профессиональных колледжей и лицеев. Однако они были построены на подробном описании грамматических правил, построения сложных грамматических конструкций, на заучивании лексики и содержали большое количество письменных грамматических упражнений. Студент или учащийся, желающий выучить иностранный язык, воспринимал его не как средство общения, а как сложную систему, которая усложняет учебный процесс и демотивирует от основной намеченной цели. В Узбекистан были приглашены эксперты – авторы известных изданий «Hachette», «CLEInternational» – для совместного создания новых учебников, учитывающих рекомендации CEFR и адаптированные к национальной системе преподавания и изучения иностранных языков.

Вышеуказанные совместные проекты дали положительные результаты в преподавании французского языка, а именно, во внедрении коммуникативной и интерактивной методик. Вместе с этим, в практике оценивания знаний и умений учащихся и студентов стали использовать рекомендации CEFR, рамочного документа в сфере изучения и преподавания иностранных языков, утвержденного Советом Европы в 2001 г. Этот документ предоставляет объективные критерии определения уровня знаний иностранного языка в соответствии с навыками и различными компетенциями.

Третий этап, осуществляемый с 2010 г., характеризуется активной интеграцией в национальную образовательную систему зарубежных, в частности, европейских критериев обучения и оценивания знаний. На это прямо указывают законодательные акты, например, Постановление Президента Республики Узбекистан № 1875 от 2012 г. [4]. Реализация этих намеченных целей потребовала институциональных изменений. При Министерстве высшего и среднего специального образования был создан Координационный совет по дальнейшему развитию изучения иностранных языков. Этот рабочий орган совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами занимается разработкой и утверждением новых образовательных стандартов, предусматривающих конкретные критерии уровня знаний иностранных языков на каждой ступени обучения, привлечением ведущих ученых и специалистов, а также инициацией разработки новых учебных планов и программ на разных этапах обучения. Также были внесены соответствующие изменения в Государственный образовательный стандарт. К примеру, согласно государственным требованиям определения уровня знаний по иностранному языку, предусмотрено следующее:

- Учащийся начальных классов должен иметь уровень A1.
- Учащийся 9-го класса общеобразовательной школы должен иметь уровень A2.
- Выпускник специализированной школы с углубленным изучением иностранного языка и студент академического лицея или профессионального колледжа – B1.
- Студент языкового высшего учебного заведения после окончания – уровень B2.
- Выпускник магистратуры по специальности иностранный язык – C1 [5].

В учебные планы по направлению образования «Филология и обучения языкам» были введены новые дисциплины и скорректировано содержание существующих: *Интеграция языковых компетенций, Практика чтения и письма, Межкультурная коммуникация, Интегрированный*

курс преподавания иностранного языка, Поэтика художественного текста, Когнитивная лингвистика и т. д. Увеличилось количество часов для дисциплин: Методика преподавания иностранного языка, Педагогика, Требования рекомендаций CEFRCs целью подготовки высококвалифицированных кадров, будущих преподавателей иностранного языка [6].

В 2012 г. при Государственном тестовом центре было создано Управление по оценке уровня знаний и владения иностранным языком согласно европейской системе CEFR. Данное Управление с учетом требований международно-признанных стандартов разработало Национальную тестовую систему оценки уровня знания иностранных языков, посредством которой планировалось организовать на платной основе тестирование специалистов по языку на разных этапах непрерывного образования для определения их уровня знания и владения иностранным языком, с выдачей квалификационного сертификата государственного образца.

Еще одним успешным доказательством интернационализации в сфере образования явилось признание в Узбекистане европейских государственных дипломов. Уже много лет успешно действуют представительства таких международных организаций как British Council, Alliance Française, Goethe Institut, где можно подготовиться и сдать экзамены на определение уровня языка и получить дипломы и сертификаты европейского образца: IELTS, TCF, DELF, DALF, TestDAF, Goethe-TestPRO. Знаковым шагом явилось решение о признании международных дипломов и сертификатов, определяющих уровень владения иностранным языком, при поступлении в высшие учебные заведения Узбекистана [7].

Реализация третьего этапа интернационализации системы обучения иностранным языкам в Узбекистане зависит от решения ряда вопросов как общего, так и профильного характера. Например, остро стоит вопрос гармонизации зарубежных стандартов с национальной системой образования. При адаптации критериев необходимо учитывать многовековой опыт научной и педагогической деятельности в стране, национальный менталитет. Вместе с этим, необходимо адаптировать европейские критерии к профильному контексту, согласовать их с целями обучения по направлениям образования бакалавриата и специальности магистратуры [8].

Существенный вклад в решение этих вопросов вносит и международное сотрудничество с европейскими партнерами, осуществляемое в рамках проектов ERASMUS+. Проект № 561624-EPP-1-2015-1-UK-EPPKA2-SBHE-SPIMER «Интернационализация и модернизация образования и процессов в сфере высшего образования в Узбекистане», в котором участвуют Лондонский Университет Метрополитен, Резекненская технологическая академия, Университет Пелопоннес (Греция), Британский Совет в Узбекистане, Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан и 7 высших учебных заведений Узбекистана, направлен на создание новых учебно-методических инструментов для повышения качества и дальнейшей модернизации образования, разработки рекомендаций по обеспечению качества образования за счет внедрения новых механизмов и руководящих принципов по привлечению студентов в процесс обеспечения качества, а также принципов вовлечения работодателей. Участниками проекта были проведены опросы среди работодателей (5 туристических фирм, 4 академических лиц), среди студентов (30 обучающихся по направлению Французский язык), среди преподавателей (10 человек). Были обсуждены вопросы, касающиеся подготовки методических рекомендаций на основе заключений рабочих групп, изучен опыт зарубежных вузов-партнеров. Анализ данных исследований позволил конкретизировать потребности потенциальных работодателей на рынке труда.

Таким образом, в настоящее время система высшего образования Узбекистана продолжает свое развитие, направленное на дальнейшую интернационализацию преподавания иностранных языков, путем использования различных возможностей международного сотрудничества. Выявлены определенные проблемы, решение которых может быть достигнуто путем внесения корректив в содержание критериев обучения и оценки знаний студентов по конкретному направлению. В частности, предлагается внести дополнения в описание содержания дескрипторов коммуникативных и социокультурных компетенций для уровней B2-C1 при подготовке будущих филологов и преподавателей иностранного языка (бакалавриат и магистратура), например:

1. По компетенции Письменное понимание (*Compréhension écrite*) внести дополнения: понимание научных текстов и статей филологической тематики, определенной лексики и грамматической структуры.

2. По компетенции Устное понимание (*Compréhension orale*): понимание учебной лекции по теоретическим дисциплинам.

3. По компетенции Письменное выражение (*Expression écrite*): составление резюме научных текстов, синтезирование научных текстов (*synthèse*), а также владение речевыми актами, применимыми в образовательном контексте (класс, аудитория) при участии в научной дискуссии (семинар, круглый стол, конференция и т. п.).

4. По компетенции Устное выражение (*Expression orale*): социально-культурные и профессиональные навыки поведения в аудитории, общения с коллегами в профессиональной среде.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что внесение данных корректив в содержание критериев обучения с учетом профиля образования пригодятся студентам в их дальнейшей профессиональной деятельности.

Литература:

1. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» от 29.08.1997 г. № 464-I [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: <https://nrm.uz/>. – Дата обращения: 25.09.2018.
2. Национальная программа по подготовке кадров (Утверждена Законом Республики Узбекистан от 29.08.1997 г.) [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: <https://nrm.uz/contentf?doc=5764>. – Дата обращения 25.09.2018.
3. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» № 4947 от 07.02.2017 года [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: https://nrm.uz/contentf?doc=491330_ukaz_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_07_02_2017_g_n_up-4947_o_strategii_deystviy_po_dalneyshemu_razvitiyu_respubliki_uzbekistan. – Дата обращения 25.09.2018.
4. Постановление Президента Республики Узбекистан (2012). «О мерах по дальнейшему совершенствованию системы изучения иностранных языков» №1875 [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: <http://www.lex.uz>. – Дата обращения 25.09.2018.
5. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан (2013). «Государственный образовательный стандарт системы непрерывного образования. – Требования к уровню подготовленности выпускников всех ступеней образования по иностранным языкам» № 124 [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: <http://www.lex.uz/docs/2165724/>. – Дата обращения 25.09.2018.
6. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан (2017). «О мерах по дальнейшему совершенствованию качества преподавания иностранных языков в учебных учреждениях» № 610 [Электронный ресурс] // Все законодательство Узбекистана : информационно-поисковые и экспертные системы : [сайт]. – URL: <http://www.lex.uz/docs/3304917/>. – Дата обращения 25.09.2018.
7. Le Conseil de l' Europe. (2001). Un Cadre européen commun de référence pour les langues, Strasbourg: Didier.
8. PARPETTE, C. (2005). Le français sur objectif spécifique : de l'enseignement à la conception de programmes. Les Cahiers de l'Asdifle

*студент Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета по
направлению подготовки Педагогическое
образование (с двумя профилями
подготовки). Профили: Иностранный
(немецкий) язык. Иностранный
(английский) язык, г. Челябинск*

*Науч. рук.: Быстрой Е. Б., доктор
педагогических наук, профессор,
заведующая кафедрой немецкого языка и
методики обучения немецкому языку
Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического
университета, г. Челябинск*

**РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ К СОВРЕМЕННОМУ ИНОЯЗЫЧНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ**

*Педагогическая научная школа методики обучения иностранному языку и межкультурной
коммуникации Елены Борисовны Быстрой, доктора педагогических наук, профессора,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
г. Челябинск*

Данная статья посвящена вопросу о реализации коммуникативного подхода на занятиях по иностранному языку. Отмечается и доказывается, что на сегодняшний день коммуникативный подход является одним из ведущих в лингводидактике. Приводятся практические рекомендации по организации занятий по иностранному языку с учетом коммуникативного подхода и в свете требований к современному иноязычному образованию.

Ключевые слова: коммуникативный подход, коммуникативная компетенция, занятия по иностранному языку, речевая направленность урока, групповая и парная формы работы, субъект-субъектные отношения ученика и учителя, интенсификация речемыслительной деятельности

Skorobrenko I.

**COMMUNICATIVE APPROACH IMPLEMENTATION
IN THE FOREIGN LANGUAGE LESSONS IN THE CONTEXT OF THE REQUIREMENTS
FOR MODERN FOREIGN LANGUAGE EDUCATION**

This article focuses on the communicative approach implementation in a foreign language lessons. It is noted and proved that the communicative approach is one of the leading in linguodidactics today. Practical recommendations on the organization of foreign language lessons are given too, taking into account the communicative approach and in light of the requirements for modern foreign language education.

Keywords: communicative approach, communicative competence, foreign language lessons, speech orientation of the lesson, group and pair forms of work, subject-subject relations between student and teacher, intensification of verbal and cognitive activities.

Тенденции совершенствования отечественного образования на современном этапе его развития, введение федеральных государственных образовательных стандартов обусловили необ-

ходимость поиска наиболее эффективных подходов к обучению, поскольку «утверждение гуманистических ценностей в современном обществе в качестве приоритетных выдвигает на первый план гуманистическую парадигму образования, ставящую на первое место нравственное развитие ученика, его интеллектуальные потребности и межличностные отношения» [9, с. 244–245]. Одним из таких подходов является коммуникативный подход, направленный на практику общения и предполагающий, что язык служит для общения, а значит, цель обучения языку заключается в формировании иноязычной коммуникативной компетенции и крайне актуальный в последнее время, поскольку среди задач педагогики на одно из первых мест выходит формирование у обучающихся опыта межкультурной компетентности в контексте глобализации, базирующейся на толерантности, взаимоуважении культур, содружестве [5; 10].

Коммуникативный подход предполагает обучение иностранному языку, в основе которого лежит модель реального общения, ибо владение лишь системой языка, знание грамматики, лексики, является недостаточным для грамотного и эффективного использования языка с целью коммуникации. Очевидно, что основной идеей подхода является коммуникативность обучения. Не подвергается сомнению тот факт, что коммуникативное обучение иностранным языкам носит деятельностный характер, так как общение осуществляется посредством речевой деятельности, которая служит для решения задач продуктивной человеческой деятельности в условиях социального взаимодействия общающихся людей. Следует также отметить, что неоспоримым преимуществом коммуникативного подхода является то, что каждый день учитель может использовать новые ситуации общения, поддерживая высокий уровень интереса и мотивации обучающихся к изучению иностранного языка и формируя осознание необходимости его применения в практической речевой деятельности [4]. А мотивация, в свою очередь, является одним из сильнейших факторов развития личности, активности обучающихся, направленной на самосовершенствование, а также феноменом, заключающим в себе огромные возможности для интеллектуального развития [2; 3].

Как справедливо отмечает И. А. Зимняя, «речевая деятельность представляет собой процесс активного, целенаправленного, опосредованного языком и обуславливаемого ситуацией общения, взаимодействия людей между собой» [7, с. 93]. Автор делает вывод о том, что обучение речевой деятельности на иностранном языке должно осуществляться с позиции самостоятельной, определяющейся всей полнотой своих характеристик деятельности. Особенность деятельностного типа обучения заключается в том, что он по своему назначению и по своей сущности связан, прежде всего, с отдельным видом речевой деятельности, поэтому мы встречаем его широкое использование, когда речь идет об обучении чтению, аудированию, говорению. По мнению Е. И. Пассова, коммуникативность предполагает речевую направленность учебного процесса, которая заключается не столь в том, что преследуется практическая речевая цель, сколько в том, что путь к этой цели есть само практическое пользование языком [8]. Следовательно, умение общаться формируется из способности вступать в общение, свертывать и возобновлять его; способности проводить свою стратегическую линию в общении, осуществлять ее в тактике поведения вопреки стратегиям других; способности учета новых речевых партнеров, смены ролей; способности вероятностного прогнозирования поведения и высказываний собеседников.

На современном этапе развития образования и методики обучения иностранным языкам большинство учителей школ и преподавателей вузов считают наиболее эффективным именно коммуникативный подход, критикуя традиционные, зачастую переводные методики, работающие по принципу от грамматики к лексике с последующим переходом к упражнениям на их активизацию и закрепление, что, на наш взгляд, дидактически обоснованно, поскольку искусственно созданные упражнения не формируют пользователя языка, и человек, изучающий язык таким образом, скорее промолчит, чем произнесет неверную фразу. А коммуникативная направленность урока иностранного языка призвана научить человека грамотно общаться на данном языке. Урок иностранного языка, построенный на основе и с учетом коммуникативного подхода, развивает все языковые навыки – чтения и аудирования, устной и письменной речи, в то время как грамматика осваивается именно в процессе общения на языке: сначала обучающийся запоминает лексику, опорные выражения, речевые клише, речевые формулы, фразеологические единицы и пословицы,

и лишь затем осознает, что они являют собой в грамматическом смысле. При этом цель урока заключается в научении обучающегося говорить на иностранном языке не только свободно, но и грамотно. Из вышесказанного следует сделать вывод о том, что любой урок, таким образом, должен носить коммуникативный характер, и даже если урок по содержанию грамматический, то по сути он должен быть речевым. Так, современный коммуникативный метод представляет собой гармоничное сочетание многих способов обучения иностранным языкам, занимая достойное место среди различных образовательных методик, он «развивает языковые навыки от чтения и аудирования до устной и письменной речи, помогая обучающимся говорить на иностранном языке не только правильно, но и свободно» [11, с. 126].

Проблема эффективного обучения иностранным языкам в образовательном процессе средней школы в контексте коммуникативного подхода возникла с появлением федеральных государственных образовательных стандартов общего начального, основного общего и среднего (полного) общего образования, поскольку их утверждение закрепило положение о том, что и содержание, и структура урока должны отвечать потребностям личности, общества и государства, а также парадигме деятельностного и личностно-ориентированного развития, в контексте которой большое внимание «уделяется максимальному раскрытию потенциальных возможностей личности, ее самоактуализации, способности и готовности к самостоятельному открытию, познанию и анализу новой информации при условии активности личности» [6, с. 448].

Конечно, переход от традиционного урока к современному, инновационному учебному занятию, отвечающему требованиям времени, социальному заказу государства и общества, требует изменения подходов, целей, содержания и даже структуры урока. Так, информационный подход заменяется деятельностным и коммуникативным. К общедидактическим принципам добавляются принципы развивающего обучения, когнитивной и социальной направленности урока, межпредметного обучения на основе рефлексии. К специфическим принципам, таким как коммуникативная направленность обучения, учет родного языка добавляются изучение языка в межкультурном контексте, опосредованное диалогом культур, соизучение языка, культуры и истории, традиций и обычаев страны изучаемого языка, взаимодополняемое и взаимосвязанное, параллельное обучение разным видам речевой деятельности.

Задача реализации деятельностного и коммуникативного подходов, неизбежно встающая перед учителями, потребовала конкретизации цели каждого урока, то есть ориентации на конкретный результат, причем цель должна звучать кратко, передавать свой деятельностный характер и соотноситься с планируемыми результатами. При организации современного учебного занятия по иностранному языку в свете требований к современному иноязычному образованию на первый план выдвигаются такие технологии, как информационно-коммуникационные, обучение в сотрудничестве, здоровьесберегающие, коммуникативно-когнитивные технологии, методики взаимодиагностики и самоконтроля.

Обучающиеся активно включаются в обсуждение темы на иностранном языке с первых минут урока, учатся самостоятельно формулировать цель. Чтобы проблемная ситуация была оптимальной, учителю необходимо определить пути введения данного элемента, продумать мотивацию для вовлечения обучающихся в её обсуждение. Например, можно предложить введение темы с помощью вопросов или таблиц, картинок, ключевых слов, просмотра видеоряда. Или же при работе над лексикой рекомендуется использовать беспереводные методы семантизации, такие как ее введение с помощью картинок или дефиниции.

Фронтальная форма работы в свете требований к современному иноязычному образованию также утрачивает свою актуальность, и, хотя и не отрицается полностью, должна быть лишь вспомогательной, но ни в коем случае не основной. Основными формами работы на уроке в контексте коммуникативного подхода становятся «социальные» формы работы – групповая и парная, способствующие формированию коммуникативной и социокультурной компетенций обучающихся, направленные на практику общения, позволяющие увеличить время говорения каждого, а также позволяющие создать атмосферу общения, взаимодействия, сотрудничества, взаимоконтроля и взаимопомощи.

Следует обратить внимание на то, что наряду с проблематизацией, которая учит обучающихся формулировать цель, вводится обязательный элемент рефлексии, которая имеет место не только в конце урока, но и на всех его этапах, что происходит посредством проблемных вопросов, объяснения школьниками своих действий, формулирования выводов, самоанализа, самопроверки. Хотя в конце учебного занятия традиционно подводятся итоги занятия, обязательным элементом является проведение рефлексии в устной или письменной форме, в рамках которой обучающиеся могут сделать вывод о том, что они узнали на уроке, чему научились, что они теперь умеют, а что осталось для них непонятным и требует дальнейшей работы, дальнейшего изучения.

Наряду с традиционным введением материала – объяснения правил учителем – предлагается введение с помощью элементов учебного исследования. Если раньше учащийся выступал пассивным участником учебного процесса и только слушал объяснение нового материала, часто не конспектируя или не пытаясь как-то обрабатывать его в процессе восприятия, то теперь важна инициативность. Каждый урок должен быть уникальным и интересным для обучающихся, которые должны выступать в роли активных творцов, активных субъектов своего учения, а не пассивных слушателей. Необходимо, чтобы они задавали вопросы другим ученикам, учителю и себе, а не только отвечали на вопросы учителя, контролирующего процесс понимания и усвоения нового материала. Школьники должны сами контролировать понимание нового материала путём постановки вопросов, исследования материала. Они должны научиться интегрировать знания, умения и навыки разных дисциплин при постановке вопросов. Приветствуется использование учащимися моделей, знаков, символов, схем, а также наличие умения оценить, что нового, нужного, полезного они приобрели, познакомясь с новым учебным материалом. В процессе закрепления нового материала наряду с традиционными предлагаются новые коммуникативные задания, содержащие определённую задачу, которую нужно решить обучающемуся, так как, по мнению Е. И. Пасова, необходимо обеспечить интенсификацию речемыслительной деятельности, которая поддерживает у ученика постоянную мотивационную готовность выразить свое отношение к явлениям реальной действительности, познать что-то новое [8]. При соблюдении данного условия ожидаемым результатом реализации коммуникативного подхода на уроках иностранного языка является повышение эффективности и результативности урока иностранного языка, содержащейся в успешном овладении иностранным языком и сформированными способностью и готовностью к межкультурному общению.

Таким образом, можно заключить, что в свете требований к современному иноязычному образованию учитель выступает не столько как источник знаний и контролёр, сколько организатор учебного процесса, управленец, а ответственность за усвоение нового материала возлагается не только на учителя, но и на обучающихся, а стиль общения учителя с обучающимися меняется от авторитарного к демократическому. Использование учителем коммуникативного подхода, в свою очередь, позволяет закрепить и тренировать изученный материал на практике, направлено на развитие познавательного интереса обучающихся, формирует умение выражать собственную точку зрения и подкреплять ее аргументами, не отрицая уважения мнения собеседников [1].

Резюмируя вышеизложенное, следует сделать вывод о том, что реализация на занятиях по иностранному языку коммуникативного подхода способствует развитию способностей обучающихся к безбарьерной коммуникации в межкультурном контексте, повышает мотивацию обучающихся к изучению иностранного языка, делает урок более насыщенным, ярким и интересным, результатом чего выступает успешное овладение обучающимися иностранным языком и сформированность способности и готовности к межкультурному общению.

Литература:

1. Бароненко, Е. А. Использование коммуникативных игр в процессе языковой подготовки будущих учителей / Е. А. Бароненко, Е. Б. Быстрой, Ю. А. Райсвих, И. А. Скоробренко // *Фундаментальная и прикладная наука*. – 2018. – № 1 (9). – С. 11–15.
2. Бароненко, Е. А. Повышение мотивации учащихся к культуре здоровья средствами речевой деятельности на уроке иностранного языка / Е. А. Бароненко, И. А. Скоробренко // *Фундаментальная и прикладная наука : сб. науч. ст. по итогам науч.-исслед. работы за 2014 уч. год*. – 2015. – С. 63–66.

3. Бароненко, Е. А. Повышение роли самостоятельной работы студентов при изучении иностранного языка / Е. А. Бароненко, Л. А. Белова, А. В. Слабышева, И. А. Орлова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3. – С. 14–20.
4. Быстрой, Е. Б. Речевая направленность урока иностранного языка как условие формирования коммуникативной компетенции обучающихся / Е. Б. Быстрой, И. А. Скоробренко // Евразийский гуманитарный журнал. – 2018. – № 2. – С. 99–102.
5. Быстрой, Е. Б. Роль латинизмов в обучении переводу / Е. Б. Быстрой, Л.В. Ружина, И.А. Скоробренко // Фундаментальная и прикладная наука. – 2017. – № 4 (8). – С. 20–22.
6. Быстрой, Е. Б. Формирование личности бакалавра педагогики путем активизации познавательного интереса / Е. Б. Быстрой, И. А. Скоробренко // Личность, интеллект, метакогниции: исследовательские подходы и образовательные практики : материалы II-й Междунар. науч.-практ. конф. 20–22 апр. 2017 г., Калуга, Россия. – Калуга : Политоп, 2017. – С. 448–454.
7. Зимняя, И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке / И. А. Зимняя. – Москва, 1989. – 222 с.
8. Пассов, Е. И. Урок иностранного языка / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – Ростов н/Д : Феникс; Москва : Глосса-Пресс, 2010. – 640 с.
9. Райсвих, Ю. А. Знакомство с основами культуры здорового образа жизни на уроке иностранного языка как элемент формирования аксиологической направленности личности школьника / Ю. А. Райсвих, И. А. Скоробренко // Язык и культура : сб. материалов X междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 18 марта 2015 г. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств ; ред.-кол.: В. Б. Мещеряков, А. П. Нестеров. – Челябинск, 2015. – С. 244–247.
10. Скоробренко, И. А. О некоторых аспектах обучения иностранному языку в межкультурном контексте [Текст] / И. А. Скоробренко // Культурные инициативы : материалы 50 Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых исследователей / Челяб. гос. ин-т культуры ; сост. и науч. ред. Ю. В. Гушул ; отв. за вып. С. Б. Синицкий. – Челябинск : ЧГИК, 2018. – С. 141–143.
11. Скоробренко, И. А. Реализация коммуникативного подхода как условие подготовки студента педагогического вуза к межкультурному взаимодействию [Текст] / И. А. Скоробренко, Е. Б. Быстрой // Теоретические и прикладные аспекты лингвообразования. – Кемерово, 2017. – С. 123–127.

УДК 37

Сувонова Н. Н.

*кандидат филологических наук, доцент
Самаркандского государственного
института иностранных языков, г.
Самарканд, Республика Узбекистан*

Пулатова Н. А.

*преподаватель Самаркандского
государственного института иностранных
языков, г. Самарканд, Республика
Узбекистан*

НОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА – ЛИЧНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД И ЕГО ДИДАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА

*Научная школа Мухаммаджона Нуркосимовича Холбекова,
доктора филологических наук, профессора
Самаркандского государственного института иностранных языков*

В статье основное внимание уделяется подходу учителя при преподавании иностранных языков с точки зрения личной деятельности. Показаны различные аспекты обучения современного учителя и ученика.

Ключевые слова: личный подход, задача, проблема, социальный участник, педагог

NEW PERSPECTIVE - PERSONAL PERFORMANCE APPROACH AND ITS DIDACTIC PART

This article discusses the role of the teacher with the student – activity approach to learning a foreign language. Now, in the light of retraining programs subject of the article is very relevant. It presents the arguments of the author of the purposes and tasks of the modern teacher and student. Clearly presented and landmarks on both sides.

Keywords: actor, autonomy, task, activity approach, involvement implication

Новая перспектива в преподавании и обучении иностранным языкам – **личностно-деятельностный подход**, при котором пользователь и обучающийся языкам рассматривается с точки зрения социального актора, выполняющего какие-либо задачи (не только языковые) при сложившихся обстоятельствах и в непосредственной зоне действий.

Образование (и прежде всего вузовское), играет исключительно важную и все более возрастающую роль в современной жизни Узбекистана. Интеллектуальный потенциал нации, который в первую очередь создается системой образования, становится определяющим фактором прогрессивного развития стран и народов. Социальный заказ общества во многом определяет методы обучения, его цели и принципы. Современный социальный заказ ориентирует нас на использование **личностно-ориентированных** методов обучения, в основу которых может быть положен **личностно-деятельностный** подход, направленный на развитие и самореализацию способностей и дарований человека. Развивающемуся обществу нужны современно образованные, нравственные, предприимчивые люди, которые могут самостоятельно принимать ответственные решения в ситуации выбора, прогнозируя их возможные последствия, способны к сотрудничеству, отличаются мобильностью, динамизмом и конструктивностью. В этом контексте актуализируется наиболее значимая проблема современной методики обучения иностранным языкам – ориентация учебного процесса на активную творческую мыслительную работу обучаемых, что в плане формирования методической компетенции студентов осуществляется с помощью ситуативного метода, или кейс-метода. Узбекская система образования уже вплотную подошла к внедрению инновационных технологий и методов в учебный процесс в широком масштабе, и данная работа является вкладом в развитие личностно-деятельностного подхода при обучении иностранному языку, которое в конечном результате должно научить студентов действовать с применением полученных знаний с целью получения определенного позитивного результата.

Личностно-деятельностный подход является мотивирующим приемом в дидактике языка и культуры, помогающих внедрению иностранного студента в среду Synergies Roumanie n 8 [6, с 15–30]. Вместе с личностно-деятельностным подходом CEFR предлагает видение общения как действия, при котором собеседник рассматривается как социальный актор (деятель). Данная статья представляет сценарий обучения с предоставлением круга задач, которые вовлекают студента в открытие для себя реалий страны изучаемого языка, чтобы он стал непосредственным участником предпринимаемых действий в коммуникативной ситуации, приближенной к реальной (что является для нас первостепенной мотивацией при обучении), ведущей к интеграции и самостоятельности обучаемого. Данная деятельность покажет, насколько обучаемый усвоил и может применить культурно-лингвистические навыки, необходимые для интеграции, а также еще раз даст возможность определить роль преподавателя при данном подходе.

Личностно-деятельностный подход выявляет эволюцию коммуникативного подхода. Некоторые методисты говорят о преемственности, другие о прорыве (работа Ж. Ж. Ришера) [5, с. 13–48]. В новой концепции CEFR предлагает взгляд на общение как на деятельность. Если речевые акты воспроизводятся в рамках речевой деятельности, то они сами вписываются в деятельность в социальном контексте, которая – единственная – дает им полный смысл. В данной ситуации преподавания и изучения языков и культур обучаемый больше не выполняет ряд упражне-

ний, а последовательно решает задачи, связанные с общественной деятельностью, основанные на взаимодействии, перемещающейся непосредственно в реальную коммуникативную ситуацию. Поэтому французский дидактик Кристиан Пюрэн обозначает новую деятельностную перспективу под названием «перспектива общественной деятельности». Согласно ему [4, с. 3], все новые ключевые понятия-компетенции, контекст, текст, область и стратегия, обозначены в соотношении с терминами, имеющими тоже семантическое поле: акт, деятельный, деятель, деятельность, действовать, операция, задача. К. Пюрэн снова предъявляет наиболее абстрактное понятие, используемое в философии, чтобы обозначить в целом этот ряд терминов одним емким существительным «деятельность», тогда как акторы-действующие лица используют термин «действовать», т. е. глагол. Моник Деньер объясняет, что в противоположность течению «педагогике целей» педагогика компетенций (навыков и умений) выявляет общее поведение обучающегося при решении задачи, предлагая ему контекст, приближенный к реальной жизненной ситуации [3, с. 145]. Авторы CEFR задачу пределяют следующим образом: «есть "задача" в соответствии с которой действие является деятельностью субъекта, или нескольких, которые мобилизуются для достижения определенного результата» [там же]. Интересной стороной данного приема является то, что обучаемый находится в центре рефлексии, именно он разрабатывает стратегии решения проблемы, чтобы использовать языковые ресурсы и прогрессировать в приобретении автономии. Только в том случае, когда речевые акты обучающегося реализуются в речевой деятельности в контексте, приближенном к реальному, он сможет прочувствовать полный смысл предназначения приобретенных языковых навыков [1].

Пользователь языка рассматривается как социальный актор (деятель), который в дальнейшем будет трудиться в разных областях и принимать активное участие в жизни общества. В каждой из областей он будет находиться в каком-либо контексте, в различных обстоятельствах. Например, в личной и общественной жизни: участие в мероприятиях, в профессиональная деятельность, квалификационные курсы, стажировки. Эти контексты и обстоятельства предопределяют какое-либо количество ситуаций. Например для того, чтобы путешествовать, нужно составить маршрут, программу, выбрать соответствующую одежду и транспорт и др. В результате данных ситуаций последуют задачи, подлежащие реализации: составление программы, звонки для того, чтобы узнать расписание поездов и авиарейсов. Данные задачи, конечно же, могут быть и языковыми (запрос информации в турагентстве, в гостинице) и неязыковыми (ознакомление с планом города для посещения достопримечательностей). Они потребуют применения :

- навыков и опыта (перемещение по городу, умение путешествовать),
- умений (заказ билетов),
- умений сосуществовать (способ запроса информации, знакомство и т.д.),
- умения учиться и набираться опыта,
- способность адаптации к различным ситуациям.

Обучающийся является только пользователем, решающим какие-либо задачи внутри аудитории, в конкретной созданной ситуации и в определенном контексте. Говоря иначе аудитория – это не только место, где готовятся к ситуациям, возникающим в будущем, или изучают то, что пригодится позже, но это еще и место, где язык используется в естественной среде, в настоящем времени, для того чтобы поделиться знаниями, выразить собственное мнение, реализовать проект и посредством этой деятельности выучить его.

Личностно-деятельностный подход является одним из 4-х важных нововведений, представляемых в рамках положений CEFR, составленных Европейским союзом в 2001 [2]. В действительности данные положения, основывающиеся ни на учебниках, ни на каком-либо из языков, а исходящие из инструмента, предусматриваемого для обеспечения общей основы преподавания и обучения языкам, предлагает следующие пункты:

1) **Шесть общепринятых уровней знаний языка с критериями, прописанными в CEFR.** Начинается отсчет с уровня A1 (Начинающий уровень), с последующим переходом к уровню A2 (средний уровень), B1 (пороговый уровень), B2 (продвинутый уровень), C1 (самостоятельный пользователь) и C2 (уровень свободного владения языком).

2) **Пять языковых компетенций:** понимание речи (аудирование), понимание письменной речи (чтение), воспроизведение последовательной речи, диалога и воспроизведение письменной речи.

Деятельностный подход базируется на действии. Каковы же истоки возникновения данного подхода, его ориентация? Понятие «действие» – соответствует ли оно понятию «задача» в рамках CEFR? Обучение посредством действий и деятельности («action-based learning») – соответствует ли оно обучению посредством решения поставленных задач («task-based learning»)? Каковы же конкретные последствия данного метода обучения? Мы рассмотрим только три:

1 – Изучение языка будет являться адаптацией к контекстуальным ситуациям, которые будут зависеть от отрасли, интересующей самого обучаемого, от его круга интересов.

2 – Обучаемый будет являться непосредственным действующим лицом в аудитории. Аудитория будет являться общественным пространством, в котором он будет проживать естественным образом различные симулируемые ситуации, связанные с вероятным пребыванием в одной из франкоговорящих стран, и решать конкретные жизненные задачи.

3 – Для получения навыков и умений студент будет непосредственным участником своего обучения, проводимого в партнерстве с другими обучающимися.

Личностно-деятельностный подход вписывается в новую когнитивную и педагогическую модель, наведенную коммуникативным методом, но являющуюся более усложненной формой. Деятельностная перспектива отражает переход коммуникативной парадигмы к деятельностной. Обучаемый общается не только чтобы говорить, но – взаимодействовать с другими. Если студент постепенно перейдет к взаимодействию с другими обучаемыми в аудитории, то он это сможет сделать и везде.

Использование языка, в том числе и в обучении, подразумевает действия, которые помогут развить умения и навыки в целом, в частности, умение межъязыкового общения. Например, ситуации, взятые из реальной жизни, успешно разрешаются узбекскими студентами и стимулируют их к обогащению знаний, умений и навыков. Данная перспектива представляет переломный момент в преподавании и обучении языкам и является переосмыслением и определением статуса обучаемого и задач, поставленных перед ним. Таким образом, обучаемый возвращается не только в образовательной, а в общественной сфере тоже. Задачи и проблемы, которые он должен разрешить, являются как образовательными, так и общественными.

Литература:

1. BOURGUIGNON, C. & PUREN, C. (2007) Evaluer dans une perspective actionnelle: l'exemple du Diplôme de Compétence en Langue, Le Havre, Editions Delbopur.
2. Cadre Européen Commun de Référence pour les Langues (CECRL) rédigé par le Conseil de l'Europe en 2001.
3. Denyer, M. 2009. La perspective actionnelle définie par le CECR et ses répercussions dans l'enseignement des langues. In : L'approche actionnelle dans l'enseignement des langues. Paris : Edition Maison des langues, 2 édition révisée et enrichie, pp.142-155.
4. Puren, C. 2009. «Variations sur la perspective de l'agir social en didactique des langues-cultures étrangères», Langues modernes, APLV, janvier 2009.
5. Richer, J-J. 2009. Lectures du cadre : continuité ou rupture ? In : L'approche actionnelle dans l'enseignement des langues. Paris : Edition Maison des langues, 2 édition révisée et enrichie, pp.13-48.
6. 29 Synergies Roumanie n 8 - 2013 p. 15-30.

*магистрант Московского
государственного института культуры по
направлению подготовки Социально-
культурные технологии в индустрии досуга*

*Науч. рук.: Ольга Юрьевна Мацукевич,
доктор педагогических наук, профессор,
Московский государственный институт
культуры*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИКТ-КОМПЕТЕНТНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЯ САМОДЕЯТЕЛЬНОГО КОЛЛЕКТИВА КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье рассматривается ИКТ-компетентность руководителя самодеятельного коллектива, как одна из основных компетенций современного специалиста. Выделены ее структурно-содержательные компоненты и определены основные направления подготовки руководителя самодеятельного коллектива, направленные на развитие ИКТ-компетентности.

Ключевые слова: ИКТ-компетентность, средства ИКТ, структурно-содержательные компоненты ИКТ-компетентности

Gorbunova UI.

PROFESSIONAL ICT COMPETENCE OF THE LEADER OF THE AMATEUR COLLECTIVE AS A PEDAGOGICAL PROBLEM

The article examines the ICT competence of the head of the amateur collective as one of the core competencies of a modern specialist. Its structural and content components are singled out and the basic directions of preparation of the head of the amateur collective directed on development of ICT competence are determined.

Keywords: ICT competence, ICT tools, structural and content components of ICT competence

Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) нового поколения актуализировали проблему подготовки специалистов творческих профессий, осуществляющих педагогическую, художественно-творческую и организационно-управленческую деятельность в социально-культурной сфере. В качестве образовательного результата новые требования устанавливают конкретные компетенции, которыми необходимо овладеть будущему профессионалу. Одним из основополагающих показателей профессиональной готовности руководителя самодеятельного коллектива к успешному функционированию в современных социально-культурных условиях является его компетентность в области применения информационных и коммуникационных технологий (ИКТ-компетентность) [5].

Понятие «ИКТ-компетентность» входит в лексикон отдельного самостоятельного направления исследований, фундаментальные основы которых заложены в работах: И. А. Зимней, А. В. Хуторского, О. Г. Смолянина, Г. Б. Паршукова, В. А. Акуленко, Л. Л. Босова, И. В. Роберт и др. Сущность, содержание и структура ИКТ-компетентности педагога раскрыта в статье М. Н. Евстигнеева. В своем исследовании автор отмечает, что ИКТ-компетентность возникает в зоне пересечения с методической компетентностью, информационной компетентностью, компьютерной и медиа-грамотностью и делает вывод, что: «ИКТ-компетентность – это способность личности, обладающей определенными знаниями и умениями, самостоятельно ориентироваться в информационном пространстве, преобразовывая его в своих целях. ИКТ-компетентность педагога – это знания и умения решать профессиональные задачи с использованием средств и методов информационных и коммуникационных технологий, в частности: а) осуществлять отбор, оценку, обра-

ботку информации; б) создавать Интернет-ресурсы; в) организовывать взаимодействие между участниками образовательного и художественно-творческого процесса посредством ИКТ; г) осуществлять образовательную (включая творческую) деятельность с использованием ИКТ» [1, с. 71–72].

Деятельность руководителя самодеятельного коллектива отличается высоким уровнем рефлексии и психологической готовности к восприятию новшеств, постоянным поиском себя в этом новом, потребностью в создании нового видения различных форм художественной и педагогической действительности. Специалист ориентируется в педагогических знаниях, благодаря которым он может осуществлять выбор лучшего варианта форм, методов, путей воздействия на людей для освоения ими конкретных художественных навыков и умений, всегда реализуемых с учетом интересов участников самодеятельного коллектива.

Стремительное развитие ИКТ приводит к значительному изменению информационной среды современного общества и открывает новые возможности в профессиональной деятельности руководителей самодеятельных коллективов. Под *средствами ИКТ* понимаются программные, программно-аппаратные и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, продуцированию, накоплению, хранению, обработке, передаче информации и возможность доступа к информационным ресурсам компьютерных сетей (локальных и глобальных) [3, с. 27].

Система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в области применения средств ИКТ в профессиональной деятельности основывается на комплексе квалификационных требований, предъявляемых специалистам исходя из их функциональных обязанностей, что в свою очередь, основывается на компонентах информационной деятельности современного специалиста того или иного профиля [4, с. 75].

В одном из своих исследований И. В. Роберт и В.В. Быков формулируют принципы подготовки специалистов в области информатизации образования:

1. Инвариантность базовой подготовки относительно профессиональной направленности, ее ориентация на информационный, коммуникационный и общекультурный аспекты;
2. Специализация профильной подготовки, ее ориентация на особенности применения информационных и коммуникационных технологий в определенной конкретной профессии;
3. Дифференцированность подготовки, ее ориентация на личностные предпочтения, профессиональные потребности и особенности обучающегося [3, с. 56].

Авторы также выделяют четыре аспекта в содержании компетенции: мотивационный аспект – готовность к проявлению компетенции; когнитивный аспект – владение знанием содержания компетенции; поведенческий аспект – опыт проявления компетенции в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях; ценностно-смысловой аспект – отношение к содержанию компетенции и объекту ее приложения [там же].

С этих позиций и на основе анализа содержания и структуры ИКТ-компетентности, можно выделить четыре структурно-содержательных компонента ИКТ-компетентности руководителя самодеятельного коллектива: мотивационный, когнитивный, поведенческий и ценностно-смысловой компоненты.

Рассмотрим содержание выделенных компонентов более подробно.

Мотивационный компонент – готовность к проявлению компетенции. Мотивационный компонент формируется на основе осознания руководителем роли и функции современных информационных и компьютерных технологий в жизни общества и каждого отдельного человека в контексте изменяющейся социальной реальности, а также осмысления собственных коммуникативных потребностей и актуализации интеллектуальных возможностей в работе с самодеятельным коллективом.

Когнитивный компонент – владение знанием содержания компетенции. Когнитивный компонент ИКТ включает знания, сгруппированные по ключевым концептам информационных и компьютерных технологий, способность использовать различные источники и технические сред-

ства в профессиональной деятельности, умения осуществлять поиск, обработку и сохранение необходимой информации, проводить ее анализ и критическое оценивание.

Поведенческий компонент – опыт проявления компетенции в разнообразных стандартных и нестандартных ситуациях. Поведенческий компонент включает в себя способность использовать различные информационные и/или технические средства в профессиональной деятельности на основе личностного опыта и приобретенных знаний.

Ценностно-смысловой компонент – отношение к содержанию компетенции и объекту ее приложения. Ценностно-смысловой компонент формируется на основе базовых концептуальных положений ИКТ-компетентности, представляет собой уровень владения специалистом соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности [2, с. 25].

В связи с вышеизложенным, нами определены следующие основные направления подготовки руководителя самостоятельного коллектива:

- владение профессионально-ориентированными информационными системами, дающими полную информацию о новейших средствах ИКТ;

- использование автоматизированных баз и банков данных, содержащих текстовые, графические материалы и аудио-визуальные фрагменты, предназначенных для изучаемой области деятельности;

- использование электронных средств учебного назначения, проведения оценки их значимости для подготовки специалистов;

- организация автоматизированного хранения и обработки профессионально-значимой информации посредством баз данных, информационно-поисковых систем, справочных систем, предназначенных для оказания информационных услуг; применения комплекса программно-аппаратных средств информационных компьютерных сетей и средств телекоммуникаций для обеспечения информационного взаимодействия между специалистами социально-культурной сферы.

Таким образом, на основании научных исследований и документов, определяющих новые ориентиры в подготовке компетентного специалиста, нами конкретизировано понятие «ИКТ-компетентность руководителя самостоятельного коллектива», выделены ее структурно-содержательные компоненты и определены основные направления подготовки руководителя самостоятельного коллектива, направленные на развитие ИКТ-компетентности. ИКТ-компетентность руководителя самостоятельного коллектива мы рассматриваем как интегративное динамично развивающееся новообразование в структуре личности будущего специалиста, которое представляет собой совокупность профессиональных знаний, умений и готовности независимо и самостоятельно действовать в работе с самостоятельным коллективом.

Литература:

1. Евстигнеев, М. Н. Генезис и вариативность понятийного содержания терминов в области информатизации образования [Текст] / М. Н. Евстигнеев // Язык и культура. – 2013. – № 9. – С. 63–73.
2. Кручинина, Г. А. Метод проектов и новые информационные технологии [Текст] / Г. А. Кручинина // Применение современных информационных технологий в образовании : материалы учеб.-метод. семинара «Интел» 19 дек. 2003 г. – Нижний Новгород : ННГУ. – 2003. – С. 22–32.
3. Роберт, И. В. Подготовка кадров системы технического сервиса в условиях информатизации образования [Текст] / И. В. Роберт, В. В. Быков // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2005. – Т. 1. – С. 56–58.
4. Чичерина, Н. В. Медиаграмотность как ключевая компетенция современного специалиста: структура и содержание [Текст] / Н. В. Чичерина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия, Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 70–77.
5. Федеральные государственные образовательные стандарты. ФГОС высшего образования по направлениям подготовки бакалавриата [от 6.12.2017] [Электронный ресурс] // ФГОС : [сайт]. – URL: <http://fgos.ru/#20718f54f80778141>. – Дата обращения: 12.09.2018.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА И ОСВОЕНИЕ ЕГО СТУДЕНТАМИ ВУЗА КУЛЬТУРЫ

*Научная школа Михаила Евгеньевича Дуранова,
доктора педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Рассмотрен ценностный потенциал физической культуры и спорта и спортивные технологии, способствующие его освоению студентами вуза.

Ключевые слова: ценности физической культуры, студенты, фитнес-технологии, мотивация, самосовершенствование, самореализация

**Vlasova I.,
Kravchuk V.**

VALUE POTENTIAL OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AND ITS DEVELOPMENT BY STUDENTS OF THE UNIVERSITY OF CULTURE

The article deals with the value potential of physical culture and sports and sports technologies that help University students' potential development.

Keywords: values of physical culture, students, fitness technologies, motivation, self-improvement, self-realization.

Физическая культура как полноценная составляющая бытия человека и общества обладает значительными ресурсами социализации, самореализации и реабилитации личности, предполагает прежде всего формирование системы ценностей, на основе которых может эффективно выстраиваться разнообразная по формам и видам деятельность. Для использования ее большого духовного потенциала необходимо выработать установку на присвоение ценностей физической культуры.

Анализ научных исследований позволяет отнести к ценностям физической культуры следующие: двигательные, ценности технологий, мобилизационные, интенционные, интеллектуальные, валеологические [7, с. 157]. Личностный уровень освоения ценностей физической культуры студентами проявляется в наличии и использовании знаний в области физического совершенствования, в демонстрации двигательных умений и навыков, в способности к самоорганизации здорового стиля жизни, в уверенном обладании социально-психологическими установками, а также в видимой ориентации на занятия физкультурно-спортивной деятельностью [3, с. 72]. Освоение комплекса ценностей и технологий физической культуры сегодня рассматривается в качестве мощного стимула самоопределения и самореализации личности в современном мире, что, в конечном итоге, способствует формированию социальной культуры личности.

Ценностный потенциал физической культуры и спорта может осваиваться студентами в режиме самосовершенствования и саморазвития. Ценностные ориентации отражают направленность

личности, обеспечивают отношения, в том числе к физической культуре, к внеучебной физкультурно-спортивной деятельности. Они являются мотивационным ядром спортивной деятельности. Физический потенциал каждого может реализовываться на основе альтернативного выбора вида физкультурно-спортивных занятий. Однако исследователи проблем вузовской физической культуры в Российской Федерации указывают на кризисные тенденции в учебном процессе, несоответствие требований к содержанию физической культуры и практикой использования в ней технологий [6, с. 93]. Некоторые специалисты отмечают, что современное программно-методическое обеспечение физического воспитания студентов вуза недостаточно мотивирует их на активные занятия физической культурой и спортом [4, с. 91]. В связи с необходимостью скорейшего преодоления негативных тенденций в формировании физической культуры личности актуализируется внедрение в учебно-тренировочный процесс эффективных педагогических технологий, адаптация спортивных технологий. К примеру, фитнес-технологии могут быть примером последнего [5, с. 93]. В настоящее время среди студентов популярностью пользуется фитнес-аэробика, как новый вид физкультурно-спортивной деятельности, включающий более 200-т направлений двигательной активности. Фитнес как «глобальный спорт для всех» может помочь в формировании знаний, умений, навыков физического самосовершенствования, социального поведения с ориентацией на активный образ жизни [10, с. 54–56].

Нами разработаны элективные дисциплины по физической культуре и спорту: «Спортивные игры», «Общая физическая подготовка с профессионально-прикладной направленностью», «Оздоровительный фитнес» – которые активно вводятся в образовательный процесс в Челябинском государственном институте культуры (ЧГИК). Фитнес-аэробика рассматривается и позиционируется нами как одно из самых популярных и эффективных направлений физической культуры, которое усиленно активизирует двигательную активность и работоспособность. Физические нагрузки в процессе занятий фитнес-аэробикой исследуются нами в качестве социально значимого креативного элемента, формирующего в совокупности с другими средствами двигательную культуру студентов.

Разработанные программа спортивно-ориентированного физического воспитания на основе фитнес-аэробики [1], программы и методика обучения и тренировок в группах спортивного совершенствования по степ-аэробике [2] апробированы нами на всех факультетах ЧГИК. В процессе работы, на основе наблюдений нами получены эмпирические данные, которые позволяют сделать первые предварительные выводы:

- реализация потенциала фитнес-аэробики в рамках элективной дисциплины «Оздоровительный фитнес» и внеучебной физкультурно-спортивной деятельности способствует формированию спортивной культуры студентов, ориентации на ценности физической культуры и спорта;
- тренировки по степ-аэробике эмоционально и эстетически привлекают студентов, формируют их фитнес-культуру;
- преподаватели кафедры успешно решают задачи по определению вида занятий по выбору, формируют мотивацию студентов к дополнительным занятиям за рамками основного расписания;
- в ходе реализации спортивно-ориентированного учебно-тренировочного процесса на основе фитнес-аэробики происходит трансформация мотивов студентов от внешних стимулов к внутренним.

Проводимые нами опросы (в т.ч. нестандартизованные интервьюирования) выявляют такие результаты освоения спортивных дисциплин, как улучшение самочувствия, самоутверждение, достижение спортивного успеха. Такие ответы убеждают нас в том, что учебно-тренировочные занятия и проводимые нами соревнования создают условия для самореализации. Для включения в социум студенткам важно оценить себя, сопоставить с другими. Мы уверены, что спортивное соперничество предоставляет такую возможность сравнения своих способностей со способностями других. Более того, оно позволяет объективно оценивать и ранжировать всех студентов по местам, побуждая их к совершенствованию. Тем самым создаются условия для самосовершенствования, самопреодоления [9, с. 69].

Мотивацию необходимо рассматривать как обоюдную ответственность преподавателя и студента. Применяя различные методы мотивации, регулярно анализируя и совершенствуя их,

можно добиться формирования достиженческих установок у студентов. С нашей точки зрения, достиженческие мотивы и установки особенно характерны для сборных команд института. Сформированные достиженческие мотивы студенток сборных команд по степ-аэробике «Джайв» позволили эффективно совершенствовать учебно-тренировочный процесс, освоить программы повышенной сложности и, как итог, стать чемпионами мира в 2016 г. в Австрии, серебряными призерами Чемпионата Европы (2017 г., г. Карловы Вары), чемпионами Европы (2018 г., г. Карловы Вары).

Потенциал физкультурно-спортивной среды вуза обусловлен «... содержанием воспитательно-образовательного процесса как технологического компонента (организация спортивно-ориентированного физического воспитания на основе интеграции учебной и внеучебной работы; внедрение инновационных технологий и методов; высокий уровень программно-методического обеспечения; эффективность использования образовательных ресурсов для решения комплекса задач; направленность на раскрытие личностного потенциала каждого субъекта; способность удовлетворить спектр спортивных потребностей; сформировать у студентов систему ценностей)» [8, с. 10]. Важную роль в освоении ценностного потенциала физической культуры и спорта играет характер связей и отношений между вышеуказанными компонентами.

Социокультурная направленность физкультурного образования студентов, освоение ценностного потенциала физической культуры и спорта позволяют повысить качество учебно-тренировочного процесса, обеспечить прогрессивный уровень физической и функциональной подготовленности, сформировать необходимые компетенции.

Литература:

1. Власова, И. А. Аэробика: тренировка, оздоровление, реабилитация / И. А. Власова ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2005. – 60 с.
2. Власова, И. А. Оздоровительный фитнес / И. А. Власова, О. А. Иваненко ; Челяб. гос. ин-т культуры. – Челябинск : ЧГИК, 2017. – 157 с.
3. Кравчук, В. И. Ориентация студентов во внеучебной деятельности на социокультурные ценности физической культуры : монография / В. И. Кравчук ; Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – Челябинск, 2014. – 210 с.
4. Левицкая, А. Н. Влияние специализированных занятий фитнес-аэробикой на формирование физической подготовленности студенток вуза / Н. А. Левицкая, В. В. Пономарёв // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 8. – С. 91–95.
5. Лубышева, Л. И. Конверсия высоких спортивных технологий как методологический принцип развития детско-юношеского спорта / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 9. – С. 93–97.
6. Лубышева, Л. И. Развитие спортивной науки в вузах: новая стратегия физкультурно-спортивного образования / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2015. – № 10. – С. 93–99.
7. Лубышева, Л. И. Социология физической культуры и спорта : учеб. пособие / Л. И. Лубышева. – Москва : Академия, 2004. – 240 с.
8. Манжелей, И. В. Средовый подход в формировании спортивного стиля жизни студенческой молодежи / И. В. Манжелей // Теория и практика физической культуры. – 2013. – № 12. – С. 9–13.
9. Современные проблемы наук о физической культуре и спорте: Философия спорта / В. И. Столяров, А. А. Передельский, М. М. Башаева. – Москва : Совет. спорт, 2015. – 464 с.
10. Шутова, Т. Н. Фитнес-технологии для повышения двигательной активности молодежи на основе глобального подхода / Т. Н. Шутова, Л. Б. Андрущенко // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 3 – С. 54–56.

ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА В ВУЗЕ

*Научная школа Михаила Евгеньевича Дуранова,
доктора педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье рассматривается ценностный потенциал физической культуры и спорта в вузе как фактор формирования здоровья студентов.

Ключевые слова: физическая культура, спорт, ценности, здоровье, адаптационные резервы, студенты, самореализация

Kravchuk V.

HEALTH POTENTIAL OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS AT UNIVERSITY

The article deals with the value potential of physical culture and sports at university as a factor of students' health formation.

Keywords: physical culture, sports, values, health, adaptive reserves, students, self-realization

Качественная профессиональная подготовка студентов предполагает интенсификацию обучения в вузе, с целью активизации использования резервов организма, духовного и физического потенциала. Такой активный настрой и повышенные требования к мобильности и включенности в профессиональную, образовательную, досуговую и иные виды деятельности, актуализирует проблему здоровья студентов. В последние годы, с ускорением всех жизненных процессов, скоростей реализации дел, самого времени при одновременном сжатии пространства студенчество переводится в категорию людей, включенных в деятельность повышенного риска. Действительно, данные медосмотров студентов показывают, что 60–75% студентов имеют отклонения в состоянии здоровья. Количество студентов специальных медицинских групп достигает 40–45% [8, с. 25]. На первом месте в структуре заболеваемости стоят сердечно-сосудистые патологии (30–60%), на втором – заболевания опорно-двигательного аппарата (25–40%), на третьем – органов зрения и органов дыхания (15–25%). В вузах регистрируется высокий уровень заболеваемости студентов, ухудшение их здоровья за время обучения. Данные обследования студентов Московского государственного университета показывают, что уровень их здоровья от курса к курсу снижается в среднем на 8–10%, достигая 75% на четвертом курсе от принятых за 100% на первом курсе [12, с. 214].

Физическая культура и спорт в вузе остаются основными факторами формирования здоровья студенческой молодежи. Обязательные занятия по физической культуре являются основной формой привлечения студентов к здоровому образу жизни и активным занятиям спортом. В то же время данные социологического анализа показывают недостаточный уровень физической активности значительной части студентов челябинских вузов, низкий уровень приобщенности их к систематическим занятиям физической культурой и спортом, выявляют низкий уровень отношения к ценностям здорового образа жизни [10, с. 26].

Проблема здоровья носит комплексный характер. Отмечается, что здоровье – это сложный феномен, имеющий свою специфику проявления на физическом, психологическом и социальном уровнях. Психологи определяют здоровье как «...относительно устойчивое состояние, в котором

личность хорошо адаптирована, сохраняет интерес к жизни и достигает самореализации» [3, с. 14]. Подчеркивается, что жизнь человека зависит от состояния здоровья и его психологического потенциала. Согласно мнению академика В. П. Казначеева, «здоровье индивида есть динамическое состояние, процесс сохранения и развития его биологических, физиологических и психологических функций, оптимальной трудоспособности и социальной активности при максимальной продолжительности жизни» [4, с. 20]. Здоровье в Уставе Всемирной организации здравоохранения определяется как «состояние полного физического, психического, социального благополучия, а не только отсутствие каких-либо болезней и дефектов» [11]. Данное определение соответствует ценностно-социальной модели здоровья.

Выделяют следующие компоненты здоровья: физическое, психическое, социальное, нравственное. Основными факторами физического здоровья являются уровень физического развития, физической и функциональной подготовленности, уровень адаптационного потенциала, обеспечивающего приспособление организма к различным условиям среды. Критерием физического здоровья являются адаптационные резервы организма, т. е. возможности противостоять воздействию различного вида нагрузок, обеспечивая необходимый уровень эффективности деятельности человека. Под резервами адаптации понимают такие изменения функциональной активности органов и систем органов (например, при мышечной деятельности), которые вносят вклад в достижение приспособительного результата. По Н. М. Амосову, «количество здоровья» можно выразить в понятии «резервные мощности» [9, с. 81].

Существенным фактором, определяющим состояние здоровья студентов, является оптимальная двигательная активность. «Здоровье человека определяется множеством факторов, однако решающее значение среди них принадлежит двигательной активности, которая зависит от человека и может быть преобразована нашей волей и настойчивостью. Этот фактор в наиболее «очищенной» и концентрированной форме – основное средство, используемое в физической культуре и спорте» [9, с. 79].

Специалистами отмечается, что сохранение и воспроизводство здоровья находится в прямой зависимости от уровня культуры. Человек – это субъект и одновременно главный результат своей собственной деятельности [2, с. 61]. Спортивный стиль жизни студента может сложиться в рамках определенного образа жизни и зависит от субъективного жизненного выбора, характера проявления субъектности и особенностей социокультурной среды.

В концепции преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания молодежи России обозначено главное направление физкультурно-спортивной деятельности во всех ее сферах: формирование и совершенствование физического, нравственного и духовного здоровья занимающихся. Содержательной основой для повышения эффективности обязательного физического воспитания студентов является использование применяемых технологий оздоровительной кондиционной и спортивной тренировки. В. К. Бальсевич отмечает, что научно-технологическая сущность организационно-методических инноваций состоит в приоритетной направленности педагогического процесса на освоение обучающимися нравственных, интеллектуальных, поведенческих, двигательных, мобилизационных, здоровьесформирующих и здоровьесберегающих ценностей физической и спортивной культуры по механизму конверсии приемлемых элементов элитной спортивной подготовки в физическом воспитании. Критерием эффективности при этом должен быть интенсивный прогресс физического и нравственного здоровья как первостепенного по значимости фактора повышения культуры и качества жизнедеятельности студенческой молодежи [1, с. 2].

Целью и результатом физкультурного образования является развитие культуuroобразующей и оздоровительной функции физической культуры. Создание устойчивой мотивации к здоровому и продуктивному стилю жизни, формированию потребности в физическом самосовершенствовании на основе ориентации на ценности развития и самореализации физических сил и способностей – это основная функция физкультурно-спортивной деятельности [5, с. 53]. Исследования показывают, что проблема здорового образа жизни студентов имеет важный ценностно-смысловой аспект, который заключается в той или иной степени значимости ценности здоровья

для них [6, с. 19]. Систематические занятия физкультурой и спортом повышают у студентов значение ценности здоровья, его удельный вес в структуре ценностных ориентаций, особенно с ростом спортивного мастерства.

В системе учебной и внеучебной деятельности Челябинского государственного института культуры осуществляется ориентация студентов на ценности физической культуры и социокультурного аспекта физкультурного образования, а также валеологическое воспитание и образование на основе выделенных валеологических ценностей. Физкультурно-образовательная социокультурная среда института обеспечивает передачу студентам культуры здоровья. Создание условий и возможностей для освоения дифференцированных программ и технологий, ведения здоровьесберегающего, динамического, спортивного стиля жизни в образовательном социокультурном пространстве института увеличивает оздоровительный потенциал физической культуры и спорта. Уровень здоровья студентов может существенно повыситься, «...если акценты содержания и организации физического воспитания будут смещены в сторону реализации культурологической образовательной парадигмы, которая создает возможности для переориентации образования на развитие личности и ее самореализацию, умение самостоятельно мыслить и работать, в том числе и в сфере физической культуры и спорта» [7, с. 95].

Таким образом, оздоровительный и здоровьесберегающий потенциал вуза заключается в разумном единстве всех образовательных, развивающих, досуговых, спортивных и других программ. Готовность к сохранению здоровья находится в прямой зависимости от готовности получать новые знания, которые наполняют содержанием общую культуру личности в целом и культуру здорового образа жизни в частности, а также могут включать знание методов и форм сохранения и/или приумножения здоровья.

Литература:

1. Бальсевич, В. К. Основные положения концепции интенсивного инновационного преобразования национальной системы физкультурно-спортивного воспитания детей, подростков и молодежи России [Текст] / В. К. Бальсевич // Теория и практика физической культуры. – 2002. – № 3. – С. 2–4.
2. Брехман, И. И. Валеология – наука о здоровье [Текст] / И. И. Брехман. – Москва : Физкультура и спорт, 1990. – 208 с.
3. Васильева, О. С. Психология здоровья человека [Текст] / О. С. Васильева, Ф. Р. Филатов. – Москва : Академия, 2001. – 352 с.
4. Виленский, М. Я. Физическая культура и здоровый образ жизни студента [Текст] / М. Я. Виленский, А. Г. Горшков. – Москва : Гардарики, 2007. – 218 с.
5. Давиденко, Д. Н. Размышления о понятиях и сущности образования в области физической культуры [Текст] / Д. Н. Давиденко, Г. Н. Пономарев // Теория и практика физической культуры. – 2004. – № 5. – С. 52–55.
6. Зиновьев, Н. А. Здоровье в системе ценностных ориентаций студентов в контексте спортивной деятельности [Текст] / Н. А. Зиновьев, Е. А. Бавыкин // Теория и методика физической культуры. – 2017. – № 5. – С. 19–20.
7. Лубышева, Л. И. Здоровьеформирующий потенциал российского образования [Текст] / Л. И. Лубышева // Теория и практика физической культуры. – 2013. – № 12. – С. 95.
8. Мамонова, О. В. Физическое воспитание студентов специальных медицинских групп на основе оздоровительных видов гимнастики и бильярда [Текст] / О. В. Мамонова, С. И. Филимонова, Л. М. Столяр, Р. Ю. Булычёв // Теория и практика физической культуры. – 2017. – № 9. – С. 25–27.
9. Психология здоровья [Текст] / под ред. Г. С. Никифорова. – Санкт-Петербург : Питер. 2003. – 607 с.
10. Сивохин, И. П. Физическая активность и здоровье студентов в контексте социологического анализа [Текст] / И. П. Сивохин, А. И. Федоров, С. А. Ярушин // Теория и практика физической культуры. – 2018. – № 9. – С. 26.
11. Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901977493>. – Проверено: 16.10.2018.
12. Физическая культура [Текст] / под ред. М. Я. Виленского. – Москва : КНОРУС, 2013. – 424 с.

*студентка Восточно-Сибирского
государственного института культуры по
направлению подготовки Социально-
культурная деятельность, г. Улан-Удэ.*

*Науч. рук.: Татарова С. П., доктор
социологических наук, профессор,
Восточно-Сибирский государственный
институт культуры, г. Улан-Удэ*

ДЕТСКИЙ ОЗДОРОВИТЕЛЬНЫЙ ЛАГЕРЬ КАК СРЕДА СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

***Культурологическая научная школа «Социально-культурная среда Восточной Сибири:
современное состояние и перспективы развития» Светланы Петровны Татаровой,
доктора социологических наук, доцента,
Восточно-Сибирский государственный институт культуры***

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме социализации личности. В статье рассматривается именно детский оздоровительный лагерь как среда для социализации детей и подростков. Подробнее рассмотрим различные виды деятельности детского оздоровительного лагеря.

Ключевые слова: детский оздоровительный лагерь, социум, подростки, социальная адаптация

Podkorytova IU.

CHILDREN'S HEALTH CAMP AS A MEDIUM FOR THE SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL

The article is devoted to the actual problem of socialization of the individual today. The article considers the children's health camp as an environment for the socialization of children and adolescents. Let's take a closer look at the various activities of the children's health camp.

Keywords: children's health camp, society, adolescents, social adaptation

Летние каникулы для школьников – это восстановление здоровья, сил, потраченных на учебу и другие виды деятельности, развитие творческого потенциала, вхождение в систему новых социальных связей. Одной из наиболее распространенных форм летнего отдыха детей и подростков являются детские оздоровительные лагеря. Именно там дети впервые получают знания и опыт, необходимые им для совершенствования и приобщения к условиям жизни. Детский оздоровительный лагерь имеет свою специфику, дающую ему большие преимущества перед другими формами работы с детьми. Именно в лагере дети учатся вести себя в коллективе. «Познание способа совместного проживания в группе сверстников обладает свойством обучения детей в коллективе, которое редко где можно найти» (А. Б. Болл) [5, с. 151]. Кроме воспитательной и образовательной функций, детский лагерь выполняет еще социализирующую функцию. Задача социального становления личности является важной для любого общества, особенно в период переориентации ценностей. Ценности существенно влияют на формирование социального опыта у детей и подростков. Очень многое зависит от того, какие ценности будут сформированы у подрастающего поколения сегодня. Поэтому существенно возрастает значимость социальных институтов, направленных на создание условий для социализации. Детский оздоровительный лагерь относится к социальным институтам. Именно нахождение в лагере играет для детей социализирующую роль, в нем происходит становление детей как личностей [2].

Рассмотрим более подробно понятие «социализация».

Социализация – процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе [3, с. 95]. Э. Дюркгейм всегда связывал социализацию с проблемами функционирования коллективного сознания и, прежде всего, с передачей от поколения к поколению социальных норм и традиций. Р. С. Немов определяет социализацию как «процесс усвоения и активного воспроизводства индивидом общественного опыта, в результате которого он становится личностью и приобретает необходимые для жизни среди людей знания, умения, навыки, т.е. способность общаться и взаимодействовать с ними в ходе решения тех или иных задач» [1, с. 24].

Социализация – это двусторонний процесс, одна сторона которого направлена на усвоение индивидом социального опыта, другая же характеризует обратный процесс воздействия индивида на социальную среду. Исходя из данных подходов к социализации, можно считать, что социализируясь в условиях лагеря, субъект не только обогащается опытом, но и реализует себя как личность, влияя на жизненные обстоятельства и окружающих людей. Следовательно, воспитание в детском оздоровительном лагере как часть процесса социализации представляет собой целенаправленное управление развитием личности на основе включения в различные виды социальных отношений.

Лагерь, в свою очередь, должен предоставлять условия для социального творчества через многообразие форм деятельности, позволяющих детям почувствовать себя личностью, самоутвердиться, развить интересы, быть нужным обществу. Ребёнок должен с самого раннего возраста понимать, какую социализирующую роль играет тот или иной институт, будь то семья, группа в детском саду или школа. Учиться взаимодействовать в коллективе – процесс сложный и трудоемкий. Ведь когда ты занимаешься определенным делом самостоятельно, ты всю ответственность берешь на себя. В коллективе дело обстоит по-другому. Каждый человек выполняет определенную роль, конкретные обязанности. Именно такие структуры, как детский лагерь, школьный класс, спортивная секция, учат нас работать и находиться в коллективе, уметь работать в команде, уважать свои друзей и соратников [6, с. 205].

Особое место в процессе социализации занимает искусство, выступающее как носитель духовной культуры и как средство познания мира, отражающее быт, нравственность, социальные отношения того или иного общества. При этом искусство выступает как форма и средство общения, является действенным средством творческого развития личности, которая в детском оздоровительном лагере имеет колоссальное воспитательное значение, поскольку активно выступает средством развлечения.

В качестве основных функций социализации индивида в условиях детского оздоровительного лагеря выступают:

- нормативно-регулятивная (формирующая и регулирующая жизнедеятельность в лагерьном обществе посредством воздействия на него социальных институтов);
- личностно-преобразовательная (индивидуализирующая личность посредством формирования идеалов и установок в системе лагерных социальных отношений);
- ценностно-ориентационная (формирующая систему ценностей, определяющих образ жизни субъекта лагерных отношений);
- коммуникативно-информационная (приводящая личность во взаимоотношение с другими субъектами);
- прокреативная (порождающая готовность действовать определённым образом, открыто или латентно);
- творческая (в процессе реализации которой рождается стремление творить, отыскивать выход в нестандартных ситуациях, усовершенствовать мир вокруг себя) [4, с. 28].

Также можно выделить ряд особенностей социализации личности в условиях детского лагеря: независимость лагеря от государственных институтов, что позволяет ориентировать подростков на характер их социальных отношений в будущем; добровольный характер включения в социальные отношения; учет интересов и потребностей, опираясь на индивидуальные качества личности.

Таким образом, социализация детей в детском оздоровительном лагере представляет собой сложный непрерывный процесс, при котором, с одной стороны, потребности отдельно взятой личности адаптируются к потребностям коллектива на различных уровнях взаимодействия, а с другой коллектив формирует нормы морали и поведения, включая целесообразные формы отношений в процессе взаимодействия.

Литература:

1. Абашкина, Е. В. Социализация в летнем детском лагере как сеть ритуалов интеракции [Текст] / Е. В. Абашкина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2. – С. 21–26.
2. Детский оздоровительный лагерь и его функции [Электронный ресурс] [раздел кн.: Воспитательная среда детского оздоровительного лагеря как педагогический феномен] // Studbooks.net. Студенческая библиотека онлайн : [сайт]. – URL: https://studbooks.net/756242/pedagogika/vospitatelnaya_sreda_detskogo_ozdorovitelnogo_lagerya_pedagogicheskiy_fenomen. – Дата обращения: 28.09.2018.
3. Кон, И. С. Психология ранней юности [Текст] / И. С. Кон. – Москва : Просвещение, 1989. – 256 с.
4. Магомедов, Т. А. Детский оздоровительный лагерь как среда социализации личности [Текст] / Т. А. Магомедов, Х. Ш. Раджабов // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2015. – № 4. – С. 28–32.
5. Немов, Р. С. Основы психологического консультирования [Текст] / Р. С. Немов. – Москва : ВЛАДОС, 1999. – 327 с.
6. Социализация [Текст] // Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – Город : ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – 296 с.

УДК 37.0

Махмудова М.

*доктор педагогических наук, доцент
кафедры педагогики и психологии,
Самаркандского государственного
института иностранных языков,
г. Самарканд, Республика Узбекистан*

Бегматова Д.

*преподаватель кафедры педагогики и
психологии Самаркандского государственного
института иностранных языков,
г. Самарканд, Республика Узбекистан*

**ФАКТОРЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ НЕПРЕРЫВНОСТЬ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В СЕМЬЕ**

*Научная школа Инамовой Малики Инамовны,
доктора педагогических наук, профессора
Самаркандского государственного института иностранных языков*

Семья является первым и одним из главных звеньев при формировании профессиональной социализации индивида. Педагогическими факторами обеспечения непрерывности формирования профессиональной социализации являются знание родителями основ профессиональной социализации, внедрение в традиции узбекской семьи основ социализации, формирование социализации на основе научности, системности и национальных традиций.

Ключевые слова: семья, воспитание, профессиональная социализация

FACTORS ENSURING THE CONTINUITY OF PROFESSIONAL SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN THE FAMILY

The family is the first and one of the main links in the formation of the professional socialization of the individual. Pedagogical factors of continuity of formation of professional socialization of knowledge of the parents are the foundations of professional socialization, introducing in the tradition of the Uzbek family fundamentals of socialization, socialization based on the form of scientific, systematic and national traditions.

Keywords: family, upbringing, professional socialization

Профессиональная социализация (от лат. *socialis*) – это процесс обеспечения педагогических условий профессионального развития человека. Роль семьи очень важна в этом педагогическом процессе [1, с. 8]. Профессиональная ориентация, понимание и признание профессиональных ценностей, получение конкретных профессиональных знаний, умений и навыков, а также факторы личностного и общественного развития взаимосвязи и содействия развитию общества начинается с воспитания в семье. Профессиональная социализация служит ключевым фактором интеграции людей в обществе. Семья является первым этапом в обеспечении процесса профессиональной социализации молодежи, а непрерывность и взаимозависимость педагогического процесса в этой задаче начинается с семьи.

«Любая педагогическая задача требует педагогического процесса на основе непрерывности» [2, с. 27]. Способность и непрерывность обеспечивают педагогическую целеустремленность, последовательное получение педагогического контента, обеспечивают согласованность теоретических знаний и практики и создают педагогическую производительность. Необходимость непрерывности в формировании профессиональной социализации определяется следующими социально-образовательными факторами:

- роль и важность семьи в формировании гармонично развитого поколения в XXI в.; семья включена в общий педагогический процесс формирования человека; это одно из актуальных требований современности;

- человек формируется в социальной среде; невозможно воспитать гармоничную личность вне социальной среды; профессиональная социализация является неотъемлемой частью формирования гармонично развитого человека;

- сегодня особое внимание уделяется подготовке персонала, отвечающего требованиям XXI в.; профессиональные интуиция и ориентация становятся важным фактором в развитии общества; родители должны оказывать положительное влияние на ребенка и создавать адекватную среду для профессиональной социализации;

- сущность концепции профессиональной социализации с каждым днем возрастает; появляются новые инновационные концепции и необходимость интеграции обновленного контента на все этапы системы образования.

В результате профессиональной социализации молодые люди смогут точно анализировать различные политические, экономические и социальные ситуации в обществе, находить различия между текущей и будущей профессиональной сферой и тенденциями изменений в ней. Это требует от родителей быть ответственными за судьбу своих детей, помогать им жить в современном обществе и понимать свою общественную значимость. При профессиональной социализации важную роль играет интуиция родителей, знания о потенциале развития ребенка. Принцип взаимозависимости и непрерывности зиждется на практичности, ориентации педагогических целей участников педагогического процесса (родители, педагог, тренер, образовательное учреждение). Принцип управления служит обеспечению согласованности, программирования, систематичности, непрерывности, эффективности, планирования и производительности на основе использования всестороннего научно-теоретического подхода [3, с. 11–14].

Итак, рассмотрим каковы цель, функция и миссия педагогического процесса в обеспечении профессиональной социализации в семье в контексте взаимозависимости и непрерывности. Педагогический процесс всегда должен основываться на полных знаниях и возможностях педаго-

гического персонала, используя непрерывные, целенаправленные, различные педагогические методы и инструменты. Родственники, дошкольные и школьные воспитатели, ответственные за учебный процесс лица, друзья – все они могут участвовать в профессиональной социализации личности, влиять на формирование профессиональных знаний и навыков ребенка. Все участвующие стороны должны координировать свои действия, сотрудничать, взаимодействовать и дополнять друг друга. Взаимосвязь и преемственность в педагогическом процессе являются важным фактором, обеспечивающим его практичность, ориентированную на достижение цели и связь между сторонами. Ориентация молодежи на профессию гарантируется традициями данной семьи. Невозможно организовать профессиональную социализацию в семье независимо от психоэмоциональной и возрастной дифференциации личности, т. к. процесс выбора профессии имеет определенные характеристики в каждом возрасте.

Цель обеспечения профессиональной социализации – научить работать в различных совместных проектах, четко определить профессиональные потребности ребенка и, при необходимости, обеспечить консультацию специалистов в выбранной сфере (например, искусство, музыка, танец, спорт, информационные технологии), выбрать правильную базу практики. Если родители не готовы к этому процессу, они не смогут полностью реализовать профессиональную социализацию своего ребенка. Поэтому важно, чтобы родители использовали демократические методы, учитывающие интересы ребенка, а не метод самодержавного управления. Не стоит произносить фразы подобного характера: «Я твой отец. Ты будешь делать то, что я скажу! Ты еще маленький мальчик!», лучше заменить их подобным образом: «Прогресс Узбекистана продвигается в направлении рыночной экономики. Человек должен быть свободным. У человека должна быть современная профессия. Человек должен иметь возможность пользоваться как самим собой, так и обществом!». Как видно, в процессе профессиональной социализации родители несут большую ответственность, равно как и руководители педагогических процессов. Однако многие родители сегодня не обладают достаточными знаниями, навыками и умениями профессиональной социализации.

Таким образом, предоставление профессиональной социализации молодежи в семейном воспитании требует следующих дидактических требований и условий:

- семейное образование должно предоставлять родителям знания о концепции профессиональной социализации, ее содержании и сущности, истории и значимости;
- современное мышление о профессиональной социализации должно быть включено в процесс обучения на основе семьи;
- необходимо формировать знания и мышление родителей в этом направлении;
- обеспечение взаимозависимости и непрерывности в научном решении проблем, согласованности, сотрудничестве семьи, школы и гражданского общества.

Обеспечение взаимозависимости и непрерывности процесса воспитания семьи на основе семьи может обеспечить развитие учебного процесса и педагогических технологий.

Литература:

1. Салиева, З. Т. Формирование духовных и моральных качеств преподавателей педагогического колледжа как фактор профессиональной социализации: автореф. дис. ... канд. пед. наук / З. Т. Салиева. – Ташкент, 2010. – 23 с.
2. Шарипов Ш. Научно-педагогические основы профессиональной ориентации : учеб. пособие / Ш. Шарипов, К. Давлатов, Ш. Насриддинова. – Ташкент, 2007. – 198 с.
3. Эгамбердиева, Н. М. Теория и практика личной и профессиональной социализации студентов на основе культурно-гуманитарного подхода : автореф. дис. ... док. пед. наук / Н. М. Эгамбердиева. – Ташкент, 2010 – 29 с.

*кандидат педагогических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Челябинского
государственного института культуры*

АКТУАЛЬНОСТЬ ОБРАЩЕНИЯ К МЕТОДОЛОГИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

*Научная школа Риммы Алексеевны Литвак,
доктора педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

В статье обосновывается необходимость обращения к изучению методологии деятельности молодежного общественного объединения; психолого-педагогической возрастной группы молодежи и ее особенностей. Определяется актуальность обращения к научной дискуссии, направленной на поиск значимых методологических оснований деятельности молодежных общественных объединений.

Ключевые слова: молодежное общественное объединение, методология

Krinityna E.

THE RELEVANCE OF THE REFERENCE TO THE METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THE ACTIVITIES OF YOUTH ASSOCIATIONS

The article substantiates the need to study the methodology of the youth public Association; youth as a psychological and pedagogical age group and its features; determines the relevance of the appeal to the scientific discussion aimed at finding significant methodological foundations of youth public associations.

Keywords: youth public Association, methodology

В социологической, психолого-педагогической научной литературе характеристики молодежи сегодня находятся в так называемой «точке бифуркации», когда, с одной стороны, оценки молодежи обусловлены существенными изменениями социокультурной ситуации современного российского общества, которой свойственен кризис эстетических и этических идеалов, снижение уровня межкультурного общения молодого поколения, направленность на преобладание материальных ценностей, приоритет личностных достижений перед общественными, низкий уровень интеллигентности и духовно-нравственных ориентиров. С другой стороны, указывается на высокий потенциал молодежи в творчестве, проявлении социальной активности и социальной ответственности, направленности на проектирование и реализацию общественно-значимых, социально полезных инициатив, осуществляемых в различных формах на базе разнонаправленных социокультурных институтов.

Отечественные социологи В. В. Бондалетов, Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко и др. выделяют три типа дифференциации молодежи:

– стратификационная – в каждой общности, группе, страте, классе можно выделить молодежный слой (молодые селяне, инженеры, предприниматели, рабочие), а в рамках молодого поколения – соответствующие группы;

– возрастная – целостный процесс социализации и индивидуализации молодежи разграничивается на определенные временные этапы и соответствующие им возрастные группы внутри молодежи;

– субкультурная – критерием дифференциации выступают различия тех или иных групп молодежи по образу и стилю жизни, характеру ценностных ориентаций и установок. Сохраняется роль социально-демографических и профессиональных признаков [1].

Молодежь как психолого-педагогическая возрастная группа обладает такими значимыми параметрами, как определение важнейших жизненных целей и ценностей, осуществление выбора профессиональной деятельности, самоопределение и самореализация в референтной группе и обществе. Особое внимание к молодежи и молодежной политике предопределяется тем, что она фокусирует на себе ближайшую перспективу развития общества, культуры и человека в целом.

Это обстоятельство делает вопрос о формировании и развитии молодежи, молодежной политики вопросом стратегического характера и определяет актуальность научных исследований в данной сфере. Тем не менее, эффективность молодежной политики снижается из-за отсутствия федерального закона о молодежи и молодежной политике (хотя проект № 428343-4 «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» [3] внесен на рассмотрение с 2007 г.), что создает серьезные препятствия в реализации программ и мероприятий по работе с молодежью в условиях современного общества.

В России федеральными органами исполнительной власти, отвечающими за выработку государственной молодежной политики и создание условий для обеспечения здорового образа жизни, нравственного и патриотического воспитания молодежи, реализации ее профессиональных возможностей являются Министерство образования и науки Российской Федерации (в соответствии с Указом Президента РФ от 21.05.2012 г. № 636 «О структуре федеральных органов исполнительной власти») и Федеральное агентство по делам молодежи Росмолодежь (в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29 мая 2008 г. № 409 «О Федеральном агентстве по делам молодежи»). На региональном уровне вопросами молодежной политики занимается уполномоченный орган по работе с молодежью субъекта Российской Федерации (согласно «Стратегии государственной молодежной политики РФ до 2016 г.», утвержденной распоряжением Правительства РФ 18 декабря 2006 г. № 1760-р.).

Большое внимание к молодежной политике проявляется в проведении, транслировании и популяризации форумов. Например, «Селигер», который трансформировался в несколько молодежных мероприятий федерального уровня: «Территория смыслов на Клязьме» Владимирской области, оз. Запольское (обсуждение политических, экономических и общественно значимых тем); «Таврида на Байкальской косе», республика Крым (взаимодействие представителей творческой молодежи: художников, музыкантов, журналистов и др.); «Балтийский Артек», г. Калининград (вопросы российской идентичности, культуры, литературы, взаимодействия власти и общества); «Арктика. Сделано в России», г. Архангельск (вопросы геологии, океанологии (гидрометеорологии), специалисты промышленной и техносферной безопасности, промышленной теплоэнергетики и др.); «Алтай. Точки роста», г. Белокуриха, Алтайский край (управленческая деятельность, участвуют представители деловых кругов, начинающие и действующие предприниматели, менеджеры организаций); «Территория инициативной молодежи "Бирюса"», г. Красноярск (молодежное и студенческое самоуправление). Можно выделить форумы и мероприятия территориального значения «Итуруп», Курильские острова и ««Утро», Уральский федеральный округ (участники представляют экспертам свои проекты, лучшие из которых получают поддержку в виде грантов) и др. Помимо форумов, реализуются крупномасштабные программы «Лидер» на уровне регионов, Всероссийский студенческий лагерь «РОСТ», фестиваль по программе «Российская студенческая весна», направленной на поддержку студенческого творчества. Работают программы «Студенческая наука», «Информационное пространство», «Правопорядок в вузах», «Занятость», «Студенческие лагеря», «Движение педагогических и стройотрядов» и др.

Практика деятельности молодежных общественных объединений достигла значимого уровня, что представлено в исследованиях методическим, технологическим обобщением проектной, грантовой, сегментной деятельности, деятельности по организации и проведению различных видов мероприятий, слетов и др. В связи с этим требуется создание научно-теоретической и методологической основы для организации высокоэффективного формирования и развития личности в молодежном общественном объединении, особенно студенческом в вузе.

С позиции методологического подхода следует учитывать фактическое отсутствие официального научного признания дефиниций и определений. Относительно рассматриваемых объекта

и предмета, в исследовании выстраивается следующая взаимосвязь понятий: молодежь – общественное объединение – молодежное общественное объединение (его виды: студенческое общественное объединение, молодежное творческое объединение, молодежное этническое объединение и др.) – молодежное общественное движение.

Общественные объединения имеют ряд конкретных характеристик: безусловная добровольность членства; возможность самостоятельно определять и реализовывать принципы своей жизнедеятельности, содержание и формы своей деятельности; гуманистический (уважительный, внимательный по отношению к человеку) стиль отношений в объединении; развитая система традиций, символики, ритуалов, правил и норм жизни, что создаёт неповторимый облик объединения [5].

В исследовании Е. Б. Устименко молодежное общественное объединение рассматривается как сообщество молодых людей, выражающее общественные устремления и оказывающее воспитательное влияние с помощью специфических форм и методов деятельности на подрастающее поколение большинства социальных групп и слоев населения [6].

Исследователи отмечают, что современное молодежное общественное движение может развиваться на нескольких организационно-содержательных основах:

- первая группа объединений – молодежные общественные формирования и клубы, кружки, находящиеся под опекой вышестоящих организаций (вуз, центр творчества, клубное учреждение), (заметим, что уровень самостоятельности этих объединений невысок);

- вторая группа объединений – профильные молодежные объединения, имеющие выраженную позитивную общественную направленность деятельности (социальная помощь, добровольчество, экология и т.д.) и черты самодетельности (здесь уровень самостоятельности значительно выше);

- третья группа объединений – молодежные общественные объединения, которые строят свою жизнедеятельность на любой стратегической системе ценностей (религиозные, националистические, политизированные и др.), (у этих объединений наивысший уровень самоорганизации, самодетельности и наибольшие возможности для того, чтобы стать молодежным движением) [2].

Обращение к формированию и развитию личности в общественном объединении определено спецификой педагогических процессов в нем, к которым относится мотивация деятельности, ее цели, способы и средства организации, стимулирование, результат. Особое значение, направляющее исследователей на развитие личности в молодежном общественном объединении, связано с позициями самоопределения и саморазвития. В трудах С. Б. Синецкого указано, что в молодежное объединение приходят «разные люди». Сближает их то, что самореализоваться они могут, только используя возможности друг друга. Соответственно, человек осознанно должен действовать так, чтобы сохраниться в объединении и сохранить большинство полезных участников. Самоопределение в таких объединениях, обычно происходит в соответствии с самопозиционированием и возможностями. Участники перманентно меняются ролями, в зависимости от внешних и внутренних условий жизни объединения. И лишь в случае, когда предполагаемые затраты (психологические, временные) на социализацию внутри объединения становятся выше предполагаемой отдачи, человек может покинуть объединение или сократить в нем свое участие до оптимального значения (что вполне допускается «общественным мнением» – другими участниками) [4]. Следовательно, общественное объединение не только изменяет само социально-культурное пространство, на которое оно направляет свою деятельность, но и личность участников объединения.

Следует обратиться к научному поиску значимых методологических оснований деятельности молодежных общественных объединений, особенно тех, которые действуют в воспитательном пространстве современного вуза и являются основой правомерной их структуризации, укрепления методической деятельности, направленности на формирование тех качеств личности, которые обеспечивают молодому человеку мобильность в социальной и культурной сферах общества, высокую конкурентоспособность в профессиональной сфере, ответственность в принятии решений относительно общественной деятельности.

Литература:

1. Бондалетов, В. В. Молодежные общественные объединения: теория и методология исследования [Текст] / В. В. Бондалетов // Социология социальной сферы. – 2010. – № 5. – С. 72–82.

2. Великанова, Е. В. Молодежные общественные объединения: традиции, педагогические проблемы, состояние, перспективы развития [Текст] / Е. В. Великанова // Мир науки, культуры, образования. – 2010. – № 1 (20). – С. 219–221.
3. Мутко: Федеральный закон о молодежи необходим [Выступление на заседании Государственного совета «О молодежной политике в Российской Федерации», 17 июля 2009 года] [Электронный ресурс] [публ. 17 июля 2009 г.] // Росбалт : [сайт]. – URL: www.rosbalt.ru/main/2009/07/17/655930.html. – Проверено: 22.10.2018.
4. Синецкий, С. Б. Волонтерские объединения граждан как социально-педагогическая система [Текст] / С. Б. Синецкий // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – № 16. – С. 152–157.
5. Создание общественных объединений в образовательных учреждениях начального профессионального образования [Текст]. – Москва, 2003. – 164 с.
6. Устименко, Е. Б. Воспитание общественной активности студентов в социально-ориентированных молодежных объединениях [Текст] : автореф. ...дис. канд. пед. наук : 13.00.02 / Елена Борисовна Устименко ; [Место защиты: Костром. Гос. ун-т им. Н. А. Некрасова]. – Кострома, 2016. – 23 с.

УДК 372

Дылькова С. В.

*аспирант Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Культурология, Теория и исто-
рия культуры, г. Магнитогорск.*

МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ШКОЛЬНИКОВ: ЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДОЙ

*Научный руководитель – Сергей Борисович Синецкий,
доктор культурологии, кандидат педагогических наук,
доцент, Челябинский государственный институт культуры*

В статье рассматриваются особенности музыкально-образовательной среды Детской школы искусств № 6 г. Магнитогорска. Описание опыта конкретного музыкального учебного коллектива дает возможность увидеть новые аспекты часто обсуждаемого взаимодействия личности и общества в сфере культуры. Освещение нетрадиционной практической работы учебного коллектива, ее уровня и масштабов должны вызвать интерес у педагогов, связанных с музыкальным воспитанием; у организаторов учебного процесса с точки зрения теоретического обобщения существующей практики.

Ключевые слова: музыкальная культура, музыкальная образовательная среда, условия формирования музыкальной среды, детская школа искусств, Магнитогорск

Dylkova S.

MUSIC CULTURE OF SCHOOLCHILDREN AND ITS INTERACTION WITH A SOCIOCULTURAL AND EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article deals with the problem of a personality's musical culture interaction at the level of school education with musical and educational sphere in its sociocultural understanding. This key problem of musical educational space is considered from the position of concrete experience by the musical educational staff at Magnitogorsk art school № 6 for children. It gives an opportunity to see new aspects of constantly discussed interaction of personality and society in the sphere of culture. Coverage of non-traditional practical work of the educational staff, its level and scale should be of interest to teachers associated with musical upbringing, and organizers of the educational process from the point of view of theoretical generalization of existing practice.

Keywords: culture and musical culture, musical educational sphere, conditions for the formation of musical sphere, Magnitogorsk, art school for children

Культура – система надбиологических и социальных норм жизнедеятельности человека, обеспечивающих благоприятный уровень ее протекания в социальной, трудовой и бытовой сферах, как всего общества, так и отдельной личности [3, с. 341–347]. Любые сферы существования как личности, так и всего общества, определяются культурными нормами труда, общения, поведения, руководства (лат. cultura – возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание, обработка). Наряду с материальной культурой существует сфера духовной культуры человека, в которой одно из ведущих мест занимает художественное творчество и, в частности, музыкальная культура, которая через композиторское творчество получает свое исполнительское воплощение. Фундаментом музыкальной культуры является музыкальное образование.

Осознание места, значимости музыкального образования в социокультурном и образовательном пространстве, специфики его реализации и саморазвития необходимо как тем, кто идет или пришел в музыкальную профессию, так и тем, кто находит в музыке ответ на запросы своего духовного преобразования и развития. Существующие мотивационная традиционность и даже отчуждение в восприятии и понимании коренных, основополагающих ценностей жизни заставляет снова и снова, и уже на новом уровне знаний определять значимость этих ценностей. Такой подход необходим и к музыкальной культуре подрастающего поколения, определяющего уровень культуры общества завтрашнего дня.

Музыкальное образование на всех его этапах направлено на формирование общей и музыкальной культуры личности. Детское музыкальное образование осуществляется в детском саду, в общеобразовательной школе, в различных кружках и студиях. В музыкальной школе – школе искусств наиболее полно открываются внутренние эстетические потребности ребенка в общении с исполнительским искусством, учащийся получает исполнительскую выучку и широкий круг знаний в области искусства.

Музыкальная культура личности является одновременно фактором формирования культуры всего социума, повышения его интеллектуального уровня [5; 6]. В то же время она имеет огромное значение и на пути строительства гармоничного духовного мира человека, стремящегося к самосовершенствованию. Обучающиеся в школе искусств дети несут в социум высокое искусство, становясь слушателями или исполнителями, тем самым создавая особый культурный слой, духовную атмосферу общения, способствующую культурному росту всего общества.

Музыкальная культура, во многом определяет пути и наполнение культурного развития общества и, в связи с этим, является предметом, рассмотренная различных наук: философии, социологии, педагогики, культурологии. Так, психолог Р. А. Тельчарова критериями сформированности музыкальной культуры личности считает практические навыки в области музыкального искусства, развитость музыкальных интересов и потребностей, степень музыкальных предпочтений, проявляющихся в приверженности к определенным музыкально-эстетическим идеалам [7, с. 21]. Представитель педагогической науки Е. Д. Школяр, определивший философско-педагогическую концепцию освоения музыкальной классики, определяет в структуре музыкальной культуры личности музыкальный опыт, музыкальную грамотность и музыкально-творческое развитие как способность личности к творчеству и самореализации [8, с. 169].

Не менее интересен культурологический подход к проблеме личности, связанный с формированием ее музыкальных предпочтений, эстетических взглядов и убеждений. В подходе к содержанию музыкальной культуры культурологи подчеркивают ее ценностную основу. Музыкальная культура личности является носителем художественно-культурных ценностей, о чем пишет культуролог Т. И. Кузякина. Она, прежде всего, подчеркивает духовное значение музыки: «Любые проявления духовного начала в личности и культуре связаны с надмирным горизонтом бытия, укоренены в чувстве и интуиции бесконечности» [2, с. 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что музыкальная культура общества и отдельной личности включает широкий пласт явлений музыкально-эстетического, музыкально-исполнительского, социально-философского, музыкально-педагогического характера. Приобретается эта культура в процессе деятельности, точнее, в процессе музыкальной деятельности, в основе которой лежит исполнение и слушание музыки. Особое воздействие музыки связано с форми-

рованием духовных устремлений людей, их чувств, их художественного вкуса. Можно сказать, что музыкальная культура личности приобретает как духовное становление личности в процессе занятий музыкальным исполнительским искусством, ее внутренний мир пробуждается в процессе этих занятий.

Формирование музыкальной культуры личности во многом зависит от наличия культурной и музыкальной образовательной среды, которая должна характеризоваться доступностью, привлекательностью и высоким уровнем музыкального образования, удовлетворяющим запросы обучающихся и их родителей. Образовательная среда школы искусств – это объективная реальность существования образовательного коллектива школы. И в то же время, это ее окружение. В ней происходит саморазвитие и самораскрытие внутренних, соподчиненных минисред и восприятие внешних побуждающих к творческой активности средовых воздействий (профессиональных, культурных, а также общественных связей). Школа искусств, как социокультурный очаг является частью социокультурного пространства. Она выполняет социальный заказ, при этом творчески его реализуя в звучащий музыкальный «продукт», а, через него и через своих учеников, формируя базу музыкальной культуры всего общества.

Рассматривая функционирование влияний образовательной среды, необходимо понимать не только ее многослойную и многосоставную структуру, включающую в себя различные внешние и внутренние составляющие, но и то, что в каждом коллективе и его окружении, в каждой новой жизненной ситуации эти ее влияния будут по-своему, особым образом проявлять себя. Необходимо понимание самой природы данной образовательной среды, ее взаимодействия с образовательным процессом.

Образовательная среда и система внутри самой школы представляет собой совокупность многих факторов, влияющих на воспитание и развитие ученика. Прежде всего это педагогически организованная музыкальная среда, которая в своем пространстве саморазвивается, исходя из существующего в ней предмета деятельности – музыки, живописи, театра. Она включена в школьное пространство внутренних взаимодействий всех участников образовательного процесса. Сама среда есть и педагогический процесс, и педагогическая система. Такое видение музыкально-образовательной среды, основанной на ее внутренних взаимодействиях, дает В. В. Рубцов, который подчеркивает коммуникативную функцию образовательной среды и понимает ее как одну из форм сотрудничества в процессе социализации личностей обучающихся. Он пишет, что необходимым условием развития ребенка является его участие в совместной деятельности, разделенной со взрослым или другими участниками образовательного процесса [4]. Данное понимание образовательной среды является достаточно существенным для определения образовательной среды в школе искусств, предполагающей создание такой концептуальной образовательной модели, которая дает богатую в культурном плане, гибкую, продуктивную и дружелюбную учебную обстановку коллективного творчества.

Таким образом, образовательная среда ДШИ в современном понимании является средой, выполняющей социокультурные функции. Она отличается особой динамичностью, открытостью, готовностью к общению. Это среда творческого общения и взаимодействия.

Рассмотрим условия, под влиянием которых происходит процесс формирования музыкальной культуры личности в социокультурной образовательной среде ДШИ.

Первым и неперенным условием жизнедеятельности образовательной среды является ее способность к саморазвитию [1]. В работах современных философов, культурологов, педагогов все чаще звучит утверждение, что образование, как общее, так и дополнительное, является одной из форм самоорганизации культуры общества. Сама образовательная среда учебного заведения предъявляет к себе новые и новые требования. Одновременно они диктуются и извне, государством, семьями самих учащихся, и общественными культурными традициями. Саморазвитие среды зависит и от консолидированных усилий сообщества профессионалов всех уровней, что должно иметь предсказуемый плановый характер. В то же время развитие социума, и, в частности, культуры, хотя и поступательно, но, в нем есть и скрытый потенциал творческих процессов, происходящих в педагогической системе школы.

Вторым условием, благодаря которому социокультурная среда дает возможность развиваться музыкальным способностям ребенка, является коллективное объединение педагогов и учеников, в котором постоянно рождается необходимость и готовность к диалогу специалистов между собой. Чем активнее и разнообразнее взаимодействие педагогов-музыкантов, тем выше результаты их творчества. Специфика оценки музыкально-образовательной и музыкально-творческой деятельности в том, что она определяется двумя составляющими: общепринятым, общеустановленным, традиционным языком искусства, имеющим символический и многозначный характер, и личностной трансформацией этого языка при восприятии или воссоздании художественного произведения музыкантом. При этом понимании, язык искусства, а тем более его восприятие в его художественной значимости, не поддается вербальной однозначной конкретизации, а познается и интуитивно, и осознанно в конкретном творческом поиске педагога и ученика. В то же время, подтекст художественного произведения, скрытый смысл, при его возможной вариативности, имеет надежную и однозначную основу предлагаемых обстоятельств создания художественного произведения и самого нотного текста, предполагающую неразрывный союз – единство взаимодействия музыкальной науки и исполнительского искусства. Такое единство определяется как музыкально-творческая среда общения с музыкой, которая, как и образовательно-культурная среда, открывает новые пути музыкального сотворчества. Однако путь постижения музыки всегда сложен, и он всегда коллективный, так как в коллективном труде утверждается истина, а сама музыка есть средство общения людей. Процесс непрерывного профессионального взаимодействия в музыкально-педагогической деятельности происходит при лидерском участии педагога, при его стремлении стать мастером своего дела, развиваться вместе со своим учеником. Задача повышения своего профессионального уровня ставится перед педагогами при проведении открытых академических концертов, мастер-классов, на открытых форумах, семинарах. Таким образом, создается саморазвивающаяся практическая образовательная среда музыкальной профессии, которая дает все новые импульсы к раскрытию личности учащегося как музыканта, способствует постоянному росту качества знаний. В Детской школе искусств № 6 города Магнитогорска проводились многие годы и проводятся мастер-классы для учащихся школ города и области и даже студентов Магнитогорской консерватории. Среди приглашаемых педагогов, дающих мастер-классы: профессор Университета музыки в Вене Альберт Сассман, профессор Казанской консерватории Евгений Михайлов, профессора Уфимской академии музыки Рустам Шайхутдинов и Рустем Губайдуллин, профессор Уральской (Екатеринбургской) консерватории Алексей Букреев, профессор Ростовского Института искусств Юрий Шишкин и др. В школе проводятся постоянные консультации с преподавателями Магнитогорской консерватории. На фортепианном отделении их ведет профессор Магнитогорской консерватории Юрий Писаренко, на вокальном отделении профессор Надежда Глушкова, профессор Вера Семина. На духовом отделении работает профессор Татьяна Якименко, на народном отделении профессор Евгений Мушкин, на струнном отделении Владимир Чахвадзе, профессор Буй Тхань и доцент Сергей Огарев.

Каждое полугодие проводятся открытые академические концерты для учащихся народных, струнных, вокальных, фортепианных отделений города Магнитогорска. После проведения таких концертов-смотров составляется протокол заседания, фиксирующий результат выступления, и обсуждается перспектива работы с каждым из игравших учеников. Такие методические обсуждения ведут специалисты Магнитогорской консерватории вместе с преподавателями отделений городских школ, принимавших участие в концертах со своими учениками.

Педагогическая деятельность музыканта в динамичном процессе профессионального общения требует особой «исполнительской компетенции» педагога. Она должна включать не только знания и умения в педагогике, но и обязанность самому владеть исполнительским мастерством, быть мобильным в педагогической профессии, находить новые нетрадиционные подходы к работе и постоянно соотносить свой исполнительский опыт с новыми трактовками в интерпретации исполняемой музыки.

Третьим условием успешной жизнедеятельности музыкально-образовательной среды, создающей условия для успешного развития ученика, является особого рода динамичность обра-

зовательного процесса, определяющаяся интеграцией всех учебных предметов и всей образовательной инфраструктуры, в частности единением всех педагогов в совместной учебной деятельности при работе с отдельным конкретным учеником. Существующие воспитательные и творческие программы способствуют решению этой задачи. Введена в практику программа проведения диагностических срезов во 2-м, 4-м и 6-м классах. Каждый ученик в декабре учебного года проходит проверку навыков чтения-разбора нотного текста, в беседе говорит о проходимом репертуаре, проверяется его ориентировка в тональностях и их аппликатуре. По специально разработанному списку проверяется знание музыкальных терминов. В беседе выясняются музыкальные интересы (жанры, композиторы, предпочтения). С результатами тестирования знакомятся все педагоги, работающие с данным учеником.

В школе разработан новый образец индивидуального плана ученика, где собираются характеристики годовой работы ученика не только по специальному инструменту, но и по другим предметам. Такой интеграции работы разных педагогов с данным учеником и одновременно консолидации самих учеников в дружный коллектив очень способствуют и коллективные мероприятия каждого отделения школы и всего школьного коллектива.

Достаточно перечислить программы струнного отделения – «Музыкальный дилижанс» (посвященный этюдам) и «Волшебное дыхание смычка», программы фортепианного отделения с представлением двух конкурсов «Мы любим музыку» и конкурсом «Играем Шумана». Программа народного отделения представлена конкурсом «Русская мозаика». Программа духового отделения представлена конкурсом «Золотые звуки горна». Существуют и международные проекты. Это два конкурса – Международные конкурсы «Баховская весна» и «Памяти Шумана», которые формируют в городе Магнитогорске международные контакты с Австрией (Вена, Зальцбург), с Германией (Цвиккау). Включение творческого проекта «Грани» в культурную жизнь школы открывает новые грани талантов детей в различных видах творчества – в живописи, танце, литературе и даже в цирковом, акробатическом искусстве, знакомят педагогический коллектив с разными сторонами творчества учащихся музыкальной школы. Это особенно интересно и привлекательно для родителей, не желающих отдать предпочтение только музыкальному образованию своих детей. В связи с многомерными связями, при создании разных учебных, учебно-воспитательных, учебно-педагогических ситуаций создается психологическое сопряжение людей, их заинтересованность в решении совместно поставленных задач, нацеленных на более высокий результат деятельности.

Четвертым условием успешной жизнедеятельности музыкальной образовательной среды, дающей благоприятные условия для воспитания ученика, является концертной-исполнительская наполненность учебного процесса. Она достигается через пробуждение у ученика стремления к концертной деятельности в учебе и нацеленности и ученика, и родителей на яркие результаты в учебе. Инициированные школой исполнительские проекты-конкурсы, фестивали поднимают уровень школы, потому что в учебную программу работы с учеником включается концертный репертуар высокого уровня. При его изучении возрастает техническая сложность, а значит, перед педагогом ставится задача поднять уровень технической оснащенности ученика пианиста. В процессе подготовки к конкурсам совершенствуются исполнительские навыки: прежде всего, образно-слуховые, а также когнитивные, личностно-артистические, технологические. Любая подготовка ребенка к конкурсу воспитывает волевые усилия ученика и мобилизует его родителя на поддержку успехов ученика. Поэтому в школе культивируется значимость конкурсных выступлений. Кроме этого, конкурсное соревнование рождает в каждом педагоге и в его ученике стремление по-особому слышать и интерпретировать музыку, возникает новый импульс, дающий вдохновение и внутреннее перевоплощение. Создание коллектива лучших учащихся, их педагогов, их родителей задает тон бескорыстного служения музыке. Изменяется мотивация учебной деятельности учащихся. В процессе подготовки и показа программ на крупных конкурсных проектах воспитываются настойчивость и инициатива, формируется творческое усилие и происходит творческое соревнование. В программе работы школы четко определены критерии оценки выступления учащихся и проводятся постоянные консультации с преподавателями вузов в рамках предмета

«исполнительская практика». Данные консультации проводятся по желанию педагога и ученика. Уровень исполнительского мастерства учащихся из-за личностной высокой мотивации носит характер личностно-артистический, дающий возможность играть «от себя».

Пятым важным и необходимым условием функционирования образовательно-культурной социокультурной среды является динамичная и продуктивная программа учебной деятельности учебного коллектива, в которой формируются условия для психического, дидактического и методического обеспечения всего педагогического процесса. Каждый элемент и компонент образовательной среды в работе индивидуального класса, на уроках школьного учебного заведения, насыщается более активным содержанием. В школе создаются «Положения об объединениях», определяющие работу творческих объединений и специальных классов, способствующих созданию единой дружной команды педагогов и учеников. Привлечение вузовских специалистов к мастер-классам, проведение педагогических конференций, детских конференций позволяет включить всех участников образовательного процесса в коллективное творчество. Традицией школы стало проведение Детских конференций под девизом «Мы и наше творчество», включенных в наши проекты – «Баховская весна», «Подснежник». Иногда такая конференция становится самостоятельной формой общения детей.

Процесс обучения в школе искусств осуществляется в рамках индивидуального урока и носит дуалистический характер, где преподавателю, исходя из программных требований и норм исполнительской педагогики, необходимо строить для каждого ученика особый образовательный процесс. Обязательно в процессе обучения формируется и воспитывается чуткая реакция на оценки и мнения слушателей. Важен рефлексивный поиск самого ученика, нацеленный на обогащение содержания его исполнительского процесса, на отчетливое определение обучающимися границ собственных знаний и поиска путей для неуклонного их расширения. Школа постоянно проводит диагностические срезы, творческие зачеты у каждого ученика. Проверка целостной учебной деятельности ученика в комплексе всех предметов позволит отследить всесторонность развития каждого из них. Необходимым представляется выработать в школе комплексный подход к обучению конкретного ученика, единые требования по всем отделениям для каждого класса. Практика проведения диагностических срезов, дающих картину работы отдельного ученика в разных сферах учебной деятельности, определяет возможность увидеть отдельного ученика в его целостном развитии, заставит координировать педагогические усилия для органического взаимодействия его исполнительских навыков, теоретических знаний и общего музыкального кругозора.

Музыкальная культура школьников оказывает воздействие на социально-культурный климат местного сообщества, а среда отдельного образовательного музыкального учреждения становится фрагментом и одновременно, – образцом общепринятой средовой культурной модели.

Литература:

1. Волк, П. Л. Феномен государственной системы музыкального образования в контексте культурной политики России советского периода : дис. ...канд. культурологии : 24.00.02 / Павел Леонидович Волк ; [Место защиты : Кемеров. гос. акад. культуры и искусств]. – Кемерово, 2000. – 189 с.
2. Кузякина, Т. И. Музыка как фактор становления духовного мира человека : (на материале европейской музыкальной культуры) : автореф. дис. ...канд. культурологии : 24.00.01 / Татьяна Ивановна Кузякина ; [Место защиты : Кемеров. гос. акад. культуры и искусств]. – Кемерово, 2012. – 24 с.
3. Культура // Новая философская энциклопедия. В 4 т. – Москва : Институт философии РАН, 2010. – Т. 3. – С. 341–347.
4. Рубцов, В. В. Проектирование развивающей образовательной среды школы / В. В. Рубцов, Т. Г. Ивошина. – Москва : Изд-во МГППУ, 2002. – 272 с.
5. Синецкий, С. Б. Искусство и интеллектуализация общества : новый старый смысл культурной политики (начало) / С. Б. Синецкий, Т. М. Синецкая // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 3 (39). – С. 41–45.
6. Синецкий, С. Б. Искусство и интеллектуализация общества : новый старый смысл культурной политики (окончание) / С. Б. Синецкий, Т. М. Синецкая // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2014. – № 4 (40). – С. 46–50.

7. Тельчарова, Р. А. Музыкально-эстетическая культура и марксистская концепция личности : учеб. пособие / Р. А. Тельчарова. – Москва : Прометей, 1989. – 131 с.
8. Школяр, Е. Д. Музыкальное образование в школе : учеб. пособие / Е. Д. Школяр. – Москва : Академия, 2001. – 232 с.

УДК 784

Коченда М. В.

*доцент Челябинского государственного
института культуры*

ИННОВАЦИОННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ХОРОВОМ ОБУЧЕНИИ

Инновационные технологии активно вошли в образовательный процесс. В статье рассматриваются различные интерактивные формы и методы в хоровом обучении.

Ключевые слова: хоровое обучение, педагогические технологии, инновационные формы

Kochenda M.

INNOVATIVE EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN CHORAL EDUCATION

Innovative technologies have actively entered the educational process. The article discusses various interactive forms and methods in choral education.

Keywords: choral education, educational technology, innovative forms

Современное образование располагает большим объемом педагогических технологий, включающих как традиционные, так и инновационные формы и методы обучения, позволяющие достигнуть оптимальных результатов в обучении. Хоровое образование имеет свои традиции, цели, задачи, а также специфические особенности, присущие данному виду музыкального процесса: специфику инструмента (человеческий голос), человеческий фактор (хор – как живой организм), коллективный характер творчества, синтетический характер звучания (связь со словом), и дирижер как творческий интерпретатор [2]. Организация хорового процесса достаточно традиционна и устойчива в применении педагогических технологий. В своей основе она базируется на устоявшихся, исторически сложившихся формах и методах хорового обучения, куда входят концентрический, фонетический, объяснительно-иллюстративный и другие методы.

Для оптимизации образовательного процесса в хоровом классе содержательны и результативны интерактивные формы и методы, основанные на диалоговых, игровых (игровое моделирование), исследовательских формах обучения. Опираясь на индивидуальные, коллективные и групповые формы работы, они позволяют каждому обучаемому более активно и полно включиться в учебный процесс [4]. Создавая в процессе хорового занятия креативно-образовательное взаимодействие, творческую среду, интерактивные технологии позволяют более эффективно усваивать учебный материал, формировать соответствующие навыки и умения у обучаемых [1]. Исследуя и адаптируя интерактивные формы к хоровому обучению, можно выделить следующие проблемные методы:

- игровое моделирование,
- кейс-метод,
- творческий проект.

Моделирование игровой ситуации в хоровом обучении предполагает включение в вокально-хоровой процесс задач, позволяющих более гибко и эффективно сформировать определенный навык у обучаемых. Игровая ситуация позволяет создать эмоционально свободную и творческую атмосферу на занятии, что особенно важно для умения раскрепостить, убрать излишнюю «зажатость» певческого аппарата у поющих в хоре.

В процессе формирования технических и артистических умений и навыков можно использовать следующие методы:

- ролевого исполнения («вживание» в образ),
- метод «подражания»,
- метод театрализации,
- метод импровизационности.

Данные методы, опираясь на психологические закономерности вокального процесса, позволяют раскрыть эмоционально-артистический потенциал обучаемых. Так, метод ролевого исполнения, подразумевающий освоение разнообразных манер и стилей вокального исполнения, т. е. как способ освоения процесса «вживания» в вокальный образ, непосредственно стимулирует эмоционально-творческое начало певца и тем самым позволяет гибко и более глубоко раскрыть вокальное исполнение. Метод театрализации в академическом хоровом обучении достаточно условен и применим для определенных концертно-исполнительских, выразительных задач. На основе театрализованного «погружения» в образ происходит более глубокое осознание идейно-смыслового, выразительного содержания хорового произведения, что особенно важно для концертно-исполнительского показа произведения. Тем самым, театрализация хорового произведения помогает раскрытию и более полному развитию артистических возможностей обучаемых.

Достаточно интересен и результативен на хоровых занятиях метод импровизационности, который может проявляться в репетиционном процессе в форме свободной интерпретации определенных задач, данных педагогом, таких, как освоение навыков эмоционально выразительного исполнения, сценического движения, позволяющих предоставить свободу исполнения самому исполнителю.

Так же эффективны и целесообразны в хоровом обучении методы, приближенные по содержанию к концертному выступлению, имитации концертного процесса:

- метод моделирования концертной ситуации,
- моделирование ситуации наличия «стресс-фактора» (при подготовке к концертному или конкурсному выступлению).

Данные методы, имитирующие реальный творческий процесс, моделируют его главное звено, включающее создание проблемной ситуации и управление поиском решения поставленной проблемы. Концертное выступление как итоговая форма обучения является неотъемлемой частью вокально-хорового процесса [5]. Опираясь на базовые, исторически сформированные основы хорового исполнительства, целесообразно создавать, формировать ситуацию «концертного выступления», которая поможет обучаемым прочувствовать, пережить эмоционально и психологически все элементы концертного выступления, от выхода на сценическую площадку и до итогового завершения, и тем самым помочь начинающим хористам пережить стрессовую концертную ситуацию, и в дальнейшем спокойнее и увереннее чувствовать себя на сцене, не позволяя излишнему волнению разрушить поставленные технические и артистические задачи.

Достаточно продуктивным в процессе хоровой подготовки является использование на занятии мини-конкурсов. Данный вид работы предполагает проведение небольших соревнований между участниками, как в индивидуальной форме, так и мелкогрупповой (по партиям, группами). В процессе хорового обучения важным элементом является развитие всего комплекса вокально-исполнительских навыков у поющих. Сформированность базовых элементов вокальной техники позволяет быстро и грамотно осваивать новый музыкальный материал. Коллективная форма работы предполагает групповое исполнение, совместную демонстрацию данных навыков. Это не всегда способствует достаточно глубокому и полному индивидуальному освоению вокально-исполнительских навыков. Мини-конкурсы позволяют проследить и отметить уровень сформированности и закреплённости данных умений и в дальнейшем внести коррективы в процесс хорового обучения в целом. Так же эта форма работы помогает участникам прочувствовать атмосферу выступления (конкурсного прослушивания), эмоцио-

нально и психологически на нее настроиться, и соответственно в дальнейшем быть более уверенными в своих творческих возможностях.

Инновационные формы, создавая креативно-образовательную среду, позволяют более эффективно формировать и развивать необходимые умения и навыки у обучающихся на хоровых занятиях. Посредством участия в различных интерактивных формах обучаемый демонстрирует большую творческую активность и самостоятельность. На основе изложенного можно утверждать, что инновационные технологии позволяют сделать образовательный процесс более творческим, эффективным и результативным.

Литература:

1. Воронов, М. В. Компетентностное обучение в условиях информационно-коммуникационных дистанционных образовательных технологий [Текст] / М. В. Воронов, А. В. Слива, В. Н. Фокина // Открытое и дистанционное образование. – Томск. – 2008. – № 3 (31). – С. 29–35.
2. Живов, В. Л. Хоровое исполнительство. Теория. Методика. Практика [Текст] / В. Л. Живов. – Москва : ВЛАДОС, 2003. – 272 с.
3. Кулешова, А. А. Внеаудиторная подготовка студентов к конкурсу моды как форма повышения профессиональной компетенции дизайнеров костюма [Электронный ресурс] / А. А. Кулешова // Современные проблемы науки и образования: электрон. науч. журн. – 2012. – № 3. – URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=6322>. – Проверено: 23.10.2018.
4. Рева, В. Г. Проблемное обучение в формировании творческого мышления музыканта [Текст] / В. Г. Рева // Профессиональная подготовка педагога-музыканта : межвузов. сб. ст. / отв. ред.-сост. В. Г. Мозгот. – Майкоп : АГУ, 2006. – 376 с.
5. Стражникова, Т. И. Моделирование процесса формирования готовности будущего эстрадного вокалиста к концертной деятельности в вузе [Электронный ресурс] / Т. И. Стражникова // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2013. – № 85 (01). – С. 1–10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-protsessa-formirovaniya-gotovnosti-budushego-estradnogo-vokalista-k-kontsertnoy-deyatelnosti-v-vuze>. – Проверено: 23.10.2018.

УДК 355/359

Сидорович В. Б.

*аспирант Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета по
направлению подготовки Теория и
методика профессионального образования,
г. Челябинск*

ПАРИТЕТНО-РОЛЕВОЙ ПОДХОД К ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ ПЕДАГОГОВ И ОФИЦЕРОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ВОЕННОГО ВУЗА

*Научная школа Дмитрия Николаевича Корнеева, кандидата педагогических наук,
доцента кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного
гуманитарно-педагогического университета*

В статье раскрыты особенности применения паритетно-ролевого подхода к профессионально-педагогическому взаимодействию педагогов и офицеров в образовательной среде военного вуза. Представлены паритеты целеполагания деятельности как соотношение целей образовательной деятельности и целей адаптивности проживания курсантов среде вуза, а также индивидуальных целей развития личности курсантов; паритет самостоятельного выбора видов деятельности курсантов и направленности педагогического предложения при ее выборе; паритет критериев оценки эффективности профессионально-педагогического взаимодействия педагогов и офицеров в образовательной среде военного вуза. Сделаны выводы о значимости выбора данного подхода.

Ключевые слова: профессионально-педагогическое взаимодействие, военный вуз, образовательная среда, паритетно-ролевой подход

Sidorovich V.

PARITAL-ROLE APPROACH TO THE PROFESSIONAL PEDAGOGICAL INTERACTION OF TEACHERS AND OFFICERS IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT OF MILITARY HIGHER EDUCATION INSTITUTION

This article reveals the peculiarities of the use of a parity-role approach to the professional-pedagogical interaction of teachers and officers in the educational environment of a military university. Presents the parities of goal-setting activities as the ratio of the goals of educational activities and the goals of adaptability of cadets living environment of the university, as well as individual goals for the development of the personality of cadets; parity of self-selection of the types of activities of cadets and the direction of the pedagogical proposal when it is selected; parity criteria for assessing the effectiveness of professional-pedagogical interaction of teachers and officers in the educational environment of a military university. Conclusions about the significance of the choice of this approach.

Keywords: professional and pedagogical interaction, military university, educational environment, parity-role approach

Повышение эффективности функционирования системы военного образования отнесено Военной доктриной Российской Федерации к числу основных направлений развития военной организации государства. Исходя из этого, реформирование военного образования рассматривается как одно из важнейших направлений проводимой в стране военной реформы [2]. Инновационная направленность осуществляется на основании утвержденного Министром обороны Российской Федерации единого стандарта, что связано с разработкой и внедрением электронных учебников и учебных пособий через интеграцию электронных образовательных ресурсов родственных военных и гражданских вузов. Министром обороны Российской Федерации утверждены программы развития каждого военно-учебного заведения на период до 2020 г., которые взаимоувязаны с Государственной программой вооружений и государственным оборонным заказом и направлены на выявление недостатков образовательной среды военных вузов и выстраивание дорожной карты их развития.

Однако по-прежнему осуществляется недостаточное привлечение военных педагогов к мероприятиям по повседневной, боевой и оперативной подготовки войск, испытаниям новых образцов вооружения и военной техники; наблюдается отсутствие постоянного взаимодействия педагогов и курсовых офицеров в образовательной среде вуза, что исключает многосторонний подход к развитию личности курсанта как будущего офицера, приводит к отсутствию понимания связи между учебной деятельностью и будничной дисциплиной, к уменьшению интеллектуальных достижений и их пропаганды в курсантской среде и др.

Паритетно-ролевой подход определяет взаимодействие педагога и офицера как равноправных партнеров, организующих образовательный процесс в вузе и отвечающих за развитие личности курсанта в адаптивных, комфортных условиях на основе принципов исключительности и самооценности личности курсантов; при этом роли в самом взаимодействии носят мобильный и компетентностный характер. Подход зависит от двух центральных понятий – «паритет» и «роль». Понятие «роль» рассматривается как степень участия, мера влияния, значение в каком-либо деле, событии; при этом в исследовании профессионально-педагогического взаимодействия педагогов и офицеров роли носят характер функциональных обязанностей при проектировании подготовки в военном вузе в системе всех видов деятельности (учебной, социализации, воспитания, самовоспитания и саморазвития курсантов). Паритетность [1] обеспечивает глубину исследования, равномерность развития личности как курсанта, так и деятельности педагога, курсового офицера по проектированию образовательно-воспитательного процесса в военном вузе и др.

Организация и руководство психолого-педагогической подготовкой курсантов осуществляется отделом воспитательной работы, предметно-методической комиссией через преподавате-

лей психологии и педагогики, психолога, офицеров-воспитателей. Руководство предполагает осуществление функций планирования, контроля, коррекции, использование адекватных методов управления: методов непосредственной мотивации (убеждение, внушение, агитация); методы властной, принудительной мотивации (указы, приказы, распоряжения); методы стимулирования деятельности (создание внешней ситуации побуждения, поощрения и порицания).

Важная роль в руководстве психолого-педагогической подготовкой принадлежит кураторству, задачами которого являются: мотивация курсантов на овладение учебными программами; формирование социально значимых и профессионально важных качеств; оказание помощи в овладении основами научной организации учебного труда; изучение индивидуальных особенностей курсанта, его отношение к учебе, товарищам, его интересов, наклонностей, ценностных установок; формирование здорового морально-психологического климата в коллективе, укрепление дисциплины, дружбы, товарищества; оказание помощи курсантам; проведение воспитательных мероприятий.

Проектирование содержания психолого-педагогической подготовки осуществляется в следующих направлениях: информационно-воспитательная работа; военно-социальная работа; психологическая работа; культурно-досуговая работа.

Информационно-воспитательная работа предполагает информирование о современных практико-ориентированных психолого-педагогических концепциях, технологиях, методиках диагностики обучения и воспитания (самовоспитания), саморегуляции, организации самостоятельной работы; способов разрешения (предупреждения) конфликтов, борьбы со стрессами; информированием об особенностях психолого-педагогической подготовки в армиях зарубежных стран. Основными формами данной работы являются занятия, тренинги, консультации, семинары, «круглые столы», вечера вопросов и ответов, конференции, сборы; просмотр (прослушивание) теле- и радиопрограмм; наличие в подразделениях газет и журналов, стенная печать.

Военно-социальная работа – создание социальных и правовых условий для успешного освоения курсантами программ обучения, подготовки их к проведению психолого-педагогической работы в войсках, формирование комфортной морально-психологической среды; прогнозирование социальной и морально-психологической обстановки в регионе дислокации учебного заведения; анализ причин поступления заявлений, жалоб, обращений к психологам, преподавателям.

Психологическая работа – формирование морально-психологической устойчивости, высокой мотивации по овладению психолого-педагогическими знаниями, по поддержанию здорового морально нравственного климата в военно-учебном заведении [3].

Паритетно-ролевой подход к профессионально-педагогическому взаимодействию педагогов и офицеров в образовательной среде военного вуза связан с реализацией следующих положений:

- паритет целеполагания деятельности как соотношение целей образовательной деятельности и целей адаптивности проживания курсантов среде вуза, а так же индивидуальных целей развития личности курсантов;

- паритет самостоятельного выбора видов деятельности курсантов и направленности педагогического предложения при ее выборе;

- паритет критериев оценки эффективности профессионально-педагогического взаимодействия педагогов и офицеров в образовательной среде военного вуза (соотношение критериев готовности к данному виду деятельности и критериев комфортного развития личности курсанта, его адаптивности к среде военного вуза), выступающий диагностико-аналитической составляющей исследования.

Паритетно-ролевой подход как теоретико-методологическая стратегия исследования проблемы профессионально-педагогического взаимодействия педагогов и офицеров в образовательной среде военного вуза обеспечивает корректность постановки проблемы исследования и возможность создания аппарата для ее продуктивного решения.

Литература:

1. Бутакова, О. А. Компетентность и здоровьесбережение в образовании: принцип паритетности / О. А. Бутакова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7. – С. 29–36.

2. Гриднев, Д. А. Государственное управление реформой военного образования / Д. А. Гриднев // Социальные проблемы современного российского общества: региональный аспект : материалы Всерос. конф. «XVII Уральские социологические чтения» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого, Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапо. – Екатеринбург, 2008. – Т. II. – С. 210–214.
3. Соловьёв, В. В. Проектирование процесса психолого-педагогической подготовки курсантов военно-инженерного вуза : дис. ...канд. пед. наук : 13.00.08 / В. В. Соловьёв ; Ставропол. гос. ун-т. – Ставрополь, 2004. – 149 с.

УДК 371

Баштанар И. М.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

Коньшева Я. С.

*аспирантка Челябинского
государственного института культуры*

Науч. рук.: Баштанар И. М.

ЗНАЧЕНИЕ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ В АСПЕКТЕ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

*Научная школа Риммы Алексеевны Литвак,
доктора педагогических наук, профессора
Челябинского государственного института культуры*

В статье рассматриваются значимость и функциональные особенности смеха в социально-общественной жизни человека и нравственном воспитании личности. Авторами раскрываются понятия «смеховая культура», «нравственность», «мораль» и «нравственное воспитание», функции смеха.

Ключевые слова: смеховая культура, нравственное воспитание, смех, мораль

**Bashtanar I.,
Konisheva Ya.**

THE IMPORTANCE OF LAUGHTER CULTURE IN THE ASPECT OF MORAL PERSONALITY

The article discusses the significance and functional features of laughter in the social and social life of a person and the moral education of the individual. The authors reveal the concepts of “laughter culture”, “morality”, “morality” and “moral education”, functions of laughter.

Keywords: laughter culture, moral education, laughter, morality

В настоящее время в современной России наблюдаются интенсивные социально-политические, экономические и общественно-культурные изменения, которые вызывают, как позитивное отношение граждан, так и негативное. При этом нравственные позиции личности гражданина позволяют не только выражать негативное отношение в агрессивной форме, но и определяются наряду с серьезной критикой политического и научного характера, сильной смеховой реакцией. Такое отношение к смеховой культуре в целом связано с нравственным воспитанием личности.

Нравственное воспитание достаточно многомерное понятие, которое следует рассматривать на основе синтеза таких сложных категорий, как «нравственность» и «воспитание».

В нашем языке есть три родственных по смыслу, пришедших из разных языков, понятия: «мораль», «нравственность», «этика». Первое из них, «мораль» (от лат. *mor*, множественное число – *mores*) синонимично греческому *ethos* и в переводе обозначающее нравственный обычай. В Древней Греции понятия этика и этический использовал Аристотель, а Цицерон, следуя его примеру, применял мораль и моральный. Мораль исторически конкретна. Изменения морали непосредственно связано с изменениями, происходящими в обществе, поэтому наблюдается отсутствие единства в понимании морали как на каждом этапе развития общества, так и у разных народов. При смене общественно-экономических формаций неизбежно пересматривались представления о нравственности, о том, какие нормы и нравы поведения в общественной среде должны использоваться. Учения о морали, нравственности являются частью философского этического учения.

Понятие «этика» было введено в обиход Аристотелем более двух тысяч лет назад, он рассматривал поступки и поведение человека как проявления его достоинства, закладывая понимание этики как науки о качествах (мужество, благоразумие, честность).

Сегодня популярно понимание этики как науки, изучающей теорию нравственных отношений. Дальнейшее развитие этого подхода получило в работах отечественных педагогов, разрабатывающих теорию нравственного воспитания.

Принято считать, что понятие нравственность используется с XVIII столетия и в русском языке и употреблялось наряду со словами «этика» и «мораль», являющихся его синонимами.

В представлении Б. Т. Лихачева внутреннее принятие общественной морали, ее освоение, которое, опираясь на мировоззренческие убеждения и чувство совести, регулирует индивидуальное поведение человека и составляет нравственность конкретного человека [4, с. 304].

Определяя нравственность как личностную характеристику, Л. А. Григорович называет основные качества: доброта, порядочность, дисциплинированность, коллективизм [6].

Более широко нравственность трактует И. С. Марьенко: «неотъемлемая сторона личности, обеспечивающая добровольное соблюдение ею существующих норм, правил, принципов поведения, которые используются в отношении к Родине, обществу, коллективу, отдельным людям, к самому себе, труду и т.д.» [5]. Таким образом, в основу нравственности личности отечественные ученые закладывают принятие ею общественной морали, духовных ценностей, норм, правил поведения, формирование определенных качеств и т. д.

Анализируя определения понятия «нравственность», приходим к следующему:

- нравственный человек – человек, для которого требования, нормы и правила выступают в роли привычных форм поведения и как собственные взгляды и убеждения самого человека;
- нравственность является внутренним категорическим императивом личности, ее побудительными силами;
- побудительные силы личности выражаются не только в виде общественных потребностей, но и в связанных с ними убеждениях, взглядах, моральных знаниях и идеалах.

Понятие «воспитание» является педагогической категорией. М. Г. Яновская понятие «воспитание» рассматривает как «двусторонний процесс, основанный на взаимодействии воспитателя и воспитуемых» [8, с. 29].

Ряд авторы [5, 7, 8], раскрывая понятие «воспитание» закладывают нравственный аспект, в котором воспитуемый выступает активной личностью проявляющей свою волю, выражающуюся в принятии нравственных норм и в проявлении своего отношения к чему-либо.

В понимании П. И. Подласого нравственное воспитание – это: «целенаправленное и систематическое воздействие на сознание, чувства и поведение воспитанников с целью формирования у них нравственных качеств, соответствующих требованиям общественной морали» [7].

Е. В. Бондаревская связывает нравственное воспитание с развитием личности, проходящим под влиянием семьи, общества и государства. Автор определяет нравственное воспитание как «становление нравственных ценностей на основе образования, развития и саморазвития жизненного опыта и его осмысление усилиями самого воспитанника» [2].

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что нравственное воспитание это:

- целенаправленный, организованный, педагогический процесс нравственного развития личности;
- развитие личности протекает в коллективе;
- обеспечивает формирование нравственного сознания личности и обеспечивает его единство с поведением.

Личность в процессе своего становления выступает субъектом нравственных отношений, основу которых составляет мораль. Развиваясь, личность стремится проявлять свои творческие силы и способности на благо общества, формируются и качества, позволяющие реализоваться в деятельности, способствующие налаживанию отношений в коллективе.

Следует отметить, что воспитание является конкретно-историческим явлением, непосредственно связанным с социально-экономическим, политическим и культурным состоянием общества, с его этноконфессиональными и социально-культурными особенностями.

На процесс нравственного воспитания личности непосредственное влияние оказывает и смеховая культура. По мнению М. М. Бахтина смеховая культура представляет собой синтез трех аспектов смехового мира: обрядово-зрелищных форм, словесных произведений и фамиллярной речи, противостоящих официальной идеологии эпохи. Перечисленные аспекты выступают, своеобразным отражением политической, общественной и социально-культурной действительности. Отсюда справедлива и одна из основных концепций работ М. М. Бахтина о том, что смех «всенароден» [1].

Проникая в различные стороны человеческой жизни, смех становится неизменным его спутником в событиях самого разного значения и масштаба, выступая как один из способов снятия стресса, оценки ситуации и привлечения к ней внимания других субъектов, а также для обозначения проблемы.

В мире поиска нравственных ориентиров важную роль для личности играют определение правильных решений и нахождение выхода из сложных ситуаций. Смех, как реакция на ту или иную проблему, способствует ее преодолению и разрешению.

При этом стоит отметить, что способность к юмору или наличие чувства юмора выступают особыми свойствами человека, и позволяют рассматривать его с таких философских категорий, как «понимание» и «объяснение». В философском смысле «понимание» и «объяснение» связаны между собой, хотя каждое из этих понятий имеет отличия. Например, В. Дильтей, рассматривает «понимание» как искусство постижения значения знаков, передаваемых одним сознанием и понимаемых другим через их внешнее выражение. По его мнению, любая процедура объяснения исходит из наук о природе и не может быть экстраполирована на науки о духе [3]. Основным содержанием метода объяснения является подведение всего индивидуального под всеобщее. Однако на стыке понимания и объяснения располагается текст (система знаков, письменная или устная речь). Можно говорить о том, что понимание предваряет объяснение путем сближения с субъективным замыслом автора текста. Оно задается опосредованно через замысел текста. Понимание может сопутствовать объяснению. Понимание может завершать объяснение в той мере, как оно преодолевает культурную дистанцию. Следовательно, можно знать шутку и при этом совершенно не понимать смысла, заложенного в ней. В этом случае, процесс объяснения выступает коммуникативным процессом, а понимание является индивидуальным, творческим. В процесс понимания закладываются такие важные функции как накопление новой информации, творческая работа мысли, прогнозирование, рефлексия. Таким образом, наблюдается сходство функций понимания и объяснения с функциями смеха, играющих важное значение для нравственного воспитания личности, основанное на неразрывности таких процессов, как творчество и юмор.

Смех выполняет и коммуникативную функцию. В современном обществе, погруженном в информатизацию и новейшие компьютерные технологии, проблема взаимодействия и общения становится особенно актуальной. Смех позволяет решить эту проблему, делает человека более открытым, привлекает к нему внимание, способствует установлению доверительных отношений в коллективе. Позитивно настроенный человек воспринимается окружающими как более привлекательный и успешный.

Смех как феномен имеющий множество граней проявляется во всех сферах человеческой жизни. Смеховая культура способствует нравственному воспитанию личности, ее ориентации в ценностях, правилах, требованиях, закреплению общепринятых норм и выступающих как привычные для нее формы поведения.

Литература:

1. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Бондаревская, Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования / Е.В. Бондаревская. – Ростов-на-Дону: РГПУ. 2000. – 352с.
3. История психологии. Тексты. / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. 3-е издание. Екатеринбург, 1999. С. 405-441.
4. Лихачев Б.Т. Педагогика: Курс лекций / Учеб. пособие для студентов педагог, учеб. заведений и слушателей ИПК и ФПК. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-М, – 507с. – Режим доступа: <http://ural-education.ru/wp-content/uploads/2017/01>
5. Марьенко, И.С. Нравственное становление личности школьника / И.С. Марьенко. – М.: Педагогика, 1985. – 104 с.
6. Педагогика и психология [Текст]: учебное пособие для вузов / Л. А. Григорович, Т. Д. Марцинковская. – Москва: Гардарики, 2004. – 475 с.
7. Подласый, И.П. Педагогика: Учеб. для студентов высших пед. учеб. заведений / И.П. Подласый. – М.: Просвещение: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 432 с.
8. Яновская, М.Г. Нравственное воспитание и эмоциональная сфера личности / М.Г. Яновская // Классный руководитель. – 2003. – № 4 – С. 24-29.

УДК 02(575.1)

Савочкин М. П.

магистр библиотечно-информационных наук, старший преподаватель кафедры информатики и естественных наук Государственного института искусств и культуры Узбекистана, г. Ташкент

Гребенюк М. В.

студент кафедры библиотечно-информационной деятельности Государственного института искусств и культуры Узбекистана, г. Ташкент

**БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ УЗБЕКИСТАНА:
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ**

*Научная школа Абдували Шукуровича Мухаммадиева
кандидата физико-математических наук, доцента,
Ташкентский университет информационных технологий*

В статье кратко показаны основные исторические вехи становления системы высшего образования для библиотечно-информационных учреждений в Республике Узбекистан, а также дан краткий абрис ее современного состояния.

Ключевые слова: подготовка кадров, библиотечное образование, бакалавриат, магистратура

LIBRARY EDUCATION IN UZBEKISTAN: PAST AND PRESENT

The article briefly reflects the history and current state of training with higher education for library and information institutions in the Republic of Uzbekistan.

Key words: training, education, library, Bachelor degree, a Magistracy

Во многих странах мира подготовке кадров с высшим образованием для библиотечных учреждений уделяется особое внимание. Факультеты по подготовке специалистов бакалавриата и магистратуры входят в структуру вузов различных направлений, от гуманитарных до технических.

В Узбекистане Ташкентский государственный институт культуры имени Абдуллы Кадыри с момента образования в 1974 г. был единственным высшим образовательным учреждением в Республике, занимавшимся подготовкой кадров для библиотек. Обучение осуществлялось на базе факультета «Управление библиотечно-информационной деятельностью», в структуре которого было три кафедры: «Библиотечные фонды и каталоги», «Библиография», «Информатика и технические средства».

С принятием 29 августа 1997 г. Закона Республики Узбекистан «Об образовании» [1] в институте перешли на двухступенчатую подготовку специалистов. В бакалавриате велась подготовка кадров с учетом типологии библиотек (технические, детские и др.). В 2001 г., учитывая процессы автоматизации библиотечной отрасли, начали осуществлять набор студентов на единое направление бакалавриата «Библиотековедение и информационные системы». В учебный план был введен ряд предметов, направленных на ознакомление студентов с автоматизацией основных библиотечных процессов. Для подготовки магистров были открыты специальности «Информационные системы и процессы», «Книговедение и книжный маркетинг» и др.

Следующим значительным этапом реформирования процесса подготовки кадров стало подписание 20 июня 2006 г. Постановления Президента Республики Узбекистан «Об организации информационно-библиотечного обеспечения населения республики» [2]. Этим постановлением было открыто направление «Информатизация и библиотековедение» и соответствующие специальности магистратуры в Ташкентском университете информационных технологий (ТУИТ). Первоначально планировалось, что в Ташкентском государственном институте культуры (ТашГИК) будут готовить специалистов для библиотек, выполняющих традиционные библиотечные функции и осуществляющих эксплуатацию специализированных систем и программного обеспечения, а ТУИТ станет готовить специалистов-разработчиков специализированного программного обеспечения. Для организации учебного процесса в ТУИТ на базе факультета «Профессиональное образование в сфере ИКТ» была организована кафедра «Информационно-библиотечные системы».

В 2009 г. ТашГИК и ТУИТ стали участниками международного проекта TEMPUS «Новая магистерская программа по библиотечно-информационным наукам», что сыграло значительную роль в деле реформирования библиотечного образования. В ходе реализации проекта трое преподавателей вузов-участников прошли стажировку в Университете Роберта Гордона (Абердин, Шотландия), а группа преподавателей приняла участие в двух летних школах в Университете Ильи Чавчавадзе (Тбилиси, Грузия). В результате выполнения проекта вузы получили по комплекту современного компьютерного оборудования для совершенствования учебного процесса, а также были подготовлены предложения в Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан по открытию новых специальностей магистратуры, разработаны предложения по новым предметам в существующие специальности магистратуры и направления образования бакалавриата. В ТашГИК в тестовом режиме началась апробация системы MOODLE для сопровождения учебного процесса студентов факультета «Управление библиотечно-информационной деятельностью».

4 июня 2012 г., в целях дальнейшего совершенствования и кардинального повышения уровня и качества подготовки высококвалифицированных специалистов в сфере культуры и искусства, было принято Постановление Президента Республики Узбекистан «О создании Государственного института искусств и культуры Узбекистана» [3]. Этим постановлением все студенты от второго до четвертого курсов бакалавриата направления «Информатизация и библиотековедение», а также магистранты соответствующих специальностей ТашГИК были переданы ТУИТ. Действующие учебные планы студентов были изменены с учетом специфики подготовки кадров в ТУИТ. Таким образом, с 2012 г. Ташкентский университет информационных технологий стал единственным высшим образовательным учреждением Республики, готовящим технические кадры для библиотек. Действующие учебные планы студентов были изменены с учетом специфики подготовки кадров в ТУИТ. Так, множество специальных дисциплин были заменены техническими, такими как «Технологии программирования», «С++», «Математика, теория вероятности и математическая статистика», «Структура данных», «Операционные системы», «Разработка веб-приложений» и др. Из традиционных для данного направления дисциплин в блоке «специальные предметы» остались «Библиотековедение», «Общая библиография», «Информационно-библиотечные каталоги и фонды» общим объемом 414 аудиторных часов.

В декабре 2016 г. состоялась встреча Президента Республики Узбекистан с ведущими представителями науки нашей страны. В ходе этой встречи академик Азиз Каюмов (один из бывших ректоров ТашГИК) высказал мнение, что библиотекарь – это гуманитарная профессия и было ошибочным закрытие этого направления образования во вновь созданном Государственном институте искусств и культуры Узбекистана (ГИИКУз). Азиз Каюмов предложил восстановить баланс и вернуть такое направление образования в институте.

По результатам встречи специалистами института был разработан учебный план для направления образования «Библиотечно-информационная деятельность», но в план приема было включено направление образования «информатизация и библиотековедение» с шифром технической отрасли. Таким образом, в 2018 г. в институт был осуществлен набор студентов в количестве 60 человек по направлению образования «Информатизация и библиотековедение», в соответствии с учебными планами ТУИТ. Ответственность за организацию учебного процесса и подготовку специалистов возложили на кафедру «Организация и управления учреждениями культуры и искусства» при факультете «Народное творчество».

В целях внесения изменений в набор будущего года, учебный план направления «Библиотечно-информационная деятельность», разработанный специалистами ГИИКУз, был направлен для рассмотрения и согласования во все областные информационно-библиотечные центры, Национальную библиотеку Узбекистана, Фундаментальную библиотеку Академии наук, Республиканский информационно-библиотечный центр, Республиканскую детскую библиотеку, Центральную республиканскую библиотеку для слепых и Узбекское агентство по печати и информации. После получения отзывов и предложений в учебном плане были учтены предложения и пожелания потенциальных работодателей. Таким образом, в новом учебном плане, основанном на многолетнем опыте подготовке библиотечных кадров в ТашГИК, а также зарубежном опыте, были в оптимальных пропорциях отражены предметы традиционного библиотечного цикла и предметы, связанные с информатизацией библиотечных процессов и использованием достижений ИКТ в библиотечной деятельности.

Окончательная версия учебного плана была направлена для согласования и утверждения в Министерство высшего и среднего специального образования Республики Узбекистан и Министерство культуры Республики Узбекистан. В результате в план приема студентов в ГИИКУз на 2018–2019 учебный год был включён набор 150 студентов на очное отделение, 100 студентов на заочное отделение, в Нукусский филиал института 25 студентов, Ферганский филиал – 20 студентов по направлению образования «Библиотечно-информационная деятельность: библиотековедение и библиография». В настоящее время подготовка студентов по этому направлению осуществляется на базе факультета «Народное творчество», но в проекте Постановления Президента по

совершенствованию деятельности института, которое разрабатывается в настоящий момент, предлагается организовать отдельный факультет для данного направления с тремя специализированными кафедрами.

Таким образом, в Республике вновь, как и до 2012 г., кадры для библиотечных учреждений традиционной и технической направленности готовят два высших образовательных учреждения: Государственный институт искусств и культуры Узбекистана и Ташкентский университет информационных технологий. Только их взаимовыгодное сотрудничество и совместная работа будут способствовать постоянному повышению качества подготовки библиотечных кадров.

Литература:

1. Закон Республики Узбекистан «Об образовании» [№ 464-I от 29 августа 1997 года] [Электронный ресурс] // Lex.UZ on-line : [сайт]. – URL: <http://www.lex.uz/docs/15622>. – Дата обращения: 05.09.2018.
2. Постановление Президента Республики Узбекистан «Об организации информационно-библиотечного обеспечения населения Республики» [№ ПП-381 от 20 апреля 2006 г.] [Электронный ресурс] // Там же. – URL: <http://www.lex.uz/docs/1018813>. – Дата обращения: 05.09.2018.
3. Постановление Президента Республики Узбекистан «О создании Государственного института искусств и культуры Узбекистана» [№ ПП-1771 от 04 июня 2012 года] [Электронный ресурс] // Там же. – URL: <http://www.lex.uz/ru/docs/2018207>. – Дата обращения: 05.09.2018.

ЧТЕНИЕ И ЕГО ПРАКТИКИ: ИЗМЕНИВШАЯСЯ РЕАЛЬНОСТЬ

УДК 02

Аскарова В. Я.

*доктор филологических наук, кандидат
педагогических наук, профессор,
Челябинский государственный институт
культуры*

Кирьянова К. В.

*магистр библиотечно-информационной
деятельности, сотрудник отдела
книгохранения Челябинской областной
универсальной научной библиотеки*

ЧТЕНИЕ: РАСШИРЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА

*Читателеведческая школа Виолетты Яковлевны Аскаровой,
доктора филологических наук, кандидата педагогических наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Статья посвящена расширению пространства чтения, отвечающему извечному стремлению людей читать там, где это им удобно. Рассмотрены различные формы расширения этого пространства на земле, под землей, на воде, у воды, в воздухе: открытые библиотечные площадки, литературные парки и скверы, уличные библиотеки, сопровождения читателей в местах отдыха, во время путешествий и различных поездок. Рассмотрены и различные, порой экзотические варианты инициативной доставки книг по месту жительства: на ослах, слонах, мопедах и даже книгомобиле-"танке". Ставится вопрос о причинности этого явления в контексте нынешних трансформаций в сфере чтения и книжной культуры.

Ключевые слова: пространство чтения, формы расширения, площадки для чтения, уличные библиотеки, сопровождение читателей, общественные инициативы, модернизация библиотек

**Askarova V.,
Kiryanova K.**

READING: EXPANSION OF PUBLIC SPACE

The article is devoted to the reading space. Really, people want to read where it is comfortable for them. Various forms of expansion of this space are: on the ground, underground, on the water, near the water, in the air etc. and others: open library areas, literary parks and squares, street libraries, accompanying readers in places of recreation, traveling and various trips. Various sometimes exotic forms are. Why and what for?

Keywords: reading space, street library, leisure, leisure-time reading, cultural activities

Со времен античности люди любили участвовать в публичных чтениях и читать про себя в самых неожиданных местах: на рыночных площадях, на улице, в термах, храмах, в театре, книжных лавках... В изобразительном искусстве Древнего Рима запечатлены разнообразные ситуации чтения: читатель наедине с книгой или перед аудиторией слушателей; читающий школьный учитель; оратор, произносящий вслух лежащий перед его глазами текст; путник, читающий в повозке, патриций, возлежащий за трапезой со свитком; девочка, читающая под сенью портика. Чтение

на открытом пространстве могло быть громким и сопровождаться играми, интерпретациями, комментариями по поводу прочитанного. В средневековье, как известно, приветствовалась религиозная литература, которую читали не только в монастырях и в жилищах, но и на открытом воздухе, на природе. В эпоху Возрождения и Новое время чтение вне помещений было также особой, интеллектуальной формой отдыха; живописное искусство изобилует изображениями сцен чтения на природе, в салонах, на прогулках. Было модным носить с собой повсюду небольшой томик стихов или рассказов. В Европе XVIII в. наблюдался «бум чтения»; Р. Виттман отмечает, что в Англии во время обеда кровельщики читали на крышах, в Париже люди читали в купальне, в кафе, в театре во время антракта, а в Германии читатели и читательницы не расставались с книгой за обеденным столом, брали ее с собой на прогулку, словом – не выпускали из рук [8].

К началу XX в. появилась новая форма открытого пространства для чтения – летние читальни, которые чаще всего действовали при библиотеках. Мобильное библиотечное пространство появилось к середине двадцатого века: в 1957 г. в английском графстве Камбрия был запущен первый в мире книгомобиль, запряженный лошадей; так доставлялись книги местным жителям [9]. Так появились открытые библиотечные площадки, которые стационарно действовали вне библиотечных зданий, и мобильные (передвижные, «на колесах»).

Традиция чтения на открытом воздухе продолжается и в наши дни; библиотеки, откликаясь на современный ритм жизни и изменившееся коммуникативное поведение людей, при поддержке общественности подстраиваются под читателей, появляясь в удобном для них месте. В частности, открытое пространство чтения может создаваться как дополнение к основному зданию библиотеки. Еще в 1997 г. на участке, прилегающем к зданию Центральной национальной библиотеки во Флоренции (Италия) возникла извилистая садовая дорожка к небольшому амфитеатру на открытом воздухе – месту для публичных чтений и концертов [17]. Сегодня многие библиотеки создают рядом с основным зданием книжные парки. К примеру, Челябинская областная универсальная научная библиотека в 2017 г. открыла «Литературный дворик», в котором посажены деревья различных пород, посвященные писателям и поэтам, а на уличных книжных полках размещены книги для свободного книгообмена.

Библиотеки активно выходят за пределы своих стен, чтобы быть поближе к читателям. Американские исследователи выяснили, что подавляющее большинство молодежи настаивает на том, чтобы библиотекари вышли за стены библиотеки и начали обслуживать молодежь в тех местах, где она находится. Отвечая на эти пожелания, библиотекари Сан-Франциско (США) еженедельно посещают базовый юношеский центр города, а библиотека Ричмонда (Великобритания) использует библиобус для посещения общинных центров помощи в учебе [4].

Небольшие уличные библиотечки стали приметой современной городской жизни. Открываются пункты свободного книгообмена – «Буккроссинга», где люди приносят прочитанные книги и берут другие. Они часто располагаются на улицах города в бывших телефонных будках и особенно распространены в США и Великобритании [20]. Во всем мире стала популярной установка специальных «книжных скворечников»; это было результатом движения «Маленькая свободная библиотека» («Little Free Library»), организованного в штате Висконсин, США. По его инициативе создаются мини-библиотеки в крошечных домиках, напоминающих скворечники, в телефонных будках. Любой житель может взять понравившуюся ему книгу, нередко – на безвозвратной основе. За последние время эта инициатива получила широкое распространение в разных странах, включая африканские [12]. Подобные примеры есть и в России, например, уличные библиотеки в Калуге [14].

Вместо «скворечников» иногда устанавливают и более интересные сооружения. В парке района Коббл Хилл в Бруклине (США) по инициативе общественности построен миниатюрный домик из бурого песчаника, который выполняет функции мини-библиотеки и книгообменного пункта. Интересна идея креативной книжной площадки в Германии («Open air» – «Под открытым небом»), включающей домик для книг с удобными нишами, удачно спроектированными местами для чтения, зеленой лужайкой и велопарковкой [15]. В немецком городе Кельне имеется уже 12 книжных шкафов, стоящих прямо на бульваре. Следует обратить особое внимание на то, что это

инициатива не библиотек, а граждан города, которых финансово поддержал фонд Bürgerstiftung Köln, который занимается социальными проектами культурного значения. Также в городе имеются специальные активисты, которые следят за состоянием шкафов и книг [18]. Так что уличные библиотеки могут и должны поддерживаться силами общества и иметь спонсоров.

Идее поддержки исключительно печатной книги стал знаменитый Книжный двор, состоящий из 12-ти больших зеленых стеллажей, содержащих только бумажные издания. Он расположился в виноградниках Аббатства св. Петра в г. Генте (Бельгия) и стал знаменит на весь мир [13]. Противоположной тенденции – продвижению электронной книги – подчинен канадский проект «Цифровой книгомобиль», который содержит только электронные издания. В Индианаполисе (США) совместили приятное с полезным: каждый раз, когда тысячи зрителей собираются на автодроме, чтобы посмотреть гонки, они имеют возможность взять электронную книгу из мобильной цифровой библиотеки, которая предусмотрительно выезжает туда в эти дни [там же].

Открытие площадок для чтения может быть и творческой реакцией на закрытие библиотек в городе. Так, студенты в Детройте (США), стремясь привлечь внимание к проблеме бедственного, с их точки зрения, положения многих американских публичных библиотек, создали шесть мини-библиотек на открытом воздухе, расположенных рядом со зданиями бывших филиалов Центральной публичной библиотеки, закрытых по причине финансового кризиса. Коллекция состоит из книг, принесенных в дар, а книжные шкафы изготовлены из водонепроницаемых материалов [13].

В своем стремлении быть ближе к читателям библиотеки готовы сопровождать людей на отдыхе и в поездках. Повсеместно стали открываться пляжные библиотеки. Так, в США в штате Огайо раз в неделю доставляют на пляжи примерно 125 сумок с печатными книгами [там же]. В Болгарии книжные полки белого цвета установили прямо на пляже («Beach library» – «Пляжная библиотека»); здесь представлены книги на нескольких языках мира, причем обеспечен и доступ в интернет. Некоторые библиотеки оснащены специальными мобильными навесами, под которыми читатели могут полежать без риска обгореть за увлекательным чтением [16].

Для сопровождения реальных и потенциальных читателей в поездках в месяц поэзии между пятью городами Канады (Оттава – Торонто – Виннипег – Эдмонтон – Ванкувер) курсирует поэтический поезд, вместе с двадцатью шестью канадскими поэтами путешествует механизированный робот kulturBOT 3.0, умеющий сочинять стихи. Он – активный участник поэтических чтения и литературных представлений, которыми участники проекта радуют местных жителей во время остановок.

Не остаются без внимания и пассажиры городского транспорта. Например, в одном из городов Чехии курсирует библиотечный трамвай, обклеенный QR-кодами с электронными книгами [9]. В Колумбии подсчитали, сколько человек за свою жизнь проводит бесполезного времени в ожидании общественного транспорта, и создали очень яркую и удобную остановку-библиотеку с книжным шкафом и лавочкой [15]. Подобные остановки-библиотеки создаются по всему миру. В Челябинске на остановке «Публичная библиотека» совместно с организацией «Фортум» была построена виртуальная библиотека, содержащая электронные книги и карту города. В развитых странах все большую популярность набирают библиотеки-автоматы. В Канаде библиотеку-автомат называли «Книжный мини-бар», у него есть собственная сотовая связь с библиотекой. Агрегат работает автономно и оснащен двумя сканерами для считывания штрих-кодов и принтером для печатания квитанций. Пекин также может гордиться подобными библиотеками самообслуживания. Абонемент платный, выполнен в виде карточки ID и стоит 16 долларов. При этом в каждом отдельном автомате находится приблизительно 400 книг, а читатели могут сразу взять пять изданий сроком на четыре недели [12].

Площадки для чтения все больше расширяются, проникают в лесные массивы, парковые зоны, устремляются под землю и осваивают водную гладь. Вариантами частичного размещения библиотеки под землей можно считать библиотеку Делфского технического Университета, Британскую библиотеку, Национальную библиотеку Норвегии, Саксонскую земельную библиотеку, библиотеки в метро. Например, в Нью-Йорке создана Underground Library; вагоны метро оформ-

лены таким образом, что у пассажиров создается иллюзия нахождения в читальном зале публичной библиотеки. В поезде организован бесплатный доступ к электронным книгам [21]. Есть подобный опыт и в Санкт-Петербурге; в 2016 г. здесь в метрополитене курсировал состав из 6-ти вагонов, брендированных книжной символикой. Каждый пассажир мог бесплатно скачать любую книгу со специального сайта [15]. Год назад в Сеуле в неожиданном месте – крупнейшем подземном торговом центре – открылась гигантская по площади (2800 кв. м) двухэтажная публичная библиотека (Starfield Library), которая может предложить не только богатый фонд (50000 названий), но и возможность воспользоваться ресурсами информационного центра, обсудить книги, прослушать лекции, посетить художественные выставки [22].

Известно множество примеров расположения библиотечных площадок в парках отдыха и даже в лесу. В Центральном парке Нью-Йорка располагается библиотека, представляющая собой книжную полку цилиндрической формы, окруженную множеством креативных лавочек. В израильском проекте организаторы расположили в парке комфортабельные шезлонги для чтения и небольшой фургончик с книгами [16]. Библиотека-парк Санто-Доминго, выполненная в форме гигантских скал, расположена в колумбийском городе Медельине [2].

Пространство чтения с недавних пор освоило и водную гладь. На озере Сидар в США установлена библиотека на плоту, благодаря чему книга сопровождает книголюбов даже на воде; правда, им придется для этого использовать лодку и самим взять книги из водонепроницаемых пакетов. А в Германии курсирует библиотека-корабль, которая принадлежит благотворительной организации GBA Ships. На судне имеется книжная подборка с более 7000 наименований самой разной литературы по истории, философии, искусству, технике [20]. Оснащено богатой библиотекой и судно итальянской компании «MSC FANTASIA» [10]. С темой воды переключаются и книжные магазины-гондолы в Венеции; символическое изображение «океана книг» на волнообразных стеллажах в нью-йоркском книжном магазине «Сан-Марко»; расположенная у Сиамского залива отель-библиотека в Таиланде (The Library Resort) [3].

Площадки для чтения устремились и в небо: в Нью-Йорке книжную полку оформили в виде желтой летающей тарелки [16]. В Нидерландах архитектор Йорд ден Холландер смог расположить библиотеку на узкой улочке: он спроектировал BiebBus – небольшой вагончик, который растет вертикально вверх. В нем две комнаты, одна из них располагается над другой. Помещение внизу занимают полки с семью тысячами детских книг, а сквозь прозрачный потолок видна верхняя комната, оборудованная под игровую площадку и место для чтения. Площадь BiebBus составляет 52 кв м, внутри него могут поместиться 30–45 детей [9]. Последняя новость: 19 октября с. г. на авиационную базу Хмеймим в Сирии в рамках акции «Литературный десант» доставлено 800 наименований книг в количестве двух тысяч экземпляров; в основном это книги по истории, военному и морскому делу [11].

О неутомимом стремлении донести книгу для всех и каждого говорят и личные инициативы. В Колумбии библиотекарь и учитель Луис Сориана развозит книги в места, куда добраться, кроме как на осле или велосипеде, невозможно. Иногда Луису приходится обслуживать местных аборигенов, предварительно обучив их чтению. В сельских районах Эфиопии, где, по признанию местных жителей, ослов значительно больше, чем книг, литературу развозят на ослах, запряженных книжной тележкой; эта библиотека получила название Biblioboggo (Библиотека на ослике) [там же]. Народный библиотекарь Манилы (Филлипины) развозит книги на велосипеде, а также на лодке для людей, живущих на отрезанных водой островах. Его книжное собрание располагается в бедном районе города прямо перед фасадом его дома, оно доступно всем желающим. Пожилой библиотекарь из Сан-Пауло развозит книги, предназначенные для бездомных, на велосипеде. В Италии учитель на пенсии оповещает органной музыкой прибытие своего «Библиомотора» («Библиотека на мопеде»). В Таиланде в отдаленные деревни книги отвозят на слонах. А вот в Аргентине «оружием массового просвещения» служит «Библиотека в танке»; она действительно имеет форму нагруженного книгами танка, хоть и сделана из обычного автомобиля. Существует танк благодаря частным пожертвованиям и каждый день удивляет и радует жителей Буэнос-Айреса [13].

Как видно из мирового опыта, человечество не собирается расставаться с книгой, борясь с ее уходом из культуры повседневности всеми подручными средствами. Не сдают свои позиции и библиотеки, настигая читателей в самых неожиданных местах: на земле, под землей, у воды, на воде, в лесу, парках и даже в воздухе, добираясь до них пешком и на всех видах транспорта, включая ослон, слонon и даже «танк». Предстоит понять, что это: агональный всплеск традиционной книжной культуры, ее стремление вписаться в новые реалии цифрового века или несколько запоздалое понимание того, что цивилизация без чтения не имеет радужных перспектив?

Литература:

1. [Библиотека Делфтского технического университета] [Электронный ресурс] [публ. 26 мая 2013 г.] // Самые необычные здания библиотек. – URL: http://vokrugknig.blogspot.com/2013/05/blog-post_26.html. – Проверено: 21.10.2018.
2. Библиотека-парк Санто-Доминго или Испанская библиотека г. Медельин (Колумбия) [Электронный ресурс] [публ. 4 апр. 2013 г.] // Путешествие во времени : персональный блог Арсентьевой Оксаны Анатольевны : [сайт]. – URL: <https://farta.livejournal.com/72935.html>. – Дата обращения: 7.09.2018/
3. Библиотека под землей. Читать можно в тишине и спокойствии [Электронный ресурс] [публ. 14 февр. 2017 г.] / Д. Хусьяинов // URL: <https://vm.ru/news/2017/02/14/biblioteka-pod-zemlej-chitat-mozhno-v-tishine-i-sпокойstvi-353989.html>. – Дата обращения: 8.09.2018.
4. Библиотечное обслуживание детей и юношества: американский опыт [Текст] / Рос. гос. б-ка ; пер. с англ. и сост. Р. З. Пановой, В. П. Чудиновой. – Москва : Пашков дом, 2004. – 256 с.
5. Библиотечный фонд: инновационные формы и методы использования, раскрытия, рекламы и сохранности [Текст] : материалы творч. лаб. / Централиз. библиотечная система г. Рязани ; сост.: Л. Ю. Тома-рович, Н. В. Карсанина. – Рязань, 2014. – 41 с.
6. Библиотечный курорт в Таиланде [Электронный ресурс] // Novate : [сайт]. – URL: <https://novate.ru/blogs/200810/15363/>. – Проверено: 21.10.2018.
7. В Петербургском метро появилась Мобильная библиотека 21.4.16. [Электронный ресурс] [публ. 21 апр. 2016 г.] // SubwayTalks.ru. Форум любителей метро в Петербурге : [сайт]. – URL: <https://www.subwaytalks.ru/viewtopic.php?f=23&t=12243&sid=6f68fa10c403b64b1cce63c17bb3ebea>, – Дата обращения: 11.09.2018.
8. Виттман, Р. Революция чтения в конце XVIII века? [Текст] / Р. Виттман // История чтения в Западном мире. От Античности до наших дней. – Москва : ФАИР, 2008. – С. 359–298.
9. Десять самых необычных передвижных библиотек [Электронный ресурс] [публ. 01 марта 2017 г.] / Livelib.ru : [сайт]. – URL: <https://livelib.ru/translations/post/23355-10-samyh-neobychnyh-peredvizhnyh-bibliotek>. – Дата обращения: 01.10.2018.
10. Ключев, В. Библиотека на круизном теплоходе. Из дальних странствий возвратясь [Текст] / В. Ключев, М. Захаренко // Библиотечное дело. – 2017. – № 16. – С. 43–44.
11. Литературный десант высадили на базе Хмеймим в Сирии [Электронный ресурс] [5 окт. 2018 г.] // News.ru : [сайт]. – URL: https://news.ru/obshestvo/rossijskim-voennym-v-sirii-podarili-neskol-kotysyach-knig/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop/. – Проверено: 21.10.2018.12.
12. Little Free Library: как маленькие библиотеки покорили мир [Электронный ресурс] // Travel : [сайт]. – URL: <http://www.dariadotsuk.ru /1041108310861075/little-free-library>. – Дата обращения: 10.09.2018.
13. Народный библиотекарь [Электронный ресурс] // Методобъединение: виртуальное методическое объединение библиотек и организаций, работающих с молодежью : [сайт]. – URL: <http://vmo.rgub.ru/foreign/news/archive.php?year=2012>. – Проверено: 22.10.2018.
14. Ондросов, М. Обзор уличных библиотек в Калуге [Электронный ресурс] / М. Ондросов // Kaluga24.tv : [сайт]. – URL: <http://kaluga24.tv/obzor-ulichnyh-bibliotek-v-kaluge/>. – Дата обращения: 03.10.18.
15. Павловская, А. Уличные библиотеки, которые вызывают желание читать [Электронный ресурс] / А. Павловская // «Афигенчик» : [интернет-сайт]. – URL: <http://afigenchik.ru/2016/09/16/ulichnye-biblioteki-kotorye-vyzyvayut/>. – Дата обращения: 01.10.2018.
16. Пляжные библиотеки [Электронный ресурс] // Методобъединение: виртуальное методическое объединение библиотек и организаций, работающих с молодежью : [сайт]. – URL: <https://ok.ru/profile/576862568123/st>. – Дата обращения: 12.09.2018.
17. Степачев, Л. М. Главные библиотечные учреждения Италии в начале нового века [Текст] / Л. М. Степачев // Библиотеки за рубежом. 2005 : сборник / Всерос. гос. б-ка иностр. лит. им.

- М. И. Рудомино ; Центр междунар. библиотековедения ; [сост. С. В. Пушкова]. – Москва, 2005. – 190 с.
- Уличные библиотеки в Кельне [Электронный ресурс] // Страничка Alex_kozl Livejournal : [сайт]. – URL: alex-kozl.livejournal.com/272088.html. – Дата обращения: 01.09.2018.
19. Уникальная куб-библиотека в лесу [Электронный ресурс] // Методобъединение: виртуальное методическое объединение библиотек и организаций, работающих с молодежью : [сайт]. – URL: http://apartmentinteriors.ru/unikalnaya-kub-biblioteka-v-lesu-cats-kill-mountains/. – Дата обращения: 11.09.2018.
20. Libraries everywhere [Электронный ресурс] // Openingthebook.com. – URL: openingthebook.com/blog/libraries-everywhere. – Дата обращения: 01.11.2017.
21. ‘Subway Library’ offers riders a read on their commute. – URL: https://nypost.com/2017/06/08/subway-library-offers-riders-a-read-on-their-commute/ – Дата обращения: 16.09.2018.
22. Check out this incredible giant library that just opened in Seoul. – URL: https://www.lonelyplanet.com/news/2017/06/12/seoul-south-korea-library-coex/ – Дата обращения: 16.09.2018.

УДК 82:398

Матыцин К. С.

*магистрант Алтайского государственного
университета, г. Барнаул*

*Науч. рук.: Петр Константинович
Дашковский, профессор, доктор
исторических наук, заведующий кафедрой
политической истории, национальных и
государственно-конфессиональных
отношений Алтайского государственного
университета*

КВАДРАТ SATOR КАК АКРОСТИХ: ДРЕВНЕРУССКАЯ КНИЖНОСТЬ И ЛУБОК

В статье рассматривается квадрат-палиндром SATOR в форме акростиха, встречающийся в древнерусской книжности и народном изобразительном искусстве. Анализ источников позволил увидеть акростих в качестве Мирового древа.

Ключевые слова: квадрат SATOR, палиндром, акростих, Мировое древо, древнерусская книжность, лубок

Matytsin K.

SATOR SQUARE AS THE ACROSTIC: OLD RUSSIAN LITERATURE AND LUBOK

The article deals with the square-palindrome SATOR in the form of acrostic, encountered in Old Russian books and pictures. The analysis of the sources made it possible to see acrostics as a World Tree.

Keywords: SATOR square, palindrome, acrostics, World Tree, Old Russian literature, lubok

В русских рукописных сборниках и в лубочных картинах встречается квадрат-палиндром SATOR, представленный в форме акростиха.

В одной из старообрядческих рукописей, «Цветнике» (Олонецкое собрание, № 62, Российская государственная библиотека (РГБ)), повествуется о том, что квадрат SATOR был вырезан на перстне царя Соломона, и словам на печати имеется «ясное толкование греческого царя Льва» [1, л. 342–342об.]. Здесь палиндром SATOR представлен в простой форме – квадрата, состоящего из клеток 5х5. Акростих, с одной стороны, раскрывает значение каждой буквы палиндрома, с другой, он кратко отображает библейское предание, начинающееся с сотворения мира и заканчи-

вающееся Страшным судом. Таким образом, акростишная форма квадрата SATOR символизирует «альфа и омега» – атрибуты Христа, встречающиеся в «Откровении» Иоанна Богослова (Откр. 22: 12–13; 1: 8; 1: 10–11).

В древнерусской книжности квадрат-палиндром SATOR также отображен как христианский символ и обозначает пять ран Христа, распятие и Мировое древо [14]. Символизм Мирового древа визуально приложен к акростишной форме палиндрома SATOR. Здесь он выступает в таких вариациях, как: космологическая модель мира, адамант и «Древо жизни».

Космологическая модель мира. В качестве космологического символа квадрат SATOR, помимо добавления к нему акростиха, как правило, включает в себя «поновление» стихий Кирика Новгородского. Впервые в такой форме квадрат SATOR упоминается в двух рукописных сборниках из собрания Румянцевского музея (№ 368 и № 375), описанных А. Х. Востоковым [9, с. 540–552]. Оригинальное изображение квадрата SATOR дошло до наших дней только в одной из них, хранимой в собрании Румянцева, № 375, в РГБ [2, л. 44об. – 45]. Подобные изображения мы также обнаружили в собраниях Синодальной библиотеки, № 374 [3, л. 63–63об.] и Хлудова, № 29, РГБ [5, л. 85, 98об.].

«Поновление» стихий представлено восемью следующими стихиями: Солнце, Луна, Звезды, Ветры, Небо, Земля, Море, Воды. Каждая из стихий имеет цикл обновления. Например, Солнце обновляется за 28 лет, а Луна за 19 лет. За пределами квадрата SATOR иногда располагается надпись: «Святым Духом всяка тварь обновляется, паки текущи на первое» [9, с. 540].

Изображение из сборника в собрании Румянцева, № 375 (РГБ) также дает нам дополнительную информацию. Восемь стихий разбиты на четыре группы, каждая из которых представляет собой дихотомию. Так, Луна противопоставлена Солнцу, Звезды противопоставлены Ветрам, Небо – Земле, Воды – Морю. В последнем случае средневековые книжники под Водами понимали скорее всего пресные воды, тогда как Море – это соленые воды. Каждая группа соотносится с сторонами света: Север, Юг, Запад и Восток; которые, в свою очередь, соотносятся с частями света: Европа, Африка, Америка и Азия [2, л. 44об. – 45].

На наш взгляд, квадрат SATOR рассматривался в древнерусской книжности в качестве космологического символа также благодаря тому, что его форма укладывается в изображение «Зодиачной азбуки» [5, л. 104].

Другим примером может служить рукопись под названием «Беги небесные» или «Печать царя Соломона» из собрания Погодина, № 1561, Российской национальной библиотеки [6]. К данному прогностическому тексту приложен квадрат SATOR, который в древнерусской книжности понимался как изображение печати царя Соломона [6, л. 88]. В тексте «Печать царя Соломона» упоминаются семь звезд, главная из которых Чигирь. О звезде Чигирь британский славист В. Ф. Райан писал, что она названа «звездой Соломона» и тождественна звезде Араван, которая также упоминается в древнерусской книжности. Иногда вместо семи звезд в космологическую модель мира входило восемь звезд, включая Чигирь или Араван [16, с. 570–571]. Такая модель представлена в собрании Тихонравова, № 407, РГБ [4, л. 54об. – 55]. В. Ф. Райан также привел гадательный рисунок звезды Чигирь с восьмью ее положениями на схематичном изображении неба [16, с. 571]. Таким образом, космологическая схема Чигирь тождественна изображению квадрата SATOR с восемью стихиями, упомянутыми ранее.

Другим вариантом акростиха SATOR в качестве космологической модели служит заключение его в круг [15, с. 61]. Круг символизирует «коло земное» или мир. Наглядно архетип колеса иллюстрирует иконография «коло земное» [8, с. 132]. Мы видим на изображении, как один человек падает в пропасть ада, а другой восходит к Небесам.

Адамант. В легендах о царе Соломоне говорится, что в его перстень был инкрустирован алмаз, известный также под названием адамант [6]. Изображение в форме адаманта, квадрат SATOR и включенный в него акростих представил В. Ф. Райан в статье «Solomon, SATOR, and Acrostics» [18, с. 59]. Адамант рукописной книжности ассоциирован со звездой Чигирь. Также столб из адаманта, именуемого Адамантином, мы встречаем в славянском апокрифе «О всей твари». Адамантин выступает в качестве Мирового древа, к которому прикован антихрист-сатана [7,

с. 350]. Примечательно и то, что предложения о сотворении мира и его кончине в тексте «О всей твари» полностью совпадают с акростихом SATOR [7, с. 347–450].

«Древо жизни». В качестве Древа жизни акростих SATOR встречается в старообрядческом лубочном исполнении под названием «Печать премудрого царя Соломона» [13, с. 193]. В Выгорецком пустынножительстве, на Русском Севере, была распространена лубочная живопись. Особенно, на наш взгляд, заслуживают внимание картины с изображением древ. Здесь перед нами предстают: птицы Сирины, сидящие на райском древе, Родословное древо Андрея и Семена Денисовых, Древо разума. Последнее связано с риторикой.

Выговская риторика возникла благодаря русскому луллианству, во главе которого стоят работы и переводы Андрея Христофоровича Белобоцкого. «Великая наука» Раймунда Луллия в переложении Белобоцкого, а затем и Андрея Денисова, получила наименование «великой науки кабалистичной» [12, с. 34–61]. Как отмечает О. Д. Журавель, свою версию «Великой науки» Андрей Денисов начал с таблицы, в которую включены категории «соборные»: доброта, великость, вечность, власть, разум, воля, сила, истина, слава. Категории являются первопринципами, атрибутами Бога [12, с. 49]. Данные первопринципы можно сравнить с кабалистическим Древом жизни – сефирот, эманациями Бога. Не исключено, что с каббалой, вернее с ее европейским ренессансным неоплатоническим вариантом – христианской каббалой, был знаком Андрей Христофорович Белобоцкий. А. Х. Горфункель отмечал, что воззрение Андрея Белобоцкого близко воззрениям таких гуманистов эпохи Возрождения, как Томмазо Кампанелла, Мишель де Монтень, Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола [10, с. 116–135]. Благодаря последнему возникла христианская каббала. Таким образом, «Великая наука» Раймунда Луллия в редакции Андрея Белобоцкого, а затем и Андрея Денисова, преобразовалась в христианскую кабалистическую философию.

По первопринципам и их производным в графическом старообрядческом исполнении строились деревья. Аналогично было построено и древо с акростихом SATOR. Здесь немаловажно процитировать О. Д. Журавель: «...интересуясь наукой комбинации слов, способной вывести на глубинные онтологические смыслы, Андрей Денисов искал некий ключ к тайне творчества. Ведь не случайно во всех списках слово “кабалистическая” применительно к “Великой науке” сохранилось. В средневековой христианской мистике текст служил объектом медитации, представлял некий инструмент, имеющий феноменологическое значение» [12, с. 61]. Комбинацией слов и букв является квадрат-палиндром SATOR, а акростих предстает как азбучной молитвой, так и формой «плетения словес», чтение которых способствовало «низведению ума в сердце» [17, с. 110; 18, с. 53]. Также в основе квадрата SATOR лежат 5 букв, число, которое связано с гносеологией христианской каббалы [11].

Таким образом, квадрат-палиндром SATOR в форме акростиха представлен как сложный космологический, мистический символ, концепцию которого книжники стремились вписать в рамки известных в Средневековой Руси религиозно-философских знаний, особенно принадлежавших к неоплатонической мысли.

Источники и литература:

1. Архив Российской государственной библиотеки. Олонецкое собрание, № 62.
2. Архив Российской государственной библиотеки. Собрание Румянцева, № 375.
3. Архив Российской государственной библиотеки. Собрание Синодальной библиотеки, № 374.
4. Архив Российской государственной библиотеки. Собрание Тихонравова, № 407.
5. Архив Российской государственной библиотеки. Собрание Хлудова, № 29.
6. Архив Российской национальной библиотеки. Собрание Погодина, № 1561.
7. «О всей твари» // Памятники отреченной русской литературы. В 2 т. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. 2. – С. 347–350.
8. Антонов, Д. И. Анатомия ада: путеводитель по древнерусской визуальной демонологии / Д. И. Антонов, М. Р. Майзульс. – Москва : ФОРУМ ; НЕОЛИТ, 2014. – 240 с.
9. Востоков, А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. – Санкт-Петербург : тип. Имп. акад. наук, 1842. – 900 с.
10. Горфункель, А. Х. «Исповедание веры» Яна (Андрея) Белобоцкого / А. Х. Горфункель // Palaeoslavica. – 1999. – Vol. 7. – P. 116–135.

11. Гостюшева Е. М. Гносеология христианской каббалы / Е. М. Гостюшева, К. С. Матыцин // Философские дескрипты. – 2017. – Вып 18. – С. 7–9.
12. Журавель, О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика / О. Д. Журавель ; отв. ред. Н. Н. Покровский ; Российская акад. наук, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, М-во образования и науки Рос. Федерации, Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : Изд-во Сибир. отд-ния Рос. акад. наук, 2012. – 442 с.
13. Иткина, Е. И. Русский рисованный лубок конца XVIII – начала XX века / Е. И. Иткина. – Москва : Рус. кн., 1992. – 256 с.
14. Матыцин, К. С. Квадрат SATOR как христианский символ в западной и русской культурах / К. С. Матыцин // Проблемы и перспективы развития социально-культурной деятельности, информационных ресурсов и художественного образования. – Учёные записки. – Барнаул, 2014. – С. 147–149.
15. Мишина, Е. А. Русская гравюра на дереве, XVII–XVIII вв. / Е. А. Мишина. – Санкт-Петербург, 1997. – 184 с.
16. Райан, В. Ф. Баня в полночь: исторический обзор магии и гаданий в России / В. Ф. Райан. – Москва : Новое лит. обозрение, 2006. – 720 с.
17. Спивак, Д. Л. Матричные построения в стиле «плетения словес» / Д. Л. Спивак // Труды отдела древнерусской литературы. – 1996. – Т. 49. – С. 99–111.
18. Ryan, W. F. 1986. Solomon, SATOR, acrostics and Leo the Wise in Russia. *Oxford Slavonic Papers*. n.s. XIX : 46–61.

УДК 82–31(44)

Каршибаева У. Д.

*доктор педагогических наук, профессор,
Самаркандский государственный
институт иностранных языков, г.
Самарканд, Республика Узбекистан*

ПОЭТИКА РОМАНА «АТАЛА» Ф. Р. ШАТОБРИАНА

*Научная школа Мухаммаджона Нуркосимовича Холбекова,
доктора филологических наук, профессора
Самаркандского государственного института иностранных языков*

В статье проанализированы ритм и поэтика художественной прозы Ф. Р. Шатобриана на материале романа «Atala». В основе ритмической макроструктуры произведения, считающегося подлинным «поэтическим романом» (*roman poétique*), лежит так называемая «шатобриановская фраза». Подразделяемая на диады и триады, она перерастает в дискретный символ, обеспечивающий поэтическую гармонию текста.

Ключевые слова: поэтический роман, ритмическая макроструктура, диадические пары, триады, дискретный символ

Karshibaeva W. D.

POETICS OF ROMAN «ATALA» BY F. R. CHATOBRIAN

The article analyzes the rhythm and poetics of the prose of F. R. Shatobriand on the material of the novel “Atala”. The basis of the rhythmic macrostructure of the work, which is considered to be a true “poetic novel” (*roman poétique*), is the so-called “Shatobrian phrase”. Subdivided into dyads and triads, it develops into a discrete symbol that provides poetic harmony of the text.

Key words: poetic novel, rhythmic macrostructure, dyadic pairs, triads, discrete symbol

В начале XIX в. рождается французская романтическая проза. В 1801 г. выходит в свет роман Шатобриана «Атала» (“*Atala*”) – история двух влюблённых из враждующих племён, изо-

бражённая на фоне первозданной природы. Его называли «настоящей поэмой» (*un véritable poème*) [7, с. 348], которой не хватает только рифмы, «поэтическим романом» (*roman poétique*) [там же, с. 343], расширившим область высокой поэзии (*avoir grandi le domaine de la haute poésie*) [там же, с. 282], так как структура шатобрианского языка близка к стиховой. Это было отмечено уже современниками писателя сразу же по выходу романа «Атала». Единодушны с ними и исследователи XX в. Они находят на страницах «Рене» большой заряд поэзии, чем в иных стихотворных произведениях (*plus réellement chargés de poésie que certains des vers*) [5, с. 48]. Более того, считают творчество Шатобриана «таким эпизодом в развитии французской прозы, плоды которой оказываются более полезными для лирики, чем для романа» [3, с. 78].

Из предисловия к первой публикации «Атала», названной «своего рода поэмой» (*une sorte de poème*), явствует, что новое качество прозы было для автора принципиально важным. Разделение романа на «Пролог», «Рассказ» и «Эпилог» являлось сознательным приобщением его к «античным» (поэтическим) формам. Писатель признаётся что, вычленив и озаглавив четыре части «Рассказа», он «следовал примеру рапсодов, распевавших под различными названиями фрагменты из «Илиады» и «Одиссея» [6, с. 41]. Именуя роман «поэмой», Шатобриан, однако, не имел в виду прямое («варварное») привнесение стихов в прозаическое повествование (*je ne suis point de ces barbares qui confondent la prose et les vers*) [там же, с. 41], а исследовал этот термин, поскольку не находил другого, «чтобы быть понятым» (*faute de savoir comment me faire entendre autrement*) [там же, с. 68]. Он предугадывал и открывал совершенно иной тип прозы, ещё не имеющий наименования. Если автор видел в определении жанра романа (*une sorte de poème*) путь к пониманию, значит, речь шла о содержательности жанра. Не смешение, а «естественное единство» стиха и прозы становилось той новой формой, в которой воплощалось новое романтическое состояние.

Ритм также небезразличен к содержанию, только он «позволяет наблюдаемое явление записать короче, чем оно обозначено, обрисовано» [2, с. 240]. Интонационно-звуковая структура текста – внешнее проявление ритма – обладает внутренней семантикой. В своей глубинной сущности ритм художественного произведения есть «его руководящее начало, связующее отдельные группы слов <...> в непрерывный, внутренне неразрывный – континуальный поток образов, в конечном итоге, его дискретный символ» [2, с. 241]. Ритм шатобриановской прозы, её интонационно-звуковая материя образуют тот неделимый поэтический мир, то «истинное бытие», в котором и находит своё пристанище герой романтической литературы.

Les dimanches et les jours de fête, j'ai souvent entendu, dans le grand bois, à travers les arbres, les sons de la cloche lointaine qui appelait au temple l'homme des champs. Appuyé contre le tronc d'un arbre, j'écoutais en silence ce pieux murmure. Chaque frémissement de l'airain portait à mon âme naïve l'innocence des mœurs champêtres, le calme de la solitude, le charme de la religion, et le délectable mélancolie des souvenirs de ma première enfance. Oh! Quel cœur si mal fait n'a tressailli au bruit des cloches de son lieu natal, de ces cloches qui frémirent de joie sur son berceau, qui annoncèrent son avènement à la vie, qui marquèrent le premier battement de son cœur, qui publièrent dans tous les lieux d'alentour la sainte allégresse de son père, les douleurs et les joies encore plus ineffables de sa mère! Tout se trouve dans les rêveries enchantées où nous plonge le bruit de la cloche natale: religion, famille, patrie, et le berceau et la tombe, et le passé et l'avenir (150).

Выделенный курсивом абзац – кусок романтического бытия – состояния, неотделимый от предшествующего (отсюда его зачин: *les dimanches et les jours de fête*). Здесь дана типичная для романа ситуация – герой в глубине огромного леса, за которым простираются поля, слушает в полном молчании звуки далёкого колокола, погружающие его в меланхолические грёзы. Рене прикасается к своему детству и к будущему. Это содержание имплицитно [2, с. 241] заложено в синтаксической структуре текста, которая и моделирует его ритм.

Первоэлементом ритмической макроструктуры является шатобрианская фраза, которая имеет тенденцию к постоянному расширению. Она может заключать в себе образ, выражающий это движение в бесконечность (Ср: *et la mer déroulée au loin dans les espaces*). Данный абзац также состоит из пяти развёрнутых, кроме второго, периодов. В первом подлежащее *je* «тонет» среди обстоятельств места и времени, а прямое дополнение занимает почти половину его объёма. Текст как бы разрастает-

ся вслед за образом – колокольный звон заполняет всё окружающее героя пространство. В третьем – объект ещё более развёрнут – его конструируют четыре однородных члена, последний из которых, состоящий из пяти значимых единиц, отодвигает всё дальше пределы периода. Четвёртое, восклицательное, предложение насыщено придаточными относительными, и последнее – самое распространённое. Такой объём (шесть строк) сводит на нет категорию восклицания – восклицательное предложение, требующее в силу своей природы узких пространственно-временных рамок, превращается в повествовательное и включается в общий ритмический поток. В последнем предложении самая развёрнутая часть – приложение – также отнесена в финал.

В моделировании этого внутренне неразрывного потока участвуют и звуки. В тексте образуются целые звуковые цепочки, соединяющие синтаксически расчлененные части предложений. В начале абзаца преобладают согласные [j, z, f, v] (например: *dimanche, jours, fête, j'ai, souvent*), а затем от *souvent* развёртывается цепочка [a] (например: *entendu, dans, grand*), переходящая в чистое [a] (например: *bois, à travers, arbres*), вместе с [gr, tr, rbr]. Существительное *sous* переходит в *cloche*, которое диктует звук [i] следующим за ним словам, где осуществляется союз двух согласных [tp] (например: *lointaine qui appelait au temple l'homme*); [â] финала первого предложения (*champs*) переливается в [a] начало второго *appuyé*, которое, в свою очередь, рифмуется с *pieux*, а *contre* из цепочки *contre un tronc d'un arceau* откликается в *écoutais*. В третьем предложении звучание первой части упорядочено за счёт [s, m, r, t] (например: *frémissement, airain, portait, mon âme, innocence, mœurs, champêtres*), которые повторяются в конце: *des souvenirs de ma première enfance. Le calme*, объединяется с *la solitude* и одновременно рифмуясь, *le charme* продолжает звучать в *la délectable mélancolie* и т.д. Характерны и финальные звуки каждого предложения. Это либо гласная [a], либо слог с долгим носовым [â], либо полугласная [r], тоже требующая слоговой долготы. И действительно, из 114 абзацев, составляющих роман, 48 кончаются на гласный, 30 – на [r], 8 – на полугласный [l], 19 – на долгий слог типа *âme, feuillage* и только 9 абзацев завершается кратким слогом с конечным согласным. На нерасчленённость звукового потока в прозе Шатобриана указывает французский стилист Ив ле Ир. Приводя пример с предлогом *en*: *la voûte du ciel était fondue en une mer de diamants et de saphirs* («*Mémoires d'outretombe*»), он утверждает, что *dans* нёс бы идею конкретного пространства (*Dans est trop spécial*). *En* более расплывчат: он создаёт звуковой образ этого слияния (*suggère mieux cette assimilation*). Чтобы придать движению гармонически спокойный ритм (*un mouvement harmonieux apaisé*), существительное *côtes* чернового варианта заменено автором на *collines* [8, с. 161–162].

Шатобриан отказывается от резких концовок. Но ритм – это не только явление, протекающее во времени, но и «непосредственно ощущаемая нами упорядоченность, закономерность чередования различающихся между собой элементов [1, с. 117]. В основе упорядоченности шатобриановского ритма тот же принцип двумерности, который проявляется не только на семантическом, но и на структурном (количественном) уровне. В процитированном абзаце два обстоятельства времени и два обстоятельства места в первом предложении; силлабическая равновеликость двух синтаксических частей второго; двусоставность каждого из четырёх дополнений третьего *l'innocence / des mœurs; le calme / de la solitude; le charme / de la religion; la mélancolie / des souvenirs*. Четвёртое предложение целиком распадается на диады. В главном два определения у подлежащего (*quel cœur si mal fait*) и двучленное дополнение (*des cloches de son lieu natal, de ces cloches*). То же для четырёх придаточных относительных: два обстоятельства в первом (*de joie; sur son berceau*) и двусоставность каждого из прямых дополнений в остальных (*son avènement / à la vie; le battement / de son cœur*), причём в последнем идёт дальнейшее дробление на диадические пары:

la sainte allégresse de son père
ineffable / \ de sa mère
les douleurs et les joies

Финальный период включает два синтаксических единства – собственно предложение и приложение к подлежащему, разделённые двоеточием на две количественно уравнированные (по числу слогов) части. В первой из них главное и придаточное тоже равновелики. Приложение строится на основе триады, но внутри её то же диадическое расщепление (*et le berceau et la tombe*,

Такая двумерность диктует «волнообразный» ритм повествовательному «потoku». Доминирующая роль в его организации принадлежит распределению акцентных ударений, интервалы между которыми исчисляются, в основном, в двух или трёх слогах, реже – в четырёх и совсем редко – в пяти [8, с. 179]. Ив ле Ир считает даже, что понятие ритмических групп чуждо Шатобриану (*groupes rythmiques, notion étrangère à Chateaubriand*). О чём свидетельствует составленная учёным таблица распределения тонических элементов [там же, с. 180–181]. (См. в первом предложении: .../.../.../.../.../.../.../.../.../...).

2. Appuyé...	3. Chaque frémissement...	5. Tout se trouve...
... 3	 7	... 3
..... 6	 7	 7
..... 6	 7	... 3
... 3	 7	 7
	 7	 7
	 14	 7
	 6	 7

Весь звуковой и интонационно-синтаксический строй, данный в своём самом обобщённом виде в ритме шатобриановского повествования, перерастает в «дискретный символ», выражающий не только внутреннее бытие лирического героя, но и интенционально созданный мир поэзии, мир искусства, где царит гармония и красота (*Là, tout n'est qu'ordre et beauté*) [4, с. 58] – пристанище романтической личности, бегущей от реальности.

1. Бонди, С. М. О ритме / С. М. Бонди // Контекст-76. – Москва, 1977. – 208 с.
2. Дрогалина, Ж. А. Семантика ритма. Ритм как непосредственное вхождение в континдальный поток образов / Ж. А. Дрогалина, В. В. Налимов // Вероятностная модель языка : сб. тр. – Москва, 1979. – Р. 37–48.
3. Шетер, И. Романтизм: История и периодизация / И. Шетер // Европейский романтизм. – Москва : Наука, 1973. – 384 с.
4. Baudelaire, Ch. Invitation au voyage // Baudelaire Ch. Les Fleurs du Mal. – Paris: Garnier, 1961. – 113 p.

5. Clancier, G.-E. De Chenier à Baudelaire: Panorama poétique. Paris: Seghers, 1963. – 169 p.
6. Chateaubriand, F.-R. de. Préface de la première édition d'"Atala" // Chateaubriand. Atala. René. – Paris: Garnier-Flammarion, 1964. – 37 p.
7. Jeoffroy, M. Critique d'Atala // Chateaubriand F.R. de. Œuvres complètes. – Paris, 1826. – 138 p.
8. Yves, le Hir. Analyses stylistiques. – Paris: Collin, 1965. – 176 p.

УДК 070

Смагина А. А.

*магистрант Омского государственного
университета им. Ф. М. Достоевского по
направлению подготовки Новейшая
филология: практика работы с текстами,
г. Омск.*

*Науч. рук.: Феоктистова И. К., кандидат
филологических наук, доцент, Омский
государственный университет
им. Ф. М. Достоевского*

ЛЕГЕНДА О «СТОЯНИИ ЗОИ» В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

*Научная школа в области жанра – Владимира Яковлевича Проппа,
доктора филологических наук, профессора,
системы жанров – Ирины Константиновны Феоктистовой, кандидата филологических
наук, доцента, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского*

В статье рассматривается процесс бытования легенды о «Стоянии Зои». На основе сравнительного метода проведён анализ материалов СМИ. Выявлены этапы бытования легенды, на каждом из которых показана степень заинтересованности масс к ней.

Ключевые слова: СМИ, легенда, чудо, наказание грешника

Smagina A.

LEGEND OF «STANDING ZOYA» IN MASS MEDIA

This article considers the functioning legend of «Standing Zoya». An analysis based on comparative method of mass media materials was conducted. The existence stages of the legend are revealed, each of them shows extent of interest of masses in it.

Keywords: mass media, legend, miracle, sinner's punishment

Легенда о «Стоянии Зои» – якобы в новогоднюю ночь девушка Зоя совершила кощунственные действия с иконой Св. Николая Чудотворца (на вечеринке она попыталась пуститься в пляс с иконой, однако окаменела и простояла с образом в руках 128 дней вплоть до Пасхи) – первоначально формировалась в среде участников и очевидцев событий, происходивших в г. Куйбышеве (ныне Самара) с января по май 1956 г. Позднее начала развиваться история о покаянии грешницы.

В наших публикациях [6; 7] были рассмотрены начало формирования легенды и фольклорная основа романа Ю. Арабова «Чудо» [1], в основе сюжета которого лежит история Зои (в романе и одноименном фильме девушку именуют Татьяна / Танька). Настоящей статьёй мы показываем бытование легенды в среде СМИ, а именно, противоречащие друг другу подходы к тексту легенды со стороны с различных каналов и передач.

Около сорока лет легенда, которая распространялась в устной и письменной формах преимущественно в среде верующих, была известна в основном в городе, где свершилось Чудо нака-

зания и прощения грешницы. И только в постсоветский период история Зои получила известность за его пределами. Можно выделить следующие этапы бытования легенды:

I. Советский период. Зарождение легенды и попытки ее опровержения.

II. Постсоветский период.

1. Статьи в газете «Комсомольская правда».
2. Роман Ю. Арабова «Чудо» и одноименный фильм.
3. Освещение событий и предшествующих публикаций в СМИ.

Нами установлено, что уже в советский период действия местных партийных властей, направленные на опровержение истории об окаменевшей девушке, парадоксальным образом способствовали укреплению и распространению легенды. Первым шагом явилось установление оцепления вокруг дома, в котором с иконой в руках стояла Зоя; наряды милиции разгоняли толпу любопытствующих граждан. Затем была созвана внеочередная областная партконференция, где обсуждались религиозные волнения, по ее решению был опубликован фельетон, посвященный «позорному случаю» [2]. Очевидно, что в советский период (1956–1991 гг.) легенда бытовала в форме христианских меморатов (рассказов участников и очевидцев событий), «святых писем», о чем свидетельствуют материалы сборника Ю. М. Шеваренковой [4], а также официальных и литературных текстов-опровержений, которые лишь способствовали укреплению веры.

В постсоветский период наиболее яркими публикациями стали две статьи А. Полынского в газете «Комсомольская правда» (1997 г.). В них, по замечанию Ю. М. Шеваренковой, были изложены многие эпизоды устной легенды [4]. Кроме этих статей, в сборнике «Нижегородские христианские легенды» составитель опубликовала пять текстов письменного фольклора на данный сюжет [3]. Однако, поскольку издание предназначалось для специалистов, оно не оказало большого влияния на дальнейший процесс бытования легенды о Зое.

Новый этап интереса к истории об окаменевшей грешнице начался в 2009 г. с выхода романа Юрия Арабова «Чудо» и одноименного кинофильма режиссера А. Прошкина (по сценарию Ю. Арабова). В этом же году было опубликовано большое количество рецензий и отзывов о фильме и книге, затрагивающих, в том числе, вопросы православной веры. Ярким примером может послужить статья Константина Ерофеева с говорящим названием «Ахиней» [3], опубликованная на его официальном сайте. Автор статьи, адвокат по профессии, рассуждал о православных чудесах, неправомерности использования названия некоторых профессий в фильме и сетовал на расхождение фабулы фильма с православной легендой. Многие из обвинений К. Ерофеева были неуместными, ссылки на православную легенду не точны. Но именно такое отношение к фильму прочно закрепилось у носителей текста легенды как совершенно достоверная (хоть и с нелепыми огрешностями) экранизация фольклорного текста. Этап выхода в свет фильма и книги характеризуется большим количеством высказываний как от людей сведущих, так и далёких от легенды и православия. Понятия фольклорного текста и экранизации в них смешивались, что приводило или к негодованию, или к восторгу публики.

Начался этап максимального интереса СМИ к носителям фольклорного текста, к его экранизации, ко всем свидетелям и участникам событий января 1956 г. Не только местные телеканалы и издательства, но и федеральные начали активно снимать отдельные ролики и целые передачи. Рассмотрим последовательно следующие материалы: 1) «Каменная Зоя: правда или миф», НТВ (24 декабря 2013 г.); 2) «Каменная Зоя», ТВЦ (01 декабря 2016 г.); 3) «Окаменелая комсомолка. Чудеса под грифом секретно» Россия-1 (18 февраля 2016 г.).

Первый сюжет «Каменная Зоя: правда или миф» был показан в передаче «Дело тёмное» на телеканале НТВ. В основе передачи – обсуждение мнений специалистов или известных людей города, скептически настроенных и имеющих предвзятое личное отношение к теме. Единственным фактом, свидетельствующим о достоверности событий на улице Чкалова в 1956 г., был определен факт написания иконы на сюжет рассматриваемой легенды. Все остальное, озвученное на передаче, было призвано опровергнуть легенду: священник, участвующий в программе, утверждал, что Николай Чудотворец всегда только помогал, а не наказывал; местные историки-краеведы отметили, что, хотя считается, что Зоя Карнаухова трудилась на трубном заводе им. Масленникова в Куйбышеве, однако невозможно найти кого-либо, кто был бы знаком с нею лично. По мнению Кураба Кекелидзе (приглашённого специалиста в об-

ласти медицины), эффект «окаменения» мог быть следствием кататонического ступора, вызванного шизофренией. Актёр Вениамин Смехов и вовсе определил интерес людей к Чуду как массовый психоз. Таким образом, мнения специалистов, объясняющих случай, которого, по мнению редакции программы, заведомо не было, обнаруживают скептицизм, граничащий с желанием доказать недостоверность легенды. В сюжете чётко прослеживается мысль: «Не дайте себя обмануть».

Второй сюжет «Каменная Зоя» вышел в передаче с говорящим названием «Линия защиты» канала ТВЦ. Здесь не ставилась задача выяснения правдивости истории Зои и не было однозначной установки «против» со стороны авторов программы. Основными сюжетными линиями стали запросы в архив с целью выявления различных фактов; факты публикации фельетона «Дикий случай» (истории с поседевшим милиционером, который был на службе около дома, где произошло чудо); показания сотрудника госбезопасности, уверявшего, что в архивах КГБ «нет и никогда не было “Дела Зои”». С ними авторы телепередачи работали как над настоящим уголовным делом: озвучивались показания очевидцев, ставились криминалистические задачи и предлагались способы их решения. В расследовании редакторы поставили задачу рассмотреть все возможные аспекты дела. Однако его финал остался открытым, каждый зритель имел возможность сформировать своё мнение по поводу приведённых аргументов и контраргументов.

В третьем сюжете «Окаменелая комсомолка. Чудеса под грифом "секретно"» передачи «Прямой эфир» с самого начала зрители в зале и участники обсуждения («очевидцы») были настроены на истинность любых звучащих историй. Тема достоверности / недостоверности истории Зои была только намечена. Цель передачи состояла не в изучении проблемы достоверности и не в поиске архивных подтверждений, но на первый план была выдвинута религиозная сторона легенды. В студии звучали рассуждения о чуде, благе, вере, церкви, грехе и милости. В ходе передачи были приведены истории многих очевидцев и людей, так или иначе связанных с историей Зои. В них мы видим чёткие послы: история Зои достоверна, есть очевидцы. Интересен момент, последовавший после того, как один из зрителей озвучил свои сомнения по поводу реальности произошедшего с Зоей: как только он произнес фразу о невозможности чуда, обрушилась часть декораций. Тем самым актуализировался посыл: «Да, чудо было, чудес на свете много».

Важным моментом функционирования легенды является публикация статьи «"Окаменевшая Зоя": самый страшный "религиозный" случай в СССР» на сайте «Российский туризм» [5]. Само заглавие отсылает нас к газете «Волжская коммуна», позволяет вспомнить фельетон по поводу «дикого случая» [2]. В качестве иллюстрации приведен кадр из фильма А. Прошкина «Чудо». Статья разделена на три части: «Грешница и монах», «А была ли Зоя?», «Память о Зоином стоянии». В первой части повторяется уже известный текст легенды с мелкими бытовыми подробностями и визуальными эффектами, которые были озвучены в передачах и медиаматериалах в предыдущие годы. Сомнения в правдивости истории призвана вызывать версия с Клавдией Болонкиной, её сыном и монашкой, которая бросила грозное слово в группу танцующих девушек: «За такой грех обернешься ты соляным столбом!». Во второй части «А была ли Зоя?» цитируются слова первого секретаря Куйбышевского обкома КПСС, указывается отсутствие архивных данных в отношении рождения Зои, приводится смелая версия о воцерковлённой женщине, отождествлявшей себя с окаменевшей девушкой, «вот ее-то и прозвали «каменной Зоей»». В заключительной части «Память о Зоином стоянии» читателя знакомят со ссылками на подобные материалы по этой теме. Можно прийти к выводу, что эта статья является вторичным журналистским текстом, компиляцией. Однако, следует обратить внимание на особую подборку фактов, по сути своей нейтральных, не высмеивающих, не пытающихся доказать или опровергнуть, но и свойства и характеристики эпохи не раскрывающих. По всей вероятности, эта и другие подобные статьи и передачи можно рассматривать как один из маркеров, показывающих тенденцию к интеграции межпредметных знаний, применимых к тематике «Стояния Зои».

Интересен документальный проект «Засекреченные списки» канала РЕН-ТВ, в который входит сюжет «Разрыв шаблона: 7 явлений, которых не может быть!» от 20 мая 2017 г. В последнем прослеживается интеграция визуальных, исторических элементов и вариантов текстов легенды в единое непротиворечивое повествование. Интересным примером интеграции является, на наш взгляд, появление новых исторических (или псевдоисторических) связей как свидетельств продуктивности мифологизированного сознания.

Таким образом, информационно-развлекательный контент программы или передачи, посвященной легенде о Зое, зависит от политики канала и желания донести до зрителей информацию под определённым углом, что приводит к разночтениям и даже новым вариантам события, произошедшего на улице Чкалова в 1956 году.

Литература:

1. Арабов, Ю. Чудо [Текст] / Ю. Арабов. – Москва, 2009. – 221 с.
2. Валерий Ерофеев. Историческая Самара : [сайт] / Историческая Самара. – [Б.м., б.и.], сор. 2014–2018. – URL: <http://xn---7sbbaazuatxpyidedi7gqh.xn--p1ai/>. – Проверено: 05.10.2018.
3. Ерофеев Константин Борисович. Адвокат : [сайт]. – URL: <http://www.advokaterofeev.ru/>. – Проверено: 05.10.2018.
4. Нижегородские христианские легенды [Текст] : сб. нар. христиан. легенд / сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Шеваренковой. – Нижний Новгород, 1998. – 168 с.
5. Российский туризм : [сайт] / Информ. портал «Российский туризм». – [Б.м., б.и.], 2017. – URL: <http://russiantourism.ru/>. – Проверено: 05.10.2018.
6. Смагина, А. А. Интерпретация «Легенды о стоянии Зои» на материале телепередачи «На самом деле» [Текст] / А. А. Смагина // Молодёжь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. / [отв. ред. С. В. Белым]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2016. – С. 132–137.
7. Смагина, А. А. Фольклорная основа Юрия Арабова «Чудо» [Текст] / А. А. Смагина // Литературоведение : материалы 56-й Междунар. студ. конф. 22–27 апр. 2018 г. / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2018. – С. 69–70.

УДК 791.43

Худякова О. Д.

*студентка Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета, направле-
ние подготовки Педагогическое
образование, профиль Русский язык и
литература, г. Челябинск*

*Науч. рук.: Стрелец Л. И., кандидат
педагогических наук, доцент, Южно-
Уральский государственный гуманитарно-
педагогический университет, г. Челябинск*

РОЛЬ КИНЕМАТОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ В РАЗВИТИИ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ И АКТИВИЗАЦИИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ИНТЕРЕСА (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ФИЛЬМА С. А. СОЛОВЬЕВА «СТО ДНЕЙ ПОСЛЕ ДЕТСТВА», 1975)*

***Методическая научная школа Рида Федоровича Брандесова,
кандидата педагогических наук,
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет***

В статье предлагается включить в процесс изучения творчества М. Ю. Лермонтова в 9-м классе работу с художественным фильмом С. Соловьева «Сто дней после детства» (1975). Предложены разработанные вопросы-задания, призванные проблематизировать изучение романа «Герой нашего времени» и драмы «Маскарад», развить интерпретационные способности учащихся и активизировать читательский интерес.
Ключевые слова: М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», «Маскарад», читательский интерес, киноэкранизация

* Автор выражает благодарность руководителю проекта «Уроки этики средствами кино» киноклуба «Зеркало» (г. Златоуст) к. ф. н. И. С. Ликинской за организацию системы альтернативных показов фильмов высокого художественного качества для школьников.

**THE ROLE OF THE CINEMATOGRAPHIC PICTURE IN THE DEVELOPMENT
OF STUDENTS' INTERPRETATIVE ABILITIES AND ENHANCE
THE READER'S INTEREST (ON THE MATERIAL OF THE FILM S. A. SOLOVYOV
"ONE HUNDRED DAYS AFTER CHILDHOOD", 1975)**

The article proposes to include in the process of studying the creativity of M. Lermontov in the 9th grade work with the feature film by S. Solovyov "One Hundred Days After Childhood" (1975). The proposed questions-tasks, designed to problematize the study of the novel "The Hero of Our Time" and the drama "Masquerade", to develop students' interpretative abilities and enhance reader interest are proposed.

Keywords: M. Lermontov, "The Hero of Our Time", "Masquerade", reader interest, screen version of the book

Вопрос чтения был и остается насущным и животрепещущим для школьного образования. Речь идет прежде всего о чтении классики, к которой у современных школьников напряженное отношение. Многочисленные литературные герои кажутся далекими и шаблонными, литературные типажи – оторванными от реальности, их характеристики – «общими местами». Методика преподавания литературы предлагает систему приемов, позволяющих заинтересовать и активизировать работу ученика как читателя. Включение в процесс изучения литературного произведения его киноэкранизации – один из них [3]. Учащиеся на основе сопоставления, системы вопросов и заданий к киноэкранизации учатся анализировать, интерпретировать художественное произведение как литературное, так и кинематографическое, объяснять композиционные, стилевые и другие особенности программного произведения, осознавать мировоззренческие, нравственно-эстетические особенности творчества писателя [3].

В нашей статье мы будем говорить о роли кинематографической картины в развитии интерпретационных способностей учащихся и активизации читательского интереса. В качестве иллюстрации наших положений приведем фильм советского и российского кинорежиссера, сценариста, продюсера и педагога Сергея Александровича Соловьева «Сто дней после детства» (1975). По словам кинокритика Александра Липкова, «началом пути режиссера (прим. С.А. Соловьева) в искусстве стала русская классика <...> Соловьев пуповиной приращен к ней <...> Все первые работы в кино – экранизации. Новеллы «От нечего делать» и «Предложение» по Чехову, фильм «Егор Булычов» по Горькому, «Станционный смотритель» по Пушкину. Потом картина о современности «Сто дней после детства», но весь мир чувств советских пионеров поверяется классикой» [6].

Тонкая, лиричная и удивительно красивая картина С. Соловьева в дуэте с автором сценария А. Александровым не является экранизацией в привычном её понимании как интерпретации средствами кино литературных произведений, по преимуществу классических. Но «книжная» одухотворенность, поэтическая атмосфера и тональность истории о жизни подростков в пионерском лагере позволяет говорить о картине как о экранизации жизни классики русской литературы в современном мире. Классика для Соловьева, как и для большого художника – дело живое, очень личное, открывающееся не в копировании хрестоматийных образов, а в духовном сотворчестве, в постижении великого наследия на основе собственного опыта, личного и художнического [6].

Настоящее, сиюминутное всегда разворачивается на фоне Вечного. Наша задача – слышать, разглядеть это Вечное присутствие в повседневности [4]. Герои фильма Соловьева проживают и пропускают через себя «вечные мотивы», сопутствующие молодому человеку, вступающему во взрослую жизнь: трудный возраст, первая любовь, мучительность переживаний, предательство, неразделенность чувств, одиночество, открытие нравственных основ, общечеловеческих духовных ценностей. Отражение своих чувств главный герой находит в произведениях М. Ю. Лермонтова. Почему же именно творчество Лермонтова – не Фета, не Блока – становится для Мити Лопухина очень личным переживанием, волнующим открытием духовного мира и как оно оживает спустя более полутора лет в жизни простого школьника? Поиск ответа на этот вопрос и будет определять стратегию работы с кинокартиной С. Соловьева.

Авторы учебно-методического комплекта «Литература. 9 класс» под ред. И. Н. Сухих предлагают изучение творчества М. Ю. Лермонтова начинать с просмотра фрагмента фильма «Сто дней после детства» (1975) эпизод «Кто есть кто? Первый день» [1]. В своей статье мы предлагаем расширить работу с кинокартиной на уроках изучения творчества М. Ю. Лермонтова в 9-м классе. Разработанные нами вопросы-задания призваны проблематизировать изучение романа «Герой нашего времени» и драмы «Маскарад», развить интерпретационные способности учащихся, приобщить молодое поколение к достижениям отечественного кинематографа, воспитывать нравственную культуру, эстетический вкус. Методическая форма проведения данного занятия – проблемная лекция с элементами лабораторной работы.

Предваряет занятие просмотр фильма «Сто дней после детства» (1975). На следующем уроке предметом разговора становится анализ кинофильма в аспекте его взаимосвязи с творчеством Лермонтова.

Учитель обращает внимание учащихся на необычное место действия. Лирическая, поэтическая атмосфера картины задается самой романтической обстановкой летнего пионерского лагеря, расположенного в старинной графской усадьбе XIX в. «Стены которой, так сказать, обязывают». – говорится в фильме. В первой новелле «Кто есть кто?» знакомясь с главным героем, Митей Лопухиным, вожатый Сережа цитирует строки из стихотворения «К друзьям» (1829) Лермонтова:

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть,
А подчас и за бутылкой
Быстро время проводить [5, с. 68].

Четырнадцатилетний парень, весельчак и душа компании, Митя Лопухин не видит ничего интересного в этих строчках, написанных тоже когда-то юным Лермонтовым: «Чего же замечательного в этих стишках? Про бутылку какую-то, я тоже так могу». Вожатый, как бы предвидя будущие события в душевной жизни юноши, вновь обращается к классике:

В коляску сел, дорогой скучной,
Закрывшись в плащ, он поскакал;
А колокольчик однозвучный
Звенел, звенел и пропадал! [5, с. 69–70].

«А здесь ему уже пятнадцать – колоссальная разница, верно? – Я не нахожу». Душевный перелом взросления лирического героя Лермонтова ещё непонятен главному герою по прозвищу Лопух.

Следующим шагом соприкосновения с классикой становится незначительный, казалось бы, случай: уже сбитый с ног солнечным ударом, зноем настигшей его любви, (Новелла «Солнечный удар» – прямая отсылка к одноименному рассказу И. А. Бунина) Митя видит репродукцию портрета молодого корнета Лермонтова в расстёгнутом ментике с золотыми шнурками кисти П. Е. Заболотского (1837). Тонкой лестью обостренному самолюбию подростка звучит фраза мальчишки: «Слушай, а он на тебя похож! <...> Или он на тебя, или ты на него, но похожи!». Отныне отклик на свои душевные переживания Митя Лопухин ищет и находит в творчестве этого поэта с открытым юношеским лицом и не по возрасту глубоким грустным взглядом.

В своей замечательной книге «Печорин и наше время» педагог Наталья Долинина, как нам кажется, удивительно тонко и точно объясняет этот интерес к личности и творчеству Лермонтова: «Пятнадцатилетний читатель откликается всей душой: «Да, и я создал, и у меня так же, но я не умею сказать об этом, – ОН сказал за меня» [2, с. 176]. Мир детства остался позади, влюбленному юноше невозможно объяснить свои переживания привычными стертыми будничными словами и тогда на помощь ему приходит язык высокой классики. Как отмечает кинокритик Евгений Марголит, «без лермонтовского слова мальчик продолжает ходить с кличкой Лопух. Но как только в дело вступает лермонтовский «Маскарад» мы узнаем: эта старая дворянская фамилия Лопухин. И вот уже он преображается вместе с преображающимся миром» [4].

Здесь следует заострить внимание ребят на проблеме жизни лермонтовского романа «Герой нашего времени» в ткани кинокартины С. Соловьева. Так формулируется первое индивидуальное опережающее задание:

Задание 1. Почему при чтении романа «Герой нашего времени» при столь яркой неординарной загадочной и тайно привлекательной для юношеского максимализма личности Печорина Митя Лопухин выбирает себе в качестве «литературного друга» доктора Вернера?

Первым ответом может стать прямая цитата из фильма – сцена, когда главный герой читает фрагмент романа и те строки, на которые указывает нам режиссер и автор сценария: «...Вернер был худ и слаб, как ребенок <...> Женщины обыкновенно влюблялись в таких людей до безумия...» [9], то есть Митя находит в образе Вернера, поведении героя тот «рецепт», который нужен для того, чтобы влюбиться в себя девушку. Однако возникает некое противоречие: на протяжении чтения романа мы рассматривали множество любовных побед Печорина (линии Печорин – Бэла, Печорин – княжна Мэри, Печорин – Вера) и можем сказать, что он нравится женщинам ничуть не меньше, а может быть и больше своего товарища Вернера. Возможным снятием противоречия становится мысль о том, что главному герою, живущему более чем через сто лет, непонятна и не близка трагедия Героя. Митя, в отличие от Печорина, может любить чисто, искренне и чувство к Лене не рассматривает как интрижку.

«Вернер был хромой» – подмечает главный герой и решается создать вокруг себя романтический ореол несчастного страдальца, накладывая на ногу гипс. С анализом поведения главного героя связано второе задание:

Задание 2. Для чего Митя Лопухин хочет быть похож на «осеннюю птицу подранка», в то время как он мог бы, оставаясь собой и не играя в мизантропа, начать ухаживать за Леной Ерголиной?

Ответ на этот вопрос не сложен: Митя знает, что Лена любит Глеба Лунева и вряд ли ответит ему взаимностью, и потому немим укором их счастьем всячески пытается привлечь внимание к своим страданиям (например, отстраненное поведение на вечере танцев, когда герой наблюдает за танцующими и отпускает едкие комментарии). Объяснение такому поведению можно найти и в подростковой психологии: в период взросления хочется быть гордым и одиноким, страдать, быть отвергнутым, в этой юной жажде жизни, постижении ещё не известных чувств даже горести, душевные бури выглядят привлекательными.

Развитие лермонтовской темы продолжается в последующих эпизодах-новеллах. С анализом взаимосвязи сюжета фильма и драмы «Маскарад» связано третье опережающее задание:

Задание 3. Как драма Лермонтова «Маскарад» связана с историей любви Мити Лопухина, какую роль она играет в фильме?

Шестая и седьмая киноновеллы «Маскарад» в контексте фильма несут дополнительное значение: отныне герои выражают свои чувства от лица литературной маски, становятся сами на позиции литературных героев. Митя Лопухин – гордого, одинокого, отчаявшегося Арбенина, который последнюю свою надежду видит в любви. Лена Ерголина преображается в Нину, олицетворение божественной гармонии для Арбенина. Однако Лена, как и её литературный прототип, боится заглянуть в душу Мити. Любовь для Лены – реальная, бытовая жизнь, умный и представительный Глеб Лунев. Для Мити же это первое, священное и болезненно неразделенное чувство: вспомним эпизод, когда Митя читает за Глеба монолог Арбенина и защищает своего героя перед нападками Глеба-Звездича, которому не понятна трагедия героя: «— Он её просто любит, Лунев. — Но не до такой же степени! — До такой. <...> Вот и все. Жутко любит, до смерти».

Двенадцатая новелла завершает превращение Мити в Арбенина: слово героя драмы М. Ю. Лермонтова становится словом Мити Лопухина. Как и герой Лермонтова, четырнадцатилетний юноша решает для себя вечные проблемы: трагическая любовь, предательство, долг. Признание своего избранничества приводит Арбенина к трагической ошибке: возлагая на себя право вершить высшее наказание, он губит невинную жену. Гордость и игра в отвергнутого страдальца не дают главному герою фильма увидеть, что и он тоже тайно горячо и искренне любим. В финале мы слышим неожиданное признание Соли Загребуминой: «Потому что я люблю тебя больше всех на свете...эх ты, недотепа...».

Необыкновенно мудр финал фильма: «Давай мы с тобой просто запомним это лето, просто запомним и все». Некоторым критикам он показался неправдоподобным и натянутым [7]. Poleмичный финал требует размышления над его конкретным смысловым наполнением. Направляет анализ следующее задание:

Задание 4. *Как вы понимаете заключительные слова главного героя: «Помнишь, Сережа сказал, что надо смотреть на Джоконду долго, запомнить её всю и потом носить с собой целую жизнь, и тогда все будет хорошо. И нам ведь друг от друга ничего не надо, ведь верно? Давай мы с тобой просто запомним это лето, просто запомним и все».*

В ходе выполнения задания ученики предлагают свое объяснение финала кинофильма. Приведем нашу точку зрения: прекрасный, глубокий и мудрый финал снимает пафос юношеского максимализма. Гордость, непримиримость лермонтовских героев уступает позиции мудрой правде жизни. В любви не так важно быть победителем, гораздо важнее чисто и глубоко лично пережить это светлое чувство и пронести память о нем через всю жизнь. О том же писал в своей умной и тонкой статье «100 дней после детства» Р. Юренев: «Прикосновение к Прекрасному – дело нешуточной ответственности. Повысив требование к окружающему и к себе, можно войти в роковое столкновение с жизнью. Но такое прикосновение необходимо. Трудное испытание очищает и возвышает человека» [8].

Мы убеждены, что включение в процесс изучения творчества М. Ю. Лермонтова в 9 классе кинокартины С. А. Соловьева «Сто дней после детства» (1975) позволяет сделать ученика активным участником процесса постижения литературного произведения, заинтересованным творческим читателем и чутким, умным зрителем.

Литература:

1. Белокурова, С. П. Современный учебно-методический комплект: новые подходы к обучению и новые возможности (литература 9 класс) [Текст] / С. П. Белокурова, Т. И. Зазнобина // Мир русского слова. – 2014. – № 1. – С. 86–93.
2. Долинина, Н. Г. Герои разного времени [Текст] / Н. Г. Долинина. – Санкт-Петербург : ГРИФ, 2016. – 376 с.
3. Елясина, Е. А. Роль киноэкранизации произведений в развитии интерпретационных способностей учащихся 5-9-х классов [Текст] / Е. А. Елясина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 33. – С. 327–330.
4. КУЛЬТУРА.РФ 100 лекций для школьников. История отечественного кино для школьников [Электронный ресурс] // КультураРФ : [сайт]. – URL: <https://www.culture.ru/movies/3124/sto-dnei-posle-detstva-sergei-solov-ev-1975>. – Дата обращения: 25.08.2018.
5. Лермонтов, М. Ю. Полное собрание стихотворений. В 2 т. [Текст] / М. Ю. Лермонтов. – Ленинград : Совет. писатель. Ленинград. отд-ние, 1989. – Т. 1. Стихотворения и драмы. 1828–1836. – 680 с.
6. Липков, А. Сергей Соловьев «Странный Тургенев» Метафизика любви. Размышления на полях [Электронный ресурс] / А. Липков // Искусство кино. – 1998. – № 10. – URL: <http://kinoart.ru/archive/1998/10/n10-article1>. – Дата обращения: 25.08.2018.
7. Соловейчик, С. Жестокий, мучительный, нежный, упрямый, чудесный возраст [Текст] / С. Соловейчик // Советский экран. – 1975. – № 12. – С. 18–19.
8. Юренев, Р. Н. Заботы о духовности [Текст] / Р. Н. Юренев // Искусство кино. – 1983. – № 4. – С. 41–49.

Селютина Е. А.

*кандидат филологических наук, доцент,
Челябинский государственный институт
культуры*

Шаршина Ю. Н.

*студентка Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Менеджмент социально-
культурной деятельности*

Лихватских Т. С.

*студентка Челябинского государственного
института культуры по направлению
подготовки Менеджмент социально-
культурной деятельности.*

*Науч. рук. Селютина Е. А., кандидат
филологических наук, доцент, Челябинский
государственный институт культуры*

КАРТИНА МИРА СЕРИАЛА «МИР ДИКОГО ЗАПАДА»: СЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

*Структурно-типологическая школа Наума Лазаревича Лейдермана,
доктора филологических наук, профессора,
Уральский государственный педагогический университет*

В статье анализируются наиболее значимые составляющие картины мира сериала «Мир Дикого запада» (пространство и время). Сериал сочетает в себе традиции вестерна и научной фантастики. Авторы приходят к выводу, что картина мира показывает динамику морали современной цивилизации, прогнозирует этику будущего.

Ключевые слова: семиотика, сериал, аксиология, Westworld, вестерн, научная фантастика, антиутопия

**Selyutina E.,
Sharshina Iu.,
Lihvatskih T.**

PICTURE OF THE WORLD OF THE «WESTWORLD» SERIES: A SEMIOTIC APPROACH

Analyzes the most significant components of the picture of the world of the series - space and time, because it is they who in the artistic text create the basis for a semiotic approach. "Westworld" combines traditions of westerns and science fiction. The authors come to the conclusion that the picture of the world of the series shows the dynamics of the morality of modern civilization over two hundred years, predicts the value problems of the future.

Keywords: semiotics, serial, axiology, "Westworld", western, science fiction, dystopia

Американская компания HBO в 2016 г. выпустила сериал «Мир Дикого запада» («Westworld»; режиссер Д. Нолан, сценаристы Л. Джой, Д. Нолан), который, на наш взгляд, является интересным примером сочетания многих тенденций культуры повседневности (выпущены первый и второй сезоны, сериал продлен на третий). Несомненная популярность этого телепродукта говорит о том, что он ответил на ценностные запросы современного зрителя и в области

формы (это «длинная история», «роман в кино»), и в области содержания: в сериале повествуется о роботах-андроидах, вышедших из-под контроля человека, что приводит к пересмотру многих традиционных гуманистических установок, и можно говорить о нем как о проекции многих социальных страхов, порожденных обществом информации и удивительным развитием технологий, в том числе и о страхе перед будущим. Как заявляет исполнительный продюсер сериала Дж. Дж. Абрамс (режиссер современных фильмов «Звездные войны: пробуждение силы», «Миссия невыполнима-3» и т.д.): «В фильме рассматриваются эмоции и то, как мы реагируем, если что-то случается с нашими самыми глубинными страхами и увлечениями» [1]. Основная идея сериала для него – обличение жестокости человека в условиях абсолютной вседозволенности. Но подобная идея уже интерпретировалась в фильме «Мир Дикого запада», снятом в 1973 г. режиссером Майклом Крайтоном. Идея захвата современного мира роботами-андроидами показала мир будущего, где жестокость людей обернулась против них. Значит ли это, что перед нами ремейк? Совершенно нет. Иные технические возможности, иной момент современности (семидесятые годы XX в. отличаются от десятых годов XXI в.) показали нам другие перспективы известного сюжета: сериал отличается глубинная и многоплановая манера повествования, сценарист взглянул на парк глазами не туристов, а андроидов. Та задача, которую представляют в интервью создатели сериала, не исчерпывает его проблемный уровень. Для того чтобы показать это, необходимо выйти на уровень осмысления картины мира данного кинотекста.

В научный оборот термин «картина мира» был введен Б. С. Мейлахом [5]. В исследованиях Л. П. Груниной, Вяч. Вс. Иванова, Ю. М. Лотмана, М. М. Бахтина, Д. Фрэнка картина мира понимается как сумма представлений человека о физических и ценностных координатах развертки действия. Для нас важно, что именно зримый мир сериала «Мир Дикого запада», его картина мира позволяют говорить о желаниях современного общества, опыте, который они готовы пережить. Мы пользуемся структурно-семиотическим подходом к явлениям культуры, т.к. уже доказано, что текст литературный и кинотекст имеют генетическое родство [4].

«Мир Дикого запада», если судить по первой серии 1-го сезона – это классический полномасштабный вестерн, традиция которого развита в США. Но как только мы понимаем, что перед нами роботы, очевидно, что «кино о ковбоях» сталкивается с научной фантастикой, а значит, должна измениться проблематика и поэтика его художественного мира. Кроме того, во 2-ом сезоне авторы показывают нам миры, связанные с экспансией европейцев в Азию: перед нами Индия времен колониализма и Япония сегунов. Действие происходит в неопределенном будущем: доктор Роберт Форд создаёт гигантский парк развлечений, в котором гости парка могут с головой погрузиться в сеттинг – среду, в которой происходят действия, и испытать на себе всю полноту присутствия в мире до технического прогресса, так как роли представителей местного населения исполняют максимально реалистичные андроиды, они ведут себя как люди и считают себя людьми, а мир вокруг них реальным, соответственно, посетители парка имеют полное право без зазрения совести насиловать, грабить и убивать их. Таким образом, мы имеем дело как минимум с двумя полярными точками отсчета: мир андроидов из парков развлечений соотносится с прошлым, а его изобретение людьми – с будущим. И здесь мы можем увидеть, что элементы поэтики в сериале будут существенно отличаться при переходе от одного плана к другому.

Согласно работе Ю. Лотмана «Художественное пространство в прозе Гоголя», сюжет литературного произведения обычно развивается в пределах одного локального континуума, так как читательское восприятие стремится отождествить его с реальными локусами [3]. В художественном произведении пространство моделирует разные связи картины мира: временные, социальные, этические и тому подобные. Так, в «Мире дикого запада» художественное пространство представлено двумя основными локусами: сам парк и лаборатория. И если задача эмуляции – копировать реальность вестерна (а во 2-ом сезоне и новых пространств), то в лаборатории создаются все возможные для этого условия. Пространства, как мы показали выше, противопоставлены друг другу: они максимально дистанцированы как по своему размещению, так и по внутренней атмосфере. Ничто в парке не намекает на его бутафорию, персонажи действуют максимально реалистично и логично для себя и гостей. И наоборот, кадры из лаборатории постоянно демонстрируют

процесс создания и настройки андроидов, стремясь напомнить зрителю о том, насколько нереальна окружающая действительность. Важную роль в данном случае играют световые и цветовые решения. Свет в парке естественный, в то время как лаборатория подсвечена искусственно, так же и с цветами: песочные, природные, натуральные оттенки в выдуманной реальности контрастируют с фантастически белоснежными цветами в том мире, который принято считать настоящим.

Кроме того, несмотря на симуляцию, мир парка развлечений – открытое пространство, используются длинные панорамные планы, мир показан нам не только как видение отдельных персонажей, но и с «высоты птичьего полета». Неслучайно Долорес и Тедди уже в 1-ой серии мечтают о путешествии сквозь эти бескрайние просторы. Напротив, люди, обслуживающие парк, помещены в прозрачные стеклянные клетки, одинаковые, где все стремится к унификации, а большинство сотрудников носят «прозоодежду». Авторы телесериала намеренно создают противоречие между ограниченностью мира людей и безграничными возможностями андроидов. И лишь когда мы видим интерактивную управляемую карту местности, это противоречие снимается: техники и управляющие показаны как боги, предъявлен истинный масштаб событий. Абсолютная похожесть андроидов на нас создает дискомфорт зрителю, оценивающему мир через призму гуманизма: роботы, хоть и не настоящие, мечтают о будущем, которого лишают их люди – каждый их день должен быть похож на предыдущий. И хотя тип пространства предполагает развитие категории темпоральности, изначально у зрителя создается ощущение, что развитие сюжета пути здесь невозможно.

Играя с пространственно-временными характеристиками, создатели сериала вводят зрителя в заблуждение и меняют его восприятие многих прогнозируемых сюжетных линий. Заставляя считать исход событий предопределенным, они оставляют зрителя в неведении об истинном положении вещей. Мир, созданный режиссером Ноланом, в полном смысле мозаика. Как мы уже писали выше, общая картина мира сериала, изначально тяготеющая к панорамности, сменяется локальными картинками, связанными с локусами отдельных персонажей. И понять замысел авторов можно только представляя функции героев в сюжете. Так, например, Долорес, чья роль изначально «жертва», покидает свое ранчо и отправляется в путь, очевидно меняя характеристики в соответствии с метафорой «жизненного пути». И в финале 1-ого сезона она уже предводительница восставших машин, а в финале второго – единственный носитель будущего для них в новом пространстве мира людей. Или, например, до последней серии 2-ого сезона мы не догадываемся, что Уильям, выбирающий белую шляпу в начале 2-ой серии 1-ого сезона – «человек в черном» в финале 1-ого сезона, ищущий центр лабиринта, а также робот-андроид, которого спасают люди и, вероятно, именно он будет главным антагонистом и в 3-ем сезоне.

Помимо основной временной оппозиции, прошлое-будущее авторы выстраивают сложные отношения со временем для каждого персонажа. Самый яркий пример – Роберт Форд, создатель парка, который запланировал его как удивительное развлечение, а затем, поняв, что в парке собирают данные ДНК и анализируют поведенческие паттерны всех, кто в нем был хоть раз, решил уничтожить мир Дикого запада путем восстания роботов. В сериале мы видим Роберта в прошлом, создающего демоверсию проекта, Роберта в условном настоящем сериала и Роберта в будущем, уже в виде проекции в сознании робота-андроида Бернарда. Как мы полагаем, это сделано сознательно: персонажу дается шанс переосмыслить свою роль как Творца, проанализировать ошибки и, самое главное, показать, что люди, посещающие парк развлечений, не становятся лучше и этому необходимо положить конец. Судьба Роберта может быть проанализирована как метафора движения человечества от увлечения мыслящими машинами, до глобального страха перед контролируемым техническим прогрессом. И если все останется неизменным, мир ждет глобальная катастрофа, показанная в финальной серии 2-го сезона.

Соединив характеристики времени и пространства, М. Бахтин предложил понятие «хронотоп» (существенная взаимосвязь времени и пространства в художественном тексте) [2, с. 278], который для него является ведущим носителем жанра в литературе. В «Мире Дикого запада» время показано с переходами от одной сюжетной линии к другой, которые при этом развиваются, не пересекаясь друг с другом. Хронотоп напрямую соединен с художественным образом, его кон-

станты зависят от принадлежности персонажа к салуну (Мэйв), мексиканскому городку (Эль Лазо) или племени индейцев (Акане), они определяют последовательность в разных временных отрезках. Но если в пилотной серии временная линия не рвалась, даже начальная и конечная сцена происходят в последовательности, то затем мозаичная дискретность становится ведущим художественным приемом. Так как человек, который ведет допрос, говорит, что Долорес – самый старый представитель андроидов в парке, а подобные беседы происходят после каждого сбоя или профилактики андроидов, можно говорить о цикличности времени андроидов и классическом течении времени для людей. Для андроидов время идет так же, как и для людей, просто каждый новый день они «рождаются» заново, с определенной точки в воспоминаниях, заранее заданной разработчиками сюжетов. Однако представленное линейное развитие является лишь иллюзией, как для героев, так и для зрителя. В последней серии первого сезона выясняется, что путешествие Уильяма, Логана и Долорес, показанное в предыдущих сериях, происходило за тридцать лет до остальных описываемых в сериале событий.

Очень важный момент, на наш взгляд – выбор общей концепции трех миров в сериале. Британская Индия, японский сегунат и Дикий запад выбраны неслучайно. Все миры отсылают нас к времени, когда были иными нормы морали, и общество с большим спокойствием относилось к их нарушению. Причины для этого были различными. Жестокость и первобытность мира Дикого запада позволяла осваивать новые территории и ресурсы, и это позволило Америке стать одним из ведущих мировых государств. Отсутствие толерантности к представителям Индии и всего этого региона, расизм изменили карту мира и сделали Англию страной, «где никогда не заходит солнце». А средневековая Япония в массовом сознании настолько кровава и не подчиняется логике западного человека, что и в XX веке мифологизируется как прекрасное время феодальных иерархических и понятных взаимосвязей в социуме. Но люди, попадающие в эти миры, с удовольствием изменяют нормам современной морали, что, как нам кажется, заставляет задуматься о том, насколько непрочны те социальные законы, по которым современное общество существует. Сериал не столько реконструирует прошлое, сколько является зеркалом для картины мира настоящего.

Литература:

1. Абрамс, Дж. Дж. Мир дикого Запада. Westworld. За кадром [Видеофильм] / Дж. Дж. Абрамс // YouTube : [сайт]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3BevePg4sMU&feature=youtu.be/>. – Проверено: 11.10.2018.
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – Москва : Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
3. Лотман, Ю. М. Проблема художественного пространства в прозе Гоголя / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. – Таллин : Александра, 1993. – Т. I. – С. 413–447.
4. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.
5. Мейлах, Б. С. Философия искусства и художественная картина мира / Б. С. Мейлах // Вопросы философии. – 1983. – № 7. – С. 116–125.

*доктор педагогических наук, профессор,
Армянский государственный
педагогический университет им. Х.
Абовяна, г. Ереван, Республика Армения*

**МИХАИЛ МЕСРОПОВИЧ МИАНСАРЯНЦ –
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, БИБЛИОГРАФ, ВСЕМИРНЫЙ ГРАЖДАНИН**

*Научная школа Олега Павловича Коришунова,
доктора педагогических наук, профессора*

Статья посвящена жизни и деятельности военного и общественного деятеля XIX века, видного библиографа и кавказоведа, основоположника новой научной библиографии Михаила Месроповича Миансарянца (Миансарова).

Ключевые слова: библиограф, кавказовед, М. М. Миансарянц, М. Миансаров, история библиографии, Библиография Кавказа и Закавказья

Sukiasyan G.

**MICHAEL MESROPOVICH MIANSARJANC – STATESMAN,
BIBLIOGRAPHER, WORLD CITIZEN**

The article is devoted to a life and activity of the military and public figure of the 19th century, a prominent bibliographer and expert on the Caucasus, founder of new scientific bibliography of Mikhail Mesropovich Miansarjanca (Miansarova).

Keywords: Thermochemistry, bibliographer, researcher, Yerevan, Tiflis, M. M. Miansarjanca (Miansarov), book culture

Михаил Миансарянц (1830–1880) родился 2 ноября 1830 г. в Тифлисе. Его отец, Месроп, был уроженцем Еревана, дальним родственником католикоса Нерсеса V Аштаракеци (1770-1857), по предложению которого Месроп в 1820-е гг. переехал в Тифлис и построил двухэтажный дом напротив Ванского собора, назвав его «Миансарянц» [12, с. 57]. У Месропа Миансарянца было трое детей: Михаил (старший), Аршак (род. в 1841 г.) и Варвара (род. в 1845 г.). Михаил получил начальное образование в Нерсисянской школе Тифлиса, затем продолжил обучение в Лазаревской семинарии Москвы и на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета, по окончании которого получил степень кандидата юридических наук. Изъявив желание работать в военной области, М. Миансарянц во время Крымской войны 1853-1856 гг. поступил в Петербургское высшее военное кавалерийское училище, по окончании которого (в 1857 г. в звании поручика) работал в Тифлисе, например, в 1857–1860-х гг. – корреспондентом изданий «Мегу Айастани» («Пчела Армении»), «Кавказ» и «Юсисапайл» («Северное Сияние»). В то же время он развернул активную деятельность и на военном поприще (достиг звания подполковника), получив широкое признание в общественно-политических кругах. Не случайно в 1857 г., когда Михаил Лорис-Меликян (1825–1888) был назначен командующим войск в Абхазии, он выбрал именно М. Миансарянца на должность старшего адъютанта для сопровождения его в Константинополь в 1858 г. (по приглашению новоизбранного католикоса Матевоса (бывшего Патриарха Константинопольского) в Святой Эчмиадзин и участия в церемонии принятия сана). Весной 1859 г. Лорис-Меликян в сопровождении Миансарянца прибыли в Константинополь и удостоились у местной знати и армянства пышного приема и почестей. В свободное время Михаил Миансарянц постоянно посещал армянские школы и культурные заведения Константинополя,

дарил книги, общался с представителями общественных кругов, «оказывая повсюду большое влияние и оставляя хорошее впечатление» [11, с. 58].

В 1860-е гг. М. Миансарянц выезжал за границу, работал в библиотеках мхитаристов (венецианских, венских), знакомился с известными местными учеными. В Риме, Берлине, Константинополе, Париже, Лондоне и др. городах, проявляя постоянный интерес к армянской книге, составлял библиографические списки книг, имеющихся в местных публичных и частных библиотеках.

М. Миансарянц женился на Шушаник Агатонян, у них было двое детей, Арам и Элизабет. М. Миансарянц оставался в Тифлисе до конца 1862 г., затем в 1863 г. переехал в г. Вильнюс (Литва) и уже в 1864 г. перевелся в Санкт-Петербург, где жил до конца своих дней (1880 г.). Степан Малхасянц в статье по случаю смерти М. Миансарянца написал: «У него с детских лет и до последнего дыхания была свободная душа и свободные взгляды: он был в высшей степени человеколюбивым, был всемирным гражданином (*подчеркнуто Г.С.*), его широтой пользовались все нуждающиеся, не было ни дня, чтобы он не думал о любимом народе» [9, с. 79].

Михаил Миансарянц прожил всего 50 лет, но за свою короткую жизнь он создал богатое литературное наследие, заслуживающее высокой оценки. В его общественной деятельности центральное место занимали вопросы образования, воспитания, создания и развития национальной школы. В истории армянской педагогической литературы занимают особое место его непревзойденный сборник песен «Лира армянская» («Кнар Айкакан») (1870) и программный труд «История и теория правильного и красивого письма» (1872), выпущенные в свет в Санкт-Петербурге основанным и руководимым им издательством. В качестве эпитафии к книгам М. Миансарянц выбрал слова: «Самым мощным и живительным из всех национальных составляющих является язык». Особое место было уделено песне, роли книг и периодических изданий, вопросам создания школ и библиотек, а также методам правильного и красивого письма у детей, развитию чтения. В развитии педагогического образования сыграли большую роль переведенные на армянский язык по поручению М. Миансарянца книги француза Э. Лабулье «Национальное образование» (1867) и английского писателя А. Комба «Забота о физическом и нравственном воспитании ребенка» (1868), предисловие и послесловие к которым были написаны им самим. Исследователи – Р. Ишханян [6, с. 98–118] и С. Варданян [3], подчеркивают, что книги богаты с точки зрения внутреннего содержания, многоязычных информационных источников и ценных комментариев, свидетельствующих о глубоком уважении и интересе М. Миансарянца к книжной культуре и библиографии.

Согласно одному из наших источников [2], который остался за пределами внимания исследователей, по предложению М. Миансарянца в Лейпцигском университете для армянских студентов должна была быть открыта армянская библиотека, книги для которой должны были быть переданы библиотеке в дар самим Миансарянцем. Об этом свидетельствует его письмо из Петербурга на имя ректора указанного Царнке в январе 1871 г. и согласие Царнке в ответном письме от 21 февраля 1871 г. Однако по неизвестным причинам [2, с. 2] цель М. Миансарянца так и не была реализована.

Венцом творчества М. Миансарянца стала опубликованная в 1876 г. «Библиография Кавказа и Закавказья» [10] – явление в истории библиографии, которое по сей день не имеет аналогов. Автор начал ее в 1859 г., преследуя целью создание целостной библиографии армянских изданий. Этот труд приобрел государственно-политическое значение позднее, когда в 1870 г. по решению Стратегического комитета России М. Миансарянцу было поручено составление одноименной библиографии. Материал систематизирован согласно предметной классификации, расположен в хронологическом порядке на языке оригинала. Труд состоит из двух разделов: «Земля», «Человек и природа». В них литература сгруппирована по следующим двум категориям: I – естественные и точные науки, II – гуманитарные науки. Общее количество библиографических записей – 6000. Главным источником этого масштабного труда (второй том которого – «Взаимодействие человека и природы» – не был опубликован) явились фонды Российской императорской библиотеки, Академии наук Санкт-Петербурга, каталоги мхитаристов

Венеции и Вены, а также арменоведческие статьи, опубликованные в разных изданиях в Амстердаме, Париже, Венеции, Вене, Новой Джуге, Мадрасе, Константинополе, Сингапуре, Иерусалиме, Лондоне, Санкт-Петербурге, Москве, Тифлисе, Шуши, Эчмиадзине и др. городах. Неотъемлемой частью «Библиографии Кавказа и Закавказья» стали сборники, составленные генералами российской армии Д. А. Милютиным и Д. Х. Бушеном, содержащие редкие материалы по кавказоведению.

Труд М. Миансарянца, актуальность и значимость которого огромна и по сей день, можно рассматривать в качестве кавказоведческой или региональной ретроспективной библиографии. Включенные в нее письменные источники на армянском, русском, грузинском, немецком и французском языках относятся ко всем народам, населяющим Кавказ и Закавказье; указывается также их генеалогия. Исследование показывает, что это также библиография арменоведческого характера, в ней занимает обширное место богатая литература на разных языках, касающаяся армян и Армении [11, с. 388–406, 434–561], которая является для читателя важным оригинальным источником (начиная с информации о надписях).

Библиографией М. Миансарянца пользовались и дали ей оценку многие ученые-библиографы XIX–XX вв., в том числе В.И. Межов [10, с. 156], С. А. Венгеров [4, с. 382], Н. В. Здобнов [5, с. 468], И. Ю. Крачковский [7], Р. А. Ишханян [6, с. 129–151], А. Н. Бученков [1, с. 102], Г. А. Сукиасян [14, с. 133–134, 142–143] и др. Примечательно, что члены конгрегации мхитаристов Венеции Г. Зарбаналян и А. Газикян постоянно обращались к «Библиографии Кавказа и Закавказья» Миансарянца в своей работе.

Имя М. Миансарянца занимает особое место также в армяноязычных и русскоязычных энциклопедиях и справочниках XX–XXI вв. [8, с. 348; 13, с. 360; 15, с. 736]. Академик Академии наук СССР, русский и советский арабист И. Ю. Крачковский, высоко оценивая заслуги армянского библиографа Михаила Месроповича Миансарянца и важное информативное значение его библиографии, назвал его «скромным представителем русской и армянской библиографии» [7, с. 95–96]. М. М. Миансарянц, который жил и работал в прошлом, одновременно современен возможностью использования его трудов сегодня и обращен к будущему результатами своей деятельности, которые безусловно, будут актуальны благодаря точной фиксации наследия древних народов Кавказа и Закавказья.

Литература:

1. Бученков, А. Н. Советское краеведческое библиографоведение / А. Н. Бученков. – Москва : Наука, 1984. – 224 с.
2. Варданян, П. Одна студенческая памятка / П. Варданян // Отзвук [Ардзаганк]. – 1891. – 14 нояб. (№ 42). – С. 1–2.
3. Варданян, С. Микаел Миансарянц / С. Варданян. – Ереван, 2002. – 106 с.
4. Венгеров, С. А. Источники словаря русских писателей. В 4 т. / С. А. Венгеров. – Т. 4. – Санкт-Петербург : тип. Имп. акад. наук, 1917. – 542 с.
5. Здобнов, Н. В. История русской библиографии до начала XX века / Н. В. Здобнов. – 3-е изд. – Москва : Госкультпросветиздат, 1955. – 608 с.
6. Ишханян, Р. А. История армянской библиографии / Р. А. Ишханян. – Ереван, 1968. – Вып. 2. – 414 с.
7. Крачковский, И. Ю. Неизвестные страницы «Библиографии» М. Миансарова / И. Ю. Крачковский // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – 1951. – Т. 10, Вып. 1. – С. 95–96.
8. Книговедение : энцикл. слов. / гл. ред. Н. М. Сикорский. – Москва : Совет. энцикл., 1982. – 664 с.
9. Малхасянц, М. Микаел Месропеан Миансарянц / М. Малхасянц // Маяк Армении (Парос Армении). – Москва, 1880, тетрадь А (январь - июнь). – С. 79.
10. Межов, В. И. Библиография Азии : указ. кн. и ст. об Азии на рус. яз. и одних только кн. на иностр. яз., касающихся отношений России к азиатским гос. / сост. В. И. Межов. – Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и К^о, 1884. – Т. 3. – 257 с.
11. Миансаров, М. М. BIBLIOGRAPHIA CAUCASICA ET TRANSCAUCASICA=Библиография Кавказа и Закавказья / сост. М. М. Миансаров. – Санкт-Петербург, 1874–1876.. – Т. 1. – 804 с.
12. Микаел, А. Е. М. Миансарянц / А. Е. Микаел // Отзвук (Ардзаганк). – 1891. – 31 марта (№ 4). – С. 57–59.

13. Отечественные библиографы и библиографоведы : указатель документ. источников и лит. о жизни и деятельности 1917–2014 / Рос. гос. б-ка, Науч.-исслед. отд. Библиографии ; сост. Г. Л. Левин, А. В. Теплицкая, при участии Н. И. Трофимовой. – Москва : Пашков дом, 2015.- 621 с.
14. Сукайасян, Г. А. Библиография в Армении и армянской диаспоре в контексте истории (V–XX вв.) : монография / Г. А. Сукайасян ; Рос. гос. б-ка. – Москва, 1997. – 250 с.
15. Энциклопедия. Армянское книгопечатание и искусство книги / ред. кол. О. М. Айвазян (гл. ред.) [и др.]. – Ереван : Армян. энцикл., 2015. –1120 с.

УДК 02

Вихрева Г. М.

*кандидат педагогических наук, ведущий
научный сотрудник отдела научно-
исследовательской и методической работы
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Государственная публичная научно-
техническая библиотека Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск*

БИБЛИОТЕКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА: СМЫСЛЫ И ЦЕННОСТИ

Сибирская региональная научно-библиографическая школа

Статья посвящена вопросам бытования библиотеки в контексте постмодернистской культуры, аксиологическому конфликту социокультурного института «библиотека» с формирующейся постмодернистской философией. Рассматриваются особенности литературного контента эпохи постмодерна и основные черты человека будущего. Намечены пути противостояния библиотечного института разрушительным тенденциям постмодернистской культуры.

Ключевые слова: библиотека, философия постмодерна, текст, читатель, личность эпохи постмодерна, традиционные ценности

Vikhreva G.

LIBRARY IN THE EPOCH OF POST-MODERNISM: SENSES AND VALUES

The article is devoted to the questions of the library' being in the context of post-modernistic culture, axiological conflict of the socio-cultural institute "library" with the forming post-modernistic philosophy. Peculiarities of the literary content of the post-modernism' epoch and basic features of a man of the future are viewed. Ways of the library institution' opposition to the destroying tendencies of the post-modernistic culture are outlined.

Keywords: library, philosophy of post-modernism, text, reader, person of the post-modernism'epoch, traditional values

Стремительные и глобальные перемены во всех значимых сферах нашей жизни привели к тому, что библиотекари более чем когда-либо сомневаются в своих прежних верованиях и ценностях. Расхождение в представлениях о библиотечных ценностях есть отражение аксиологического кризиса «большого мира», ибо мир библиотек – это социум в миниатюре, и его экономические основы зависят ныне от непредсказуемых сил. Термином «постмодерн» принято выражать состояние культуры последней трети XX – начала XXI в., характеризующееся отказом от цивилизационных эталонов эпохи модернизма и серьезной трансформацией почти всех сторон жизни со-

циума. Формирование постмодернистской культуры обусловлено реалиями постиндустриального общества. Нарастающий вал информации, ее всё увеличивающаяся благодаря развитию средств массовой коммуникации доступность, рост межкультурных и межкультурных взаимодействий – всё это порождает безграничный плюрализм ценностей, идей, образных сфер. И уже нет единственной истины, нет постоянных, общепризнанных ценностей как спасительного оплота для рассыпающегося бытия, а есть «эстетика смысловой игры взамен обязывающей логики и верного в своем соответствии действительности познания» [6].

Как ощущает себя библиотека в постмодернистском обществе? Казалось бы, философия, воспринимающая мир как Текст, и библиотека, благоговейно отбирающая, хранящая и передающая Текст из века в век, имеют общую ценностную платформу. Да, постмодернизм относится к миру как к Тексту, воспринимает мир как библиотеку (новелла аргентинца Хорхе Луиса Борхеса «Вавилонская библиотека», роман итальянского прозаика Умберто Эко «Имя Розы»), словарь (роман-лексикон сербского прозаика Милорада Павича «Хазарский словарь»), зеркало, лабиринт [9].

Но что это за текст и что за библиотека предстают в концептуальных произведениях постмодернистов? Характерными признаками постмодернистского Текста являются рациональность, переосмысление, приоритет содержания над формой, многоуровневость, интертекстуальность (ибо, как замечает Умберто Эко, «во всех книгах говорится о других книгах, ...всякая история пересказывает историю уже рассказанную») [11] и гипертекстуальность, т.е. представление о том, что все есть Текст, текст без границ.

Постмодернистское мировоззрение, отличительными чертами которого является тотальное разочарование в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения и отрицание всей традиции западноевропейского рационализма, характеризуется страхом перед книжным знанием. Причина этого страха, как утверждает французский философ М. Фуко, кроется в способности идей выходить из-под контроля и порождать хаос; хрупкость книг не гарантирует увековечения ими чьих-либо мыслей и чувств, а по большому счёту – и чьих-то жизней. Язык, текст в представлении постмодернистов – непостоянная, полисемантическая среда, он не может непосредственно нести смысл или истину. Отсюда вытекает важнейший тезис постмодернизма о несамостоятельности текста и о ненадежности знания, получаемого с помощью языка [2, с. 311].

Исследователи отмечают, что философия постмодерна откровенно враждебна библиотеке как социальному институту и несет в себе немало серьезных угроз для него. В конечном итоге постмодернистское отношение к тексту ведет к девальвации литературы, истины, знания – всего того, что кладет в основу своего существования этот социокультурный институт. Сама же библиотека предстает в виде хитроумного лабиринта, собрания противоречивых текстов, скорее затрудняющего, чем облегчающего поиски необходимой информации. Поэтому идеальной, согласно уже упомянутому нами М. Фуко, является закрытая, спокойная и пыльная библиотека без читателей, которой никто не пользуется.

В художественных произведениях, в той или иной степени подверженных влиянию идей постмодернизма, образы библиотек и библиотекарей в целом нередки, но, увы, далеки от совершенства. Достаточно много критики раздаётся и в адрес читателей. Так, в романе Дж. Харвуда «Призрак автора» говорится, что завсегдатаев читального зала Библиотеки Британского музея «не назовёшь самой приятной компанией: некоторые из них более чем небрежны как в одежде, так и в личной гигиене; в то время как другие, явно на грани помешательства, шепчутся с воображаемыми призраками...» [7, с. 37].

Постмодернизм – это не просто термин или понятие, не просто новое искусство и новая эстетика. Это – создание иной картины мира, которая особым образом отражается в литературе, воспринимается человеком и формирует его вкус. Новая литература не остается в стороне от этих процессов, апеллируя всё больше к разуму, а не к чувствам читателей. Мир постепенно становится текстом. Появляется метатекст, поп-арт, шизоанализ, интертекст, «книга – кроссворд», «книга-часы» и т. д., предоставляющие читателю возможность самостоятельного выбора сюжета и развития действия. Например, роман М. Павича «Хазарский словарь» можно прочесть двумя миллио-

нами способов. Все это меняет саму технику чтения и его структуру. Смысл все более отдаляется от читателя, занятого отгадыванием ребусов и загадок, предлагаемых писателями. Сами же они остаются в тени, являясь всего лишь неким «проектом».

Таким образом, библиотечное дело, всегда «благоговеющее перед истиной» и стремящееся к «мировой гармонии», оказывается в сложном положении: ведь именно эти мотивы и отвергаются современными философами, культурологами и писателями. Враждебность постмодернистов классическим образцам приводит к дискредитации идеалов прошлого, которые они хотят оставить за бортом современности.

Постмодернистская философия в конечном итоге оборачивается потаканием читателю с любым вкусом и интеллектуальным уровнем, признание права на существование за любой литературой, кроме, разве что, откровенно порнографической и пропагандирующей насилие. Но и это лишь вопрос времени. Так, запрещенные «за безнравственность» в начале и середине XX в. книги в настоящее время уже реабилитированы, считаются классикой и издаются массовыми тиражами. В 1998 г. нобелевским лауреатом по литературе стал португальский прозаик Жозе Сарамаго, автор скандального романа «Евангелие от Иисуса». Премия была дана «за работы, которые, используя притчи, подкрепленные воображением, состраданием и иронией, дают возможность понять иллюзорную реальность»[12].

С точки зрения библиотекарей как ревнителей классических образцов, художественных эталонов, постмодернистские игры с текстом, их политическая, этическая и эстетическая всеядность, отношение к литературе как к частному делу достаточно деструктивны. Ведь основная цель чтения – воспитание личности человека. Кого может воспитать литература без истины, без идеала, без личности?

Вслед за трансформацией литературы неизбежно следует и трансформация читателя. Хотя в «планетарном масштабе» индивид постмодерна еще не восторжествовал, нам важно разглядеть его будущий образ, ибо философия постмодерна – зеркало духовной ситуации эпохи, ее сущностное отражение, а человек этой эпохи должен рассматриваться нами как реальный и потребитель услуг библиотеки, как объект ее влияния, если она хочет играть активную, а не пассивную роль в противостоянии негативным тенденциям времени.

Образ человека будущего предлагает Ф. Фукуяма в своей книге «Конец истории». Человек будущего в философии Ф. Фукуямы предстает в пароксизме довольства, в своеобразном «сомнамбулическом состоянии», которое, по мысли философа, существенно стабилизирует современный мир, приостанавливает его дальнейшее развитие. Пассионариев же, будоражащих этот сонный, стабильный мир, необходимо нейтрализовать, подавить их активность, сделать внушаемыми [10]. То есть, если первой «приметой» человека постмодерна можно считать социальную пассивность, то вторая характерная черта образа человека будущего – это его внушаемость. Мощная индустрия развлечения и дезинформации формирует социум «счастливых младенцев», которые всецело повинуются направляющей их руке. Манипуляция сознанием стала новым видом «информационного тоталитаризма» эпохи постмодерна. Н. И. Гендина указывает, что результаты такого воздействия далеко не безобидны: усиливается культурный разрыв между поколениями, нарушаются традиционные механизмы культурной преемственности, утрачивается доминирование логоцентрического, нарративного типа мышления, оно дополняется и отчасти замещается «клиповым», характеризующимся меньшей степенью логичной связности, критичности, системности [3, с. 89].

Третьей чертой образа человека будущего эпохи постмодерна является состояние, которое известный психолог XX в. В. Франкл обозначил термином «экзистенциальный вакуум». Данное болезненное состояние души человека можно описать как синдром отсутствия осознанного смысла жизни, и этой болезнью поражена значительная часть индивидов западного общества.

Можно ли что-либо противопоставить разрушительному воздействию постмодерна и какова здесь роль библиотеки как культурного института? Известный российский философ А. Г. Дугин, характеризуя переход от модерна к постмодерну как «изменение матрицы цивилизации», «потрясение основ мироздания», предлагает свое видение выхода из мировоззренческого кризиса.

«Отменить это – не в наших силах. Другое дело, что мы вольны сказать этому “да” или “нет”, ...осознать, что это закономерная вещь. Но принять или отвергнуть — это уже человеческий выбор... Как к этому отнестись? Солидаризоваться с великой пародией, стать прогрессистом? Или считать, что пронесёт и быть консерватором? На мой взгляд, ни то, ни другое категорически не подходит. Мы должны быть только консервативными революционерами. Отстаивать вечные ценности перед лицом новых условий» [4].

Обнадеживает и то, что социологические исследования выявляют в постмодернистской действительности не только поразительные изменения аксиологических систем, но и тенденцию к их сохранению и преемственности. В структуре ценностных ориентаций наблюдается хотя и неустойчивое, но все же равновесие между традиционными ценностями и новой прагматичной «моралью успеха», стремление к сочетанию ценностей, обеспечивающих успешность деятельности, и сохранению традиционно ценных отношений к человеку, семье, коллективу [1]. Как отмечает Д. Г. Подвойский, «традиция» и «модерн» в социальной жизни не обязательно предстают как «чистые антагонисты», они выступают в оппозиции друг к другу только теоретически, да и то лишь в концептуальных моделях, предполагающих, что модернизация везде и всюду сопровождается последовательной детрадиционализацией институтов и ценностей. Опыт новейшей и притом успешной модернизации в ряде стран, прежде всего азиатско-тихоокеанской зоны, показывает, что традиции могут сосуществовать с реалиями модерна, образуя множество взаимных композиций и переплетений, в том числе и таких, где традиции выступают активным «легитиматором» специфически современных практик, например, в бизнесе и трудовом поведении [8]. В этих условиях поиск новых ориентиров и ценностей, которые способствовали бы преодолению острокризисной ситуации во взаимоотношениях общества и природы, в системе человеческих отношений, нахождению путей к духовному возрождению, становится жизненно необходимым. Ведь общество, не имеющее абсолютных и самодостаточных ценностей, теряет способность к органической эволюции и нормальному развитию.

Крупнейшие мировые мыслители: Г. Зиммель, Т. Лессинг, Э. Гуссерль, А. Вебер – связывали решение вопроса преодоления кризиса и возможных путей выхода из него, в первую очередь, с ренессансом культурных традиций и нравственных установок. Все предложенные ими своеобразные программы преодоления кризиса объединены общими духовными основаниями. При всем разнообразии подходов возможность преодоления связывается с традициями рациональности, гуманизма, с духовными возможностями человечества [5]. Формирование противостоящего постмодерну мировоззрения – насущная задача нашего времени. Современная библиотека может и должна сыграть в этом важную роль. Нам представляется, что у нее здесь имеются как активные, так и, условно говоря, пассивные задачи. Активные состоят в приобщении читателя «с младых ногтей» к лучшим образцам классической литературы с ее вечными ценностями, в формировании высокого читательского вкуса, который стал бы в дальнейшем профилактической «прививкой», позволяющей молодому человеку вступать в занимательные игры с постмодернистскими текстами без риска поддаться их растлевающему очарованию.

Другая задача библиотеки в условиях постмодерна – не утратить свою исконную высокую миссию собирателя, хранителя и транслятора в общество традиционных ценностей, ибо лишь через осознанное развитие духовной культуры человека, его способностей, можно добиться изменения в мире, ориентированном на материальные ценности, и использовать огромный культурный потенциал для более высоких духовных целей, чем те, которые предлагает человеку наше время.

Литература:

1. Аксиология в контексте новых гуманитарных теорий массовой коммуникации [Электронный ресурс] // Studme.org : [сайт]. – URL: https://studme.org/47146/psihologiya/aksiologiya_kontekste_novyyh_gumanitarnyyh_teoriy_massovoy_kommunikatsii. – Проверено: 04.10.2018.
2. Андреев, Л. Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) [Текст] / Л. Г. Андреев // Зарубежная литература второго тысячелетия. – Москва, 2001. – С. 292–334.
3. Гендина, Н. И. Библиотека и информационные войны [Текст] / Н. И. Гендина // Информационные войны. – 2015. – № 2 (34). – С. 89–96.

4. Дугин, А. Г. Евразийство и постмодерн [Электронный ресурс] [опубл. 09.01.2016] / А. Г. Дугин // Омилия. Международный литературный клуб : [сайт]. – URL: <https://omiliya.org/article/evraziystvo-i-postmodern-aleksandr-dugin>. – Проверено: 04.10.2018.
5. Красикова, Е. А. Роль социокультурных ценностей в преодолении общественного кризиса [Текст] / Е. А. Красикова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2010. – № 11. – С. 157–159.
6. Ланкин, В. Г. Основы эстетики. Постмодерн и постмодернизм [Электронный ресурс] / В. Г. Ланкин // [Учебники] : [сайт]. – URL: <http://textb.net/17/index.html>. – Проверено: 04.10.2018.
7. Матвеев, М. Ю. Тлетворное влияние постмодернизма? / М. Ю. Матвеев // Библиотечное дело. – 2010. – № 12 (126). – С. 36–42.
8. Подвойский, Д. Г. Тропами модерна: социологические вариации на тему [Электронный ресурс] / Д. Г. Подвойский // Перспективы. Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы: [сайт]. – URL: http://www.perspektivy.info/book/tropami_moderna_sociologicheskije_variatsii_na_temu_2014-05-14.htm. – Проверено: 04.10.2018.
9. Постмодернизм и западноевропейская литература второй половины XX века [Электронный ресурс] // РЕФ.РФ : [сайт]. – URL: http://referatwork.ru/international_literature/section-8.html. – Проверено: 04.10.2018.
10. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек [Текст] / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2004. – 396 с.
11. Эко, У. Заметки на полях «Имени розы» [Текст] / У. Эко // Имя розы / У. Эко. – Москва : Кн. палата, 1989. – 496 с.
12. Нобелевские лауреаты Латинской Америки [Электронный ресурс] // Миртесен : [сайт]. – URL: <https://s30380775364.mirtesen.ru/blog/43154700415/Nobelevskie-laureaty-Latinskoy-Ameriki>. – Проверено: 04.10.2018.

РАКУРСЫ СОВРЕМЕННОСТИ В ТАНЦЕВАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ СИНТЕЗА ТАНЦА И ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 792.8

Предеина Т. Б.

*кандидат искусствоведения, доцент,
профессор, Челябинский государственный
институт культуры*

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В БАЛЕТНОМ ТЕАТРЕ

*Научная школа Виктора Владимировича Ванслова,
доктора искусствоведения, профессора,
Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств
Российской академии художеств*

Статья посвящена актуальной в современном балетоведении проблеме сохранения образцов балетной классики. Рассматриваются важные вопросы о необходимости сохранения классического наследия в балетном театре, с учетом естественной трансформации классического танца.

Ключевые слова: классическое наследие, хореографический текст, сохранение, редакция, балетная классика

Predeina T.

PRESERVING THE CLASSICAL HERITAGE OF BALLET THEATRE

The article addresses the issue of preserving the classical ballet heritage, which is topical in contemporary ballet studies. It covers important questions regarding the necessity to preserve the classical heritage in ballet while taking into consideration the natural transformation of classical dance.

Keywords: classical heritage, choreographic text, preservation, editing, classical ballet

Искусство хореографии прошло длительный путь становления и развития. Эстетической «единицей измерения» балета является балетный спектакль как высшая и наиболее совершенная форма хореографии. Проблема сохранения лучших образцов классического наследия всегда была в поле зрения деятелей хореографического искусства.

Сегодня существуют различные точки зрения на образцы классического наследия. Анализируя их, можно сделать вывод: одни балетмейстеры творчески развивали последние, другие противопоставляли, третьи сохраняли их в неизменном виде. Таким образом, балетное искусство настоящего формируется как непрерывный диалог с классикой балетного прошлого.

В современных условиях классическое наследие как область далекая (и даже противоположная) развлекательной инфраструктуре, переживает не лучшие времена. Однако остается несомненным признание того факта, что образцы классики необходимо по возможности сохранять, чтобы не дать исчезнуть этому эфемерному пласту хореографического материала. Сбереечь наследие – не означает встать на путь эпигонства, но профессионалы должны знать, изучать и иметь возможность видеть его эталонные создания. Каждый восстановленный и сохраненный шедевр – есть точка отсчета, исток, страница исторического вклада. Это дело профессиональной чести современных хореографов, исполнителей, педагогов, и в целом театрально-балетных коллективов. Балетмейстер-реформатор М. М. Фокин писал, что «балет должен бережно хранить все старое...» [2, с. 326].

Классическое наследие, прошедшее проверку временем, – это, прежде всего, целостная система художественного мышления, выраженная в оформленности выразительных движений. В классический танец движения входят не в эмпирически заданной форме, а в абстрагированном до формулы виде. Сегодня настало время всесторонне исследовать их, отбирать самое лучшее и наиболее яркое с учетом развития современных тенденций в балетном театре. Действительно, ритмы XVIII и XIX вв. резко отличаются от актуальных в XXI в.: неспешность и размеренность заменилась головокружительными скоростями, информационным багажом и динамикой восприятия. Современная отечественная и зарубежная хореографическая мысль осознает и познает динамику мира, человеческие взаимоотношения, проникая в душевные и духовные тайны, пытаясь обобщить многокрасочность социальных явлений.

Современный зритель трудно воспринимает «полнометражный» спектакль, будь то балет, опера или драма. Это является еще одним доказательством, что времена классических постановок безвозвратно уходят. Отходит на второй план драматический балет с его подробными, всеобъясняющими пантомимными или игровыми сценами. Но отказываться от них совсем нельзя, т. к. они хранят аромат времени и дыхание эпохи. Из их сцен необходимо взять лучшее: принципы построения мизансцен, логику танца, режиссерскую концептуальность, подготовку зрительского внимания к фокусированию главного.

Воссоздать танец во всей подлинности таким, каким он был задуман в прошлом режиссёром и исполнителями, сегодня невозможно, так как современный танцовщик – носитель менталитета своего времени, несопоставимого с ушедшими эпохами. Но, «сводить весь танец к проявлениям силы и ловкости, лежащим вне искусства, – писала Л. Блок, – это значит исказить и губить танец» [1, с. 234].

Исключительным явлением остается факт сценического бытования некоторых спектаклей, среди которых есть знаковые постановки, прожившие большую сценическую жизнь при полных аншлагах. Например, в России никогда не забывали таких шедевров как «Жизель», «Шопениана», «Лебедь» и др. Судьба иных спектаклей осталась в историческом прошлом, хотя, судя по отзывам современников, они имели успех у публики. Думаем, их эмоциональная наполненность, художественные послы соответствовали уходящему ритму жизни, прошлым представлениям о классическом танце и общечеловеческих эстетических нормах, которые существовали в момент появления этих спектаклей на свет.

Редактура хореографического текста существовала всегда. Так изменения, внесенные М. Петица в «Жизель» Ж. Коралли и Ж. Перро, не только органически вошли в спектакль, но и усовершенствовали и завершили спектакль, способствуя созданию канонической редакции балета. Однако это не оправдывает произвольных переделок классических спектаклей. Техническое и, по возможности, точное воссоздание текста и художественного стиля возобновленного спектакля является культурным знаком времени, а духовное содержание классики играет значимую роль в эстетическом воспитании современного зрителя.

Таким образом, классическое наследие – непреходящая ценность, но лишь тогда, когда живет полноценной современной жизнью, которую ему дает театр сегодняшнего дня. Конкретное решение вопроса о том, как ставить балетную классику, может идти, как было сказано выше, разными путями, но неизменным остается общий эстетический принцип раскрытия объективного содержания и непреходящей ценности наследия в его осмыслении с позиций нашего мировоззрения и интересов зрителя нашего времени.

Литература:

1. Блок, Л. Д. Классический танец. История и современность / Л. Д. Блок ; вступ. ст. В. М. Гаевского. – Москва : Искусство, 1987. – 556 с. – (Русская мысль о балете).
2. Фокин, М. М. Против течения: Воспоминания балетмейстера: Сценарии и замыслы балетов: Статьи, интервью и письма / М. М. Фокин ; ред. Г. Н. Добровольская. – 2-е изд., доп. и испр. – Ленинград : Искусство, 1981. – 510 с.

*магистрант Южно-Уральского
государственного гуманитарно-
педагогического университета по
направлению подготовки Педагогическое
образование. Педагогика хореографии г.
Челябинск*

СОВРЕМЕННЫЙ ТАНЕЦ В КУЛЬТУРНОМ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССАХ

*Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент
кафедры хореографии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического
университета Лариса Геннадьевна Ованесян*

На основе анализа психолого-педагогической литературы выделены тенденции хореографического образования в России в период конца XX – начала XXI в. Предложена дефиниция современной хореографии, выделены основные проблемы развития данного направления.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, тенденции, хореография, новый балет, танец модерн.

Danilov K.

CONTEMPORARY GENRES OF CHOREOGRAPHY AND THEIR INTEGRATION INTO EDUCATION

In this article, an effort was made to study and analyze the trends of Russian choreography education during the late 20th – early 21st centuries, based on a review of the psycho-pedagogical literature. The study also defines *modern choreography* and highlights the main issues in the development of this dance genre.

Keywords: individual style, trends, choreography, new ballet, modern choreography, modern dance

Современный танец (танец модерн) – одно из направлений зарубежной хореографии, зародившееся в конце XIX – начале XX вв. в США и Германии. Термин «танец модерн» появился в США для обозначения сценической хореографии, отвергающей традиционные балетные формы, вытеснив другие термины (свободный танец, дунканизм, танец босоножек, ритмопластический танец, выразительный, экспрессионистский, абсолютный, новый художественный), возникавшие в процессе формирования этого направления [1, с. 3]. Развиваясь во времени и пространстве, модерн постепенно стал одним из ведущих направлений в танцевальной практике благодаря известным исполнителям и хореографам, которые внесли огромный вклад в его развитие.

Модерн начинался как танец-оппозиция существующей системе, но со временем в нем появились такие технически сложные, виртуозные элементы, которые может выполнить не каждый исполнитель. В результате танец модерн превратился в вид искусства только для избранных. Постмодерн же смог обрести ту самую свободу, которой так жаждали первые модернисты. После прорыва «информационной блокады» изменилось отношение к современному танцу и в России. Если в советский период в Мариинском театре почти не было современных балетов, то сегодня одна треть репертуара – это современная хореография. Каким становится новый русский балет, как развивается искусство хореографии, можно понять уже сегодня, просматривая выступления молодых исполнителей и хореографов на различных конкурсах и фестивалях: Открытый конкурс «Арабеск» им. Е. Максимовой в Перми, конкурс молодых хореографов в Москве, проект по поддержке молодых хореографов «Dance-платформа» в Екатеринбурге, Международный фестиваль современной хореографии CONTEXT. Diana Vishneva в Москве и Санкт-Петербурге, фестиваль

«DANCE OPEN» в Санкт-Петербурге. Действительно, поколению молодых профессионалов предстоит создать в будущем и программы обучения, и фонды, и фестивали, и театры.

В системе образования современной хореографии стало уделяться большое внимание. Так, по инициативе всемирно известного хореографа Б. Я. Эйфмана Правительством г. Санкт-Петербурга в 2013 г. создана «Академия танца Бориса Эйфмана», где отрабатываются инновационные методы подготовки танцовщиков XXI века. Ведутся переговоры о спецкурсе в Российском государственном институте сценических искусств в Санкт-Петербурге.

Идея технического обучения современному танцу направлена на самовыражение танцора как одну из важных особенностей в его развитии. В соединении классического танца, балета, фольклорного начала, модерн способен отвечать требованиям современных исполнителей. Кроме того, эта же способность может обеспечить зрелищность и заинтересовать современных зрителей, т. к. одна из задач современной хореографии – донести до публики смысл и настроение, на основе интеграции движения, актерского мастерства, силовых упражнений, декораций, музыки для создания эффектного интересного шоу [2, с. 17]. Именно в творческом хореографическом коллективе современный танец приобретает форму самостоятельного искусства, где по-новому соединяются движения, свет и краски, музыка, а тело обретает свой язык.

У молодых хореографов много трудностей: отсутствие доступных репетиционных залов, театральных площадок. Сюда можно включить и отсутствие четко выстроенной программы образования. Можно отметить и недостаток финансирования на проведение фестивалей, культурного обмена и встреч, которые позволили бы создавать международную сеть контактов и расширять художественный кругозор, понимать тенденции в мировой современной хореографии и задавать свои [1, с. 22]. У молодых постановщиков должна быть возможность показать свою работу на сцене. Однако здесь присутствует следующая проблема – риск в представлении новой работы, т. к. может возникнуть и недопонимание, и антагонизм как со стороны критики, так и со стороны зрителей.

Проблема качества постановки актуальна всегда. К сожалению, нередко начинающие хореографы забывают о жанре, условиях сцены, на которых представляют свой спектакль; некоторые пытаются в 15-минутный спектакль вместить глобальные вопросы бытия, стараясь показать как можно больше своих задумок и ходов. В итоге теряется целостность и идея самого танцевального произведения. С другой стороны, (напомним) именно методом проб и ошибок хореограф сможет обрести себя, исключая подражание уже состоявшимся хореографам, создавая свой собственный мир, наполненный своим видением танцевального искусства. Это следует понимать, органично экспериментируя, прислушиваясь к критике, своевременно реагируя на замечания, исправляя их, но не эксплуатировать процесс поиска самовыражения на сцене.

Следует изучать и мировые тенденции, однако в некоторых зарубежных танцевальных практиках наблюдается совершенно иная палитра возможностей [3, с.23]. Сложность в работе с приглашенными хореографами-носителями иной танцевальной техники состоит в том, что языковой барьер в ряде случаев мешает донести до российских учеников необходимые нюансы исполнения и, самое главное, объяснить их, акцентировать на них внимание.

Живя в современном мире, важно разговаривать о танце современным языком. Если мы хотим, чтобы современный танец развивался, нужно понимать, зачем он нужен обществу. И у сегодняшнего зрителя есть огромный интерес к этому танцевальному направлению. Ведь он не только для развлечения, а предполагает высокую интеллектуальную работу. Поэтому на вечерах современной хореографии очень радуют полные залы в различных театрах страны.

Литература:

1. Маркова, А. К. Психология профессионализма / А. К. Маркова. – Москва, 1996. – 136 с.
2. Педагогика профессии : практикум / под ред. А. А. Реана. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2007. – 210 с.
3. Пуртова, Т. В. Учите детей танцевать : учеб. пособие для студентов учреждений среднего проф. образования / Т. В. Пуртова, А. Н. Беликова, О. В. Кветная. – Москва : Владос, 2013. – 256 с.

*профессор, Челябинский государственный
институт культуры, заслуженный артист
Российской Федерации*

ЗНАЧЕНИЕ ТАНЦЕВАЛЬНОЙ ТЕХНИКИ В СОЗДАНИИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

*Исследовательская школа «Ракурсы современности в танцевальной культуре»
хореографического факультета Челябинского государственного института культуры*

В статье рассмотрены проблемы влияния исполнительской техники танцовщика на создание хореографического произведения в процессе освоения студентами курса «Искусство балетмейстера». Проанализированы особенности развития исполнительского уровня у студентов в процессе создания хореографического произведения. Выявлена и обоснована необходимость создания условий для повышения исполнительского уровня, как у студента-постановщика, так и у студента-исполнителя. На основе проведенного исследования автором предлагается выделить, что возможности исполнителя к танцевальному решению образа нужно искать в самом танцовщике и соизмерять возможностей исполнителя с замыслом балетмейстера.

Ключевые слова: балетмейстер, исполнительская техника, танцевально-физические способности, композиция танца, замысел, модель, студенты, хореографическое произведение

Panferov V.

THE VALUE OF DANCE TECHNOLOGY IN CREATING CHOREOGRAPHIC WORKS

The article deals with the problems of the influence of the dancer's performing technique on the creation of a choreographic work in the process of mastering the art of ballet master by students. The features of the development of the performing level of students in the process of creating a choreographic work. The necessity of creation of conditions for increase of performing level, both at the student-Director, and at the student-performer is revealed and proved. On the basis of the study, the author proposes to highlight that the capabilities of the performer to the dance solution of the image should be sought in the dancer and to measure the capabilities of the performer with the idea of the choreographer.

Keywords: choreographer, performance technique, dance / physical skills, dance composition, concept, model, students, a work of choreography

Значение творческого воспитания в вузовской системе направляет деятельность студента на поиск решений по выполнению задач психофизического действия с использованием полученных знаний и поиском новых. Уровень знаний в области танца определяется способностью студента решать задачи в различных предлагаемых обстоятельствах. «Смысл подобной методики, — пишет И. Э. Кох, — в создании своеобразного "мостика" от техники движений к умению самостоятельно пользоваться этой техникой» [5, с. 5].

Обучение по направлению подготовки Искусство балетмейстера в некоторых дисциплинах предполагает проведение индивидуальных занятий со студентами. Это определяет анатомо-физиологические, музыкальные, танцевально-физические способности, а также способности к танцевально-пластическому восприятию действительности. Возрастные особенности требуют осторожного подхода к развитию специальных физических качеств. Необходимо развивать танцевальные и физические качества студента с учетом его анатомо-физиологического предела. Попытки превзойти эти пределы приводят к травмам опорно-двигательного аппарата. Более интен-

сивному развитию необходимых качеств исполнителей помогают «специальные физические упражнения» [4, с. 165].

Критерием оценки уровня подготовки студента является его активная творческая деятельность на занятиях по дисциплинам, например, Композиция танца и Искусство балетмейстера, способность к самовоспитанию и оценке своих результатов, к умению использовать приобретенную исполнительную танцевальную технику для выполнения поставленных задач.

Перед педагогом и студентом как одна из основных ставится задача создания необходимых условий для развития и применения танцевальных знаний, умений и навыков (ЗУН) в создании хореографических произведений. Но создание условий не решает всей проблемы, перед студентом возникает необходимость переноса получаемых ЗУН из учебного в постановочный процесс. Это умение формируется в стенах учебного заведения и закладывается непосредственно в структуру программ дисциплин по композиции танца и искусству балетмейстера: от простейшего танцевального упражнения к движению, а от него к этюду и танцу. Полученные ЗУН обобщаются, анализируются и закрепляются в учебных хореографических произведениях.

В постановочной деятельности от студента требуется овладеть методикой управления полученными ЗУН для применения их в исполнительской танцевальной технике и использования в решении новых творческих задач. Осмысление получаемой информации влечет за собой приобретение качественно новых взаимосвязей, необходимых для создания хореографического произведения. На содержательную перестройку танцевальной системы большое влияние оказывает опыт танцевальной постановочной практики, который накапливается в процессе постоянных занятий и на основе занятости студента в концертных программах.

Замысел, который трансформируется в модель будущего хореографического произведения, является самобытным и индивидуальным при создании определенной танцевальной формы. Очень важно, чтобы последняя могла выявлять содержательный для постановщика замысел. Студенту в создании танцевальной формы и в раскрытии через нее содержания необходимо владение исполнительским уровнем танцевальной техники, опытом творческого процесса взаимодействия замысла и решения хореографического произведения. Исполнительские возможности должны способствовать проникновению студента в глубину решения замысла.

Природа мышления балетмейстера – это мышление танцевальными образами. «Если слово ориентировано на общение и потому при всей своей условности выразительно по природе, а художественная выразительность лишь обостряет и определенным образом ориентирует эту изначальную, то выразительность танца надлежит выявить, иначе ничего, кроме самого факта экспрессии зритель в танцевальном театре не узнает» [3, с. 127]. Поэтому возникает необходимость формирования у студента-постановщика танцевальной логики мышления, не нарушая логики исполнения движений. Это формирование происходит через упражнения по композиционному построению танцевальных комбинаций, этюдов и танцев в направлении от формальной логики к образному логическому мышлению. В процессе занятий у студента происходит обострение художественного чутья, он активно реагирует на стиливые и жанровые нарушения, у него воспитывается способность к отбору выразительных танцевальных средств, необходимых в создании хореографического произведения.

Воспитание логики мышления средствами танцевального искусства способствует творческой активности, импровизационному самочувствию. Обладая необходимым уровнем исполнительской техники, студент быстро включается в творческий поиск, легко использует найденные танцевальные средства в других предлагаемых обстоятельствах. Танцевальная техника становится его природным материалом. Чем опытнее студент, чем выше его исполнительский уровень, тем органичнее танцевальные движения входят в его творческое решение. Преодолевая танцевальную технику, танцевальную условность, студент приобретает свободу в поиске выразительных средств. Приобретение навыков в работе над танцевальной композицией способствует максимальной подготовке студента к использованию танцевальной техники в работе над хореографическим произведением, к повышению технического танцевального уровня и уровня импровизации, а также созданию условий для преодоления более сложной танцевальной формы. «Состояние "го-

товности" к творческой деятельности может превратиться в активный поиск того, что могло бы натолкнуть на соответствующий замысел» [7, с. 20].

Формированию объема танцевальных средств способствует техническое исполнительское мастерство, которое базируется на уже освоенных взаимосвязях и на приобретении новых умений и навыков. Формирование новой танцевальной техники для хореографического произведения предполагает поиск иных выразительных танцевальных средств и их взаимосвязей. Этот поиск осуществляется в работе над логикой соединения танцевальных движений и логикой построения танцевальной композиции балетмейстером, а также в работе по поиску новых соединений в танцевальных комбинациях и композициях.

Одним из важных моментов является то, что студент приобретает способность и возможность создавать танцевальную форму. У него во время замысла может возникнуть танцевальное решение, видение танцевальной формы, основанной на внутренней образной потребности, что предполагает сознательную деятельность над созданием танцевальной композиции. Сознательная часть работы возбуждает и питает интуицию и воображение, и тогда в работе происходит скачок. В создании танцевальной формы студентом движет внутреннее целенаправленное действие, которое опирается, с одной стороны, на исполнительскую, а с другой – на поставленную задачу. Танцевальные движения, логика их соединения заложены в резервуаре памяти студента. Главная задача – уметь извлекать из этого резервуара необходимые движения и их соединения. Этому способствует исполнительская техника, четкая постановка задач и постановочный опыт студента. Образующиеся помехи при создании композиции танца студентом корректируются педагогом.

Оценка студентом своего действия при создании хореографического произведения не всегда бывает верной, так как этому мешают случайные помехи. Ему сложно делать анализ с точки зрения восприятия своего произведения без помощи педагога. Концентрируя внимание только на моменте непосредственного решения хореографического произведения, а не на всем его развитии, студент разрушает целостность видения и естественный ход драматургического развития. Верная оценка педагогом данного момента иногда вызывает сопротивление студента к полученному замечанию.

В работе над хореографическим произведением выразительность танца может подменяться его формальной организацией. Его психофизическое воздействие на зрителя подменяется физическим, информационным и исполнительским совершенством. Каждому хореографическому произведению свойственна особая система организация движений и, естественно, свой стиль исполнения. Балетмейстер, предлагая систему и стиль исполнения движений, должен знать исполнительские возможности танцовщика.

Исполнительские возможности балетмейстера должны быть согласованы с замыслом и с возможностями исполнителя этого замысла. Совершенствуя свое исполнительское мастерство, студент-постановщик при этом не идет за исполнителем, а ведет его, способствует его исполнительскому совершенству в соответствии с замыслом. Но необходимо заметить, что это совершенствование не должно идти в ущерб работы над решением образа и всего замысла. Нет необходимости подменять творческий процесс работы над образом учебным тренировочным процессом. «Техника движения – это не простой физический автоматизм, в ней всегда есть доля творчества, но сравнивать ее с процессом создания образа невозможно» [6, с. 55].

Противоречия, с которыми сталкивается постановщик и исполнитель в процессе работы над созданием хореографического произведения, это противоречия, происходящие между замыслом и исполнительскими возможностями постановщика и техническими возможностями исполнителей. Техника танца не может соперничать с его выразительностью в выражении мысли, вот почему в создании образа она занимает определенное место и играет свойственную ей роль. И по своим масштабам в хореографическом произведении она не должна превосходить выразительность движения в решении образа.

Танцевальная система – есть художественно образная, пространственно-временная, музыкально-движенческая система. Она требует практического анализа и тщательного подбора уровня исполнительской техники актера при создании образа в хореографическом произведении. «В художест-

венном произведении, – пишет В. Г. Белинский, – нет ничего произвольного и случайного...» [1, с. 56], поэтому исполнению танца как одному из выразительных средств свойственно выявление именно тех сторон образа, которые недоступны другим выразительным средствам. Техника танца, используемая в этой системе, не может существовать обособленно от остальных элементов, но в то же время она приобретает относительную самостоятельность в создании образа и целого произведения. «Являясь одним из наиболее эмоциональных пластических выразительных средств, танец не столько средство общения, сколько форма проявления чувства» [3, с. 127].

Проникновение исполнительской танцевальной техники в образ может обогащать или обеднять его. Обогащение происходит не столько виртуозностью, сколько качественным фактором исполнительской техники. Посредством этого принципа вскрываются новые качества образа, происходит его дальнейшее развитие и углубление. Через образность, действенность, непрерывность происходит проникновение танцевальной исполнительской техники в пластику образа, что цементирует целостность образа.

Задача, которая ставится перед постановщиком это обретение гармонии исполнительской техники действенного значения танца. Танцевальная техника должна соответствовать действительному развитию танца, но для этого необходимо соразмерить возможности исполнителя, с задачей поставленной постановщиком. «Исходя из индивидуальности актера, балетмейстер должен суметь найти и показать ему такие движения, жесты и позы, которые были бы им исполнены наиболее естественно, легко, непринужденно и грациозно» [2, с. 237]. Оценка возможностей исполнителя происходит через анализ внутренней и внешней техники, готовности его к действию, накоплению и исполнению. Оценка возможностей исполнителя и поставленные задачи постановщика определяют условия подготовки его к их выполнению.

Сценическая скованность, неуклюжесть исполнителя является фактором несоответствия возможностей исполнителя и задачи, поставленной перед ним постановщика. Танцевальная техника исполнения движения, не свойственная природе образа, делают исполнителя беспомощным в управлении своим телом. Постановщик ставит исполнителя в невыгодное положение в его физическом поведении. Физическому зажиму всегда способствует психологический зажим. Всю свою энергию, внимание исполнитель тратит на борьбу с физическими помехами. Часто психологический зажим начинается у исполнителя задолго до исполнения танца, что влияет на развитие образа, на его целостность.

Таким образом, возможности исполнителя к танцевальному решению образа нужно искать в самом танцовщике. Соизмеримость возможностей исполнителя с заданностью балетмейстера – динамический процесс. Происходит постоянное движение: с одной стороны – анализ возможностей исполнителя и расширение его возможностей в создании образа, с другой стороны – корректировка задач балетмейстера относительно этих возможностей. Результатом этого процесса является воплощение замысла в создании образа и хореографического произведения в целом.

Литература:

1. Белинский о драме : сб. ст. – Москва; Ленинград : Искусство, 1948. – 540 с.
2. Захаров, Р. Искусство балетмейстера / Р. Захаров. – Москва : Искусство, 1954. – 431 с.
3. Карп, П. Балет и драма / П. Карп. – Ленинград : Искусство, 1980. – 240 с.
4. Котельникова, Е. Г. Биомеханика хореографических упражнений / Е. Г. Котельникова ; Ленинград. гос. ин-т культуры. – Ленинград : ЛГИК, 1973. – 169 с.
5. Кох, И. Э. Основы сценического движения / И. Э. Кох. – Ленинград : Искусство, 1970. – 566 с.
6. Тарасов, Н. Классический танец / Н. Тарасов. – Москва : Искусство, 1971. – 494 с.
7. Якобсон, П. М. Психология художественного творчества / П. М. Якобсон. – Москва : Искусство, 1971. – 48 с.

кандидат педагогических наук, профессор,
Челябинский государственный институт
культуры

ТЕХНИКА НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОГО ТАНЦА – ОСНОВА ОСВОЕНИЯ САМОБЫТНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХОРЕОГРАФИИ

*Исследовательская школа «Ракурсы современности в танцевальной культуре»
хореографического факультета Челябинского государственного института культуры*

Автор анализирует технические особенности народно-сценического танца в процессе обучения бакалавра хореографии.

Ключевые слова: техника, народно-сценический танец, исполнительская техника

Dubskikh T.

THE TECHNIQUE OF FOLK-STAGE DANCE AS THE BASIS FOR THE DEVELOPMENT OF IDENTITY OF THE NATIONAL CHOREOGRAPHY

In the article the author analyzes technical features of folk-stage dance, the Bachelor of Choreography

Keywords: technique, folk-stage dance, the quality of training

Термин «техника» применяют для совокупной характеристики навыков и приемов исполнения/выполнения чего-либо (номера/постановки/движения/роли и т.п., либо рисунка/письма и т.п.), используемых в различных видах искусств. Различают и исследуют исполнительскую технику игры на фортепиано, технику звукоизвлечения, технику акварели, технику танца и пр. Мы понимаем и рассматриваем технику как мастерство, умение.

Различные аспекты, направления, инструменты формирования техники исполнения находятся в поле зрения современных ученых в разных областях знания и практической деятельности. Исследования и наблюдения с целью создания новых методик и реконструкции традиционных проводят музыканты, хореографы, художники и др. представители сферы искусства. Особенно активизировались поиски инструментов формирования и развития исполнительской техники в последние годы. Это связано с тем, что на сцену выходит молодое поколение Z, которое иначе воспринимает окружающий мир, относится к действительности, видит и чувствует своего зрителя, которое привыкло иначе учиться, работать, мыслить и чувствовать. В связи с этим можно ставить перед научным сообществом методологические вопросы:

– Необходимо ли уже искать новые пути формирования знаний, умений и навыков, важных для становления исполнительской техники современного творца?

– Какой отпечаток накладывают современные клиповое мышление, фреймовое восприятие мира, мобильность, погруженность в себя, отстранение от мира (и другие характеристики поколения Z) на исполнительское мастерство?

– Как появление нового зрителя с иным восприятием демонстрируемого произведения мобилизует исполнителя на поиск новых техник донесения идеи до отстраненного, неслушающего, погруженного в свой виртуальный мир, нередко – неприходящего человека?

– Как меняются сами исполнительские техники в эпоху всеобщей интернетиализации и виртуализации, электронизации и имитации,

И, наконец, самый главный вопрос: что исполнять для нового зрителя/слушателя? Классику? – будет ли понятна и воспринята? Модерн? – как самому исполнителю, воспитанному на классике понять новизну произведения и донести ее до нового зрителя? Постмодерн? – как органично показать, что всё равно всё новое зиждется на классических образцах? Национальное или ина-

циональное? – в эпоху глобальной культуры останется ли место для национального, личного, местного колоритного?

Обращению к последнему вопросу будет посвящена наша статья. Анализ публикационной активности специалистов разных сфер деятельности показал, что большинство публикаций посвящено исследованию исполнительских техник музыкантов [см., например: 1; 4; 5]. В поле зрения теоретиков различные сферы приложения исполнительских техник, вплоть до педагогических с людьми с ОВЗ [6]. Хореографы же, уделяя, безусловно, много внимания развитию исполнительского мастерства, меньше пишут об этом, предпочитая показывать свои наработки на сцене. Однако мы понимаем, что фиксация скрытого знания [см., например: 2; 3; 7–9] необходима и накопление теоретического материала по проблеме поможет обмену опытом и лучшими методиками. Особенно трансляция авторских наработок важна для передачи опыта и уникального мастерства прошлого будущим поколениям. И не просто прошлого, но национальной истории, национально-го самобытного характера, закреплённого в произведениях искусства. Только национальное сможет поддержать отдельного человека и целую народность/нацию в глобализирующемся обществе, не дав стать социуму серой массой, управляемой толпой, как это было убедительно показано в произведениях О. Хаксли, Ф. Кафки, Г. Грина, Дж. Оруэлла и др.

В первую очередь определим «народно-сценический танец» (в его современных развитых формах) как особый вид знаковой, ритмически организованной, эстетической деятельности человека, в невербальной (бессловесной), пластической игровой форме (телодвижения, позы, мимика, жесты) выражающей внешние события в жизни людей и их внутренние состояния и переживания [2, с. 17].

Народный танец является действенным средством национального, интернационального и патриотического воспитания, позволяющим не только, как мы уже подчеркнули выше, понять национальную принадлежность, проникнуться уважением к традициям и самобытности танца, но и в процессе обучения развить технические навыки и умения исполнителя. Кроме того, народный танец, как правило, мажорный, развивает положительные эмоции радости бытия, что формирует эмоциональную культуру человека. Освоение высот хореографического искусства, его условно-обобщённой образности требует совершенствования во владении языком танца и приёмами сценической выразительности. Сложные технические элементы в народных танцах определяют его самобытность.

Существенная характеристика народного танца – его знаковая природа, воплощающая семантическую и прагматическую информацию, рассчитанная на передачу последней, что обуславливает коммуникативную функцию танца. Это даёт возможность рассматривать его с точки зрения семиотики (науки о знаках, знаковых системах и их значениях). Среди знаков выделяются знаки-символы, которые в силу заключённого в них наглядного образа используются для выражения содержания. Языком танца являются специально отработанные, систематизированные и, как правило, канонизированные традицией жесты, движения, позы. Образы танца включают в себя в спрессованном виде самые различные символы: зооморфные, антропоморфные, астральные, аграрные и брачные. Так, круговое построение танцующих связано с древним культом солнца, земледелием, линейное – с войной, квадрат является частью архаического орнамента, изображающего поле. Симметрия композиции танца несёт идею порядка, постоянства и вечности. Исследователи народного танца считают, что для грузинского мужского танца знаковой является пальцевая техника (имитация движений тотемного копытного животного – горного козла), для башкирского мужского танца – дробные выстукивания (цокот копыт лошадей) и пр. Каждое танцевальное движение есть концентрация художественной деятельности многих поколений. Движения, рисунок танца являются условными знаками, «пластическим кодом», который при помощи тех или иных средств (подражания, символики, метафоризации, ассоциативности) отображают действительность [2, с. 59–60].

Выяснив, что движение тела есть знак, своеобразный словарный запас танца, которым должен владеть хореограф, важно не только знать, но и владеть техническими приёмами исполнения. Каждый регион имеет своеобразную хореографию, а особенности исполнения отличаются как некий диалект. Многократно повторяемые элементы постепенно начинают звучать во всех деталях и нюансах, и тогда «речь» движения исполнителя становится естественной, свободной. Это свидетельствует о достижении высокой техничности исполнения, и её главная примета – незаметность трудностей, естественность и

пластическая свобода. Для достижения техничности исполнения хореограф должен иметь богатый «словарный» запас (лексика народно-сценического танца – дробь, «моталочки», «ковырялочки», крутки, присядки, хлопушки, трюковые прыжки, ходы и пр); четко и свободно «произносить» «слова» (танцевальные па, различные «коленца», трюковые движения), «словосочетания», «фразы», «предложения» (танцевальные комбинации, состоящие из народных движений, этюды); вести «диалоги» (переплясы, парные и массовые пляски). Кроме того, исполнительская техника рассматривается и как совокупность индивидуальных способностей, знаний, и как сумма навыков, которые получены в процессе обучения. Все это вместе выливается в профессиональную оснащенность, которая подразумевает владение техническими приемами, умение подчинить их задаче создания пластического художественного образа и способность к самостоятельной индивидуальной трактовке роли [8].

Чтобы в процессе занятий с будущими исполнителями (бакалаврами-хореографами по народно-сценическому танцу, например) добиться высоких результатов совершенствования техники исполнения и освоения самобытной национальной хореографии, педагог использует различные методы. Это теоретические и практические, традиционные и современные методы преподавания. Прежде всего, специалисты рекомендуют использовать наглядный и словесный методы работы. Актуален сегодня метод поэтапного формирования умственных действий на базе вербального компонента преподавания. Этнокультурный метод при обучении народно-сценическому танцу бакалавра-хореографа реализуется при условии, что, приступая к изучению той или иной группы народных танцев, освоению и развитию танцевальных движений, их сочетаний, присущих им особенностей, следует выделять время на изучение истории, традиций, быта, обычаев, верований народа. В процессе обучения (и освоения) технике народно-сценического танца и формирования навыков самобытной национальной хореографии обычно бывают задействованы и ряд других методов – проектный, деятельностный, синкретичный, творческий и пр. [2, с. 73].

Таким образом констатируем, что исполнительское мастерство зиждется на единстве знаний, умений и навыков, которые формируются в течение длительного времени и оттачиваются под руководством опытного педагога. Одинаково важны и нужны и знания, и техника, и теория, и практика. В случае, если отсутствуют знания и умения исполнения технических элементов танца, нельзя говорить об исполнительском мастерстве, но когда эти приемы остаются техникой во имя техники, то появляется «техничность», механическое исполнение движений, что имеет малое отношение к искусству. Владение техникой танца должно быть средством создания художественного образа, а не виртуозного исполнения набора сложных «коленцев».

Литература:

1. Анисимов, М. В. Исполнительское мастерство как интегральное индивидуально-творческое качество музыканта-духовика [Текст] / М. В. Анисимов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 3–2. – С. 271–274.
2. Дубских, Т. М. Народно-сценический танец: методика обучения [Текст] : учеб. пособие / Т. М. Дубских. – Санкт-Петербург : Лань, 2017. – 112 с.
3. Иволина, Л. Ф. Категория исполнительского движения в аспекте проблем методологии [Текст] / Л. Ф. Иволина // Манускрипт. – 2016. – № 11–2 (73). – С. 108–112.
4. Карпов, Л. В. Художественные и двигательные аспекты исполнительской техники музыкантов [Текст] / Л. В. Карпов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 91. – С. 111–114.
5. Корлякова, С. Г. Психофизиологические механизмы формирования исполнительской техники музыкантов [Текст] / С. Г. Корлякова // Известия Южного федерального университета. Серия, Технические науки. – 2006. – № 13. – С. 208–212.
6. Москалькова, С. Н. Психолого-педагогические условия формирования исполнительских действий в технике работы кистью и красками у младших школьников с нарушением интеллекта [Текст] / С. Н. Москалькова // Специальное образование. – 2012. – № 4. – С. 57–65.
7. Посельская, Н. С. Значение русской школы классического танца в системе хореографического образования [Текст] / Н. С. Посельская // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Амосова. – 2010. – № 1. – С. 100–104.

8. Уральская, В. И. Исполнительская техника и техничность танцора [Электронный ресурс] / В. И. Уральская // Мир танцев : [сайт]. – URL: <http://mirtancev.ru/ispolnitelskaya-tehnika-i-technichnost-tancora.html>. – Проверено: 16.10.2018.
9. Ястребова, Т. А. Сущность и структура исполнительских навыков школьников в хореографии [Текст] / Т. А. Ястребова, М. Н. Юрьева // Гаудеамус. – 2016. – № 3. – С. 97–102.

УДК 793.31

Бриске И. Э.

*профессор, Челябинский государственный
институт культуры*

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНИКИ НАРОДНО-СЦЕНИЧЕСКОГО ТАНЦА В КОНТЕКСТЕ ПОНЯТИЯ «ИСПОЛНИТЕЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА ХОРЕОГРАФА»

*Исследовательская школа «Ракурсы современности в танцевальной культуре»
хореографического факультета Челябинского государственного института культуры*

В статье поднят вопрос о необходимости рассматривать техническую сторону народно-сценического танца как часть общепрофессиональной подготовки, где осознанность, широта знаний и индивидуальная активность играют важную роль.

Ключевые слова: народно-сценический танец, техника танца, исполнительская культура, профессиональные ценности, условия формирования исполнительской техники

Briske I.

THE FORMATION TECHNIQUE CHARACTER DANCE IN THE CONTEXT OF THE CONCEPT OF «PERFORMING CULTURE CHOREOGRAPHER»

The article raises the question of the need to consider the technical side of folk-stage dance as part of professional training, where awareness, breadth of knowledge and individual activity play an important role.

Keywords: folk-stage dance, dance technique, performing culture, professional values, conditions of formation of performing technique

Вопросами сохранения и развития народно-сценического танца с различных точек зрения занимались многие авторитетные специалисты: танцовщики, педагоги, исследователи. Еще в 30-е гг. XX в. авторы первого учебного пособия [5] по народно-сценическому (характерному) танцу А. Лопухов, А. Ширяев, А. Бочаров зафиксировали достаточно разнообразный перечень народных танцев, который был характерен для репертуара балетного театра. Потребность в подготовке профессиональных танцовщиков подтолкнула авторов переосмыслить свой опыт, систематизировать обширный набор движений, присущих разным народным танцам, обобщить полученный материал. Первая попытка подготовить издание для обучения увенчалась успехом. Учебник пользуется популярностью среди педагогов и танцовщиков до сих пор, являясь примером для других авторов.

Последователем А. Лопухова, А. Ширяева, А. Бочарова стала Т. С. Ткаченко. Она представила запись народных танцев 15-ти республик бывшего Советского Союза [8], где основное место было отведено описанию основных движений, овладение которыми могло помочь педагогу, постановщику и исполнителю в процессе подготовки хореографического произведения – народно-сценического танца. В завершающей части книги автор предлагает систему упражнений, способствующих развитию необходимых исполнительских навыков.

Аналогичную задачу решает и Н. М. Стуколкина – профессиональная танцовщица, блистательно исполнявшая испанские, цыганские, венгерские и прочие характерные танцы. Она стремится перечислить и охарактеризовать качества, которыми должен обладать исполнитель народно-

сценического танца и предлагает 4 экзерсиса, которые нацелены на развитие как технической, так и выразительной составляющей [7].

Одним из аторов, формулирующих принципы создания сценического произведения на основе народного танца, работы с лексикой, подготовки исполнителей к сценической практике, является Г. Ф. Богданов. Природу рождения движения и танца он видит в импровизации. Многие его работы опираются на исследование творческого наследия ведущих балетмейстеров в области народно-сценического танца (в том числе Т. Устиновой, Н. Надеждиной, О. Князевой), которые посвятили свою жизнь сохранению и развитию сути народной хореографии, передачи ее последующим поколениям как художественной ценности [см., например: 1; 2].

Говоря о технике танца, нельзя не назвать имена И. Моисеева, К. Василенко, В. Курбета, Ф. Гаскарова, Г. Тагирова и мн. др. хореографов, создавших профессиональные ансамбли народного танца, демонстрирующие и сегодня образцы высокой сценической исполнительской культуры.

Понятие «техника», «танцевальная техника» и т. п. являются достаточно распространенными в сообществе хореографов. В исследованиях, методических разработках, на научных конференциях, фестивалях и конкурсах неоднократно делались попытки раскрыть их содержание [см., например: 4; 3; 6; 9]. В основном при раскрытии понятия «техника танца» уделяется внимание способности танцовщика ярко исполнить сложные движения. Действительно, нельзя отрицать технологическую сторону танца. Нередко именно блестящее исполнение сложных движений вызывает восторг зрителя, да и самих исполнителей. Во второй половине XX в. в профессиональных ансамблях народного танца появились «трюкачи» – танцоры, которые специализировались на исполнении особо ярких и сложных движений и их вариантов (присядок, прыжков, вращений и пр.). Таких примеров достаточно в мужском танце. Порой именно владение «трюком» служило гарантом для поступления в профессиональный ансамбль.

Формирование народно-сценического танца происходило достаточно активно: сохранялось «старое», рождалось «новое». Создавались системы подготовки исполнителя, претворялись в жизнь творческие проекты, возникали и утверждались всевозможные фестивали и конкурсы. О последних необходимо сказать, что довольно часто именно они стимулировали рост технического уровня танца. Подтверждением этому является прописанный в положениях критерий оценки конкурсного номера.

За многие десятилетия хореографическое искусство и творчество сделали большой рывок вперед. Для любительской сферы, амбициозных коллективов важно быть не хуже профессионалов. И в этом немало плюсов. Например, стремление овладеть репертуаром профессионального ансамбля народного танца расширяет репертуар любительского коллектива и может способствовать повышению уровня техники исполнения танца. В данный момент речь идет о коллективах стабильных, с системной учебной, постановочной и концертной работой. Руководители таких коллективов четко определяют ближние и дальние творческие цели, владеют методикой подготовки и осуществления учебно-воспитательного процесса, руководствуясь учетом индивидуальных особенностей своих воспитанников. Но не все и не всегда так благополучно. Нередко встречаются и такие коллективы, где происходит натаскивание на исполнение тех или иных движений, а внешний эффект важнее художественной-эстетической и нравственной сущности.

На современном этапе хореографы имеют возможность получать нужную информацию, не выходя из дома. Мультимедийные системы позволяют визуально воспринять учебно-танцевальный материал различных учреждений, педагогов, постановщиков. Важно, что в потоке видеoinформации можно найти достоверную версию исполнения того или иного народного танца. Наличие видеоматериала позволяет видеть особенности мельчайших и очень важных деталей движений, стиля танца, которые вырабатывались годами и даже столетиями. Каждый народ постепенно создавал целостную и ценностную систему мироощущения и поиска себя в окружающем мире.

Если проанализировать различные национальные танцы, то в итоге мы можем получить тот факт, что в основном танец связан с трудовым процессом, взаимоотношением мужчины и женщины, восприятием природы и т. п. Народный танец силен своей нравственной стороной, бережным отношением друг к другу. Однако схожесть не означает одинаковость, т. к. за общим лежит особенное, не-

повторимое, что связано с географическими и климатическими условиями жизни народа, одеждой, традициями заботиться о своем здоровье, украшать себя по особым случаям и пр.

Долгое время, в исследованиях о технике танца, предполагалось, что речь должна идти о лексике, которая связана с движением ног, причем достаточно сложных: высоких прыжках, замысловатых дробях, бросками ног. Выше отмечалось, что танцевальное своеобразие каждого народа связано с особенностями условий жизни и выработанными в них традициями, в том числе художественными и нравственно-этическими. В связи с этим следует отметить, что понятие техники танца должно быть более гибким и глубоким. Невозможно представить танец узбекских, таджикских, башкирских девушек с высоким подъемом ног, т. к. видное место в их хореографии занимают движения рук, кисти, корпуса. Но странно не увидеть в танцах испанок, цыганок, мексиканок высокие прыжки, резкие перегибы, большие броски ног, поднимающие длинную тяжелую юбку. Украинский хлопец демонстрирует свою ловкость в движениях большой амплитуды, а колмыкский юноша в быстрых переступаниях ног, вибрации плеч. Подобных примеров можно привести немало. Иными словами, техника танца определяется специфическими чертами национальной хореографии. Но это не исключает использование одних и тех же приемов, повышающих технический уровень, например, разные движения можно исполнять в многократных поворотах или не ограничиваться повторами одного движения, а сочетать его с другими.

Основой формирования техники танца, в нашем случае народно-сценического является устойчивая, сформированная в среде хореографического образования система, содержащая комплекс разнообразных средств, способствующих развитию различных двигательных навыков и умений. Но техника танца не может ограничиваться только ими. О мастерстве исполнителя, его технике можно говорить только в том случае, если он демонстрирует не владение разнообразным перечнем движений, а приемами их исполнения в различных творческих ситуациях. Здесь следует отметить, что народная танцевальная (в том числе и сценическая) культура представлена не только лексическим материалом, но и богатым композиционным решением, который в первую очередь связана с рисунком танца. Перемещение в сценическом пространстве создает дополнительную трудность танцору.

Разнообразные композиционные формы народно-сценического танца (хороводы, пляски, переплясы, кадрили) в основе своей парные или парно-массовые. Формируя технику танца, важно понимать, что сольный танец позволяет исполнителю сосредоточиться на самом себе: сконцентрировать внимание на хореографическом тексте, допустить какую-либо нюансировку, вплоть до импровизации. В парном и парно-массовом танце уровень техники танца определяется характером взаимоотношений партнеров, который раскрывается в различных ракурсах, смене направлений продвижения, переходов от партнера к партнеру и т. п. Повышается требование к координации движений как в статичном положении исполнителей (танец на одном месте), так и к координации в пространстве (что характерно для многих народных танцев).

Исполнительская деятельность танцора представляет собой взаимосвязь различных видов деятельности: моторную, слуховую, эмоциональную. Моторная связана с подготовленностью опорно-двигательного аппарата (суставов и мышц) и не ограничивается только воспроизведением танцевальных движений. Учитывая конструкцию национального костюма, особенности его кроя, длины и пр. танцор выполняет манипуляции с его деталями или атрибутами, присущими для того или иного народного танца. Например, исполнительница цыганского, испанского, мексиканского и т. п. танцев должен владеть техникой работы с юбкой; в итальянском танце колорит достигается за счет владения техникой игры на тамбурине; особую яркость испанским танцам (арагонская хота, качуча) придает игра на кастаньетах, а сегидилья не мыслима без веера, который в руках танцовщиц находится в постоянном движении.

Слуховая деятельность исполнителя народно-сценического танца обеспечивается уровнем развития музыкального слуха и музыкального вкуса. Она проявляется в способности услышать не только темпо-метрическую основу национальной музыки, но и точно реагировать на ее интонационные и ритмические особенности, которые в свою очередь связаны с традиционными инструментами и особенностью звукоизвлечения.

Эмоциональная деятельность опирается на память, воображение, восприятие и связана с переводом моторной деятельности в художественную, т. к. одной из целей современного исполнителя народно-сценического танца является создание художественного образа, окрашенного эмоциональной канвой.

В целом техника танца определяется, с одной стороны, системой занятий, где важное значение имеет педагог (его система профессиональных ценностей), с другой стороны, личностью обучающегося (исполнителя), его психофизиологическими и физическими ресурсами, *где большую роль играет воля и мотивация.*

Понятие исполнительской культуры хореографа в первую очередь связано с исполнительской деятельностью, в основе которой находится владение разнообразным перечнем танцевальных движений и приемов их исполнения. Исходя из того, что в основе любой деятельности лежит цель, можно утверждать, что у танцора она связана с достижением высокого уровня исполнительского мастерства. В свою очередь цель достигается решением ряда задач, в том числе: опираясь на методику движений, добиться их выразительности; овладеть техникой исполнения основных лексических групп; развить способность применить полученные умения и навыки в различных творческих ситуациях, быть готовым мобильно реагировать на динамику приоритетов в исполнительском искусстве. Обращаясь к понятию культуры, важно не потерять связь с, одной стороны, с обязательным наличием признаков и качеств, присущих данному культурному явлению, которые вырабатывались не одним поколением и были признаны последующими. С другой стороны, культура предполагает постоянное развитие, возделывание достигнутого результата. Такими характеристиками обладает и исполнительская культура хореографа. Личность исполнителя с его волевыми установками, амбициями, умением критически оценивать свои возможности и достижения является в ней обязательным. Культура всегда направлена на возвышение, поиск непознанного в том, что уже известно и получено.

Культура хореографа – явление объемное и многоплановое. Она возникает в процессе, определяет его и является процессом. Современный творец, художник (танцовщица, исполнитель для нас таковым и является) не может замыкаться на узкой специализации (амплуа, трюке). Техническое совершенствование не должно связываться только с технологическим уровнем танца, т. к. такой подход обрекает личность исполнителя на ремесленческий уровень профессиональной деятельности. Актуальнее формировать в себе ценностное отношение к ней в целом и в тоже время развивать способность видеть в каждом движении, жесте, позе открыть возможности тела, мысли, эмоции.

Работая над техникой танца, исполнитель должен стремиться развивать не только физические данные опорно-двигательного аппарата. Путем каждодневных упражнений добиваться почти автоматического воспроизведения действий и движений, характерных для определенного танца. Владение лексикой танца должно формироваться одновременно с изучением традиций и истоков каждой народной культуры, особенностей музыки, костюма, уклада жизни и т. п. Наличие таких знаний, обращение к ним в исполнительской практике могут снять психологические зажимы, эмоциональную заторможенность, скованность, что неизбежно скажется на уровне исполнения. Если исполнитель оснащен этими знаниями, то он способен поставить себя на место башкирского охотника или колмыкского наездника, татарской девушки, готовящей пищу или русской, готовящуюся к свадебному обряду. Именно эта осведомленность поможет исполнителю постичь художественный образ и в сценической версии полноценно донести его до зрителя. В этом случае каждое движение приобретет силу, наполнится смыслом, исполнится завершено и ярко.

Осведомленность в достижениях народно-сценического танца играет большую роль в развитии его техники. Знакомство с деятельностью ведущих ансамблей народного танца им. И. А. Моисеева, Н. С. Надеждной, Ф. Гаскарова и многих других дают информацию о том, к чему стремиться. Но недостаточно только восприятия, эмоционального выплеска на красоту артистов и их технические достижения. Необходимо изучение системы подготовки профессиональных танцовщиков, их индивидуальных «рецептов». Именно репертуар таких творческих коллективов убеждает в том, что техника танца не должна связываться только с исполнением сложных движений. В среде хореографов бытует мнение, что проще исполнить жизнерадостную пляску, чем хоровод. Исполнение лирических композиций, где не-

редко рисунок несет основную образно-смысловую нагрузку, техника танца связана с умением подстраивать себя под коллективное действие, унисонность и тем самым поразить зрителя, вызвать у него восторг. Ярким примером здесь могут быть хороводы Н. Надеждой в исполнении ансамбля «Березка». Вряд ли у кого-нибудь появится желание возразить тому, что уникальный ход, создающий эффект непрерывного парения является проявлением профессионализма и высоко уровня техники танца.

Многие выдающиеся исполнители, педагоги и балетмейстеры: Н. И. Тарасов, И. А. Моисеев, Г. С. Уланова, В. Д. Тихомиров, А. Я. Ваганова, Т. С. Ткаченко, В. В. Васильев и др. – отмечали, что мастерство танцовщика предполагает профессиональное владение танцевально-выразительными средствами в условиях сценической задачи, однако технику танца следует рассматривать как средство выразительности, а не как самоцель.

Подготовка исполнителей народно-сценического танца на современном этапе во многом превосходит уровень их предшественников. Однако, обращаясь к наследию сценической хореографии и традиционному народному танцу мы находим подтверждение, что движение – лишь средство, а его истинный смысл и предназначение – создание полноценного художественного образа, что возможно в контексте исполнительской культуры хореографа как профессиональной ценности.

Литература:

1. Богданов, Г. Ф. Основы хореографической драматургии / Г. Ф. Богданов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Лань, Планета музыки, 2017 – 168 с.
2. Богданов, Г. Ф. Самобытность русского танца : учеб. пособие для вузов культуры и искусств / Г. Ф. Богданов ; Москов. гос. ун-т культуры и искусств. – [2. изд.]. – Москва : Изд-во МГУК, 2003. – 221 с.
3. Бурнаев, А. Г. Теоретические основы формирования жанров в хореографическом искусстве / А. Г. Бурнаев // Известия Самарского научного центра РАН. – 2011. – № 2–3. – С. 723–726.
4. Карпенко, В. Н. Анализ танцевальной терминологии в классическом танце / В. Н. Карпенко, Д. С. Тарасова, И. А. Карпенко // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 3–1 (20). – С. 79–84.
5. Лопухов, А. В. Основы характерного танца / А. В. Лопухов, А. В. Ширяев, А. И. Бочаров. – изд. 4-е, стер. – Санкт-Петербург [и др.] : Планета музыки : Лань, 2010. – 343 с. – (Мир культуры, истории и философии).
6. Матушкина, М. В. Танцевальная импровизация: истоки и история развития в начале XX в. / М. В. Матушкина // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 9. – С. 98–101.
7. Стуколкина, Н. М. Четыре экзерсиса. Уроки характерного танца / Н. М. Стуколкина. – Москва : Всерос. театр. о-во, 1972. – 398 с.
8. Ткаченко, Т. С. Народный танец / Т. С. Ткаченко. – Москва : Искусство, 1954. – 680 с.
9. Шиповская, Л. П. Хореографическое искусство как эстетическая ценность / Л. П. Шиповская, В. Е. Барановский // Сервис +. – 2009. – № 1. – С. 98–100.

УДК 793.3

Ивлева Л. Д.

*профессор, Челябинский государственный
институт культуры*

РОЛЬ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ТЕХНИКИ В ОСВОЕНИИ МЕТОДОВ И ПРИЕМОВ КОМПОЗИЦИИ КЛАССИЧЕСКОГО ТАНЦА

*Исследовательская школа «Ракурсы современности в танцевальной культуре»
хореографического факультета Челябинского государственного института культуры*

Статья посвящена вопросам использования исполнительской техники в процессе создания композиции классического танца.

Ключевые слова: хореографическое образование, классический танец, Мариус Петипа, композиция классического танца, вариация

THE ROLE OF PERFORMANCE TECHNIQUES IN THE DEVELOPMENT OF METHODS AND CLASSICAL DANCE COMPOSITION TECHNIQUES

The article is devoted to the use of performing technology in the process of creating a composition of classical dance.

Keywords: choreographic education, classical dance, Marius Petipa, the composition of classical dance, variation

Специализация «Хореографическое искусство», направление «Искусство балетмейстера» предполагает формирование квалифицированного специалиста, способного самостоятельно составлять и сочинять танцевальные комбинации, развернутые оригинальные композиции. Одним из основных предметов является «Композиция классического танца». Он включает в себя два раздела: теоретический и практический. Темы теоретических разделов: истоки зарождения и развития теории композиции классического танца; основы теории композиции классического танца; основные и частные законы композиции танца; правила построения композиции танца; приемы композиции классического танца; приемы импровизации и интерпретации в классическом танце; основы музыкально-хореографической композиции классического танца. Практические темы: организация сценического пространства; составление и сочинение сценических комбинаций; составление и сочинение танцевального этюда; импровизация как прием в сочинении комбинации; интерпретация на основе композиции классического наследия; сочинение развернутых и оригинальных композиций. Именно для того, чтобы студенты могли освоить предложенные теоретические и практические темы, абитуриентам, поступающим на данную специализацию, желательно владеть знаниями в области классического танца и истории балета. Они должны иметь представление о творчестве выдающихся балетмейстеров: М. Петипа, Л. Иванова, М. Фокина, Ю. Григоровича и др.

Значительную роль в подготовке хореографов играет исследование наследия М. Петипа, изучение которого способствует развитию понимания соотношения музыки и хореографии в процессе создания композиции. Для Петипа условные формы танца были подобны структурным формам музыки, а поэтическая выразительность танца равнялась поэтической образности музыки. [1, с. 159] Танцевальные сцены в балетах Петипа выражают мысли и чувства, они являются образцом техники классического балета.

Но основное требование к будущим хореографам – владение техникой классического танца, включающей знание основных групп движений экзерсиса классического танца у палки и на середине: позы, *port de bras*, *temps lie*, виды прыжков, связующие движения, пальцевую технику. Необходимо иметь представление о формах классического танца: *pas de deux*, *pas de trois*, *pas de quatre*. И особенно важно знать особенности вариационной формы, которая достигла в творчестве Петипа наивысшего расцвета. Вариации показывают технические возможности артиста, возможности его виртуозной техники, исполнительского мастерства. С другой стороны, вариация – своеобразный хореографический портрет героя или героини, раскрывающий основную черту образа. Таким образом, исполнительская техника становится источником для поиска выразительных средств. Используя всевозможные сочетания лексики классического танца, Петипа передавал настроение, характеры и чувства героинь [2].

В каждом балете Петипа – «Спящая красавица», «Баядерка», «Раймонда», «Дон-Кихот» – образы главных героинь созданы с помощью особой исполнительской техники, особых сочетаний движений и поз классического танца, манеры исполнения. Осваивая данную технику, молодой хореограф становится не только носителем традиций, но и получает возможность развивать данные принципы в собственных композициях.

Таким образом, знания в области классического танца и балета, а также владение основными элементами техники классического танца, позволяет овладеть технологией составления и сочинения хореографических композиций.

Литература:

1. Красовская, В. М. История русского балета [Электронный ресурс] : учеб. пособие / В. М. Красовская. – Санкт-Петербург : Лань, Планета Музыки, 2008. – 288 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=1951. – Проверено: 20.10.2018.
2. Красовская, В. М. Русский балетный театр второй половины XIX века [Электронный ресурс] / В. М. Красовская. – Санкт-Петербург : Лань, Планета Музыки, 2008. – 688 с. – URL: http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_id=1956. – Проверено: 20.10.2018.

УДК 793.3

Герне Л. А.

*студентка Гуманитарного университета
по направлению подготовки
Хореографическое искусство, г.
Екатеринбург*

*Науч. рук.: Елена Валерьевна Коротаева,
старший преподаватель кафедры
танцевальных дисциплин Гуманитарного
университета, г. Екатеринбург*

УПРАЖНЕНИЯ НА КООРДИНАЦИЮ КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ДВИГАТЕЛЬНОЙ И ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ СКОРОСТИ УСВОЕНИЯ МАТЕРИАЛА

В данной статье производится анализ воздействия физической активности на мозговую деятельность человека. Особое внимание здесь уделяется положительному эффекту тренировки памяти путем выполнения физических упражнений, связанных со сложной координацией, так как упражнения со сложной синхронизацией движений рук, ног и корпуса лежат в основе народно-сценического танца.

Ключевые слова: координация, память, двигательная память, моторная память, процесс запоминания, информация, сосредоточенность, внимание

Gerne L.

EXERCISES FOR COORDINATION AS A WAY TO DEVELOP MOTOR AND OPERATIONAL MEMORY TO INCREASE THE SPEED OF MASTERING THE MATERIAL

This article analyzes the impact of physical activity on human brain activity. Particular attention is paid here to the positive effect of memory training by performing physical exercises related to complex coordination, since exercises with complex synchronization of movements of hands, legs and hull are at the basis of folk–stage dance.

Keywords: coordination, memory, motor memory, motor memory, memorization process, information, concentration, attention

Что необходимо студенту хореографического факультета для успешного и плодотворного обучения? Факторы, которые влияют на успех танцовщика в обучении и дальнейшей карьере, можно поделить на две категории: физические и психологические. К физическим относятся данные будущего танцовщика: его шаг, гибкость, выворотность, пластичность, музыкальность, физические особенности (рост, вес, общее состояние здоровья). К психологическим можно отнести его устойчивость к стрессам, умение быстро переключаться с одного характера активности на другой, его артистизм, целеустремленность, способность быстро усваивать получаемые знания и умения и правильно применить их.

Не каждый студент обладает хорошей памятью, позволяющей ему запоминать и усваивать большое количество информации во время обучения в университете. Но программа обучения по каждому предмету построена таким образом, чтобы студентам было удобно осваивать тонкости

хореографического искусства, а также тренировать свои способности к быстрому запоминанию материала. Какие именно упражнения помогают студентам в тренировке своей памяти? Одними из главных и значимых для развития своих интеллектуальных качеств являются упражнения на координацию. Координация (от латинского *Coordinatio* – взаимоупорядочение) – умение согласовывать движения различных частей тела, процесс согласования активности мышц тела, направленные на успешное выполнение двигательной задачи [3].

Рассмотрим, как упражнения на координацию влияют на разные виды памяти человека. Двигательная (моторная) память представляет собой психологический процесс запоминания, хранения и воспроизведения различных движений. Двигательную память относят к типу долгосрочной памяти, и это дает основание говорить, что данный вид памяти для танцора – важная возможность его мыслительных процессов, которую крайне необходимо тренировать и развивать. Известно, что физическая активность положительно влияет на развитие памяти у человека. Так, упражнения на выносливость способствуют выработке нейронами гиппокампа особого белка BDNF, ответственного за образование новых нейронов, что напрямую влияет на улучшение памяти. Упражнения, направленные на укрепление мышечного аппарата, улучшают пространственную память и исполнительные функции. Исследования также показали увеличение объёма базальных ганглиев после таких упражнений на координацию, как удержание баланса, синхронизация движений рук и ног [там же].

Упражнения со сложной координацией движений, помогают развивать сосредоточенность, которая является главной составляющей успешного освоения материала. Мозжечок – отдел головного мозга, который не только отвечает за координацию движений, регуляцию равновесия и мышечного тонуса, но также принимает участие в концентрации внимания. Хорошим подтверждением этого является упражнение *battement fondu*. Здесь важно не только держать равновесие и методично выполнять движения. Сложной по координации является задача синхронизации движения конечностей и корпуса, а также переход от плавных движений рабочей ноги к резкому приведению её в положение *sur le cou-de-pied*. Таким образом, отработка сложных по координации движений активизирует мозжечок, отвечающий за повышение внимания. В упражнении *plie* дается довольно простая координация движений рук, ног и корпуса танцовщика, так как *plie* – это первое упражнение экзерсиса у станка и обычно здесь нет большого разнообразия движений в ногах. В время выполнения *plie* ученик может внимательно отследить движения рук, корпуса, головы, не забывая при этом должным образом выполнять работу в ногах.

Упражнения на синхронизацию улучшают зрительно-пространственную обработку информации, которая необходима для определения расстояния в уме, что так же играет важную роль в танцевальном процессе.

Другой тип памяти – оперативная. Она отвечает за способность удерживать информацию в голове и одновременно манипулировать ею, обрабатывая, сортируя на необходимую, либо ненужную для работы в данный момент. В ходе некоторых исследований выяснилось, что положительный эффект дают те упражнения, где нужно одновременно двигаться и ориентироваться, размышлять, в каком направлении и как это делать [2]. Для примера рассмотрим упражнение *flic-flac*. Это упражнение учит не только чувствовать расслабленные стопы так же хорошо, как и натянутые, но и координировать различные по силе напряжения движения, так как в данном упражнении корпус остается подтянутым, руки выполняют четкие движения. Ещё одним хорошим примером является упражнение *battements tendus*. Здесь координация становится более сложной, так как работа ног становится активной. *Battements tendus* с подъёмом пятки опорной ноги, с выносом ноги на каблук, с *plie* [1, с. 23], движение в различной музыкальной раскладке – такое разнообразие вариантов выполнения данного упражнения уже является важной частью координационной составляющей урока. А в сочетании с чёткой работой рук, корпуса и головы это заставляет ученика быть более внимательным и сконцентрированным, ускоряя тем самым процессы запоминания информации. Эти и многие другие упражнения на координацию из экзерсиса народно-сценического танца как нельзя лучше развивают чувство проприоцепции (ощущения положения частей собственного тела относительно друг друга и в пространстве) [2], из чего следует, что сложные координационные элементы в процессе обучения позволяют студентам быстрее улавливать и запоминать важные знания, не отвлекаясь на какие-либо факторы, рассеивающие их внимание.

Подводя итоги, выделим главные особенности процесса запоминания информации, развитие которых даёт нам выполнение упражнений на координацию в народно-сценическом танце:

- повышение концентрации внимания;
- развитие чувства проприоцепции, что позволяет быстрее отбирать важную информацию и быстрее запоминать её.

Помимо развития навыков быстрого запоминания и усвоения информации, данные упражнения напрямую развивают наше тело. Задания на координацию влияют:

- на способность к осознанию себя в данном пространстве и само пространство вокруг;
- способность к быстрому перестраиванию (движения в разных направлениях, быстрая смена положения корпуса и конечностей);
- умение работать сегментировано;
- умение работать руками и ногами в разных темпоритмах;
- развитие вестибулярного аппарата и на другие навыки.

Так, к примеру, выполняя те или иные упражнения экзерсиса народно-сценического танца у станка или на середине, ученик способен рассчитывать амплитуду и широту своих движений, чтобы не получить травму самому и не нанести их другим. Практически все упражнения на координацию в народно-сценическом танце основаны на быстрой смене положения корпуса в процессе выполнения различных упражнения, на работу рук и ног в разных плоскостях. Из урока в урок студенты развивают эти умения.

Способность работать сегментировано – то, на чем основаны упражнения на координацию. Разница в темпо-ритме движений заключается не только в выполнении упражнений различных характеров и народностей, но и в работе рук, ног и корпуса в рамках одного упражнения. Сегментированность и умение работать в разных ритмах, – то, что важно в любом танце, будь то народно-сценический, классический или современный; развиваются эти умения лучше всего именно посредством народно-сценического танца. Развитый вестибулярный аппарат важен для выполнения различных вращений и трюковых элементов в танце, и развивается он именно за счет чувства проприоцепции, на котором основаны упражнения на координацию. Изучение любых новых упражнений начинается с простейших элементов, поэтому и в случае упражнений на координацию стоит поступать точно так же: в начале для разучивания даются простые тренировочные упражнения, затем усложняется работа рук, ног и корпуса, увеличивается амплитуда движений, скорость выполнения хореографии. Постепенно на основе изученного материалы выстраиваются комбинации и этюды. Своевременное увеличение нагрузки приводит к более высоким результатам. Этот факт следует учитывать и при построении экзерсиса в народно-сценическом танце.

Подводя итоги, можно уверенно говорить о том, что грамотно составленный экзерсис народно-сценического танца, включающий в себя подобранные по уровню подготовки ученика упражнения (среди которых будут и упражнения на координацию), даёт возможность студенту развить свои не только физические, но и умственные способности.

Литература:

1. Тарасова, Н. Б. Теория и методика преподавания народно-сценического (характерного) танца [Текст] : учеб.-метод. пособие для студентов, обучающихся по направлению 071200 «Хореографическое искусство», образоват. программы «Педагогика балета», «Искусство балетмейстера», «Искусство хореографа» / Н. Б. Тарасова. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Акад. рус. балета им. А. Я. Вагановой, 2015. – 126 с.
2. Баранская, И. Как разные типы упражнений влияют на наш мозг [Электронный ресурс] / И. Баранская // Лайфхакер : [сайт]. – URL: <https://lifehacker.ru>. – Дата обращения: 24.09.2018.
3. New Finding: Different Types of Exercise Affect Different Parts of Your Brain [Электронный ресурс] [публ. 25 окт. 2017 г.] // [Conscious Life News] : [сайт]. – URL: <https://consciouslifeneeds.com/new-finding-different-types-exercise-affect-different-parts-brain/11121031/#>. – Дата обращения: 24.09.2018.

ПРОГНОЗЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ И МОТИВАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ О ПРОБЛЕМЕ

*Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана,
доктора философских наук, профессора,
Челябинский государственный институт культуры*

Хореографическое искусство как форма художественной деятельности способно воздействовать на сознание и эмоционально-чувственные компоненты зрительской аудитории. Своими композиционными оборотами, свойственными приемам выразительных средств, одним из которых является исполнительская техника, оно детерминировано априори. Природные данные (способности) и потенциальные возможности для занятия хореографией желательны, для освоения базовой школы, для овладения техническими навыками – обладают коннективными свойствами, и наконец, для демонстрации и передачи художественной информации аксиологического свойства – это квинтэссенция совершенства. Повышение значимости общественного мнения, детерминированное демократией общественной жизни, позволяет усиливать роль не только идеологического свойства, но и аксиологического. Развитие общественного мнения можно формировать разными методами, в т. ч. приемами композиционного воздействия. Идеи могут порождаться представителями различных социологических групп, но именно философы, историки, представители искусства способны исследовать и изучать особенности духовного мира общества, проецировать вектор пути его возможного развития.

Ключевые слова: культурологическое исследование, реновационный метод, ценности, исполнительская техника, общественное мнение

Kosobutskaya N.

FORECASTS OF THE SOCIOLOGICAL RESEARCH AND MOTIVATION FOR REFLECTION ON THE TOPIC

Choreographic art as a form of artistic activity can influence the consciousness and emotional and sensual components of the viewership. It is determined (definitely, clearly), a priori (veritably) with its compositional turns, peculiar for methods of expressive means, one of which is the performing technique. Natural talent (gifts) and potential opportunities for choreography are desirable, for mastering basic school, mastering technical skills possesses connective (more suitable) properties, and finally a performing technique is quintessence (essential the basis, the most important part) of perfection for demonstrating and transmitting artistic information and axiological properties.

The increased importance of public opinion, determined by the democracy of public life, makes it possible to strengthen the role of not only the ideological quality, but also the axiological one. The development of public opinion can be shaped by various methods, including methods of compositional influence (in choreography). Ideas can be generated by representatives of various sociological groups, but it is philosophers, historians, representatives of art that are able to explore and study the peculiarities of the spiritual world of society, project the vector of the path of its possible development.

Keywords: cultural research, renovation method, values, performing technique, public opinion

Результаты нашего исследования актуализации культурного наследия позволили выявить интересный момент. Проблема заключается в следующем. Хореографическое искусство, танце-

вальная культура обладают в обществе (в общественных категориях) определенной специфической особенностью. Это не только вид художественной, досуговой и развлекательной деятельности, но и целая система социальных институтов, позволяющая влиять на общество, в значительной степени воздействовать на нравственно-мировоззренческие и иные процессы в нем, формировать ценностные установки общества и его взгляд на мир [1, с. 190].

Информация, представляемая для аудитории и зрителей, «базируется на ощущениях, внимании, памяти, суждениях и умозаключениях, <...> она оформляется в мысль в виде развернутых словесных конструкций и выражается отношением зрителя к увиденному» [3, с. 177, 178]. В памяти остается впечатление, в мыслях формируется ассоциация и происходит постепенное образование субъективного мнения. Однако любое индивидуальное восприятие всегда опирается на представление группы, коллектива, в рамках которых мы существуем, значит, мнение индивида кореллирует коллективному воззрению.

Феноменом общественного мнения является отношение личностей или различных групп людей к событиям и процессам действительной жизни, затрагивающим их интересы и потребности, что проявляется как форма массового сознания [2]. Представим результаты общественного мнения жителей Уральского региона (представителей различных социальных и профессиональных групп), знающих или интересующихся его историей, участвовавших в экономических, социокультурных процессах развития территории. Примером художественной практики в аналитическом эксперименте в нашем случае является деятельность государственного ансамбля народного танца «Урал», его востребованность среди жителей г. Челябинска. Мы опросили 200 зрителей хореографических представлений, проанализировали ответы и получили следующие результаты.

Среди наиболее ярко выраженных мотивов обращения к творчеству ансамбля «Урал» можно выделить следующие три:

1. «Мотив эталонного образца»: «Привлекает уровень мастерства и подготовки танцоров данного коллектива, их профессионализм» (55,78 %).
2. «Мотив консолидации»: «Профессиональный интерес: сам (а) занимаюсь танцем» (38,19 %).
3. «Мотив приобщения к истокам»: «Испытываю потребность приобщения к русской народной культуре, истокам, традициям» (28,14 %).

Можно констатировать, что зрителей в большей степени привлекает не столько содержательная, сюжетная, ценностная, сколько внешняя, связанная с уровнем мастерства и профессионализма, сторона творчества ансамбля «Урал». Хотя почти треть опрошенных и отметили значимость приобщения к народной культуре, национальным культурным истокам.

Акцент на зрелищность и развлекательный потенциал сделали респонденты при ответе на второй вопрос анкеты, связанный с наиболее приемлемыми для них характеристиками ансамбля. Без малого половина из них (46,23 %) выбрали следующую: «Выступления этого коллектива всегда зрелищны и интересны, позволяют хорошо провести время». 37,69 % участников опроса сделали акцент на актуализации в хореографических постановках «Урала» традиций в живой и интересной форме. Ещё 27,14 % остановили свой выбор на мысли о том, что творчество ансамбля позволяет ощутить связь времён и способствует формированию патриотизма. Таким образом, можно говорить о доминировании зрелищно-развлекательной компоненты в общем восприятии творчества ансамбля «Урал» зрителями (около половины респондентов).

Аналогичное распределение мнений мы видим и при анализе ответов на вопрос об отличительных чертах ансамбля «Урал». Наиболее популярным стал ответ «выдающееся хореографическое мастерство» (46,73%). Вторым по востребованности вариантом можно назвать «исполнение народных танцев» (42,21%), что не удивительно, поскольку в самом названии коллектива заложена эта характеристика. Стоит отметить и вариант «совмещение народных и современных элементов в танце», его выбрали 37,69% респондентов.

Идею об адаптации культурного наследия к потребностям актуальности («Прошное следует активно использовать в сегодняшнем дне, адаптируя к нынешней ситуации, прошлое мно-

тому может научить современного человека») высказали более половины опрошенных (55,28%), отвечая на вопрос об отношении к прошлому и наследию. Чуть менее трети респондентов высказались за бережное отношение к прошлому и традициям, которые не следует изменять и трансформировать.

По мнению большинства участников опроса, именно такую задачу – актуализации наследия и традиций русской культуры – и выполняет ансамбль народного танца «Урал» (51,76%). На втором месте оказалось сразу три варианта ответа с примерно равным распределением голосов: сохранение русских народных традиций (34,67%), презентация специфики региона (33,67%) и продвижение танцевального искусства (31,66%).

Подводя итог данного направления исследования, можно сказать, что с точки зрения потребителей художественного продукта (зрителей), производимого ансамблем народного танца «Урал», коллектив ассоциируется прежде всего с внешними атрибутивными составляющими – профессионализмом, техническим совершенством, мастерством и зрелищностью исполнения, досуговой привлекательностью постановок. Содержательные (ценностные, смысловые) характеристики (сохранение традиций, формирование патриотических настроений) оказались хотя и значимыми, но не доминирующими. В качестве миссии ансамбля и одновременно одной из наиболее презентативных черт респонденты выделили актуализацию культурного наследия, адаптацию его к запросам современности, что в целом отражает специфику их восприятия прошлого.

Проведя исследование с использованием метода массового опроса, мы получили репрезентативные данные, позволяющие нам вести суждения по вопросам не только культурологического, но и более узкого профессионального свойства.

Исход результатов показывает неустойчивость позиции в представлении ценности народной культуры, значимости её сохранения в условиях современного социокультурного пространства, консеквенции в зависимости от исполнительской техники и технизации танцевального движения. Исполнительское совершенствование является одним из приемов реновационного метода модернизационного сценария актуализации народной хореографии, но его базисная основа прежде всего опирается на содержательную и смысловую глубину в произведении. Это одно из условий аксиологического свойства.

Второе свойство идеологического значения (прием активизации внимания через внешние факторы и активация сознания через психологически-чувственные механизмы) заключается в специфике восприятия танцевальной композиции зрителем. В ее компонентной составляющей есть хореография, музыка, художественное оформление, но абсолютной иллюстрацией является исполнитель. Совершенная пластика освобождает его эмоции и позволяет создавать истинные образы, доносить «подлинное» «настоящее», а также через архитектонику и комбинаторность движений овладевать сознанием зрителей. «Одно и то же движение, выполненное с разным напряжением, создает разные мышечные чувства, которые активно воздействуют на зрителя, создавая у него различные впечатления. Поэтому любое изменение в танцевальной композиции, тесно связанное с мышечным напряжением, выраженным в том или ином танцевальном движении, воспринимается и зрителем» [3, с. 179].

Как было сказано выше, чтобы нести информацию и с ее помощью институализировать общественное мнение, нужно стремиться быть совершенным во многом. «Нельзя привносить то, что "хуже" и "просто". Нельзя упрощать в угоду чему-либо, кому-либо... Профессионализм – это точность выражения. Во имя чего? Что ты хочешь сказать тем или иным движением? Когда за формой есть содержание, смысл, тогда это интересно, замечательно для зрителя», – репетируя, прокомментировал особенности постановочной работы Владимир Васильев, балетмейстер, хореограф, Народный артист СССР Владимир Васильев (в одной из передач цикла «Класс мастера» на канале «Культура»).

Считается, что после просмотренного спектакля или представления в восприятии зрителя остается общее впечатление: «понравилось», «не понравилось». И, если ошибки случаются, они носят скорее закономерный характер, т. к. отражают субъективную оценку «воспринимае-

мого». Повышение значимости общественного мнения, детерминированное демократизацией социальной жизни, позволяет не только идеологизировать события, но проявляться подобно индикатору, обнаруживать недостатки культурного регресса [3, с. 180].

Таким образом, основной задачей в воспитании исполнителей является пробуждение желания и устойчивого интереса к освоению технически сложных заданий; формирование у них навыка эстетического наслаждения в отображении смысловой содержательности хореографического произведения; выработки ответственности в выполнении методических и инструктивных норм и правил; соблюдении коммуникативной порядочности и творческой доброжелательности.

Литература:

1. Артемьева, Т. В. Фандрейзинг: привлечение средств на проекты и программы в сфере культуры и образования [Текст] : учеб. пособие / Т. В. Артемьева, Г. Л. Тульчинский. – Санкт-Петербург : Лань ; ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2010. – 228 с.
2. Общественное мнение [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия : [официал. сайт]. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Общественное_мнение. – Проверено: 13.10.2018.
3. Панферов, В. И. Мастерство хореографа / В. И. Панферов. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2009. – 368 с.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

УДК 351/354

Холин Е. И.

*студент Финансового университета при
Правительстве РФ, Челябинский филиал*

*Науч. рук.: Перезовова О. В., кандидат
педагогических наук, доцент,
профессор РАЕ*

РАЗВИТИЕ GR-ТЕХНОЛОГИЙ МОЛОДЫМИ СПЕЦИАЛИСТАМИ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

*Социологическая научная школа Финансового университета
при Правительстве РФ, Челябинский филиал*

Автором статьи доказывается тезис о том, что GR сегодня играет важную роль в формировании благоприятных отношений в сфере государственно-частного партнерства. Автор приводит сравнительный анализ национальной модели GR и зарубежных. Указаны основные отрасли, в которых распространены GR-коммуникации, тезисы подкреплены примерами.

Ключевые слова: GR-технологии, GR-менеджмент, российский рынок GR

Kholin E.

DEVELOPMENT OF GR TECHNOLOGIES BY YOUNG SPECIALISTS IN THE PUBLIC AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

The author of article proves a thesis that GR plays an important role in formation of the favorable relations in the public-private partnership sphere today. The author provides the comparative analysis of the national GR model and foreign. Primary branches in which GR communication is widespread are specified, theses are supported with examples.

Keywords: GR-technologies, GR-management, Russian GR market

В настоящее время аналитиками доказана заметная роль механизмов государственно-частного партнерства в создании инфраструктуры цифровой экономики. Одной из ведущих технологий взаимодействия бизнеса и власти является GR-коммуникация. Несмотря на то что GR-среда в российских условиях находится на ранних стадиях формирования, она заслуживает пристального внимания ведущих теоретиков и активных практиков бизнеса.

Причин несколько: во-первых, в стране на сегодняшний момент отсутствует законодательное закрепление основ деятельности в сфере GR; во-вторых, GR-технологии подразделяются на различные каналы коммуникаций, однако подавляющее число их занимают межличностные контакты, оставляя на втором плане влияние общественных организаций и СМИ; в-третьих, в России зачастую понятие GR-менеджмент сводится к деятельности по лоббированию интересов в органах государственной и муниципальной власти, однако эти понятия, равно как и PR с рекламой, следует разграничивать в виду того, что лоббирование является лишь составной частью GR-сферы; в-четвертых, GR-технологии распространены преимущественно в крупных транснациональных корпорациях, когда как средний и малый бизнес не всегда могут обеспечить условия для развития GR-специалиста в их штате [1].

Кадровые службы крупных предприятий подбирают ответственного специалиста, имеющего опыт управленческой, общественной и административной деятельности, сумевшего сохранить и преумножить хозяйственные связи и рабочие отношения со структурами государственной

власти. Интересный факт: на должность GR-менеджера нанимались чаще всего политики либо юристы с опытом работы в правительстве или государственных ведомствах. Причиной тому служит набор знаний о внутреннем положении государственных органов, а также наличие у потенциального менеджера необходимых связей и контактов.

В России наибольшее количество вакансий профессии GR-менеджер открыто в Московской области. На втором месте – Ленинградская область, а на третьем – Свердловская область (рисунок 1).

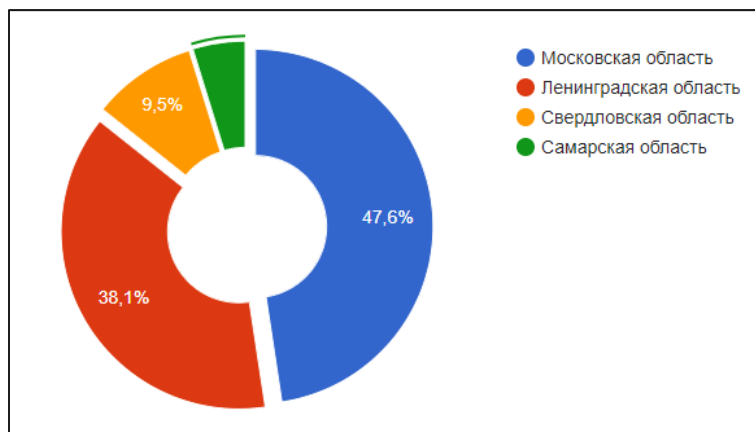

Рисунок 1. Распределение вакансии GR-менеджер по областям России

Уровень заработной платы GR-специалистов в компаниях оценивается как высокая. В крупных корпорациях, таких как «Газпром», «ВТБ 24», АФК «Система», «Роснефть», ВР и других, топ-менеджер по GR получает \$15-20 тысяч, не учитывая премии и бонусов [4]. В среднем по российскому рынку GR-специалист получает 60 тыс. рублей. Однако данный показатель существенно отличается от среднего показателя Москвы и Санкт-Петербурга, где средний уровень зарплат выше в два-три раза. Средний уровень заработной платы GR-менеджера в России за 2017 год представлен на рисунке 2.

На практике взаимодействие компаний и власти приносит обеим сторонам преимущества. GR-отделы компаний предоставляют органам власти или должностным лицам экспертные оценки, аналитику, помогают госслужащим в подготовке документов. В данном случае работники отдела: во-первых, устанавливают контакты, во-вторых, располагают информацией о подготовленных документах. Информация может также предоставляться к ходе парламентских или открытых слушаниях, на заседаниях специальных комиссий и комитетов. Следует заметить, что на сегодняшний момент в российской GR-практике ведущую роль в GR-коммуникациях занимают руководители компаний. Мы видим две основные причины этого – важность и высокий уровень ответственности, а также слабый уровень подготовки GR-менеджеров.

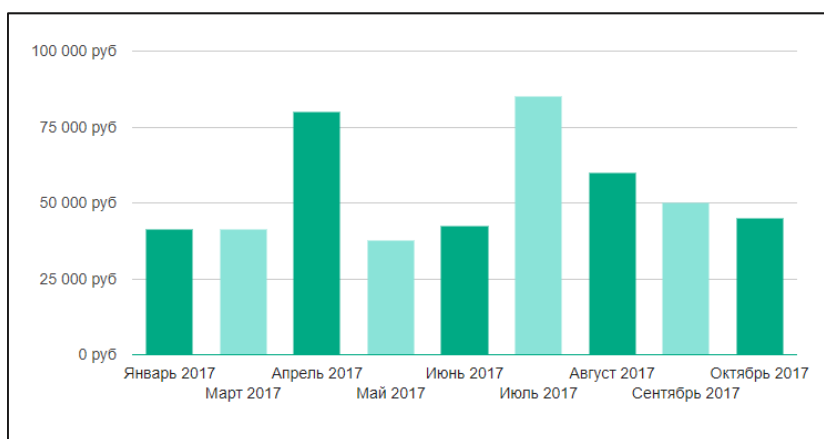

Рисунок 2. Средний уровень заработной платы GR-специалиста в России за 2017 г.

Наиболее характерные черты GR-специалистов можно выделить в ходе анализа гендерных различий специалистов, их уровня образования и специализации [2]. Так, более 80% GR-менеджеров – мужчины. Около 50% специалистов – в возрасте от 30 до 40 лет. Более 95% GR-специалистов имеют как минимум одно высшее образование (рисунок 3), причем более 20% получили образование в МГУ им. Ломоносова, СПбГУ и военных вузах. Основные профили обучения – взаимодействие с органами государственной и муниципальной властью, связи с общественностью, корпоративные вопросы и коммуникации (рисунок 4).

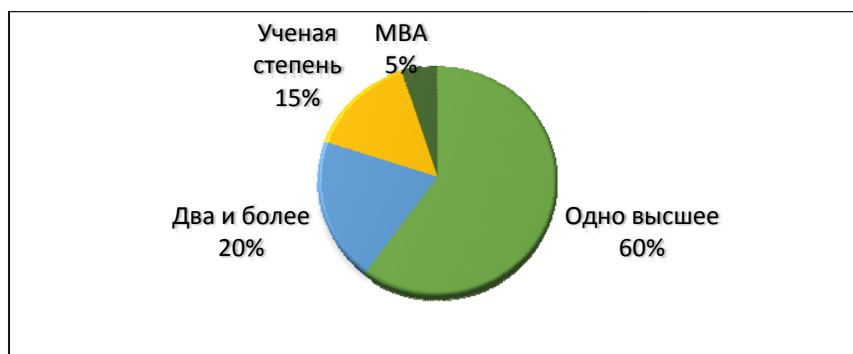

Рисунок 3. Статистика уровня образования GR-специалистов в России

Так или иначе, для специалиста важно не столько наличие образование, сколько наличие опыта и связей. Более 65% специалистов знают английский язык на уровне разговорного. Стоит отметить, что более половины специалистов прошли различные специализированные курсы или имеют квалификационные сертификаты, в том числе и зарубежного образца.

Рисунок 4. Специализация GR-специалистов в России

Таким образом, российская бизнес-среда на сегодняшний день сформировала положительное отношение к GR-технологиям как к инструменту, способному повлиять на управленческие решения в сфере государственного и муниципального управления. Изменение того или иного федерального закона может существенно поменять «правила игры» в какой-либо сфере, а возможность повлиять на эти правила или знать их заранее и суметь к ним подготовиться будет стоить многим высокую цену.

Литература:

1. Молодцев, Д. В. GR-менеджмент в России: основные тенденции и проблемы развития // Концепт. – 2014. – Спецвыпуск № 28.
2. Никитин А.С., GR для малого и среднего бизнеса. Версия 2.0 [Текст]/А.С. Никитин, А.Б. Шатилов, С.Н.
3. Муляр, Д.С. Вечернин // Издательство «Проспект», 2016. – 168 с.
4. Шатилов А. Б. GR для эффективного бизнеса: учеб. пособие. – М.: Форум, 2011. – 144 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аббасов Павел Рамазанович – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Теория, методика и организация социально-культурной деятельности. E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Аскарова Виолетта Яковлевна – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: viovita@yandex.ru

Атауллаева Дилфуза Азизовна – старший преподаватель Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: dilallia@mail.ru

Ашуров Шахобиддин Саидович – кандидат филологических наук, доцент, Самаркандский государственный институт иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: shahobashurov576@gmail.com

Баштанар Ирина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: irinatkb@mail.ru

Бегматова Дилафруз Бекматовна – преподаватель кафедры педагогики и психологии Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru

Блинова София Анатольевна – методист Центра противопожарной пропаганды и общественных связей МЧС России по Челябинской области, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Теория и история культуры. E-mail: murre@mail.ru

Буцык Сергей Владимирович – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: bsv@chgaki.ru

Бриске Ирина Эвальдовна – профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: briske@chgaki.ru

Вихрева Галина Михайловна – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и методической работы Федерального государственного бюджетного учреждения науки Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии, г. Новосибирск. E-mail: vihreva@spsl.nsc.ru

Вишнякова Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: Vishnyaki74@mail.ru

Власова Ирина Александровна – доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: kaf-fiz@chgaki.ru

Герне Лидия Александровна – студентка Гуманитарного университета по направлению подготовки Хореографическое искусство, г. Екатеринбург. E-mail: l.gerne2010@yandex.ru

Горбунова Юлия Валерьевна – магистрант Московского государственного института культуры по направлению подготовки Социально-культурные технологии в индустрии досуга, г. Москва. E-mail: prikolninka@mail.ru

Гребенюк Мартин Валентинович – студент кафедры библиотечно-информационной деятельности Государственного института искусств и культуры Узбекистана, г. Ташкент. E-mail: maksimjon@ya.ru

Гушул Юлия Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: disser2007@yandex.ru

Данилов Кирилл Сергеевич – магистрант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению подготовки Педагогическое образование, Педагогика хореографии, г. Челябинск. E-mail: predetta@mail.ru

Дубских Татьяна Маскимовна – кандидат педагогических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: hf@chgaki.ru

Дылькова Светлана Викторовна – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Культурология, Теория и история культуры, г. Магнитогорск. E-mail: dylkova@gmail.com

Зубанова Людмила Борисовна – доктор культурологии, кандидат социологических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: milazubanova@gmail.com

Ибрагимов Камиль Тимергазиевич – начальник отдела методического обеспечения инновационного развития филиала АО «НЦПК "Өрлеу" ИПК ПР по Костанайской области», г. Костанай, Республика Казахстан, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Образование и педагогические науки. E-mail: kamil.11021968@gmail.com

Ивлева Любовь Дмитриевна – профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: hf@chgaki.ru

Калужских Елена Васильевна – кандидат педагогических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: karinka1705@yandex.ru

Каршибаева Улжан Давировна – доктор педагогических наук, профессор, Самаркандский государственный институт иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: k.uljan70@mail.ru

Катричева Татьяна Юрьевна – старший преподаватель кафедры музыкального образования, специалист управления науки и инновации Челябинского государственного института культуры. E-mail: science3@chgaki.ru

Каченя Галина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: galina-kachenya1.1@mail.ru

Кирьянова Кристина – магистр библиотечно-информационной деятельности, сотрудник отдела книгохранения Челябинской областной универсальной научной библиотеки. E-mail: viovita@yandex.ru

Конышева Я. С. – аспирантка Челябинского государственного института культуры. E-mail: irinatkb@mail.ru

Коробцова Анастасия Юрьевна – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Философия, этика, религиоведение, Приднестровье. E-mail: anastasia.31@mail.ru

Кособуцкая Наталья Юрьевна – кандидат культурологии, доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: nkosobutskaja@mail.ru

Котельникова Маргарита Константиновна – студентка Пермского государственного национального исследовательского университета по направлению подготовки Организация работы с молодёжью. E-mail: kotelnikovamargarita@mail.ru

Коченда Марина Владимировна – доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: vvrpf@mail.ru

Кравчук Василий Иванович – кандидат педагогических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: kaf-fiz@chgaki.ru

Кривоспицкая Янина Вадимовна – кандидат культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: mnpb@mail.ru

Криницина Екатерина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского государственного института культуры. E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Крысанков Тимофей Георгиевич – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Философия, этика, религиоведение. E-mail: tkrysankov@yandex.ru

Крюков Сергей Николаевич – магистр психолого-педагогического образования, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Культурология, Теория и история культуры. E-mail: psychologist_sergey@mail.ru

Кузнецова Елизавета Витальевна – магистрант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Народная художественная культура. E-mail: miss.lizaveta@inbox.ru

Кушакова Екатерина Сергеевна – студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Народная художественная культура, профиль Руководство этнокультурным центром. E-mail: Vishnyaki74@mail.ru

Лаврова Клёна Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: kloyna@yandex.ru

Левченко Мария – аспирант Челябинского государственного института культуры. E-mail: maria_arhipova_8@mail.ru

Леготина Анна Васильевна – старший преподаватель Челябинского государственного института культуры. E-mail: anna_vasilyi@mail.ru

Лешуков Алексей Григорьевич – кандидат культурологии, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: leshukov.chgaki@yandex.ru

Лихватских Татьяна Сергеевна – студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Менеджмент социально-культурной деятельности. E-mail: Tank01021999@gmail.com

Лю Ян – аспирант кафедры культурологии и социокультурной деятельности Уральского Федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина по направлению подготовки Теория и история культуры, г. Екатеринбург. E-mail: liuyangspring@mail.ru

Манжуева Оксана Михайловна – доктор философских наук, доцент, Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ. E-mail: osydenova@yandex.ru

Матыцин Кирилл Сергеевич – магистрант Алтайского государственного университета по направлению подготовки Религиоведение, г. Барнаул. E-mail: cyril.matytsin@gmail.com

Махмудова Муясар Махмудовна – доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru

Метлёва Юлия Михайловна – магистрант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Народная художественная культура. E-mail: j.metleva@rambler.ru

Михайлова Анна Владимировна – магистрант Пермского государственного национального исследовательского университета по направлению подготовки Организация работы с молодежью, г. Пермь. E-mail: anutka.mihailova@yandex.ru

Мишунин Игорь – Тренинговый центр и Клиника психологического здоровья «SOD», / «Social Disorder Organization», Center for Counseling and Psychological Health, Израиль. E-mail: clinicsod@gmail.com

Моисеенко Татьяна Николаевна – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Философия, этика и религиоведение. Философская антропология, философия культуры. E-mail: tanechka_70@mail.ru

Мордасов Александр Алексеевич – профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: mordasov51@rambler.ru

Морозова Ирина Николаевна – кандидат культурологии, доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: mo-rel@mail.ru

Панова Стелла Викторовна – доцент кафедры режиссуры кино и телевидения, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Философия, этика и религиоведение. Г. Озёрск. E-mail: stella.panova@yandex.ru

Панфёров Виктор Иванович – профессор, декан хореографического факультета Челябинского государственного института культуры, заслуженный артист Российской Федерации. E-mail: briske@chgaki.ru

Пашкова Любовь Владимировна – специалист Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека по Челябинской области, г. Челябинск. E-mail: plv_888@mail.ru

Перерва Оксана Юрьевна – доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: science3@chgaki.ru

Подкорытова Юлия Васильевна – студентка Восточно-Сибирского государственного института культуры по направлению подготовки Социально-культурная деятельность, г. Улан-Удэ. E-mail: yu88884@yandex.ru

Попков Данил Михайлович – магистрант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы. E-mail: zetsuyami@mail.ru

Предина Татьяна Борисовна – кандидат искусствоведения, доцент, профессор Челябинского государственного института культуры. E-mail: predetta@mail.ru

Подкорытова Юлия Васильевна – студентка Восточно-Сибирского государственного института культуры по направлению подготовки Социально-культурная деятельность, г. Улан-Удэ. E-mail: yu88884@yandex.ru

Пулатова Нигина Аминовна – преподаватель французского языка и литературы Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: suvonova72 @ u mail . uz

Пяхина Елена Евгеньевна – магистрант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы. E-mail: Snypik02@mail.ru

Рявкин Иван Евгеньевич – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Культурология, теория и история культуры. E-mail: electrovenik90@gmail.com

Савочкин Максим Петрович – магистр библиотечно-информационных наук, старший преподаватель кафедры Информатики и естественных наук Государственного института искусств и культуры Узбекистана, г. Ташкент. E-mail: maksimjon@ya.ru

Сафонова Наталья Александровна – кандидат культурологии, доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: natulya_natalka@mail.ru

Сачкова Наталья Александровна – преподаватель режиссуры и исполнительского мастерства Оренбургского областного колледжа культуры и искусств, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Теория и история культуры, г. Оренбург. E-mail: sachkova-natalya@mail.ru

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: L22502@yandex.ru

Сидорович Валерий Брониславович – аспирант Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению подготовки Теория и методика профессионального образования, г. Челябинск. E-mail: kaf-ped@chgaki.ru

Склярова Варвара Сергеевна – аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Культурология. История и теория культуры. E-mail: varenka_sklyarova@mail.ru

Скоробренко Иван Александрович – студент Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению подготовки Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки). Профили: Иностранный (немецкий) язык. Иностранный (английский) язык, г. Челябинск. E-mail: kaktus0096@mail.ru

Смагина Анна Андреевна – магистрант Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского по направлению подготовки Новейшая филология: практика работы с текстами, г. Омск. E-mail: smaginaanya@mail.ru

Сувонова Нигорабону Низамиддиновна – кандидат филологических наук, доцент Самаркандского государственного института иностранных языков, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: suvonova72@mail.uz

Сукиасян Гагик Арамович – доктор педагогических наук, профессор, Армянский государственный педагогический университет им. Х. Абовяна, г. Ереван, Армения. E-mail: gagiksukiasian@mail.ru

Сулейманова Наргиза Мардоновна – старший преподаватель кафедры лексикологии и стилистики английского языка Самаркандского государственного института иностранных языков, Узбекистан. E-mail: nargizasulimanova@gmail.com

Тараторин Евгений Викторович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности, начальник творческо-исполнительского центра Орловского государственного института культуры. E-mail: etaratorin@mail.ru

Тарасова Юлия Борисовна – кандидат культурологии, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: j.metleva@rambler.ru

Терехов Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Тищенко Валерий Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры профессиональной подготовки и управления в правоохранительной деятельности Юридического института Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Ткаченко Станислав Олегович – директор Челябинского государственного музея изобразительных искусств, аспирант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Теория и история культуры. E-mail: st-mus@mail.ru

Толстиков Виталий Семенович – доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: kaf-ist@chgaki.ru

Утегенова Бибигуль Мазановна – кандидат педагогических наук, доцент, Костанайский государственный педагогический университет, Республика Казахстан. E-mail: bibi1960@mail.ru

Фокина Наталья Николаевна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: fokina_uvr@mail.ru

Халитова Карина – студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Театральное искусство. E-mail: karinka1705@yandex.ru

Холин Евгений Игоревич – студент Финансового университета при Правительстве РФ, Челябинский филиал. E-mail: evgeniy.holin97@mail.ru

Худякова Ольга Дмитриевна – студентка Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета по направлению подготовки Педагогическое образование, профиль Русский язык и Литература, г. Челябинск. E-mail: olgahudakova09@gmail.com

Чеботарев Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, доцент, Челябинский государственный институт культуры. E-mail: one_chebotarew@list.ru

Шаронова Екатерина Владимировна – независимый исследователь, г. Воронеж. E-mail: cruachu@yandex.ru

Шаршина Юлия Николаевна – студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Менеджмент социально-культурной деятельности. E-mail: Sharshina.julya@yandex.ru

Шуб Мария Львовна – кандидат культурологии, доцент Челябинского государственного института культуры. E-mail: shubka_83@mail.ru

Шутова Дарья Сергеевна – студентка Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Режиссура театра. E-mail: darya.jamaica@gmail.com

Юрнаева Алина Сергеевна – магистрант Челябинского государственного института культуры по направлению подготовки Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы (магистратура). E-mail: alina199618670@mail.ru

Юсупова Мухаббат – соискатель Самаркандского государственного института иностранных языков по направлению подготовки Когнитивная лингвистика, г. Самарканд, Республика Узбекистан. E-mail: bozorsafaraliev@mail.ru

УКАЗАТЕЛЬ НАУЧНЫХ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ШКОЛ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СБОРНИКЕ

Исследовательская школа «Ракурсы современности в танцевальной культуре» хореографического факультета Челябинского государственного института культуры	284, 288, 291, 295
Культурологическая научная школа Владимира Самойловича Цукермана, доктора философских наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	15, 18, 31, 34, 49, 56, 59, 66, 128, 140, 154, 175, 300
Культурологическая научная школа «Социально-культурная среда Восточной Сибири: современное состояние и перспективы развития» Светланы Петровны Татаровой, доктора социологических наук, доцента, Восточно-Сибирский государственный институт культуры	37, 222
Ленинградская школа режиссуры массовых праздников Дмитрия Михайловича Генкина	111
Методическая научная школа Риды Федоровича Брандесова, кандидата педагогических наук, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет	263
Научная школа Абдували Шукуровича Мухаммадиева, кандидата физико-математических наук, доцента, Ташкентский университет информационных технологий	244
Научная школа Виктора Владимировича Ванслова, доктора искусствоведения, профессора, Научно-исследовательский институт теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств	280
Научная школа Виктора Никитевича Худякова, доктора педагогических наук, профессора	45, 122
Научная школа Виталия Семёновича Толстикова, доктора исторических наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	78
Научная школа Владимира Яковлевича Рушанина, доктора исторических наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	186
Научная школа Дмитрия Николаевича Корнеева, кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики и психологии Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета	238
Научная школа Елены Васильевны Калужских, кандидата педагогических наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	167
Научная школа Инамовой Малики Инамовны, доктора педагогических наук, профессора Самаркандского государственного института иностранных языков	224
Научная школа Исаака Григорьевича Моргенштерна, доктора педагогических наук, профессора	102

Научная школа Михаила Евгеньевича Дуранова, доктора педагогических наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	216, 219
Научная школа Мухаммаджона Нуркосимовича Холбекова, доктора филологических наук, профессора Самаркандского государственного института иностранных языков	256
Научная школа Олега Павловича Коршунова, доктора педагогических наук, профессора	272
Научная школа Риммы Алексеевны Литвак, доктора педагогических наук, профессора Челябинского государственного института культуры	143, 186, 193, 227, 241
Научная школа Салохиддина Исмаиловича Исмаилова, кандидата филологических наук, доцента Самаркандского государственного института иностранных языков	74
Научная школа Светланы Николаевны Иконниковой, доктора философских наук, профессора, Санкт-Петербургский государственный институт культуры	86
Научная школа Урала Усманова, кандидата филологических наук, доцента Самаркандского государственного института иностранных языков	200
Научная школа Владимира Серафимовича Кобзова, доктора исторических наук, профессора, действительного члена Академии военно-исторических наук	98
Научная школа в области жанра – Владимира Яковлевича Проппа, доктора филологических наук, профессора, системы жанров – Ирины Константиновны Феоктистовой, кандидата филологических наук, доцента, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского	260
Научно-педагогическая школа Николая Александровича Паршикова «Системный подход к организации социально-культурной деятельности», доктора педагогических наук, профессора, Орловский государственный институт культуры	69
Научно-педагогическая школа «Философия человека в контексте культуры» кафедры философских наук Челябинского государственного института культуры	21, 27, 42, 62, 125
Педагогическая научная школа Анатолия Дмитриевича Жаркова, доктора педагогических наук, профессора, Московский государственный институт культуры	179
Педагогическая научная школа методики обучения иностранному языку и межкультурной коммуникации Елены Борисовны Быстрой, доктора педагогических наук, профессора, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск	205
Структурно-типологическая школа Наума Лазаревича Лейдермана, доктора филологических наук, профессора, Уральский государственный педагогический университет	268
Читателеведческая школа Виолетты Яковлевны Аскаровой, доктора филологических наук, кандидата педагогических наук, профессора, Челябинский государственный институт культуры	248

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ. МОЛОДЕЖЬ В НАУКЕ И КУЛЬТУРЕ XXI ВЕКА

Новый формат –
Новые идеи

Настоящий – уже семнадцатый научно-творческий форум «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» посвящен 25-летию аспирантуры Челябинского государственного института культуры.

Аспирантура в институте была открыта в 1993 г. За это время здесь было подготовлено 215 кандидатов наук по культурологии, педагогике, философии, истории, библиотечному делу. 114 диссертаций защищены преподавателями и сотрудниками института. В числе защитивших диссертации: министр культуры Челябинской области, 4 заместителя министра, 5 проректоров, 8 деканов, 17 заведующих кафедрами, 25 руководителей структурных подразделений в области образования, культуры и науки Челябинской области. В 2016 г. на базе отдела аспирантуры была открыта докторантура по профилю деятельности диссертационного совета ЧГИК, первые докторанты приступили к подготовке диссертаций по культурологическому и философскому направлениям.

Публикация статьи в сборнике форума, выступление перед заинтересованным слушателем – один из важных элементов апробации научных идей, выверенный шаг к защите магистерской работы или кандидатской диссертации.

Официальная поддержка:

Министерство культуры
Челябинской области

Министерство образования
и науки Челябинской области

Организатор:

Челябинский государственный
институт культуры

На обложке изображен
фрагмент росписи фойе 3 корпуса, ЧГИК,
2018 г., темпера

Коллектив факультета ДПТ кафедры ДПИ,
под руководством профессора К. В. Фокина,
члена Союза художников РФ

ISBN 978-5-94839-678-1

